

Е.Т. ГАЙДАР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ
ТОМАХ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПОДГОТОВЛЕНО К ИЗДАНИЮ
ИНСТИТУТОМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
имени Е.Т. ГАЙДАРА

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
ГОСПОДИНА СЕППО РЕМЕСА

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ ТОМА

Л.И. Лопатников, Н.Г. Главацкая

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*А.Г. Аганбегян, П.Е. Гайдар, Е.Ю. Гениева,
Г.О. Греф, С.М. Гуриев, М. Домбровски,
А.В. Колесников, А.Л. Кудрин, Я.И. Кузьминов,
Л.И. Лопатников, В.А. Мау, А.Д. Радыгин,
К.Ю. Rogov, Н.К. Сванидзе, С.Г. Синельников-Мурылев,
В.Г. Стародубровский, А.В. Улюкаев,
Я.М. Уринсон, А.Б. Чубайс, Р.М. Энтов,
В.А. Ярошенко, Е.Г. Ясин*

Е.Т. ГАЙДАР

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

Том 14



|Издательский дом ДЕЛО|

МОСКВА 2016

УДК 338(47)
ББК 65
Г 14

Гайдар, Е. Т.

Г 14 Собрание сочинений: в 15 т. Т. 14 / Е. Т. Гайдар. — М.:
Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. — 768 с.

ISBN 978-5-7749-0690-1 (общ.)

ISBN 978-5-7749-1183-7 (Т. 14)

В четырнадцатый том собрания сочинений вошли избранные выступления Е. Т. Гайдара на научных конференциях, семинарах, презентациях его книг, в том числе наиболее известных широкой публике — «Долгое время» и «Гибель империи. Уроки для современной России». Эти материалы позволяют проследить эволюцию теоретических взглядов автора в неразрывной связи с его практической деятельностью, а также расширение его научных интересов и стремление к популяризации экономических знаний.

Представляет интерес для широкого круга читателей — экономистов, студентов и всех тех, кто интересуется экономикой и экономической историей новой России.

УДК 338(47)
ББК 65

ISBN 978-5-7749-0690-1 (общ.)
ISBN 978-5-7749-1183-7 (Т. 14)

© Стругацкая М. А., 2016
© Институт экономической политики
имени Е. Т. Гайдара, 2016
© Издательский дом «Дело» РАНХиГС,
оформление, 2016

Содержание

Экономическая политика: гипотезы и реальность. Доклад на семинаре либерального политика Алена Мадлена в Париже. 29 января 1991 г.	9
Мы, кажется, всерьез сорвались в инфляцию... Выступление на заседании Реформ-клуба «Взаимодействие». 3 февраля 1993 г.	19
Задача России — строительство новой государственности. Доклад, подготовленный для международной конференции в Стэнфордском университете (США). Март 1993 г.	25
Взаимодействие экономических и институциональных факторов в процессе перестройки российской экономики. Выступление на конференции в Международном институте прикладного системного анализа. Вена, Австрия, 9–10 июля 1993 г.	33
Рыночные силы и структурные изменения в экономике России. Доклад на международной конференции по проблемам переходной экономики. Киев, май 1994 г.	40
[О коррупции и госрегулировании]. Из выступления на международной научной конференции «Российские реформы: установившиеся интересы и практические альтернативы». 13–15 апреля 1995 г.	57
Некоторые вопросы конверсии оборонной промышленности в России. Выступление на заседании Реформ-клуба «Взаимодействие» 25 апреля 1995 г.	60
Теоретические аспекты рыночной трансформации экономики. Выступление на международной конференции ИЭППП «Посткоммунистическая трансформация, опыт пяти лет». 2 декабря 1995 г.	63
Экономика посткоммунистических стран. Опыт сравнительного анализа. Выступление на научной конференции ИЭППП «Экономика посткоммунистических стран. Опыт сравнительного анализа». 25 января 1997 г.	70
Он шел против течения. Доклад на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения немецкого государственного деятеля Л. Эрхарда. Санкт-Петербург, 25 мая 1997 г.	80
Финансово-экономические проблемы военного строительства и пути их решения. Научно-практическая конференция «Финансово-экономические проблемы военного строительства и пути их решения». 24 декабря 1997 г.	88

СОДЕРЖАНИЕ

Формирование среднего класса в посткоммунистической России. <i>Международная конференция «Формирование среднего класса в посткоммунистической России». Март 1998 г.</i>	93
Эмпирический опыт — ключ к анализу экономических реформ. <i>Выступление на заседании Отделения экономики РАН. 11 ноября 1998 г.</i>	99
Стратегические проблемы следующего этапа экономических реформ в России. <i>Доклад на международной конференции «Новые рубежи. Стратегические проблемы следующего этапа экономических реформ в России». 30 июня 1999 г.</i>	110
Ответы на вопросы студентов. <i>Встреча со студентами экономического факультета МГУ. 14 апреля 2000 г.</i>	122
Борьба за свободную экономику и свободное общество в России. <i>Выступление на Бизнес круглом столе. Окленд, Новая Зеландия. 25 октября 2000 г.</i>	132
Экономическая и политическая ситуация в России. <i>Выступление в Фонде Карнеги за международный мир. Вашингтон, 29 января 2001 г.</i>	164
О проблеме предотвращения валютно-финансовых кризисов. <i>Выступление на международной научной конференции в Великом Новгороде. 22 июня 2001 г.</i>	191
Проблемы переходного периода. <i>Выступление на Второй конференции Агентства международного развития США «Партнеры в переходный период». София, Болгария, 11 сентября 2001 г.</i>	198
О постсоциалистической рецессии и ее влиянии на процессы формирования и реализации экономической политики. <i>Лекция для студентов и преподавателей в Высшей школе экономики. 15 декабря 2001 г.</i>	214
России необходимо надежно закрепиться в «клубе конвергенции». <i>Выступление на международной конференции «Экономический рост: после коммунизма». 20–21 марта 2002 г.</i>	230
Субъективные и объективные факторы в постсоциалистических реформах. <i>Лекция в университете Майами, Оксфорд (США). 17 апреля 2002 г.</i>	234
Экономический рост в современной России. <i>Лекция на семинаре Клуба региональной журналистики «Из первых уст». 12 ноября 2002 г.</i>	268
Эффект от реформ наступит к 2005 году. <i>Лекция на семинаре Клуба региональной журналистики «Из первых уст». 18 ноября 2002 г.</i>	296

СОДЕРЖАНИЕ

Современный экономический рост и стратегические перспективы социально-экономического развития России. Доклад на заседании Ученого совета Института экономики переходного периода. 26 февраля 2003 г.	303
Экономико-политическая ситуация в России между парламентскими и президентскими выборами. Выступление в Фонде Карнеги за международный мир. Вашингтон, 27 января 2004 г.	347
Российская экономика после «ЮКОСа». Выступление в Американском институте предпринимательства. Вашингтон, 30 января 2004 г.	371
[Итоги и перспективы развития России]. Пресс-конференция в редакции газеты «Аргументы и факты». 7 апреля 2004 г.	390
Экономическая ситуация в России на современном этапе. Лекция на семинаре Клуба региональной журналистики «Из первых уст». 24 ноября 2004 г.	406
Стратегические проблемы развития России. Выступление на круглом столе в Свердловской школе публичной политики. 7 декабря 2004 г.	428
Долгое время. Выступление на презентации книги «Долгое время». 18 января 2005 г.	474
Модернизация экономики и выращивание институтов. Выступление на VI Международной научной конференции. 5 апреля 2005 г.	481
Восстановительный рост как этап постсоциалистического перехода. Выступление на международной конференции «Европа после расширения». Варшава, Польша, 8–9 апреля 2005 г.	485
Важность исторического контента для разумного принятия политических решений. Выступление на семинаре Клуба региональной журналистики «Из первых уст». 28 июня 2005 г.	503
Региональное взаимодействие в рамках глобализации. Выступление на конференции «Региональное взаимодействие в рамках глобализации». Турция, 15 декабря 2005 г.	535
Современная Россия: опасность постимперского синдрома. Выступление на международной конференции «Переходные экономики в постиндустриальном мире: вызовы десятилетия». 20 марта 2006 г.	543
Открытый разговор. Выступление на семинаре Клуба региональной журналистики «Из первых уст». 24 мая 2006 г.	562

СОДЕРЖАНИЕ

Кризис и крах советской экономической и политической системы. <i>Выступление на презентации книги «Гибель империи» в Высшей школе экономики. 14 июня 2006 г.</i>	604
Гибель империи: зерно и нефть. <i>Выступление на презентации книги «Гибель империи» в Американском институте предпринимательства, АЕI. Вашингтон, 13 ноября 2006 г.</i>	629
Взаимодействие политической и экономической трансформации. <i>Выступление на ежегодной конференции Всемирного банка реконструкции и развития по развивающимся экономикам. Пекин, 16–17 января 2007 г.</i>	641
Российские финансы: что за горизонтом? <i>Выступление на семинаре Клуба региональной журналистики «Из первых уст». 21 февраля 2007 г.</i>	648
Состояние мировой экономической конъюнктуры и перспективы экономической политики в России. <i>Выступление на семинаре Е.Г. Ясина в Высшей школе экономики. 30 января 2008 г.</i>	670
Риски устойчивости экономического роста в России. <i>Выступление на семинаре «Россия». Авест, Швеция, 12–14 июня 2008 г.</i>	698
Презентация книги Е. Т. Гайдара и А. Б. Чубайса «Экономические записки». <i>Москва, Экспоцентр, 9 сентября 2008 г.</i>	706
Мировой финансовый кризис: последствия для России. <i>Выступление на пресс-конференции РИА Новости. 16 октября 2008 г.</i>	714
Современное состояние экономики России и стран СНГ и дальнейшие перспективы развития. <i>Выступление на 14-й ежегодной конференции Института Адама Смита «Металлургический саммит СНГ». 9–11 февраля 2009 г.</i>	719
Ключевой вопрос — это вопрос о том, будет глобальный экономический кризис длинным или коротким. <i>Выступление на семинаре Клуба региональной журналистики «Из первых уст». 29 июня 2009 г.</i>	729
Смуты и институты. <i>Лекция в клубе — литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру». 19 ноября 2009 г.</i>	744

Экономическая политика: гипотезы и реальность¹

*Доклад на семинаре либерального политика
Алена Мадлена в Париже*

29 января 1991 г.

Опубликовано в: Континент. 1991. № 5.

В работах, посвященных советской экономике и написанных в последние пять лет, просматривается одна общая парадигма: рынок — хорошо, административно-командная система — плохо. Мысль, не вызывающая, по сути дела, сомнения, но уж очень банальная.

В начале перестройки перед экономистами стояла задача: как бы эту мысль вообще донести сквозь цензуру до широкой публики. Со временем появилась возможность открыто обратиться к этой проблеме и заняться ею. Стали прорабатываться вопросы, связанные с использованием рыночных механизмов и адаптацией этих механизмов к советской экономике, внедрением в нее рыночно ориентированных моделей и т. д.

Задача не бесполезная, но все-таки не научная, а, скорее всего, производственно-конструкторская: как приспособить накопленный в мире потенциал современной экономической мысли к сложившимся в СССР реалиям.

Смысл, таким образом, состоит в том, что нам предстоит переход из тупикового направления экономического развития, в который мы зашли в результате исторических обстоятельств, на нормальную траекторию экономического развития. Задача в том, чтобы со-

¹ Мы предлагаем вам, читатели, гипотетический анализ экономических процессов, с которым выступил в достаточно узкой парижской аудитории Егор Гайдар, тридцатичетырехлетний директор только что созданного в Москве Института экономической политики.

вершить этот переход с минимальными издержками и в возможно короткие сроки.

Как правило, берут нормальную структуру экономики, например современную экономику США, и говорят, что мы придем к такой, скажем, в 2005 г.

Как гражданин я был бы рад, если бы наше развитие пошло именно так. В этом случае можно было бы поступиться своими научными амбициями. Но, к сожалению, ряд факторов заставляет предположить, что на деле все пойдет существенно иначе.

То есть та экономическая реальность, которая сформируется на месте экономики административно-командного типа, будет устойчивой, будет охватывать довольно длительный исторический период, она будет весьма специфичной и будет существенно отличаться как от того, что ей предшествовало, так и от нормальных рыночных экономик Запада.

В чем будут состоять отличия?

Во-первых, было бы странным, если бы многодесятилетний опыт жизни без рынка, при отсутствии частной собственности не сказался на том строе, который сложится после того, как существующая целостная иерархия разрушится. Родимые пятна административной системы, конечно, будут проявляться в экономике, которая придет ей на смену.

Это будет экономика, становлению которой предшествуют радикальные перераспределения собственности и власти и где новая структура этого перераспределения не имеет исторической легитимации.

Во-вторых, это будет экономика, в которой произойдет радикальное перераспределение текущих доходов. Намного изменятся сложившиеся и привычные традиции распределения доходов различных социальных групп. И, кроме того, это будет экономика с относительно крупным государственным сектором. Ибо, как бы мы ни форсировали процесс приватизации, очевидно, что наш госсектор в полной мере приватизировать не удастся.

Это значит, что мы будем иметь экономику, которой имманентно присущ сильный конфликт вокруг распределения собственности, власти и доходов; экономику, где сложившиеся пропорции распределения не являются общепринятыми и взаимоприемлемыми для разных социальных слоев; экономику, чреватую социаль-

ными конфликтами, что всегда и везде приводит к периодическим всплескам высокой инфляции. Доминирующий государственный сектор всегда будет ограничивать возможности антиинфляционной политики в силу слабой реакции госпредприятий на финансовые ограничения, на изменения ставки процента и т.д.

Но если речь идет об экономике с периодически повторяющимися всплесками высокой инфляции, то ей должны быть присущи определенные специфические черты, отличающие ее от нормальной западной экономики. Прежде всего, при очень нестабильных темпах роста цен, с быстрыми скачками всех номинальных параметров, предельно непредсказуемы результаты долгосрочных и крупномасштабных инвестиций в основные фонды. Это значит, что активность частного сектора переключается на сферы с относительно коротким оборотом капитала, не требующим вовлечения в проекты, отдача от которых в условиях быстрых и непредсказуемых изменений цен, валютного курса и реальной ставки процента, является, по сути, карточной игрой.

Кроме того, в условиях периодических всплесков высокой инфляции задача сохранения сбережений является сложной и нетривиальной. Отдача от различного вида ценных бумаг очень трудно прогнозируема, отсюда естественны ограничения на формирование рынка ценных бумаг. Снижаются также нормы добровольных сбережений населения.

Поэтому возникает потребность в инвестиционной активности государства. Оно вынуждено, независимо от идеологических ориентиров, брать на себя частично те функции, которые не может выполнять частный сектор.

Возникает экономика с очень быстрыми и непредсказуемыми номинальными параметрами, но с весьма слабым влиянием этих параметров на реальную жизнь.

Так как реальная экономика не может прыгать так быстро, как номинальные параметры, то появляется необходимость в амортизаторах: тарифная защита отраслей, оказавшихся в неблагоприятных условиях, налоговые и кредитные льготы, относительно низкая ответственность за неплатежеспособность и т.д.

Таким образом, может возникнуть сравнительно устойчивая реальность, в рамках которой сохраняется относительно ригидная экономическая структура, унаследованная от административно-

командной системы, но с резкой дифференциацией доходов. И на смену несбалансированному дефицитному рынку приходит сбалансированный потребительский рынок с быстро растущими ценами. В этом случае мы просто размениваем дефицит на рост дифференцированных доходов.

Если предположить, что на смену застойной экономике приходит экономика нестабильная, то тогда тот процесс, который мы переживаем сегодня, — это не просто исторически короткий промежуток между казарменным социализмом и устойчивым капитализмом, а это первая вспышка высокой инфляции в рамках этой нестабильной экономики.

Отсюда могут возникать представления, что нас ждет впереди.

Теперь о текущем инфляционном кризисе. Его начальный период — 1985–1987 гг. Целый набор факторов позволил в начале пятилетки вывести систему из стационарного состояния и запустить механизмы инвестиционного цикла. Это антиалкогольная кампания, которая сильно дестабилизировала потребительский рынок; еще один фактор — падение цен на нефть. Эти два фактора наложились на инвестиционный бум, на скачок капвложений с 3,6% в 1985 г. до 8,4 в 1986-м. Далее события развиваются по довольно стандартной схеме: за капвложениями ускоряются темпы экономического роста; растет незавершенное строительство; нарастают трудности с бюджетом; ускоряются темпы роста денежной массы; усугубляются трудности внешнеэкономические; возрастает задолженность; происходит развал потребительского рынка. Все это в 1988 г. потребовало резкого поворота в экономической политике. Попытки внести изменения в хозяйственный механизм называли «экономической реформой».

В период пика диспропорций, порожденных инвестиционным бумом, в начале пятилетки принимается Закон о кооперации в СССР, переводятся предприятия на полный хозрасчет в широких масштабах, резко либерализуется механизм контроля за уровнем зарплаты.

Естественными следствиями этих действий являются, во-первых, резкое падение отчислений в бюджет от прибыли предприятий; во-вторых, резкий рост дифференциации доходов; в-третьих, не менее резкое возрастание остатка средств, оставляемых в распоряжении предприятий.

Таким образом, рождается мощный инфляционный потенциал, направленный на восстановление нарушенных пропорций в оплате. Это, в свою очередь, накладывается на эксперименты с рабочим самоуправлением, на ослабление контроля государства за распределением занятости и на накачивание в фонды предприятий крупных финансовых ресурсов. Естественно, выходит из-под контроля номинальная зарплата, и темпы ее роста резко ускоряются.

Сочетание инвестиционного цикла с экономической реформой не является беспрецедентным. Здесь происходят вполне предсказуемые процессы. Когда в результате расстройтва рынка и дефицита платежного баланса приходится резко сокращать централизованные капитальные вложения, то в новых условиях управлять таким сокращением очень сложно. Правительство хочет их сократить, а предприятия делают прямо противоположное. Естественная реакция правительства — попытка ограничить темпы роста денежных доходов населения, чтобы как-то поправить положение на потребительском рынке, а предприятия, накопившие крупные финансовые ресурсы, постоянно повышают зарплату. Реакция правительства в условиях устойчивой административно-командной системы тоже естественна — это замораживание финансовых фондов предприятий; разрыв введенной связи между динамикой прибыли и средствами, оставляемыми в распоряжении предприятий; введение более жесткого контроля за расходованием средств на оплату труда и т.д. Словом, происходит демонтаж того незначительного, что хоть в какой-то мере стимулировало труд.

Так развивались события в Чехословакии при реформе 1958–1963 гг. и в Польше в 1975 г. Нас отличает то, что наша реформа происходит не на фоне целостной устойчивости тоталитарного режима, а на фоне его ломки и общей политической дестабилизации. Это наложение крупных диспропорций на потребительском рынке на политическую либерализацию радикально меняет ситуацию, поскольку резко ограничивается свобода для маневра центра в обеспечении сбалансированности экономики.

Просыпающееся общество видит огромный разрыв между тем уровнем потребления, на который оно вправе рассчитывать, и тем, что происходит в реальности. Отсюда стремление как можно скорее преодолеть этот разрыв, и в первую очередь за счет экспансии различного рода социальных расходов и дотаций. К 1989 г. возни-

кает специфическая ситуация, когда у нас идут вниз капвложения, сокращаются закупки производственных ресурсов по импорту (часть его переключается на закупки товаров народного потребления), но в то же время бурно растут социальные расходы, неконтролируемо растут номинальные доходы населения.

Вот та реальность, с которой мы вошли в 1990 год. В течение него можно отметить два любопытных процесса. Это, во-первых, резкое падение темпов роста производства и общее сокращение прибыли на фоне существенного ослабления рубля и бартеризации экономики. Во-вторых, — события мая прошлого года, так называемое бегство от денег. Именно в то время ухудшение на потребительском рынке было приостановлено. Это было связано с бурной экспансией потребительского рынка. В первом квартале прошлого года потребительский импорт вырос на 34%, закупки товаров легкой промышленности — на 40. Разумеется, такие темпы долго сохраняться не могли, но они позволили несколько смягчить диспропорции на потребительском рынке, и впервые за последние годы у нас начали расти запасы товаров в розничной торговле.

Однако майское объявление правительства о предстоящем повышении цен на 65% внесло перелом в ситуацию, вызвало массовое «бегство» от денег. Началось резкое сокращение запасов. Уже за май они снизились более чем на 2 млрд рублей, и процесс дальнейшего сокращения протекал с нарастающими темпами.

Это наложило на резкое сокращение потребительного импорта из-за серьезных валютных трудностей. Был прерван ряд контрактов. Например, если в легкой промышленности за первое полугодие по импорту был 40-процентный рост, то уже за третий квартал мы имели 5-процентное сокращение закупок. И такое сокращение произошло практически по всем видам потребительских товаров. Важнейший амортизатор был исчерпан.

С октября прошлого года стало ясно, что любые надежды на финансовую стабилизацию экономики, связанные с сокращением военных расходов, капитальных вложений, переключением импорта на потребительские товары, уже не оправдываются, и всего этого уже недостаточно, чтобы улучшить финансовое положение и войти в рынок с некоей гарантией от гиперинфляции. И если говорить о том, что мы наблюдаем сегодня, то это переход инфляции в подавленно-открытую форму. В 1991 г. после повышения оптовых цен

и введения цен договорных совершенно неизбежно резкое ускорение темпа роста инфляции, всех номинальных показателей темпов роста производства на фоне плавного (в лучшем случае) снижения его объемов, которые с осени 1988 г. ускоренно падают вниз.

В условиях подавленно-открытой инфляции, когда имеются одновременно относительно высокие темпы роста цен и сохраняющийся дефицит на всех рынках, развитие кризиса в отдельных отраслях и регионах идет по специфически быстрой кривой.

Так как цены становятся неконтролируемыми, то резко усугубляются проблемы отраслей с контролируруемыми ценами: это отрасли, работающие на монопольных рынках (железные дороги, энергетика, связь, городской транспорт, вооружение, тяжелое машиностроение и т.д.). Здесь очень быстро растут цены на потребляемые ресурсы, а повышение цен на изготовляемую продукцию требует политического решения. Поэтому в этих отраслях и регионах резко падает рентабельность, растут убытки, возникают серьезные проблемы и острые социальные конфликты (несвоевременная выплата зарплаты, сокращение дотаций, реальных доходов — все это может привести к забастовкам, задержке поставок и т.п.). Поэтому развитие отраслей, работающих на государственный рынок с фиксированными ценами, будет протекать особенно болезненно.

Еще один дополнительный фактор, который будет довольно сильно сказываться, — это проведенная только что павловская денежная реформа, последствия которой — ускорение их оборота, усиление инфляционных процессов на всех видах рынков с параллельным сокращением всех организованных форм денежных сбережений и с резкой бартеризацией и долларизацией экономики.

Наиболее серьезная проблема сегодняшнего дня связана с формами и сроками повышения розничных цен. Всем очевидно, что повышать их надо в первом квартале, не позже 1 марта. Но вот кто и как будет проводить это повышение? Здесь есть элементы неопределенности, связанные, конечно, с политическими факторами. И Союз, и республики, и местные органы власти предпочли бы, конечно, снять с себя ответственность за принятие этой непопулярной меры.

Наиболее вероятным решением в этой ситуации, мне кажется, будет повышение цен по образцу того, что было предложено в мае прошлого года, но несколько большее по масштабу, так как с того

времени оптовые цены значительно выросли. Компенсация населению, видимо, составит не более двух третей от прироста за счет повышения цен.

Но за счет повышения розничных цен сохранить экономическую сбалансированность не удастся. И реформа будет максимально жесткой с социальной точки зрения, потому что общество, получив более высокие цены, не получит никакой компенсации за них в виде относительно сбалансированного товарного рынка.

Но все же я думаю, что население готово к такому повышению и социального взрыва не последует. В любом случае, независимо от того, кем и как будет проведено повышение цен, максимальные издержки за это лягут на центр, потому что и «коммунисты» полозковского¹ типа, и «демократы» постараются извлечь максимальные политические дивиденды, переложив ответственность за это одни на «окруживших президента экономистов-рыночников», другие на «аппаратчиков из центра». Так что весьма вероятно, что это будет последняя экономическая мера, которую удастся провести сегодняшней структуре власти.

Интересно то, что с повышением цен мы не введем в собственном смысле свободные рыночные цены. И у нас возникает специфичный период, в котором будут быстро изменяться цены и сохраняться дефицит на разные виды товаров. И, видимо, это и будет тем фоном, на котором станут разворачиваться процессы в 1991 г.

Ясно, что у нас будут регионы относительного бедствия в силу того, что отрасли там мало приспособлены к бартерному обмену продукции. Но будут и регионы относительно благополучные в условиях бартера. Это регионы с концентрацией сельхозпродукции, экспортно-сырьевых отраслей и т.д.

Подавленно-открытая инфляция никогда не длится вечно, и из нее практически невозможно выйти в ситуацию относительно сбалансированной экономики без того, чтобы размораживать цены. Таким образом, мы оказались в ситуации, когда придется рано или поздно размораживать цены или они сами разморозятся на фоне

¹ *Полозков Иван Кузьмич* — советский и российский государственный и политический деятель. Считался консерватором даже на фоне КПСС, пытавшейся сохранить свою власть. После образования КП РСФСР в 1990 г. был избран первым секретарем ее Центрального Комитета (до июля 1990 г.), затем народным депутатом СССР и РСФСР, заместителем министра сельского хозяйства РФ, последние годы работает в общественных организациях Москвы. — *Прим. ред.*

деградации рычагов централизованного контроля. И тогда подавленно-открытая инфляция перейдет в высокую открытую или в гиперинфляцию.

Гиперинфляция — это наше неизбежное будущее, но будущее, скорее всего, не этого года. Это значит, что мы с точки зрения среднесрочной перспективы можем прогнозировать динамику целого ряда важнейших макроэкономических показателей на перспективу в два, три, четыре года, не зная, разумеется, когда именно инфляция перейдет в открытую форму и когда создадутся предпосылки для финансового оздоровления экономики.

Что же будет происходить?

Дефицит бюджета достиг пика в 1991 г. и некоторое время будет сохраняться на этом уровне, после чего он резко пойдет вниз, к величине, близкой к нулю. То же самое произойдет с темпами роста денежной массы. Далее, если мы сводим дефицит госбюджета к величине близкой к нулю (а иначе в условиях гиперинфляции нельзя стабилизировать экономику), то темпы роста капитальных вложений будут отрицательными.

Сейчас дотации в валовом национальном продукте (ВНП) составляют примерно 20%. При размораживании цен на этапе стабилизации гарантировано совершенно, что дотации идут к нулю. Темпы роста военных расходов прогнозировать не будем, это зависит от того, кто именно будет проводить стабилизацию. Но как показывает практика, военные расходы растут примерно на один-два пункта ВНП. Однако то, что при этом сокращаются социокультурные расходы, пенсии и т.п., — это совершенно очевидно.

Гиперинфляция нигде в мире еще не продолжалась более двух лет, так что период ограничен этим сроком. Польша показала, что можно войти и выйти из гиперинфляции за год.

Затем наступит период стабилизации экономики. Она пойдет на фоне сокращения строительно-монтажных работ, на фоне заметного падения темпов производства машиностроения (сокращение инвестиционного спроса). Курс доллара, достигнув максимума в период гиперинфляции, начнет падать, потому что появится возможность заменить его в обороте устойчивой внутренней валютой. Трудно сказать, на какое время придется период стабилизации — на 1992, 1993 годы, но общая политика эта задана, она жесткая, и ее нельзя избежать.

Вот после этого периода стабилизации экономики, который у нас неизбежен, возникнет та экономическая реальность, которую можно назвать нестабильной экономикой. Для нее будет характерна перемежающаяся череда периодов высокой инфляции и периодов насильственной стабилизации. В политике это выразится чередой слабая власть — жесткая власть. Первая — на этапе инфляции и вторая, жесткая, — на этапе стабилизации.

Процесс стабилизации очень болезненный, и любое правительство, которое будет его проводить, обречено на крайнюю непопулярность и останется в памяти как злодейское и «антинародное».

Может прийти либеральное правительство или авторитарное (альтернатива всегда есть). Стабилизация может пойти как на фоне дальнейшего роста дифференциации доходов, так и на фоне их относительного сокращения. Но стабилизация может происходить и на фоне реставрации административно-командной экономики. Это значит, что сегодня эта система лишь выведена из состояния равновесия и агония ее как устойчивой целостности, опирающейся не только на силу штыка, но и на консервативность населения, будет продлена.

Мы, кажется, всерьез сорвались в инфляцию...

Выступление на заседании Реформ-клуба «Взаимодействие»

3 февраля 1993 г.

Опубликовано в: Megapolis-EXPRESS 1993. № 5. Февраль.

В начале декабря мне казалось, что у правительства есть некая свобода маневра. Чем она определялась? Тем, что уже в полной мере проявилась устойчивая зависимость: с разрывом в месяц — между динамикой денежной массы и курсом рубля к доллару; с разрывом примерно в два месяца — между ростом денежной массы и изменением розничных цен и объемов производства. После того как в сентябре правительство ужесточило бюджетную политику и спала потребность в дополнительных сезонных кредитах селу, а Центральный банк стал строже в кредитной политике, темпы роста денежной массы пошли устойчиво на убыль. В ноябре они составили всего 5–7% по сравнению с 25–30% летом. Это радикальный перевод регистра, который предопределил и декабрьское укрепление курса рубля к доллару, и возможность ЦБ аккумулировать довольно значительные валютные резервы. В том числе за счет займа Международного валютного фонда и соглашения с Мировым банком на 600 млн долларов.

Естественно, ужесточение финансово-кредитной политики сентября — ноября привело к перелому динамики объемов производства. В ноябре они упали до своего августовского уровня. И в принципе было ясно, что тенденция плавного снижения, заданная предшествующим изменением денежной массы, сохранится в декабре-январе. Но одновременно все-таки происходили структурные изменения — некоторый прогресс в приватизации, приспособление предприятий к новым условиям хозяйствования.

В перспективе шансы на подавление инфляции, мне думалось, были. Однако ставить перед собой амбициозные задачи радикального подавления инфляции представлялось достаточно неразумным. В принципе, конечно, хорошо, но слабодостижимо. Очень трудно осуществлять такую программу, когда два института власти — Верховный совет и ЦБ — строят свою политику с явно инфляционным уклоном.

Был набор обстоятельств, позволявших думать, что шоковые подходы в антиинфляционной политике вряд ли теперь уместны: если уж нам, переведя инфляцию в январе 1992 г. из подавленной в открытую, не удалось сразу сделать экономику низкоинфляционной, то с инфляционной инерцией приходится считаться как с фактом. Возможности снять инфляцию одновременным замораживанием цен и зарплаты мне казались крайне опасными в силу укоренившихся традиций, которые могли возродить стереотипы старой экономики. Признавая инфляционную инерцию, приходилось считаться и с ограниченными валютными ресурсами государства, и с крайней диспропорцией внешних и внутренних цен, а также с закрытым характером экономики, что делает валютный курс слишком грубым инструментом ограничения инфляции. Альтернативный же ограничитель — замораживание только зарплаты без замораживания цен — мне всегда казался в наших условиях предельно рискованным. Не могу представить в ближайшей перспективе российское правительство, которое проведет замораживание зарплаты успешнее, чем в свое время сделало правительство Рыжкова. Неизбежно пойдут исключения отдельным предприятиям, потом в эту дыру прорвется большой круг отраслей, и все развалится, опошлив антиинфляционные усилия.

Таким образом, если у вас нет в руках сильных рычагов, процесс подавления инфляции будет неизбежно носить постепенный и долговременный характер. Но шансы на то, что с течением времени возможности правительства возрастут, не лишены оснований. Приватизация и адаптация предприятий к рынку постепенно создают предпосылки большей эластичности экономики к мерам финансового и денежного сдерживания, одновременно расширяются возможности проведения ограничительной денежной политики, повышается ее потенциальная эффективность. Далее бюджетные перспективы были, если рассматривать их вне жесткого политиче-

ского контекста, весьма неплохи, хотя тоже в долгосрочном плане. В общем, по уровню налоговых изъятий мы сейчас, видимо, вышли на верхнюю планку и вряд ли всерьез можно рассчитывать, что в нынешней экономике можно и нужно пытаться изъять более 30% ВВП, учитывая, что еще 15% уходит на соцстрах. Можно надеяться, что 2–3 пункта выигрыша дадут повышение эффективности налоговой службы. Но это предел, выше не заберешься.

Объем расходов бюджета в значительной степени тоже задан. К сожалению, основные, самые естественные, источники сокращения в течение 1992 г. были в значительной степени исчерпаны. Дальше продвижение вперед будет носить довольно тяжелый характер. В ближайшие два года серьезных возможностей сэкономить на оборонных расходах нет, по вооружениям мы вышли на минимум, а сама армия будет требовать многого — вывод войск, строительство жилья... По капитальным вложениям мы также, видимо, на нижнем пороге. Они естественно, по-прежнему, структурно нелепы, но тут задача скорее изменить структуру капвложений, а не резать дальше по живому. Расходы по внешнему и внутреннему долгу явно не будут сокращаться два года как минимум. Значит, остаются относительно сокращаемые дотации. Конечно, есть политические моменты, но в общем, по мере устранения резкой диспропорции в ценах, дотации пойдут вниз. В основном по животноводческой продукции. Есть возможности «ужаться» за счет транспортных расходов, но это медленно и тоже не сразу. Ну и крупный источник сокращения — это социальная сфера, хотя реформы жилья и здравоохранения, постепенная разгрузка местных бюджетов — также вопросы не месяцев, а лет.

На перспективу бюджет смотрелся не так безобразно, потому что все-таки есть неплохая современная налоговая база. Мы сильно рискнули, но это обернулось некими приобретениями — сейчас не надо затевать налоговую реформу. И шансы на ужесточение бюджетной политики сохранялись, только сдвигались на 1,5–3 года. Попросту говоря, это означало, что нам нет смысла немедленно и резко ужесточать кредитную политику, что подавление инфляции как задачу можно растянуть на 18–24 месяца. В этой связи более мягкой виделась конверсия оборонного комплекса, плавным, а не скачкообразным подъем безработицы. Короче говоря, к декабрю у правительства было ощущение, что вместе с за-

дачами подавления инфляции мы можем позволить себе решать и другие — значимые проблемы. Наиболее серьезная угроза такому курсу, естественно, состояла в том, что инфляция осенью достигла 25% в месяц и требовалось четко балансировать ситуацию, чтобы не сорваться. К сожалению, множество лиц, принимающих решения, подвержены убеждению, что гиперинфляция — это такая угроза, которая существует наряду с другими: например, безработицей, спадом производства. На самом деле это наиболее серьезная угроза.

Развитие событий в декабре-январе опровергло наши оптимистические прогнозы. Собственно, каких-то неожиданных и крутых действий правительства и ЦБ, носящих проинфляционный характер, за этот месяц не сделано. Тем не менее произошел резкий слом потребительского поведения, темпов роста недельных цен, что свидетельствует об очень неприятных изменениях экономической реальности. Без очевидной связи с предшествующей динамикой денежных параметров в январе инфляция впервые выскочила на 10% в неделю, и, видимо, по итогам месяца мы формально выйдем на рубеж гиперинфляции. Во-вторых, начинается лавинообразное падение курса рубля к доллару. Особенно опасно, что это не просто реакция на денежный выброс. Оказалось, что само изменение политического климата способно запустить механизм гиперинфляции. Когда у нас явно проинфляционный Верховный совет, таков же в значительной мере ЦБ, а реконструированное после 14 декабря правительство все-таки разобщено в отношении к инфляции, то это вместе с заявлениями сугубо пропагандистского, а не денежного характера (насколько я понимаю 300 млрд рублей на оборотные средства и 200 млрд на топливно-энергетический комплекс еще толком не использованы), в корне меняет общественную ситуацию.

Второе: увеличенный парламентом на 150 млрд рублей бюджетный дефицит 1992 г. не профинансирован. Попытка замораживания цен на широкий круг товаров и ресурсов после некоторой суеты отменена. Однако все это породило тревогу хозяйственников и предпринимателей, вызвало скепсис по поводу инфляционных перспектив. А затем как по учебнику, резкое падение спроса на деньги, не связанное с увеличением денежной массы, рост цен, инфляционные ожидания подтверждаются, подталкивая новый сброс

денег. Таков самораскручивающийся механизм развала денежной системы. Последствия подобного развития событий у нас носят не чисто экономический, а экономико-политический характер. Два-три месяца инфляции свыше 60% повлекут вторичную бартеризацию экономики, ее долларизацию, замыкание на себя региональных рынков, перебои в продовольственном снабжении крупных городов и рецидивы карточного снабжения. Совершенно неизбежно резкое ослабление эффективности контроля центральных органов власти над ситуацией в России (основные финансовые рычаги перестают действовать), мощный удар по производству из-за расстройств хозяйственных связей, особенно тех, которые плохо переводятся на бартерную основу. И, естественно, утрата смысла инвестиционной деятельности, да и вообще какой-либо осмысленной производственной деятельности с циклом свыше 2 месяцев, переключение активности на чисто спекулятивные операции и дальнейшее бегство от денег.

Мне кажется, политические последствия подобного сценария крайне опасны, почти наверняка они выводят принимаемые решения за рамки демократических институтов. Отсюда следует, что та относительная свобода маневра, которая, казалось, присутствовала у органов власти в начале декабря, к настоящему времени полностью утрачена. Сейчас мы снова оказались как бы в январе 1992-го, когда есть всего одна задача, решение которой определяет полный крах или относительный успех экономической политики. Это задача создания условий для торможения гиперинфляции. В таком ракурсе вопросы структурной политики, поддержки отраслей имеет смысл обсуждать только в случае если они укладываются в рамки очень жесткой антиинфляционной политики. В этой же связи бессмысленно обсуждать, какую безработицу мы хотим иметь. Любую, которая позволяет нам сдерживать такое развитие событий. И опять же излишни споры о допустимом уровне падения производства. Допустим практически любой, потому что спад, вызванный гиперинфляцией, гарантированно больше. К сожалению, даже при осознании такого разворота событий, возможности реализации эффективной политики, направленной на торможение гиперинфляции, не слишком велики. В первую очередь это связано с глубокими внутренними конфликтами в структуре российских органов власти. Убежден, что ВС как был, так и останется проин-

фляционным и эта его позиция в ближайшей перспективе, скажем, при обсуждении бюджета 1993 г., вряд ли изменится.

Очень многое зависит от ЦБ. Сейчас, на мой взгляд, необходим переход к месячным процентным ставкам, их повышение минимум до 10%. Мера эта абсолютно заданная, поскольку все остальное опять же за рамками разумного обсуждения. Боюсь, что и эту меру будет очень трудно провести. Инструменты, которые находятся в руках у правительства, не слишком разнообразны, чтобы гарантированно противодействовать гиперинфляции. Нужно, конечно, умерить собственные аппетиты, включая все формы кредитной политики. Расходы бюджета надо финансировать лишь в пределах поступающих доходов. Сознаю, как трудно это в условиях начавшейся гиперинфляции — ведь неизбежен двухмесячный лаг между сбором доходов и финансированием расходов; этот разрыв во времени здорово усилит нагрузку на бюджет и будет подтачивать инвестиционные намерения. Некуда, как говорится, отступать и с санацией убыточных предприятий, напрашиваются жесткие санкции к тем из них, кто не выполняет финансовые обязательства. Следует повысить акцизы на ряд товаров, особенно импортных. Можно растянуть или вообще отказаться от индексации оборотных средств предприятий, льготных кредитов, короче набор мер понятен. Но есть сомнения, что они будут осуществлены достаточно последовательно. Политика ЦБ не всегда согласована с правительством, а само правительство неоднородно в своих взглядах на проблемы экономики. Разрозненные же меры не дают большого эффекта.

Отсюда следует вывод: если вероятность разгона гиперинфляции остается сейчас сравнительно высокой, то, планируя политическую стратегию, президенту, видимо, надо быть готовым к тому, чтобы вынести на референдум 11 апреля такие вопросы, решение которых в обстановке гиперинфляции укладывает действия властей в рамки конституционных и демократических норм. Но я бы не хотел дальше комментировать этот сюжет...

Задача России — строительство новой государственности

Доклад, подготовленный для международной конференции в Стэнфордском университете (США)

Март 1993 г.

Доклад не состоялся из-за напряженной ситуации в России. Опубликовано в Информационном бюллетене Рабочего центра экономических реформ при правительстве Российской Федерации (апрель 1993 г.) и в газете «Сегодня» 20 апреля 1993 г.

Нигде кроме как в России разрушение институтов рыночной экономики в период господства коммунистической идеологии не было настолько полным и всеобъемлющим. Нигде кроме как в России распад государственности и общественных связей в посткоммунистический период не был столь обвальным.

Соответственно, и степень актуальности задач государственного строительства в России по сравнению с другими странами оказалась значительно большей. Даже в Восточной Европе речь шла прежде всего о восстановлении государственности, утраченной в результате внешнего вторжения. Что же касается Латинской Америки, то, несмотря на глубокое реформирование государственных институтов в таких странах, как Чили, Аргентина, Перу, эти реформы опирались на традицию, а преемственность государственных институтов в той или иной степени сохранялась.

Соответственно этому и задача перед Россией стоит двуединая: не только создание с нуля рыночных институтов, но и строительство новой государственности.

Российский кризис и распад государственности

В процессе трансформации Россия пока что избежала революционных изменений и коренной ломки государственных структур. Причем даже в кадровом отношении государственные структуры изменились незначительно. Поэтому стороннему наблюдателю представляется удивительной картина полного безвластия, которую он обнаруживает, попав в Россию.

Секрет же весьма прост и давно известен. Дело в том, что официальные, сохранившиеся до сего дня государственные структуры представляли собой лишь нижний этаж системы государственного управления, на верхнем же этаже располагались партийные структуры, которые и принимали решения.

Отстранение от власти коммунистов и лишение органов безопасности карательных функций привели к полной потере управляемости в государстве. Начальник сейчас может уволить своего подчиненного. Но это, скорее всего, не повлияет на дальнейшую карьеру проштрафившегося чиновника — учета заслуг и провинностей нет, поэтому он либо устроится в другую государственную структуру, либо уйдет в коммерцию. Тем более что сейчас неугодного нельзя даже упрятать в «психушку». Тот страх, который пропитывал все слои общества — и чиновную элиту в том числе — в течение 70 лет, исчез. Гражданское же самосознание, которое во многих странах является цементирующей основой государственной службы, в России практически отсутствует.

Причина здесь кроется в весьма специфических отношениях общества и государства, исторически сложившихся в России. С одной стороны, государство в России никогда не доверяло своим гражданам, максимально стремилось подавить любые горизонтальные связи, возникающие в обществе, или по крайней мере их опосредовать. С другой стороны, в обществе при формальных выражениях горячей любви и преданности государству всегда считалось естественным обмануть государство, или расхищая его собственность, или покупая его чиновников.

Другой крайне важный аспект проблемы связан с разложением тоталитарной государственности в годы так называемого застоя. Ослабление репрессивных функций органов госбезопасности, в особенности по отношению к чиновничеству, привело к посте-

пенной модификации отношений в управленческой вертикали — частичной замене отношений подчинения отношениями бюрократического торга. Разумеется, такие процессы присущи в той или иной степени любой экономике, но в Советском Союзе они приобрели особенно широкие масштабы в связи с полным огосударствлением экономики.

Внезапное устранение верхнего уровня управления — партийных органов — привело к быстрой автономизации иерархических субструктур государственного управления, которые сохранив за собой определенные права государственных органов, сбросили с себя всю ответственность. Причем эти права никак не поддерживались системой принуждения и, следовательно, не могли быть реализованы на практике. Произошла стихийная коммерциализация государственных структур народнохозяйственного управления, использующих в качестве ресурсов свой кадровый потенциал, связи, информацию и — не в последнюю очередь — закрепленные за ними основные фонды. Те же структуры, которые сохранили право распоряжения общественными ресурсами и не имеют возможности зафиксировать права собственности на них, используют ресурсы для извлечения ренты за счет сохранения механизмов административных торгов или прямой координации.

На уровне административных структур таким конвертируемым ресурсом является возможность применения насилия для реализации своих целей либо непосредственно (милиция, прокуратура), либо опосредованно (местные администрации, Советы). По этой причине уголовное преследование по отношению к конкурентам в бизнесе и политике используется не менее широко, чем оно применялось ранее к инакомыслящим гражданам или нелояльным чиновникам.

Динамика и эффективность государственного вмешательства в различных сферах

Наиболее быстро экономические возможности государства были разрушены в сфере прямого регулирования экономических процессов. Государственный заказ прекратил свое существование ввочным порядком, а январская 1992 г. либерализация цен лишь

санкционировала бурно протекавшие стихийные процессы дерегулирования.

Несколько иначе складывалась ситуация в сфере денежного обращения и финансов. Сохраняющаяся монополия государства на эмиссию и организацию платежно-расчетных отношений позволила сохранить контроль за поступлением доходов в бюджет. Однако сохранение и подтверждение новым российским режимом ряда унаследованных от СССР государственных обязательств при отсутствии традиционных способов реализации этих обязательств обусловили необходимость компенсирующего бюджетного дефицита и избыточной эмиссии. Поэтому инфляционный кризис в России является в некотором смысле продолжением кризиса государственности, а именно — признаком неспособности государства отказаться от невыполнимых обязательств.

Чрезвычайное ослабление государства произошло и в тех сферах, откуда оно, собственно говоря, уходит и не должно: судебной, охраны порядка, обороны. В органах охраны порядка классическая коррупция является весьма незначительным злом в сравнении с почти легальной их коммерциализацией. Во-первых, органы охраны порядка внедрили систему платных услуг для тех, кто способен за это платить. Во-вторых, активно идет процесс создания частных структур обеспечения безопасности, и этот процесс фактически легализован. Результатом такого развития событий стал резкий рост преступности как общегражданской, так и экономической (рэкет, криминальная конкуренция).

Хотя в обществе угроза преступности вполне осознана, любые попытки исправить положение заканчиваются провалом. Все дополнительные средства, направляемые на улучшение положения органов внутренних дел, уходят в песок, а попытки организационных новаций приводят к ухудшению ситуации.

Примерно такая же картина наблюдается в таможенной службе, в то время как армия занимается (не без выгоды для себя) распродажей армейского имущества (как с разрешения начальства, так и без разрешения).

Процесс нормотворчества в России подвержен сильнейшему лоббизму заинтересованных групп на уровне парламента и ведомственному давлению на уровне правительства. В результате у России — страны, имеющей богатейшие экспортные возможно-

сти и огромный внешний долг — оказывается чрезвычайно запутанная система регулирования экспорта и импорта, внешний долг растет, а легальный экспорт падает, несмотря на благоприятный валютный курс. В то же время нелегальный экспорт капитала оказывается равным приросту внутренних валютных резервов.

В такой ситуации государство с точки зрения развития рыночной экономики является фактором не созидающим, а разрушающим. Сохраняющаяся неопределенность прав собственности, неустойчивость законодательства, агрессивность криминального и бюрократического рэкета по отношению к новым предпринимателям вытесняют рыночную активность из производственной сферы в сферу торгового и финансового посредничества.

Альтернативы развития российской государственности

Представляется, что существуют два возможных варианта развития России по капиталистическому пути. В одном случае под давлением нарождающегося и формирующегося предпринимательского класса постепенно закрепляются права собственности, отменяются регуляторы, ограничивающие экономическую активность, «новая государственность» страны возникает как бы снизу.

Этот процесс может быть прослежен на примере системы обеспечения безопасности. Сейчас предпринимательские группы обзаводятся собственными службами безопасности. Логично предположить, что рост общеуголовной преступности может привести к созданию сил самообороны по месту жительства, причем скорее всего вооруженных. Но довольно быстро выяснится, что безопасность и порядок — это «общественное благо», и окажется более выгодным платить налоги на содержание эффективной муниципальной полиции, чем содержать частные или местные службы безопасности. После этого граждане (в том числе — и предприниматели) наводят порядок в муниципалитете и создают эффективную полицию. Но это всего лишь одна возможность.

Другая возможность реализуется, когда энергия предпринимательских групп будет направлена на «пробивание» себе отдельных законодательных льгот, получение от правительства субсидий, на

создание собственных «карманных» судов, служб безопасности и т.д.

В этом случае неизбежно глубокое расслоение общества, усиление различий между процветающим, ориентированным на экспорт сектором и угасающим традиционным, выделение из среды городской застройки изолированных, хорошо охраняемых сеттльментов для новых богатых и появление кварталов трущоб с высоким уровнем преступности. Признаки такой системы на государственном уровне — расцвет бюрократии и коррупции, опутывание свободной предпринимательской инициативы лицензированием и регламентацией хозяйственной деятельности.

В историческом плане эта альтернатива напоминает соответственно Соединенные Штаты и Латинскую Америку — развитие капитализма в условиях слабого государства. Северная Америка практически избежала соблазна широкого вмешательства государства в экономическую жизнь, и здесь доктрина «laissez passer, laissez faire»¹ дала блестящие плоды. Увлечение идеями социализма в Латинской Америке привело к вмешательству слабого государства в экономические процессы, вмешательству неэффективному, дезориентирующему. Следствием этого стал глубокий кризис государственности и экономики, выход из которого намечается только в наше время.

Как пойдут дела в России, не может предвидеть никто. С одной стороны, в России отсутствует базовый элемент американской государственности — гражданин-собственник. С другой стороны, в России еще не успела сформироваться иерархическая система общественных групп, паразитирующих на государственных льготах и субсидиях.

Объективные и субъективные факторы институционального развития

Реальное развитие российской государственности будет зависеть от ряда факторов как объективных, так и субъективных. С точ-

¹ Знаменитая фраза, принадлежащая французскому государственному деятелю и экономисту Гурнэ Жан Клоду Венсану (1712–1759). В вольном переводе — «пусть все идет как идет» — символ крайнего экономического либерализма. — *Прим. ред.*

ки зрения объективных факторов ключевым моментом является, с одной стороны,— осознание индивидами своих общих интересов на разных уровнях этой общности: на предприятии, в микрорайоне, городе, стране. И здесь речь идет не о подчинении индивидуального интереса коллективному, а о выражении частного интереса через коллективный. Важно также, что интерес общенациональный при таком развитии не навязывается народу сверху чуждым ему государством, а вырастает снизу как объединение различных локальных коллективных интересов. В этом смысле основой североамериканской государственности является не только свободный гражданин-собственник, но и community — общность, обеспечивающая этому гражданину удовлетворение базовых совместных потребностей.

С другой стороны, очень важно отношение группы к государству. В поведении группы могут присутствовать два мотива. Это либо объединение усилий для решения общей задачи, причем деятельность государства воспринимается как фон. Либо это объединение усилий для получения от государства льгот и субсидий. В последнем случае отдельные группы пытаются оттеснить друг друга от правительственной кормушки и вместо возникновения консенсуса на национальном уровне возникает постоянно воспроизводящийся раскол общества, а государство становится исполнительным органом наиболее влиятельных общественных групп.

Если же говорить о субъективных факторах, то их следует искать с другой стороны — со стороны государства. А именно: судьба российской государственности будет определяться возможностями государства обеспечивать равные условия хозяйственной деятельности, степенью недискриминационности его политики, что, в свою очередь, зависит от того, насколько государство не вовлечено в хозяйственную деятельность.

В этом смысле крайне необоснованными выглядят попытки ряда российских экономистов пропагандировать идеи социального контракта под патронажем государства (Е. Сабуров¹) или соз-

¹ Сабуров Евгений Федорович (1946–2009) — государственный деятель, экономист, а также поэт и драматург. В 1991 г. короткое время был заместителем председателя правительства РФ, выступил с одной из конкурировавших тогда программ экономических реформ, в 1994 г. вице-премьер правительства Крыма. — *Прим. ред.*

дание опять же под контролем государства крупных финансово-промышленных групп (С. Глазьев¹), «способных сконцентрировать ресурсы в точках роста».

Действительно, социальный контракт между рабочими и работодателями может быть важным средством обеспечения национального согласия, а формирование финансово-промышленных групп, несомненно, увеличивает потенциал экономического роста. Но все это справедливо только в том случае, когда государство не участвует в этих процессах. Как только государство вмешивается в естественные процессы достижения общественного согласия, формирования взаимоприемлемых (взаимовыгодных?) отношений и интеграции, эффект оказывается прямо противоположным.

Еще более прозрачна ситуация с финансово-промышленными группами. Стимулируя их создание, правительство неизбежно берет на себя определенные обязательства по обеспечению их деятельности, тем самым оно вынуждено будет покрывать их возможную неэффективность, бесхозяйственность. А эта возможная неэффективность почти наверняка будет неизбежной, поскольку финансово-промышленные группы, тесно связанные с государством, обязательно станут ориентироваться не на рыночный результат, а на получение помощи от государства, причем чем больше будут эти группы, тем большее лоббистское влияние они получают.

¹ Глазьев Сергей Юрьевич — экономист, политик; академик РАН, бывший министр внешних экономических связей РФ, депутат Государственной думы. — *Прим. ред.*

Взаимодействие экономических и институциональных факторов в процессе перестройки российской экономики

*Выступление на конференции в Международном институте
прикладного системного анализа*

Вена, Австрия, 9–10 июля 1993 г.

*Опубликовано в Информационном бюллетене Рабочего центра экономичес-
ких реформ (сентябрь 1993 г.) и в газете «Сегодня» 30 октября 1993 г.
Пер. с англ.: С. Сумин.*

Широко распространено убеждение, что в ходе экономической реформы институциональные факторы имеют первостепенное значение. В защиту этой точки зрения выдвигаются следующие аргументы.

У администрации государственных предприятий есть адекватные стимулы для принятия только краткосрочных решений, в то время как связанные с капиталовложениями долгосрочные решения определяются внеэкономическими факторами — такими, например, как масштаб проекта, его политическое значение, давление со стороны региональных властей и т.п. С целью рационализации инвестиционных решений предприятий необходимо связать существующие стимулы с долгосрочными показателями деятельности предприятий, а этого можно добиться лишь посредством крупномасштабного преобразования бывших государственных предприятий в акционерные общества открытого типа. Оценивать принимаемые долгосрочные решения должны финансовые рынки.

Переоценка институциональных факторов

Эти взгляды опровергаются реальной практикой. С одной стороны, в России на многих предприятиях приватизация прошла весьма формально и не оказала существенного влияния на их деятельность. С другой — многие государственные предприятия под давлением внешних обстоятельств внесли реальные изменения в свою политику, в том числе по таким вопросам, как накопление и капиталовложения. Это дает серьезные основания для пересмотра существующей парадигмы приватизации и перестройки предприятий с учетом следующих факторов:

- 1) в течение длительного периода российские предприятия по сути не были государственными;
- 2) в результате формальной приватизации они не становятся частными;
- 3) приватизация — длительный процесс эволюционного характера;
- 4) в среднесрочной перспективе институциональные преобразования внутри предприятий играют меньшую роль по сравнению с изменением внешних условий их деятельности;
- 5) ключевым фактором перестройки предприятий является создание адекватной среды как для частных, так и для государственных предприятий.

Структурные преобразования на предприятиях

Сегодня в России действуют различные механизмы структурной перестройки промышленности. С одной стороны, правительство РФ объявило о проведении селективной структурной политики, и в соответствии с этим приоритетным отраслям выделяются целевые государственные кредиты. Эта система оказалась крайне неэффективной. Несмотря на то что использование целевых кредитов, направляемых в промышленность, контролируется строже, чем расходование любых других субсидий, воздействие этого фактора на предприятия противоречиво. Часть таких кредитов сразу же превращается в банковские депозиты: огромная разница между процентной ставкой на целевые государственные кредиты (в большинстве случаев 10% в год) и рыночной процентной ставкой (око-

ло 200% в год) позволяет предприятиям получать немалые доходы, которыми они делятся с чиновниками, помогавшими им получить кредиты. Но даже если последние используются по назначению, перекосы в системе цен и финансовая нестабильность зачастую обуславливают принятие неверных решений относительно вложения денежных средств.

С другой стороны, серьезная нехватка государственных финансовых ресурсов ведет к тому, что значительная часть российских промышленных предприятий не имеет доступа к целевым государственным кредитам или просто льготным кредитам, которые коммерческие банки предоставляют своим учредителям. Этим предприятиям приходится решать свои проблемы самостоятельно. Похоже, они неплохо с этим справляются. Российские предприятия способны хорошо приспосабливаться к изменяющимся условиям, о чем свидетельствуют газетные публикации, исследования деятельности отдельных предприятий и частные беседы с руководителями, а также ряд макроэкономических показателей.

Во-первых, вопреки распространенному мнению о том, что Россия переживает глубокий кризис инвестиций, уровень капиталовложений в экономику довольно высок — примерно 20% ВВП. Поскольку государственные ассигнования невелики, этот показатель, безусловно, свидетельствует о самостоятельных усилиях предприятий по проведению структурной перестройки.

Во-вторых, несмотря на существенное сокращение госзаказов в оборонной промышленности, безработица по-прежнему находится на очень низком уровне. Многие исследователи объясняют этот факт наличием скрытой безработицы, при которой определенная часть работников согласна получать низкую заработную плату в обмен на определенные блага, получаемые от предприятия. Подобная ситуация возможна лишь при условии нежесткой денежной политики. В определенной мере она влечет за собой благоприятные социальные последствия: процесс перераспределения рабочей силы проходит более гладко, люди имеют больше времени для того, чтобы найти новую работу.

Предпосылки активной структурной перестройки

Следует признать, что перестройка предприятий, о которой шла речь выше, носит пассивный характер. В значительной мере она является вынужденным ответом на изменения экономических условий, а не результатом сознательно избранной политики развития. Можно с уверенностью утверждать, что переход к активному этапу перестройки потребует соблюдения ряда условий.

Во-первых, потребуется четкое определение прав собственности. Краткосрочная, пассивная перестройка представляется возможной и при нынешней неопределенности, но для среднесрочных и долгосрочных вложений необходима строгая система определения и обеспечения прав собственности.

Нельзя ограничиваться распределением государственной собственности среди различных частных собственников. Особенно важно обеспечить защиту прав собственности существующих и вновь создаваемых предприятий со стороны юридических и правоохранительных институтов.

Во-вторых, необходимо формирование соответствующих финансовых условий работы предприятий, что, в свою очередь, требует обуздания инфляции и отмены дотаций. Эти задачи тесно взаимосвязаны: при высоком уровне инфляции дотации нужны для покрытия обусловленных ею потерь, а дотации, со своей стороны, способствуют росту инфляции. Снижение ее уровня создает позитивные стимулы для деятельности предприятий, а сокращение дотаций, ужесточая бюджетные ограничения, заставляет их проявлять активность. Следует отметить, что в настоящее время дотации носят деструктивный характер и их отмена не принесет особого вреда экономике.

В-третьих, потребуется создание адекватной и относительно стабильной системы ценовых показателей, то есть устранение существующих перекосов, возникающих из-за сохранения контроля за ценами и слишком жесткого регулирования внешней торговли. Непредсказуемость динамики относительных цен в настоящее время является одним из главных препятствий на пути к активной перестройке предприятий.

Политика поощрения конкуренции

Создание условий для конкуренции между субъектами рыночных отношений — четвертое требование активизации перестройки предприятий. Вопреки распространенному мнению, решение данной проблемы не сводится к демонополизации. Традиционный тезис о большой степени монополизма российской экономики не отражает действительности. Конечно, в высокотехнологичных отраслях машиностроения, особенно в оборонных, есть предприятия-монополисты. Однако если такое положение не может быть устранено открытием внутреннего рынка для иностранной конкуренции, то отечественное конкурентоспособное производство может появиться лишь само по себе, а не путем искусственного создания государством предприятий-конкурентов.

Что касается так называемых административных монополий, то они фактически не имеют экономических возможностей для сдерживания конкуренции. Эти монополии (различные ассоциации, концерны и т.п.) — если только за ними не стоит государство, — как правило, не в состоянии навязывать свою волю входящим в них предприятиям.

К сожалению, экономическая политика нынешнего правительства в вопросе демонополизации российской экономики является довольно противоречивой. С одной стороны, приватизационное законодательство предусматривает возможности для выделения мелких предприятий из крупных объединений в процессе разгосударствления последних. С другой стороны, государство поддерживает старые административные монополии, создавая холдинговые компании, владеющие контрольными пакетами акций входящих в них предприятий. Это представляет реальную опасность для свободного рынка в России и напрямую ведет к превращению страны в корпоративное государство.

В сфере вновь создаваемых частных предприятий, где нет административных монополий, конкуренция сдерживается другими средствами. В частности, правительство все шире применяет систему лицензирования экономической деятельности. Так, местным властям предоставлены полномочия по выдаче лицензий почти во всех отраслях с регионально-локализованными рынками (главным образом в сфере обслуживания).

В настоящий момент, когда региональные рынки еще недостаточно развиты, передача полномочий по выдаче лицензий местным органам власти дает их чиновникам дополнительные источники получения доходов. Кроме того, это означает, что вновь возникающим фирмам придется платить больше за право заниматься экономической деятельностью. Вполне реальна и такая ситуация, когда новые фирмы просто не смогут начать свою деятельность из-за сопротивления существующих компаний.

Уход с рынка: банкротство и управляемая перестройка предприятий (санация)

Вопрос об уходе предприятия с рынка традиционно рассматривается с точки зрения банкротства или санации. Есть два различных подхода к этой проблеме. Один подход, предлагаемый сторонниками реформ, состоит в том, что сначала необходимо приватизировать все предприятия, а затем неконкурентоспособные обанкротятся, что будет оформлено в соответствии с действующей юридической процедурой.

Другой подход, предлагаемый сторонниками умеренного направления и поддерживаемый консерваторами, требует разработки особых санационных процедур для нерентабельных предприятий, для проведения которых необходимо использование государственной финансовой поддержки. Лишь после того, как эти предприятия встанут на ноги, их можно будет приватизировать: в этом случае частный сектор с самого начала будет жизнеспособным и эффективным.

Рассмотрим первый подход. Закон о банкротстве был принят только 1 марта 1993 г. Согласно его положениям, процедура банкротства может занять от двух до трех лет. Необходимо также учесть, что арбитражные суды не имеют никакого опыта рассмотрения подобных дел. Возникает вопрос: пригодна ли данная процедура для быстрой перестройки национальной экономики?

Что касается второго подхода, то неэффективность заложенной в нем идеи доказывается уже тем, что за целый год дискуссий о санации государственных предприятий в практическом плане абсолютно ничего сделано не было. У государства нет финансовых ресурсов и административных возможностей для проведения по-

добной управляемой перестройки, как нет и заинтересованности в ее осуществлении. Это искусственная проблема, весьма интересная для теоретического обсуждения, но никак не связанная с российскими реалиями сегодняшнего дня.

Как показывает опыт, ни в одной стране (за исключением Восточной Германии) в переходный период не было значительного числа банкротств, как не существовало и каких-либо специальных программ перестройки промышленности. Это также свидетельствует о том, что оба эти подхода нереалистичны.

Наиболее вероятным путем реструктурирования российской промышленности представляется не банкротство или санация, а проведение соответствующего комплекса мер в рамках существующих предприятий — перепрофилирование на выпуск перспективной продукции, переподготовка кадров и т.п.

Рыночные силы и структурные изменения в экономике России

*Доклад на международной конференции по проблемам
переходной экономики*

Киев, май 1994 г.

Опубликовано в: Economic Policy. December 1994.

Структурные изменения происходят постоянно в любой экономике. В стационарно развивающейся экономике они обычно мало заметны. Лишь в моменты технологических сдвигов или под влиянием внешних условий эти структурные изменения проявляются более активно.

В экономиках переходного типа интенсивность структурных изменений особенно велика, что связано с одновременным действием нескольких факторов, среди которых:

- изменение общественных потребностей (сокращение общественного потребления и рационализация структуры личного потребления);
- изменение структуры внешнеэкономических связей;
- заимствование передовых технологий;
- рационализация структуры издержек под влиянием рыночных механизмов.

Сдвиги в структуре становятся настолько интенсивными, что можно говорить о структурной перестройке экономики.

Два подхода к проблемам структурной перестройки

В настоящее время среди экономистов и политиков России сложилось два подхода к проблемам структурной перестройки экономики.

Первый из этих подходов, который можно назвать дирижистским¹, делает упор на активное вмешательство государства в процесс реструктуризации экономики.

Согласно этому подходу государство должно проводить так называемую селективную структурную политику, помогая выживать и развиваться «перспективным» отраслям и предприятиям и сворачивать производство в бесперспективных, умирающих отраслях.

В качестве средств селективной структурной политики рассматриваются прямые государственные инвестиции, льготное кредитование, импортные тарифы и программы стимулирования экспорта, налоговые и таможенные льготы.

Другой подход, который можно назвать либеральным, утверждает, что структурная перестройка — это естественный процесс, который должен идти в экономике под воздействием рыночных сигналов, в то время как государственное вмешательство искажающе действует на систему ценовых пропорций и тем самым направляет процесс структурной перестройки в заведомо неправильное русло.

Разница в двух подходах, прежде всего, мировоззренческая. Сторонники первого подхода считают, что по крайней мере в долгосрочной перспективе государство в сфере распределения ресурсов более эффективно, чем рынок. Сторонники второго подхода исходят из того, что рыночный механизм распределения ресурсов в принципе не может быть заменен государством.

Причины неэффективности вмешательства государства в процесс структурной перестройки

Если обратиться к анализу конкретных исторических условий российской действительности, то можно выдвинуть по крайней мере два аргумента в обоснование неэффективности государственного вмешательства.

Первое. Отраслевая структура экономики России искажена наиболее сильно — даже в сравнении с экономическими системами восточноевропейских стран — вследствие как длительного господ-

¹ От фр. *dirigisme* — руководство экономикой со стороны государства; родоначальником такой политики был министр последних французских королей — Кольбер (вторая половина XVIII века).

ства планового хозяйства, так и гипертрофированного развития военно-промышленного комплекса. В результате сравнительные преимущества России в международном разделении труда, а соответственно, перспективные отрасли ее экономики выявить сейчас очень сложно, если не вовсе невозможно.

Даже в отраслях инфраструктуры и в жилищном строительстве, где отставание России от общемировых стандартов обеспеченности очень существенно и где не существует конкурирующего импорта, общественные потребности могут быть удовлетворены самыми различными способами.

Поэтому государство а priori не может определить, надо ли строить многоэтажные дома или коттеджи, развивать ли сеть железных дорог или строить шоссейные, отдать предпочтение спутниковой или волоконно-оптической связи. В отраслях же обрабатывающей промышленности зачастую неизвестны даже альтернативы.

Другой аспект проблемы состоит в том, что, даже предположив возможность рационального выбора одного из вариантов структурной политики, мы столкнемся с ограниченными возможностями госаппарата внедрять выбранный вариант.

Дело в том, что любой вариант структурной политики предполагает некоторые селективные меры на уровне отраслей и предприятий. Это либо целевые кредиты, либо государственные гарантии частных инвестиций, либо механизмы смешанного финансирования. Так или иначе — это льготы, преференции. В нынешней ситуации чрезвычайной слабости и коррумпированности государственного аппарата распределение подобных льгот по заранее выработанной схеме селективной поддержки произвести практически невозможно. Лоббизм и коррупция разрушат любую схему еще до начала ее реализации.

Но даже при «правильном» распределении государственной поддержки нет никакой возможности контролировать эффективное использование ресурсов вследствие крайне низкой пропускной способности каналов управления. Предприятия почти наверняка используют ресурсы не по назначению. Более того, в перевернутой системе стимулов чем больше ресурсов выделяется предприятию, тем меньше у предприятия стимулов повышать эффективность своей работы.

О пользе государственного вмешательства

Если же говорить об аргументах в пользу государственного вмешательства в процесс структурной перестройки, то здесь можно всерьез обсуждать только два из них, хотя эти аргументы отражают результаты гораздо более сложных и не столь очевидных взаимодействий, чем те, которые обсуждались выше.

Первый аргумент сторонников государственного вмешательства сводится к тому, что при свободной игре рыночных сил в процессе структурной перестройки умирают прежде всего высокотехнологичные предприятия, происходит «примитивизация» структуры народного хозяйства, теряется научно-технический и квалификационный потенциал, на восстановление которого впоследствии потребуются гораздо больше средств, чем требуется сейчас на его поддержку.

В этих аргументах есть определенная доля истины, тем более что упрощение структуры — вполне естественная реакция экономики на кризис. В данном случае речь идет о возможности так называемого двойного переключения технологии, когда технология была эффективной в прошлом, оказывается неэффективной в настоящем и снова становится эффективной в будущем.

Хотя теоретически возможность двойного переключения технологии доказана, на практике это очень редкий случай. В конкретных условиях России тем более трудно заранее определить, какая из высоких технологий вновь станет эффективной при возобновлении экономического роста, тем более что подавляющая часть этих технологий связана с военно-промышленным комплексом и, несмотря на высокое качество продукции, никогда не ориентировалась на рыночные критерии эффективности.

Мы должны признать, что на практике, несмотря на высокую наукоемкость и высокую квалификацию работников, российский ВПК как целое не представляет существенной ценности для нарождающейся рыночной экономики. Другое дело, что определенные научные достижения ВПК, опыт и квалификация его сотрудников могут быть успешно использованы в других отраслях — но для этого совершенно не нужны усилия государства.

Другой аргумент в пользу государственного вмешательства связан с фактором неопределенности, характерным для эконо-

мики, проходящей нижнюю точку кризиса. В такой экономике формируется своеобразная «ловушка неопределенности». С одной стороны, из-за высокой неопределенности экономической ситуации потенциальные инвесторы находятся в раздумьях по поводу того, куда надо вкладывать деньги, — и, соответственно, никуда их не вкладывают. А поскольку они никуда их не вкладывают, сохраняется высокая неопределенность экономической ситуации.

Преодолеть эту «ловушку» предполагается с помощью так называемых программ-локомотивов. Для запуска таких программ предлагается использовать такие направления, где инвестиции заведомо не могут быть бесполезными, например жилищное строительство, строительство дорог, телекоммуникации, портовое хозяйство и т.п. При этом хотя и признается, что уровень эффективности подобных программ-локомотивов будет невелик, тем не менее эффект от снятия неопределенности превзойдет потери от неэффективного выбора направлений инвестирования, так как общественный спрос, генерируемый подобными программами, формирует достаточно устойчивые условия для функционирования целого ряда отраслей (стройиндустрия, машиностроение, черная металлургия) и таким образом создает значительно более стабильную и предсказуемую среду для частных инвесторов.

Здесь, однако, мы сталкиваемся с той же самой проблемой выбора направлений инвестирования, только отодвинутой в будущее. Ведь если отрасль-локомотив вытягивает за собой целый шлейф комплектующих производств и создает так называемые островки стабильности, то неправильный выбор отрасли (или направления ее технологического развития) поставит в долгосрочной перспективе — в том случае если отрасль-локомотив обанкротится — под удар все комплектующие производства.

Реалии структурной перестройки в России

Одним из важных аргументов сторонников государственного регулирования процессов структурной перестройки является утверждение о том, что в реальном процессе экономического реформирования прогрессивные структурные сдвиги не происходят, а имеет место либо равномерный спад производства во всех отрас-

лях (в лучшем случае), либо негативные структурные изменения, так называемое утяжеление структуры производства.

Посмотрим, однако, на динамику структурных сдвигов в экономике России за последние несколько лет. На фоне общего спада промышленного производства в России существует ряд отраслей, производство продукции в которых растет. В 1993 г., например, из 260 видов промышленной продукции, учитываемой в натуральном выражении, наблюдался рост производства по 28 позициям, связанным главным образом либо с потребительским комплексом, либо с экспортом.

Среди этих продуктов: аккумуляторы, телефонные кабели, вычислительная техника, нефтегазоперерабатывающее оборудование, пассажирские вагоны, троллейбусы, газовые плиты, холодильники, телевизоры, ряд пищевых продуктов.

При измерении динамики производства по отраслям промышленности в стоимостном выражении мы видим примерно такую же картину. Из 134 отраслей промышленности, учитываемых в российской статистике, в течение 1993 г. производство увеличилось в 16 отраслях, в частности в таких, как оловянная, фарфорофаянсовая, сахарная, кондитерская, спиртовая, ликероводочная, табачная, полиграфическая, медицинская. Причем в ряде отраслей производство не только превышает уровень кризисного 1992 г., но и уровень 1990 г., когда были достигнуты наивысшие объемные показатели в народном хозяйстве России.

В российской экономике за 1991–1993 гг. произошли весьма существенные структурные сдвиги. За два года реформ в структуре промышленной продукции увеличилась доля топливной и энергетической промышленности, машиностроения и пищевой промышленности. С учетом интенсивной конверсии военно-промышленного комплекса можно предположить, что доля гражданского машиностроения выросла за эти два года еще в большей степени.

Меняющаяся структура промышленного производства отражает изменения структуры внутреннего и внешнего спроса. Причем эти изменения и, в частности, рост доли машиностроения и пищевой промышленности, нельзя назвать ухудшением или тем более деградацией промышленной структуры.

Очевидный кризис российской легкой промышленности свидетельствует о возросшей конкуренции со стороны зарубежных

производителей. С точки зрения эффективного включения России в международное разделение труда сокращение производства в ряде низкотехнологичных отраслей также является признаком улучшения структуры народного хозяйства.

Если же говорить о скорости структурной перестройки экономики, то она крайне высока. Интегральный коэффициент структурных сдвигов в российской экономике составил в 1991 г. 2,23, а в 1992 г. — 3,13. И хотя значение индекса снизилось в 1993 г. до 1,85, оно тем не менее существенно превосходит соответствующие уровни предреформенного периода (0,5–0,6 в 1989–1990 гг.).

Таким образом, при полном отсутствии структурной политики структурная перестройка в России происходит весьма быстрыми темпами и структурные изменения имеют вполне прогрессивный характер.

Однако улавливаемые официальной статистикой структурные сдвиги представляют собой лишь часть общей картины. Обширная и растущая часть народного хозяйства России находится в теневом секторе. Лучше всего процесс структурной перестройки в сторону теневой экономики прослеживается по показателям занятости. В то время как официальная статистика регистрирует быстрое сокращение численности занятых в народном хозяйстве, рост безработицы происходит крайне медленно.

Так, за период с 1989 по 1993 г. официально регистрируемая занятость в народном хозяйстве России сократилась на 4,2 млн человек: с 75,2 млн до 71 млн при практически неизменной общей численности занятых — 83,8 млн. Из этих 4,2 млн человек только 1,1 млн зарегистрированы в качестве безработных. Остальные три миллиона как бы исчезли, растворились в пространстве.

Это сокращение не может быть объяснено увеличением числа домохозяйек за счет работающих женщин — доля женщин в регистрируемой занятости остается стабильной. Скорее, можно говорить о другом: очень многие работники, формально зарегистрированные в государственном секторе и получающие там символическую заработную плату вместо пособия по безработице, на самом деле работают полуполюгально в коммерческих структурах.

Таким образом, реальное сокращение численности занятых на государственных предприятиях оказывается весьма существенным, причем параллельно имеет место рост занятости в теневой

экономике. Поскольку сокращение занятости происходит в основном за счет сворачивания выпуска продукции, не пользующейся спросом, а теневая экономика по определению производит высоколиквидные товары, налицо прогрессивные структурные сдвиги, которые не измеряются официальной статистикой.

Опыт применения различных инструментов структурной политики в 1992–1993 годы

Полемика по поводу целей и средств структурной политики имеет не только академический характер. Дело в том, что в 1992–1993 гг. российское правительство, хотя и в бессистемной форме, применяло практически все методы структурной политики, которые предлагают ее адепты. Это льготные инвестиционные и конверсионные кредиты, регулируемые цены, направленная таможенная политика, создание вертикально интегрированных промышленно-финансовых групп.

Практика предоставления льготных кредитов, особенно распространенная в 1992 г., продемонстрировала полную неспособность государственных органов осуществлять рациональный выбор направлений государственной поддержки предприятий и контролировать эффективность использования выделенных средств.

Распределение средств осуществлялось через определенную группу коммерческих банков, тесно связанных с чиновниками ведомств, распределяющих финансовые ресурсы. Деньги шли до предприятий в течение трех-четырёх месяцев, принося в этот промежуток значительные прибыли банкам-посредникам.

Но и при поступлении денег на предприятия эффект в большинстве случаев оказывался противоположным ожидаемому. Попав в затруднительное положение, предприятия использовали полученные льготные кредиты не на структурную перестройку, а на обеспечение выплат заработной платы. Деньги, как правило, помещались в банк под высокий коммерческий процент. Проблемы предприятий оказывались таким образом отложенными до тех времен, пока не иссякал льготный кредит. Опросы, проведенные в 1992–1993 гг., показали, что большая часть получивших льготные кредиты предприятий не смогла осуществить мероприятия по структурной перестройке, необходимые для их выживания хотя бы

в среднесрочной перспективе, — льготные кредиты были для них разновидностью наркотика.

Наоборот, предприятия, которые в силу разных причин не имели доступа к льготным кредитам, рассчитывали только на свои силы и добились гораздо больших успехов.

Льготные кредиты и субсидии оказали искажающее воздействие на целые сектора экономики, в частности на зерновое хозяйство. Чрезвычайно льготные условия функционирования этой отрасли (высокие цены госзакупок, льготные кредиты и субсидии) сделали растениеводство высокорентабельной отраслью, что привело в течение последних двух лет к существенным сдвигам в структуре землепользования в сторону увеличения посевов пшеницы.

Сейчас Россия практически может обойтись без импортного зерна, а в обозримом будущем — стать его крупным экспортером. Есть однако одно но: уже сейчас цены на зерно в России приближаются к мировому уровню. В дальнейшем неизбежное отставание динамики валютного курса рубля от инфляции сделает экспорт российского зерна нерентабельным. Вполне возможно, что возникнет даже конкурирующий импорт на российском рынке.

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод — преференции для растениеводства привели к экстенсивному развитию этого сектора, лишили его стимулов повышения эффективности и в конечном счете подорвали перспективы его долгосрочного развития.

Когда отечественные структуралисты говорят о необходимости регулирования цен для защиты российской обрабатывающей промышленности и создания благоприятных условий для структурной перестройки, они имеют в виду преимущественно энергоносители. Такой опыт в России имеется. В 1992 г. при проведении общей либерализации цен были установлены потолки на рост цен в топливно-энергетическом секторе.

В результате в наибольшем выигрыше оказались энергоемкие базовые отрасли народного хозяйства — черная и цветная металлургия, тяжелая химия и нефтехимия, деревообрабатывающая промышленность. Цены внутреннего рынка на продукцию этих отраслей существенно оторвались от издержек. Особенно высокие прибыли производителям приносил экспорт, как легальный, в рамках установленных правительством квот, так и нелегальный.

Очевидно, что крупные прибыли не были использованы предприятиями этих отраслей для повышения эффективности или проведения реконструкции производственных мощностей. Отчасти эти прибыли пошли на повышение заработной платы работников предприятий, отчасти — на экстенсивное расширение производственных мощностей.

На фоне общего сокращения занятости в промышленности, в этих отраслях на протяжении 1992 г. происходил ее рост — и это притом, что объемы производства все-таки сокращались.

Повышение в 1993 г. относительных цен на энергоносители и падение реального курса доллара относительно российского рубля сделали невыгодным экспорт большинства видов продукции базовых отраслей и резко сократили возможности реализации и получения прибыли. Но к этому времени уже были произведены инвестиции в расширение производственных мощностей, а работники привыкли к высокому уровню заработной платы.

Теперь необходимая структурная перестройка базовых отраслей будет происходить в условиях гораздо более тяжелых — два года потеряно на развитие в совершенно ложном направлении. Такковы результаты осуществления политики регулирования цен в целях облегчения структурной перестройки.

Оборотной стороной псевдорасцвета базовых отраслей промышленности в условиях регулирования цен на энергоносители является псевдокризис отраслей топливно-энергетического комплекса, усугубляемый количественными ограничениями на экспорт нефти и нефтепродуктов. Сложилась парадоксальная ситуация: комплекс отраслей, производящих наиболее конкурентоспособную на мировом рынке продукцию, вынужден продавать свою продукцию внутри страны по заниженным ценам, и даже по этим заниженным ценам потребители не платят вовремя. Экспорт же ограничен произвольно устанавливаемыми квотами. В результате производство сворачивается, инвестиций нет.

В то время как экспортные квоты и налоги на экспорт активно использовались российским правительством для ограничения российского экспорта, в сфере импорта такого опыта нет — в начальный период реформы внутренний рынок был надежно защищен завышенным курсом доллара.

Сейчас ситуация изменилась. С 15 марта 1994 г. введен новый импортный тариф, который предусматривает запретительные пошлины по ряду видов продукции, в частности по автомашинам, самолетам и некоторым электронным компонентам. Особенно благоприятные условия созданы для отечественных производителей автомобилей, которые получили ряд дополнительных налоговых льгот.

Результаты такой политики нетрудно предугадать. Отечественное автомобилестроение, уже и сейчас изрядно отставшее от мировых стандартов, под защитой запретительных импортных пошлин окончательно потеряет стимулы к техническому развитию, равно как и шансы хоть когда-нибудь достичь мировых стандартов качества.

По крайней мере проект «народного» автомобиля, предложенный крупнейшим автозаводом России для выпуска в 1997 г. и рекламируемый в качестве лучшего достижения отечественного автомобилестроения, к моменту выхода на рынок будет безнадежно устаревшим и абсолютно неконкурентоспособным.

Российские предприятия как основные субъекты структурной перестройки

Выявление перспектив структурной перестройки в России требует уделить внимание специфическим особенностям российских предприятий, которые делают их основными субъектами этого процесса.

Одна из характерных особенностей российских предприятий, которая сформировалась в полном объеме в 1970-е гг., — чрезмерная диверсификация их производственного профиля, описываемая как «натуральное хозяйство». Объяснение этого феномена связано прежде всего с тем фактом, что в 1950–1960-х гг. существенно ослабла плановая дисциплина межотраслевых (а точнее, межведомственных) поставок. В этих условиях для того чтобы обеспечить устойчивость функционирования предприятий, их руководители создали весьма развитую сферу вспомогательных производств, на которых производились самые разнообразные материалы и комплекующие — от простейшего инструмента до сложных видов проката.

В наибольшей степени подобное «натуральное хозяйство» было развито на оборонных предприятиях, где, однако, главным аргументом в пользу подобного развития служила выживаемость отдельного обособленного предприятия при разрывах хозяйственных связей в условиях военных действий.

Будучи само по себе источником неэффективности, такое «натуральное хозяйство» является позитивным фактором выживания предприятий в условиях экономической реформы и конверсии. Сильно диверсифицированный профиль предприятия, наличие значительного парка универсального оборудования существенно повышают устойчивость функционирования предприятия при быстрых изменениях структуры спроса.

Зачастую выпуск основной продукции почти полностью прекращается, а необходимый уровень загрузки мощностей и персонала достигается в основном за счет переориентации вспомогательных мощностей и универсального оборудования на выпуск новой продукции.

Именно этим фактором объясняются значительные успехи в процессе реализации программы конверсии. В 1992 г. были осуществлены беспрецедентные сокращения закупок вооружений и военной техники, достигавшие по разным позициям от 50 до 80%. С учетом достигнутой к этому времени степени конверсии отраслей ВПК, в среднем равной 50%, можно было ожидать падения производства в этих отраслях на 40–50% и высвобождения работников в размере 10–15% от численности занятых.

На практике ни одна из отраслей не испытала таких сокращений валовых объемов выпуска продукции и численности занятых. Отрасли ВПК справились с проблемами начального периода структурной перестройки возможно даже более успешно, чем другие сектора народного хозяйства.

В настоящий период процесс конверсии ВПК можно считать завершенным в том смысле, что масштабы оборонного заказа сохранятся на нынешнем уровне в течение довольно длительного времени. Глубина конверсии отраслей ВПК к концу 1993 г. достигла 85%.

Однако в другом смысле процесс конверсии ВПК, равно как и процесс структурной перестройки в других отраслях, находится в самом начале. Действительно, та структурная перестройка, ко-

торая происходила на этих предприятиях в течение 1992–1993 гг. и помогла им выжить, носила преимущественно пассивный характер. Здесь шла речь о лучшем использовании имеющихся ресурсов.

Сейчас возможности комбинации ресурсов, да и сами ресурсы в значительной степени исчерпаны. Теперь все зависит от начала активной фазы структурной перестройки, в которой важную роль будут играть новые инвестиции, новые технологии, новые способы организации производства.

Представляется, что и на этом этапе основную роль в процессе структурной перестройки будут играть существующие предприятия. Это связано с целым рядом институциональных и социальных факторов. Во-первых, на российских предприятиях сохраняются пережитки социалистических коллективистских отношений, проявляющиеся в нежелании как коллектива, так и администрации избавляться от избыточной рабочей силы. Это, с одной стороны, резко ограничивает мобильность рабочей силы и создает кадровые проблемы для вновь возникающих частных предприятий. С другой стороны, таким способом появляются свободные ресурсы рабочей силы внутри предприятий. Эти ресурсы как раз и могут быть эффективно использованы для развития новых производств.

Другой аспект, пожалуй, еще более важен. Дело в том, что существующие предприятия имеют несомненное преимущество перед вновь возникающими в плане владения землей и недвижимостью. Новому предприятию чрезвычайно трудно получить у местных властей землеотвод, необходимые разрешения у различных инстанций и органов надзора. В любом случае это, как и аренда недвижимости, стоит очень дорого.

В то же время ни местная, ни даже федеральная власть не могут отнять у существующего предприятия земельный участок и капитальные активы. Инвестиции в существующее предприятие и с этой точки зрения являются наиболее предпочтительным способом осуществления структурной перестройки.

Поэтому переход к активной фазе структурной перестройки в решающей степени зависит от поведения самих предприятий, большая часть которых акционирована и частично приватизирована.

Основное противоречие, с которым столкнется процесс структурной перестройки в институциональной сфере, заклю-

чается в следующем. Значительная часть акций предприятий была передана в процессе приватизации трудовому коллективу и администрации предприятий. По большей части эти владельцы предприятий склонны к консервации существующего на предприятии положения как в отношении сохранения структуры и численности рабочих мест, так и в отношении структуры производства. Это и становится главным препятствием для структурной перестройки.

Эта проблема могла бы быть решена путем скупки акций стратегическим инвестором. Но в настоящее время акции большинства приватизированных предприятий неликвидны в буквальном смысле этого слова — просто не существует места, где их можно было бы купить. Эти акции лежат в самых разнообразных местах, и стратегическому инвестору придется изрядно потрудиться — сначала для того, чтобы найти акции, а затем для того, чтобы уговорить владельцев расстаться с этими акциями.

Ведь именно из-за того, что акции предприятий не котируются на фондовом рынке, их купля-продажа превращается в мучительный переговорный процесс. Но даже скупка стратегическим инвестором определенного количества акций не дает ему гарантии получения контроля над предприятием, поскольку он не знает как в будущем распределятся оставшиеся акции.

Таким образом «захват» стратегическим инвестором приватизированного предприятия превращается в длительный процесс переговоров и согласований с весьма неопределенным результатом. Пройдет еще немало времени, прежде чем в приватизированное предприятие пойдут частные инвестиции, и еще больше времени потребуется для получения реальных результатов — увеличения занятости, повышения эффективности производства, роста объема выпускаемой продукции.

Политические выводы

С учетом крайне ограниченных возможностей вмешательства государства в процессы структурной перестройки возникает вопрос: что все-таки можно сделать в сфере экономической политики для облегчения перехода к активной фазе структурной перестройки экономики?

Условия для такого перехода в 1994 г. складываются крайне удачно. Уже с конца 1993 г. резко выросла склонность населения к сбережениям — впервые за два года реформы сбережения населения в коммерческих банках (прежде всего в Сбербанке) начали расти в реальном исчислении. Значительные средства накоплены на рублевых и валютных счетах российских предприятий.

Значительно сократились темпы инфляции, ставка процента стала положительной в реальном исчислении. В то же время доверие к национальной валюте до сих пор не восстановлено, доллар по-прежнему предпочтительнее рубля в качестве средства накопления. Как население, так и промышленные предприятия основные накопления осуществляют в долларах, несмотря на очевидную экономическую невыгодность этой операции с точки зрения краткосрочной перспективы.

Пока в качестве средства накопления доллар не вытеснен рублем, сбережения российских предприятий и граждан используются не как финансовые ресурсы для структурной перестройки народного хозяйства России, а для кредитования дефицита государственного бюджета США. Таким образом, остановка инфляции остается основным средством для восстановления доверия к рублю, ремонетизации национальной экономики и мобилизации сбережений на нужды отечественной экономики.

Важным элементом запуска механизма структурной перестройки на основе роста частных инвестиций является создание соответствующей системы финансовых институтов, трансформирующей частные сбережения в инвестиции. Пока более или менее стабильным элементом этой системы являются коммерческие банки. Однако следует заметить, что эпоха процветания коммерческих банков в условиях дешевого государственного рефинансирования подошла к концу.

В предстоящие годы источником капитализации коммерческих банков станут преимущественно частные сбережения. В этой связи крайне важным фактором стабильности банковской системы и доверия к ней населения становится качество портфелей активов этих банков. Как показывает опыт стран Восточной Европы, крах нескольких крупных коммерческих банков, весьма вероятный в условиях снижающейся инфляции, способен существенно подорвать доверие общества к нарождающимся финансовым институ-

там. В этом смысле надзор и регулирование банковской деятельности имеют первостепенное значение.

То же самое можно сказать и о других институтах финансового рынка: инвестиционных и пенсионных фондах, страховых компаниях. Желание быстрого обогащения и доверие к различным проходимцам самым естественным образом уживаются в сознании российских граждан с требованиями к государству о покрытии всевозможных убытков, которые они понесли в результате этой доверчивости. Регулярные скандалы, связанные с деятельностью различных чековых фондов и финансовых компаний, когда их владельцы, набрав у населения огромные суммы денег, убегают с ними в неизвестном направлении, никого ничему не учат.

Но даже если государству удастся блокировать деятельность недобросовестных финансовых институтов, это не устраним фундаментальной экономической проблемы, связанной с крайне низким качеством ценных бумаг, имеющих в наличии в российской экономике. Институциональным инвесторам оказывается просто не с чем работать.

Выходом из создавшегося положения является предоставление государственных гарантий по ценным бумагам, связанным с определенными инвестиционными проектами. Условиями предоставления государственных гарантий должны являться не приоритеты структурной политики, которые невозможно определить, а качество проекта, поддержанное собственными ресурсами стратегического инвестора.

Предоставление государственных гарантий под инвестиционные ценные бумаги позволит обеспечить стабильность финансового рынка России и усилит приток частных инвестиций через систему специализированных финансовых институтов.

В течение последнего года были достигнуты существенные успехи на пути приближения отечественных ценовых пропорций к структуре мировых цен. В результате перспективы вложений в экономику России для отечественных и зарубежных инвесторов стали более стабильными.

Однако цены в России либерализованы не полностью, сохраняется также неопределенность относительно ценовых пропорций в будущем, в связи с сохраняющимися экспортными квотами и таможенными пошлинами. Поэтому ни один инвестор при развитии

в России какого-либо производства, связанного с внешней торговлей, не может быть уверен, что в ближайшие три года не будут введены новые запретительные таможенные тарифы.

С этой точки зрения необходимо в ближайшее время осуществить ряд мер, направленных на обеспечение предсказуемости ценовых пропорций на определенный период. Во-первых, следует немедленно отменить количественные ограничения на экспорт и в течение следующего 1995 г. — экспортные налоги. За этот период цены на экспортируемые из России товары приблизятся к мировым и будут отличаться от них на величину транспортных издержек.

В сфере регулирования импорта необходимо установить предельные размеры импортных таможенных пошлин на уровне 30%, а также уравнивать ставки акцизов на отечественные и импортируемые товары. Следует также осуществить дальнейшую унификацию таможенных пошлин по группам товаров и зафиксировать всю систему внешнеторгового регулирования на несколько лет в неизменном состоянии.

Доступность земли и недвижимости, как было отмечено выше, является одним из ключевых условий инвестирования в новые производственные мощности. Земельные отношения в России чрезвычайно запутанны, и поэтому попытка приватизации земли и недвижимости, не учитывающая российских реалий, будет обречена на неудачу. Кроме того, данный процесс нельзя пускать на самотек, так как местные органы власти, в настоящее время осуществляющие эффективный контроль за этими локальными ресурсами, никогда их по собственной воле не отдадут.

«Мягкое» решение этой проблемы может состоять в трансформации нынешних прав пользования объектами недвижимости в права собственности путем принятия некоторого законодательного акта, причем дальнейшая передача этих прав никоим образом не должна контролироваться органами власти. Такая операция позволит создать бурно развивающийся свободный рынок земли и недвижимости вместо ныне существующего крайне деформированного бюрократического рынка.

[О коррупции и госрегулировании]

*Из выступления на международной научной конференции
«Российские реформы: установившиеся интересы
и практические альтернативы»*

13–15 апреля 1995 г.

Опубликовано (с сокращениями) в: Открытая политика. № 4 (6). Август 1995 г.

Я бы обратил внимание на несколько обстоятельств вселяющих в меня оптимизм. Первое. Иногда возникает такое впечатление, что коррупция, отличающая все молодые рыночные экономики, — это небывалая вещь, которая случилась только в России и блокировала всякие надежды на экономические реформы.

Чудо быстро растущих рыночных экономик отличается очень развитой коррупцией государственных аппаратов.

Я имел возможность обсуждать проблемы японского экономического роста со многими крупными политическими деятелями Японии, включая нескольких премьер-министров, которые руководили этим ростом. И они в один голос мне говорили, что я недооцениваю роль коррупции и теневой экономики на заре японского экономического чуда.

Короче говоря, это может нравиться или не нравиться. Мне, например, коррупция очень не нравится. Я считаю ее страшным злом для России. Это отвратительное, мерзкое явление. Но тем не менее мы должны понять одну вещь: коррупция сама по себе не останавливает экономический рост. Она вредна для экономического роста, она, без всякого сомнения, вредна для государства, но, в общем, экономический рост возможен и в условиях администрации с высоким уровнем коррупции. Это первый как бы неприятный, политически невыгодный вывод. И тем не менее мы должны сегодня это осознать.

Второй вывод, на мой взгляд, совсем банальный, состоит в том, что коррупция теснейшим образом связана с административной рентой и с искусственным государственным регулированием. Это всем известная вещь, особенно после работ, в которых объем теневой экономики, как известно, рассчитывался исходя из объема избыточного регулирования (я, естественно, имею в виду классические работы по турецкой и индийской экономике). Для меня после моего опыта работы в правительстве это стало как бы фактом, не подлежащим обсуждению. Я теперь точно знаю, что когда ко мне приходят люди и предлагают ввести то или другое государственное регулирование, то в подавляющем большинстве случаев они точно знают, кто от этого государственного регулирования будет получать реальные деньги.

Я помню замечательную историю в 1993 г., как мы вместе с Борисом Федоровым¹ отменяли экспортные квоты на вывоз древесины. К этому времени у нас были огромные проблемы на внутреннем рынке с реализацией древесины. На нее не было явного платежеспособного спроса. Недостаток платежеспособного спроса на древесину лиственных пород приводил к огромным финансовым проблемам в лесном комплексе и к падению производства. Как в такой ситуации можно было объяснить необходимость сохранения квот на экспорт древесины, для меня, как человека не совсем искушенного, было непонятно. Поэтому я эти квоты отменил. Несколько раз я собирал у себя совещания и спрашивал уважаемых коллег, настаивавших на введении квот в отраслевых министерствах и МПС: объясните мне, пожалуйста, напишите на бумажке, для чего нужны эти квоты, если у нас избыток древесины? Я ни разу не получил ни одного вразумительного ответа. И тем не менее, не успев уйти из правительства, я узнал, что эти квоты восстановлены.

И таких примеров можно приводить бесконечное множество. Они все подтверждают банальную истину: колоссальный источник высокой коррупции в условиях раннего нестабильного рынка — это, конечно, неэффективность работы рыночных механизмов, по-

¹ Федоров Борис Григорьевич (1958–2008) — экономист, один из активных участников и организаторов экономических реформ в России. Был заместителем председателя правительства РФ в 1992–1994 и 1998 гг., а также министром финансов РФ, руководителем Госналогслужбы и др. — *Прим. ред.*

тенциально огромные прибыли, с этим связанные, и возможность извлечения административной ренты в крупных масштабах. Высокая инфляция, низкая процентная ставка, распределяемые кредиты — источник коррупции. Закрытая экономика, квоты — источник коррупции. Индивидуальные налоговые льготы и льготы по импортному тарифу — источник коррупции. Средства, которые даются на государственные закупки сельхозпродукции, — сегодня крупнейший источник коррупции. Притом что аграрное лобби в значительной степени сегодня обслуживает интересы сугубо как бы не аграрного сектора (аграрный сектор для него является прикрытием, идейной базой, под предлогом которой они выбивают деньги), а суть, задача совсем другая — это отвлечение денег в многочисленные коммерческие структуры, которые вкладывают их в ту же самую валюту. Эта тенденция прекрасно прослеживается и в регионах, и на федеральном уровне, практически повсеместно.

То обстоятельство, что коррупция прямо пропорциональна количеству чиновников в обществе и прямо пропорциональна количеству конфискационных прав, которые у них есть, опыт последних трех-четырёх лет очень убедительно подтвердил. Так что в общем ясны стратегические направления борьбы с этим. Мы должны держать курс на последовательное дерегулирование экономики там, где регулирование слишком очевидно связано с коррупцией, мы должны провести серьёзную реформу государственного аппарата, который сегодня у нас является феноменальным, потому что он продолжает как бы пытаться выполнять прежние никчемные функции и одновременно не может научиться выполнять те, которых жестко требует сегодняшняя жизнь. Вот, скажем, мне как премьеру объяснить, чем занимается Комитет машиностроения, было абсолютно невозможно. Я не знаю. Я не знаю, чем занимается Комитет по химической промышленности.

Короче говоря, в чем я абсолютно согласен с Борисом Федоровым, — в том, что реформы системы государственного управления должны сделать его адекватным нынешним задачам, существенно более компактным, ликвидировать огромное количество органов, которые достались нам по наследству.

Некоторые вопросы конверсии оборонной промышленности в России

Выступление на заседании Реформ-клуба «Взаимодействие»

25 апреля 1995 г.

Опубликовано в: «Россия и современный мир». 1995. № 3.

Участники сегодняшней дискуссии не раз повторяли вопрос: «Куда ушли деньги, которые выделялись на финансирование оборонных заказов в 1990–1991 гг.?» Должен сказать, что в свое время, возглавляя российское правительство, я тоже задался этим вопросом. Ответ найти оказалось не так уж сложно. Для этого достаточно было проанализировать баланс Сбербанка за 1990–1991 гг. и проследить, куда уходил прирост вкладов населения в этот период. Прирост вкладов шел на финансирование дефицита бюджета. Или, проще говоря, все деньги из Сбербанка шли в военно-промышленный комплекс. Работники в военно-промышленном комплексе получали неплохую зарплату, но, придя с нею на рынок, с удивлением убеждались, что там почему-то ничего нет. Эти «лишние» деньги люди вынужденно несли в Сбербанк, ожидая «лучших времен».

Государство же, распоряжаясь вкладами населения как своими, прямоком направляло деньги из Сбербанка обратно в военно-промышленный комплекс.

Таким образом, деньги, выделенные на финансирование оборонного комплекса, и деньги вкладчиков, на глазах обесценивавшиеся в Сбербанке, — это, по существу, одни и те же деньги. Так как именно за счет денег вкладчиков финансировался в 1990–1991 гг. оборонный комплекс.

Впрочем, есть и второй известный источник, питавший предприятия оборонки в этот период. Внешне его легко заметить все

в том же бюджете 1990–1991 гг., он проявляется как серьезная аномалия бюджетных доходов. Их доля в ВВП неожиданно возрастает. Суть этой аномалии предельно проста. Для того чтобы профинансировать военно-промышленный комплекс, были проданы наши золотые запасы.

Могу продолжать и дальше перечислять источники, за счет которых финансировалась тогда оборонка, и продемонстрировать, что этих источников сейчас нет, да и не может быть в нормальном государстве. Вообще, экономика с такой долей ВПК в структуре промышленного производства и долей реальных военных расходов, которую мы тогда имели, могла существовать только в условиях очень специфического социально-экономического и политического режима.

Крах тоталитарного режима стал реальным фактом 22 августа 1991 г., и это объективно, независимо от воли того или другого политика резко сократило ресурсный поток в военные отрасли. Это могло проявляться как в форме прямого сокращения финансирования ВПК, так и в форме неотоваривания так называемых фондов с красной полосой. В любом случае сам процесс сокращения доли военных расходов был задан крахом тоталитарного режима.

Неудивительно, что ни в одной постсоциалистической стране, пережившей развал тоталитарного режима, не было упорядоченной и постепенной конверсии. Везде имело место скачкообразное и резкое сокращение военных расходов. Разумеется, столь радикальное сокращение ресурсного потока предельно болезненно для любой отрасли, в том числе и для военно-промышленной. Однако это было не продуктом злой или доброй воли того или иного политика, а неизбежным результатом катастрофического краха тоталитарного режима.

Чтобы не быть бесконечно пессимистичным, я напомним два случая, когда с проблемами столь же радикального сокращения военных расходов столкнулись два вполне милитаризованных режима. Я имею в виду гитлеровскую Германию и милитаристскую Японию. Именно там темпы сокращения доли военных расходов в валовом внутреннем продукте были сопоставимы с темпами, которые наблюдаются сегодня в постсоциалистических странах. Впоследствии же как раз эти страны и показали наиболее динамичный экономи-

ческий рост, который весь мир с изумлением наблюдал на протяжении последних десятилетий.

Впрочем, я далек от мысли, что в области конверсии оборонной промышленности России нет серьезных проблем. Главная из них в том, что до сих пор у нас нет военной доктрины, нет программы вооружений. Соответственно, у военно-промышленного комплекса нет четкости в ответе на базовый вопрос: что должно остаться под жестким государственным контролем? В результате под эгидой Госкомитета по оборонным отраслям была предпринята попытка оставить как можно больший круг предприятий, частично загруженных оборонным заказом, под прямым государственным контролем. Вместо того чтобы выбрать из двух тысяч предприятий двести и сказать им четко: у вас будет оборонный заказ, вы остаетесь казенными, а остальные — свободны, вместо этого представители Гособоронпрома обещали всем предприятиям «выбить» деньги под заказ. Понятно, что в конце концов денег добыть не удалось.

К сожалению, пока рано говорить о взаимопонимании между апологетами сохранения всего неподъемного для нашей страны ВПК и теми, кто понимает неизбежность разумного, управляемого, но достаточно быстрого сокращения доли оборонных отраслей в российской экономике. Но надеюсь, что, как всегда на заседаниях нашего клуба, мы сумеем лучше понять аргументы и позиции друг друга.

Теоретические аспекты рыночной трансформации экономики

*Выступление на международной конференции ИЭППП
«Посткоммунистическая трансформация, опыт пяти лет»*

2 декабря 1995 г.

Опубликовано в: Научные труды № 2Р. Посткоммунистическая трансформация: опыт пяти лет: сб. докладов. М.: ИЭППП, 1996.

Со многими коллегами, собравшимися в этом зале, мы обсуждали проблемы посткоммунистической трансформации с середины 1980-х гг. на семинарах в Санкт-Петербурге, в Москве, на серии очень полезных семинаров, организованных в свое время Институтом прикладного и системного анализа. Тогда выявился набор основных сюжетов, определились основные проблемы и дискуссионные вопросы, связанные с переходным периодом после распада коммунистического режима и которые тогда представлялись наиболее интересными и наиболее важными.

Давайте вспомним, что нам было ясно и что не ясно более пяти лет тому назад, еще до начала реальных экономических реформ в посткоммунистическом мире.

Было ясно, что основные направления реформ, скорее всего, будут включать либерализационные мероприятия, мероприятия по финансовой стабилизации, по открытию экономики, структурные реформы.

Наши дискуссии шли по трем основным направлениям.

Первое — это блок проблем, связанных с тем, в какой мере постсоциалистическая экономика будет вести себя по меньшей мере в инфляционной и денежной области примерно так же, как ведут себя традиционные рыночные экономики. По этой проблеме существовало две точки зрения.

Первая из них состояла в том, что экономики эти настолько специфичны, что в них стандартные формы регулирования инфляционных процессов, скорее всего, не будут действовать, по крайней мере не будут действовать надежно.

Другая точка зрения связана с тем, что стандартные зависимости между денежной массой, валютным курсом, темпом инфляции, спросом на деньги будут проявляться и в этих экономиках, но, может быть, с некоторыми изъятиями.

Второй круг проблем был связан с альтернативой скорости реформы: максимально-решительные, радикальные реформы после развала социализма или постепенные, более медленные реформы.

Третий круг проблем, который очень активно обсуждался, — это проблемы, связанные с последовательностью преобразований: что раньше — либо приватизация, либо либерализация, либо демонополизация и т.д. И здесь тоже выявилось две наиболее широко представленные точки зрения.

Сторонники первой выступали за принцип, в соответствии с которым необходимо как можно быстрее начинать преобразования по всем основным направлениям реформ. И только сама неизбежная разная длительность либерализационных, стабилизационных и приватизационных мероприятий будет определять, что можно сделать на том или другом этапе.

Вторая точка зрения состояла в том, что можно и необходимо разрабатывать детальные программы постепенных реформ, где каждый следующий этап предполагает выполнение целого комплекса работ на предшествующем этапе.

На мой сегодняшний взгляд, опыт всех стран, выходящих из развалившегося социализма, позволяет дать достаточно определенный ответ на три когда-то главных и самых сложных и спорных вопроса.

Первое. Инфляция оказалась существенно более денежным феноменом после социализма, чем это предполагали даже самые горячие сторонники того, что она, скорее всего, будет идти так, как ей велит экономическая теория. И, кстати говоря, по вполне понятным причинам: мы вынуждены были жить в условиях высокой инфляции, как правило инфляции, превышающей 50–100% в год, а это как раз тот режим, для которого традиционное построение денежной теории оказывается наиболее применимым и который

в наибольшей степени позволяет надежно прогнозировать темпы инфляции, темпы валютного курса, скорость обращения денег и т.д. На мой взгляд, это полный провал неденежных теорий инфляции, теорий структурной инфляции, превышающей 50%, это в высшей степени бесспорный интеллектуальный результат последних пяти лет.

Второе. Сравнение опыта стран, пытавшихся проводить наиболее радикальные и наиболее последовательные реформы, и тех, кто пытался двигаться медленнее, достаточно убедительно показывает, что только там, где реформы были наиболее радикальными и наиболее последовательными, достигнуты наиболее благоприятные экономические результаты. Именно там раньше всего начинается экономический рост, рост благосостояния, именно там, если посмотреть в динамике, наименьшее падение доходов за период преобразований или более быстрый рост реальных доходов. Разумеется, здесь есть естественные проблемы разных стартовых условий. Был особый случай Венгрии — страны, которая далеко продвинулась по пути рыночных реформ к моменту развала социализма, где реформы были постепенными, так как готовились много лет. И тем не менее сегодня, сравнивая экономическое положение Венгрии с экономическим положением Польши или Чехии, мы видим, что сравнение это, отнюдь, не в пользу результатов более постепенной, более медленной трансформации.

Третье. Нигде не удалось решить проблемы приватизации и демонополизации до начала либерализационных мероприятий. Может быть присутствующие в этом зале приведут примеры удачно разработанных и выполненных поэтапных программ экономических преобразований, построенных по принципу «первая колонна марширует, вторая колонна марширует, третья колонна марширует и т.д.». Насколько мне известно, это не удалось нигде. Очень быстро проявилась разная временная протяженность различных реформенных мероприятий: наиболее короткая для инфляционных, более длинная для стабилизационных мероприятий, наиболее длинная для приватизационных мероприятий. Сегодня, на мой взгляд, в полной мере доказали свою бесплодность попытки разрабатывать программы реформ в форме подготовки диспозиции к битве при Аустерлице.

Прошедшие пять лет будут предметом самого тщательного изучения в рамках экономической теории, так же как и периоды гиперинфляции после Первой и Второй мировых войн, поскольку прошедший период дает много нового для понимания собственно экономических закономерностей. Самый естественный пример — прекрасная, я думаю многим здесь присутствующим известная работа М. Бруно и В. Эстерли¹ по взаимосвязи инфляции и экономического роста была выполнена на совокупности данных, не включавших посткоммунистические системы, но все, что произошло после развала коммунизма, подтверждает выводы, сделанные в этой работе, включая блестяще отмеченный стержневой порог — 40% годовых, начиная с которого инфляция в полной мере разрушительно действует на рост. Это один из примеров того, как опыт позволяет нам существенно углубить общетеоретические представления об экономике.

Я надеюсь, что эти вопросы принадлежат уже, скорее, экономической истории, экономической теории, что этот комплекс проблем уже решен, может быть с течением времени только Северная Корея и Куба столкнутся с аналогичными задачами и для них это будет представлять практический интерес. Надеюсь, что в подавляющем большинстве стран этот тяжелый первый период после развала социализма уже завершен. Но именно поэтому сейчас, на мой взгляд, на повестку дня выступают другие более долгосрочные проблемы, связанные с посткоммунистической трансформацией, к решению которых мы только сейчас подступаем.

Когда мы назвали наш институт Институтом экономических проблем переходного периода, многие наши коллеги несколько с юмором спрашивали: а как долго продлится этот переходный период? К сожалению, анализ долгосрочных экономических тенденций показывает, что родимые пятна социализма на возникающих рыночных экономиках будут проявляться на протяжении не месяцев и лет, а на длинной исторической перспективе. Именно они задают тот набор альтернатив в экономической политике постсоциалистических экономик и тот набор наиболее серьезных рисков для этих политик, с которыми будут сталкиваться в разных социально-экономических условиях все, кто выходит из социализма.

¹ См.: Бруно М., Эстерли В. Инфляционные кризисы и долгосрочный рост. М.: Дело, 1995. — Прим. ред.

Есть довольно хорошо выявившиеся долгосрочные макроэкономические тенденции развития рыночных экономик. Скажем, тенденция постепенного роста доли ресурсов, перераспределяемых через государственный бюджет по мере роста уровня валового внутреннего продукта, приходящегося на душу населения, когда есть, с одной стороны, свобода маневра от либеральных к социал-демократическим режимам, а с другой стороны, область допустимых значений, не позволяющая далеко перешагнуть за пределы имеющихся возможностей. Вы не найдете экономик с уровнем валового внутреннего продукта на душу населения в 3–5 тыс. долларов, которые перераспределяли бы 40% своего валового внутреннего продукта через бюджет. Точно так же есть известные закономерности, определяющие возможности маневра в области военных расходов по их доле в ВВП. Есть известные закономерности постепенного развития социальных программ, финансируемых за счет бюджета по мере повышения уровня экономического развития. С точки зрения всех этих закономерностей выходящие из развалившегося социализма экономики окажутся в аномальном положении, существенно отличающемся от условий, в которых находятся сопоставимые по уровню развития рыночные экономики, экономики, не знавшие социалистического эксперимента.

Во-первых, даже после первых стабилизационных мероприятий постсоциалистические экономики получают в наследство государственные расходы, существенно более высокие, чем те, которые характерны для рыночных экономик этого уровня развития.

Во-вторых, и это особенно относится к России, существенно более высокие военные расходы, традиционно более высокая доля военного сектора в экономике, чем та, которая характерна для рыночных экономик, не знавших социализма.

В-третьих, они получают уровень развития социальных программ, отнюдь не слишком расточительный по стандартам наиболее богатых и обеспеченных рыночных экономик, но существенно более высокий, чем тот, который характерен для стран их уровня развития.

И, в-четвертых, они получают экономику, в которой нет сложившейся традиции легитимизации частной собственности и нет традиций, легитимизирующих складывающееся распределение доходов.

На мой взгляд, этот набор специфических черт задает основные точки напряжения в долгосрочном экономическом развитии этих стран. Я не знаю примеров, когда бы существенные и ставшие привычными социальные программы были без катастрофических социальных и политических последствий отменены. Вопрос — как и почему они сложились — вопрос интересный для экономической истории. Надо понять, что если определенный набор социальных гарантий, начиная от пенсионной системы и кончая бесплатным образованием и здравоохранением, установился и стал привычным, то любые попытки свернуть эти гарантии заведомо невыполнимы, по меньшей мере они заведомо невыполнимы в условиях демократии. Это задает область допустимых значений.

Если это так и если уровень социальных программ, доставшийся в наследство, крайне высок по стандартам рыночных экономик, это значит, что область допустимых значений для дотаций и военных расходов существенно ниже, чем для рыночных экономик, не знавших социализма. Тайвань мог позволить себе успешно развиваться, имея военные расходы, характерные для устойчивых рыночных экономик, потому что он очень постепенно развивал любые другие формы нагрузки на свой бюджет. Для постсоциалистических экономик возможности маневра в области военных расходов существенно ниже, чем область маневра для стран, не прошедших социализм. Точно так же абсолютно неоправданными являются ссылки на дотации, которые используются в рыночных экономиках, не прошедших социализм, как обоснование возможности и допустимости такой широкомасштабной практики в наших условиях, поскольку у них иная история, у них нет этого сформировавшегося уровня не снижаемых социальных программ.

Короче говоря, это означает, что условия экономической политики, финансовой политики, по меньшей мере в двух областях — в области дотаций и военных расходов, — являются более жесткими для постсоциалистических экономик, чем для экономик, не прошедших социализм. И здесь на самом деле выявляется вполне понятная стратегическая альтернатива, сопоставимая со стратегической альтернативой выбора медленных и постепенных или быстрых и решительных реформ. Это либо осуществление программ, позволяющих существенно повысить эффективность использования средств, направляемых на реализацию социальных программ,

с контролем за динамикой этих расходов, не допускающим их разбухания при неэффективных тратах, и одновременные меры, позволяющие резко ограничить расходы по другим направлениям государственного бюджета. На этой основе обеспечивается преодоление финансового кризиса и создается база устойчивого экономического роста.

Непоследовательные колебания приводят к другому пути, к возврату популистской политики дотаций и к попытке броситься по пути демилитаризации экономики. Но тогда совершенно неизбежен острый финансовый кризис, неразрешимы в среднесрочной перспективе финансовые проблемы, неизбежны перемежающиеся периоды краткосрочных стабилизационных усилий и периоды экономики популизма, хорошо известные многим из присутствующих по опыту ряда латиноамериканских государств.

Короче говоря, в этом случае мы получаем хроническую ситуацию нестабильности, которая в силу уже нам хорошо понятной и проверенной зависимости между инфляцией и темпами экономического роста, блокирует возможности последнего, порождает дополнительный перераспределительный конфликт и сильнейшее политическое напряжение, связанное с попытками восстановить механизм подавленной инфляции, хорошо известный по нашему экономическому прошлому.

Вот, на мой взгляд, та довольно жесткая развилка, перед которой мы находимся. Конечно, есть вполне очевидные, хотя и печальные для нас взаимосвязи между тем, как решался первый набор проблем — радикальные или постепенные реформы, — и тем, в какой степени соответствующие страны имеют шансы решить второй набор долгосрочных проблем. Ясно, что там, где реформы были наиболее радикальными и давними, мы видим экономический рост. Шансы создать базу устойчивого развития там существенно выше, чем в экономиках, которые, испытали дополнительные издержки не последовательных и колеблющихся реформ. Тем не менее нет оснований полагать, что эта зависимость является жесткой и заданной и, на мой взгляд, любая ответственная политика в посткоммунистических странах в значительной степени определяется тем, в какой мере мы сможем отойти от развального сценария и задать дорогу для структурных реформ, закладывающих базу устойчивого роста.

Экономика посткоммунистических стран. Опыт сравнительного анализа

Выступление на научной конференции ИЭППП «Экономика посткоммунистических стран. Опыт сравнительного анализа»

25 января 1997 г.

Опубликовано в: Научные труды № 4Р. Либерализация и стабилизация — пять лет спустя. М.: ИЭППП, 1997.

Свое выступление я разделю на две части. К сожалению, часть времени мне придется потратить на изложение вещей, на мой взгляд, в высшей степени понятных, более того, ставших тривиальными и тем не менее постоянно вызывающих сомнения в России. Во второй части я постараюсь остановиться на вещах, которые мне кажутся более интересными, менее изученными. На протяжении последних семи лет, если включать Восточную Европу, и пяти лет, если сконцентрироваться на территории постсоветского пространства, накоплен уникальный опыт проведения различных экономических политик. За это время постсоветские правительства возглавляли люди, являвшиеся и ярыми либералами, и откровенными коммунистами, пытались проводить политики дирижистские и либеральные. Постсоветское пространство видело и гиперинфляции, и успешные и провалившиеся стабилизации, и попытки проведения популистских экспериментов. Сегодня мы имеем возможность опираться на весь этот богатейший опыт. Именно поэтому рассуждения о постсоциалистической трансформации неизбежно должны перестать носить умозрительный характер, в первую очередь ориентироваться на детальное изучение происходивших процессов. Без этого любые рассуждения о постсоциалистической трансформации сегодня просто смешны.

Если внимательно проследить за мировой литературой о постсоциалистической трансформации, за работами, которые печата-

ются, за взглядами, которые высказываются, то сегодня, на мой взгляд, исследователи, скорее, делятся не по политическим убеждениям, даже не по научным пристрастиям, они делятся на тех, кто реально изучал практику постсоциалистической трансформации и тех, кто этого не делал. Переход из одной группы в другую бывает очень простым. Например, еще в 1994 г. прекрасный американский экономист Ирма Адельман подписала, на мой взгляд, довольно суматошное, сумбурное письмо, подписанное группой российских и американских ученых по поводу постсоциалистической трансформации, отражающее хорошие намерения и полное отсутствие понимания того, что на деле происходит. Потом она решила разобраться в реальном ходе постсоциалистической трансформации. И в 1996 г. написала вместе с Д. Войовичем блестящую статью о постсоциалистической трансформации. Эта работа, во-первых, подтверждает то, что мы говорили по этому поводу последние годы, плюс к этому включает несколько очень интересных новых выводов, из которых, наверное, самым значимым было то, что важнейшим параметром, определяющим уровень продвижения по пути либерализационных реформ и формирования частных институтов в постсоциалистическом пространстве, параметром, перевешивающим все остальное, оказывается историческая протяженность социализма. Чем дольше длился в стране социализм, тем менее развитыми оказываются частные и рыночные институты. Это перевешивает колебания политики, разницу в тактике реформ и т.д. Это один из примеров, когда мы переходим от абстрактных рассуждений к анализу реальной жизни, реального опыта.

К моменту начала постсоциалистической трансформации, по крайней мере в России, и в какой-то степени в мире, существовало три распространенных высказывания-тезиса, которые и сегодня, так, как будто бы ничего не произошло за эти годы, повторяются в России. *Первый* — инфляция после социализма будет носить не денежный характер, она определяется структурными факторами, монополизацией экономики. *Второй* — невозможна финансовая стабилизация без стабилизации производства. И *третий* — необходимо сначала провести приватизацию, а уже потом либерализовать экономику. Когда это говорилось, скажем, в 1990 г., это был набор гипотез, нуждавшихся в проверке. Сегодня же за нами семи-

летний, соответственно, в постсоветском пространстве пятилетний опыт, который позволяет эти гипотезы однозначно проверить.

Итак, *первый* тезис о не денежном характере постсоциалистической инфляции оказался в полной мере опровергнут развитием событий. Темпы инфляции в постсоциалистических странах колебались очень сильно. Мы видели все — от гиперинфляции в Югославии до дефляции в Хорватии в 1994 г. Объяснить различия в: а) национальных темпах инфляции; б) в сравнительных межстрановых темпах инфляции, апеллируя к любым не денежным параметрам, невозможно. Во всех случаях темпы роста цен определялись предшествующими темпами роста денежной массы с различными лагами. Лаги, это естественно, были больше в крупных странах с более развитыми финансовыми рынками, они постепенно увеличивались в ходе трансформации, скажем, в России с 4 месяцев до примерно 6 месяцев; они были короче в странах с меньшими объемами экономик и менее развитыми финансовыми рынками, таких как Украина, где лаг практически составлял один-два месяца, но во всех случаях два фактора — инфляционная инерция и предшествующие темпы роста денежной массы позволяли с высокой степенью надежности предсказывать динамику инфляции в странах¹. По крайней мере для инфляций, превышающих 40%, эти закономерности действуют жестко. При более низких инфляциях возникают другие, более сложные проблемы — это хорошо известно из экономической теории. Но для высоких инфляций то, что они являются и после социализма денежным феноменом, сегодня установлено вполне определенно.

Второе. Вопросы роста и стабилизации. Здесь чуть более сложно. В подавляющем большинстве случаев инфляция была остановлена при продолжающемся падении объема производства. И только после снижения инфляции ниже 40% годовых начинался экономический рост. Если посмотреть на совокупность постсоциалистических экономик, мы увидим, что экономический рост обычно начинается на второй год, т.е. $t + 2$, если соотносить его с годом начала

¹ Опыт постсоциалистических стран включает несколько примеров резкого ускорения денежно-го обращения, в ряде случаев связанных с введением национальных валют, но они определяли отклонение динамики инфляции от динамики денежной массы лишь на короткую перспективу (1–2 квартала). При анализе годовых интервалов связь роста денежной массы и инфляции очевидна.

реализации серьезной стабилизационной программы. Скажем, если для России серьезная стабилизационная программа начала осуществляться в 1995 г., то $t + 2$ — это 1997 год. Либо через год-полтора после снижения инфляции ниже 40–50% годовых. Практически это обычно совпадает. Разумеется, и здесь зависимость не носит жесткого характера, мы не можем однозначно оценить факторы, которые влияют на лаги между финансовой стабилизацией и началом роста, ясно, что эти лаги не должны быть абсолютно одинаковыми для разных стран, но в целом, общая последовательность — сначала финансовая стабилизация, а затем экономический рост — в подавляющем большинстве случаев работает. Мы знаем три исключения из этого правила. Первое из них — это Армения, где экономический рост начался практически одновременно с финансовой стабилизацией в 1994 г. Здесь присутствует Грант Багратян, бывший премьер-министр Армении, он, наверное, может сказать подробнее по этому поводу, но, на мой взгляд, там важнейшими факторами были факторы не экономические. Это прекращение военных действий и ослабление блокады. И было два примера в Восточной Европе, которые традиционно использовались в качестве доказательства того, что устойчивый рост может начаться до снижения инфляции до уровня ниже 50%. Один из них — Болгария, где экономический рост начался при инфляции в 120% годовых, второй — Румыния, где экономический рост начался при инфляции больше 200%. Что касается Болгарии, вопрос в настоящее время мне кажется исчерпанным. В 1996 г. после падения производства, десятикратного падения курса, ускорения инфляции до 300% и падения зарплаты до 20 долларов в месяц, вопрос об устойчивом экономическом росте в Болгарии снят с повестки дня. Что касается Румынии, здесь ситуация более сложная, но и здесь развитие событий в 1996 г. — сочетание резкого ускорения инфляции и падения темпов экономического роста заставляет по меньшей мере поставить под сомнение устойчивость румынского экономического роста. Во всех остальных случаях последовательность была общей, видимо эта закономерность достаточно жесткая и действует в постсоциалистических странах.

Третье. Сначала надо приватизировать, потом надо либерализовать экономику. В постсоветских странах было опробовано практически все, что возможно. Единственное, что не было опробова-

но — нигде и никто не сумел сначала приватизировать экономику, а потом ее либерализовать. Такого случая экономическая история к настоящему времени не знает. Разумеется, это не является дефинитивным доказательством. Можно попытаться защищать тезис, что этого не было, но могло бы быть и должно было бы быть. Здесь остается предмет для дискуссий. Но единственное что надо сделать, это честно признать, что тезис о возможности и предпочтительности предварительной приватизации нуждается в серьезном доказательстве, его нельзя принимать как аксиоматичный, как нечто, что все знают и принимают на веру. Тогда надо доказывать, несмотря на то что этого никогда не случалось, это а) можно было сделать; б) необходимо было сделать. К тому же это желательно хотя бы один раз подтвердить на практике. Беда для сторонников такого подхода состоит в том, что число возможных случаев подтверждения резко сокращается. К настоящему времени осталось только два объекта, где можно попытаться проверить предлагаемую последовательность преобразования, это Куба и Северная Корея. Если ни там, ни там эта концепция не будет подтверждена, она, видимо, так и уйдет в экономическую историю как некая гипотеза, которая была высказана, но никогда не доказана и не подтверждена на практике.

Теперь разрешите мне подвести черту под этими, как мне кажется, достаточно ясными, тривиальными вещами, нуждающимися, скорее, не в научном обсуждении, а в разъяснении, и перейти к комплексу вопросов, которые гораздо в меньшей степени изучены.

Сейчас в центре внимания в научной, да и в политической полемике находится вопрос о связи последующих темпов экономического роста, возможностей экономического роста с уровнем государственной нагрузки на экономику после социализма. В этой связи была высказана гипотеза, в том числе одним из наших коллег и единомышленников по многим вопросам Андреем Илларионовым¹, суть которой состоит в том, что есть некая простая

¹ *Илларионов Андрей Николаевич* — экономист; был первым заместителем руководителя Центра экономических реформ при правительстве РФ. Позднее организовал и возглавил Институт экономического анализа. В 2000–2005 гг. советник по экономическим вопросам президента В. В. Путина. В настоящее время научный сотрудник института Катона в США и президент ИЭА, занимается публицистикой. — *Прим. ред.*

зависимость между возможностями экономического роста и государственной нагрузкой на экономику. Исследования, проведенные на мировых совокупностях, такой однозначной зависимости к настоящему времени не выявили. Исследования постсоциалистических экономик такой зависимости тоже не демонстрируют. Мы видим, что после стабилизации восстанавливают экономический рост и страны с аномально высокой государственной нагрузкой на экономику, я имею в виду аномально высокой по отношению к их уровню развития, к ВВП на душу населения — Польша, Чехия, Словакия, Венгрия. Мы видим и то, что восстанавливают экономический рост и страны с аномально низкой государственной нагрузкой на экономику, такие как Грузия. Однозначно выявить подобного рода связь невозможно. Если мы посмотрим на то, что реально происходит с государственной нагрузкой на экономику в постсоциалистических странах, мы увидим, что она претерпевает серьезные радикальные разнонаправленные изменения в ходе либерализации, но затем стабилизируется на достаточно устойчивом уровне. Короче говоря, если вы видите уровень государственных доходов и государственных расходов в экономике на второй год после стабилизации, вы можете с существенной степенью вероятности предположить, что этот уровень окажется устойчивым на предстоящую перспективу. При этом уровни государственной нагрузки на экономику оказываются весьма различными, в высшей степени различными для постсоциалистических стран. В этой связи к настоящему времени можно выделить три группы постсоциалистических стран по уровню государственной нагрузки на экономику, во многом определяющей саму социально-политическую и социально-экономическую структуру постсоциалистического общества. Первая из них — это группа, которую я условно назвал бы вышеградскими странами. Это страны, которые на основе различных стратегий реформ сумели существенно либерализовать экономику и стабилизировать собственные финансы, достаточно жестко сократили уровень дотационной нагрузки на экономику, при этом сумели создать эффективно работающую налоговую систему, стабилизировать долю своих доходов на уровне, близком к 45–50% ВВП, и стабилизировать свои расходы на уровне, близком к 50% ВВП. Это Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Словения. Вторая группа — это страны, которые пережили экстремально тя-

желый кризис в условиях перехода, часто связанный с анархией или войной, гражданской или внешней; страны, в которых произошло резкое снижение уровня государственных доходов и расходов, где часто было значительным падение производства, где на фоне этих процессов произошло существенное снижение де-факто или де-юре государственных обязательств в экономике. Короче говоря, где сам по себе тяжелый социально-экономический кризис не только проложил дорогу стабилизации доходов на уровне около 6–7% ВВП, как в Грузии, но где и де-факто, соответственно, к этому оказались приспособленными структуры обязательств государства. Независимо от того как это шло, более организованно и поэтому гораздо более мягко, как в Армении, или менее организованно и более жестко, как в Грузии, но де-факто произошли радикальные изменения в объеме государственных обязательств в области здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения и т.д. В Армении именно острота кризиса, без всякого сомнения, послужила фоном, позволившим этой стране первой начать серьезные изменения в пенсионной системе, повысить пенсионный возраст, резко повысить долю платности в здравоохранении и т.д. А в Грузии то же самое происходило во многом де-факто.

И, наконец, третья группа стран, которая стабилизировала расходы расширенного правительства на уровне, близком к 30–35% ВВП. Наиболее характерные примеры этой промежуточной группы стран — Румыния, Украина, Россия, страны Балтии. Здесь стабилизировать долю государственных доходов на уровне вышеградской группы, во многом позволяющей обеспечить социальные обязательства, традиционные для социализма, не удалось, но кризис носил не настолько экстремальный, не настолько острый характер, чтобы эти обязательства были де-факто или де-юре пересмотрены государством или обществом. Где-то это удалось в большей степени, например в Балтии. А вот Россия и Украина — типичные примеры такой промежуточной ситуации. Совершенно очевидно, что мы в ближайшее десятилетие никогда не сможем мобилизовывать доходы, напоминающие доходы вышеградской группы, и очень трудно себе представить, как нам реализовать набор социальных реформ, которые привели бы объем наших бюджетных обязательств к тому, что мы реально можем финансировать. Именно здесь стержень сегодняшних российских экономико-политических проблем.

В чем причины существенной разницы в возможностях налоговой системы? На мой взгляд, они носят, скорее, не технический, а социально-экономический характер. Исследователи давно обращали внимание на позитивную связь возможностей наращивания доли налогов в ВВП с уровнем национальной, социальной и культурной гомогенности соответствующих обществ. Скандинавские государства оказывались способны мобилизовывать столь высокую долю ВВП в налогах, потому что они всегда были обществами с высокой социальной солидарностью, обществами национально и культурно гомогенными. Именно это позволяло им повышать до аномально высоких пределов доли налоговых изъятий в ВВП. Это же проложило дорогу к долгосрочным последующим проблемам в развитии, потому что оказалось, что за этими высокими возможностями изъятия налогов следует и давление по наращиванию расходов. А потом эти расходы оказываются на уровне явно несовместимом с устойчивым ростом, при этом их очень трудно сократить. На самом деле страны вышеградской группы обладают теми же характеристиками (при более низком уровне развития, естественно), которыми обладали скандинавские страны, — это все национально-гомогенные государства, государства сравнительно высокого уровня развития, культурно гомогенные, это все страны, которым удалось создать достаточно высокий уровень консенсуса по ключевым вопросам экономической политики, что и проложило дорогу к возможности такой мобилизации налогов. В России, являющейся страной большой, культурно не гомогенной и плюс к тому федеральной, рассчитывать на такую аномально высокую для рыночных экономик долю налоговых изъятий в ВВП значило бы просто закрывать глаза на реальность.

Здесь надо понять, что пределы носят структурный, а не технический характер, их нельзя разрешить на основе просто улучшения работы налоговой службы, введения двух дополнительных налогов и т.д. Они заданы структурой общества. Но это не к тому, что не надо совершенствовать уровень работы налоговой службы, надо безо всякого сомнения, просто надо понимать пределы — до чего ты можешь пойти. На самом деле, именно из-за возможности мобилизовать столь высокий уровень налогов, вышеградские страны при всей их социальной стабильности, при всем несомненном успехе реформ, сталкиваются, как мне кажется, с очень непро-

стыми проблемами роста с точки зрения долгосрочной перспективы. Мы все прекрасно знаем, что долгосрочный рост тесно связан с нормой сбережений в ВВП, а также норма сбережений в ВВП отрицательно связана со степенью щедрости финансируемых государством социальных расходов, в частности пенсионных систем. Во многих странах вышеградской группы, особенно в Польше, эта доля находится на аномально высоком уровне, которого вообще не бывает в странах этого уровня развития. Польша сегодня тратит на пенсионную систему 16% своего ВВП, норма для ее уровня развития была бы в районе 5–8%. В условиях экономического роста, низкой инфляции, относительной стабильности внести изменения в соответствующие обязательства государства, может быть, и необходимо, но политически крайне сложно и вряд ли реально. На прошлой неделе я имел честь присутствовать на конференции, которую проводили профессора М. Домбровский и Л. Бальцеревич. Эта проблема там является ключевой и обсуждаемой наиболее широко, и общее ощущение, которое у меня возникло, связано с тем, что все понимают, что эту проблему решать надо, и вместе с тем все понимают, что решена она не будет. Но эта проблема чуть другого уровня, чем те проблемы, с которыми сталкиваемся сегодня мы. Суть наших проблем предельно проста: есть верхний уровень доходов расширенного правительства, который достигим после социализма в России. Он, видимо, предельно близок к доходам расширенного правительства 1996 г., можно спорить о том, может ли он быть на 1% больше или на 1% меньше, но крайне нереалистично полагать, что его можно увеличить на 10–15%. Общий объем государственных обязательств, зафиксированный в действующих нормативных актах, превышает эти доходы примерно на 15%. Это невозможно профинансировать, значит есть только два выхода из этой ситуации: либо мы сумеем провести набор реформ, позволяющих соотносить наши обязательства с реальными перспективными доходами, а это значит, естественно, реформа системы социальной поддержки, реформа жилищно-коммунального хозяйства, пенсионная реформа, существенные преобразования в образовании и здравоохранении, военная реформа, реструктурирование угольной отрасли, аграрная реформа и т.д. Либо мы будем продолжать постоянно иметь нынешнюю предельно нестабильную ситуацию, при которой бюджет принимает обязательства, потом

их не выполняет, является сам источником неплатежей в экономике, серьезных социальных конфликтов, то есть мы постоянно держим страну в положении вялотекущего кризиса. Надо понять, что главная проблема сегодняшней российской эпохи в том, что у нас вялотекущий, но хронический кризис, из которого труднее всего выбраться. Он очень неприятен, он постоянно дестабилизирует положение в тех масштабах, которые позволяют ему развиваться долго, на протяжении лет. Бюджет 1997 г. строго повторяет линию бюджета 1996 г., это прекрасно известно всем участникам бюджетного процесса, начиная от министерства финансов и кончая парламентом. Нет ни одного человека, для которого это было бы секретом, все прекрасно знают, что бюджет не будет профинансирован; все прекрасно знают, что в первую очередь это ударит по образованию и здравоохранению, все делают вид, как будто этого не знают. Вчера мы приняли бюджет и все как в детском саду, завязав себе глаза, говорят: «А мы этого не видим». А не видят потому, что не хотят видеть, иначе надо будет говорить правду, тогда надо принимать некие серьезные решения, которые всегда тяжелы политически. А воли политической на такие решения пока нет. Есть самый неприятный способ выйти из этого тупика: снова начать в массовых масштабах печатать деньги, дойти до гиперинфляции, потом стабилизировать финансы на уровне гораздо более низкого равновесия, соответственно, пройти через кризис столь тяжелый, что он заставит пересматривать социальные обязательства, как в Грузии или Армении. Честно говоря, таких экспериментов в нашей стране мне бы очень не хотелось делать. По-моему, над ней за последние девяносто лет были проведены все эксперименты, которые были возможны в этом веке. В этой связи ключевой вопрос с точки зрения экономической политики в России — это вопрос о том, смогут ли органы власти смотреть правде в глаза. Будут ли они готовы реализовывать меры абсолютно необходимые даже не для начала экономического роста — это сегодня не главный вопрос, — а для того, чтобы реструктурировать всю бюджетную сферу применительно к тем реальным доходам, которые может получить российское государство. Без этого мы будем иметь постоянный кризис социальный, постоянный кризис государственности с эрозией доверия к государственной власти, неизбежно прокладывающей дорогу к власти безответственным популистам.

Он шел против течения

Доклад на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения немецкого государственного деятеля Л. Эрхарда¹

Санкт-Петербург, 25 мая 1997 г.

Опубликовано в: Посев. 1997. № 4.

Подробное и серьезное обсуждение опыта послевоенных реформ в Германии очень важно для понимания многих проблем в России. Разумеется, не для того, чтобы слепо копировать опыт, это невозможно, а для того, чтобы четко представлять себе сходство и различие факторов, которые влияли на траектории движения наших экономик.

Книга Людвиг Эрхарда «Благосостояние для всех» была издана в Советском Союзе в благоприятный момент. Это был 1990 год, время, когда сходство ситуации в СССР и Германии в 1947–1948 гг. бросалось в глаза, когда хороших книг о рыночных реформах на русском языке еще почти не было. Книгу прочитала почти вся политическая элита, во многом она послужила базой последующих дискуссий по вопросам экономической политики в России. Каждый вычитывал в ней свое. Я помню, мне пришлось раз семь выслушивать от депутатов-коммунистов одну и ту же цитату из книги Эрхарда, которая на самом деле была цитатой из статьи французских журналистов, которые в 1953 г. писали о том, как в Германии все по мановению волшебной палочки изменилось. Должен обратить внимание на то, что, когда журналисты пишут через 7 лет, им нередко кажется, что все произошло по мановению волшебной палочки, в этом смысле Германия не уникальна. Тяжелый путь, ко-

¹ *Людвиг Эрхард* — немецкий экономист и государственный деятель. Идеолог либеральных реформ экономики Западной Германии после Второй мировой войны, которые привели к так называемому германскому экономическому чуду. — *Прим. ред.*

торый нужно было пройти Л. Эрхарду для того, чтобы экономическое чудо состоялось, не был виден поверхностному наблюдателю.

При всех огромных различиях сегодняшней ситуации в России и положения в Германии в конце 1940-х гг. в них есть и общие элементы. Именно поэтому интересно сравнивать тот путь экономического развития, которая прошла Германия между 1944-м и 1950-ми гг. и Советский Союз — Россия между 1988-м и 1997-м г. Я заранее вывожу за скобки очевидные вещи, связанные с различием культуры, масштабов экономики, уровней деформации рыночных механизмов в Германии и Советском Союзе. Но тем не менее нельзя не отметить, что по ряду параметров советская экономика и экономика Германии 1944 г. были довольно близки.

Первое — это близость валового внутреннего продукта на душу населения. ВВП на душу населения периода советского максимума довольно близок к уровню ВВП, достигнутому в Германии в 1944 г. В Германии он был 6250 доллара в ценах 1990 г., для СССР чуть больше. Второе — это сходство доли военных расходов в ВВП. Разумеется, в Германии 1944 г. текущие военные расходы были несколько выше, чем в Советском Союзе 1988 г., но уровень долгосрочной структурной милитаризации экономики в Советском Союзе был выше, чем в Германии. В Германии милитаризация экономики, начатая после 1933 г., была все же краткосрочной кампанией мобилизации ресурсов на военные нужды. В Советском Союзе за сложившейся экономической структурой стояла многолетняя традиция формирования индустриальной базы в первую очередь для нужд обороны. Третье — это сходство доли государственных расходов в ВВП (и там и там — несколько выше 50%). И наконец, это была ситуация подавленной инфляции и механизмов управления ею: цены были фиксированы, материальные потоки рационировались, сбережения были вынужденными, за счет вынужденных сбережений увеличивалась доля денежной массы в ВВП, а эмиссионные доходы шли на финансирование военных нужд.

И в Германии, и в Советском Союзе максимум объема производства был достигнут при использовании ресурсов, которые являются внутренне неустойчивыми. Для Германии — это ресурсный поток с оккупированных территорий, для СССР конца 1980-х гг. — нефтяные доходы и распродажа валютных резервов и золотого запаса, а также массивные внешние заимствования. В Германии

военное поражение и прекращение ресурсного потока с оккупированных территорий, вынужденная демилитаризация проложили дорогу резкому падению производства. Причем самым резким оно было не в 1945 г., когда на немецкой территории шла война, а в 1946–1947 гг. В это время германская экономика выходит на минимум, который соответствует примерно 30–40% ВВП периода максимума. Германия была оккупирована, и, соответственно, оккупационный режим имел возможность сохранить инструменты управления подавленной инфляцией в условиях резкого падения производства, т.е. промышленное производство резко падало, а вот система карточного снабжения, рационирования продуктов сохранялась и сохраняла свою относительную работоспособность. В этой связи основное падение производства, которое составило, разумеется, гораздо большую в процентном отношении величину, чем падение производства в России, приходится в Германии на период подавленной инфляции.

В Советском Союзе падение производства начинается в 1989–1990 гг., тоже еще при более или менее работающей системе рационированного снабжения, ускоряется в 1991 г. Но это падение производства идет на фоне политической дестабилизации режима, которое было способно обеспечить эффективное функционирование системы распределения. Между тем система рационирования предполагает эффективную политическую власть, работающую систему принуждения. В Советском Союзе эта власть базировалась на господстве КПСС и страхе перед КГБ. Как только рушится КПСС и исчезает страх перед КГБ, что происходит в 1990–1991 гг. с кульминацией 21 августа 1991 г., тут же выясняется, что советская система управления в принципе не может функционировать.

Германская экономика могла бы и дальше довольно долго существовать в условиях подавленной инфляции, дефицита, административного регулирования. Система не разваливалась. Другое дело, что результатом была бы долгая стагнация. Для Л. Эрхарда существовала возможность выбора. В России 1991 г. выбора не существовало. После того как развалилась система административного снабжения, нет другого выхода, кроме как немедленно либерализовать цены и включить рыночные механизмы, иначе результатом будет массовый голод.

Поэтому, если сравнивать ситуацию, в которой оказались Л. Эрхард в 1948 г. и российское руководство в конце 1991 г., можно сделать вывод: Эрхарду было гораздо труднее принять решение о стратегии реформ и их начале, но гораздо легче, приняв это решение, реализовывать его. Нам гораздо легче было принять решение о начале реформ, либерализации цен, но неизмеримо труднее его реализовать.

Величайшая заслуга Эрхарда в том, что он шел против течения. Вся интеллектуальная атмосфера послевоенной Европы категорически не предполагала и не требовала радикальных либерализационных мероприятий. Привычка жить в условиях подавленной инфляции стала элементом политической и экономической культуры многих держав-победительниц. По крайней мере Англии, с ее лейбористским правительством и активным использованием ратификации, Франции, да и в целом послевоенной Европы. Интеллектуальная атмосфера преклонения перед социализмом, социалистическим экспериментом, увлечение государственным регулированием — все это в полной мере располагало к тому, чтобы и дальше сохранять ту систему управления подавленной инфляцией, которая сложилась в годы войны. И здесь Эрхард проявил себя как человек, способный стратегически оценить ситуацию, в полной мере понять огромные, фундаментальные преимущества рыночных механизмов и, по существу, навязать обществу свои решения.

Вторая проблема, которая существовала в Германии и не существовала у нас и по которой Эрхард принял стратегически верное решение — это проблема денежной реформы. Вопрос, что делать с денежным навесом, накопившимся в условиях подавленной инфляции, — один из самых сложных при выработке либерализационных мероприятий. Можно либерализовать цены, не проводя денежную реформу. И тогда денежные накопления населения совершенно неизбежно будут автоматически сокращены до уровня реального спроса на деньги. Или можно провести конфискационную реформу и не допустить скачка цен.

В России этой альтернативы не существовало. Дело в том, что денежная реформа предполагает значительную подготовку, ее надо готовить технически по меньшей мере месяцев девять. И нужен эффективно работающий административный аппарат. В СССР

1991 г., где произошел крах системы административного регулирования, структуры, способной осуществить денежную реформу, просто не существовало, этот вопрос выходил за пределы обсуждения. Для Германии это был предмет выбора. Основные аргументы за и против денежной реформы достаточно очевидны. В Германии их укрепляла память о страшной гиперинфляции после Первой мировой войны. При либерализации цен и огромном денежном потоке естественны скачок цен, падение спроса на деньги, возможность начала массового бегства от денег и входа в гиперинфляционную спираль, которую очень трудно остановить.

При проведении денежной реформы главная проблема состоит в том, что правительство вынуждено принимать сложнейшие и обязывающие решения в условиях неопределенности. Оно должно ответить на фундаментальный вопрос, какой видится нормальная, не раздутая денежная масса и как оценить спрос на деньги после проведения денежной реформы. Причем на этот вопрос никакого теоретически выверенного ответа в той ситуации, в которой была Германия в 1948 г., не существовало. Мы в конце 1991 г. должны были примерно из тех же соображений оценить прогнозные масштабы первоначального январского скачка цен в условиях, когда корректно это невозможно сделать. Для Л. Эрхарда вторая половина 1948 г. была самым тяжелым временем в его жизни. Формула, которую он предложил для проведения денежной реформы, неизбежно была догадкой. Успех реформы зависел от того, в какой степени эта догадка оправдывается. А это, в свою очередь, зависело от возможности и способности убедить общество в том, что формула выбрана правильная. Но сам Эрхард не мог не понимать, что речь идет всего лишь о предположении, и по его работам это хорошо видно.

Когда во второй половине 1948 г. начался быстрый рост цен и сбережения в новых марках выплеснулись на рынок, возникла угроза укоренения высокой инфляции, пошли разговоры о провале политики Эрхарда, о преступных ошибках, о том, что надо как можно скорее снова замораживать цены, усилить государственное регулирование. В этих условиях удержаться на избранном курсе, доказать, что раньше или позже все равно цены упрутся в границу спроса, что за быстрым ростом цен последуют либо их стабилизация, либо дефляционная корректировка, было крайне тя-

желой, мужественной позицией, которую Эрхард отстоял блестяще. В России в 1991 г. выбора проводить или не проводить денежную реформу не было. Наиболее серьезные проблемы у нас возникли не до либерализации, а после принятия решения о ее начале. Здесь как раз выявились наши фундаментальные отличия от Германии конца 1948 г. Первое из них: Германия имела возможность элементарно решить проблему диспропорции денежных потоков. Не печатай ничем не обеспеченных денег, не кредитуй дефицит бюджета — вот и вся мудрость. Советский Союз — Россия сразу после либерализации цен оказалась в ситуации, когда 15 соревнующихся друг с другом республиканских банков печатают общую валюту и нужно по меньшей мере полгода, чтобы обеспечить контроль за денежным обращением на территории России. Уже одного этого достаточно, чтобы ввести экономику в режим хронически высокой и ускоряющейся инфляции. Второе. В России либерализация цен и крах старой системы управления совпали не с низшей точкой в динамике объема производства, обусловленной демилитаризацией, а с началом вынужденных структурных изменений. Банкротство Советского Союза и Внешэкономбанка ограничили возможность продолжения крупномасштабных заимствований, валютные резервы и золотой запас были разбазарены. Добыча нефти резко падала. Начался вынужденно резкий процесс демилитаризации, который дает толчок индустриальному кризису. В результате падение объема производства в России хотя и не составляет той же величины, как в Германии между 1944–1947 гг. (оно меньше), но растягивается на более длительный период. То есть после либерализации цен мы получаем сочетание высокой инфляции и падающего производства. На этом фоне совершенно неизбежен резкий рост социального неравенства. Тесная корреляция доли бедных с уровнем инфляции — это статистически доказанный факт.

В конце концов мы проходим собственный путь, включающий период высокой инфляции, ряд серьезнейших структурных изменений. Пройдя две очень разных траектории, Германия в 1949 г. и Россия в 1997-м вновь оказываются в схожей ситуации. В чем это сходство? ВВП на душу населения в 1949 г. в Германии по покупательной способности примерно равен прогнозируемому ВВП на душу населения в России в 1997 г. Доля государственных расходов в экономике Германии в этот период примерно равна доле госу-

дарственных расходов России 1997 г., диспропорции финансовых запасов устранены, подавленной инфляции нет, механизм управления подавленной инфляцией демонтирован, экономика либерализована, обеспечена относительная стабильность национальной валюты.

Конечно, успеху политики Эрхарда во многом способствовала сильная и разумная политика ведущих западных держав. На кризис после Первой мировой войны державы-победительницы ответили репарациями, на кризис после Второй мировой — планом Маршалла. План Маршалла одновременно с поворотом от протекционизма к свободе торговли создал очень благоприятный фон для того экономического чуда, которое началось в Германии с 1949 г.

Применительно к российским реформам говорить о столь же скоординированной и эффективной помощи Запада, разумеется, нельзя. Это, безусловно, осложняло проведение реформы в России.

Теперь, когда наиболее срочные и сложные задачи денежной стабилизации и либерализации экономики решены при сохранении многих других проблем, есть смысл поговорить о дальнейших стратегических направлениях развития и снова попытаться сопоставить тот путь, который предстоит России, с путем Германии под руководством Л. Эрхарда.

У нас слова «социальная рыночная экономика» используются очень своеобразно. Как неотъемлемый атрибут социальной рыночной экономики, у нас рассматривается идея форсированной экспансии государственных обязательств. На самом же деле (наши немецкие друзья прекрасно знают и помнят, у нас это знают и помнят, к сожалению, не все) в 1950-е гг. уже на фоне очень высоких темпов экономического роста Л. Эрхард удерживал долю государственных расходов в ВВП практически на том же уровне, что и в 1930 г. То есть для него ограничение, а то и снижение, налогового бремени было важнейшей задачей, по крайней мере на этапе старта экономического роста. Он прекрасно понимал, что сначала курица должна снести яйца, а уже потом можно обсуждать, что с ними делать. Для того чтобы доля государственных расходов в ВВП могла достичь приблизительно 50%, германская экономика должна была выйти на уровень, по крайней мере в два с половиной раза более высокий, чем сегодня в России. Для этого германское экономическое чудо должно было состояться.

Конечно, попытки копировать чей бы то ни было опыт, особенно опыт страны с совсем другой историей, которая не пережила 75 лет социалистической экономики, в которой в течение столетия существовала развитая частноправовая традиция, в России, с ее дурной правовой традицией и необходимостью создания рыночного законодательства, было бы поразительной нелепостью. Но если мы понимаем различия, понимаем их масштабы, то сравнение опыта стран, сталкивающихся со сходными проблемами, — это важнейшая предпосылка для того, чтобы иметь возможность выработать собственные обоснованные решения.

Финансово-экономические проблемы военного строительства и пути их решения

*Научно-практическая конференция «Финансово-экономические
проблемы военного строительства и пути их решения»*

24 декабря 1997 г.

На конференции Е. Т. Гайдар выступил со вступительным и заключительным словом.

Опубликовано в: Научные труды № 6Р. М.: ИЭППП, 1998.

Вступительное слово

На мой взгляд, до весны этого года обсуждение финансово-экономических проблем военной реформы могло носить скорее теоретический характер, чем практический. Я глубоко убежден в том, что навязать правительству программу, которую оно потом должно реализовывать, совершенно невозможно. Точно так же нельзя навязать Министерству обороны, которое не хочет проводить реформу, финансовую программу военной реформы. Все это пустые хлопоты, бессмысленные попытки.

По моим представлениям, четыре взаимосвязанных фактора определяли развитие событий в этой области до весны 1997 г. Первый — это объективное финансово-экономическое состояние страны, которое не позволяло реалистично рассчитывать на существенный рост военных расходов сверх уровня реального финансирования в 1996 г., и прогноза на 1997 г., которые по величине довольно близки. Это определялось уровнем развития страны, состоянием налоговой системы, социальными обязательствами. Короче говоря, можно было сколько угодно формулировать благие пожелания о целесообразности перераспределения бюджета, уве-

личения военного финансирования, но все это ничем не заканчивалось, кроме пустых обещаний: военный заказ оставался не профинансированным, денежное довольствие военнослужащим — невыплаченным и т.д.

Второе — это очевидная невозможность нормального функционирования вооруженных сил в 1997 г. в том составе, виде и структуре, в которых они существовали на начало девяностых годов, без двукратного, по меньшей мере, увеличения реального финансирования.

Третье — это очевидное несоответствие состава и структуры вооруженных сил, которые достались нам в наследство от Советского Союза, новым условиям существования России с радикально изменившейся внутренней и внешнеполитической ситуацией.

Четвертое — это отсутствие воли и желания руководства Министерства обороны привести состав и структуру вооруженных сил в соответствие: а) новым задачам и б) новым экономическим реалиям, которые диктуются нам финансовыми возможностями государства. Прежнее руководство Министерства обороны пыталось сохранить по существу не реформируемую армию, а остальные наблюдали за тем, как эта армия быстро деградирует под влиянием недостаточного финансирования и невыполненных обещаний. На мой взгляд, только весной 1997 г., после смены руководства Министерства обороны, появилось представление о том, что военная реформа не является чем-то навязываемым армии, а абсолютно необходима для ее сохранения, для того чтобы она вновь обрела дееспособность. Представление о том, что военная реформа это не какой-то бесконечный набор нереалистичных требований к государственному бюджету, заведомо невыполнимых, а, в первую очередь, набор четко проработанных финансовых мероприятий, позволяющих добиться экономии ресурсов, необходимых для проведения военной реформы, стало доминирующим в Министерстве обороны. Эта позиция получила очень решительную поддержку президента. С этого времени вопрос о технической, научной, профессиональной проработке финансово-экономических аспектов военной реформы из плоскости теоретической перешел в плоскость практическую. В этой связи наш сегодняшний разговор будет не только интересен присутствующим специалистам, но, я очень надеюсь, будет полезен и тем нашим коллегам, которые,

работая в Министерстве финансов, в Министерстве обороны, в Совете обороны и других государственных органах, вынуждены будут проводить на практике эту военную реформу.

Дорогие друзья! Разрешите мне на этом закончить вступительное слово и выразить надежду, что у нас состоится интересный и полезный обмен мнениями. Спасибо.

Заключительное слово

Уважаемые коллеги! В первую очередь, хочу поблагодарить всех, кто принял участие в этой конференции. Мне кажется, сегодня было много интересных докладов, выступлений. Обмен мнениями был полезным. Ни в коей мере не претендуя на подведение итогов, хочу просто высказать несколько замечаний по обсуждаемым вопросам. Непрофессионалы и неспециалисты часто не могут понять, какой драматизм скрывается за сухими финансовыми построениями и цифрами. Вот, например, история краха Римской империи. Это история краха римских финансов под влиянием непосильных для налогоплательщиков военных расходов. Ее можно проследить в сухих цифрах податей, их динамики в III веке нашей эры, а можно представить себе в лицах, человеческих трагедиях и т.д.

На то, что у нас происходит сегодня в армии, можно смотреть, естественно, через призму сухих цифр, и для специалиста будет понятно, что за ними стоят разбитые судьбы, офицеры без солдат, офицеры без квартир, небоеспособная армия и т.д. То же самое можно увидеть по результатам. Итог на самом деле будет один и тот же.

Споры, которые тут прозвучали, — это не споры. Люди смотрят на один и тот же процесс кризиса российской военной машины с разных сторон и разным профессиональным языком его описывают. Довольно долго разговор о военной реформе и военных финансах напоминал разговор между глухими. Экономисты и финансисты говорили: «Вот больше денег нет и не будет». Руководство Министерства обороны говорило: «А нам меньше нельзя». В результате у нас было два бюджета — бюджет утвержденный и бюджет исполненный. В утвержденный закладывалось более или менее то, что армии нужно, а в исполненный — то, что экономика

реально может дать. А разрыв между ними — это недофинансирование, кризис оборонной промышленности, отсутствие какого-либо систематического финансирования научно-исследовательских разработок, ну и все другие прекрасно известные последствия. Необходимо осознать, что этот разрыв должен быть преодолен, чтобы добиться каких бы то ни было успехов в военной реформе. Сейчас, когда Министерство обороны и Министерство финансов стали работать вместе, конструктивно и серьезно возникают по крайней мере предпосылки, что какие-то из проблем, обозначенных здесь, начали решаться.

В чем сегодня, на мой взгляд, есть положительные сдвиги? Мы имеем Министерство обороны, руководство которого, по моему глубокому убеждению, действительно хочет осуществить военную реформу и видит направления ее осуществления. Сегодня Министерство обороны готово к восприятию любых научных рекомендаций, может быть больше, чем в любое другое время. Это, конечно, накладывает на нас, на ученых, очень большую ответственность. Раньше мы собирались, говорили, жаловались, что мы вот такие умные, а нас никто не слушает, но при этом ни за что не отвечали. А сегодня ситуация другая. Нам наши коллеги, очень серьезные люди, говорят: «Мы готовы с вашей помощью считать». Военная реформа — счетная вещь, реформа строительства жилья для офицеров — тоже счетная вещь и т.д.

Я надеюсь, что мы продолжим работу, эта конференция — только начало. У нас нет никаких иллюзий, мы понимаем, что сил не очень много, но мы очень хотим их в максимальной степени объединить и использовать. Работы хватит для всех. Дальше надо переходить от обсуждения проблем военной реформы на таком макроэкономическом уровне к абсолютно конкретным, технологическим вопросам, к тому, из чего строится военная реформа: армейское имущество, его оценка (прекрасные предложения здесь прозвучали), реализация имущества, военно-строительный комплекс, максимально эффективное использование имеющихся ресурсов, экономная система обеспечения жильем офицеров, программно-целевой метод планирования, доведение до реализации новой системы бюджетирования. Все это серьезные разработки. Конечно, здесь потребуется (и нам придется с Министерством обороны об этом договориться) достаточный уровень открытости

информации, потому что без нее, без серьезной фактуры никакие научные разработки не могут быть эффективными. В этой связи нам, может быть, надо специально встретиться с нашими коллегами из Министерства обороны. Большой массив информации, нам необходимой, не является по существу секретным. Для следующего продвижения такой разговор был бы целесообразным и полезным. Еще раз благодарю всех, кто выступил, и очень надеюсь, что эта конференция послужит началом достаточно серьезной совместной работы. Спасибо.

Формирование среднего класса в посткоммунистической России

*Международная конференция «Формирование среднего класса
в посткоммунистической России»*

Март 1998 г.

На конференции Е. Т. Гайдар выступил со вступительным и заключительным словом.

Опубликовано в: Научные труды № 9Р. Средний класс в России. Проблемы и перспективы. М.: ИЭППИ, 1998.

Вступительное слово

Открывая международную конференцию, посвященную проблемам среднего класса в России, приглашаю всех участников к профессиональному и максимально деполитизированному разговору.

Что мы, собственно, имеем в виду, говоря о среднем классе? Какими пользуемся критериями, выделяя его из многочисленных групп населения? И как понимаем? Как предмет воздействия? Как самоидентифицирующийся субъект со своей устойчивой ценностной ориентацией? Или как условное обозначение целого комплекса проблем?

Как известно, классическое распределение доходов среднего класса можно проследить по кривой логнормального распределения. Если вести речь о дореформенном времени, в эту кривую хорошо укладывались и выборочные исследования доходов населения, и официальные общегосударственные данные о балансе доходов. Но с 1991–1992 гг. данные выборочных исследований и официальные данные Госкомстата начинают расходиться. И возникает очень естественная гипотеза, что данные, предоставляемые Госкомстатом, с одной стороны, занижают число бедных, а с другой стороны, занижают доходы богатых. Результаты исследований,

которые в течение нескольких лет проводила по собственной методике группа экспертов Министерства экономики, показали, что такое смещение действительно имеет место. Объяснение надо искать в том, что не учитывался эффект поляризации самой кривой лог-нормального распределения. То есть вне внимания оставалось то обстоятельство, что эта кривая не является гладкой, что она просто сшита из разных кусков. В результате получался «провал» среднего слоя, его исчезновение.

В связи с этим вспоминается забавный момент. Один зарубежный исследователь неоднократно дискутировал со своими российскими друзьями по вопросу наличия или отсутствия среднего класса в России. И с кем бы ни вел он беседу на эту тему, ему всегда говорили, что в нашей стране, конечно же, среднего класса нет. Он спрашивал: «А как же вы? У вас такой вот стиль жизни, такое имущество, разве вы не средний класс?» «Но я же исключение!» — отвечал каждый из собеседников.

В последнее время этот феномен стал предметом обсуждения. Однако серьезное научное изучение проблем среднего класса в России существенно затруднено. Тормозят его по меньшей мере два обстоятельства.

Во-первых, несовершенство российской налоговой системы. Из-за него очень большая часть реальных доходов выплачивается у нас в формах, позволяющих, мягко говоря, осуществлять «налоговое планирование». А говоря жестко — побуждающих уклоняться от уплаты налогов, скрывать доходы от налогообложения. Это, естественно, серьезно снижает качество всей статистики оплаты труда и статистики доходов.

Во-вторых, несовершенство и склеротичность российского трудового права, которое далеко отстоит от реальных экономических процессов. Из-за этого картина реальной и формальной занятости в России очень часто не совпадает, а структура занятости и другие процессы, происходящие на рынке труда, сильно искажены.

Кроме того, допускается при обсуждении проблем среднего класса в России распространенная, на мой взгляд, методологическая ошибка.

Очень часто, в первую очередь в публицистике и в несколько меньшей степени в научных исследованиях, уровень доходов людей, принадлежащих к среднему классу в наиболее развитых бога-

тых рыночных демократиях с одной стороны и в России — с другой, пытаются сравнивать, что называется, в лоб. Как бы предполагая, что средний класс в этих устойчивых рыночных демократиях появился только что — вчера или сегодня, на нынешнем уровне валового внутреннего продукта, рассчитанного в паритетах покупательной способности, на нынешнем уровне цивилизационного развития и т.д. Это, естественно, неверно. Если и сравнивать доходы сегодняшнего среднего класса в России с доходами среднего класса более развитых государств, то брать данные о последних надо за тот период, когда эти страны находились на сопоставимом с современной Россией уровне развития.

Если сегодня по уровню душевого ВВП Россия отстает от США в 5 раз, то крайне непродуктивно сравнивать доходы российского среднего класса с доходами сегодняшнего американского среднего класса и на этой основе строить стратификацию российского общества. Разве сравнивают, к примеру, доходы среднего класса в сегодняшней Америке с доходами среднего класса в Европе между войнами, когда развитые европейские страны находились примерно на уровне развития современной России?

Я изложил лишь несколько вводных замечаний, которые свидетельствуют о том, что мы многого не знаем о своем обществе, о его структуре, в том числе о российском среднем классе. Нам надо попытаться понять это динамичное общество, которое у нас формируется и в котором мы живем.

Заключительное слово

С вашего разрешения я хотел бы подвести черту под нашей работой. Если позволите, буквально несколько коротких ремарок.

Поднят вопрос о том, является ли понятие среднего класса идеологическим мифом. Во многих социальных построениях есть всегда мифологический компонент. Марксизм, на котором воспитывалось большинство здесь присутствующих, — это прекрасное сочетание сильного мифологического компонента с серьезным содержанием, отражающим реальные социально-экономические процессы. В этой связи говорить о том, что в понятии «средний класс» есть элемент мифологии — ничего не сказать. Важнее сказать, есть ли в этом понятии что-то, что не является мифологией.

На мой взгляд, критерий здесь очень простой. Если есть набор характерных черт поведения, которые специфичны для этой группы и которые устойчиво отличают ее от других групп населения, тогда этот термин не чисто мифологический. Для меня средний класс выявляется как понятная мне категория из среднедоходной группы, в том случае если присутствуют три компонента. Первый связан с самосознанием, то есть если люди осознают себя, хотя бы в какой-то степени, как средний класс. Второй связан с реальным уровнем доходов, то есть если они действительно принадлежат к среднедоходным группам населения. И третий связан с поведением, то есть если люди в качестве представителей среднего класса ведут себя как средний класс. Принадлежащие к среднедоходным группам населения характеризуются определенными специфическими типами поведения: потребительского, политического и т.д. Эти группы голосуют несколько иначе, чем остальные. Они имеют иные потребительские ориентиры и стандарты, отличающие их от всех других.

Здесь было интереснейшее выступление, в котором рассказывалось о модельном образе среднего класса, о том, как он представлялся на закате советской эпохи опрошенным экспертам. Мы увидели прекрасную картинку предреволюционного сознания, где все носило утопический характер. И хотя было ясно как день, что никогда такое не может существовать в реальной жизни, но все же представлялось, что жизнь таковой и будет. И потом, конечно, наступает разочарование, когда выясняется, что жизнь таковой быть никак не может.

Я сделаю короткое отступление. Как-то специально занялся изучением мировоззрения Гайдара в призме видения его политических оппонентов и комментаторов. Я убедился, что мировоззрение этого Гайдара очень интересно. Оно полностью воплощает в себе все мифы и заблуждения постсоциалистической эпохи. Этот коллективный Гайдар как раз и думал, что сразу после того, как рухнет социализм, расцветут сто цветов, появится мощный средний класс, экономика начнет развиваться бурными темпами и все будут жить немедленно как в Швейцарии. Этот образ Гайдара, сложившийся в сознании этих людей, связан с их собственным разочарованием в своих заблуждениях. Но они приписывают заблуждения другому, перенося на него свое разочарование в своих иллюзиях.

В этой связи можно сказать, что этот миф о среднем классе, который будто бы сразу станет мощным, преуспевающим, будет ездить на хороших иностранных машинах и жить на виллах, должен был столкнуться с тяжелейшими проблемами переходного периода. Неизбежно, что происходила дезорганизация старой советской социальной группы, которую можно условно назвать «советским средним классом». Неизбежно происходило ее расслоение. Это тяжелая травма. И только постепенно начался процесс новой самоидентификации, новой самоорганизации, новой стабилизации среднего класса, — в других условиях и на другом уровне.

Мы сегодня обсуждали интереснейшее исследование Людмилы Александровны Хахулиной¹ по самоидентификации среднего класса, показывающее постепенный рост числа людей, которые относят себя к среднему классу и постепенный процесс консолидации среднего класса. Таким образом, происходят два процесса. Один очень быстрый — это процесс дезорганизации и ломки старого «советского среднего класса». И второй очень медленный — это процесс новой самоидентификации нового постсоветского среднего класса. Второй процесс и не может быть не медленным. Здесь интересно, что наблюдается тенденция постепенной консолидации этой новой социальной группы.

Совершенно справедливо говорили о том, что принадлежность к среднему классу не является гарантией хорошего, позитивного политического поведения, что она не обеспечивает даже негосударственное в поддержку экстремистов. Действительно, мы знаем примеры, когда средний класс, среднедоходная, среднестатусная группа населения в определенных ситуациях прокладывала дорогу экстремистам или голосовала за экстремистов. Но средний класс, как класс, которому есть что терять по определению, обладает одним свойством — он практически нигде не выступает против частной собственности. Не было тому примеров. В этой связи он является надежной преградой против одного вида экстремизма — коммунистического экстремизма. В этой связи надо понимать, что постепенный процесс консолидации, расширения и укрепления позиции среднего класса — это, видимо, самый надежный процесс,

¹ Хахулина Людмила Александровна — экономист, в настоящее время руководитель отдела экономических исследований Аналитического центра Юрия Левады (Левада-центр). — *Прим. ред.*

самая надежная гарантия от реставрации именно коммунистического и только коммунистического эксперимента в России. Но ни в коей мере не является гарантией от иного вида экстремизма, который может быть порожден сложностями перехода, социальными травмами периода политического перехода и политическими ошибками периода перехода. Не надо переоценивать стабилизирующее воздействие среднего класса.

Эмпирический опыт — ключ к анализу экономических реформ

Выступление на заседании Отделения экономики РАН

11 ноября 1998 г.

Из личного архива Е. Т. Гайдара.

Я рад, что по целому ряду направлений исследования в Институте экономики переходного периода сходны с теми, о которых сейчас говорил профессор Виктор Меерович Полтерович¹. Вместе с тем я хотел бы внести ряд уточнений.

Во-первых, существенно преувеличено представление о роли «Вашингтонского консенсуса» в практической реализации программы реформ. Только те люди, которые не работали с Витольдом Фокиным² в начальный период реформ на Украине, могут поверить, что «Вашингтонский консенсус» определял экономическую политику украинского правительства в 1991–1992 гг. Только те, кто ничего не знает про экономические реформы в Румынии, могут поверить, что «Вашингтонский консенсус», ориентация на радикальные реформы была главной, стержневой линией в этой стране.

Дело в том, что обсуждение постсоциалистических реформ в американской экономической литературе подчинялось своим законам. Многие авторы пишут не о реформах, а о том, как эти ре-

¹ Полтерович Виктор Меерович — экономист, заведующий лабораторией математической экономики Центрального экономико-математического института РАН, последние годы специализируется на вопросах теории экономических реформ, транзитологии. С 2003 г. действительный член Российской академии наук. — *Прим. ред.*

² Фокин Витольд Павлович — советский и украинский государственный и политический деятель, премьер-министр Украины в 1990–1992 гг. — *Прим. ред.*

формы интерпретируются в трудах Джеффри Сакса¹ и других американских экономистов.

Накопление опыта позволяет придать дискуссии более содержательный характер, перевести ее на язык цифр и фактов, описывающих то, что конкретно происходило в разных постсоциалистических странах, где проводились самые разные экономические политики.

К моменту краха социализма был некоторый набор реформ, осуществлявшихся в рамках индустриального социализма, был набор реформ, осуществлявшихся в аграрных экономиках, начиная от НЭПа в России и кончая Китаем, были наборы либерализационных мероприятий, связанные с выходом из подавленной инфляции. Отсюда возникал некоторый набор гипотез о том, как будут строиться процессы постсоциалистического перехода. Но фактурной базы для того, чтобы сформировать теорию переходного периода, не было и быть не могло.

Сейчас мы располагаем опытом семи лет, а Европа — почти девяти лет переходных процессов в почти трех десятках индустриальных странах, в которых сменялись десятки правительств, проводились самые разные политики. И теперь любые рассуждения на тему о постсоциалистических экономических реформах и экономической теории переходного периода серьезны лишь если они опираются на анализ этого опыта.

Разумеется, сам по себе опыт и выводы из него не являются истиной, ведь мы постоянно получаем новые знания. Однако, когда теоретические выводы явно противоречат массовому накопленному опыту, есть основания задуматься о том, правильны ли эти теоретические выводы.

Я согласился бы в полной мере с набором следующих принципов, которые обозначил профессор В. М. Полтерович.

Первое. Принципиальное значение начальных условий. Это было очень хорошо показано в работе Ирмы Адельман 1996 г. Второе. Факт наличия институциональных ловушек. Третье. Связь этих институциональных ловушек с проводимой макро-

¹ Сакс Джеффри Дэвид — видный американский экономист, один из разработчиков политики «шоковой терапии» в Боливии, Польше и России. С осени 1991 г. по январь 1994 г. был руководителем группы экономических советников президента России Бориса Ельцина. — *Прим. ред.*

экономической политикой. Эти три тезиса мне кажутся справедливыми.

Теперь несколько соображений о характере этих институциональных ловушек и о характере связей этих ловушек с проводимой макроэкономической политикой.

До начала реформ было трудно понять, что после краха индустриальной социалистической экономики крупномасштабное падение производства является общим феноменом, который практически не зависит от проводимой экономической политики.

Мы встречались с резким падением производства в шокотерапевтической Польше, в шокотерапевтической Чехии, в градуалистской Румынии, в накопившей до этого большой реформаторский потенциал Венгрии, на дирижистской Украине — практически повсеместно.

Больше того, последние исследования (в частности, я бы обратил внимание на работы Яноша Корнай¹) показывают характерную зависимость. Это выраженная связь темпов падения производства в первые три года реформ с предшествующим ростом между 1970 и 1988 гг.

Таблица 1

Динамика ВВП в постсоциалистических странах Восточной и Центральной Европы по отношению к довоенному уровню (1938 год), в %*

Страны	1970	1988	1992
Болгария	294	394	251
Чехословакия**	223	300	236
Венгрия	200	276	224
Польша	251	305	247
Румыния	255	363	236

* Расчеты исходя из ВВП в паритетах покупательной способности (доллары 1990 г.). *Madisson A. Monitoring the World Economy 1820–1992. Paris: OECD, 1995.*

** к 1937 г.

¹ *Корнай Янош* — видный венгерский экономист, в 1978 г. был избран президентом Эконометрического общества, профессор Гарвардского университета (1986–2002). Мировую известность Корнай принесли теоретические труды о равновесии и об экономике дефицита. — *Прим. ред.*

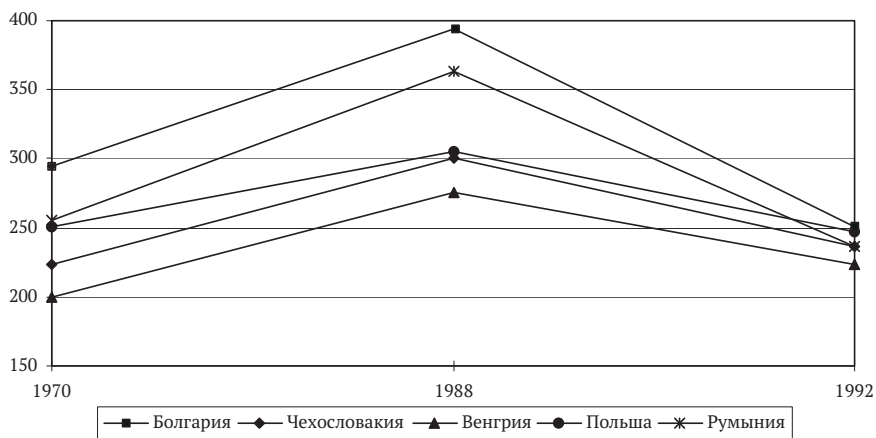


Рис. 1. Динамика ВВП в постсоциалистических странах Восточной и Центральной Европы по отношению к довоенному уровню (1938 год) (в %)

В табл. 1 и на рис. 1 показана динамика объема производства по восточноевропейским странам относительно 1938 г. Практически симметрично идет рост между 1970 и 1988 гг. и падение в период 1988–1992 гг. Это связано с тем, что предшествующий рост, основанный на высоких ценах на нефть и масштабном экспорте нефти из Советского Союза с дешевых месторождений, был по своей природе неустойчивым, имел все характерные черты того, что называется голландской болезнью и в этой связи был обратимым. Падение производства существенно сказалось на всем, что происходило после этого в мире.

Сейчас в странах, которые условно можно назвать странами шоковой терапии, это падение достаточно четко концентрируется в первые три года после начала реформ. После этого начинается восстановление экономического роста.

Вместе с тем почти повсеместно постсоциалистические страны после либерализации цен в той или иной форме сталкиваются с резким падением доли денег в валовом внутреннем продукте. В условиях социализма мы имеем экономику подавленной инфляции, где доля денег в ВВП может произвольно определяться государством. При либерализации цен проявляется реальный рыночный спрос на деньги, он зависит от поведения экономических агентств, национально специфичен, но практически везде оказы-

вадается значительно ниже, чем в условиях подавленной инфляции. Таким образом, первые два феномена, с которыми сталкивались все постсоциалистические страны после краха социализма, — это сочетание двух факторов: резко падающее производство и при этом резко падающая доля денег в ВВП.

Практически повсеместно сочетание этих двух факторов вызывает массовое желание ослабить денежную политику. Первая реакция следующая: смотрите, как падает производство, денег в экономике не хватает, реальная денежная масса сократилась, давайте наростим денежную массу и тем самым затормозим падение производства. И даже в Польше, правда, достаточно в скромных масштабах, были следы ослабления денежной политики уже с четвертого-пятого месяца после начала реформы. За которым, кстати, последовало замедление темпов падения производства (рис. 2).

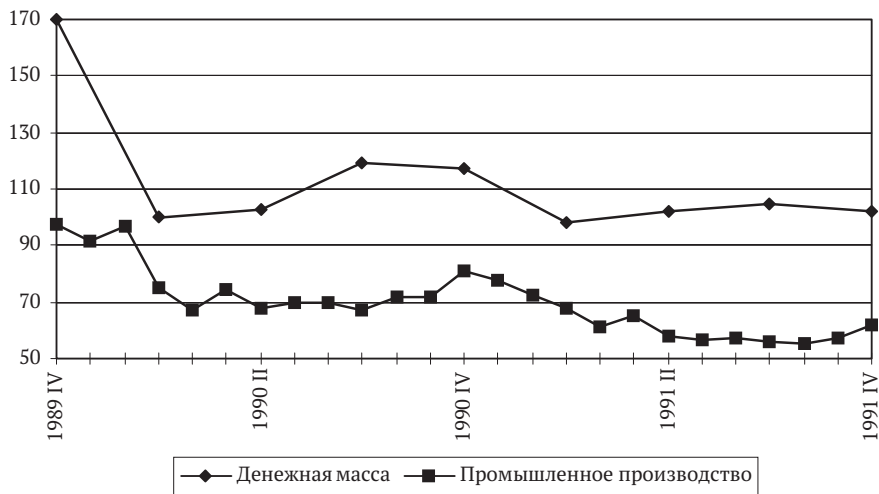


Рис. 2. Промышленное производство (1988=100) и рост реальных денег в Польше

Еще один результат — наличие явной связи между масштабами падения производства и динамикой реальной денежной массы в экономике. То есть падение реальной денежной массы действительно ведет к ускорению падения производства. И наоборот, рост реальной денежной массы в экономике — это фактор, способству-

ющий либо прекращению падения, либо наличию некоторых признаков подъема промышленного производства.

Инфляция в постсоциалистических экономиках (в этой связи они не отличны от других) довольно хорошо описывается набором из трех важнейших параметров: это инфляционная инерция, задаваемая инфляцией предшествующего периода; это темпы роста денежной массы за долгий предшествующий период и это инфляционные ожидания, которые можно определять по динамике обменного курса. Эта модель позволяет неплохо прогнозировать темпы инфляции во всех постсоциалистических странах.

Есть две возможности увеличить реальную денежную массу. Первая из них — в пределах лага. В российской экономике между наращиванием денежного предложения и ускорением инфляции временной лаг составляет четыре-шесть месяцев. На самом деле влияние начинает сказываться с третьего месяца, идет до восьмого месяца, но в целом в пределах трех-четырёх-пяти месяцев наращивание номинального денежного предложения позволяет наращивать реальную денежную массу. Потом, по истечении шести-семимесячного периода, в силу падения спроса на деньги в условиях высокой инфляции происходит падение реальной денежной массы.

Табл. 2 и рис. 3 отражают два характерных момента экономической политики в истории Украины: резкое наращивание денежного предложения в середине 1992 г., которое приводит к росту реальной денежной массы и началу роста производства, сменяющееся резким падением реальной денежной массы, после чего происходит резкое падение производства. Еще одна попытка резко нарастить денежное предложение в первой половине 1994 г. снова дала стабилизацию производства, сменяющуюся его новым падением.

В этой связи постсоциалистические страны можно разделить на две группы: первая группа, в которой подобного рода эксперименты не проводились или проводились в умеренных формах (Эстония, Чехия, Польша и другие). Это страны, в которых происходило заметное падение объема производства, тесно связанное с предшествующим экономическим развитием 1970–1988-х гг., где проводилась достаточно последовательная денежная политика, где инфляция в короткие сроки была снижена до умеренных величин, где достаточно быстро были обеспечены стабилизация экономи-

ки, рост спроса на деньги и экономический рост. И те экономики, в которых проводилось несколько экспериментов по бурному наращиванию денежного предложения. Здесь можно назвать Украину, Россию, Грузию, Армению и ряд других государств.

Таблица 2
Доля денег (M2) в ВВП и промышленное производство на Украине

	Доля денег M2 в ВВП, %	Промышленное производство, в % к 1990 г.
1992, I кв.	9,7	90,9
II кв.	12,5	91,2
III кв.	16,1	84,4
IV кв.	17,5	80,4
1993, I кв.	13,7	86,7
II кв.	11,5	86,1
III кв.	11,2	73,3
IV кв.	9,3	71,6
1994, I кв.	7,5	53,8
II кв.	9,4	49,6
III кв.	13	53,5
IV кв.	9,2	48,2
1995, I кв.	6,8	46,6
II кв.	7,2	40,8
III кв.	7,5	41,5
IV кв.	8,5	40,4
1996, I кв.	8,5	41,5

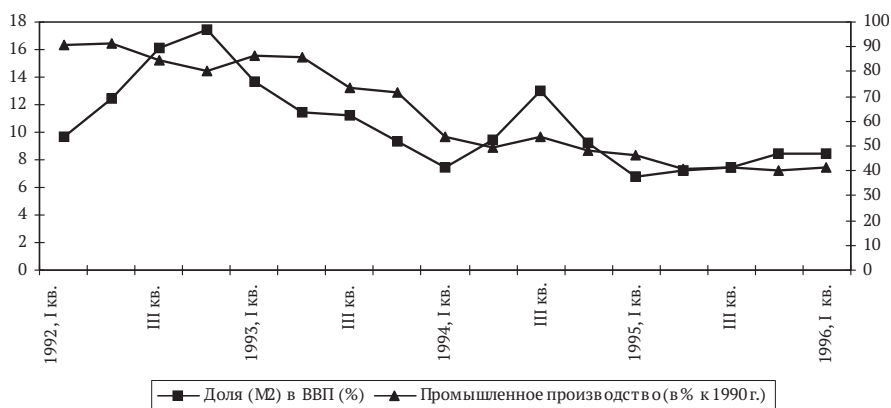


Рис. 3. Доля денег M2 в ВВП и промышленное производство на Украине



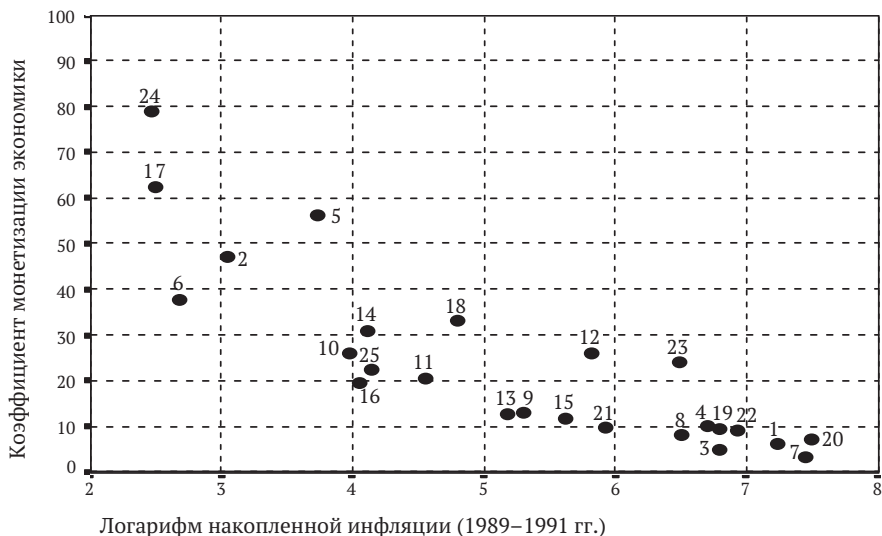
Рис. 4. Денежная масса и индекс интенсивности промышленного производства в России

Рис. 4 позволяет увидеть две попытки нарастить номинальное денежное предложение в России. Оба раза они идут на фоне прекращения экономического спада. По исчерпанию лагового потенциала происходит резкое ускоренное падение реальной денежной массы и, соответственно, ускорение падения производства.

Период высокой инфляции оказывается растянут. А период высокой инфляции (не короткий инфляционный эпизод, а длинный период высокой инфляции) существенно влияет на устойчивое поведение экономических агентов, порождая такие его формы, как неплатежи, бартер и так далее. Когда эти формы поведения укореняются, бороться с ними оказывается существенно сложнее.

Хотя хорошо известны факты бартеризации экономики и распространение неплатежей в странах с так называемой шоковой терапией, эти институциональные нововведения не оказываются устойчивыми. Они сравнительно быстро ликвидируются под влиянием низкой инфляции, особенно жесткой финансовой дисциплины. В странах мягкой, градуалистской дезинфляции эти институциональные инновации оказываются устойчивыми и существенно влияют на дальнейшее развитие событий.

Что происходит в этой связи в странах, которые попали в институциональную ловушку в условиях медленных реформ?



Азербайджан — 1, Албания — 2, Армения — 3, Белоруссия — 4, Болгария — 5, Венгрия — 6, Грузия — 7, Казахстан — 8, Киргизия — 9, Латвия — 10, Литва — 11, Македония — 12, Молдавия — 13, Польша — 14, Россия — 15, Румыния — 16, Словакия — 17, Словения — 18, Таджикистан — 19, Туркменистан — 20, Узбекистан — 21, Украина — 22, Хорватия — 23, Чехия — 24, Эстония — 25.

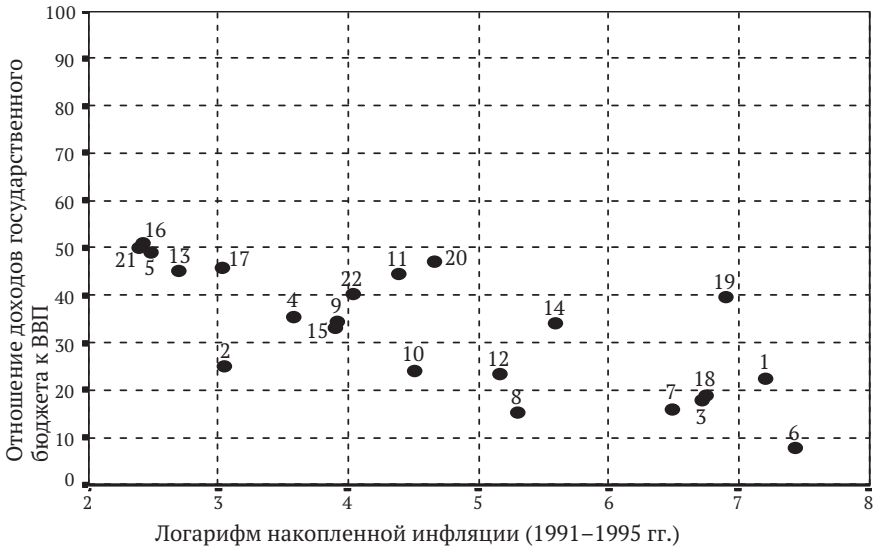
Рис. 5. Диаграмма рассеивания к уравнению, связывающему коэффициент монетизации экономики в 1995 г. и логарифм накопленной инфляции за 1989–1995 гг.

Первое. В них оказывается устойчиво низкой доля денег в валовом внутреннем продукте. Рис. 5 обозначает связь между логарифмом накопленной инфляции за период реформ и долей денег в валовом продукте. Характер зависимости достаточно очевиден. Доля денег в валовом продукте в условиях высокоинфляционных экономик, естественно, связана с предшествующим денежным опытом, с подрывом доверия к национальным деньгам. Причем эти характеристики являются устойчивыми.

Доверие к национальным деньгам очень легко подорвать и трудно его восстановить. Попытки наращивать денежное номинальное предложение темпами, превышающими 20–30% в год, редко оказываются успешными и, как правило, приводят к новым всплескам инфляции. Сравнительно быстрая реконструкция оказывается возможной лишь в режимах типа валютного совета.

Второе. Низкая монетизация экономики, связанная с несколькими инфляционными экспериментами и с подрывом доверия к национальным деньгам, широкое распространение неплатежей, бартера, приводят к устойчивой эрозии доходной базы бюджетов.

На рис. 6 показана связь логарифма накопленной инфляции и доли доходов расширенного правительства в валовом внутреннем продукте.



Азербайджан — 1, Албания — 2, Армения — 3, Болгария — 4, Венгрия — 5, Грузия — 6, Казахстан — 7, Киргизия — 8, Латвия — 9, Литва — 10, Македония — 11, Молдавия — 12, Польша — 13, Россия — 14, Румыния — 15, Словакия — 16, Словения — 17, Таджикистан — 18, Украина — 19, Хорватия — 20, Чехия — 21, Эстония — 22.

Рис. 6. Диаграмма рассеивания к уравнению, связывающему отношение доходов государственного бюджета к ВВП в 1995 г. с логарифмом накопленной инфляции (1991–1995 гг.)

Приведенные данные показывают, что если вы имеете длинный, растянутый период высокой инфляции, то масштабы тех финансовых ресурсов, которые вы можете перераспределить через государственный бюджет, существенно меньше, чем в странах, которые провели реформы быстро и решительно.

Отсюда разделение на страны, где доходы бюджета стабилизируются на достаточно высоких уровнях между 40 и 50% валового внутреннего продукта (в большинстве стран шоковой терапии) и страны медленных реформ, где происходит устойчивая эрозия доходов бюджета, до величин, как правило, не превышающих 35% валового внутреннего продукта.

Укоренение таких форм поведения, как неплатежи и бартер, происходит именно в странах с медленной дезинфляцией и, как правило, сочетается с низкой долей денег в валовом внутреннем продукте и с относительно низкими доходами бюджета и прокладывает дорогу к хроническому фискальному кризису.

Такой кризис оказывается характерной чертой практически большинства экономик, где проводилось несколько экспериментов по наращиванию денежного предложения и процессов инфляции.

В чем суть фискального кризиса? Она состоит в том, что в условиях резко ограниченных реальных доходов бюджета государства оказываются неспособными привести в соответствие с ними свои расходные обязательства. Происходит либо накопление короткого долга и предельный риск острого финансового кризиса, либо хроническое невыполнение своих обязательств государством, что в свою очередь подрывает налоговую дисциплину и является важнейшим фактором распространения неплатежей и бартера, укореняет дурные институциональные новации, связанные с растянутым периодом инфляции.

Завершая свое выступление, я хотел бы еще раз обратить внимание на то, что наше изучение реалий постсоциалистической экономики и закономерностей экономических реформ будет гораздо более продуктивным, если оно будет опираться на очень детальный и подробный, учитывающий национальную специфику и вместе с тем широкий анализ эмпирического опыта.

Стратегические проблемы следующего этапа экономических реформ в России

*Доклад на международной конференции «Новые рубежи.
Стратегические проблемы следующего этапа экономических
реформ в России»*

30 июня 1999 г.

Опубликовано на сайте ПОЛИТ.РУ.

Что позволило нам сегодня поставить на обсуждение вопрос о новом этапе экономических реформ в России?

Казалось бы, более несвоевременную тему трудно себе представить. Мы вступаем в год выборов, и совершенно очевидно, что предвыборный цикл 1999–2000 гг. будет оказывать серьезное сдерживающее влияние на возможность проведения любых структурных реформ. Как сложатся результаты этих избирательных кампаний — прогнозировать сложно, поэтому ситуация на первый взгляд мало благоприятна для серьезного обсуждения вопроса о структурных преобразованиях российской экономики. Опыт показывает, что окно возможностей, которое иногда открывается, а иногда не открывается для проведения реформ в России, должно быть всегда использовано. И как бы ни завершился нынешний политический цикл, с 2000 г. у нас возникнет новая политическая реальность, которая по крайней мере может стать окном возможностей для проведения экономических реформ. Ответственность экономистов — быть всегда готовым к этому окну возможностей. Второе обстоятельство, которое надо учитывать, связано с тем, что реформы, необходимые сегодня в России, в отличие от преобразований 1992 г., носят технически крайне сложный характер. Для того что-

бы подписать постановление о либерализации цен ничего, кроме политической решимости, не нужно, а для того, чтобы провести налоговую реформу, или реформу социальной поддержки, или реформу системы межбюджетных трансфертов, или пенсионную реформу, или реформу трудовых отношений, или многие другие, нужна огромная работа, которая не выполняется ни при каких обстоятельствах в течение недели.

В этой связи вопрос предельно простой. Если у нас откроется окно таких возможностей, будут ли готовы российская экономическая наука, российские реформаторы предложить этот набор подготовленных, прописанных, просчитанных конструктивных решений, ориентированных на ключевые точки российской экономики. В этой связи серьезное обсуждение вопроса следующего этапа российских реформ более чем актуально.

Еще одно обстоятельство, которое надо иметь в виду. Важнейшая проблема, очевидная для значительной части по крайней мере российской элиты или для значительной части мировой финансовой элиты, состоит в том, что долг, оставшийся в наследство России от Советского Союза в полном объеме и на условиях предшествующей реструктуризации, обслужен быть не может. Сегодня это, по крайней мере не публично, признано в мире всеми. Перед нами стоит непростая проблема переговоров о новой форме реструктурирования и списания советского долга. Очевидно, что переговоры на эту тему будут непростыми и вряд ли завершатся чем-то до окончания следующего политического цикла. То есть до того, как станет ясно, какое у нас будет правительство после июня 2000 г. Ясно также, что любая серьезная схема снижения долгового бремени для России, а без решения этой проблемы очень трудно надеяться на устойчивость российских финансов и на создание благоприятного инвестиционного климата в России, будет исходить примерно из тех же посылок, на которых строилась соответствующая схема списания польской задолженности. То есть это не будет бланковый чек, снимающий проблемы, это будет программа, рассчитанная на несколько лет и предполагающая проведение достаточно серьезных преобразований в России, в рамках реализации которой возникнет возможность списания этого долга. Значит, по меньшей мере это проблема, которая практически встанет перед следующим президентом России, перед любым следующим прави-

тельством и перед государствами «восьмерки», перед МВФ, Мировым банком, которые будут вовлечены в этот процесс.

Вопрос в том, что будет сутью этого пакета, вокруг чего он будет выстроен. Опыт показывает, что построение подобного пакета реформ, навязанного стране, не выросшего в стране, не сформированного в рамках исследований, проведенных в стране, всегда гораздо хуже. Потому что всегда можно продиктовать набор требований извне и даже заставить кого-то из российского правительства под ним подписаться. Но почти всегда он, если он вырабатывался без учета национальной экономической и политической специфики, будет носить приблизительный характер, будет неточным во многих существенных деталях, не будет отражать ряда принципиальных проблем и ограничений, которые существуют. Короче говоря, не будет эффективным. Значит, так или иначе возникает вопрос о форме того пакета реформ, которые сможет предложить Россия в рамках переговоров с Парижским и Лондонским клубом по реструктурированию советского долга.

К сегодняшнему моменту о российской экономике можно сказать две вещи. Одна из них приятная, другая — нет. Приятная вещь состоит в том, что за эти семь лет в России, несомненно, сложилась рыночная экономика, функционируют рынки, которые являются достаточно гибкими во многих направлениях. Экономика в достаточной степени открыта, в стране существует значительный частный сектор, миллионы людей получили рыночный опыт, которого не было на протяжении предшествующих десятилетий. Устойчивость этой рыночной экономики была продемонстрирована во время финансового кризиса, с которым столкнулась Россия в 1998–1999 гг. Потому что, во-первых, выяснилось, что одного факта отказа от демонтажа рыночных институтов оказалось достаточно для решения наиболее острых проблем текущего функционирования экономики, которые возникли осенью 1998 г., во-вторых, выяснилось, что даже в высшей степени левое правительство не готово предложить какую бы то ни было программу демонтажа рынка, рыночных институтов. В этой связи можно сказать, что рынки сегодня в России стали реальностью, видимо, останутся таковыми на обозримую перспективу и их существованию вряд ли угрожают любые результаты предстоящего политического цикла. Вторая вещь, менее приятная, связана с тем, что

рыночная экономика функционирует крайне неудовлетворительно. Доверие населения к национальным деньгам — низкое, налоговая дисциплина — низкая, банковская система — неэффективна, система социальной поддержки не является адресной, социальное расслоение — крайне глубокое, государственные финансовые ресурсы расходуются неэффективно, защита собственности — недействительна, контракты исполняются слабо. Короче говоря, экономика функционирует как рыночная, и вместе с тем имеет очень серьезные проблемы, подрывающие возможность устойчивого экономического роста в России.

Есть три группы факторов, которые, на мой взгляд, повлияли на такое формирование рыночной экономики в России. Первый из них — социалистическое наследие, так как в России социалистическое наследие было наиболее глубоким из всех социалистических стран. И сегодня уровень деформации в рамках социализма, уровень сложившихся структурных диспропорций, уровень демонтажа институтов гражданского общества оказывает огромное влияние на развитие страны после краха социализма. Достаточно поздно стало ясно, что именно Польша и Венгрия, страны, которые в рамках социализма имели относительно развитые частные секторы, имели сохранившиеся институты гражданского общества, оказались в большей степени, чем все остальные, способными к решению проблем этой реформы. Второй фактор — это медленная дезинфляция и длительный период финансовой нестабильности на первой стадии российских реформ. Я посвятил этому вопросу свою последнюю статью¹, где пытался показать связь между проводившимися на этом этапе денежной и финансовой политикой, укоренением культуры мягких бюджетных ограничений и теми известными чертами российской экономики, которые сегодня широко обсуждаются. И, наконец, третий фактор — в России не были проведены структурные реформы, необходимые после начала запуска рыночных механизмов.

На первый и второй факторы мы повлиять сегодня не можем, не можем переделать собственную историю, в том числе историю переходного периода, но мы можем повлиять на третий фактор,

¹ Уроки российского кризиса для стран с переходной экономикой. См. данное Собр. сочинений, том 6, с. 466–473. — *Прим. ред.*

подготовившись и добившись проведения этих серьезных структурных преобразований. Собственно, первый вариант программы реформ второго поколения начал подробно разрабатываться в 1996 — начале 1997 г. Президентское послание 1997 г., в подготовке которого принимала участие значительная часть здесь присутствующих, по существу артикулировало по крайней мере набор тех структурных преобразований, которые необходимо было бы провести в России, начиная от налоговой реформы, заканчивая реформами системы бюджетных отношений. Эта программа была поднята на щит правительством молодых реформаторов в 1997 г. и стала базой его работы. К сожалению, эта программа не была практически воплощена, не получила достаточной политической поддержки и поддержки в парламенте, и в итоге к 1998 г. продвижение по ключевому направлению здесь выдохлось и мы сегодня находимся в точке, похожей на ту, в которой находились в 1996 г., с точки зрения самого набора необходимых реформ. За это время был накоплен большой опыт, изменилась ситуация, есть необходимость, не повторяя тех вещей, которые к сегодняшнему дню стали почти общеизвестными, общепринятыми, продвинуться гораздо дальше в проработке конкретных механизмов проведения этих реформ. Например, реформа межбюджетных отношений. Для того чтобы сказать, что межбюджетные отношения должны быть прозрачными, а правила распределения трансфертов понятными и универсальными, ничего кроме здравого смысла не надо. Это можно легко сказать и включить в любой из политических документов. Для того чтобы подготовить предложения по конкретному механизму межбюджетных трансфертов, учитывающих или не учитывающих нуждаемость, построенных или не построенных на системе нормативов, учитывающих или не учитывающих сложившиеся на сегодняшний день пропорции их распределения и соответственно выстраивающих или не выстраивающих некие сглаживающие схемы перехода от нынешней ситуации к другой, более понятной и прозрачной, — для этого нужна очень серьезная работа, большие массивы данных, работа с цифрами, сверка результатов и так далее. Это как раз та работа, которая предполагает серьезную, не на словах, а на деле, подготовку этих преобразований. Я, разумеется, не собираюсь сейчас обозначать всей программы необходимых реформ, мы собрались для того, чтобы их обсуждать,

а не для того, чтобы их продекларировать. Лишь несколько соображений по этому поводу.

Первое: перспективы денежной политики и политики валютного курса. Ясно, что та программа, о которой мы говорили, рассчитанная на период после 2000 г., должна давать четкий ответ на то, на какую денежную политику и политику валютного курса будут ориентироваться российские власти. Последние изменения в денежном мире, в частности введение евро и азиатский кризис, во многом подорвали доверие к промежуточным формам курсовой и денежной политики. То есть ко всем формам управляемого плавающего курса, валютных коридоров и т.д. По всей видимости, реальное развитие событий в ближайшие годы все-таки пойдет по пути выбора одного из двух основных вариантов. Это либо полноценный плавающий курс, где курсовая политика не используется в качестве средства дезинфляции, либо это система валютного совета, в данном случае с понятными развилками: валютный совет на основе евро для России или на основе доллара и второе — это собственно валютный совет или полномасштабная долларизация или полномасштабный переход на введение евро в России. Оба варианта имеют свои понятные преимущества и недостатки. Преимущество валютного совета состоит в том, что на этой основе удастся восстановить за ограниченный период времени доверие к национальной валюте, добиться роста уровня монетизации экономики, снизить процентные ставки. Недостаток этого варианта — для большой экономики, зависящей от цен на сырьевые товары, всегда возникают дополнительные риски, связанные с отсутствием гибкости курсовой политики. Применительно к политике плавающего курса преимущества тоже понятны — это возможность гибкой адаптации к изменяющимся условиям международных рынков. При плохой денежной истории, длинной истории инфляции, недоверии к национальным деньгам, выбор политики плавающего курса означает на долгие годы выбор политики, обрекающий страну на низкий уровень монетизации экономики, на существенный уровень долларизации экономики, на сравнительно высокие процентные ставки. Какой бы из этих выборов мы ни сделали, этот выбор оказывает очень жесткие ограничения на маневр бюджетной политики, потому, что система валютного управления просто несовместима с существенными бюджетными

дефицитами. Система плавающего валютного курса при низкой монетизации экономики тоже несовместима со значительными бюджетными дефицитами, по крайней мере если мы предполагаем иметь ситуацию, совместимую с ростом. Независимо от того, выбираем ли мы как стратегию систему валютного совета или плавающего курса, на самом деле при ограниченности доступа России к внешним коммерческим заимствованиям и к внутренним коммерческим заимствованиям, непосредственно вытекающей из нашей предшествующей истории, это значит, что мы должны проводить политику существенного бюджетного профицита и не можем позволить себе ни денежное финансирование дефицита, ни финансирование за счет заимствования у народа. В этой связи принципиальный вопрос — бюджетная политика. Опыт постсоциалистических стран показывает, что предшествующая история перехода накладывает серьезное ограничение на возможность маневра бюджетной политики, в том числе на возможность увеличения доли внутреннего валового продукта, который распределяется через бюджет и мобилизуется в рамках налоговых поступлений. Лишь в Болгарии после введения программы экономических реформ, согласованной с МВФ и Всемирным банком, удалось существенно повысить уровень мобилизуемых доходов, его долю в валовом внутреннем продукте. В подавляющем большинстве других случаев высокоинфляционная экономика оставляет за собой долговое наследие относительно ограниченных бюджетных доходов. Все попытки существенного повышения доли налоговых поступлений в валовом внутреннем продукте, предпринимавшиеся на протяжении последних четырех лет, были крайне мало эффективны. Значит, видимо, у нас есть основания полагать, что сегодня экономика функционирует вблизи верхнего предела реально мобилизуемых налоговых поступлений. Задача состоит не в том, чтобы радикально повысить эти поступления, а в том, чтобы перестроить налоговую систему так, чтобы она позволяла мобилизовывать около 30% валового внутреннего продукта в виде налоговых доходов, в формах, в наименьшей степени негативно сказывающихся на перспективах экономического роста. Собственно, это главная задача, которая стоит перед нами при выработке программы налоговой реформы.

Крайне несовершенная налоговая система, стимулирующая бегство капитала, стимулирующая уход экономики в тень и существенно ограничивающая возможности инвестиций в легальный сектор экономики, — на сегодняшний день это если не самое главное, то без сомнения одна из нескольких самых главных проблем, от решения которых зависят перспективы российской экономики. И не случайно в кругу тех проблем, которые вынесены на ваше обсуждение, — детальная проработка налоговой реформы занимает центральное место. Здесь стержень наших предложений — это идеология расширения налоговой базы, снижение предельных ставок налогообложения, максимальное упрощение налоговой системы, максимальное использование налогообложения у источника. Стержнем этих предложений является идея плоского подоходного налога, увязанная с набором изменений в других элементах налоговой системы. Те, кто занимался этой проблемой, знают, что эта идеология в свое время закладывалась в программу налоговой реформы, предложенной правительством молодых реформаторов 1997 г.

Тогда по комплексу причин мы вынуждены были идти на абсолютно избыточные компромиссы и делать массу вещей (которые можно сделать просто) крайне усложненно, что лишало наши предложения достаточной степени целостности и простоты. Кроме того, ряд элементов предложенной реформы были явно сырыми и недостаточно проработанными. К настоящему времени была проведена довольно большая работа по подготовке новой редакции налогового кодекса и общей и специальных частей налогового кодекса, которые позволили бы предложить технологичную программу глубокой структурной налоговой реформы в России. Мы очень надеемся на то, что детальное обсуждение этих предложений в ходе нашей конференции позволит нам выявить и те слабые места, которые неизбежно в них могут содержаться, получить дополнительные ценные предложения по поводу того, как нам продвигаться в области налоговой реформы.

Вторая важнейшая часть бюджетной политики — это политика расходов. Здесь жесткие ограничения, которые накладывают на нас, с одной стороны, максимальные масштабы мобилизуемых налоговых доходов, а с другой стороны — крайне ограниченные возможности внешнего и внутреннего финансирования, застав-

ляют нас быть достаточно жесткими в оценке необходимых элементов снижения расходных обязательств федерального бюджета. Наши предложения идут по нескольким линиям. Первое — это улучшение бюджетного администрирования и бюджетных процедур, и в этой связи мы предлагаем обсудить все поправки в бюджетный кодекс, которые было бы разумно принять. Во-вторых — это программа реформы межбюджетных отношений, потому что очень большая часть сегодняшних проблем бюджетной системы в России — это не только проблема федерального бюджета, но и проблема региональных бюджетов, в том числе проблемы недофинансирования местных бюджетов и федерального бюджета при избыточной финансовой обеспеченности региональных бюджетов и недостатки контроля за использованием эффективности ресурсов этих бюджетов. И собственно программа, направленная на повышение эффективности расходования средств по всем остальным направлениям: реформы в системе финансирования образования, финансирования здравоохранения, финансирования социальной защиты и ряд других направлений. Здесь мы не пытались добиться полноты покрытия. Есть ряд исследовательских институтов, которые работают в смежных направлениях (институт экономики города — в решении проблем жилищно-коммунального хозяйства). В целом взаимосвязанные предложения, просчитанные по налоговой реформе и по реформе системы финансовых обязательств государства — это важнейшие элементы, делающие предлагаемые шаги финансово устойчивыми и просчитываемыми.

Еще один важнейший круг преобразований, проведение которых необходимо для запуска механизмов экономического роста, — это все, что связано с инвестициями, сбережениями и рынком труда. Что касается инвестиций в российскую экономику, важнейшая проблема здесь очевидна. Эта проблема — проблема гарантий прав собственности в российской экономике. То, что эти гарантии крайне неудовлетворительны, ни для кого не является секретом. Мы попытались провести анализ тех серьезных проблем, которые сегодня не позволяют гарантировать право собственности, и предложить набор новаций в нормативных актах, которые по крайней мере позволяют сделать несколько шагов в этом направлении. Я прекрасно понимаю, что проблема защиты прав собственности это не только проблема законодательства, но и проблема адми-

нистративной правоприменительной практики. Эта проблема не тривиальна для решения, тем не менее в продвижении по пути легального закрепления прав собственности, в том числе и права собственности на землю — важнейшее направление в этой области.

Норма сбережений. Как известно лучший способ повысить норму сбережений для стран с относительно невысоким уровнем доходов на душу населения — обеспечить динамический рост доходов. Конечно, этот совет напоминает совет быть здоровым и богатым, но проблема доли сбережений в России — важнейшая стратегическая проблема экономического роста. Именно с этой проблемой, на наш взгляд, увязана важнейшая задача — реформа пенсионной системы. В мировой экономической литературе этот вопрос широко обсуждается. В какой степени пенсионные реформы позволяют всерьез повысить нормы сбережений — непростой вопрос, но во всяком случае, других серьезных новаций, которые дают хотя бы основания полагать, что мы сможем серьезно повлиять на норму сбережений — не видно. В этой связи вопрос налоговой реформы, это вопрос перспективных темпов роста России на протяжении первых десятилетий XXI в. Проблема тяжелейшая, очень сложно решаемая финансово и организационно. Я надеюсь, что наше обсуждение здесь позволит нам продвинуться в уровне ее понимания.

И, наконец, проблема реформы трудовых отношений. Сравнительный опыт США и Европы последних десятилетий убедительно показал, в какой степени либерализация рынка труда является важнейшим фактором снижения безработицы, увеличения темпов роста. В нашем случае система регулирования рынка труда, действующая на сегодняшний день, абсолютно оторвалась от реальности, не гарантирует ни в коей мере права работников, одновременно вводя серьезные ограничения и для легализации трудовых отношений. И здесь предложены нашими коллегами документы по программе реформ трудовых отношений, предложен пакет законов, меняющих регулирование рынка труда. Это тоже важнейший вопрос, который требует обсуждения в рамках создания предпосылок экономического роста в России.

Я не буду дальше занимать ваше время, подробно излагая те вопросы, которые мы предлагаем вынести на обсуждение. Конференция будет носить скорее сугубо рабочий, чем публичный харак-

тер. Нам в высшей степени важны ваши замечания и соображения по тем предложениям, которые мы выносим на ваше обсуждение. Любые соображения об исследованиях, которые являются взаимодополняющими по отношению к тем, какими мы занимаемся в институте, и которые могут быть объединены в единый блок предложений по следующему этапу российских реформ, были бы для нас в высшей степени полезны.

Вопрос: *Вы обошли, я так понимаю сознательно, проблему импортозамещения. Я хотел бы знать, почему Вы обошли этот вопрос и что Вы думаете по этой проблеме.*

Егор Гайдар: Я заранее извиняюсь, но я обошел очень широкий круг очень важных вопросов. Скажем, на мой взгляд, очень интересный материал по аграрной политике и аграрного протекционизма.

То, насколько энергично прошел процесс импортозамещения после кризиса, как раз и показывает, что рыночная экономика действует достаточно гибко, реагируя на изменяющуюся ситуацию. Это первое.

Во-вторых, на мой взгляд, произошедшее сегодня предоставляет достаточно благоприятные возможности для закрепления этих позитивных сдвигов. Для этого необходимо проводить, в первую очередь, политику поддержания относительной стабильности — отсутствие резких сдвигов в реальном курсе рубля. Избежать существенно реального удорожания рубля по отношению к доллару было бы важно, чтобы закрепить позитивные тенденции.

Третье. Важное направление здесь, разумеется, ускорение вступления России во Всемирную торговую организацию и защита интересов отечественных производителей до вступления России в ВТО и после вступления.

По проблемам ВТО. Первое. Тот факт, что у нас сменилось несколько правительств, конечно, серьезно сказался на ходе переговоров. То, что мы на протяжении 1,5 лет так и не внесли предложений по услугам, делает наши разговоры о том, что мы сейчас очень энергично будем отстаивать интересы наших товаропроизводителей в ВТО, не очень серьезными. В этой связи первое, что надо здесь делать, — выработать позицию серьезную, обоснованную переговорную позицию и завершать подготовку всех документов, необходимых для вступления в ВТО.

Второе. Опыт показывает, что применение разрешенных международным правом антидемпинговых процедур по отношению к зарубежным компаниям, действующих особенно в политически чувствительных областях, — это неплохая форма защиты отечественных национальных интересов. Если вы сравните сегодня долю России или других государств СНГ в мировом импорте и долю этих же государств в мировых антидемпинговых расследованиях и в осуществленных антидемпинговых процедурах, то соотношение: 1 к 4. То есть наша доля в антидемпинговых разбирательствах в 4 раза больше, чем наша доля в мировой торговле. И, к сожалению, это очень жесткая область, где никакие благие разговоры не помогают. Это то, где надо цивилизованно, грамотно, не по-хамски, не невежественно отстаивать собственный национальный интерес.

Ответы на вопросы студентов

*Встреча со студентами
экономического факультета МГУ*

14 апреля 2000 г.

Опубликовано на сайте ПОЛИТ. РУ.

Вопрос: *Какова, с Вашей точки зрения, экономическая целесообразность создания союза Югославия — Белоруссия — Россия?*

Егор Гайдар: Если мы создадим союз Югославия — Белоруссия — Россия, т.е. сделаем то, что предложил Геннадий Андреевич Зюганов, а именно пошлем туда войска, то с экономической политикой у нас все будет понятно. После этого по меньшей мере мы с вами будем сидеть на карточках, при «железном занавесе», с неконвертируемым рублем и вся молодежь будет ходить в униформе. Это еще оптимистический взгляд, если Геннадий Андреевич не втянет нас в ядерную войну.

Вопрос: *Почему, на Ваш взгляд, не самая отсталая страна Турция умудряется совмещать высокий уровень инфляции, около 100% год, и положительный экономический рост?*

Егор Гайдар: Это одна из очень интересных проблем. Турции удалось адаптировать свою экономику к работе в условиях высокой инфляции, около 70% годовых. Правда, есть некоторые сомнения в турецкой статистике экономического роста, которые традиционно высказываются. Я на сегодняшний день не могу их ни подтвердить, ни опровергнуть. Во всяком случае, даже если предположить, что турецкая статистика абсолютно достоверна, это никак не опровергает выводы исследований Бруно — Эстерли¹, кото-

¹ Имеется в виду работа «Инфляционные кризисы и долгосрочный рост» М. Бруно и В. Эстерли, (1994), вызвавшая оживленную дискуссию в кругах экономистов, специалистов по макроэкономике. — *Прим. ред.*

рые показали, что в подавляющем большинстве случаев инфляция выше 40% несовместима с экономическим ростом.

Вопрос: *Не кажется ли Вам, что в устойчивых экономиках темп прироста денежной массы не существенная проблема, если он предсказуем и нет никаких политико-экономических потрясений?*

Егор Гайдар: Нет, не кажется. Все зависит от масштабов этого прироста. Если вы имеете устойчивую экономику с устойчивым спросом на деньги и речь идет о колебаниях прироста денежной массы в 8–12% годовых, то обсуждать вопрос о последствиях этого прироста можно и это всегда серьезная исследовательская задача. Когда вы имеете дело с приростом денежной массы, особенно чистых внутренних активов, измеряемых сотнями процентов в год, то результат этого в любой экономике устойчивой-неустойчивой, рыночной-нерыночной, будет всегда один — резкое падение спроса на деньги и лавинообразная инфляция. Это в теории гиперинфляции прекрасно показано.

Вопрос: *Переговоры с МВФ, Лондонским и Парижским клубом. Решение проблем внешнего и внутреннего долгов России.*

Егор Гайдар: Переговоры с МВФ это то, когда говорят: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Шансы России, на базе той программы, которую предлагало правительство Примакова — Маслюкова, получить кредит МВФ месяц тому назад представлялись невозможными. После начала бомбежек в Югославии Камдессю¹ сам прилетел в Москву срочно и с деньгами. По вполне понятным причинам. Да, есть экономический критерий, а дальше выясняется, что Запад в тупике. Допустим, они не дадут кредит на реструктурирование задолженности. Ну после этого правительство Примакова скажет, что не дали кредит не потому, что у нас слабая экономическая политика, а потому, что у нас жесткая позиция по Югославии. В этой связи Запад оказался в собственной ловушке. Руководство МВФ с огромным трудом маневрирует, вплоть до того, что, скажем, когда 5 апреля 1999 г. своей инструкцией вывело Россию из режима конвертируемости рубля по текущим операциям, тем грубо нарушив восьмой параграф устава Международного валютного фонда. Пока никакой реакции не последовало. В этом

¹ Мишель Камдессю — французский экономист, директор-распорядитель Международного валютного фонда в 1987–2000 гг. — *Прим. ред.*

смысле югославский конфликт очень помогает. Естественно, кредиты МВФ открывают дорогу к переговорам с Лондонским и Парижским клубами притом, что надо принимать решения по долгосрочному реструктурированию и списанию долгов до следующих президентских выборов. Может быть найдено временное решение по проблеме 1998–1999–2000 гг. о различных формах замещения бумаг, но никто всерьез не будет разговаривать о глобальном решении проблем, в том числе о списании советских долгов, до тех пор, пока не будут более или менее определены черты политической и экономической реальности в России.

Вопрос: *Как Вы оцениваете ситуацию в банковской системе России.*

Егор Гайдар: В последние месяцы ситуация в банковской системе стала более стабильной, чем в разгар кризиса августа-сентября-октября. Просто потому, что произошло следующее. Банки, которые имели большие долларовые пассивы, — мертвы. Центральный банк в отношении их проводит разную политику: какие-то закрывают, какие-то не закрывают. Банки, которые не имели больших долларовых пассивов, а это значительная часть региональных банков, в условиях высокой инфляции, реально размещая свои рублевые активы в долларовые инструменты, смогли за эти несколько месяцев существенно поправить свое положение. В этой связи банковская система разделена на две части. Большое количество «больших, умерших монстров», смерть которых еще не признана и некоторая, небольшая часть, более-менее жизнеспособных банков. Самое главное, что Центральный банк должен честно сказать, кто умер. И не надо ждать, когда они воскреснут. Пока это не сделано, к сожалению, но вот этот трупный яд довольно здорово скапливается на всей банковской системе. Еще одно важнейшее направление, как мне кажется, для стратегии развития банковской системы в России — необходимость радикальной либерализации доступа банков нерезидентов к работе на этом секторе рынка. Потому, что особенно сегодня, когда доверие к национальным банкам подорвано, только обеспечение жесткой конкуренции банков нерезидентов способно постепенно восстановить доверие населения к банковским формам хранения сбережений и одновременно работать на существенное улучшение качества предоставляемых банковских услуг. В свое время, когда российское правительство

пошло на максимальное ограничение банков нерезидентов, — это была очень серьезная ошибка.

Вопрос: *Каковы решения проблемы неплатежей в нашей экономике?*

Егор Гайдар: Проблема неплатежей в нашей экономике имеет довольно много корней, это многокомпонентная проблема, но в максимальной степени это проблема, связанная с существованием мягких бюджетных ограничений, неэффективностью механизма финансовых санкций, неэффективностью механизма банкротства. У нас сегодня есть два сектора в экономике. Первый сектор работает в экономике, где никаких неплатежей не существует. Это нормальные денежные расчеты, там нет никаких денежных задолженностей. Сектор, который работает в экономике неплатежей, может так работать потому, что хозяева предприятий могут сохранять свои кресла, хотя у предприятий есть непогашенные обязательства. Но вот согласитесь, если вы поставили себя в такое положение, что вы можете наращивать задолженность бюджету и одновременно это является аргументом к тому, чтобы с вас меньше спрашивали налогов, то у вас есть все стимулы наращивать задолженность бюджету. Возникает специфический феномен предприятий полубанкротов. Предприятие реально банкрот, но об этом никто не говорит. У него есть «крыша». Если у него есть административная «крыша», это позволяет ему не платить по своим обязательствам энергетикам и бюджету, у него есть стимулы, чтобы эту «крышу» себе сохранить. Вместе с тем это значит, что даже если предприятие является частным, то оно является «квази» частным. Но сегодня у меня хорошие отношения с государственными чиновниками, а завтра плохие. Если я руководитель такого «квази» частного предприятия, то у меня есть стимул часть средств вывести с предприятия. Как это сделать? Путем тех же самых неплатежей. Я могу поставить продукцию предприятию «Редька и компания», а оно не заплатит. Заплатит, конечно, но на мой личный счет или на счет моей жены. Могу закупить продукцию предприятия «Соленый огурец», а оно не поставит продукцию. Вот такая полукриминальная экономика — это следствие не жесткости финансовых ограничений. В этой связи любые меры, направленные на серьезное ужесточение финансовой ответственности, — это самые серьезные меры против неплатежей.

Вопрос: *Как Вы оцениваете итоги приватизации? Если были ошибки, то какие?*

Егор Гайдар: Я критически оцениваю итоги приватизации. Еще раз подчеркиваю, что вопрос приватизации, это вопрос не выработки модели, а вопрос выработки компромиссов. Я напому то, что многие забывают. Первое. Приватизация шла по закону, принятому Верховным Советом РСФСР. Второе. Ни я, ни Чубайс до прихода в правительство не были сторонниками ваучерной приватизации. Мы считали разумной приватизацию за деньги по венгерскому варианту. Третье. Мы должны были учитывать реально складывающуюся политическую ситуацию, но идея ваучерной приватизации настолько овладела умами депутатов, что стала непреодолимой. Мы должны были приватизировать по действующему законодательству. Основные вещи, за что ругают Чубайса, так это за то, что предприятия продавались очень дешево. Только при этом забывают, что второй вариант приватизации, при котором предприятия продавались слишком дешево, — это вариант продажи предприятий коллективу. Но этот вариант был выработан и предложен фракцией «Коммунисты России» в Верховном Совете. Мы были категорически против этого варианта. Мы были вынуждены принять его как данность. Я считал важнейшим результатом приватизации добиться того, чтобы собственность была распределена. Определены правила, по которым она может перераспределяться, а дальше бы работал механизм рынка, который бы обеспечивал перераспределение собственности от неэффективных собственников к эффективным. На первом этапе у нас была мощная поддержка директорского корпуса, который сказал: «Да. Взять свои предприятия — мы с удовольствием». Но затем, когда возник второй вопрос, что если не умеете распорядиться, то отдайте. Вот тогда нам сказали. «Нет. Так не пойдет. Раз взяли, то умеем или не умеем — это наше дело. Никому не отдадим.» Это как раз то, из-за чего я ушел из правительства. Это то, что определяло развитие событий последних двух лет. Это то, почему была мягкая финансовая ответственность предприятий, потому что очень большая часть экономической и политической элиты хотела вот такого имущественного положения, когда уже не работают жесткие административные ограничения, характерные для административно-

командной экономики, но еще не работают жесткие финансовые ограничения, характерные для рыночной экономики.

Вопрос: *Правда ли, что причина роста неплатежей в невыполнении обязательств бюджетом? Как их ликвидировать?*

Егор Гайдар: Нет, это не единственная причина. Это одна из форм, влияющих на формирование неплатежей. Бюджетные неплатежи существенно влияют на прирост неплатежей, но это не основная их причина. Есть главная — низкая финансовая ответственность.

Вопрос: *Перспективно ли хождение евро в России? Вытеснит ли эта валюта доллар? Если нет, то какое будет соотношение?*

Егор Гайдар: В целом стратегически, конечно, Россия теснее привязана к европейским экономикам, чем к американским. В этой связи, если выработать стратегию долгосрочного сотрудничества для России, — это должна быть стратегия максимальной интеграции в страны евро. Особенно если ставить амбициозную, решаемую, долгосрочную задачу вхождения России в структуры Евросоюза, то, конечно, ориентация на евро должна стать элементом нашей экономики. Это не так просто, потому что в валютной политике очень много зависит от традиций. Сегодня Россия — это долларизованная экономика. Все нормы делового оборота привязаны к доллару. С течением времени, я убежден, постепенная переориентация с доллара на евро — разумная перспектива для российской экономики.

Вопрос: *Когда реальной властью обладали Черномырдин, Чубайс и Немцов, была построена пирамида ГКО, а при Кириенко она рухнула. Несут ли Ваши друзья за это ответственность?*

Егор Гайдар: Пирамида ГКО начала строиться в 1993 г., когда Чубайс, конечно, был в правительстве, но занимался приватизацией и никакого отношения к этому не имел. А Немцов был губернатором Нижнего Новгорода. Что такое пирамида ГКО? Пирамида ГКО — это законсервированный бюджетный дефицит. Если вы имеете желание ликвидировать бюджетный дефицит, то вам не надо иметь пирамиду ГКО. К сожалению, в России поддержка жесткой инфляционной политики была крайне ограниченной. А политика правительства Черномырдина — все время была очень мягкой. Это значит, что вы имеете большие бюджетные дефициты. Те же самые люди, которые сейчас критикуют Черномырди-

на за пирамиду ГКО, в свое время ратовали за увеличение бюджетного дефицита, то есть еще большего наращивания пирамиды. Кириенко в этом обвинять просто грех. К тому времени, когда он был назначен в правительство, все проблемы с ГКО, долгом, назрели и перезрели. Экономика была крайне трудно управляема. Он получил ее не понимая, что он получает, и некоторое время был счастливый и довольный. Но затем он очень быстро понял, что в премьерском портфеле он получил бомбу с зажженным фитилем. Некоторое время он пытался маневрировать в правильном направлении. Даже были шансы на успех, когда МВФ согласился дать деньги, если бы эта программа была поддержана Думой, однако Дума ее не поддержала. Поэтому взрыв был неизбежен. И назначать виновным Кириенко просто некорректно.

Вопрос: *Правда ли, что Вы были идейным вдохновителем Кириенко по обвалу ГКО?*

Егор Гайдар: Со мной советовались и Кириенко, и Задорнов, и Дубинин 16 августа, когда всем стало понятно, что ситуация неуправляемая. Когда за одну пятницу 14 августа, Центральный банк потерял миллиард резервов и было ясно, что он потеряет остатки резервов в течение следующих двух дней, было очевидно, что с этим что-то надо делать. Тогда пригласили экономистов и стали решать. У меня были свои представления. С чем-то из предложенного я согласился, с чем-то нет. На самом деле меня другое умиляет. Я слышал от деятелей последующего временного правительства Черномырдина, от деятелей правительства Примакова о преступных, страшных, ошибочных решениях 17 августа. Не годований по этому поводу было много. Я все понимаю. До чего бы мне не хотелось дожить, так это до решений 17 августа. Только я одного не могу понять, когда о преступных решениях говорят люди, которые являются вице-премьерами правительства по экономике и финансам. Если вы считаете эти решения преступными, ошибочными, неправильными, так сделайте одно простое дело — выпустите постановление правительства, отменяющее это решение, а потом все это говорите. Если же вы не выпускаете постановление правительства, так вы лицемеры. Вы прекрасно понимаете это. И не было никакого кризиса 17 августа. А был кризис последних трех лет, который перерос в острую форму летом и в особен-

ности в августе, когда ситуация стала неуправляемая. А дальше уже вставал вопрос о том, как оформить произошедшую проблему.

Вопрос: *Какие ошибки были Вами допущены в 1992–1993 гг.?*

Егор Гайдар: Если говорить о технике, то, конечно, задним умом все мы крепки. Много из того, что делалось, я бы технически сделал по-другому. Я бы по-другому реформировал систему внешнеэкономического регулирования с 1 января 1992 г. Если говорить не о технике, а о принципиальных вещах и меня бы поставить обратно в 1991 год, то я бы делал примерно то же самое, только с гораздо большей уверенностью в собственной правоте. Тогда за тем, что мы делали, стоял набор гипотез и предположений, не бессмысленных, а подтвержденных опытом, но это были гипотезы. Вот у тебя одни гипотезы, а у меня другие. Сегодня за этим стоит огромный опыт. Мы очень хорошо теперь знаем, что бывает, а что нет и к чему приводит то или иное. Сегодня прекрасно понимаем, что стратегическое направление было правильным, только беда в том, что политической поддержки для его проведения оказалось недостаточно.

Вопрос: *Падение монетизации экономики в конце 1998 г. должно было стимулировать развитие рынка корпоративных векселей и денежных суррогатов, однако этого не наблюдается. С чем это связано?*

Егор Гайдар: Вполне естественно, что общий кризис финансового рынка, падение доверия к банковской системе в целом не могли не сказаться на вексельном рынке. Удар был нанесен по всем сегментам рынка. И по этому тоже.

Вопрос: *Как Вы относитесь к политике «мягкого» вхождения в рынок, проводимой в Ульяновской области?*

Егор Гайдар: Политика «мягкого» вхождения в рынок, проводимая в Ульяновской области, привела к весьма жесткому вхождению в рынок в Ульяновской области. Вхождение в рынок мягко реально удалось Новгородской области, я вот оттуда приехал. Там последние семь лет без особой рекламы проводилась осмысленная экономическая программа, тот курс реформ, который можно проводить на уровне региона. Значит, создан благоприятный климат для инвестиций не только иностранных, но и отечественных. Теперь там много эффективно работающих предприятий, эффективно собираются налоги. Не случайно, что заработная плата там выше, чем в соседней Псковской области, где правят наши колле-

ги из ЛДПР. Мягкое вхождение в рынок — это проведение рыночных реформ. Все остальное — жесткая политика по отпугиванию инвесторов, которая усиливает социальные издержки.

Вопрос: *А как у нас будет с рыночной экономикой?*

Егор Гайдар: Есть естественный процесс восстановления рыночной экономики. Она постепенно начинает выбираться из того кризиса, в котором она оказалась в сентябре.

Вопрос: *Что Вы можете предложить правительству в данной ситуации? Как Вы относитесь к молодым реформаторам Кириенко, Чубайсу, Немцову?*

Егор Гайдар: В нынешней ситуации я бы предложил правительству примерно следующее. Кстати некоторые наши предложения в течение последних трех месяцев правительство начало реализовывать. Мы в сентябре опубликовали программу. Я вместе с рядом моих коллег предложил в ней набор действий, которые необходимо было предпринять правительству для стабилизации положения. Пункт первый. Немедленно прекратить эмиссионное финансирование бюджета. Выполнено правительством Примакова в январе 1999 г. Пункт второй. Начать конструктивные переговоры с МВФ на основе диалога. Выполнено. То есть по отдельным пунктам, к счастью, некоторое продвижение есть. Третье предложение в нашем наборе действий было такое: разработать бюджет на 1999 год с профицитом в 3%. Правительство, конечно, сделало массу ошибок в сентябре — декабре, но жизнь потихонечку учит. Я бы очень посоветовал взять летнюю программу правительства молодых реформаторов, которая была подготовлена в июне-июле 1998 г., вынуть ее из мусорной корзины, куда ее выкинули в сентябре, внимательно почитать и написать новую с учетом некоторых изменившихся обстоятельств. Это была бы очень неплохая программа. По-разному отношусь к молодым реформаторам. А Чубайс уже не молодой реформатор, уже старый. Все они грамотные квалифицированные люди. Особенно хотелось отдельно сказать по поводу Немцова. Существует легенда, сформированная из его внешнего облика, и той кампании, которая была развернута против него во время банковской войны, что он легкомысленный мальчик и не более того. На самом деле это очень серьезный и спокойный человек. У него есть хорошее понимание, что можно,

а что нет. Пять лет губернаторского опыта. Та не внешняя часть его, которая не очень доступна публике.

Вопрос: *Ваши прогнозы на будущее в экономическом плане?*

Егор Гайдар: Экономика у нас сейчас в точке выбора. Правительство в январе стало делать несколько меньше глупостей. Перестало печатать деньги, стало отрабатывать назад некоторые предшествующие решения и так далее. В общем, так как рыночная экономика стабилизирующая, фаза для постепенного поворота к стабилизации есть. Вместе с тем именно сейчас идет мощнейшее давление на увеличение расходов. Правительством принята масса решений откровенно опасных и коррупционных. Взять хотя бы ситуацию с индийским долгом. Сейчас состояние экономики — неустойчивое равновесие. То есть можно потихоньку пойти по пути умеренной, но стабилизации, хотя бы проводимой черномырдинским кабинетом. А можно очень быстро в несколько точных пазов развалить ситуацию и создать неработающий рынок и полностью неконвертируемый рубль. И то и другое, к сожалению, возможно.

Борьба за свободную экономику и свободное общество в России

Выступление на Бизнес круглом столе. Окленд, Новая Зеландия

25 октября 2000 г.

*Опубликовано: New Zealand Business Roundtable 2000.
Production by Daphne Brasell Associates Ltd, Wellington.
Пер. с англ.: А.И. Филатов.*

Остерегайтесь излишних упрощений

В мире циркулируют огромные потоки информации. В силу ограниченности возможностей усвоения и обработки информации людям приходится постоянно пользоваться сильно упрощенными версиями происходящих в мире событий. Если спросить у средне-статистического образованного и хорошо информированного россиянина о том, что ему известно о текущей экономической политике Новой Зеландии, то в лучшем случае он скажет, что 15 лет назад Новая Зеландия пошла по пути радикальных либеральных реформ; что Новая Зеландия придерживалась этого курса в течение всего вышеуказанного периода; что не все прошло гладко; что курс новозеландского доллара резко упал; а также что в настоящее время страна находится в поиске иного пути развития.

Кому как не новозеландцам знать, что на самом деле происходило в тот период. Они знают о том, что менялись правительства и проводимая ими политика. В какой-то период реформы проводились последовательно, а в какой-то они буксовали. Иногда проводимая политика была непоследовательной или абсолютно неэффективной. Только информированные новозеландцы хорошо понимают, что подлинная история проводимой последние пятнадцать лет новозеландской экономической политики намного сложнее, чем та пародия, которую им предлагают.

Все, кто живет за пределами России, имеют такое же неточное и неполное представление о том, что происходит в нашей стране. Если спросить среднестатистического образованного и хорошо информированного американца или европейца о том, что он знает о проводимой последние восемь лет российской экономической политике, то, вероятно, он скажет, что за это время Россия проводила политику радикальных реформ; что эта политика не очень хорошо сочетается с российскими традициями; что в связи с этим Россия оказалась в трудном положении; а также что страна находится на грани серьезных перемен социально-политического характера. Однако такая упрощенная формула абсолютно ошибочна. Россия никогда не имела восьми лет для проведения последовательной экономической политики любого рода. Но, несмотря на это, российская экономика находится не в столь плачевном состоянии, как это обычно предполагается. При этом следует признать, что никогда нельзя исключать возможность социально-политических потрясений.

Хорошо информированный американец или европеец также может сказать, что в России высокий уровень преступности и коррупции; проблемы с олигархами; бедность; а также война в Чечне. Все эти проблемы действительно существуют. Однако, если это все, что человек знает о России, это значит, что у него сложилось неверное представление об этой стране. В какой-то мере это является аналогом искаженного представления о Соединенных Штатах и Западе в целом, которое формировалось у советских людей в период холодной войны. Советская пропаганда заявляла, что Соединенные Штаты Америки — это мафия, коррупция, военно-промышленный комплекс, угнетенные афроамериканцы, а также профсоюзы, отстаивающие интересы рабочих. Все это действительно имело место быть. Однако, если это все, что человек знал о Соединенных Штатах, это значит, что у него было искаженное представление об этой стране.

Таким образом, несмотря на наличие серьезных проблем, в России в декабре 1999 г. были проведены парламентские выборы. После восьми лет очень тяжелого переходного периода ни одна партия, даже коммунисты, не имели бы никаких шансов быть избранными в парламент, если бы они выступали за упразднение рынка, частной собственности и реставрацию социализма. Такая

политика больше не является сколько-нибудь реалистичной. Россияне привыкли воспринимать рынок как нормальное явление.

В настоящее время Россия является быстроразвивающейся страной. В этом году прогнозируется рост валового внутреннего продукта приблизительно на 8%, промышленного производства — на 10%, инвестиций — на 20%. В этом году российский бюджет исполняется с профицитом в 2,3%, причем правительство заручилось полной поддержкой парламента по принятию вполне консервативного и рационального бюджета на следующий год. Очень быстро растут валютные резервы. Кроме того, в этом году правительство приступило к реализации радикальной программы либеральных реформ.

Это реальные факты о России и, так или иначе, все эти факты — как положительные, так и отрицательные — должны учитываться при проведении сбалансированной оценки этого крупного, разнопланового и совсем непростого общества.

И все же необходимо объяснить, почему в России переход от социализма был столь трудным. Почему попытки построить в России свободное общество и рыночную экономику потребовали столько усилий? Почему простые россияне платят за них такую большую цену? Почему результаты реформ разочаровывали в течение длительного периода времени? И почему российский путь к рыночной экономике оказался более тернистым, чем в Китае или странах Восточной Европы?

Главный ответ на эти вопросы заключается в том, что социализм в России имеет глубокие корни. Между советским коммунизмом и всей предшествующей российской историей существует четкая взаимосвязь. Коммунизм не был насильно навязан России в результате внешнего военного вторжения, а вызревал в процессе внутреннего многонационального развития. Кроме того, в данной системе родились, воспитывались и жили три поколения россиян. Все, на чем они были воспитаны, подверглось разрушению в гораздо большей степени, чем в любой другой стране.

Логика тоталитаризма

В начале 1990-х гг. экономическая реформа не была основным движущим фактором общественного развития в России. Либерализация российской экономики в значительной степени стала ре-

зультатом коренной политической революции, которая разрушила тоталитарные коммунистические режимы в России и странах Восточной Европы. Основатели профсоюза «Солидарность» в Польше или те, кто разрушил Берлинскую стену в Восточной Германии, или организаторы демонстраций в Праге, которые привели к «бархатной революции», или те, кто стоял у истоков движений за независимость в странах Прибалтики, или 200 тысяч человек, которые вышли на демонстрации в Москве, не думали о конкретных проблемах экономической политики. Они не были сторонниками монетаристских или кейнсианских решений, либо приверженцами теории социального выбора. Они прежде всего добивались права быть свободными — жить так, как они считают нужным, иметь право свободно передвигаться, избирать необходимое им правительство, читать интересующие их книги, а также многих других базовых прав и свобод. Они хотели покончить с тоталитаризмом.

В отличие от воображаемого или книжного социализма некоторых мыслителей, настоящий социализм — это прежде всего тоталитарный режим. Для функционирования социалистического общества и социалистической экономики необходим очень мощный, относительно хорошо организованный, крайне жесткий, тоталитарный политический режим. Такой режим упраздняет те сложные и тонкие механизмы, которые развивались столетиями, приведя к появлению современной рыночной экономики. Он упраздняет гражданское общество, которое представляет серьезнейшую угрозу для тоталитарного контроля. Те, кто жил при социализме, не всегда могли понять те крайности, до которых иногда доходил этот режим. Например, 15 лет назад советский гражданин мог легко потерять работу и даже сесть в тюрьму не за явную попытку свержения режима, а просто за организацию балетных курсов без ведома местного комитета партии. Такая реакция кажется совершенно несоразмерной: с какой стати режиму беспокоиться по поводу такого безобидного мероприятия, как балетные курсы? Но у такой реакции была своя логика. Правящая элита понимала, что если позволить гражданскому обществу участвовать в организации балетных курсов или в любой другой сфере самостоятельной общественной деятельности, то это будет началом подрыва основ социалистического государства. Таким образом, никакая общественная деятельность не может быть разрешена без четкого

указания и непосредственного участия властей. Разрешим им балетные курсы, а потом через несколько лет рухнет Берлинская стена и начнется «бархатная революция» в Праге.

Другой характерной чертой социалистического режима является активная вовлеченность власти в повседневную экономическую деятельность. Те, кто никогда не жил в безрыночном обществе, с трудом понимают значимость рынков в обеспечении удобств повседневной жизни. Им никогда не приходилось по два или три часа стоять в очереди за хлебом или ждать пять месяцев, чтобы купить какой-то холодильник. Они не понимают, насколько важно иметь хорошие связи с продавцом, который может сообщить, когда сегодня «выбросят» ботинки и вообще, когда будет завоз товаров в магазин.

Наличие рынка кажется таким обычным делом, что люди редко задумываются об этом. Однако в стране, где рынки упразднены из повседневного функционирования общества, хлеб в магазин привозят не потому, что кто-то в этом заинтересован. Очень трудно представить себе организацию жизни в таких условиях. Однако, не понимая этих вещей, невозможно понять причины трудностей организации гражданского общества, рыночной экономики и действенной демократии после социализма.

Без рынков экономика может функционировать только в том случае, если она интегрирована в огромную бюрократическую организацию, пронизывающую все сегменты общества, через которую предприятия получают приказы о том, что они должны производить, куда эта продукция должна быть доставлена, откуда они должны получать компоненты для производства, и многое другое. При этом мало отдавать приказы, они также должны исполняться. Необходимо показать, что если председатель какого-нибудь колхоза не выполнит задание по хлебозаготовкам, то он расстанется с должностью. Более того, его могут посадить в тюрьму или расстрелять. Функционирование нерыночной экономики в условиях современного индустриального общества обеспечивается лишь четким пониманием того, что неправильное поведение или неподчинение приказам повлечет за собой незамедлительное наказание.

Таким образом, тоталитаризм является краеугольным камнем не только социалистического общества, но и повседневного функционирования нерыночной экономики. Такой системой легко

управлять, если перед ней стоят очень простые задачи. У крестьян можно изъять все зерно. Если несколько миллионов крестьян умрут с голоду, это их проблема. Это зерно можно экспортировать в Америку и Европу, импортировать оборудование, а детей этих крестьян заставить создавать инфраструктуру. Все это простые задачи. Если обратиться к эпохе угля и стали, то в таких условиях удалось даже в короткие сроки провести индустриализацию страны.

Напротив, современное гражданское общество, страны с рыночной экономикой и демократическим правительством представляют собой очень сложное явление. Здесь имеет место тонкое взаимодействие, где частные производители и потребители сами выбирают, что им делать, а люди добровольно принимают участие в различных сообществах. Механизмы гражданского общества развивались медленно и веками дополнялись различными институтами в рамках длительного эволюционного процесса, восходящего к европейскому средневековью. Многолетняя практика законного владения частной собственностью; обеспеченные исковой силой контракты; власть закона; независимая судебная система; а также гражданский контроль над госаппаратом — все это развивалось в течение длительного периода. Такое нельзя создать за один день или в течение одного года.

Гражданское общество и развитую рыночную экономику можно сравнить с аквариумом, в котором плавают множество красивых рыбок. Это очень красиво. Такой аквариум представляет собой сложную и в то же время хрупкую организационную структуру. В нем необходимо поддерживать нужную температуру и освещение. Хрупкость такой системы указывает на то, что ее непросто сохранять и легко уничтожить. Кроме того, рыночную экономику и гражданское общество можно легко разрушить: достаточно вскипятить воду в аквариуме, вся рыба сварится и получится уха. Именно это делает социализм. Он убивает несколько миллионов человек; запугивает остальных; создает мощную тайную полицию, присутствие которой ощущается во всех ячейках общества; и, упраздняя гражданское общество и рыночную экономику, создает бюрократию, которая управляет всей экономикой. Так социализм делает из аквариума уху. Это очень просто: уха — это уже не такая тонкая субстанция, как аквариум. Например, не нужно думать о норме сбережений, которая может появиться в граж-

данском обществе; норму сбережений будет определять государство. Не нужно думать о доле государственных расходов и налогов в экономике, которая может быть обусловлена различными процессами в гражданском обществе, если оно есть. Она также будет определяться государством. И все, кто с этим не согласен, будут лишены возможности выразить свое мнение.

Крушение системы

Крушение этой системы в России началось не в результате стремления к рыночной экономике отдельных ученых, которые размышляли о возможности проведения рыночных реформ в России. Основы этого режима были подорваны в результате того, что коммунистическая элита постепенно утрачивала веру в свои собственные идеалы. В тридцатых годах представители элиты были уверены, что они знают ответы на все важные вопросы. Они верили в то, что знают, как должно быть организовано общество, что у социалистической идеи большое будущее и что Советский Союз одержит победу в экономической конкуренции с капиталистическими странами.

В середине восьмидесятых годов они утратили эту веру. Они продолжали делать вид, что знают, что делать дальше, но сами уже в это не верили. Они столкнулись с неизбежностью упадка. Все больше ресурсов выводилось из сельского хозяйства, при этом частное сельское хозяйство было фактически упразднено. Советская экономика была огромной, но неэффективной. Она отставала в научно-технологической сфере от ведущих демократических стран с рыночной экономикой. Она была неконкурентоспособна на мировых рынках и сильно зависела от цен на нефть. Нефть была источником финансирования советского военного потенциала в 1970-х и начале 1980-х гг., но к середине 1980-х цены на нефть упали. Помимо этого, Советский Союз терял доверие ведущих индустриальных демократических держав. Создавалось ощущение, что система исчерпала все свои ресурсы.

Таким образом, советская элита была дезориентирована. Она также потеряла доверие, которое было жизненно необходимо системе, чья суть заключалась в способности применять неограниченную силу против тех, кого она воспринимала как угрозу. Она

утратила ощущение своего права на принуждение. В обществе также происходили серьезные изменения. В какой-то степени социалистический режим пал жертвой своего ограниченного успеха. Несмотря на высокий уровень жестокости и то, что десятки миллионов людей заплатили за это своими жизнями, режиму все же удалось в относительно короткий период провести индустриализацию в Советском Союзе и Восточной Европе. Но тоталитарной системой гораздо легче управлять в условиях низкого уровня образования и безграмотности населения, когда 80% населения занято в сельском хозяйстве, в отличие от ситуации, когда такой же процент населения составляют грамотные и образованные жители больших городов во втором поколении. Во втором случае людям гораздо труднее понять, почему власть должна обладать правом решать, как им следует жить. Существует тесная взаимосвязь между потребностью в демократии и уровнем социально-экономического развития страны. И к середине 1980-х гг. граждане советской империи уже не верили в своих правителей.

Таким образом, два фактора слились воедино: утрата веры элиты в свое право на руководство; а также утрата веры в обществе, что оно нуждается в таком руководстве — в то, что все должно быть именно так. Ленин, который очень хорошо разбирался в революциях, однажды описал революционную ситуацию, в которой «верхи не могут, а низы не хотят». Точно такая ситуация сложилась в советской империи в середине восьмидесятых годов. В результате сочетания этих двух факторов с первыми и очень скромными шагами к либерализации при Горбачеве создалась критическая масса и сила, которая привела к разрушению социалистического политического режима — сначала в Прибалтике и Восточной Европе, а затем в самом центре империи. Конец тоталитарного режима фактически наступил, как только люди стали выступать за демократию и стало очевидно, что правящая элита более неспособна применять крайне жесткие меры.

Когда в августе 1991 г. хунта захватила Михаила Горбачева и пыталась жестко подавить демократическое движение в России, то результат был аналогичен результату многих предшествующих революций. Лидеры путча не смогли найти ни одного лояльного им полка. Ни один генерал не захотел стрелять в москвичей, вышедших на улицы, чтобы защитить российское правительство

и Белый дом. Перед ними были сотни тысяч людей, которые просто не захотели поддержать путч.

Именно тогда рухнул Советский Союз и коммунистический режим. То, что за несколько дней до этого казалось стабильным и неизблемым, прекратило свое существование 22 августа 1991 г., включая весь сопутствующий инструментарий режима. Основой этого режима были Коммунистическая партия и Комитет государственной безопасности СССР (КГБ). 22 августа можно было видеть крайне испуганных офицеров КГБ, сжигающих документы в здании своего ведомства. Мои друзья по организации «Демократическая Россия» занимали здание Центрального комитета компартии и пытались защитить его работников от совсем недружественно настроенной к ним толпы.

Я до сих пор очень хорошо помню дни 21 и 22 августа. Было очевидно, что была утрачена суть этого режима. Это было замечательное и в то же время чрезвычайно тревожное время.

Предотвращение голода и создание рынка

История показывает, что революции редко были замечательными событиями. Как правило, они сопряжены с опасностями и трудностями. Для революционного периода характерно слабое и неэффективное правительство, высокий уровень преступности, насилие и огромный риск. В какой-то степени любая революция — это крах предшествующего режима и элит, которые не смогли реформировать систему мирным путем. Но это слабое утешение, когда революция набирает обороты. В этот момент нельзя сказать: «Эта революция слишком опасна. Надо остановиться». Бессмысленно кричать толпе, бегущей штурмовать Бастилию: «Постойте! А вы уверены, что Франция имеет все институты для эффективной демократии? Давайте остановимся и проанализируем, какие у нас есть для этого предпосылки». У революций своя логика и свои движущие силы.

В течение последующих нескольких дней по всей стране перестали функционировать районные комитеты партии. Бессмысленно было восклицать: «Постойте! А вы уверены, что все эти комитеты нужно упразднить? Что будет с экономикой через несколько недель?» Раньше государством управляла коммунистическая пар-

тия: никакой другой власти не было. Те, кто понимал принципы работы тоталитарной власти в повседневной жизни России, легко могли предположить дальнейшее развитие событий.

Через неделю после путча объем поставляемого в государственные заготовительные пункты зерна сократился в пять раз по отношению к предыдущему уровню. До этого колхозы поставляли зерно под жестким контролем районных комитетов партии и КГБ. Теперь не было ни районных комитетов, ни КГБ. Почему они теперь должны были поставлять зерно за бесценку? Разве они сумасшедшие? Но если государственные зернохранилища пусты и нет рынков, то как продукты питания попадут в Москву и Санкт-Петербург, а также в другие города? Кто будет обеспечивать продовольствием миллионы россиян? Такой же вопрос можно было задать во всех отраслях экономики. Кто будет поставлять уголь электростанциям, если больше некому отдавать такие приказы? А если уголь не привезут, то откуда взять электричество? Откуда российские предприятия получают сырье для производства? Откуда сельское хозяйство получит минеральные удобрения?

Политическая революция разрушила тоталитаризм, который составлял основу политической и экономической системы социализма. И любая революция в условиях тоталитарного режима разрушает повседневные экономические процессы. Экономика начинает быстро приходить в упадок. В России — стране, напичканной ядерным оружием, — была серьезная опасность гуманитарной катастрофы. В таких условиях невозможно занимать выжидательную позицию, штудировать Хайека и Адама Смита, и прикидывать, идти ли по американскому, европейскому или новозеландскому пути, а потом принимать решение, что делать. Приходится сталкиваться с насущным и трудным выбором. Когда запасов зерна для больших городов хватает только до февраля, а урожай будет только в июле, есть лишь два варианта избежать социальной катастрофы.

Первый вариант — возврат к одному из способов административной системы распределения зерна. В самом крайнем случае такой подход может включать возврат к политике, которую большевики проводили во время Гражданской войны: отправка войск в деревню; принудительное изъятие зерна у крестьян; и отправка этого зерна в города для распределения. Это был один из вари-

антов для первого российского демократического правительства, которым мне довелось руководить осенью 1991 г. Мое мнение, которое поддерживало подавляющее большинство моих коллег, заключалось в том, что о таком варианте не могло быть и речи. В России 1991 г. такое решение было неприемлемо с политической точки зрения, да и практически оно было нереализуемо.

Второй вариант — создание рынков. В России не было рынков в течение 75 лет. Про рынки ничего не знали ни отцы, ни даже деды тех, кто занимался хозяйством до этого периода. Не было даже самых базовых институтов для рынков. Советский Союз фактически прекратил функционировать 22 августа 1991 г. Вместо одного центрального банка появилось 15 центральных банков, которые печатали одну и ту же валюту. Таким образом, украинский центральный банк продолжал выдавать рублевые кредиты, тем самым увеличивая инфляцию. В такой ситуации невероятно сложно проводить рациональную экономическую политику. Потребовалось шесть месяцев для технической разработки реформы банковской системы. Не было таможи, потому что таможи в странах Балтии перестали подчиняться союзной таможне, и также не было таможенных органов на границе со странами Балтии. Не было нормального органа по сбору налогов. Не было казначейской системы. Не было судебной системы. Рыночных традиций тоже не было. Вдобавок ко всему Россия унаследовала огромный внешний долг, а ее валютные резервы закончились. Несмотря на это, нужно было как-то внедрять рыночную систему, так как все другие варианты казались намного хуже.

Таким образом, с практической точки зрения экономическая политика правительства в конце 1991 и начале 1992 г. была менее всего идеологически направленной. Правительство оказалось в условиях суровой реальности, в которых нужно было запустить рыночные механизмы в отсутствие каких бы то ни было рыночных предпосылок и при наличии огромного риска провала. Вся политика — либерализация цен, ввод конвертируемости рубля по текущим операциям, попытка разделения рублевой зоны и установление контроля над Центральным Банком России, ввод очень низких тарифов, обеспечение открытости экономики, указ о свободной торговле, первые приватизационные операции, а также прочие инициативы — была прежде всего связана с этими обстоятельствами.

В 1991–1992 гг. в России действительно удалось избежать кризиса первого этапа постсоциалистического переходного периода. За это была заплачена очень большая цена, принимались очень неэффективные решения. Тем не менее проблема продовольственного снабжения крупных городов была решена и удалось избежать гуманитарной катастрофы. Общая экономическая ситуация стабилизировалась. Существенное сокращение претерпели в то время военные расходы. Начали худо-бедно функционировать и стали общепринятыми в России рыночные цены, конвертируемая валюта и отдельные рыночные институты.

Предотвращение политического кризиса и установление шаткого равновесия

Решение о распаде Советского Союза без инициирования споров о границах с другими республиками было одним из самых важных решений Бориса Ельцина за весь срок его президентства. Таким образом, Россия признала независимость Украины без проведения переговоров о возврате Крыма. Казахстан стал независимым государством без требований вернуть России северные территории. Нас с Ельциным часто критиковали за соглашение с Украиной. Утверждалось, что перед тем, как дать возможность Украине стать независимым государством, нужно было решить проблемы с границами. Но мы все видели, что произошло в посткоммунистической Югославии. Если бы десять лет назад какого-нибудь специалиста по Советскому Союзу и Югославии спросили, в какой стране в следующем десятилетии может возникнуть самая сложная этнонациональная ситуация, он бы назвал Советский Союз. Однако на территории бывшего Советского Союза было гораздо меньше конфликтов и кровопролитий, потому что Россия, в отличие от Сербии, была заинтересована в мирном распаде федерации.

Я считаю, что решение о ликвидации советской империи было абсолютно правильным и обеспечило сравнительно мирный переходный период. Но распад Советского Союза лишил Россию действующего государства, потому что при прежнем режиме она практически никогда не была полноценным, функционирующим государством. Таким образом, в течение двух лет — с конца 1991 г.

по 1993 г. — российский парламент вел борьбу за контроль над государством. Правительства были слабыми. Между Москвой и регионами сложились напряженные отношения и возникали противоречия. Также имело место силовое противостояние между Администрацией Президента и Верховным Советом (российской верхней палатой). В течение этого периода возник серьезный конфликт по поводу курса реформы. Проблема революций заключается в том, что они неизбежно сталкиваются с суровой действительностью, включая экономическую.

Когда народ свергал коммунистический режим, он не до конца понимал трудности, связанные с реконструкцией нормального гражданского общества после крушения коммунизма. Социализм сделал из аквариума уху: в этом не было никакой сложности. Теперь перед россиянами стояла задача сделать из ухи аквариум, что гораздо сложнее. А рыночная экономика — это не что иное, как традиции и институты, которые из ниоткуда не появятся. Осенью 1993 г. были серьезные столкновения по поводу курса развития России. Третьего и четвертого октября они перешли в решающую стадию. Реакционеры-нацисты и вооруженные отряды захватили правительство Москвы и штурмовали центр города. Это был один из наиболее опасных моментов в нашей современной истории.

Многие из тех, кто видел стреляющие по зданию российского парламента танки, не знают всей правды о тех днях. Полиция, например, фактически отсутствовала во время кризиса. Военные не подчинились бы ни одному приказу Ельцина, если бы 50 тысяч москвичей не собрались на Тверской улице перед зданием Московской городской думы и не стало очевидно, что в случае необходимости проельцинские силы были готовы выдать им оружие для отпора нацистам. Только после этого начали действовать военные. В тот момент Россия была близка к широкомасштабной гражданской войне, но правительству удалось одержать победу.

После октябрьского кризиса были проведены выборы в декабре 1993 г., а также референдум, на котором была принята Конституция России. В то время Россия имела новую конституцию, президента с расширенными полномочиями, а также парламент, который во многом поддерживал правительство. С моей точки зрения, это было время окончания антикризисного управления и начала реализации политики, необходимой для создания отлаженной ры-

ночной экономики: реформа слишком неэффективной налоговой системы, стабилизация бюджета, решительная борьба с инфляцией, социальная реформа, решение проблем, связанных с военными ведомствами, ввод земельного законодательства, законодательное закрепление прав собственности, принятие закона о банкротстве, а также реализация многих других инициатив.

Проблема была в том, что россияне очень устали от тяжелых и по-настоящему болезненных перемен в течение двух предшествующих лет. Устали и те, кто руководил страной. Президент тоже устал. Был момент, когда я пытался убедить Ельцина в том, что появилась возможность, за которую мы боролись все эти годы, — что мы не проиграем, если продолжим движение вперед. Однако было очевидно, что он не был к этому готов. Как и не было готово правительство и большая часть элиты. Было ощущение, что мы устали от всех этих перемен и не надо спешить.

Установилось новое равновесие политических сил. В процессе экономических реформ среди социальных групп были те, кто во многом выиграл, и те, кто проиграл. Это неизбежно в любой период крупных перемен, независимо от положительного или отрицательного результата. В одних отраслях положение улучшилось, а в других, наоборот, ухудшилось. В основном улучшилось положение молодых образованных горожан. Ухудшилось у пожилых малообразованных сельских жителей. Выигравшие в целом были готовы поддержать дальнейшие перемены, а проигравшие видели в них угрозу и мечтали о возврате в прошлое.

Столкнувшись с аналогичными проблемами, другие страны Восточной Европы имели серьезное преимущество перед Россией. Элиты большинства этих стран в целом поддерживали курс реформ. Они хотели быть частью Европы и вступить в Евросоюз. Они понимали условия и осознавали последствия такого вступления для бюджета, кредитно-денежной политики, соблюдения имущественных прав и прочих сфер политики. Их политические партии вели предвыборную борьбу и использовали различные популистские приемы, но после выборов у них был консенсус по общим направлениям развития страны. В России такого консенсуса не было. Элиты разделились на тех, кто искренне хотел, чтобы Россия стала современным демократическим государством, и тех, кто мечтал о возрождении империи.

В результате возникло состояние полуравновесия, в котором реформаторы не могли продолжать реформы, а их противники не могли вернуть страну в прошлое. Никакого прогресса практически не было. Такое полуравновесие было наиболее характерно для российской политики в период с 1994 по 1998 г. В этой связи неверно утверждение о том, что в России в течение восьми лет проводились либеральные рыночные реформы. Был краткосрочный всплеск реформ. Затем с конца 1993 г. по 1998 г. в стране вообще не проводилась сколько-нибудь последовательная политика. Большинство парламентариев были в целом против реформ и противодействовали всем попыткам провести законодательные реформы. Государство постоянно увеличивало свои обязательства. И в течение всего этого периода не имели надлежащей защиты имущественные права.

Рынки худо-бедно функционировали в условиях такого полуравновесия: в магазинах были товары; не было дефицита продуктов; и валюта была конвертируемой. Россияне даже могли узнать что-то новое о рыночных механизмах. Но это был неполноценный рынок, потому что в нем все еще не было институтов, которые играют важную роль для эффективного функционирования рыночной экономики. Например, не было надлежащего закона о банкротстве. В России могли функционировать предприятия с очень низким уровнем управления и растущими финансовыми обязательствами. Но это не приводило к их банкротству; неэффективность была заложена в самой системе.

На нормально функционирующих рынках действуют жесткие правила. Если кто-то не может прибыльно управлять предприятием, он становится банкротом. Несмотря на то что в России перестали действовать жесткие правила социализма — приказы сверху, партийный контроль, страх перед КГБ, — они не были заменены жесткими правилами рынка. При наличии частного предпринимательства отсутствовала персональная материальная ответственность. Во всей российской экономике был очень низкий уровень дисциплины. Валютный курс был нестабилен. Несмотря на наличие имущественного права, оно не было защищено в полной мере. Это приводило к бегству капитала, поскольку никто не был уверен в том, что его собственность не конфискуют. Бюджет исполнялся с огромным дефицитом и правительство занимало деньги

на внутреннем и внешних рынках. Такое шаткое полуравновесие, в котором рынки хоть и функционировали, но очень неэффективно, было источником серьезных проблем в российском обществе, в том числе неравенства, коррупции и экономической стагнации.

Коммунисты вновь демонстрируют свою недееспособность и некомпетентность

Такое полуравновесие не могло длиться вечно. России нужно было либо возвращаться к социалистической экономике, либо продолжать реализацию необходимых либеральных реформ. Источником растущей угрозы была неспособность правительства разработать реальные решения. Неизбежным результатом непоследовательной экономической политики стал финансовый кризис 1998 г.: значительная девальвация рубля, дефолт по рублевым обязательствам, кризис банковской системы. Этот кризис привел к очень серьезным проблемам в России. Однако, как это часто случается в истории, результат удивил. Кризис привел к созданию первого с 1991 г. правительства, которое контролировали коммунисты. Его возглавил г-н Примаков, бывший директор Службы внешней разведки России, а до этого он был членом политбюро Коммунистической партии. Пост первого вице-преьера по экономике занял г-н Маслюков, бывший член политбюро и председатель Госплана. Многие его коллеги были назначены на ключевые должности в правительстве. Это означало, что сторонники либерального рынка проиграли в этой борьбе и будет возврат к политике более централизованного управления. Представленная правительством программа была действительно ужасной: регулирование цен; отмена конвертируемости рубля; крупная денежная эмиссия; и многое другое. Многие ждали, что правительство приступит к реализации этой программы.

Однако теперь коммунисты должны были управлять страной, а не заниматься критикой сидя в стороне. Теперь они должны были отвечать за результаты проводимой ими политики. В течение двух месяцев стало ясно, что они очень боялись реализовывать что-либо из своей собственной программы. Они понимали последствия. Они осознавали, что в одночасье в страну вернется дефицитная экономика. Вновь появятся трехчасовые очереди за хлебом

и маслом. Неконвертируемость рубля может серьезно повлиять на внешнюю торговлю. С учетом приобретенного населением рыночного опыта коммунисты понимали, как общество может отреагировать на возвращение дефицита и неконвертируемости рубля. Они понимали, что это очень опасно с политической точки зрения.

Таким образом, к декабрю 1998 г., через три месяца после формирования коммунистического правительства, всем, кто понимал, что происходит в российском правительстве, было ясно, что коммунисты были в полной растерянности. Они боялись реализовывать свою собственную программу, а другой программы у них просто не было. Они были бессильны как с точки зрения теории, так и практики. Они начали, хотя и не очень успешно, переговоры с Международным валютным фондом (МВФ). Затем они приступили к реализации программ предшествующего правительства.

Основной поворотной точкой в развитии современной России стал тот факт, что, получив власть, коммунисты были не готовы и не хотели реализовывать свою собственную программу. Если невозможно идти назад, то, вероятно, есть только один выход — идти вперед. Элиты общества совершенно четко поняли, что продолжение реформ было единственным способом эффективного противодействия наиболее негативным явлениям полурыночной экономики. Это явилось важнейшим фактором успеха реформистских партий на выборах 1999 г. и формирования правительства реформаторов в мае 2000 г. Все участники выборов 1999 г. признали их объективность. На этих выборах даже Коммунистическая партия не выступала за отмену частной собственности и возврат к социализму. Несмотря на споры относительно приемлемого для России типа рыночной экономики, сам рынок стал общепризнанной реальностью.

Новый план действий для реформы

Сформированное в мае 2000 г. новое правительство приступило к реализации комплексной программы экономических реформ. На этот раз реформы базировались на существующих в России политических институтах. Предстоит огромная работа для того, чтобы создать в России современную и эффективную экономику. Одна-

ко с самого начала правительство разработало и начало реализовывать разумную программу.

Суть программы заключается в создании благоприятных условий для предпринимательской деятельности в России. В настоящее время инвестиционный климат нельзя назвать благоприятным. Нельзя добиться устойчивого роста в надежде на благоприятные цены на нефть в будущем. Необходимы значительные дополнительные инвестиции. Более того, в распоряжении государства будет мало собственных ресурсов для инвестиций. В России уже высокая норма сбережений — около 25% валового внутреннего продукта (ВВП). К сожалению, инвестиции составляют всего лишь 15% ВВП, поскольку 10% сбережений инвестируются за рубежом.

Это не потому, что россияне знают, как лучше использовать деньги в Швейцарии, а не в России. Просто они лучше знакомы с инвестиционным климатом в России, чем в Швейцарии. Экспорт капитала из России имеет множество причин: политическая нестабильность; опасение возврата к ленинской новой экономической политике двадцатых годов; очень плохая налоговая система; слабая судебная защита имущественного права; неэффективная в целом судебная система; финансовая неустойчивость; а также плохо функционирующая банковская система. Необходимо развернуть этот денежный поток в обратном направлении. Вряд ли иностранцы дружно побегут инвестировать в Россию, пока сами россияне будут держать свои деньги в швейцарских банках, а не в России.

Перед правительством стоит простая задача — создать предпосылки для разворота денежных потоков. Важным шагом к созданию благоприятного инвестиционного климата стал более высокий уровень политической стабильности после избрания Путина. При этом есть множество других проблем, которые ждут своего решения.

Правительство начало с налоговой реформы. Нет ничего неожиданного в том, что российская налоговая система имела весьма серьезные конструктивные дефекты. Она была слишком сложной. У некоторых налогоплательщиков были очень высокие предельные ставки налогообложения, в связи с чем многие из них вынуждены были уйти в теневую экономику. В этой

системе было огромное количество лазеек, позволяющих избежать налогообложения как такового. Некоторые группы налогоплательщиков вынуждены были нести на себе бремя финансирования пенсионного фонда, медицинского страхования и фонда социального обеспечения. Таким образом, попавшие в «налоговую сеть» рабочие и служащие могли оказаться в ситуации, когда предельная ставка их ПНФЛ достигала 50%, даже для тех, кто имел очень низкий уровень дохода.

Система взимания подоходного налога была прогрессивной по форме: ставки выросли с 13% до 30% без учета социального обеспечения. Но на практике она была регрессивной. Было абсолютно понятно, что многие из тех, кто работал в нефтяных компаниях, банках и малых коммерческих предприятиях, совсем не платили налоги. Налоги можно было абсолютно легально оптимизировать с помощью страховых схем и схем с процентными ставками по депозитам. Подоходным налогом с физических лиц облагались учителя, врачи, работники культуры, а также работники крупных государственных предприятий.

Можно сослаться на формальную социальную справедливость данной системы. Однако было бы глупо предполагать, что при таком режиме люди будут законопослушны по своим налоговым обязательствам. Новое правительство выбрало прагматичный подход. Было принято решение включить все социальные отчисления в единую налоговую базу с налогообложением у источника с 13-процентной ставкой единого налога для всех без исключения граждан, но с налоговыми вычетами для малоимущих. Согласно этой политике налоговая система как минимум перестанет быть регрессивной, а предельные налоговые ставки будут значительно снижены.

Это решение было непростым. Однако, когда эта инициатива рассматривалась в парламенте, реформаторы могли выдвинуть серьезные аргументы политического характера. Самые богатые вообще не платили налоги. Мы говорили нашим оппонентам: «Если вас беспокоит социальная справедливость, то дайте нам сначала закрыть такие лазейки, как схемы с процентными ставками по депозитам. Если вы заинтересованы делать это открыто, тогда мы тоже можем быть заинтересованы. Но, если вы не готовы к этому, то дайте нам сначала ввести единую налоговую

ставку. А потом, когда-нибудь в будущем, мы сможем двигаться в другом направлении». У правительства хватило смелости ввести ставку единого налога. Таким образом, в июле 2000 г. Дума одобрила налоговый кодекс, который вступит в силу с 1 января 2001 г. Вторым важным вопросом, которым занялось правительство, было исполнение федерального законодательства. Россия как демократия может успешно функционировать только в качестве федерального государства. Но Россия — это молодое государство и очень молодая федерация. Недостаточно четко определены полномочия федеральной власти. Региональные элиты не видят необходимости в соблюдении федерального законодательства. Таким образом, федеральное правительство может принять закон, но неизвестно, как он будет применяться в регионах. Региональные губернаторы на законных основаниях обладали иммунитетом от привлечения к юридической ответственности. Ни президент, ни правительство ничего не могли сделать с несоблюдением федеральных законов.

Так как правительство было не в состоянии решить эту проблему, доверие со стороны инвесторов и бизнеса было серьезно подорвано. Соответственно, ключевыми шагами к улучшению делового климата были изменения в федеративном устройстве, которые существенно укрепили власть центра в плане соблюдения федерального законодательства и ослабили возможности губернаторов не исполнять это законодательство. Укрепилась финансовая мощь федерации. Шагом в правильном направлении также является передача регионам полномочий по взиманию подоходного налога с физических лиц.

Наиболее острая борьба велась летом вокруг реформ в сфере налогообложения и федеральной структуры. Впереди огромный фронт работ. Необходимо реформировать трудовые отношения. Трудовое законодательство не изменилось с советского периода и никак не соотносится с рыночными реалиями. Оно оторвано от реальной жизни, при этом очень значительная часть трудовых отношений не входит в сферу регулирующего надзора. Чрезвычайно мало внимания уделяется социальному обеспечению. В относительно бедной стране 80% средств, выделяемых на решение социальных проблем, получают не малоимущие семьи. На законном основании серьезными привилегиями обладают российские

олигархи, такие как печально известный Березовский. Этим летом впервые была проведена проверка нуждаемости. Помимо этого, необходимо проделать большую работу по укреплению имущественных прав. Для обеспечения нормального, цивилизованного оборота земель необходимо законодательно закрепить частную собственность на землю. Необходимо усилить защиту имущественных прав миноритариев.

Необходимо еще много сделать, чтобы в России была создана эффективная рыночная экономика. Мы только в начале пути. Реформаторы руководствуются не только идеологией, но и пониманием реальных условий, а также потенциала российского правительства и общества. Если в стране есть некоррупцированная бюрократия, то, возможно, имеет смысл обсудить вопрос целесообразности усиления или ослабления регулирования. Однако по целому ряду причин в России нет такой бюрократии. Такой тип бюрократии вряд ли появится, по крайней мере в течение следующего десятилетия, даже в условиях самой оптимальной политики. В этих условиях обсуждение вопроса о принятии новых нормативно-правовых актов, предоставляющих бюрократии еще большие полномочия, фактически является обсуждением количества взяток для этой бюрократии.

Таким образом, такие принципы, как снижение доли государственного регулирования и повышение прозрачности, вытекают не из догматизма, а из подлинного знания российского общества. Призыв к дальнейшему сокращению государственных расходов учитывает уровень налогообложения, приемлемый конкретно для данной страны. Превышение этого уровня приведет не к дополнительным налоговым поступлениям, а к усилению минимизации налогов и расширению теневой экономики. Так или иначе, Путин является убежденным сторонником рыночной экономики, и такого рода прагматические решения неизменно побуждают Россию двигаться в одном направлении. Наконец, у тех, кто отвечает за развитие России, нет другого выбора, если они действительно намерены защищать интересы россиян.

Вывод: пожалуйста, не надо снова кипятить воду в аквариуме

Перед реформаторами по-прежнему стоит сложнейшая задача. В России переход от социализма осуществляется небезболезненно из-за чрезвычайно тяжелого наследия, которое осталось от предыдущего режима. Легко сделать из аквариума уху. Обновление гражданского общества предполагает обратный процесс. Именно эта задача в течение последних восьми лет стояла и продолжает стоять перед российскими политиками. Во всяком случае, сегодня политика ведется в правильном направлении. Первые шаги приносят результаты.

Россия и Новая Зеландия отличаются разными типами обществ с разной историей, традициями и институтами. Вряд ли Новая Зеландия может извлечь какие-либо уроки из российского опыта. Однако, как мне кажется, есть одно существенное замечание. Западные либеральные интеллектуалы часто мне говорят: «Тот социализм, который пытались построить в России, не был подлинным социализмом. Нигде и никогда не предпринимались попытки построения подлинного социализма. Поэтому нельзя утверждать, что социализм не работает. Возможно, однажды это где-нибудь произойдет и результаты будут впечатляющими».

Я отвечаю так: «Дорогие друзья. Возможно, вы правы. Я бы не стал полностью исключать такую возможность. Прошу только об одном. Когда вы будете проводить следующий социалистический эксперимент, *пожалуйста*, не пытайтесь делать это снова в моей стране. Выберите какую-нибудь другую, может быть, свою собственную страну».

Во время моего пребывания в Новой Зеландии мне понравилась эта страна, поэтому надеюсь, что следующий социалистический эксперимент будет проведен не здесь.

Вопрос: *Одна американская писательница-феминистка описала падение Берлинской стены как первую феминистскую революцию, после которой никого не убили и все пошло по магазинам. У меня такой вопрос: в России политическая свобода была реализована до экономической свободы, в то время как Китай пытается реализовать экономическую свободу до политической свободы. Что бы Вы предпочли?*

Егор Гайдар: Всеми свое время. Мне часто задают этот вопрос, но немного по-другому: «У китайцев хватило ума начать с экономической либерализации. Когда у них будет рыночная экономика, то когда-нибудь в будущем они смогут провести политическую либерализацию. По сравнению с этим Горбачев действовал из самых лучших побуждений, но неразумно. Он начал с политической либерализации и привел российскую экономику в крайне плачевное состояние». Данный аргумент показывает странное восприятие реалий жизни. Как будто ты изучаешь меню в ресторане и задаешься вопросом: «Мне заказать хорошо прожаренный или средне прожаренный бифштекс? Политическую либерализацию нужно проводить до или после рыночных реформ?» — как будто это вопрос выбора. Представим себе, что Новая Зеландия столкнулась с серьезными экономическими проблемами и кто-то говорит: «У тоталитарного режима есть свои преимущества. Давайте введем его на какое-то время. А как только мы решим наши экономические проблемы, то сможем опять вернуться к демократии». Хорошая идея, но вряд ли найдется серьезный политический архитектор, который захочет реализовать ее на практике.

Вопрос о том, мог ли Советский Союз пойти по китайскому пути реформ, имел бы смысл, если бы речь шла о Советском Союзе конца пятидесятых и начала шестидесятых годов. Проблема в том, что к восьмидесятым годам Советский Союз стал слишком богатой и развитой страной. В середине семидесятых Китай столкнулся с проблемой пределов социалистического роста, когда социализм был еще молод и 80% населения страны были заняты в сельском хозяйстве. Многие граждане этой страны были безграмотными или в лучшем случае малограмотными. У Китая была возможность подготовить отход от социалистической экономической системы в условиях автократии.

Однако, чтобы идти этим путем, необходимо быть готовым к таким кровавым событиям, какие произошли на площади Тяньаньмэнь. Советское руководство не пошло по китайскому пути, потому что в России 80% населения жили в городах, большинство из них имели хорошее образование, и это уже было третье поколение людей, которые жили при социализме. Это огромная разница. Таким образом, взятый курс не был свободным выбором различных элит, это был, скорее, вопрос выбора времени переходного

периода. Чтобы идти по китайскому пути, необходимо начинать отход от социализма на гораздо более раннем этапе.

Вопрос: *Вы сказали, что буквально за несколько дней до краха коммунизма в России эта система казалась стабильной. А потом она буквально рухнула. Было ли какое-то событие в 1980-х гг. или за долго до этого, которое Вам четко указывало на то, что эта система больше не сможет существовать?*

Егор Гайдар: Таких событий было несколько. Если бы в 1985 г. вы спросили меня, каков мой прогноз, я бы ответил, что система сможет продержаться еще лет двадцать. Она бы становилась еще более неэффективной и испытывала бы другие экономические проблемы, но только не революцию. Революции очень динамичны. Они вспыхивают неожиданно и затем набирают силу и темп. Где-то к концу 1988 г. я был абсолютно уверен, что Советский Союз находится на грани катастрофы. Для этого был ряд причин: ужасная экономическая политика; огромный бюджетный дефицит; ухудшение экономической ситуации; усиление поддержки движений в Прибалтике за независимость; нестабильная ситуация в Восточной Европе; неверие элит в то, что они способны осуществлять руководство. Я полагал, что была серьезная вероятность крушения всей системы. К 1990 г. я понял, что это неизбежно.

Вопрос: *С учетом того, что Вы нам рассказали о трудностях переходного периода в России, почему репутация Горбачева на таком низком уровне? Несмотря на его недостатки, именно он положил начало всему этому процессу.*

Егор Гайдар: Горбачев несомненно вписал свое имя в историю, и он сделал очень много для того, чтобы в России была демократия и свобода. Но российский народ имеет право на собственную оценку своих политических лидеров. На президентских выборах 1996 г. Горбачев получил 0,5% голосов. У этого результата множество разных причин, и я не буду делать вид, что знаю все из них. Но давайте посмотрим на Бориса Ельцина. Несмотря на все его проблемы и слабые стороны, Ельцин был чрезвычайно жестким и эффективным российским политиком, хорошо чувствующим настроение и поддержку народных масс. Горбачев не был таким. Он мог маневрировать, не был публичным политиком.

И, откровенно говоря, каким должно быть общее мнение о президенте, который способствовал объединению Германии и при

этом Россия осталась должна Германии 40 млрд долларов? Вряд ли такое наследие может понравиться российскому электорату.

Вопрос: *Не могли бы Вы конкретизировать свое определение гражданского общества, а также прокомментировать возрождение церкви в России и ее влияние на семью? Способствует ли это восстановлению гражданского общества?*

Егор Гайдар: Для меня гражданское общество — это все общественные организации, которые самостоятельно появляются вопреки государственным институтам. В этом смысле гражданское общество, конечно же, подавлялось во всех социалистических странах, причем в Советском Союзе это делалось гораздо жестче, чем в большинстве других стран. Например, переходный период в Польше проходил более спокойно, поскольку даже при социализме там сохранялся какой-то элемент гражданского общества, в том числе Католическая церковь. При коммунистическом режиме в России не было гражданского общества. Русская православная церковь находилась под жестким политическим контролем и поэтому не могла рассматриваться в качестве элемента гражданского общества.

Действительно, после крушения коммунизма появились различные институты гражданского общества, но для их развития было необходимо время. Это относится и к Русской православной церкви. После крушения коммунизма ее влияние существенно выросло. Однако церковь является очень сложным институтом; в ней действуют различные движущие силы. Одни прихожане соотносят себя со старым режимом. Другие ведут себя более открыто и ориентированы на расширение гражданского общества. Таким образом, Русская православная церковь является частью российского общества и развивается вместе с ним.

Вопрос: *Мы все выражаем свое восхищение вашими достижениями и реформами в России, которые проводятся даже с риском для жизни реформаторов. Что может произойти в Европе в связи с расширением Евросоюза? И еще, что будет с российской мафией в условиях свободной рыночной экономики? Будет ли снижен коррупционный потенциал?*

Егор Гайдар: Что касается европейского расширения, в настоящее время ведутся сложные переговоры с потенциальными кандидатами на вступление в ЕС. Эти переговоры в основном обуслов-

лены не общими великими идеями, а необходимостью учесть все разнообразие интересов в Евросоюзе. Потенциальные кандидаты на вступление в Евросоюз более или менее готовы к выполнению поставленных перед ними условий. Иногда переговоры проходят сравнительно легко, как в случае со Словенией. Иногда по разным причинам сложно достичь соглашения, как с Польшей. При этом нет сомнений, что в целом процесс расширения будет продолжаться. Появление новых членов неизбежно создаст дополнительные проблемы для Европы, но это не будет препятствовать ее расширению.

Интересным является вопрос о пределах расширения Евросоюза. Нужно ли Болгарию принимать в Евросоюз? Румынию? Является ли Украина потенциальным кандидатом на вступление? Какими будут долгосрочные отношения между Евросоюзом и Россией? В течение ближайшего двадцатилетия возможность членства России в Евросоюзе не представляется реалистичной. Но поскольку Европа является крупнейшим торговым партнером России, очень важно иметь хорошие торгово-политические отношения с Европой. В Европе наблюдается повышенный интерес к налаживанию хороших долгосрочных отношений с Россией, особенно в период резкого роста цен на нефть.

Что касается мафии, то целый ряд социальных явлений можно описать как «мафия» применительно к любой стране, будь то Соединенные Штаты, Италия или Россия. Существуют три разных проблемы. Первая проблема — это обычная проблема с организованной преступностью — наркоторговлей, наркоманией, проституцией и так далее. Это серьезная проблема в России. В какой-то степени она связана с крушением коммунизма. Например, при советском режиме употребление наркотиков было очень ограничено. Но это было связано с закрытыми границами и всемогущей тайной полицией, которая присутствовала в каждой общественной организации. Теперь, когда границы открыты и нет всемогущей секретной полиции, Россия должна каким-то образом решать проблемы, связанные с наркоторговлей и наркоманией.

Другая проблема связана с привлечением различных криминальных группировок для принуждения к исполнению контрактов. Это было характерно в основном для ранних этапов переходного

периода с 1991 г. по 1994 г. Судебная система либо плохо функционировала, либо ее не было совсем. Любая организация могла иметь проблемы с исполнением контрактов. Вместо того чтобы решать проблему в суде, приглашается какой-нибудь силовик, чтобы он помог обеспечить исполнение контракта. Таким образом, расцвет этих мафиозных группировок был отчасти реакцией на неспособность государства ввести договорное право. Однако люди устали от постоянных убийств, даже если жертвами были представители криминального мира. Они понимали, что если сегодня убили твоего партнера, то завтра могут убить тебя. Таким образом, уже в середине девяностых годов крупные мафиозные организации стали нанимать хороших адвокатов для анализа контрактов, чтобы определить, в чем клиент прав, а в чем нет. Позже они даже не предпринимали никаких действий до вынесения судебного решения и брали контракт только после того, как суд принимал решение в пользу их клиента. Сегодня, при наличии функционирующей судебной системы, потребность в таких услугах уменьшается. Проблема с мафией остается насущной, но не в таких масштабах, как это было в девяностых годах.

Последняя проблема, которая не является сугубо мафиозной, относится к олигархам и коррупции на государственном уровне. Она не связана с наркотиками или неисполнением контрактов; здесь никто ни в кого не стреляет. Речь идет о манипулировании теми людьми, кто управляет государством. Основным решением этой проблемы является укрепление государства: сделать правила игры более прозрачными и обеспечить правительству возможность выполнять эти правила. Здесь также наметился прогресс. Значимость и влияние олигархов существенно снизились начиная с 1996–1998 гг.

Вопрос: *Заметно, что Россия во многом преуспела: насколько я понимаю, государственные расходы уменьшились до уровня приблизительно 35% ВВП, что сопоставимо с уровнем государственных расходов в Новой Зеландии. Что Вы скажете тем, кто говорит о наличии третьего пути, и что еще нужно сделать, чтобы наконец построить рыночную экономику?*

Егор Гайдар: В целом я согласен с моим другом Вацлавом Клаусом, бывшим премьер-министром Республики Чехия. Он говорил, что есть еще третий путь. Это путь в третий мир.

Вопрос: *Как Вы полагаете, может ли низкая, фиксированная ставка подоходного налога с физических лиц приносить пользу во всех странах, включая Новую Зеландию?*

Егор Гайдар: Меня обычно утомляют приезжающие в Россию эксперты, которые не зная, что происходит в стране, пытаются объяснить, что надо делать. Поэтому я не намерен рассказывать новозеландцам о том, что произойдет в какой-то конкретной сфере политики вашей страны, в том числе в сфере налогообложения. Плоская шкала подоходного налога представляется разумным решением применительно к сложившимся в России условиям. Это дало возможность устранить явно регрессивные аспекты системы и создать условия для того, чтобы значительная часть экономики вышла из теневого сектора в легальный.

Вопрос: *Когда и при каких обстоятельствах Вы стали приверженцем рыночной экономики?*

Егор Гайдар: Я изучал советскую экономику и пытался понять, как она функционирует. Я пришел к выводу, что у нее нет никакого будущего, что ее потенциал был исчерпан во время индустриализации, что проблемы нарастали и что невозможно их решить в рамках социалистического режима. Моя вера в свободный рынок была основана не на каких-то идеологических предрассудках, а на понимании того, что было необходимо России, а также имеющихся вариантах альтернативной экономической политики.

Вопрос: *После распада Советского Союза многие эксперты и организации на Западе предлагали свою помощь, в том числе МВФ предлагал финансовую помощь, а Гарвардский университет — программы экономической реформы. Помимо этого, правительство Великобритании предлагало экспертную поддержку в бывшем Советском Союзе и других странах Восточной Европы. Была ли от них какая-нибудь конкретная польза или Россия может обойтись без такой помощи?*

Егор Гайдар: Роль международных советников и экспертов в ходе переходного периода в России была ограниченной. Существует одно любопытное ошибочное представление о роли советников, которое бытует, в частности, в научных кругах. По мнению Йозефа Стиглица, который занимал пост главного экономиста Всемирного банка, самая важная задача правительства реформаторов заключается в том, чтобы найти правильных советников по экономике. После чего эти советники должны объяснить этому прави-

тельству, что ему нужно делать. Те, у кого есть практический опыт реализации экономической политики, вероятно, согласятся с тем, что это слишком нереалистичная точка зрения.

Конечно же, эксперты оказали существенную помощь во многих важных технических областях, где у России было недостаточно опыта рыночной экономики. В качестве примера можно привести национальные счета. Российские статистические данные базировались на другой системе, и в стране просто не хватало экспертов для проработки концепций создания системы национальных счетов. Также много полезного было сделано для создания системы государственных финансов в рамках технической поддержки со стороны МВФ. Таким образом, во многих конкретных задачах иностранная помощь имела положительный эффект, особенно когда она сочеталась непосредственно с практической деятельностью российского правительства и специалистов.

Но есть и обратная сторона медали. Сотни международных специалистов приезжали на неделю в Россию, встречались со мной, интересовались ситуацией в России и давали советы: «вам нужно сбалансировать бюджет, сдерживать инфляцию и укрепить защиту имущественных прав», затем они уезжали в Лондон или еще куда-то, полагая, что сообщили мне что-то новое. От таких советов не было особой пользы. В целом качество сотрудничества России с внешним миром повысилось. Теперь помощь предоставляется более целенаправленно, и она интегрирована в работу российских учреждений. Это техническая помощь; международные эксперты понимают, что российское правительство не будет делать буквально все, что они предлагают.

Вопрос: *В начале этого года в Кавказском регионе я встречал многих высококвалифицированных работников, которые лишились возможности работать по своей прежней специальности. Среди них были инженеры-химики и учителя. Они зачастую связывали свои проблемы с перестройкой, и создавалось впечатление, что многие из них считали, что при Сталине жить было лучше. Похоже, что человеческий капитал в настоящее время используется нерационально. Смогут ли эти люди применить свой опыт и знания в ближайшие годы, и сколько для этого может потребоваться времени?*

Егор Гайдар: Многие из этих квалифицированных работников способны к адаптации. Квалификация — это не только обра-

зование, это также умение адаптироваться. Человек может иметь вполне хорошее образование, но, если он не способен адаптироваться к изменяющимся условиям, это говорит о том, что, вероятно, его образование не такое уж и хорошее, как кажется. В России огромное количество вполне квалифицированных специалистов получили высшее образование в лучших университетах по таким предметам, как прикладная математика и физика, на которые был огромный спрос. Они способны легко адаптироваться к изменениям на рынке труда. Но при этом многие хорошо образованные россияне почему-то считают или надеются на то, что каким-то образом вернется та система и те условия, для работы в которых их обучали, будь то при Сталине или ком-то другом. Уверяю вас, что этого не будет.

Вопрос: *Как уполномоченный по правам человека я бы хотел узнать о положении с правами человека в России.*

Егор Гайдар: Это очень сложный и трудный вопрос. Пятнадцать лет назад в России само понятие о правах человека считалось империалистической пропагандой, направленной на разрушение Советского Союза и коммунистического общества. Огромный прогресс достигнут в обеспечении таких базовых прав человека, как право свободы слова, право на получение информации, право свободного передвижения, право на выбор работы, право на организацию собственного бизнеса, и прочих прав, о которых при коммунизме в России никто ничего не знал. И для укрепления прав человека еще многое предстоит сделать.

Очень важной является проблема нашей судебной системы, когда слишком много людей приговариваются к тюремному заключению. Во время проведения следствия, в СИЗО по ходатайству стороны обвинения содержатся около 300 тысяч человек до рассмотрения их дела в суде. Подавляющее большинство этих людей просто не должны там быть. В этой связи моя политическая партия ведет серьезную борьбу в парламенте за либерализацию системы уголовного правосудия с целью сокращения численности содержащихся под стражей лиц, особенно до рассмотрения дела в суде. Средства массовой информации неожиданно проявили интерес к этой проблеме, когда один известный медиамагнат был на три дня заключен под стражу. При этом они почему-то не замечают тот факт, что в аналогичных условиях находятся 300 тысяч

человек. Таким образом, существует долгосрочный и серьезный план действий касательно прав человека.

Вопрос: *На протяжении всей своей истории Россия вела множество войн как внутри страны, так и за ее пределами. Притом что Россия идет по пути создания крупной экономической державы, что сможет предотвратить повторное появление авторитарного режима? Видите ли Вы какие-то изменения, которые смогут оберечь от этого Европу и самих русских?*

Егор Гайдар: Существует тесная взаимосвязь между уровнем социально-экономического развития и возможным политическим режимом страны. Здесь нет стопроцентного соответствия, но тесная взаимосвязь тем не менее есть. Авторитарные режимы обычно устанавливаются в странах с низким ВВП на душу населения и общим слабым уровнем развития. Поэтому маловероятно, что быстрый рост в России представляет какую-либо серьезную опасность возврата авторитарного режима. Определенный риск представляет экономическая стагнация. Если в России не будут созданы предпосылки для устойчивого роста, то нельзя исключать, что со временем страна может вернуться к авторитаризму. Но если и когда в России будет динамически развивающаяся экономика, интегрированная в мировую экономику и мировое сообщество, то я не вижу серьезной опасности возврата к недемократическому правительству.

Вопрос: *Какой, по Вашему мнению, будет Россия через 10 лет?*

Егор Гайдар: В России все может быть очень хорошо, если будет реализована текущая программа реформ, а также принята политика, которую отстаивали реформаторы. Я мог бы быть менее оптимистичным. Но я представляю вам обоснованно оптимистический сценарий, но не тот, в котором нет проблем, а тот, по которому Россия может пойти при условии решения ряда насущных проблем.

Через 10 лет в России будет демократия и рыночная экономика. Российский ВВП на душу населения по-прежнему будет низким. При наиболее благоприятном сценарии он будет ниже, чем в Португалии, и значительно ниже — в лучшем случае наполовину, — чем в Новой Зеландии. Надеюсь, что к этому времени в России будет динамичный экономический рост. Думаю, Россия сможет сохранить и совершенствовать свою очень хорошую систему

образования, где она обладает сравнительным преимуществом. Это позволит России участвовать в инновационной экономике и использовать информационно-технологический потенциал на мировом уровне. В России будет умеренная налоговая нагрузка, рациональная налоговая система, а также относительно открытая экономика и низкие тарифы.

Защита имущественных прав будет на более высоком уровне, чем сегодня. Однако сохранятся серьезные проблемы в этой сфере, что связано с отсутствием соответствующих давних традиций. Россия по-прежнему будет испытывать трудности в банковской системе, поскольку она слишком молода. Она не имеет содержательной истории и не может измениться за короткий период. Российская бюрократия будет совершенствоваться, но по мировым меркам она будет все еще далека от наиболее эффективной и не коррумпированной. Поэтому я бы по-прежнему рекомендовал очень умеренное государственное регулирование экономики, иначе это приведет к дополнительной коррупции. Резюмируя, Россия может быть молодой рыночной экономикой, не очень богатой, не очень бедной, но динамически развивающейся.

Экономическая и политическая ситуация в России

Выступление в Фонде Карнеги за международный мир

Вашингтон, 29 января 2001 г.

*Опубликовано на сайте фонда Карнеги.
Пер. с англ.: Л.И. Лопатников.*

Выступать перед такой аудиторией — высокая честь для меня. Мы имели случай обсуждать ситуацию в России примерно год назад. Тогда все проявляли интерес к одному простому вопросу. Кто такой мистер Путин? (*Смех в зале.*) Честно говоря, мне уже надоело отвечать на этот вопрос. (*Смех.*) Так что я попытаюсь минимизировать повторение сказанного — полностью избежать этого невозможно, но я постараюсь, и постараюсь, прежде всего, сосредоточиться на том, что реально происходит сейчас в российском обществе и российской политике.

Я попытаюсь ответить на три вопроса, которые задал Андерс Ослунд¹. Но прежде я предпочел бы начать свое выступление с ответа на вопрос о том, каковы, с моей точки зрения, основные политические события в России последнего времени.

В прошлом году мы, в России, безусловно, наблюдали процесс серьезной политической стабилизации. Мы вышли из периода долговременной политической и экономической нестабильности, следовавшей за крахом тоталитарной системы Советского Союза.

¹ *Андерс Ослунд* (часто — *Аслунд*) — специалист по переходным процессам в постсоциалистических странах, автор многих книг, в том числе и о гайдаровских реформах в России. Швед по происхождению, в 1989–1994 гг. — директор Стокгольмского института экономики стран Восточной Европы, в 1991–1994 гг. работал экономическим советником правительства России; затем переехал в США, где стал ведущим исследователем Фонда Карнеги за международный мир. Здесь имеется в виду вступительное слово научного сотрудника фонда Карнеги проф. Андерса Ослунда. Вопросы были сформулированы так: «Куда идет Россия? В частности, насколько в действительности нелиберален В. Путин? Как надо понимать его действия по отношению к НТВ?». — *Прим. ред.*

Периода, который обычно после столь радикальных социальных и политических перемен бывает очень болезненным, периодом серьезной политической борьбы в обществе, отсутствия консенсуса по вопросу об основных ценностях, нестабильных правительств, нестабильных финансов, незащищенных прав собственности, плохо функционирующего государства.

Такой период следует за каждой великой революцией. Обычно общество устает от этого периода слабости государства и нестабильности. На некотором этапе общество обычно хочет определенного уровня законности и порядка. Обычно общество хотело бы иметь более сильное государство, и тогда оно его получает. И это то, что произошло в России в 1990-х гг.

Если вы получаете такой период, то неизбежно более сильное правительство и более сильное государство получают новые возможности, которых прежде не существовало. В последние годы правления Ельцина мы более или менее активно обсуждали все те реформы, которые были не завершены в 1991 г., а сейчас состоялись. Преобладающая часть документов была выработана уже тогда. Все это было в центре дискуссии, но что-либо сделать было невозможно.

Теперь новый президент, который не несет никакой ответственности за прошлое, который имеет высокий уровень популярности, причем реальной, имеет поддержку Думы — может обратиться к решению этих проблем. Так бывает всегда. Однако вместе со всем этим возникает огромный риск, риск, связанный с тем фактом, что общество истосковалось по законности и порядку. Оно явно хочет сильного правительства. Оно явно хочет сильного правительства при обществе, которое не имеет многовековой традиции демократии, где демократия еще очень молода.

Однако если государство, даже очень слабое, не может смириться с опасностями, связанными с разными типами свобод и демократических институтов, тогда оно натягивает вожжи и вы сталкиваетесь с опасностью того, что развитие пойдет по направлению, способному подорвать существование демократических институтов. При этом не надо вводить чрезвычайного положения — мы знаем, к чему это приводит, по опыту многих наших соседей. С помощью нескольких очень простых решений в области СМИ, в ведомстве генерального прокурора, и так далее, вы можете так по-

ляризовать демократию, что она не сможет функционировать как демократия. Все прежние демократические институты вроде сохраняются, но очевидно видно и понятно, что это шутка и институты не работают. Таким образом, на старте эры Путина видны и открывающиеся возможности, и возможные опасности.

Итак, что можно сказать об этих возможностях и этих опасностях и вообще о нашем опыте примерно семи месяцев президентства Путина и правительства Путина. Разумеется, до мая все было завязано на выборы и мы не могли всерьез говорить об этом. Практически российская политика путинской эры стартовала где-то в середине мая, когда было сформировано новое правительство.

Я начну с экономической части заданных Андерсом вопросов, поскольку так мне проще, и затем перейду к политической части. Итак, в том, что касается экономики, я не согласен с Андреем Илларионовым, который полагает, что повестка дня 2000 г. с точки зрения экономики якобы слабая и к тому же не была выполненной. Я считаю, что при всех реалистичных ожиданиях, правительство оказалось способным отобрать несколько весьма важных приоритетов и прийти по ним к очень важным результатам. Один из них — налоговая реформа. А как вы понимаете, провести радикальную налоговую реформу в любом обществе чрезвычайно трудно. Я не буду вдаваться здесь в подробности налоговой реформы, но она была радикальной и очень серьезной.

Второе. Существенно усилены возможности федерального правительства в контроле над ситуацией в регионах, включая установление там верховенства федерального закона.

Третье. Seriously перераспределены источники доходов от региональных бюджетов к федеральным, что делает российское государство финансово намного более устойчивым, особенно если иметь в виду финансовые обязательства по обслуживанию долга и так далее.

Четвертое. Seriously снижены и унифицированы таможенные тарифы. Не так радикально, как я бы хотел, но все же сделан важный шаг в этом направлении.

И последнее по порядку, но не по значению. Решение правительства о сокращении численности вооруженных сил на 600 000 человек в течение трех лет. Этот вопрос обсуждался годами при прежнем режиме, но никто не решался его затронуть. Путин ока-

зался способным вмешаться в дело и добиться общего согласия военных институтов по этой проблеме.

Все перечисленное, с моей точки зрения, исключительно важно. Откуда же исходят признаки разочарования при разговорах об экономической политике? Конечно, за весь этот год мы накопили множество нерешенных вопросов в экономике, и мы вправе спросить: как же так? Проблемы банковской реформы даже не были затронуты. Вплоть до последней недели ничего не делалось в области законодательства о землеустройстве. Защита прав собственности все еще чрезвычайно слаба. Скажем, патентная реформа — ничего не сделано законодателями, и так далее, и так далее, можно продолжать этот перечень до бесконечности. Но если браться за все сразу, то с моей точки зрения, это приведет к невероятному напряжению, потому что в любой молодой, но реальной демократии вы не можете делать столько дел одновременно. И это часть моих дискуссий с друзьями из правительства. Некоторые из них, молодые и энергичные, думают, что они способны решать 28 разных проблем одновременно. Но тогда, как правило, не получается ничего.

Да, Путин имеет большую поддержку в парламенте и имеет много возможностей. Однако это не означает, что он может внести в парламент и продвигать в нем некое сложное законодательство только потому, что оно ему нравится. Не хочу вдаваться в детали, но я мог бы рассказать вам долгую и грустную историю о том, как трудно было сплотить коалицию сторонников налоговой реформы, как трудно было удерживать ее во время всех этих волнений и шатаний. И о том, каково вести конфронтацию с коммунистическими профсоюзами и региональными лобби, которые чрезвычайно сильны.

Так что в каждый момент возникает сложная ситуация. Если бы какой-либо американский президент попытался принять 28 или 30 важных реформ и провести их через парламент, вы понимаете, к чему бы это привело. В большей или меньшей степени, в большей или меньшей, при всех различиях, то же было бы и в России.

Итак, я полагаю, что в текущей политике мы видим лишь немного важных проблем. Во-первых, очевидное замедление работы над реформами в прошедшем ноябре. Правительство начало

с очень энергичного старта — с моей точки зрения, иногда слишком энергичного. И затем стало видно, что энергия как-то тает.

Вторая проблема в том, что правительство так и не решило всерьез, что для него является приоритетами 2001 г. Я, конечно, понимаю: они имеют прекрасную программу. Великую и блестящую программу. Проблема в том, что она включает 28 важных реформ для этого года, и я могу вас заверить на 100%, что, если к концу года будет выполнено 88%, результат будет исключительно разочаровывающим — не будет прогресса по большинству из законопроектов. Так что им надо выбирать приоритеты. Сложная проблема. Я бы очень затруднился ответить на вопрос о том, каковы должны быть три приоритета для будущего года в России. У меня есть какие-то соображения по этому вопросу, однако они открыты для обсуждения. Необходимо решить, каковы три, максимум четыре приоритета, на которых следует сосредоточить свои силы. Иной путь приведет к неудаче.

Третий пункт. Правительство поступило, по-моему, разумно, ускорив реформы в трудных условиях роста цен на нефть, потому что высокие цены на нефть, это замечательно для России в целом, но плохо для реформ. Их ничто не подталкивает, все и так замечательно.

Правительство более или менее способно оставаться в рамках повестки дня реформы и более или менее жесткого бюджета, даже когда уровень нефтяных цен высок. Но непросто сопротивляться давлению с разных сторон. Легко вести жесткую политику, когда всем известно, что денег у тебя нет. Трудно вести жесткую политику, когда все знают, что у тебя есть деньги и что ты сидишь на мешке с деньгами — знают все, от Парижского клуба до тех, кто осуществляет социальное давление. И это не просто, и они полагают, что теперь для России существует такая вещь, как высокие нефтяные цены. Я не думаю, что в долгосрочной перспективе очень высокие цены на нефть полезны России. Но как долго правительство сможет оставаться в рамках повестки дня реформ?

Итак, с моей точки зрения, реформы будут продолжаться со скоростью, чуть меньшей, чем в прошлом году, но все же достаточно энергично.

Во-первых, говоря об экономическом росте за прошедший год, отечественные экономисты ведут между собой дискуссии: что,

собственно, привело к этому росту? И обычно высказываются две точки зрения. Одна заключается в том, что все объясняется высокими ценами на нефть, другая — реформами, которые проводятся правительством. По-моему убеждению, высокие нефтяные цены, по крайней мере по нашим оценкам, объясняют примерно 50% роста, 35% напрямую и 15% через косвенные механизмы. Если исключить нефтяные цены, экономический рост составит не 7,7%, а будет около 4%. И это в очень скромных пределах связано с президентскими реформами, поскольку они вряд ли успели повлиять на ситуацию в 2001 г.

Экономический рост прежде всего основан на том факте, что в России, со всеми ее проблемами, мы сумели накопить критическую массу прилично управляемых предприятий, которые предпочитают работать более или менее эффективно в условиях рынка. Невероятная концентрация общественного внимания на гигантских плохо управляемых предприятиях типа Газпрома мешает многим обозревателям видеть те весьма серьезные изменения, которые произошли в промышленном секторе России, особенно в секторе средних компаний. Существенная часть из них более или менее неплохо управляется. Нам потребовалось для этого много времени, существенно больше, чем потребовалось Польше, потому что у нас искажения структуры были больше, уровень заблуждений глубже, и так далее. Но это реально стоит за ростом. Это не должно означать, однако, что рост обязательно устойчивый. Мы видели примеры неустойчивого роста вслед за периодом медленного роста после социализма, в один прекрасный день мы получили спад. Чтобы сделать рост устойчивым, нам нужно провести множество реформ. Но я думаю, что, в сущности, это и есть источник экономического роста, который мы наблюдаем.

Обратимся к политике. Возможно, некоторые из вас, присутствовавшие здесь в прошлом году, помнят, что я тогда высказал довольно низкие ожидания о приверженности нового российского руководства к демократическим свободам. И я думаю, что все более или менее соответствовало уровню моих довольно низких ожиданий. (Смех.) Не то чтобы случилось что-то драматическое, не то чтобы мы могли сказать: «Все, демократия вовсе не существует в России» и тому подобное. Это неправда. Но очень серьезно повысилась роль так называемых силовых структур и секретных

служб, появились разного типа странные документы, как например доктрина Национальной информационной безопасности, происходило выборочное давление на разные медийные группы. Все это показывает, что новое российское руководство не очень сильно склоняется к тому, что демократия нужна России.

И это серьезный повод для беспокойства, поскольку реально основой цивилизации является то, что российское общество и российские элиты принимают рынок и частную собственность. Сейчас это уже не обсуждается. Нет такой серьезной партии, которая вышла бы с лозунгом ликвидации рынков и построения социализма. Нет вопроса. Но демократические институты и свободы еще не утвердились и окончательно не приняты российскими элитами и российским обществом.

Иногда на улицах, чаще за закрытыми дверями, мы можем слышать в России дискуссии о том, что, конечно, Россия еще не созрела для демократии, поэтому мы сейчас нуждаемся в проведении экономических реформ, и пока лучше оставить вне поля зрения все эти свободы. А уже потом, когда все это заработает, потом медленно и организованно можно вводить все эти демократические свободы. Вы же видите, как хорошо все идет в Китае, сколько раз говорили: почему вы не используете этот опыт китайских партнеров? Жесткое авторитарное управление, прорыночная экономическая политика и уже затем, позднее, демократизация.

Однако, с моей точки зрения, эта позиция — очень серьезная ошибка. И она особенно серьезна, поскольку Россия уплатила очень высокую цену за установление демократии в своей стране, и я думаю, что при всем несовершенстве мы сейчас имеем первые в российской истории девять лет демократического развития, и это большое достижение. Вы не найдете ни одной совершенной молодой демократии, тем более в России, и вам не следует думать, что вот позднее мы попытаемся наладить демократию, это будет проще. Но если и когда мы платим столь высокую цену за создание институтов, которые исключительно важны для приспособления к реальностям XXI века, поскольку мы не в XVIII веке, мы в XXI веке, когда демократические институты очень уместны даже при всех имеющихся проблемах. Демонтировать их было бы чрезвычайно опасно.

Так что я думаю, разговоры о том, почему в России движение за экономические и политические реформы не завершено — они носят неконкретный характер. Говорят так: «Действительно, все сделано, теперь мы видим, что Россия не может быть демократией; давайте подождем следующего шанса». Это не позиция многих людей в России; это не наша позиция. Я думаю, что мы должны и мы попытаемся поддержать и развить российские демократические институты, мы не должны выбрасывать их из нашей программы. Это первая задача.

Следующая проблема связана с предыдущей. Вы ее знаете: правые силы и что с ними делать? Мы приняли решение сформировать широкую либеральную в европейском смысле политическую структуру как партию, которая заместит восемь, девять разных организаций, которые вместе образовали Союз правых сил, участвовавший в прошлых выборах. Мы сделаем это на съезде, который намечен на 26 мая. Мы решили, что будут распущены все прежние организации, поскольку если поступим иначе, то, к сожалению, возможны разногласия и внутренняя борьба, а мы хотели бы иметь сильную единую партию. Мы определили свои идеологические задачи и наши позиции по отношению к президенту и правительству.

Существо нашей позиции по отношению к президенту и правительству состоит в том, что мы их поддерживаем, когда они реализуют нашу программу, но мы категорически против любых авторитарных тенденций и готовы изменить свою позицию, если эти авторитарные тенденции продолжатся. Существо нашей идеологической программы состоит в том, что мы хотели бы видеть Россию западной страной, Россию с русской культурой, но с западными институтами, и мы надеемся, очень надеемся, создать предпосылки для такого развития России.

Я надеюсь, что мы сумеем создать сильную, на наш взгляд, политическую партию и затем сумеем оказывать влияние на политический процесс. Поскольку многое основывается на президентстве и сильном пропрезидентском политическом центре в середине России, и от баланса — от того, насколько сильны коммунисты, насколько сильны либералы. Если либералы слабы — коммунисты сильны, и тогда президент неизбежно склоняется в их сторону. Если либералы сильны, результат обратный.

Наши отношения с «Яблоком» сейчас лучше, чем они были когда-либо за период постсоциалистического перехода. Мы активно сотрудничаем в Думе; практически мы работаем как одна парламентская группа, с единой позицией практически по всем важным вопросам. Разумеется, это серьезно увеличивает наши возможности влиять на события. Мы интенсивно сотрудничаем в регионах при подготовке к региональным выборам.

Мы находимся в процессе дискуссии о том, как поступить с этим объединением. Хотел бы обсудить два варианта. Один — включить «Яблоко» в новую политическую партию. Некоторые из руководителей «Яблока» поддерживают такой вариант. Другой — образовать избирательный блок перед следующими парламентскими выборами. Хотя оба эти варианта возможны, мы открыты для дискуссии. Я считаю, что сам факт нашего тесного сотрудничества очень важен для нас, для борьбы за достижение наших идеологических целей.

Итак, дорогие друзья, возможно, я на этом закончу, и, конечно, я буду очень рад ответить на ваши вопросы.

Вопрос: *Сколько средств еще будет вытягивать чеченская война из российской экономики и из российского оборонного бюджета?*

Егор Гайдар: Да, на этот вопрос трудно ответить, поскольку расходы на Чечню расплывены по разным разделам государственного бюджета. И собрать их вместе практически невозможно. На первые социальные программы в 2001 г. было выделено 4,5 млрд рублей инвестиций, разумеется, это не слишком много. Это 0,3 процентных пункта от федерального бюджета.

Конечно, если вы включите все военные расходы, получится больше, но с макроэкономической точки зрения это тоже не слишком много, верно? Особенно если иметь в виду, что решения о выводе части военных сил из Чечни должны быть отсрочены, это намного более важно политически, чем экономически, потому что наличие даже среднего размера военных сил и минимальной партизанской войны неизбежно оказывает влияние на общество, неизбежно поднимает роль и значение разных видов служб безопасности, и так далее.

Вопрос: *Можете ли Вы сказать, в какой степени чеченская война может способствовать блокированию военной реформы и препятствовать рационализации вооруженных сил?*

Егор Гайдар: Я так не думаю. Вы будете удивлены, но я считаю, что чеченская война будет толкать государство в сторону военных реформ, поскольку стало очевидно, что старая советская военная структура абсолютно не приспособлена к решению реальных проблем безопасности. Она не способна выполнять свои функции. Вся эта военная организация, созданная много лет назад для ведения войны в Европе, сегодня настолько непригодна для современного мира, что теперь уже невозможно говорить о том, что никакая военная реформа нам не нужна. И если мы осуществили существенное сокращение числа воинских частей, генеральских должностей, имеем оформленные, полностью экипированные и укомплектованные бригады и дивизии в регионах, и так далее, то, безусловно, все это сделано под весьма серьезным воздействием первой чеченской войны.

Вопрос: *Первое. Говорилось, что бегство капиталов из России в прошлом году выросло примерно на 25 ли 30%. Я интересуюсь, чему Вы приписываете этот рост бегства капитала в прошлом году, насколько это можно измерить с известной точностью.*

Второе. Безусловно, одним из важных вопросов политической повестки дня для России является ее внешний долг, особенно Парижскому клубу, и реструктуризация долга. И кажется, по этому вопросу ведутся некоторые оживленные дискуссии в российском правительстве. Можете ли Вы прокомментировать это и сказать, каким Вы видите решение этой проблемы?

Егор Гайдар: Итак, о бегстве капиталов. Здесь самая неприятная вещь состоит в том, что вся статистика, необходимая для расчетов бегства капитала, чрезвычайно ненадежна. Там много деталей, в которые я входить не буду. Например, мы в нашем институте делали много попыток оценки оттока капиталов способами, которым мы сами верим, и до сих пор нам это не удалось. Но каждый понимает: бегство капиталов приняло огромные размеры.

Но чтобы понять, увеличилось ли оно, предположим, на 10% или уменьшилось на 10%, мы должны верить российской внешне-торговой статистике (*смех в зале*) — но я не знаю, кто еще, разбирающийся в этом вопросе, мог бы иметь такую веру. Так что я действительно не могу это комментировать. Это остается очень важной проблемой.

Конечно, было весьма позитивное изменение в прошлом году в области статистики, которая лучше, чем бегство капиталов. Это статистика инвестиций. В прошлом году инвестиции в постоянный капитал у нас выросли примерно на 80%, что показывает определенные изменения приоритетов российского бизнеса и это в высшей степени положительно и создает основания надеяться на будущее продолжение устойчивого экономического роста. Но я не знаю точно, в чем именно состоят движущие силы этого процесса.

О Парижском клубе. На самом деле это длинная и сложная история. Прежде всего, я думаю, что правительство делает ошибку, когда вырабатывает стратегию для бюджета 2001 г. и его прохождения через Госдуму. Аргумент правительства лишен смысла. Конечно, мы подготовили очень консервативные оценки доходов, но также мы включили в источники финансирования такие, которые могут не существовать. Например, реструктуризация долгов в Парижском клубе, кредит МВФ. Но если они не возникнут, тогда нам придется добывать дополнительные доходы, из которых мы будем покрывать принятые обязательства, все до одного.

Итак, если бюджет принят, как обычно, с компромиссами о расходовании дополнительных доходов, тогда мы встречаемся с тем фактом, что при столь высоких ценах на нефть и при таком позитивном торговом балансе очень трудно доказывать, что мы нуждаемся в реструктуризации части долга Парижскому клубу.

И затем начались публичные дебаты, публичные в том смысле, что одни ваши чиновники могут иметь одну точку зрения на Парижский клуб, другие ваши чиновники могут иметь другую точку зрения на Парижский клуб. И первая точка зрения состояла в том, что мы не будем платить из принципа, мы должны отстаивать свои интересы. И мы должны вести дискуссию с Парижским клубом о том, как с этим долгом поступать. Другая позиция состояла в том, что мы должны сказать: хорошо, мы заплатим все, мы не будем нуждаться в какой-либо реструктуризации, Россия выполнит все свои обязательства.

Хорошо. После этой дискуссии, состоявшейся на прошлой неделе в пятницу, в кабинете Путина, была выработана общая позиция. В принципе, было решено, что мы не будем ничего делать в одностороннем порядке. Мы не будем ликвидировать задолженность. Мы будем обсуждать с МВФ и Парижским клубом, пре-

жде всего, проблемы 2002 и 2003 гг., что, с моей точки зрения, разумно.

Вопрос: *Мой вопрос возвращает нас к Вашему комментарию о том, что Вы убеждены: развитие демократических институтов в создавшейся обстановке возможно. И Вы указали, что, по Вашему мнению, многое в этом зависит от того, сдвинется ли мистер Путин и его администрация влево или вправо и насколько правые смогут укрепиться в перспективе. Очень интересно мне, как либеральные партии, партии правого толка, могут расти и развиваться с целью подтолкнуть администрацию Путина вправо, а не влево?*

Егор Гайдар: Знаете ли, организовать демократов, особенно организовать демократов в России — одно из самых сложных занятий, о которых я когда-нибудь слышал в этом мире. (Смех.) Мы имеем список пятидесяти демократических организаций национального масштаба в стране. Плюс большинство из них вообще не являются организациями.

Но чтобы создать реально действующую организацию, которая существует не только в Москве или Петербурге, но доходит до крупных городов, потом до меньших городов, потом до села, требуется много времени и усилий. Проблема с российской демократической оппозицией состояла в том, что она сначала сформировалась как широкая, плохо организованная антикоммунистическая коалиция, которая помогла свергнуть социалистический строй. Но тогда далеко не все реальные проблемы были решены, дело только начиналось. И тогда уже стало ясно, как важно иметь это широкое и хорошо организованное движение. Тогда мы и должны были начать строительство более организованных политических институтов.

Я думаю, что организация Союз правых сил даже теперь намного сильнее, чем любая российская демократическая организация, когда-либо существовавшая в этой стране. И общее направление развития позитивно. Тот факт, что мы исходим из этих неизбежно широких коалиций, когда приходится вести переговоры со всеми партнерами, — это просто проблема демократической инфраструктуры, она весьма позитивна. А дальше, конечно, значительная часть нашей работы будет с неизбежностью направлена на расширение нашего влияния за пределами больших городов, по-

сколько обычно наши позиции, пусть действительно в больших городах, даже теперь хорошо известны.

Проблема состоит в том, что мы крайне слабы в малых городах и практически отсутствуем на селе. Если бы мы могли проникнуть в малые города, это было бы очень важно для нас.

Вопрос: *Егор Тимурович, Вы говорили о том, что как раз сейчас Путин и его правительство индифферентны по отношению к демократии, она их не беспокоит, но Вы не видите у них и проявлений проавторитарной политики. Что произойдет, если они решат принять проавторитарную политику? Что может помешать такому повороту? Каковы те институты и деятели, которые могли бы его остановить? И я попросил бы Вас провести сравнительный анализ, поскольку на экономическом фронте, когда сменялись премьер-министры, скажем, был Примаков, то последствия неправильных действий были хорошо известны, как ему, так и другим. Мне не ясно, каковы будут последствия, если Путин пойдет против демократических институтов. И может быть, Вы скажете немного о том, какова будет роль Запада, если что-то подобное случится?*

Егор Гайдар: Российское общество приняло рынок, рыночную экономику. Когда общество видело, что правительство Примакова делает что-то опасное для рынка, возникала очевидная и очень сильная реакция. Я надеюсь, что реакция общества на политическом поле будет сильной, но я не абсолютно в этом уверен.

Конечно, мы пока имеем действующий парламент. Большая часть общества привыкла к выборам, более или менее свободным и привыкла иметь прессу, более или менее свободную. Если бы Вы спросили: хотите ли Вы иметь более сильную власть — большую силу закона, ответ был бы «Да». Допустим, мы скажем, что для этого потребуются немного урезать демократические институты. Хорошо, мы согласны жить и без них, но что Вы имеете в виду? Отсутствие свободы прессы? Нет, нет, нет. Отсутствие свободных выборов? Нет, нет, нет. Отсутствие права на забастовки и демонстрации? Нет, нет, нет. Так в целом обстоят дела в обществе, но проблема в том, насколько хорошо мы сумеем организовать сопротивление недемократическому типу событий. И, конечно я думаю, что роль Запада в этом могла бы быть довольно велика.

Я не считаю очень удачными попытки Запада вмешиваться в мелкие детали российской внутренней политики. Наблюдает-

ся как бы инфляция возможностей, и она скорее вредна, чем полезна. Но я думаю, что нашей политической элите важно было бы понять, что возможность нормального членства в клубе развитых рыночных экономик весьма серьезно зависит от того, сохранится ли Россия как демократия.

Вопрос: *Мой вопрос относится к Каспийскому морю и ситуации там с нефтью. Вы заметили, что нефтяные цены сохранятся на нынешнем уровне. Меня интересует, можете ли Вы прокомментировать соотношения между нефтяными ценами и, возможно, политическими силами, связанными с Путиным, которые имеют интересы в этой сфере. В каком направлении, по Вашему мнению, будет развиваться политика и какое влияние окажет новая американская администрация на весь этот клубок проблем?*

Егор Гайдар: Я не ожидаю каких-либо серьезных или радикальных изменений в позиции российской администрации по отношению к Каспийскому региону и Закавказью. Мы заинтересованы в сохранении влияния в этих регионах. Это в наших национальных интересах. Они у нас есть, как и у всякой страны. Мы будем их защищать — любая разумная российская администрация будет их защищать. Я надеюсь, что цивилизованным образом, без создания потенциального конфликта в регионе, угрожающего мировой стабильности, но, конечно, любая разумная российская администрация должна заботиться о Каспийском регионе.

Вопрос: *Д-р Гайдар, каким Вы видите развитие российской экономики в ближайшие пять-десять лет? Программа Грефа, последний вариант которой мне довелось видеть, полагает, что темп роста составит по меньшей мере 5%. Вы согласны с этим? И связанный с первым вопрос: не заморожена ли программа Грефа? Я имею в виду банковский сектор, монополии и так далее.*

Егор Гайдар: Проблема состоит в том, что никто не знает, как прогнозировать долгосрочные темпы роста российской экономики. (Смех в зале.) И не потому, что прилагается недостаточно усилий — их много, несмотря на нехватку статистических данных, необходимых для реального ответа на такой вопрос.

Я мог бы сказать об этом подробнее, но думаю, все более или менее очевидно. Мы пытаемся определить эти величины, но все, что мы можем сейчас обсуждать относительно темпов роста экономики, это очень серьезные предположения. Мы смотрим на дру-

гие бедные социалистические страны, которые начинали расти. Мы пытаемся найти те факторы, которые вызывали их рост. Мы формулируем некие позитивные факторы, однако мы, как институт, очень осторожны в отношении любого вида долгосрочных прогнозов российского экономического роста, поскольку мы не смогли бы их защищать в серьезном профессиональном сообществе. Так что в определенных пределах — это надежды. Возможно, что эти надежды оправдаются, они могут быть даже превзойдены, но все же это не более чем надежды.

О том, не заморожена ли программа Грефа. Это не так. Дело в том, что реально ей противостоит огромное количество проблем и вызовов, и в определенных пределах это выше политических и аналитических возможностей — добиться, чтобы прогресс продолжался долгое время. Я не имею в виду банковский сектор. Здесь ситуация довольно понятна. Вы не можете реформировать любой серьезный институт. Вы не можете реформировать правительство. Вы не можете реформировать Центральный банк, если Центральный банк не имеет намерений проводить реформы в банковском секторе. И если и когда Центральный банк не предан идее реформ, мы не будем иметь здесь реформ, пока не сменим руководство Центрального банка.

Вместе с тем проблема действующего правительства в большой мере состоит в том, что оно пытается продвигаться во всех направлениях сразу. И они, как мне представляется, оказались не способны, после перераспределения бюджетных доходов и после первого этапа налоговой реформы, решить для себя, что делать в 2001 г.

Вопрос: *Вы указывали, что не можете одновременно проводить все реформы. Вы указали, что Вы об этом думали. Не могли бы Вы назвать некоторые приоритеты. Что, по Вашему мнению, политически возможно, и в каком направлении Вы хотели бы двигаться, и что необходимо экономически? Что Вы об этом думаете?*

Егор Гайдар: Как я указывал, выражать эту позицию неудобно, поскольку реально это означает трудный выбор. Возможно, я думаю обратиться к усилению защиты прав собственности, включая земельные суды и изменения в корпоративном законодательстве для защиты прав миноритарных акционеров, как высшего приоритета. И я сосредоточился бы на этих вопросах как приоритетных на будущий год.

Я продолжил бы проведение налоговой реформы, поскольку важный элемент системы уже имеется, но много с высшей точки зрения важных элементов, включая налог на прибыль, еще не существуют, как следующий исключительно важный приоритет. И возможно, я обратился бы к регулированию и необходимым изменениям в законодательстве, связанном с регулированием, как к третьему приоритету. Конечно, это заставит отложить исключительно важные вопросы. Один из них — банковская реформа, которая, возможно, должна была бы быть в очень коротком списке (приоритетов. — *Ред.*), но я смотрю без большого оптимизма на возможности продвинуться в этом направлении в нынешнем году при существующих в Центральном банке традициях.

Я не упомянул реформу системы социальной защиты, которая чрезвычайно важна для России и по которой правительство имеет очень серьезные и сильные предложения. Я поместил бы их весьма высоко в списке приоритетов. Но когда Кремль вступил в сделку с коммунистами по составу Думы — я говорил им, что это весьма прагматическое действие, но с долговременными последствиями.

И теперь мы сталкиваемся с долговременными последствиями. Коммунисты контролируют все социальные комитеты Думы — образование, здравоохранение и социалку. И очень трудно проводить законопроекты, даже если вы контролируете в Думе большинство, но не контролируете главные комитеты. Поэтому здесь возникают весьма сложные проблемы. Таким образом, пытаясь комбинировать то, что очень важно и возможно, я выбрал бы перечисленные три в качестве приоритетов.

Вопрос: *На меня произвело впечатление то, что Вы говорили о России — о стране с российской культурой и западными институтами, и мне хотелось бы узнать, какой видите Вы роль международных институтов.*

Одна вещь, которую не сделала Россия, — это отсутствие прогресса, например, в процессе ее вступления в ВТО, хотя президент Путин в декабре сказал, что это приоритет. И в ситуации, когда распространены опасения о переходе к более авторитарному режиму, Вы могли бы подумать о том, что международные институты способны служить для демократов своего рода гарантией сохранения курса на экономическую демократизацию.

Егор Гайдар: ВТО, действительно, входит в число приоритетов, очень важных, которые трудно игнорировать. Если вы говорите о внешней экономической политике, то, конечно, ВТО — это самый важный вопрос для России.

Проблема ВТО — это не только отсутствие политической воли. Путин поддерживает идею о скорейшем вступлении в ВТО и выдвигает ее в число приоритетов. Проблема ВТО состоит в исключительно сложных технических деталях. Вам надо подготовить множество вещей, проработанных в кабинетах бюрократии, затем принятых в Думе и так далее. В целом правительство имеет сейчас возможности продвинуть дело, но оно чрезвычайно сложно.

Один из наиболее важных документов, которые мы обсуждаем в преддверии 2001 г., — это новый таможенный суд, поскольку существующий таможенный суд абсолютно несовместим с порядками в ВТО. И половина прошлого года была затрачена на дискуссии между нашим российским таможенным ведомством и министерством экономики о том, какого типа судом он должен быть. Сейчас мы находимся в середине этой дискуссии. И на следующей неделе, когда я вернусь в Москву, у нас состоится совещание по этому вопросу.

Затем нам предстоит не только выработать позицию правительства, но и провести ее через Думу. В конечном счете, необходимые документы приготовлены для переговоров. Это тоже один из вопросов и вам предстоит выбрать приоритет. Я думаю, что в этом перечне вопрос о ВТО будет на одном из первых мест.

В целом, может ли быть полезным членство в организации такого типа? Я полагаю, да. Конечно, ничего гарантировать нельзя. Китай должен в скором времени стать членом ВТО, но это не делает Китай демократической страной. Существует много других стран, которые не назовешь демократическими, хотя они и члены ВТО. Я думаю, что преимущественно, конечно, в очень общих выражениях, это вопрос, который касается всего международного сообщества. Прежде всего, если говорить о России, я не думаю, что международные институты могут играть серьезную роль в определении нашей доли участия в этих процессах.

Европейский союз и правительство Швеции, которая сейчас председательствует в нем, начали с весьма энергичной и амбициозной программы развития отношений между Россией и ЕС, которая, с моей точки зрения, содержит очень важные и чувствитель-

ные приоритеты. Я очень надеюсь, что мы будем двигаться в этом направлении.

Вопрос: *Ранее Вы сказали, что правительство только в последнее время поддержало законодательство, которое должно регулировать покупку и продажу земли, но оставило в стороне покупку и продажу сельскохозяйственных земель. Как Вы думаете, почему это произошло? Возможно, оно отсрочило борьбу вокруг этого вопроса, но в чем преимущества такой отсрочки?*

Егор Гайдар: Понятно, что это вопрос политический. Наша позиция ясна. Мы хотели создать законодательство, которое включало бы как сельскохозяйственные, так и не сельскохозяйственные земли, все земли. Я думаю, что это возможно, если правительство, особенно президентская власть, настроены решительно. Я думаю, что это возможно провести через Думу. Разумеется, тот факт, что мы получили возможность принять введение к 17-й главе¹ на прошлой неделе, это весьма позитивный шаг.

Это политический выбор. Или вы, вместе с либералами, вступаете в серьезную конфронтацию с коммунистами, как это было при обсуждении вопроса о налоговом суде, или вы предпочитаете сохранять некий баланс и гибкость решений. Президент предпочел поддерживать баланс и гибкость, и это реально его стиль; ему нравится быть гибким. Мне кажется, что после битвы за бюджет и налоговый суд, в которой правительство и администрация президента были близки к либералам и весьма далеки от коммунистов, Путин сразу же хотел восстановить баланс, показав, что у него есть множество возможностей при необходимости заключать союзы как с левыми, так и с правыми.

Вопрос: *Д-р Гайдар, можете ли Вы подсказать, на каких местах в списке из 28 приоритетов правительства находятся реформы национальных монополий: железные дороги, Газпром и ЕЭС, и не остудили ли недавние события в Калифорнии энтузиазм их сторонников²? (Смех в зале.)*

Егор Гайдар: Государство действительно рассматривает реформу национальных монополий как один из приоритетов. Я честно

¹ Имеется в виду Гражданский кодекс, Глава 17. Право собственности и другие вещные права на землю. — *Прим. ред.*

² В 2001 г. в результате крупной аварии в энергосетях Калифорнии более 3 млн жителей штата в течение шести дней были лишены электроэнергии. — *Прим. ред.*

вам скажу: во всех трех упомянутых монополиях: железные дороги, электроэнергетика и Газпром — есть проблемы, которые надо решить, чтобы изменить ситуацию. В принципе я уверен, что нам нужны реформы в национальных монополиях. Прежде всего, мы нуждаемся в очень простой реформе — в серьезном улучшении управления в Газпроме. То, чего мы бы хотели в этом секторе — это введение ясных финансовых балансов, ясных взаимодействий с дочерними компаниями и так далее, разделение между транспортировкой и производством.

Электронергетика — целый клубок противоречий, споров. Интересы владельцев электросчетчиков, региональные интересы, интересы акционеров и т.п. Вряд ли окончательные решения будут приняты до апреля.

Еще железная дорога. Хорошая новость состоит в том, что министерство железных дорог стало теперь ярким сторонником реформ. Плохая новость, естественно, состоит в том, что оно хотело бы реформ, которые выгодны только министерству железных дорог.

Я полагаю, таким образом, что реформы национальных монополий — трудное, сложное и требующее времени дело. Это не похоже на образование коалиции в поддержку налоговой реформы. Для таких реформ требуются годы на разработку, реализацию и так далее. Я надеюсь, что мы будем иметь некоторые позитивные подвижки в реформах национальных монополий в следующие два, три или четыре года. Я не ожидаю чего-то очень серьезного, способного изменить реально ситуацию, кроме изменений в системе управления Газпрома в 2001 г.

Вопрос: *Каковы, по Вашему мнению, намерения правительства в отношении телекомпании НТВ? И насколько серьезными, по мнению демократов вашего типа, представляются угрозы, если Вы вообще видите угрозы?*

Егор Гайдар: Прежде всего это не конституционный вопрос, во многом не вопрос правительства, но и не проблема президента и его администрации. Строго говоря, правительство не очень серьезно вовлечено в проблему.

Каковы намерения президентской администрации в отношении НТВ? Я не знаю. Как вы, возможно, знаете, сегодня президент встречался с четырнадцатью журналистами НТВ. И все, что он говорил, — правильно: что он не может восстановить телефонное

право в генеральной прокуратуре, что он не может вмешиваться в финансовые дела компаний, что компания должна выплачивать свои долги и что это не вопрос о свободе прессы. Так что его позиция очень сильна и неопровержима, конечно, если каждый человек в России реально верит в то, что вся история с НТВ касается только финансовых вопросов. (*Смех в зале.*)

Проблема состоит в том, что огромное большинство россиян в это не верит. Надо не забывать, конечно, что НТВ и «Медиа-мост» были частью старых олигархических структур ельцинского периода. Конечно, они не могли бы выжить без очень солидной финансовой подпитки, тем или иным способом добытой у государства или через государственные институты.

Конечно, они не могли бы выжить в новое время. Но если бы Кремль ясно выразил свою позицию, а она состоит в том, что да, эта олигархическая структура вряд ли выживет, но мы очень заинтересованы в том, чтобы получить контроль над большим международным агентством с хорошей репутацией. Тогда все стало бы на свои места и люди поняли бы, что это вопрос финансов.

Но меседж от Кремля — смешанный. Действительно ли он намерен идти в этом направлении или это только слова и они хотят иметь третий государственно контролируемый канал. И вторая точка зрения таит в себе угрозу. Вот почему мы все это время защищали НТВ; не потому, что мы так правы в ответе скептикам на это; но потому, что мы реально считаем, что финансовые проблемы и свободу прессы разделить невозможно.

Вопрос: *Когда-то мы говорили о подготовке и привлечении нового поколения (менеджмента). Удовлетворены ли Вы кадрами, поступающими из российских вузов, чтобы вести эту новую экономику и новую демократию? Может быть, мы на Западе могли бы чем-нибудь Вам в этом процессе помочь?*

Егор Гайдар: Прежде всего наблюдается колоссальное улучшение качества управления российскими компаниями в последнем году по сравнению с предыдущими восемью годами. Конечно, база сравнения была ужасна, очень большая часть падения экономики объясняется в первую очередь тем, что управление производством в России было связано с неспособностью старого менеджмента адаптироваться к новым условиям. А вы не можете импортировать новый менеджмент в Россию только из-за того,

что вы нуждаетесь в нем в данном году, и старый менеджмент не очень-то готов сказать «Хорошо, мы настолько не способны перестроиться, давайте мы уйдем и уступим наши места тем, кто моложе и умеет лучше приспосабливаться к условиям».

Факт состоит в том, что сегодня нормальные управленцы в России начинают понимать, что такое финансовое планирование. Что такое нормальная бухгалтерия, как реализовать маркетинг продукции и так далее, и тому подобное. Возможно, это наиболее важный факт, отражающий изменения в российской (экономической) жизни. Именно это создает базу для практического продолжения российского экономического роста. Я не знаю, идет ли речь о 5% или о 6%, но для меня это действительное основание для оптимизма.

Задачи в этой области грандиозны, и мы уже начали осуществлять программы переобучения персонала. Я могу привести одну из них — это близкая мне область экономического образования. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. нормального экономического образования в Советском Союзе не существовало. То, что преподавалось тогда, не имело ничего общего с экономической теорией последнего столетия. Это была всеобъемлющая критика буржуазных экономических теорий, которая в большинстве случаев не основывалась на реальных опубликованных трудах, была просто бессмысленна.

Были тысячи профессоров, которые преподавали таким образом. Конечно, они пытались читать некоторые элементарные учебники, пересказывали их студентам, как-то смешивая их с тем, что знали из «Капитала». Этот опыт не был очень удачным. (*Смех в зале.*)

За эти годы мы сумели создать несколько хорошо работающих, более или менее хорошо работающих институтов, из числа которых я назову, например, Высшую школу экономики в Москве, которая обеспечивает относительно приличное — не действительно хорошее, но относительно приличное экономическое образование. Есть еще Российская экономическая школа (РЭШ), которая дает довольно хорошее постдипломное образование. Однако она еще очень молода, и количество подготовленных экономистов с нормальной степенью PhD по западным стандартам исчисляется пока в России не сотнями и даже не десятками, а единицами.

Таким образом, это очень непростая задача — разработать и реализовать программу, которая даст результаты в перспективе, че-

рез пять, шесть, семь или даже большее число лет, когда будет создано необходимое количество подготовленных людей, способных говорить на одном языке. Это важно для взаимопонимания, для наших взаимоотношений с международными финансовыми институтами, рынками, банками и т.д. Мы очень заинтересованно работаем в этом направлении. Мы создали свою экономическую кафедру в лучшем, по-видимому, высшем учебном заведении России, который называется Московским физико-техническим институтом, мы открываем перед молодыми людьми замечательный выбор и даем им хорошую математическую подготовку. Мы стараемся дать им хорошее экономическое образование, затем привлекаем их к научным исследованиям.

Вопрос: *Г-н премьер-министр, одна из важных областей, в которых политика президента Путина отличается от политики его предшественника, — это взаимоотношения центра и регионов. Даже совсем недавно были статьи в российской прессе, где говорилось, что некоторые люди в президентской администрации подумывают о внесении поправок в Конституцию, чтобы сократить количество субъектов Федерации. Я хотел бы узнать Вашу точку зрения как политика и экономиста, каким тут должен быть баланс? Этот призыв в правильном или же в опасном направлении?*

Егор Гайдар: Я думаю, что до сих пор процесс шел в правильном направлении, поскольку государство, в котором федеральные отношения не узаконены на федеральной территории, не является нормальным государством. Страна, где вы имеете барьеры в торговле между различными территориями, не есть нормально функционирующая рыночная экономия.

И тот факт, что вы имеете федеральные органы, на 100% подчиненные местным губернаторам, имеете налоговую полицию и так далее, делает все меры по защите прав вашей собственности не существенными, если вы почему-либо не понравились губернатору. Так вот с этой точки зрения тот факт, что произошло существенное смещение власти от губернаторов к федерации, если мы говорим о федеральных ответственностях и федеральном законодательстве, то это весьма положительное, здоровое изменение.

Конечно, оно создает и некоторые опасности. Как в любом деле в России, вы можете переборщить, испортив даже самые позитивные вещи. (*Смех в зале.*) Можете, например, излишне централизо-

вать дело. До сих пор осуществлялся федеральный контроль над федеральными функциями, но ведь очень просто подумать: почему бы нам не восстановить федеральный контроль над региональными функциями; почему бы представителям президента в федеральных округах не вмешаться в то, как ведется северный завоз или подготовка к отопительному сезону и так далее. И это направление мы не должны принимать и с ним мы должны по возможности бороться. Я знаю, что дискуссия по этому вопросу продолжается, но сама эта идея, с моей точки зрения, — просто безумная.

Как я говорил, существует очень немного вещей, которые должно брать на себя государство. Весьма трудно выбирать приоритеты: ВТО, дерегулирование, права собственности, банковские реформы. И если вы вносите какие-то изменения в конституцию, вы можете забыть о ВТО, правах собственности, обо всем. Все будет сосредоточено на конституции. И совершенно неясно, решите ли вы жизненные проблемы российского общества и российской экономики, если у вас будет 30 или 40 субъектов Федерации вместо 89.

Вопрос: *Г-н Гайдар, в Вашем коротком перечне достижений путинского режима за прошлый год Вы привели решение о сокращении гражданского и военного персонала Министерства обороны примерно на 600 тысяч человек. Затем Вы сразу, не переводя дыхания, говорили об угрозе возрастающего влияния силовых структур при путинском режиме. Вы понимаете, что есть явное противоречие между этими двумя тенденциями.*

Если мы посмотрим на новую военную доктрину, новую концепцию национальной безопасности, и Вашу новую концепцию внешней политики, мы видим некоторые обоснования к тенденции, о которой говорил и сам Путин, к восстановлению для России статуса великой державы.

Конечно под Вашим руководством восемь, девять лет назад наиболее важные шаги делались в сторону поворота от сверхмилитаризации Советского государства, которую Вы унаследовали.

Какими Вы ожидаете действительные тенденции путинского правительства в этой очень важной области в следующие несколько лет? И считаете ли Вы приемлемым для США и группы 8 установить некие реальные связи между действиями режима Путина в этой области и деятельностью G-8 и Парижского клуба по реструктуризации и прощению долгов?

Егор Гайдар: Да. Я считаю решение урезать военный персонал на 600 тысяч человек в следующие несколько лет разумным. Даже если вы сосредоточитесь на одной этой программе, стремясь к улучшению российской обороны, и вы заинтересованы в повышении качества российских военнослужащих, то вы примете такое решение. Этим вы не ослабляете армию, вы ее усиливаете. И я думаю, что это осмысленное действие, если вам только не приходится отвечать на разного рода давление, а вы серьезно настроены на проведение по крайней мере ограниченной военной реформы.

То, что происходит с российской военной доктриной, по-моему, идет в разумном направлении. Я даже не знаю деталей и не имею возможности входить в детали. Однако я думаю, что она начинает быть намного более обоснованной с точки зрения инвестиций, наших приоритетов, источников угрозы, вопросов перераспределения ресурсов и т.д. И это одно из позитивных направлений деятельности путинской администрации.

Однако я боюсь, что тот факт, что мы имеем более или менее разумный подход к вопросам национальной безопасности в настоящий момент и имеем хорошее решение сократить количество военнослужащих, не будет противоречить тому факту, что мы наблюдаем серьезный рост роли различных организаций милитаристского толка в нашем обществе.

Вопрос: *Г-н Гайдар, Вы говорили об опасностях на пути к демократии. Какие силы способны в настоящее время помочь двигаться по этому пути?*

Егор Гайдар: На самом деле все зависит от способности гражданского общества самоорганизоваться и защищать себя — других способов нет. Сейчас мы участвуем в очень серьезных баталиях вокруг закона о политических партиях, который в настоящем виде может серьезно ослабить возможности политических партий выполнять их функции и может повысить возможность с помощью бюрократических манипуляций исключать политические силы, которые кому-то не нравятся, из участия в политическом процессе.

Положительно то, что не только мы это понимаем, наши оппоненты во многих областях тоже это понимают. И здесь вы имеее, скорее, горячих сторонников внесения серьезных изменений в этот закон, которые могли бы предотвратить манипулирование политическим процессом. Более того, мы соглашаемся с большин-

ством партий, включая наших постоянных оппонентов в вопросах о введении разных (новых) законов по проведению выборов, которые могли бы предотвращать произвольные действия разных уровней бюрократии в этом процессе, и надеюсь, что мы сумеем эти законы провести. Нет никаких гарантий, что мы сумеем преодолеть опасные тенденции, но мы их видим и мы думаем над тем, как с ними бороться.

Вопрос: *Ведутся дискуссии о судьбе малых партий в России. И в свете того, что Вы сейчас говорили, считаете ли Вы, что это движение, как Вы выражаетесь, в правильном направлении?*

Егор Гайдар: Действительно, я думаю, что тенденция к политической концентрации абсолютно неизбежна. Малые партии и так движутся в этом направлении, без всякого законодательства, и будут идти в этом направлении. Так что Россия не будет страной со 180 действующими политическими партиями в недалекой перспективе. Скорее всего, это будет страна с тремя, четырьмя действующими политическими партиями, и это хорошо.

Какая здесь опасность? Опасность не в том, что вы пытаетесь протолкнуть в России крупные партии. Опасность возникает тогда, когда вы вписываете в закон пункты, которые позволяют вам по самым разным труднообъяснимым мотивам перед самыми выборами исключать политические партии, участвующие в выборах, имеющие существенную поддержку, из участия в политическом процессе на основе разных технических деталей, включенных в закон.

Вопрос: *Вы много говорили о приоритетах. Президент Путин выбрал одним из своих приоритетов путешествия и визиты к другим главам государств. Кто-то скажет, что это время можно было бы потратить, допустим, на выполнение дома многих из тех задач, о которых Вы говорили. Можете ли Вы рассказать что-то о целях этих поездок? Помогает ли сосредоточение на внешней политике или затрудняет решение задач внутренней повестки дня? Я имею в виду, в частности, поездки в Китай, Индию и такие места, как Куба.*

Егор Гайдар: В принципе, я не вижу здесь проблемы. Проблема для президента не в том, что он должен сидеть в своем офисе 365 дней с 9.00 утра до 10.00 вечера, работая над тремя или четырьмя вопросами. Его задача состоит прежде всего в том, чтобы выделить эти вопросы и затем послать ясный месседж своей администрации, своему правительству и своему большинству

в Думе, о том, что они являются приоритетными. Для этого не требуется много времени, но требуется много власти в принятии решений.

Что же касается международной деятельности, да, у нас активный в этом отношении президент. Он хочет понять современный мир. Он хочет налаживать личные отношения и личные контакты. И я лично не вижу в этом ничего заслуживающего осуждения.

Вопрос: *Хочу продолжить обсуждение поставленного Вами вопроса о поддержке правых сил. Девять или десять лет назад Вы говорили о приватизации, как о чем-то, что постепенно создаст в обществе класс, который будет поддерживать движение вашего толка. В какой степени это произошло? Ведь Вы говорите о трудностях за пределами Москвы и Санкт-Петербурга. Скажите об этом немного, в какой степени здесь возникли новые силы и кто они?*

Егор Гайдар: Конечно, в общем это произошло. Нашей базой поддержки теперь в основном являются новые предприятия, на которых работают более или менее успешные люди, малые, частные предприятия. Я говорил вам об их социальной структуре. В большинстве это люди хорошо оплачиваемые и в меньшей мере — неважно оплачиваемые. Больше среди них молодых и меньше старых. Больше хорошо образованных и меньше тех, кто имеет неважное образование, и больше городских жителей, меньше сельских. Таким образом, конечно, создание нового сектора — это очень важный фактор, который помогает нам серьезно подходить к формированию новой политической структуры.

Если раньше очень существенной частью нашего актива была, прежде всего, советская интеллигенция, она и сейчас образует часть нашей поддержки, но конечно мы видим и иную часть, приходящую к нам из нового бизнеса и так далее. Они не очень легко сходятся — старая интеллигенция, которая образовывала, например, Демократическую Россию, и молодые, не всегда совершенные, бизнесмены. Они говорят на разных языках, у них разные приоритеты. В каком-то смысле наша наиболее серьезная задача состоит в том, чтобы свести их воедино. Только так мы сможем создать мощную политическую силу.

Вопрос: *У нас в Вашингтоне новая администрация. Какие три ключевых совета Вы хотели бы дать этой администрации в том, что касается России?*

Егор Гайдар: Итак, мой первый совет: будьте спокойны, остыньте, прежде чем будете формировать ваши приоритеты в России. Таким образом, во-первых, постарайтесь понять, что вам хотелось бы видеть в качестве целей американской политики по России и затем объявляйте все ваши публичные приоритеты. Другой путь не очень эффективен. Так что прежде всего обсудите между собой, какими должны быть приоритеты, и только потом начинайте делать публичные декларации. Итак, это первое.

Попытайтесь создать эти приоритеты по России и попытайтесь продумать стратегически, чего вы действительно хотите от России. Какими вы стратегически хотели бы видеть ваши отношения с Россией. Существуют три стратегические цели, которые можно было бы сформулировать. Одна, очень амбициозная, — нам бы она понравилась, но возможно, она была бы совершенно не реалистичной. Допустим, мы в России хотели бы увидеть совсем другую Америку. Но это невозможно, потому что у нас нет долгой демократически-рыночной истории, так что я отбрасываю этот вариант как нереалистичный. Второй вариант: создать тесные, типа союзных, отношения на долгосрочную перспективу, может быть, по модели отношений между США и Францией, которые не совершенны, которые вызывают множество проблем, распрей и так далее, и так далее, но все-таки это союзные отношения. Это очень амбициозная задача, с моей точки зрения, она могла бы быть очень хорошей задачей, но это выбор американской администрации: мы хотели бы иметь корректные взаимоотношения с Россией, на расстоянии вытянутой руки с пониманием ваших собственных проблем безопасности, с уважением проблем безопасности России, поддержанием диалога и так далее.

Но возможен и третий вариант: мы не думаем о России вообще, у нас свои приоритеты, мы поступаем так, как хотим, мы плюем на российские реформы. Этот третий подход, по-моему, просто глуп. Но по крайней мере все эти решения содержат широкий набор идей и видов политики. Выбор за вами. Таков второй совет.

Третий совет: понять, что чем больше мы втягиваемся в публичную политическую риторику, тем труднее будет в следующие несколько месяцев установить рабочие, прагматические отношения с Россией.

О проблеме предотвращения валютно-финансовых кризисов

*Выступление на Международной научной конференции
в Великом Новгороде*

22 июня 2001 г.

Опубликовано на сайте ИЭП им. Е. Т. Гайдара.

Я сегодня хотел поговорить об общем контексте макроэкономических проблем развития России в ближайшие годы, и в первую очередь о проблеме предотвращения валютно-финансовых кризисов. Это достаточно сложная тема, регламент крайне жесткий, поэтому, к сожалению, я вынужден буду практически полностью опустить доказательства. Я хотел бы предложить вам логическую схему, которая, как мне кажется, имеет право на существование.

Первое. Проблема разумной комбинации денежно-курсовой политики для специфических условий, в которых будет развиваться российская экономика в ближайшие годы. Есть несколько важных параметров, которые влияют на выбор набора инструментов.

1. Российская экономика существенно зависит от конъюнктуры мирового рынка энергоносителей.

2. Мировой рынок энергоносителей после 1973 г. крайне волатилен с колебаниями в постоянных ценах в соотношении 1 к 6.

3. Никто не умеет адекватно прогнозировать мировые цены на нефть. Таким образом, есть принципиально важные для российского платежного баланса, торгового баланса и финансового баланса параметры, которые очень неустойчивы и трудно прогнозируемы. Второе. Примерно два десятилетия мировая экономика функционирует в условиях открытых потоков капитала и связанного с этим глобального мирового рынка капиталов в отсутствие золотого стандарта и при этом гибких курсах трех ведущих миро-

вых валют: евро, доллара и иены, которые также крайне мало прогнозируемы, колеблются относительно друг друга.

Третье. Открытые потоки капитала, широкое распространение конвертируемости по капитальным операциям, что привело к серьезному изменению характера доминирующих черт современных финансовых и валютных кризисов. Если для 1950-х, 1960-х, 1970-х гг. доминирующими были классические кризисы текущего платежного баланса и бюджета, для работы с которыми и был создан Международный валютный фонд и где был достаточно понятный набор стандартных инструментов, позволяющих справляться с этими кризисами, состоящих из девальваций, ужесточения денежной и бюджетной политики, то с середины 1990-х гг. наиболее существенными и опасными становятся кризисы, где решающую роль играют не проблемы текущего платежного баланса, а проблемы капитального баланса. В этой связи возникают резкие изменения потоков капитала, приводящие к серьезным проблемам для страны, столкнувшейся с таким оттоком капитала.

Наиболее неприятная вещь состоит в том, что те стандартные рецепты, которые работают применительно к кризисам, связанным с проблемами текущего платежного баланса, прямо противоположны тем инструментам, которые разумно применять в условиях кризиса, порожденного оттоком капитала, и в этой связи возникающим обычно кризисом банковской системы. Если кризисы, связанные с проблемами текущего платежного баланса, обычно регулируют девальвацией, ужесточением денежно-бюджетной политики, то в условиях банковского кризиса и порожденного им оттока капитала девальвация при существенных пассивах, номинированных в иностранной валюте, а также ужесточение денежной политики ведут к усугублению банковского кризиса.

Эта та проблема, с которой мы столкнулись в полном объеме в рамках кризиса 1997–1998 гг. Не буду останавливаться на истории, но главная проблема была очень простая. Для того чтобы справиться с очевидно нарастающими сложностями текущего платежного баланса, нам надо было довольно рано проводить девальвацию, но было абсолютно очевидно, что девальвация немедленно приведет к оттоку капитала и к неразрешимым проблемам в банковской системе. А если мы не проводим девальвацию, то ужесточение бюджетной и денежной политики ведет к нарастающим

проблемам в банковской системе и, в общем, недостаточно для того чтобы изменить динамику притока/оттока капитала.

Во многом именно в связи с этим сочетанием двух типов кризисов и исходя из уроков кризиса 1997–1998 гг. где-то к концу 1998 — началу 1999 г. возникла такая новая ортодоксия, связанная с тем, что именно в этих условиях, в условиях динамичных рынков капитала, открытых рынков капитала, существуют только две формы устойчивой политики валютного курса. Это политика чистого плавающего валютного курса, когда центральный банк не вмешивается в процесс установления курса, или политика отказа по существу от суверенитета в денежной области и привязки своей собственной национальной валюты к другой устойчивой валюте на основе режима валютного совета либо на основе прямой долларизации, евроизации соответствующей страны. Хотя к концу 1999 — началу 2000 г. эта концепция была абсолютно доминирующей, сохранялся и отряд довольно влиятельных диссидентов.

Конечно, сейчас развитие кризиса в Аргентине существенно подорвало консенсус вокруг этой догмы, что есть только два устойчивых режима: чистый плавающий курс и *currency board*, в силу очевидного кризиса *currency board* в Аргентине, но тем не менее эта концепция остается доминирующей. В этой связи давайте посмотрим, какие из этих двух режимов стратегически могут быть применимы для российских условий, учитывая тот набор обстоятельств, который мы обсудили раньше. Представим себе, что мы решили бы использовать режим чистого плавающего курса без вмешательства центрального банка и попробуем наложить все это на сегодняшние реалии. Проблема вообще с чистым плавающим курсом связана с тем, что чистые плавающие курсы имеют обыкновение проявлять те тенденции, которые называют «овершутинг», перелет в буквальном смысле этого слова, короче говоря, колебания, которые связаны с динамикой курса, всегда избыточны по отношению к любой логике, здравому экономическому смыслу, исходящему из любых представлений об устойчивых соотношениях курсов.

Вот представим себе на секундочку, что завтра у нас центральный банк полностью уходит с валютного рынка. У нас сейчас крупное положительное сальдо платежного баланса, если завтра центральный банк уходит с валютного рынка у нас начинается

быстрое, номинальное укрепление рубля и падение курса доллара. У нас долларизированная экономика и в этой связи денежное поведение и выбор структуры активов и населением, и предприятиями существенно зависит от динамики курсов. Если завтра выясняется, что курс рубля резко укрепляется, а соответственно, доллар быстро обесценивается, это практически неизбежно приводит не к увеличению спроса на доллары, а к увеличению предложения долларов, потому что эффекты перераспределения активов сильнее влияют на торговые и платежные балансы. На самом деле мы это все видели весной 1995 г., когда на фоне стабилизационной программы центральный банк допустил резкое номинальное укрепление рубля, именно тогда мы видели резкий рост предложения долларов, потому что население и предприятия начали быстро менять свою тактику.

Значит, неизбежно вы получаете с течением времени чистый случай «овершутинга». Все понимают, что курс падает, и думают, что он будет падать дальше, дальше он обязательно совершенно неизбежно проходит точку любой разумной устойчивости, какой бы она ни была, после этого все экономические агенты понимают, что, видимо, доллар упал слишком сильно и что теперь он уже будет не падать, а укрепляться. У вас изменяются ожидания, и начинается обратное перераспределение активов, и вместо того, чтобы получить предсказуемый экономический режим, вы получаете мощнейшие импульсы к нестабильности финансовой, без всякого сомнения вредной для экономического роста. Значит, в долларизированной экономике с достаточно низкой долей денег в ВВП «чистый плавающий курс» крайне опасен и вряд ли применим.

Представим себе на секундочку, что мы решили применять режим *currency board*, еще раз напомним, российская экономика, существенно зависит от экспорта сырьевых товаров, колебания цен на которые носят масштабный и мало прогнозируемый характер. Допустим, что мы завтра ввели *currency board*, тем более что наши валютные резервы в соотношении с денежной массой абсолютно спокойно позволяют нам это сделать.

Теперь представим себе, что у нас произошло радикальное падение цены на нефть, положим с нынешней 24–23 до тех же 10, которые мы видели всего три года назад. У вас совершенно есте-

ственно при законодательно фиксируемом курсе радикально меняется ситуация с текущим платежным балансом, с динамикой валютных резервов, совершенно неизбежно начинается сжатие денежной массы. Сжатие реальной денежной массы, как показывают все наши расчеты, естественно приводит к замедлению экономического роста, а скорее всего, и к падению экономики. При этом возникают проблемы с конкурентоспособностью отечественных товаров, и мы вынуждены тогда пытаться восстановить конкурентоспособность за счет дефляции. Дефляция — это всегда огромная нагрузка на все структуры современной экономики. А собственно, зачем и с какой стати вы должны поставить себя в положение, когда заведомо мало прогнозируемая динамика цен на ваши экспортные товары накладывается на то, что вы сами отказались от любых инструментов, позволяющих дешевым способом, без серьезного и долгосрочного экономического кризиса ответить на изменения экономической конъюнктуры.

В этой связи мне кажется, что оба этих режима, какими бы модными они ни были, абсолютно неприменимы для российской экономики в ее нынешнем положении. Единственный режим, который, видимо, сочетается и совместим с нашими условиями, — это «грязный плавающий курс», когда центральный банк и правительство не берут на себя каких бы то ни было обязательств по динамике курса, но вместе с тем реально существенно влияют на то, что происходит на валютном рынке и с курсом рубля, что, собственно говоря, и происходит сегодня. В этой ситуации, однако, реакция на два разных типа вызовов, вызовов, связанных с угрозой избыточного реального укрепления рубля, и вызовов с неблагоприятными ценовыми шоками, с точки зрения денежной, а соответственно, и бюджетной политики должна быть совершенно разной и не симметричной. Есть, кстати, очень хорошая работа Сергея Дробышевского¹, выполненная в рамках проекта «РЕЦЭП», вот буквально днями я ее посмотрел, очень интересная, с модельной точки зрения демонстрирующая необходимость этой несимметрии.

¹ Дробышевский Сергей Михайлович — в описываемый период заведующий лабораторией в Институте экономики переходного периода. Речь идет о работе: *Drobyshevsky S. Domestic Monetary Policy and World Oil Prices // Russian Economic Trends. 2002. № 11 (1). P. 18–25. — Прим. ред.*

Если у вас возникает проблема избыточного, реального укрепления рубля, а это та проблема, которая есть у нас сегодня, что тогда реально делают и должны делать центральный банк и правительство?

1. Предотвращение номинального укрепления рубля, соответственно, скупка избыточного предложения валюты. 2. Стерилизационные мероприятия, в первую очередь связанные с накоплением бюджетом профицита и накоплением бюджетных резервов на погашение долга перед внешними кредиторами через спрос на валюту. Это некие операции центрального банка, направленные на стерилизацию, которые тоже имеют свою финансовую цену и так или иначе, все равно являются операциями, финансируемыми за счет правительства в конечном итоге. И обеспечение более или менее прогнозируемой динамики курса, потому что это важный для долларизированной экономики параметр, формирующий инфляционные ожидания. В этой связи прогнозируемая медленная девальвация — это то, что, в общем, повышает спрос на валюту. Ну, плюс к этому структурные меры, такие как, скажем, ужесточение санкций к неплательщикам, любой набор методов, повышающий спрос на деньги. Вот, видимо, единственное, что можно делать реально правительству и центральному банку в этой ситуации.

Представим себе, что ситуация радикально изменилась, вариант цены на нефть 10 долларов в рамках полноценного режима *currency board*. Естественно, после этого мы начинаем тратить свои резервы для того, чтобы защитить курс, со всеми последствиями, которые я только что описал.

А собственно, зачем нам при радикально изменившихся условиях поддерживать этот стабильный курс? Если они радикально изменились, у нас возникли проблемы с платежным балансом. А почему бы как раз нам не ответить на это уходом центрального банка с валютного рынка, который в этом случае позволит восстановить равновесие на новом уровне, но при использовании инструментов центрального банка, для того чтобы в первую очередь предотвратить «овершутинг»? Для того чтобы девальвация рубля не была избыточной, как она была, скажем, в сентябре 1998 г.

Вот такая несимметрия, когда мы отвечаем на благоприятные условия квазистабильным курсом, накоплением резервов, а на

неблагоприятные условия девальвацией. Это, видимо, наиболее разумный набор мер для курсовой и денежной политики в России. Отсюда следует серьезный набор следствий для бюджетной политики, политики в отношении либерализации капитального режима регулирования банковской системы и т.д., которые я вынужден, к сожалению, опустить.

В этой связи я бы хотел отметить две вещи.

Первое, если это более или менее единственная разумная курсовая и денежная политика для того, чтобы минимизировать последствия волатильности мировых рынков на экономический рост в России, то мы должны ставить перед собой крайние осторожные и не амбициозные цели в отношении темпов инфляции.

Потому что и та и другая политика, и политика в условиях благоприятной экономической конъюнктуры, и политика в условиях не благоприятной экономической конъюнктуры, к сожалению, несовместимы с амбициозными задачами по снижению инфляции до европейских уровней, до уровня развитых стран.

В этой ситуации мы должны понимать, что инфляция между 10% и 20%, видимо, является в большей или меньшей степени заданной для России.

И второе, вот так устроена наша экономика, мы как бы живем в сейсмической зоне, на нас в очень серьезной степени влияют радикальные подвижки в мировых, экономических процессах, на которые мы не можем влиять. Когда строят дома в условиях большой сейсмической зоны, их специально ставят на гибкие конструкции, чтобы они не разваливались при подвижках геологических плит. Поэтому надо понимать, что имея весь набор структурных элементов макроэкономических параметров в российской экономике, мы должны обеспечить в максимальной степени адаптивность и гибкость этого набора.

Проблемы переходного периода

*Выступление на Второй конференции
Агентства международного развития США
«Партнеры в переходный период»*

София, Болгария, 11 сентября 2001 г.

Опубликовано на сайте ИЭП им. Е. Т. Гайдара.

Собравшиеся здесь имеют личный опыт работы в условиях постсоциалистического перехода, поэтому нам проще понимать общие проблемы. Я буду говорить и о проблемах бедности, но, с вашего разрешения, сначала хотел бы сказать несколько слов по общим проблемам перехода, которые здесь уже были затронуты. Наши друзья, которые имели счастье родиться и всю жизнь прожить в стабильных демократиях и в эффективно функционирующих рыночных экономиках, естественно, склонны распространять свой жизненный опыт на анализ тех проблем, которые связаны с крахом социалистических режимов и выборами из альтернатив, которые пришлось делать потом. В этом и причина дискуссии, о которой сегодня упоминалось, проводить ли сначала экономические реформы, потом политические реформы, или сначала политические реформы, потом экономические реформы. Все это на самом деле крайне далеко от реального выбора, с которыми мы все столкнулись в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Люди в Польше создавали «Солидарность», создавали Народные фронты в Прибалтике, разрушали Берлинскую стену, выходили на Вацлавскую площадь в Праге, собирались у Белого дома в 1991 г. в Москве не потому, что они хотели такого или другого направления экономических реформ — градуализма или шоковой терапии, а потому, что режим потерял моральное право управлять страной; потому что люди отказали ему в доверии; потому что они не понимали больше, почему кто-то должен за них определять их

будущее; потому что они хотели жить в условиях свободы и демократии. И это та данность, которая определяла дальше катастрофический крах страшного кровавого тоталитарного режима.

Социалистическая экономика может существовать и как-то реформироваться, пока есть мощный политический тоталитарный режим. Если его нет, рушится его каркас — то, на чем эта экономика держится. Тогда вопрос создания рынка, рыночных механизмов перестает быть вопросом академического обсуждения — так реформировать или не так; он становится вопросом жесткой данности. То есть, если у вас развалилась старая политическая и экономическая система, немедленно нужна любая новая система, а это практически может быть только рыночная система, которая хоть как-то будет функционировать, в результате которой у вас появится хлеб в магазинах, электричество в домах и так далее. Либо возникает межнациональный хаос со страшными, катастрофическими последствиями, что мы и видели, к сожалению, в ряде постсоциалистических стран. Это вот первая данность, которую мы должны понимать, обсуждая вопросы перехода.

Вторая данность. Она связана с тем, что, когда рушится социализм с соответствующими социалистическими институтами, это отнюдь не означает, что у вас при этом есть прекрасные предпосылки для функционирования нормальной рыночной экономики. Да у вас их нет совсем! Мало того, что у вас нет соответствующих институтов, у вас, главное, нет соответствующих традиций.

Часто люди представляют себе так: вот, Советский Союз и социалистические страны; это же было все-таки достаточно высоко развитое общество, с мощными институтами, государственными и так далее. Ну почему же нельзя было эти мощные государственные институты использовать для того, чтобы решать вопросы институционального обеспечения постсоциалистических реформ.

Да, это были мощные институты, но это были совершенно не те институты, которые можно и нужно использовать в условиях рынка. В Советском Союзе было сто отраслевых министерств, которые занимались регулированием производства каждой гайки, шестеренки, трактора, выдавали задания, устанавливали планы снабжения, и так далее. Они не нужны и не могут функционировать нормально в условиях рыночной экономики. Но в Советском Союзе не было нормального центрального банка, не было нормаль-

ной налоговой службы, не было нормальной таможенной службы, не было комиссии по ценным бумагам, не было массы других вещей, которые абсолютно необходимы для нормально функционирующей рыночной экономики. И уж в еще большей степени их не было, скажем, в тех государствах, которые сформировались на базе республик Советского Союза. В этой связи возникала сложнейшая и острая задача институционального строительства по существу на отсутствующей базе.

Третья вещь, которая еще более сложна. Сегодня абсолютно справедливо упоминалось, что нормально функционирующий рынок — это не просто рыночные правила, это не просто рыночные цены и даже не просто рыночные институты. В первую очередь — рыночные традиции, традиции и поведение. Если мы завтра в Соединенных Штатах оставим все институты, все законы, но просто уберем века рыночной традиции, послезавтра Соединенные Штаты будут джунглями. Потому что действительно не полиция обеспечивает порядок, порядок обеспечивают традиция, нормы поведения, которые откуда могли взяться у нас после 75 лет социализма?

Ведь это действительно уникальная задача — создание эффективной демократии и рыночной экономики после краха социализма, которая не имеет стандартных решений. Здесь не было предшествующего опыта; никто, к счастью, еще не выходил из рухнувшего индустриального социализма. У нас были некоторые представления о том, какие могут быть проблемы, мы что-то знали к моменту краха социализма. Но надо понять, что это был набор гипотез. Не было опыта, на который можно было опереться, не было хорошего учителя, который мог прийти и сказать: «Дорогие друзья! Делаем так и так, и все будет замечательно!» То есть учителя такие были, только, к сожалению, советы их не всегда были полезны.

В этой связи процесс постсоциалистического перехода — это процесс инновационный и это процесс обучения при накоплении опыта. Я прекрасно помню, как в 1991 г. осенью общее доминирующее представление в мире было о крахе польских реформ. Я в него не верил, я хорошо знал эту команду, мне нравилось то, что они делают. Это сейчас Польша — общепринятый пример того, как надо проводить реформы, как успешно это делается, как

это быстро приводит к экономическому росту, росту благосостояния в условиях относительного сокращения бедности и так далее. Это абсолютно не было очевидно в 1991 г. В 1991 г. вообще не были очевидны масштабы постсоциалистической депрессии, этого практически неизбежного, как уже показал опыт, резкого падения старого социалистического производства, которое только постепенно компенсируется ростом нового производства на новых частных предприятиях. Потом этот польский опыт стал рассматриваться как более-менее эталонный — когда с 1993 г. там начался экономический рост, все более очевидный и ускоряющийся — стало более-менее принято считать, причем искренне, и нами в том числе, что реформы были успешными. Да, Польша показала, что нужно три года постсоциалистической рецессии, а потом все пойдет нормально. А почему три года? А кто сказал, что строить рыночную экономику в Таджикистане так же просто, как, скажем, в Польше? Что в России это сделать так же легко, как в Венгрии? Что гораздо более длинный опыт социализма не имеет значения? Что гораздо более высокий уровень оборонной нагрузки на экономику, гораздо большая доля оборонного сектора не имеет значения? В этой связи надо представлять, что мы теперь, гораздо лучше понимая логику перехода, тем не менее только постепенно осознаем реальный набор возможных альтернатив и последствий той или другой политики.

Конечно, сейчас стало понятно, что история имеет огромное значение. Все-таки, те страны, которые сегодня воспринимаются как лидеры перехода, — это страны, которым социализм был навязан, навязан штыками, где он имел сравнительно короткую историю; где еще были живы люди, которые к моменту краха помнили, что такое рыночная, а не социалистическая экономика; где их дети были основой политической элиты; где крах социализма воспринимался как возврат к нормальной жизни, которая просто была прервана. И, конечно, гораздо сложнее оказалось решать эти вопросы в странах, где этого исторического опыта не было, где поколения людей жили, не видя нормального магазина никогда, где память об этих рыночных институтах оказалась подорванной. Это первое.

Второе. Оказалось, что, конечно, политика имеет значение. В ряде стран в силу комплекса понятных причин удалось создать

достаточно широкий консенсус в элитах по поводу направления реформ — направления реинтеграции в Европу. Для Польши, Венгрии, Эстонии не было вопросом, что является стратегией страны. Было ясно, что это возврат в Европу, из которой они были вырваны искусственно, участие в Европейском союзе, которое на самом деле задает рамки того, что ты должен делать в области финансовой и банковской политики, защиты прав собственности. Можно сколько угодно спорить на выборах, а как только ты сел в министерское кресло, у тебя свобода маневра становится крайне узенькой.

Другое дело — Советский Союз и страны, сформировавшиеся на его базе — Россия, Украина и так далее, где не было этого консенсуса, где была острейшая борьба вокруг выбора пути, где в этой связи политика была гораздо менее последовательной, с серьезнейшими перепадами, отступлениями, период финансовой, денежной нестабильности — длинным, доверие к национальным деньгам — низким, налоговая дисциплина — низкой, и так далее. Здесь переход, конечно, оказался гораздо более сложным.

В результате к 1998 г. в мире и в постсоциалистических странах доминировала картина двух расходящихся путей развития. Вот есть успешные страны-реформаторы, вот оказалось, что они приспособлены к рыночной экономике, или сумели приспособиться, вот они успешно развиваются, у них быстро растет душевое ВВП, у них быстро растут иностранные инвестиции, сокращается бедность. И вот есть другие страны, которым, к сожалению, этого не удалось: вот видите, там вот резкое падение производства, рост бедности...

Это все правда. Но сейчас, когда мы смотрим на все это из 2001 года, такая картина мира перестает быть столь очевидной. После трех, скажем, лет устойчивого роста в России и начавшегося роста в большинстве других государств, сформировавшихся на базе Советского Союза, улучшения социальных показателей, картина в общем такая: да, в странах первой волны реформ, конечно, все это было легче, все это было быстрее и менее болезненно. Конечно, в наших странах все это оказалось гораздо труднее, гораздо более болезненно, с гораздо большими социальными издержками, но это не означает, что мы не можем выйти на путь нормального устойчивого социального развития. Тем не менее конечно, ситуация в большинстве стран, представители которых здесь присут-

ствуют, гораздо более сложная и требует в этой связи новаторских решений. Ну, во-первых, потому, что, действительно, падение ВВП было гораздо сильнее, а во-вторых, потому что из-за этого падения доля государства и способность государства перераспределять ВВП оказалась подорванной гораздо сильнее, чем в Центральной и Восточной Европе. В-третьих, потому что в этой связи длинный период финансовой нестабильности и слабости государства неизбежно привел к дополнительному росту социального расслоения и формированию мощных пластов застойной бедности; и четвертое, потому что в этих условиях финансово слабое государство оказывалось крайне неэффективным, а часто и весьма коррумпированным, не будучи эффективным инструментом выработки и реализации политики и выполнения государственных функций. Это объективные проблемы.

А решения — решения мы должны искать сами... Еще раз подчеркну: к сожалению, и сейчас нет учителя, который придет к нам и скажет: «Дорогие друзья, вот теперь я знаю, как вам все эти проблемы решить: только делайте так, так и так и все будет замечательно!» Нам, к сожалению, приходится решать это самим. И в этой связи просто несколько соображений, связанных с нашим опытом, с тем, что мы делаем сейчас. В России в том числе.

Первое. Опыт показывает, что плохие экономические политики всегда приводят к стандартным плохим результатам. То есть всегда есть набор стандартных плохих идей, ну, например: «Давайте напечатаем много денег, для того чтобы подтолкнуть спрос, профинансировать социальные расходы, от этого получится экономический рост, потом мы перераспределим результаты», и так далее. Все это пробовали в наших странах десятки раз — и результаты всегда были стандартными и прогнозируемыми. Всегда из-за этого получалась новая волна инфляции, еще большее падение доверия к национальным деньгам.

Но это просто. Что сложнее? Сложнее то, что, к сожалению, такие стандартные и принятые в развитых, устойчивых рыночных демократиях решения отнюдь не всегда дают хорошие результаты. Очень просто придумать плохие политики для постсоциалистического перехода, гораздо сложнее придумать адекватные, потому что они должны учитывать наши реалии. Не чьи-то реалии, не французские, не английские, не итальянские, не американские —

наши реалии, реалии наших государств. Вот типичный пример, скажем — ситуация с налоговой системой. Налоговая система, которая была создана в России, да и во многих других государствах, сформировавшихся на базе Советского Союза, по своей законодательной базе была вполне нормальной и обычной для, скажем, европейских государств. Структура налоговой системы, которая сформировалась в России в 1992–1994 гг., очень похожа на, скажем, французскую или итальянскую налоговую систему: доля НДС, социальных платежей, подоходного налога, косвенных, прямых налогов и так далее. Но в Европе она возникла на базе длинной-длинной истории демократии налогоплательщиков, при эффективно функционирующем государственном и налоговом аппарате, при высоком уровне налоговой сознательности населения, при том что есть культура платить налоги. У нас же было по существу то же самое, за исключением такой экзотики, как российская бюрократия, российская налоговая администрация, российское отношение к налоговой системе. В результате мы получили систему с кучей дырок, очень неэффективную, где предельные налоговые ставки очень высоки, уклонение от налогов носит массовый характер, честное предприятие, которое хочет платить налоги в полном соответствии с законом, оказывается неконкурентоспособным по сравнению со своими менее честными конкурентами и вынуждено уходить с рынка. Пытаясь по существу построить нормальную цивилизованную европейскую налоговую систему, мы получили крайне плохо работающий аппарат, объективно тормозящий нам экономический рост и не позволяющий мобилизовывать ресурсы, в том числе для решения социальных проблем. И тогда мы решили, что нам надо искать свой собственный выход, и предложили концепцию радикально иной налоговой системы, которая сейчас принята в России, принята нашей Думой, частью уже вступила в силу с 2001 г., частью вступает в силу с 2002 г. Идея была предельно простая: раз у нас такой уровень налоговой дисциплины и такой уровень государственного аппарата, мы к нему должны приспособить налоговую систему и значит сделать ее предельно простой. Предельно! Мы не можем позволять себе сделать ее столь же сложной, как в более стабильных развитых демократиях. Мы должны сделать ее гораздо лучше — гораздо более равномерной, с гораздо более низкими налоговыми ставками, на гораздо более широ-

кой налоговой базе. И отсюда идея плоского подоходного налога — тринадцатипроцентного, который мы ввели с 2001 г., отсюда идея плоского двадцатичетырехпроцентного налога на прибыль, с нулевыми вычетами и налоговыми льготами при нормальном либеральном режиме списания затрат, отсюда идея единого, но регрессивного социального налога, которая используется для формирования, в первую очередь, пенсионных систем — то есть идея предельного упрощения налоговой системы, с тем чтобы сделать ее нейтральной, с тем чтобы в максимальной степени исключить манипуляции и при этом сделать налоговое бремя приемлемым с общественной точки зрения.

Сейчас пока еще рано говорить о результатах, новая налоговая система частично сформирована, начала работать. Когда мы переходили, скажем, к плоскому подоходному налогу, мы надеялись, что это будет нейтрально с точки зрения доходов бюджета, что они не снизятся. Рано говорить о результатах, но по итогам первого полугодия, видимо, мы получим рост реальных поступлений по подоходному налогу от 40 до 50%. Это значит, что система адаптивна нашим реальным условиям, нашим реальным возможностям.

Второе направление, важное для делового климата, для решения социальных проблем: административное регулирование. Та система административного регулирования бизнеса: регистрации, проверок, контроля, лицензирования, которая создана была в России, ничем принципиально не отличается от принятых в развитых устойчивых рыночных демократиях. Если вы посмотрите права какого-нибудь там санэпиднадзора, пожарной инспекции, налоговой полиции во Франции и в России, то они схожи. Но только почему-то во Франции при всех проблемах, которые там есть, это более или менее нормальные механизмы государственного контроля, а в России — это способы выбивания денег из предприятий, это рост коррупции, это произвол, это административные барьеры вхождения на рынок, и так далее. Просто потому, что надо понимать, что у нас тот административный аппарат, который есть, и он с завтрашнего дня, как бы нам ни хотелось, другим не будет. И отсюда та идея, которая частично воплощена в том пакете регулирования, который мы приняли сейчас и дальше собираемся воплощать: идея максимального ограничения административных

функций тем, что действительно необходимо. Мы приняли закон, по которому примерно в десять раз сократили число видов деятельности, являющихся предметом лицензирования, достаточно жестко регламентировали права проверяющих органов, последовательность проверок. Сейчас работаем над новым законом сертификации, суть которого тоже в том, чтобы привести в соответствие все эти системы не с тем, что принято в Европе, а с тем, что может нормально работать в российских условиях, что, как можно предположить, не будет сплошным препятствием на пути развития бизнеса.

Из этой же области, но уже не вопросы о налоговых ставках, а о налоговом регулировании, о налоговых правах. Мы, по-моему, первая страна в мире, которая включила в налоговый кодекс, в его первую часть, презумпцию невиновности налогоплательщика. Правило, по которому налоговые органы обязаны доказывать, что налогоплательщик не прав, а не налогоплательщик обязан доказывать, что он прав. И когда мы это делали, был, конечно, огромный риск, потому что это необычно. И многие наши западные коллеги, в том числе и некоторые мои друзья и коллеги по Международному валютному фонду, советовали нам этого ни в коем случае не делать. Мы это сделали, это работает. Включение такого инструмента дисциплинирует саму систему налоговых органов, не позволяет прибегать к откровенному произволу.

Трудовое законодательство. Мы здесь, надо сказать, ошибок наделать не успели, потому что мы имели систему трудового законодательства, унаследованную от Советского Союза, и практически, ну в основном, в том же виде ее сохранили до сегодняшнего дня. Эта система, конечно, была выстроена в условиях социализма, она никак не соотносится ни с какими рыночными реалиями, и в этой связи именно ее сохранение позволило нам иметь крайне либеральный в реальной жизни рынок труда. Но если система трудовых отношений нормативно очевидно не соответствует реалиям, значит жизнь идет вне этой системы. В результате у нас получился абсолютно незащищенный наемный работник, хотя по всем нормативным актам он перезащищен, уволить его невозможно и так далее, а по жизни никак не защищен; не оформлены отношения. При постепенной стабилизации ситуации обстоятельства заставляют нас и здесь все-таки искать некие решения, которые

позволят ввести сферу трудовых отношений в нормальные правовые рамки. Идет острейшая борьба вокруг нового трудового кодекса, и которая, видимо, будет стержнем осенней сессии 2001 г. Я надеюсь, что по кодексу все-таки удалось достичь некоего компромисса, который позволит нам иметь более либеральное, чем среднеевропейское, трудовое законодательство, которое при этом соответствует нашим реальным возможностям и потребностям.

Сложнейшая проблема для России, для многих других стран — это проблема занятости, проблема высвобождения занятых в процессе реструктурирования отраслей и предприятий, особенно в связи с тем, что мы имеем дело, в частности, с так называемыми моногородами: городами, которые возникли и сформированы вокруг одной шахты, вокруг одного оборонного предприятия, и так далее. И когда и если выясняется, что это предприятие в этом виде, в общем, не нужно, то это не экономическая проблема, а серьезная социальная проблема. К сожалению, здесь нет стандартных решений, здесь нет набора таких вот очевидных инструментов; тем не менее я хочу обратить внимание на два позитивных примера того, что нам удавалось сделать и что, видимо, надо будет использовать дальше, потому что мы, к сожалению, находимся только в начале серьезнейших проблем с реструктурированием российских предприятий.

Первый такой пример — это история реструктурирования угольной отрасли в России. Тема была политически очень острой все эти годы, вокруг нее было много политических страстей, критиковали Мировой банк за его участие в программе реструктурирования угольной отрасли. На мой взгляд, сегодня, когда там пыль рассеялась, можно сказать, что это одна из наиболее успешных программ, которая была реализована. Скажем, в 1994 г. у нас в угольной отрасли России работало примерно 900 тыс. человек, доходы от реализации угля покрывали примерно 25% затрат угольных предприятий, 75% покрывалось из бюджета, расходы бюджета на угольную отрасль составляли примерно 1,2% ВВП, это огромная и совершенно немыслимая сумма. И ситуация усугублялась. Сегодня в угольной отрасли занято 340 тыс. человек, то есть сокращение составило 2,5 раза. Отрасль прибыльна — и высоко прибыльна, бурно развивается, быстро растет с масштабными частными капиталовложениями. Социальные проблемы в основ-

ном решены; люди получили новую занятость. Ситуация в угольных регионах — за редким исключением, как, скажем, в Ростовском бассейне, — практически стабилизировалась. Суть состояла в том, что мы перенесли акцент с того, чтобы просто вкладывать деньги в сохранение статус-кво, а стали вкладывать деньги в изменение статус-кво. В том, чтобы не поддерживать занятость просто в сложившемся виде, а создать эффективно работающую отрасль и одновременно создать рабочие места. И получилось, получилось очень прилично. Сейчас, конечно, нам надо будет использовать этот опыт применительно к нашим военным предприятиям, у нас возникает серьезнейшая проблема реструктурирования, скажем, РАО ЕЭС России и железных дорог, — у нас на железных дорогах огромная избыточная занятость. Все это придется делать и дальше. Второй удачный, на мой взгляд, пример связан с тяжелейшей проблемой занятости и бедности, в том числе и в моногородах, — доступ к кредитам для начала нового бизнеса. Я считаю, что самая успешная программа Европейского банка реконструкции и развития в России за последние годы, программа, которую, я надеюсь, он будет расширять, — это кредитная линия на 150 млн долларов для предоставления микрокредитов. Микрокредитов малым предприятиям для развития их деятельности. Вот при всех проблемах российской банковской системы, при банковском крахе 1998 г., возврат этих кредитов, показатель возврата, — выше 99%. То есть на самом деле оказывается, что если не даешь по десять миллионов проблемным банкам, а даешь по 10 тысяч долларов малым предпринимателям, то, как правило, они хотят тебе вернуть деньги, потому что они хотят сохранить этим свою кредитную стоимость, — и в подавляющем большинстве случаев возвращают их. Это — один из основных и важнейших инструментов борьбы с бедностью, потому что это создание рабочих мест и создание возможных источников роста.

Сложнейшая проблема для нас в Москве, унаследованная от Советского Союза, тоже связанная теснейшим образом с бедностью, — это проблема нашей пенсионной системы. Пенсионная система предполагала очень низкие возрасты выхода пенсионеров на пенсию: 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин; наличие широкого перечня категориальных льгот (северные, связанные с вредными условиями труда и так далее), низкие пенсии;

причем для ранних пенсионных возрастов низкие пенсии становятся просто надбавкой к заработной плате. В этой связи распространение бедности среди ранних пенсионных возрастов относительно невысоко, потому что там это просто дополнительная прибавка к зарплате. А как раз там, где происходит реальная утрата трудоспособности (начиная от 65 лет и далее), там, где человек не может подрабатывать, где он вынужден жить на пенсию, — низкий уровень пенсии — серьезнейший источник бедности среди наиболее старшей группы населения. Причем надо понять, что, конечно, прямое повышение пенсионного возраста политически абсолютно нереально. Это та тема, которую нельзя трогать... трогать, обсуждать... нереально — по крайней мере в ближайшие годы. Реальна она будет только там, где произошел полный крах системы пенсионирования, где пенсии перестали выплачивать вовсе или их стали выплачивать в размере двух долларов в месяц. Тогда там выяснилось, что можно проводить очень радикальные реформы, связанные с пересмотром самой конструкции пенсионной системы и резким изменением пенсионного возраста. В России это за гранью реального политического обсуждения. При этом понятно, что резко снизилось различие, связанное с трудовым вкладом, со средней заработной платой, предшествующей выходу на пенсию, и нет никаких стимулов к тому, чтобы платить соответствующие социальные налоги и социальные платежи. Отсюда: а) проблема занижения доходов пенсионного фонда в связи с уклонением от уплаты налогов; б) широчайшее недовольство общества тем, как устроена пенсионная система.

Что здесь мы предполагаем сделать? Мы предполагаем с 2002 г. перейти к трехуровневой пенсионной системе. Первый элемент — это плоская социальная пенсия — 450 рублей, которая выплачивается за счет средств государственного бюджета всем, достигшим соответствующего возраста. Второй компонент — это условно накопительные счета, то есть это та часть пенсии, которая напрямую связана со взносами, которые ты произвел в процессе своей трудовой деятельности. Эта часть не накапливается, она по-прежнему является производной от налоговых платежей сегодняшних плательщиков. Но схема расчета пенсий идет в увязке с тем, сколько ты платил в Пенсионный фонд.

И, наконец, третий компонент, который фактически предполагается наращивать постепенно, — собственно, накопительный, который постепенно увеличиваем до 6% от пенсионных платежей, который уже идет на функционирование собственно накопительных счетов.

Конечно, как вы все понимаете, от формирования конструкций до реальной жизни — большая дистанция; посмотрим, как это будет работать. Но по крайней мере это позволяет надеяться на то, что будут сняты две проблемы: во-первых, уходит острота проблемы пенсионного возраста; размер пенсии оказывается теснейшим образом связанным с тем, за какое время ты ее накопил; то есть вся конструкция так построена, чтобы стимулировать не слишком ранний уход на пенсию. И второе: возникает реальная заинтересованность у работников в том, чтобы их работодатель показывал их реальную зарплату, выводил ее из тени. Вместе с введением регрессии в сфере социального налога и вместе с плоским подоходным налогом мы надеемся, что это будет существенным фактором дальнейшей легализации российской экономики.

Тяжелейшая проблема — проблема адресности социальной помощи. К сожалению, очень многие социальные программы, существующие сегодня, унаследованы частично от Советского Союза, частично сформированы на ранних стадиях перехода — и поразительно неэффективны с социальной точки зрения.

Традиционно статья расходов консолидированного бюджета на ЖКХ больше, чем оборонные расходы. При этом, естественно, вы понимаете, что обеспеченность жильем достаточно хорошо коррелирует с социальным статусом и имущественным положением. Соответственно, чем больше у тебя квартира, тем больше шансов, что ты богатый и обеспеченный, а не бедный и нищий, и тем больше тебе достается дотаций на жилищно-коммунальное хозяйство. Более того, традиционно самый бедный и малообеспеченный слой населения — это живущие в деревнях и малых городах, живущие в так называемом личном жилье. Это самые бедные и самые социально неустойчивые люди, и они не получают никаких дотаций. Они полностью покрывают расходы на свое собственное жилье из собственного бюджета. Говорят: «Как же так, а выдержит ли население жилищные реформы?» Самая бедная часть населения — она

как-то выдерживает сейчас, и мы по существу за ее счет продолжаем субсидировать богатых.

Уже растет понимание политических лидеров, что двигаться по направлению к переходу к адресным субсидиям абсолютно необходимо. Постепенно идет процесс подвижек в эту сторону, постепенно растет доля средств населения в оплате жилья и постепенно растет число семей, получающих жилищные субсидии.

Есть подвижки, есть понимание правительства, но это нельзя сделать из Москвы. Это вопрос всегда местных властей, региональных властей, и это проблема, с которой мы будем сталкиваться довольно долго. Вообще, проблема адресности социальной помощи — ключевая. Мы имеем, по некоторым расчетам, двести тридцать шесть разных категориальных систем социальной поддержки; причем из тех средств, которые мы тратим, опять-таки по нашим довольно условным расчетам, на помощь бедным идет 20% этих денег, 80% идет небедным семьям. Есть общее понимание того, что надо уходить от системы категориальных льгот, предоставляемых всем до единого работникам прокуратуры, работникам таможенных органов, работникам налоговых органов, инвалидам, ветеранам, награжденным медалями, и так далее, — к системе, которая была бы гораздо проще и концентрировалась бы действительно на бедных группах населения, которые так или иначе, нужно определять. Но процесс идет очень тяжело. На практике, как только доходит до дела, до необходимости реально сократить эту систему категориальных льгот, как правило, достаточно влиятельным и богатым, выясняется, что на это очень трудно мобилизовать политическую волю. Думаю, что в 2002 г. этот вопрос будет одним из важнейших на политической повестке дня в России.

Я, разумеется, даже не пытался обрисовать общую картину всех проблем, связанных с обеспечением устойчивого роста и созданием предпосылок к сокращению бедности в постсоциалистических странах. Мое время практически истекло. Я хочу сделать только одно маленькое замечание важного, на мой взгляд, политико-экономического характера. В устойчивых рыночных экономиках структура распределения доходов достаточно устойчива и доля бедных довольно стабильна: то она немного растет в условиях инфляции, то сокращается, она зависит от тех или иных программ, но не происходит радикальных подвижек. В этой связи всегда есть

политические силы, которые в большей степени ориентируются на интересы более обеспеченной части населения, и есть политические силы, которые апеллируют к интересам менее обеспеченной части населения и защищают их интересы. Я не буду приводить здесь примеры из политической жизни развитых стабильных стран.

В России, а на мой взгляд, и во многих других постсоциалистических странах, где происходили радикальные изменения социальных статусов, в том числе и в уровне бедности, — ситуация другая и немножко парадоксальная. Вот представьте себе, что у вас есть политическая сила, за которую голосуют бедные. Ну, скажем, у нас есть демократы, ну, собственно говоря, либералы, за которых, как правило, голосуют — кто? — молодые, образованные и более или менее обеспеченные. Ну а есть и другие политические силы, очень понятные, за которых, как правило, голосуют пожилые, живущие в малых городах и деревнях и не очень обеспеченные, не очень удачливые. А теперь представьте себе, какие чисто прагматические интересы выражают политические силы, за которые голосуют бедные. Вот, скажем, что будет, если доля бедных в России сократится в три раза? С их голосами, с их представительством в Думе, с их политическим весом?

В 1998 г. я обсуждал со своим другом, прекрасным экономистом, заместителем тогда руководителя Международного валютного фонда, Стэнли Фишером, ситуацию, связанную с развитием финансового кризиса в России. Я пытался убедить его в том, что надежды провести через Думу пакет антикризисных мер абсолютно тщетны, что этого просто не будет сделано. И он у меня спрашивал: почему? Ведь есть масса стран, в которых в условиях очевидного острого кризиса происходила политическая консолидация и люди для того, чтобы избежать финансовой катастрофы, были готовы пойти и в политике на гораздо более радикальные меры. Я ему тогда объяснял, что даже среди коммунистов, конечно, есть люди, приверженные интересам развития страны, но чисто прагматически для них рост бедности — это рост голосов. А ликвидация бедности — это всегда для них серьезнейшая проблема. И, к сожалению, это многократно подтверждалось на практике, в том числе и в 1998 г. Именно поэтому мы, как либералы и реформаторы, вынуждены по прагматическим соображениям сами в первую

очередь думать о том, что надо делать для сокращения бедности. Не потому, что мы надеемся, что бедные завтра начнут за нас голосовать. К сожалению, этого не произойдет. Но чем больше будет в России небедных, чем шире будет средний класс в России, тем большей будет объективная база поддержки устойчивого развития России по пути рыночной экономики и стабильной демократии. В этой связи проблема бедности — это наша важнейшая проблема.

О постсоциалистической рецессии и ее влиянии на процессы формирования и реализации экономической политики

*Лекция для студентов и преподавателей
в Высшей школе экономики*

15 декабря 2001 г.

*Опубликовано на сайте Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики».*

Часто, когда мы обсуждаем экономические последствия политических решений и, наоборот, влияние экономической ситуации на принимаемые политиками решения, обилие книг, моделей, сложных формул затмевает тот факт, что на самом деле мы очень многого не знаем о реальном функционировании экономики.

При всем обилии интересных исследований мы не научились давать ответы на казалось бы простые вопросы, например:

- каким будет соотношение евро и доллара через год, два или три;
- какой набор факторов позволил бы нам достаточно точно прогнозировать это соотношение;
- какой будет цена на нефть через год, два или три (то же самое можно отнести и к набору факторов прогнозных моделей конъюнктуры нефтяных цен).

Происходит такое не потому, что экономисты чего-то не хотят знать, и не потому, что все, занимающиеся экономикой, некомпетентны, а по той простой причине, что мы живем в бурно меняющемся мире. Эти изменения начались в конце XVIII в. и продолжают до сих пор.

Можно назвать три очевидные характерные черты современной глобальной экономики: 1) открытый рынок капитала; 2) нали-

чие гибких валютных курсов и 3) доминирование в мире трехвалютной системы. Эти общие черты мировой экономики сложились в течение последнего десятилетия. Две первые из названных характеристик — без доминирования трехвалютной системы — являлись собой основные черты экономики, сложившейся после 1980 г. Если же говорить о периоде перед Первой мировой войной, в то время еще не существовало двух последних из названных трех черт.

Итак, мир постоянно меняется. Порою нам кажется, что мы уже поняли, как возникают новые реалии, а с ними новые проблемы. Однако понимать такой мир мы пока только учимся. Применительно к постсоветскому экономическому развитию это тем более сложно и важно, что в историческом масштабе продолжительность существования социализма была невелика. Исследователи, например, не располагают длительным опытом изучения кризисов, крахов социалистической системы, на основе анализа которого можно было бы прогнозировать, какие экономические реалии возникают после такого краха, какие возникают экономико-политические проблемы, — т.е. с достаточной определенностью сказать, как экономики реагируют на подобные ситуации.

К тому времени, когда социалистическая империя в Восточной Европе начала разваливаться и к власти пришли первые реформаторские правительства, ориентированные на радикальные экономические изменения, у экономистов не было достаточно четкого представления о том, что предстоит неизбежно столкнуться с глубокой постсоциалистической рецессией, что начало реформ будет сопровождаться резким падением производства. Этого фактически не предполагали ни первые лидеры реформаторских правительств, ни основные эксперты международных институтов — Мирового банка, Международного валютного фонда. Никто, разумеется, не ожидал, что с началом реформ немедленно будут обеспечены более высокие темпы экономического роста, но понимания того, что постсоциалистическим странам, скорее всего, предстоит несколько лет падения производства, — не было.

Социалистическая система по состоянию на конец 1980-х гг. была неэффективна: производилась масса некачественной продукции, бездарно использовались ресурсы. Рыночная экономика заведомо более эффективна. Если мы ликвидируем социалисти-

ческую экономику и создадим экономику рыночную, ресурсы начнут перераспределяться от неэффективных предприятий и производств, не удовлетворяющих потребности рынка, в сторону более эффективных. Результатом этого будет общее повышение эффективности и, соответственно, экономический рост. Вот в общем виде то, что знали в конце 1989 г. мои друзья, которые вскоре вошли в состав реформаторского правительства. Было понятно, что потребуется время, чтобы провести приватизацию, чтобы возникли соответствующие рыночные институты. Но все же никто из нас не предполагал, что экономика сразу столкнется с таким глубоким падением производства.

Начало реформ (либерализация цен, введение конвертируемости валюты, открытости рынка) в 1990–1991 гг. привело в Польше, а потом в Чехии, Венгрии и практически во всех странах Восточной Европы, где реформы начались чуть позже, к крутому падению производства. Это стало важнейшей темой для обсуждения и анализа в первой половине 1990-х гг. И первая (самая успокаивающая) гипотеза, которая тогда возникла, была связана с тем, что это чисто статистический феномен. Для такого предположения имелись достаточно веские основания. Все знали, что при социализме есть приписки. В условиях рынка смысла приписывать нет, потому что ничего, кроме дополнительного визита налогового инспектора не получишь, наоборот — есть стимул занижать показатели объема производства. Социалистическая статистика была своеобразной. Например, когда мы анализируем потребление мяса на душу населения в бывшем СССР, надо понимать, что такое учет потребления мяса в условиях социализма. В частности, колбаса пересчитывалась на мясо в пропорции 1:1,1 — то есть как если бы 1 кг советской колбасы был равен 1,1 кг мяса. А на самом деле уже в начале 1980-х гг. группе ученых в условиях секретности присудили Государственную премию за изобретение колбасы, в которой мяса почти не было — оно практически полностью заменялось соей.

Однако довольно быстро стало ясно, что за падением производства — в первые годы реформ стоит не только статистическая погрешность. Дело в том, что само понятие ВВП возникло из опыта изучения рыночных экономик, в его основе лежит гипотеза, что если что-то производится, то оно потом покупается. Суть этого по-

нения абстрактна и не требует конкретизации: что именно продается и что покупается.

Теперь представим себе, что у нас нерыночная экономика, где структура производства не проходит проверку платежеспособным спросом. В этой экономике значительная часть активности связана с тем, что группа лиц и предприятий, условно говоря, роет канаву, а другая засыпает эту канаву и этот процесс будет создавать соответствующий объем ВВП. А если вы вдруг решите прекратить рытье канавы и ее закапывание, у вас произойдет падение ВВП. Соответственно, вам никто не гарантирует, что при этом ресурсы, которые были раньше задействованы в рытье и закапывании канавы, автоматически перераспределятся в некоторые другие виды деятельности, «работающие» на создание ВВП.

Сама структура социалистической экономики предполагала наличие масштабных видов деятельности, продукты которых никогда не могли быть проданы на рынке. В Советском Союзе огромные средства, многократно превосходящие вложения в легкую промышленность, традиционно тратились на мелиоративные работы. На эти деньги рылись огромные каналы, при этом использовалось колоссальное количество техники, бетона и электроэнергии. Для того чтобы производить строительные материалы и технику, тоже затрачивались значительные ресурсы. Однако результаты всех этих масштабных мероприятий никогда не показывались. Не говорю уже о производстве военной техники в немыслимых масштабах, которое поглощало все лучшие материальные и трудовые ресурсы экономики, — это общеизвестно.

При открытии рынка выяснилось, что создание структур, способных эффективно использовать ресурсы экономики, требует времени. И дело не только и не столько в том, что время требуется для изменения структуры производства или покупки новых станков. Невозможно в одночасье заменить всю структуру управления, нет в стране другой структуры менеджеров, и импортировать их сегодня или завтра тоже неоткуда. В первые годы реформ в любой стране, будь то Польша или Россия, директор предприятия вообще не представлял себе, как можно управлять предприятием, когда нет Госснаба, Госплана, когда никто не сказал, что надо производить и откуда возьмутся необходимые комплектующие. Он не понимал, как надо продавать продукцию на рынке, как

не понимал того, что такое рынок вообще. Для него «маркетинг», «аудит», «финансовая политика» и т.п. были совершенно непонятными терминами.

Нужно время для того, чтобы выросли люди, которые понимают все это. Кроме того, необходимо, чтобы их пустили к тем рычагам, где их знания имеют значение. Это время измеряется не днями и даже не месяцами.

К 1992–1993 гг., на фоне начавшегося оживления в Польше, а потом и в других восточноевропейских странах, сложилось первое представление о том, что такое постсоциалистическая рецессия: это период, возникающий после либерализации цен, после начала рыночных реформ. Период, в рамках которого формируются необходимые рыночные механизмы, и постепенно объем ресурсов, вовлекаемый в эффективные хозяйственные звенья, ориентированные на рынок, позволяет полностью и даже с избытком компенсировать объем ресурсов, высвобождаемый из традиционного сектора.

У нас, в России, уже к 1991 г. сложилось понимание того, что непосредственного роста производства в странах, которые либерализуют цены, не будет, что мы столкнемся с постсоциалистической рецессией. Нам была понятна ее природа. Нам казалось — и не только нам, но и МВФ, и Мировому банку, и всем тем, кто изучает эту сферу, — что мы представляем себе примерную протяженность этого периода, и то, как он у нас будет проходить. Мы считали, что сталкиваясь с падением производства будем в течение первых трех лет, потом в стране возникнет критическая масса эффективно функционирующих предприятий — и экономический рост постепенно возобновится.

Это ожидание сохранялось в период с 1992 по 1995–1996 гг. Позднее выяснилось, что не только в России, но и на большей части постсоветского пространства за исключением стран Балтии, происходит свертывание производства, а выход из рецессии не начинается. Эта та ситуация, с которой мы пришли к 1998 г., и не только мы, а все государства на постсоветском пространстве. В это время доминирующей темой во всей экономической литературе, символом веры был тезис о двух расходящихся путях развития. Есть Восточная Европа, которая в силу ряда обстоятельств решила проблемы перехода, создала правильный набор институтов, за-

пустила инструменты экономического роста. И есть постсоветское пространство, где в силу другого набора обстоятельств решить эти задачи не удалось. Считалось, что пути разошлись, по всей видимости, навсегда.

В 1999 г. на постсоветском пространстве начинается оживление экономики. Выясняется, что не было никаких двух расходящихся путей развития, а просто период переходной рецессии на постсоветском пространстве (в странах СНГ) оказался существенно продолжительнее, чем в Восточной Европе. Во-первых, потому что в сравнении с восточноевропейскими странами у нас социализм продержался намного больше и, соответственно, рыночный опыт оказался забытым гораздо более прочно. В Польше, Чехии, Венгрии к началу реформ еще были живы люди, которые видели функционирующий рынок, а их дети были ключевыми игроками в выработке новой, рыночной экономической политики. В Советском Союзе в целом, за исключением Балтии, рынка не видели три поколения. Достаточно сказать, что 99% населения СССР никогда не видело нормально наполненного магазина. Следовательно, заведомо было нужно время для приобретения рыночного опыта.

Во-вторых, Восточная Европа даже при социалистическом режиме была интегрирована в европейский мир гораздо больше, чем Советский Союз.

Становится ясно, что на постсоветском пространстве решение тех же самых проблем, что и в Восточной Европе, займет больше времени. И самое главное, что выход из постсоциалистической рецессии — это вовсе не следствие девальвации или высоких цен на нефть, во многом определяющих сегодня экономическую динамику в России, на Украине и в целом в странах СНГ. На этот выход из постсоветской рецессии накладывается масса конъюнктурных экономико-политических факторов и то, как страна пройдет этот путь, будет определять дальнейшее развитие экономики. От процесса выхода, который носит отнюдь не нейтральный характер, зависит, в какую точку мы попадаем, если рассматривать ее с позиции перспектив экономического роста, формирования новых институтов, норм поведения, денежной политики.

Когда страна, начавшая реформы, размораживает цены, она сталкивается со скачком инфляции, который отражает ликвида-

цию денежного навеса. В условиях административно-командных цен объем реальной денежной массы можно устанавливать произвольно, в условиях же нефиксированных цен, рыночных цен, объем реальной денежной массы определяется спросом хозяйствующих субъектов на деньги. Нет никаких оснований полагать, что он будет равен той реальной денежной массе, которая существовала в момент размораживания цен. Как правило, в силу проинфляционной политики постсоветских правительств, почти везде некоторое время сохранялся крупный денежный навес, образованный в результате подавленной инфляции предшествующих лет. В этой связи неизбежно возникал первоначальный скачок цен, причем оценить масштабы этого скачка было очень трудно, поскольку, как уже отмечалось выше, у нас не было опыта функционирования экономики в условиях свободных цен. Гипотезы о том, каким будет спрос на деньги, больше походили на гадания. Когда мы этот вопрос изучали применительно к Советскому Союзу, то в большинстве исследований авторы исходили из того, что примерно к 1980 г. экономика была сбалансированной, денежного навеса там не было, и потом смотрели, как она изменилась за 1980-е гг. Предполагалось, что образовался денежный навес именно в это время. На самом деле логика эта — более чем спорная, но другой просто нет.

Как далее разворачивается ситуация? Неизбежно растут цены, соответственно падает реальная денежная масса, плюс к этому падает производство. За падением производства и ростом цен следует падение реальной заработной платы и реальных денежных доходов населения. Все это происходит на фоне всплеска неплатежей, потому что всплеск неплатежей (невыполнение обязательств перед поставщиками, естественными монополиями и перед государством) — это характерная и естественная реакция социалистического предприятия, столкнувшегося с непредвиденными вызовами рынка в условиях мягких финансовых ограничений, когда накопление невыполненных обязательств не влечет за собой ни банкротства, ни распродажи активов. Возникает первая естественная гипотеза, что неплатежи растут, потому что в экономике не хватает денег, а производство падает по той же причине — нет спроса на продукцию. Дальше все это упаковывается в некий набор якобы кейнсианских рассуждений, которые ника-

кого отношения к этим реалиям, к падению реальной денежной массы не имеют.

Надо, говорили авторы таких рассуждений, увеличивать денежное предложение, позволить себе стимулировать спрос, наращивая бюджетные расходы, финансируя их за счет эмиссионного кредитования. Тогда, утверждали они, пойдет вверх реальная денежная масса, появится дополнительный спрос, прекратится падение производства. И самое интересное состоит в том, что на достаточно коротком этапе такие рецепты действуют.

Первый раз подобный набор рассуждений прозвучал в Польше и привел к существенному ослаблению бюджетной и денежной политики летом 1990 г. Правительство не удержалось от соблазна нарастить денежное предложение.

Что происходит после того, как наращивается денежное предложение? Естественно, к эффекту денежной инфляции приводит это не сразу. Между ростом предложения денег и инфляцией возникает некоторый лаг. На первом этапе наблюдается следующая ситуация. Напечатали много денег, профинансировали бюджетные расходы. Инфляция в это время еще продолжает снижаться, потому что она слабо реагирует пока на изменение в денежной политике, она находится еще под влиянием старой, жесткой денежной политики. Параллельно, так как был создан дополнительный спрос, в частности государственный, замедляется падение производства.

Что же получилось? Напечатали дополнительные деньги, профинансировали бюджетные расходы, инфляция идет вниз, производство растет, реальная денежная масса растет. Очевидно, рецепты оказались правильными. Казалось бы, наступает период стабильности. Но он очень короток, он ограничен временем, которое разделяет наращивание денежного предложения и дальнейшую реакцию субъектов хозяйственной системы. Одно дело наращивать денежное предложение в условиях экономики с длительной историей, предшествующей стабильности, где все привыкли к тому, что, допустим, доллар — гарант этой стабильности. Совсем другое дело в нестабильных молодых рыночных экономиках, с нестабильными молодыми деньгами, к которым все относятся с недоверием, да еще в условиях высокого уровня глобализации. И как только хозяйствующие субъекты понимают, что

государство начало печатать деньги, они приспособливают к этому свою экономическую политику, свое поведение, свою структуру активов, наращивая спрос на долларовые активы. Это относится и к населению, и к банкам, и предприятиям. Спрос на валюту резко растет. Но валютные резервы в стране не безграничны и долго поддерживать валютный курс за счет валютных интервенций невозможно, вернее, возможно, но это приведет к тому, что обвал, причем более масштабный, произойдет чуть позже. В долларизованной экономике инфляционные ожидания сильно завязаны на курс, следовательно, падение курса национальной валюты подталкивает инфляцию. Инфляция резко идет вверх, реальная денежная масса, вместо того, чтобы расти, начинает сокращаться. Это ведет к сокращению реального спроса в экономике и в результате падение производства ускоряется.

Опыт показывает, что страны могут проходить этот своего рода экспериментальный путь не один раз, а бывает и два, и три раза, прежде чем понимание такого механизма станет, наконец, господствующим в политике экономической элиты. В России это понимание проявилось к концу 1998 г., когда пришедшее к власти правительство Примакова — Маслюкова не решилось еще раз повторить эксперимент 1994 г., проведенный кабинетом Черномырдина. Сами эти эксперименты, естественно, приводят к росту накопленной инфляции за время реформ. А накопленная инфляция, в свою очередь, неизбежно приводит к падению спроса на национальные деньги.

Спрос на национальные деньги — это мера доверия к отечественной валюте, и она сильно зависит от предшествующей денежной истории. Если у страны был продолжительный период денежной стабильности, который лишь прерывался отдельными инфляционными эпизодами, то доля денег в ВВП сохраняется достаточно высокой. Например, в Чехии, которая не пережила масштабной высокой инфляции и катастрофического падения доверия к национальным деньгам, эта доля сегодня близка к средней для рыночных экономик. Противоположный пример — Польша. Она по всем параметрам развивалась успешнее Чехии: накопленное падение производства было меньше, и рост начался более энергично, рубежи 1990-х гг. были преодолены гораздо быстрее. Но Польша пережила в конце 1980-х — начале 1990-х гг. период очень

высокой инфляции — поэтому сегодня доля денег в ВВП в Польше в 2,5 раза меньше, чем в Чехии. Подорвать доверие к национальной валюте довольно легко, а восстанавливать его приходится потом долгими годами проведения ответственной денежной политики. Это значит, что в странах постсоветского пространства, где проинфляционные эксперименты проводились по нескольку раз, и проводились энергично, накопленная инфляция гораздо больше, а доверие к национальным деньгам меньше, чем в странах Восточной Европы. Соответственно, первые подходят к моменту выхода из постсоциалистической рецессии с существенно более низкой долей денег в ВВП. Это прямое следствие растянутого периода падения производства и высокой инфляции.

Следующий важный момент.

В странах, где реформы проводились энергично, а период рецессии был коротким, удалось, в общем, довольно быстро сформировать нормальный механизм, обеспечивающий ответственное поведение предприятий, затормозить рост неплатежей и стабилизировать государственные доходы на относительно высоком уровне. Сейчас у нас много говорят о несовершенстве механизма банкротства, который действует в России, и это справедливо. Но этот механизм был на начальном этапе несовершенен везде, во всех постсоциалистических странах. Рассказывают много историй про фиктивные и ложные банкротства и в Венгрии, и Польше, но факт остается фактом: рост неплатежей прекращается в тот момент, когда банкротство становится массовым. Управляющие предприятиями начинают понимать, что иметь неплатежи — огромный риск потери контроля над финансовыми потоками. Усиление финансовой дисциплины предприятий, прекращение роста неплатежей, наряду с сохранением относительно высокой доли денег в ВВП, позволяет избежать развития бартерной экономики, безденежных расчетов с их отрицательным воздействием на способность государства собирать налоги. Конечно, доля доходов бюджета в ВВП ненадолго сокращается по сравнению с социалистическими временами, но она стабилизируется на достаточно высоком уровне: выше 40% в Восточной Европе. По крайней мере это справедливо для Польши, Чехии, Венгрии, Словакии.

В постсоветских государствах, где период падения производства, как и период высокой инфляции, был продолжительнее, фи-

нансовая ответственность предприятий на протяжении длительного времени остается низкой, создается атмосфера неплатежей, мягких бюджетных ограничений с соответствующим уходом значительной части экономики в тень. Я уже не говорю о несовершенстве налоговой системы, которая у нас действовала последние годы.

Речь идет об общих объективных причинах: длительный период высокой инфляции, длительный период слабой экономической политики и мягких бюджетных ограничений приводит к падению способности государства собирать налоги до уровней, гораздо более низких, чем в Восточной Европе. К реализации стабилизационных программ там приступали в условиях, когда доходы бюджета расширенного правительства¹ были на уровне от 40 до 50% ВВП, а на постсоветском пространстве — в диапазоне от 35 до 20% ВВП и даже меньше.

Что отсюда следует? Следует понимание того, что инфляционное финансирование бюджета ничего хорошего, кроме дальнейшего снижения спроса на деньги, падения реальной денежной массы и, соответственно, спада производства, не приносит. Это начали понимать и киргизская элита, и казахская, и украинская, и российская. Становится ясно, что если есть стремление создать возможности для роста спроса на деньги и улучшения инвестиционного климата, то необходимо прекратить эмиссионное финансирование дефицита бюджета. То есть обеспечить определенный денежный консерватизм. Тогда может прекратиться падение курса национальной валюты и постепенно начаться рост спроса на нее. Если Чехия пришла к этому моменту тогда, когда монетизация экономики составляла 80% ВВП и объем налогов, который способно было собирать государство, равнялся 35% ВВП, то в России к пониманию этой закономерности пришли, когда доля доходов расширенного правительства составляла тоже 35% ВВП, но вот доля денег в экономике — немногим более 10% ВВП. Получается, что у нас сложились очень разные финансовые рамки для реализации стабилизационных программ.

¹ Под бюджетом расширенного правительства понимается сумма федерального бюджета и внебюджетных фондов, а в федеративном государстве (например, России) — также бюджетов субъектов Федерации. — *Прим. ред.*

Поскольку денег меньше, доходов меньше, возможность заимствовать также меньше — значит, стабилизационная программа должна предполагать гораздо более жесткое ограничение бюджетных расходов. Это и было характерной чертой российской стабилизационной программы, осуществление которой началось с 1995 г.

Как известно, эта стабилизационная программа в 1998 г. потерпела крах. Попробуем разобраться, почему это произошло.

Программой предполагалось резкое ужесточение денежной политики и прекращение эмиссионного финансирования дефицита бюджета, и она действительно привела к резкому падению инфляции, к реальному укреплению рубля, к созданию предпосылок перехода к росту в 1997 г. Но она вместе с тем включала в себя и два очень слабых элемента. Первый слабый элемент — это разрыв между бюджетными обязательствами и текущим финансированием. Правительству в какой-то степени удалось взять под контроль текущее финансирование своих обязательств, но не удалось взять под контроль рост обязательств. Издавалось множество законов, которые вроде бы полагалось выполнять, но так как денег не было, они не финансировались. Это означало, что государство само стало источником нарушения финансовой дисциплины. Очень трудно ужесточать финансовые требования к предприятиям, в том числе налоговые, когда предприятия могут резонно продемонстрировать, что государство само является крупнейшим неплательщиком в экономике, что их неплатежи потому и образовались, что есть неплатежи государства. Такая ситуация означает, что:

- на фоне финансовой стабилизации (снижения инфляции) не происходит улучшения налогового администрирования, не снижается налоговая недоимка, но происходит дальнейшая эрозия налоговой дисциплины;
- на фоне низкой инфляции, при эрозии налоговой дисциплины и ограниченной возможности взять под контроль обязательства государства правительство вынуждено идти путем наращивания внутренних заимствований, даже понимая, насколько они опасны. Правительство убеждает себя, что, допустим, 2% — это немного, зато низкая инфляция позволит возобновить рост производства, и потом этот сравнительно небольшой внутренний долг удастся быстро погасить.

Именно потому, что принятой стабилизационной программе предшествовал продолжительный период инфляции, эта программа реализуется, во-первых, в условиях недоверия к национальным деньгам, во-вторых, в условиях невозможности достаточно энергично сокращать расходы (но при необходимости сокращать их гораздо более жестко, чем в Восточной Европе) и, в-третьих, в условиях риска катастрофически быстрого наращивания внутреннего долга. Сказать, что эта стратегия абсолютно обречена на провал, нельзя. Но она очень рискованна и к тому же базируется на предположении об абсолютной внешней стабильности.

В 1997 г. казалось, что российская экономика начинает выходить из постсоциалистической рецессии. Стабилизационная стратегия 1995 г. приносит успех. Существенно падает реальная процентная ставка (летом 1997 г. — до величины, близкой к 8%), начинается явный рост спроса, наблюдается огромный интерес в мире к российским ценным бумагам. С лета 1997 г. наблюдается небольшой, но заметный рост объема производства. Словом, кажется, что рискованный эксперимент сработал.

Но еще раз следует подчеркнуть: здесь таятся огромные элементы риска. Главный из них связан с тем, что в качестве платы за подобную стабилизацию страна получает очень негибкую финансово-экономическую структуру, лишь в крайне ограниченной мере способную адаптироваться к возможным неожиданностям на мировом рынке.

С чем это связано? Вспомним мягкую бюджетную политику первого полугодия 1996 г. (президентские выборы), очень высокую реальную процентную ставку (весной 1996 г. при ожидаемой инфляции около 25% правительство осуществляет займы под 150–170% годовых!). В этой связи начинается бурная экспансия внутреннего государственного долга.

Но вот выборы позади, надо что-то делать для того, чтобы остановить этот быстро нарастающий долг. Что именно? В условиях, когда долг уже приблизился к величине, сопоставимой с денежной массой, единственный способ — либерализовать рынок для нерезидентов и допустить их на него. Есть ожидания, что в России скоро наступит стабилизация — причем при огромной процентной ставке и невысокой инфляции. И, следовательно, нерезиденты устремятся на этот рынок. Когда они придут, резко возрастет

предложение долларов, подкрепятся возможности наращивания денежной массы, возникнет спрос на ГКО, упадет процентная ставка. В 1997 г. все так и происходило. Но нерезиденты хотят хеджировать свои риски, в первую очередь — риск девальвации. То есть, приходя сюда, они сначала хеджируют их у Центрального банка, затем у российской банковской системы. А российская банковская система, зарабатывавшая на этом большие деньги и привыкшая к тому, что реальный валютный курс управляем и прогнозируем, охотно эти риски принимает. Причем сама активно занимает деньги в рублях и евровалютах и размещает те же высокодоходные рублевые инструменты. Все это хорошо в условиях управляемого валютного курса, когда ничего непредвиденного с валютным курсом не происходит. Однако далее вводится валютный коридор. Внутренний коридор, в рамках которого вынужден после этого работать ЦБ, гораздо уже этого формального коридора, потому что, как только иностранные инвесторы видят, что темпы девальвации стали чуть-чуть выше прогнозных, они отвечают на это немедленным оттоком капитала из России. Теперь государство не владеет политикой валютного курса, так как любое его повышение порождает бюджетный кризис, кризис отечественной банковской системы. Страна попадает в ловушку, и остается только надеяться, что благоприятные события позволят из нее выбраться.

Дальше на это накладывается азиатский кризис, изменение отношения к развивающимся рынкам в целом и следующее за кризисом резкое падение цен на нефть. А цены на нефть и на энергоносители — это, в числе прочего, также важнейшие компоненты, определяющие торговый, платежный и финансовый баланс России.

Произошли радикальные изменения, начался отток нерезидентов с рынка, возникли бюджетные проблемы, сокращаются реальные бюджетные возможности в связи с низкими ценами на нефть, изменилось сальдо торгового баланса, а государство не способно ответить на все это управляемой девальвацией своей валюты, — что в подобных условиях было бы все-таки некоторым выходом. Девальвация оказывается катастрофой для бюджета и банковской системы.

На эти радикальные изменения можно ответить дальнейшим ужесточением бюджетной политики (чтобы продемонстрировать, что государство сокращает потребность в заимствованиях), а так-

же сокращением непроцентных расходов и обращениями за кредитами в МВФ. Кроме того, можно попытаться ответить на это структурными реформами в сочетании с ужесточением бюджетной политики. Но когда инвесторов все это не убеждает и они продолжают уходить с рынка, такая политика приводит к кризису, не катастрофического выхода из которого не существует.

Приходится выходить катастрофически, замораживая внутренний долг, резко девальвируя рубль, соответственно, вызывая новую вспышку инфляции, обесценивая большую часть бюджетных обязательств. Но в результате, заплатив дорогую социальную цену, страна обретает принципиально важную вещь — гибкость собственных институциональных условий.

С 1998 до 2000 г. у России нет дорогого и короткого внутреннего долга, банковская система слабо зависит от курсовой политики, риски по курсу минимальны, страна вполне может ответить резкому падению цен на нефть ускорением темпов девальвации, которая не будет иметь катастрофических последствий и позволит восстановить баланс.

В России и других странах СНГ период выхода из рецессии и входа в период экономического роста начинается при существенно иных характеристиках, чем в государствах Восточной Европы. Это связано, во-первых, с более сложными проблемами, вызванными приспособлением экономик к условиям рынка, а во-вторых, с мягкостью и большей непоследовательностью проводившейся в СНГ экономической политики по сравнению с Восточной Европой. Здесь следует отметить три основных характеристики.

1. Доходы бюджета стран СНГ существенно ниже, чем в Восточной Европе; и после стабилизации выясняется, что расходы бюджета тоже значительно ниже. В результате оказывается, что государственная нагрузка на экономику в первой группе стран гораздо ниже, чем во второй, прошедшей через шоковую терапию. Выясняется интересная вещь: путь шоковой терапии, быстрых реформ — это путь (во многом под влиянием ЕС) в своеобразную экономику рыночного социализма. Напротив, путь медленного посткоммунистического перехода с длительным периодом финансовой нестабильности, вынужденным снижением расходов — это путь в либеральную экономику с более низкими государственными расходами, потенциально более низкими налогами, а значит,

более низкими государственными обязательствами. Например, в Польше с ее нынешней пенсионной системой очень трудно провести ту налоговую реформу, которую мы провели в России в нынешнем и в прошлом году.

2. Путь России в либеральную экономику связан с существенно более низким доверием к банковской системе, чем в Восточной Европе. Поскольку в большинстве восточноевропейских стран не было такого продолжительного периода инфляции, не было такого банковского кризиса, как в России, банковская система нашей страны — наиболее слабая, ее доля в ВВП — самая низкая. Это долгосрочная характерная черта экономики России и всех других стран СНГ.

3. В России доля денег в ВВП намного ниже, чем в государствах Восточной Европы; уровень коррупции в государственном аппарате выше по объективным причинам, поскольку этому способствовал длительный период нестабильности, низкий уровень финансирования государственного аппарата, соответственно, неизбежная деградация деловой этики, более глубокая, чем в Восточной Европе. В России более гибкий рынок труда, с вынужденной адаптацией рабочей силы к изменению места работы, занятости, со значительно более низким уровнем социальных гарантий.

Можно подтвердить сказанное сравнением двух стран: России и Польши. Обе в настоящее время вышли из постсоциалистической рецессии, но с существенно разными экономикami.

Вспоминается, что на раннем этапе реформ некоторые политики втягивали нас в дискуссию на тему: какой капитализм мы собираемся строить? Тогда — отвечали мы — подобная дискуссия была преждевременной, она неизбежно свелась бы к поверхностной схоластике.

Но теперь, по-видимому, время для такой дискуссии настало...

России необходимо надежно закрепиться в «клубе конвергенции»

*Выступление на международной конференции
«Экономический рост: после коммунизма»*

20–21 марта 2002 г.

Опубликовано на сайте ИЭП им. Е. Т. Гайдара.

Проблемы экономического роста после социализма, устойчивости этого роста, факторов, которые на него влияют, выходят сегодня на первый план. Двадцать лет назад, благодаря так называемой Комплексной программе научно-технического прогресса, в Советском Союзе действовал мощный блок научных учреждений, которые занимались исследованием долгосрочных проблем экономического развития. Подавляющее большинство экономических институтов давали свои прогнозы относительно того, какой будет наша страна через двадцать лет. К реальной жизни такого рода исследования имели мало отношения, тем не менее позволяли организовывать обсуждение проблем экономической стратегии. В то же время практически никто не составлял прогнозы того, какой будет отечественная экономика через три, через шесть месяцев или в течение ближайшего года.

Сегодня мы располагаем большим числом квалифицированных публикаций, в основе содержания которых — краткосрочный анализ и краткосрочное прогнозирование событий в российской экономике. И очень слабо представлены исследования, связанные с долгосрочной перспективой. В условиях бурного переходного периода такой перекоп был неизбежным, но сейчас ситуация объективно меняется. Произошла глубокая трансформация собственности. В крупных российских компаниях составляются программы долгосрочного развития, идет работа над крупномасштабными инвестиционными проектами. Для того чтобы их осмысленно осу-

ществлять, необходимо понимать, какой станет окружающая среда к тому времени, когда инвестиционный проект будет реализован. Мы ведем переговоры о вступлении во Всемирную торговую организацию, и, надеюсь, они будут достаточно эффективными. Между тем вести их, не имея представления о долгосрочных приоритетах в области банковского сектора, сферы услуг, отраслевой структуры экономики и т.д., крайне трудно. Естественно, что и у власти, и у бизнеса объективно растет спрос на работы, связанные со стратегией развития экономики.

За последние полтора-два года в ряде важнейших для экономики областей были проведены глубокие и важные структурные реформы. Но, к сожалению, способность любого правительства проводить структурные реформы ограничена.

Тут-то и возникает соблазн прибегнуть к патентованным средствам: начать выбирать отраслевые приоритеты, обсуждать вопросы субсидирования той или иной отрасли, делать прочие малоосмысленные с точки зрения экономической политики вещи, которые ни к чему, кроме роста коррупции и дополнительным препятствиям на пути экономического роста, не приводят. Понимание того, что происходящее в экономике сегодня имеет свои корни в событиях начала 1990-х гг. (а от осуществляемого сейчас в огромной степени зависят перспективы роста в 2005–2010 гг.), свойственно любому серьезному исследователю. Значительно труднее добиться, чтобы это осознавало общество и те, кто принимает принципиальные политические решения. В этой связи важнейшая задача, которая перед нами стоит, — избежать того, что Хайек называл «пагубной самонадеянностью». Нужно четко представлять себе границы того, что мы знаем об экономическом росте, и особенно о постсоциалистическом экономическом росте.

В прошлом году была опубликована интересная работа профессора Уильяма Истерли¹, перечитав которую, еще раз понимаешь, что, к сожалению, и сегодня, спустя два века углубленного изучения, мы знаем об экономическом росте немногим больше того, что знал Адам Смит в конце XVIII в. А именно: для богатства на-

¹ Уильям Истерли (часто Уэстерли) — американский экономист, профессор Нью-Йоркского университета. См.: *Easterly W. The Elusive Quest for growth. Cambridge-Massachusetts-London; The MIT Press, 2001.* — *Прим. ред.*

родов, то есть для экономического роста, необходимы в первую очередь мир, низкие налоги и разумные законы. Массив знаний, которые мы накопили за два с лишним столетия, немного прибавляет к тому, что было понятно к концу XVIII в. И это не потому, что экономисты уделяли мало усилий исследованию этого вопроса, просто проблемы оказались предельно сложными. Мы изучаем не стационарную ситуацию, а постоянно изменяющийся процесс, и то, что лет тридцать назад казалось очевидным, воспринимается и трактуется сегодня совершенно иначе. В середине — конце восьмидесятых было крайне трудно понять, например, что Япония стоит перед тяжелейшим кризисом экономического роста. Сегодня это очевидно. Связано это со спецификой японских институтов и трудностью их адаптации к постиндустриальной фазе развития страны.

Мы гораздо лучше знаем, что не следует делать, если мы не хотим остановить экономический рост, нежели то, что можно и нужно предпринять для его форсирования. Не нужно манипулировать валютным курсом и допускать образование черного рынка. Не нужно допускать высокую инфляцию. Не нужно допускать крупный бюджетный дефицит. Желательно иметь менее коррумпированную бюрократию. Желательно опираться на хорошо работающую правовую и судебную систему. Этот набор условий достаточно изучен и понятен. Но все попытки ускорить рост на основе набора нестандартных рецептов: промышленной политики, выбора отраслевых приоритетов — все это, к сожалению, оказывается мало результативным. При доставшейся нам в наследство крайне неэффективной бюрократии риски ошибок в выборе приоритетов особенно велики.

К тому же надо помнить, что мы решаем не задачу догоняющего индустриального развития, где в качестве ориентира можно взять образ структуры экономики более развитых стран и пытаться этим образам подражать. Мы решаем другую, гораздо более сложную, задачу — задачу догоняющего постиндустриального развития, где сами закономерности развития изучены существенно хуже, где перемены происходят очень быстро. И есть огромный риск того, что, выбрав и реализовав некий отраслевой приоритет, мы окажемся перед досадным фактом: результаты этой реализации никому не нужны, не востребованы рынком. Именно по та-

кой причине усилия, направленные на создание гибкой системы национальных институтов, обеспечивают рост гораздо продуктивнее, нежели попытки выстроить ту или другую модель отраслевой политики.

В последние годы укоренилось понятие «клуба конвергенции», то есть набор стран, в котором страны с меньшим уровнем ВВП на душу населения растут темпами более высокими, чем страны более развитые. Этим клубом охвачен отнюдь не весь мир, а Советский Союз выбыл из него еще в конце 1970-х гг. Содержательная база конвергенции — это способность стран, соответствующих национальных институтов обеспечить эффективный обмен рыночно ориентированной информацией о технологиях, которые могут быть применены в менее развитых странах, обеспечивая им более высокие темпы экономического роста, чем имеют те страны, которые находятся на грани собственных технологических возможностей. Сложнейшая задача России сегодня — надежно закрепиться в «клубе конвергенции». Мне кажется, это играет роль неизмеримо более важную, чем величина темпов роста, которых нам следует добиваться в 2002–2003 гг.

Субъективные и объективные факторы в постсоциалистических реформах

Лекция в университете Майами, Оксфорд (США)

17 апреля 2002 г.

Опубликовано на сайте ИЭП им. Е. Т. Гайдара.

Последнее десятилетие экономических реформ вызвало больший интерес к опыту трансформационных процессов, накопленного за этот период. Этот опыт рассматривается во множестве вышедших за последнее время статей, привлекающих широкое внимание. Хотя процесс постсоциалистической трансформации в своей основе носит экономический и политический характер, эти статьи и вызываемые ими дискуссии неизбежно обращаются к личным мотивам и стремлениям тех, кто активно участвует в определении экономической политики.

Постсоциалистические реформы были не чем иным, как процессом обучения реформаторов на собственном опыте. Следовательно, чтобы понять политику реформ, надо учитывать, как будущие политики представляли себе главные вызовы, с которыми им предстояло встретиться в процессе трансформации, и те способы, которыми они собирались преодолеть эти вызовы.

Чтобы анализировать эту проблему, надо сделать две вещи. Во-первых, надо понять политические и экономические ограничения, которые определяют возможные пределы политических решений. И во-вторых, узнать, каково было указанное представление о будущих вызовах.

Современные публикации рисуют широкую картину, показывая ту роль, которую играют субъективные факторы в трансформационных процессах на территории бывшего Советского Союза. В основном картина такова:

1. Советская экономика была неэффективной, но стабильно функционирующей.

2. Молодые, экономически образованные рыночные романтики из постсоветского правительства не понимали сложную структуру современной экономики и роль в ней институциональных факторов. Они решили немедленно провести радикальные реформы, демонтировать старую систему управления, либерализовать цены и экономическую деятельность, ввести конвертируемую валюту и осуществить массовую приватизацию. Они полагали, что все это обеспечит быстрое повышение эффективности экономики и экономический рост.

3. Однако лишившись традиционных социалистических рычагов управления и не имея зрелой системы институтов, обеспечивающих функционирование современного рынка, экономическая система отреагировала на усилия реформаторов катастрофическим падением производства и жизненного уровня населения¹.

Следует отметить, однако, что эта картина постсоциалистического мира несколько теряет свою элегантность, если посмотреть на нее сквозь призму реального исторического процесса. Например, можно вспомнить, что при распаде СССР образовались 15 разных государств с 15 разными правительствами, проводящими существенно разную экономическую политику. Те, кто знаком с деталями этих разных политик, вряд ли могут представить себе господина Витольда Фокина, премьер-министра независимой Украины, или его белорусского коллегу Вячеслава Кебича в роли этаких романтиков рыночного «Штурм унд дранга».

Тем не менее многих устраивает соблазнительная простота такой конструкции, позволяющей легко объяснить один из наиболее драматических кризисов в экономической истории.

Разрешите мне нарисовать иную, более сложную и, по моему мнению, более близкую к действительности, картину взаимосвязей между объективными и субъективными факторами развития ситуации на постсоветском пространстве.

¹ Разумеется, это стилизованная картинка, однако она довольно хорошо отражает концепцию такого серьезного экономиста, как Дж. Стиглиц. См.: *Stiglitz J. Whither Reform? Ten Years of the Transition.* World Bank. Annual Bank Conference on Development Economics, Washington, D.C., April 28–30, 1999.

Трудно представить себе альтернативы социально-экономической политики, если не понимать коренную проблему постсоциалистического перехода — фундаментальное противоречие между целостностью индустриального социализма, революционным характером его коллапса и необходимостью определенного периода времени для построения фундамента эффективного рыночного сектора постсоциалистической экономики. Этот фундамент был бы способен сформировать базу для возобновления экономического роста.

Развитой индустриальный социализм образует цельную систему социально-экономических и политических институтов. В то же время такая система является крупнейшей аномалией экономического развития за последнее столетие¹. Стержень этой системы — ригидная тоталитарная власть, порождающая всеобъемлющую бюрократию. Последняя замещает рыночные силы в деле обеспечения текущей координации экономической деятельности и обеспечивает подавление хрупких механизмов рынка и гражданского общества. Возникновение такой системы позволяет устранять барьеры, препятствующие увеличению государственного бремени в национальных сбережениях и инвестициях, а также ограничивает конкуренцию внутреннего производства с импортом. На ранних стадиях индустриализации это позволяет ускорить темпы промышленного роста путем предельно жестокой эксплуатации сельского хозяйства. Позднее социалистическая экономика начинает страдать от накопления склеротических элементов, порождаемых структурной ригидностью, неэффективностью использования ресурсов, низкого качества товаров и неконкурентностью на мировых рынках. В результате такая экономика испытывает растущую зависимость от импорта продовольствия и новых товаров.

Если бы отмеченные противоречия проявились относительно рано, когда резервы индустриализации еще не были исчерпаны, аграрный сектор был бы способен обеспечить ресурсами образование нового рыночно ориентированного сектора, параллельного старому, социалистическому.

¹ Глубокое исследование самой логики функционирования социалистической системы содержится в: *Kornai J. The Socialist System. The Political Economy of Communism. Clarendon Press. Oxford, 1992.*

Если следовать по такому пути, устранение социализма может быть относительно плавным (Китай и Вьетнам, к примеру). Однако в условиях, когда социализм достиг высокого уровня развития и ресурсы аграрного сектора уже исчерпаны, а противоречия социалистической индустриализации проявляются со всей очевидностью, легкого пути к свободному рынку не существует. Серьезные попытки переключиться на рыночный механизм порождают острый кризис в структурах, сформировавшихся в процессе социалистической индустриализации¹. Хотя анализ проблем экономической динамики социализма не входит в рамки данной работы, все же следует отметить тот факт, что в развитой социалистической системе элементы социоэкономических и политических систем очень хорошо подогнаны друг к другу. В такой ситуации трудно выбирать по своему усмотрению то, что тебе кажется приятным. Эту систему определяют несколько факторов.

Среди них:

- предельно высокая доля ВВП, забираемая государством, чрезмерный уровень военного производства;
- соответствующая структура промышленного сектора и массовый характер производства с отрицательной добавленной стоимостью в расчете по мировым ценам, а также относительно эгалитарное распределение денежных доходов, приличный уровень расходов на образование, нехватка качественных потребительских товаров (а иногда и их полное отсутствие), партийный контроль за подготовкой и продвижением кадров, закрытые границы, отсутствие свободы печати.

Все перечисленные факторы это не изолированные позитивные или отрицательные характеристики коммунистической системы, они формируют цельную систему. В такой системе выживание отдельных элементов вне системы в целом отнюдь не гарантировано.

В дестабилизации коммунистических режимов играли роль несколько факторов, включая интенсификацию кризиса социалистической экономики, явную потерю времени, поражение

¹ Подробнее см.: *Гайдар Е. Т.* Аномалии экономического роста. М., 1997. См. также в настоящем Собр. сочинений, том 2, с. 343–546.

в соперничестве с Западом, растущую зависимость от экспорта энергетических ресурсов, зависимость от меняющейся ситуации на мировых рынках и от притока западных капиталов.

Однако сам по себе коллапс социалистической империи представляется в первую очередь не как экономическое, а как социально-политическое явление. Рост численности городского образованного населения и промышленный рост общества подорвали основы легитимности тоталитарного режима. Плюс к этому надо добавить растущую неуверенность коммунистической элиты в своих собственных идеалах и в институтах, а также опасное движение в сторону стран Восточной Европы, народы которых испытывали сильное влияние западной культуры и ценностей. Все это вместе и привело к разрушению казавшегося нерушимым режима. Гласность и перестройка, политика Горбачева только поднесли факел к уже готовому разгореться костру из государственных институтов.

Поляки, голосовавшие за движение «Солидарность», жители Восточной Германии, которые снесли Берлинскую стену, литовцы, поднявшиеся на защиту своего парламента, москвичи, поддержавшие Ельцина, — все они поступали так вовсе не потому, что верили в какую-то четко определенную экономическую программу построения рыночной экономики.

Они просто не хотели больше позволять не избранным ими лидерам и организациям, которые не пользовались у них никаким авторитетом, принимать решения, определяющие их судьбу. Если бы им сказали, что коллапс Коммунистической партии и КГБ будет автоматически означать глубокий кризис всех публичных и экономических структур, основанный на крушении тоталитарной власти...

Революция — это всегда приговор элитам старого режима за неспособность перевести статус-кво на дорогу мирных реформ.

Революция — это радикальное изменение прежде сформированных учреждений, социально-экономических и политических институтов, идеологических норм и элит в период, определяемый слабым, нестабильным управлением¹. Некоторые эксперты называют падение производства в России за последние годы, острый кризис всей экономической структуры беспрецедентным. Это

¹ *Mau V., Starodubrovskaya I. The Challenge of Revolution. Contemporary Russia in Historical Perspective. New York: Oxford University Press, 2001.*

неправильно — падение производства в стране сразу после революции 1917 г. было более глубоким. Это широко известное явление также было характерно для Английской и Мексиканской революций. Однако в последних случаях революции происходили в аграрных экономиках, где функционирование базовых структур лишь в ограниченной степени зависело от энергетических и денежных властей. С другой стороны, коллапс тоталитарного режима в индустриально развитых социалистических странах автоматически вызывал острый кризис во всей экономической структуре.

Это был коллапс торговли в рамках Совета экономической взаимопомощи, который стал наиболее ярким и характерным проявлением кризиса в Восточной Европе. Крупномасштабный сырьевой экспорт из СССР в обмен на готовую продукцию Восточной Европы базировался на бартерных соглашениях, естественно, основанных не на рыночных принципах. Такого рода обмен мог выжить только в условиях единой военной и политической империи. Политическая либерализация Восточной Европы неизбежно означала радикальный пересмотр подобных форм торговли и, следовательно, кризис основанных на ней экономических структур¹.

В условиях социалистической экономики объемы производства и снабжения ресурсами диктуются вышестоящими органами, которые могут наказывать подчиненных, если они не обеспечат успешной работы своих предприятий. Колхоз или совхоз поставляет зерно на элеватор (это называется «выполнением первой заповеди»), но не для того, чтобы получить деньги, а потому, что директор хорошо знает, что в случае невыполнения задания по хлебосдаче он может лишиться должности и членства в партии без всяких шансов восстановить свое положение в другой структуре. При наихудшем сценарии ему грозит тюрьма. Политический коллапс тоталитарного режима влечет за собой разрыв всей системы экономических связей, основанных на страхе перед суровым наказанием сверху. Однако он влечет также немедленный переход к механизмам частных и рыночных связей, которые были разорваны десятилетия назад.

¹ Совершенно неслучайно, что независимо от момента старта реформ, в большинстве восточноевропейских стран 1990 год оказался первым годом резкого спада производства.

Таким образом, коллапс тоталитарного режима в результате политического кризиса автоматически приводит к началу кризиса текущей координации экономических институтов и структур, созданных социалистической системой. Однако коллапс вовсе не формирует автоматически те институты и структуры, которые нужны для нормального функционирования рыночных механизмов. По-видимому, это и является главной причиной постсоциалистического кризиса и рецессии.

Когда начали возникать проблемы спада производства в постсоциалистических странах, исследователи сосредоточили свое внимание на явлении дезорганизации экономических связей вследствие их приспособления к рыночным условиям¹.

Однако проблема намного шире. Эффективно функционирующая рыночная экономика — это не только рыночные цены, прокламируемая частная собственность и установление формальных институтов. Скорее, в первую очередь это традиции и привычки торгового оборота и гражданского общества, сформированные опытом прежних поколений, их соответствующей квалификацией и навыками.

Эффективная правовая система и строгое исполнение закона являются решающим условием успешного функционирования рыночной экономики. В условиях тоталитарного режима нет места для независимого суда, следующего закону, поскольку это противоречит самим основам режима. Вся традиция судопроизводства, унаследованная от социализма, — это традиция, состоящая в том, что суд — это элемент репрессивной системы, послушно следующий руководящим указаниям коммунистической партии. Можно было бы незамедлительно изменить правовую систему, проведя юридическую реформу и гарантировав независимость судов. Это сделано в подавляющем большинстве постсоциалистических стран. Однако справедливый суд, следующий букве и духу закона, — это не только формальный статус и отключенная «горячая телефонная линия» с боссом местной партийной организации; это в первую очередь долгая история формирования профессиональной этики, поведенческих норм, принятых в судебском сообще-

¹ *Olivier B., Kremer M. Disorganization. Quarterly Journal of Economics. 1997. November. Vol. 112. No. 4. P. 1091–1126.*

стве, репутации и сверх всего — действительно функционирующего гражданского общества, всегда готового наказать судью, не выполняющего принятые нормы. Значит, требуется время, адекватное обоснование судебной системы и согласованные усилия, направленные на развитие всей правовой системы в обществе. Однако нельзя дать никаких гарантий о том, сколько времени потребует выполнение этой важнейшей задачи.

Функционирующая система закона и законоприменения образует становой хребет функционирования рыночной экономики. Достигнуть последнего неизмеримо сложнее, чем написать любой закон. Определяющую роль в экономической жизни играют традиции, и очень редко бывает так, что в случае конфликтов и разногласий, возникающих в этом процессе, люди обращаются в суд. В подавляющем большинстве случаев для разрешения конфликта оказываются достаточными утвердившиеся нормы и угроза потери репутации в результате нарушения этих норм. Случись так, что в какой-нибудь цивилизованной и зрелой рыночной экономике останутся все законы и правовые институты, но исчезнут указанные традиции и охраняющее их гражданское общество, на следующий день здесь будут экономические джунгли и война всех против всех.

Естественно, определенные нормы поведения есть и в социалистическом обществе, включая ориентацию на отчет, а не на результат; приписки, высоко оцениваемые личные контакты, поскольку на них основывается доступ к дефицитным ресурсам; мелкое воровство на предприятиях и т.д. К сожалению, эти факторы мало полезны при переходе к эффективной рыночной экономике.

Последствия коллапса коммунистического режима различны.

Даже если новые власти очень благосклонны к немедленному формированию рыночных репутаций, системы общественных связей, способствующих этому, а также эффективно функционирующей системы применения закона, ни одна из этих вещей не возникнет на следующий день. Отсюда хронически низкий уровень выполнения принятых обязательств (неплатежи). Отсюда утвердившаяся на годы, как принятая норма, практика (включающая преступные формы) частного арбитража и принуждения к выполнению контрактов.

Проблемы банковской системы, возникающей после социализма, являются частичным отражением общего дефицита рыночных традиций. Утверждение эффективной системы банковского контроля требует хорошо обученных некоррупцированных кадров, которые должны понимать, как действует отечественная банковская система. Импортировать такой персонал в достаточных объемах невозможно. Однако проблема еще серьезнее. Как в любой нормально функционирующей банковской системе, банковский контроль — это только последняя степень защиты. Устойчивость системы в большой степени зависит от сохранения банковским сообществом профессиональных этических стандартов. Они не возникают сразу вслед за сносом очередного памятника какому-нибудь местному диктатору и возвращением национальных символов. Это объясняет массовое распространение липовых кредитов, распределяемых между аффилированными структурами и частными лицами, широкую практику раздачи активов, а также хроническую ненадежность банковской системы, не позволяющую ей быть эффективным средством перераспределения ресурсов в пользу действующих и растущих предприятий.

Отмечу, что процесс становления такого средства, по-видимому, является одним из самых сложных вызовов, с которыми встречается постсоциалистический переход. Ни для кого не секрет, что существом экономики постсоциалистического периода, прежде всего, было перераспределение ресурсов, замороженных в неэффективных производственных процессах и предприятиях в пользу эффективных экономических единиц, способных выжить в условиях рыночной конкуренции. Что оказалось неожиданным, так это, во-первых, уровень трудностей, с которыми встретилось формирование сектора предприятий, эффективно действующих в условиях рынка, и, во-вторых, период времени, который потребовался для полного созревания этого сектора, прежде чем он смог укрепиться путем естественного роста и сокращения ненужной для жизни продукции.

Сегодня, когда накоплен соответствующий опыт, причины таких трудностей очевидны. Эти трудности возникли вовсе не только из-за структурных аномалий, унаследованных от социализма, или гипертрофированного развития военного производства и связанных с ним отраслей. Точно так же они возникли из того факта,

что существенная часть производственных мощностей оказалась неспособной перестроиться так, чтобы удовлетворять потребительский спрос, из-за гигантомании, хронически низкого качества выпускаемой продукции. Есть предприятия, способные эффективно действовать и развиваться в рыночных условиях, но они не являются адекватными производственными мощностями. В первую очередь, они имеют эффективную команду менеджмента, которая разбирается в маркетинге и управлении и способна гибко адаптировать производство к суровым условиям рыночной конкуренции. Но, далее, такие управленческие и предпринимательские умения требуются на тысячах предприятий, а не только на немногих «лидерах». В том, что касается радикально изменившихся условий, то традиции и навыки управления, сформированные за десятилетия социализма (когда внимание концентрировалось на производстве продукции и снабжении, а не на продажах и финансах, поведенческие стереотипы «экономики дефицита», отсутствие навыков анализа рынка, невнимание к качеству продукции и т.д.) были контрпродуктивны. В то же время мысль о том, что новая управленческая элита может возникнуть по чьему-то приказу¹, представляется совершенно утопичной.

Даже если она начнет возникать под влиянием рыночной действительности, это еще не означает, что прежние менеджеры, неспособные наладить эффективный производственный процесс, но способные выжать последние выгоды из умирающего социалистического предприятия, поспешат убраться со сцены.

Так что не следует переоценивать способность постсоциалистического правительства контролировать процесс. Попытка опереться на программы обучения рыночно ориентированных кадров полезна, но требует времени и, как оказалось, дает скромные результаты. Во всяком случае, первые годы после крушения социализма старая элита сохранит за собой сильные позиции в управлении и это случится вопреки ориентации руководства правительства. В такой ситуации было бы чрезмерным оптимизмом надеяться на позитивную роль правительства, ко-

¹ Очевидным исключением, подтверждающим общее правило, явилась бывшая Германская Демократическая Республика, новая управленческая элита которой в большей части была импортирована из бывшей Западной Германии.

торое было подвергнуто «перетасовке» значительной части элиты. Этот процесс берет в лучшем случае много времени и средств.

Таким образом, крах тоталитарного политического режима автоматически вызывает саморазрушительный процесс в социалистической экономической системе, на которую он опирался. Люди скоро приходят к пониманию невозможности сохранения существенной части прежних экономических структур и производств, тогда как возникновение и развитие институтов и традиций, необходимых для удовлетворительного функционирования или особенно роста рыночной экономики требует времени. Отсюда происходит неизбежно длительная постсоциалистическая рецессия, когда доступность ресурсов, высвобожденных из традиционных секторов и производств, не полностью покрывается ростом рыночных секторов.

Отсутствие исторических прецедентов крушения социалистических экономических и политических режимов, и вызываемых этим проблем, исключает всякую возможность априорной оценки (расчетов по какому-то множеству данных, доступных с самого начала) размеров и длительности спада производства после социализма. Хотя польские реформаторы, бывшие первопроходцами в процессе реформ, понимали, что структурные сдвиги, а также политика, направленная на монетарную и финансовую стабилизацию, может привести в временному спаду объемов производства и росту безработицы, все же глубину спада и его длительность не могли предсказать ни они, ни преобладающее большинство экспертов по транзитологии (по переходным процессам).

Поскольку в то время посткоммунистические реформаторы еще не располагали опытом других постсоциалистических стран и ясным представлением о том, сколько времени может продлиться спад производства, это вызвало первую волну профессиональных исследований 1990–1991 гг., которые прямо связывали экономическую динамику с конкретными формами экономической политики польских реформаторов (особенно с «шоковой терапией»). Именно тогда возник широкий спрос на градуалистские рецепты. Эта формула связывала уровень и длительность польского спада производства с чрезмерной жесткостью денежной и финансовой

политики, проводившейся в то время. Эта формула защищала более мягкие и медленные преобразования¹.

Популярность градуалистских объяснений и соответствующих экономических и политических рецептов была подорвана несколькими фактами действительности. Это были, прежде всего:

1. Начало экономического роста в Польше в 1992 г. (на четвертый год после либерализации цен 1989 г. и на третий год после запуска системных реформ).
2. Существенное падение производства и продолжительность периода спада во всех восточноевропейских странах, которые приступили к системным реформам позднее, чем Польша.

Позже динамический рост польской экономики в середине и конце 1990-х снизили привлекательность доводов против метода польской «шоковой терапии». Сторонники градуализма недавно стали даже говорить о «градуалистской природе» польской трансформации, ссылаясь на относительно низкий уровень приватизации крупных промышленных предприятий. Однако, по меньшей мере в некоторых аспектах, польский опыт предоставил нам безусловные и довольно устойчивые факты, которые присутствуют всегда, когда бы ни обсуждались проблемы постсоциалистического перехода: при адекватной экономической политике для выхода из трансформационной рецессии и восстановления экономического роста обычно требуется 3–4 года. Подобный сценарий действовал в Восточной Европе в целом: возобновление экономического роста (хотя и с некоторыми колебаниями), как правило, происходило на третий или четвертый год после начала системных реформ.

Эти сценарии позволяют сформулировать устойчивую (хотя и не выраженную явно) гипотезу о существовании минимального срока продолжительности постсоциалистической рецессии. Это была вполне стандартная картина для Восточной Европы, с которой сравнивалась картина, наблюдавшаяся в странах постсоветского пространства. Отсутствие экономического роста после трех или четырех лет реформ в крупнейших странах этого региона

¹ Интересно, что один из наиболее последовательных оппонентов Л. Бальцеровича, Г. Колодко, впоследствии министр финансов Польши, опубликовал в 1991 г. статью с очень характерным названием: «Упущенный шанс».

(России, Украине и Казахстане) дало в 1998–1999 гг. почву оживленным спекуляциям о радикальных различиях в избранных путях экономического развития. Судя по утверждениям некоторых аналитиков, страны Восточной Европы и Прибалтики с одной стороны выбрали один путь, тогда как преобладающее большинство постсоветских страны с другой предпочли существенно иную дорогу¹.

Мы уже рассмотрели набор факторов, осложняющих возобновление экономического роста. Эти факторы унаследованы от социализма и в решающей степени уходят корнями в социальную историю: препятствия, с которыми встречается зарождающийся рыночный сектор и переключение ресурсов в его пользу, формирование рыночной экономики, системы институтов и поведенческих стандартов. Все эти факторы напрямую зависели от того, в какой степени навыки рыночного поведения были удалены из общественной практики на протяжении социалистической эры, и насколько радикальным было подавление элементов гражданского общества. Все эти параметры напрямую связаны с продолжительностью действия социалистических порядков в той или иной стране и их интенсивностью.

Когда начались реформы в Восточной Европе и Прибалтике, там жили миллионы людей, которые с детства помнили элементы рыночного поведения и частной жизни (вытесненные впоследствии под социалистическим влиянием). Дети этих людей составили костяк более молодых когорт, оказавшихся наиболее активными участниками политической жизни и бизнеса. Поскольку в большинстве случаев, социалистические институты и учреждения были импортированы на советских штыках, значительная часть общества в этих странах всегда воспринимала их как нечто чужое и насильственно навязанное. Плюс к этому в странах Восточной Европы явно присутствовали некоторые элементы гражданского общества (относительно независимая церковь, малые частные предприятия и т.п.).

Напротив, ничего подобного не было на основной части территории СССР. Доступен был только социалистический опыт, а большинство населения представляло себе рыночную экономику по

¹ См., например: Transition Report 1999. EBRD.

западным фильмам; количество тех, кто мог ездить в страны развитой рыночной экономики, было ничтожно.

В постсоветские страны социализм не был импортирован на штыках (силовыми методами), но будучи результатом трагического развития национальной истории, стал неотъемлемым элементом общества. Семь десятилетий подряд в этих странах подавлялись все попытки развития гражданского общества путем общественной самоорганизации. Это подавление было намного более жестоким, чем в большинстве стран Восточной Европы. Кроме того, сама структура советской экономики в большой степени была деформирована социализмом и намного больше милитаризована, нежели молодые восточноевропейские социалистические экономики.

Если отвлечься в данном случае от сравнения качества экономической политики, проводившейся в Восточной Европе и на постсоветском пространстве, мы имеем серьезные основания предположить, что даже при всех прочих равных условиях интенсивность и продолжительность постсоциалистической рецессии в постсоветских государствах должна была быть существенно больше, чем в Восточной Европе.

Если жизнь принуждает нас участвовать в гонке, кто быстрее выберется из пропасти социалистического ада, ее результат должен отражать глубину этой пропасти.

В исследованиях, опубликованных между 1996 и 1997 гг.¹, эксперты сосредоточивали внимание на очевидной и сильной отрицательной корреляции между длительностью социалистического периода в истории конкретной страны и результатами постсоциалистического перехода. В работах 1998–1999 гг.² указанный параметр непременно присутствует среди основных факторов, определяющих динамику постсоциалистического развития.

Однако в таком случае вряд ли кто примет идею о том, что стандартный период постсоциалистической рецессии (представление о котором сформировалось на базе опыта восточноевропейских

¹ См., например: *De Melo, Martha, Cevdet Denzier, Alan Geb, and Stoyan Tenev. Circumstance and Choice: The Role of Initial Conditions and Policies in Transition Economies, World Bank Policy Research Working Paper. 1866, Washington: The World Bank, 1997.*

² *Berg A., Borensztein E., Sahay R. and Zettelmeyer J. The Evolution of Output in Transition Economies: Explaining the Differences. IMF Working Paper. 99/73. May 1999.*

стран) может подойти для анализа развития постсоветских государств.

Начало экономического роста в постсоветских странах в 1999–2000 гг. подорвало доверие к концепции «разнообразия путей развития». Сейчас стало ясно, что пути и динамика производства в основном одинаковы и существуют очевидные причины, почему длительность и интенсивность постсоциалистической рецессии в крупных постсоветских государствах были существенно больше, чем в Восточной Европе.

Авторы исследований, посвященных трансформации, давно приняли понятие: так называемые последовательные годы перехода (в отличие от хронологических. — *Прим. ред.*)

Они приняли год либерализации цен за точку отсчета и, соответственно, получили возможность сравнивать развитие стран, начинавших реформы в разные годы. В том, что касается межстранового анализа процесса выхода из трансформационной рецессии, то ценнее рассматривать как точку отсчета год начала экономического роста. Однако если это принять, то экономику России 2000–2001 гг. следует сравнивать с польской экономикой 1993–1994 гг., а не 2000–2001 гг. Даже беглого взгляда достаточно, чтобы понять, что обе экономики имеют много общего в своих главных экономических показателях (уровень инфляции, доля кредитов частному сектору в ВВП, иностранные прямые инвестиции на душу населения и т.д.)

Таким образом, постсоциалистическая рецессия является неизбежной фазой переходного процесса после крушения развитого социализма. Минимальная глубина и продолжительность рецессии заданы присущими социализму чертами, а также временем, необходимым для становления рыночного сектора, способного компенсировать прекращение выпуска неэффективной продукции. Продолжительность постсоциалистической рецессии связана с длительностью самого периода существования социализма.

Вот в таких условиях за последнее десятилетие почти три десятка постсоциалистических государств пытались определять свою экономическую политику. Они испытали сотни смен правительств и испробовали массу экономических моделей и инициатив. Все это не помогало, но влияло на характеристики переходного периода, развитие рыночных экономик. Учитывая, что пока мы

абстрагировались от влияния экономической политики на переходную динамику, теперь мы сделаем ее объектом нашего анализа.

К тому времени, когда триумф «Солидарности» на выборах открыл для польских реформаторов «окно возможностей», еще не существовало адекватного опыта, на базе которого можно бы прогнозировать будущее развитие постсоциалистических стран. Беспрецедентная природа этой миссии не позволяла оценивать масштабы предстоящих вызовов и будущие трудности, которые предстояли обществам и экономикам в их приспособлении к рыночным условиям. Это была ситуация «чрезвычайной политики», уникальный момент, которого нельзя было избежать и который формировал коренной фактор, существенно влияющий на решения, принимавшиеся в то время. СССР еще прочно существовал на заре польских реформ, и никто не мог предсказать исхода внутренней борьбы; проявят ли демократия и независимость в таких условиях свою прочность. Вот почему польские реформаторы так старались использовать шанс формирования жизнеспособной рыночной экономики. Условия «чрезвычайной политики» сами по себе расширяли свободу маневра и позволяли осуществлять максимальную концентрацию усилий на самых необходимых моментах трансформации.

В такой ситуации польские реформаторы остановили свой выбор на одновременной либерализации цен, либерализации экономики, введении конвертируемой национальной валюты, прекращении инфляции на основе набора мероприятий монетарной и бюджетной политики, а также инструментов политики заработной платы и запуска структурных реформ, в первую очередь — приватизации. Даже теперь, смотря из нашего времени, трудно обвинить польских реформаторов в недооценке важности утверждения институциональных основ рыночной экономики. Наоборот, с самого начала они упорно работали в этом направлении, добивались уважения к Закону, создавали агентства и структуры, необходимые для укоренения рыночных отношений. Однако такая работа, конечно, требовала времени¹.

¹ Работа С. Фишера и А. Гелба, опубликованная в 1991 г., отражает идеи, распространенные тогда среди ключевых дизайнеров реформ, и показывает, что они ни в коем случае не отрицали необходимости серьезного внимания к построению институтов. См.: *Fischer S., Gelb A. Issues in Socialist Economy Reform. Journal of Economic Perspective, 1991. Vol. 5. No. 4. P. 91–105.*

Я полагаю, что действительным недостатком в то время была недооценка роли некоторых факторов. Среди них: традиции и поведенческие стандарты, время, необходимое для их изменения; роль развивающегося рыночного сектора, завышенные ожидания в связи с приватизацией; непонимание того, что процесс появления эффективных частных собственников в секторе крупных предприятий требует времени, а также упрощенное понимание связей между финансовой и денежной стабилизацией.

Разрешите мне остановиться на последнем факторе. Сегодня мы имеем куда лучшее представление о масштабах задачи формирования механизма устойчивого экономического роста, нежели в начале 1990-х гг. Плюс к этому теперь стали общеизвестными стандарты пристойного поведения в монетарной и бюджетной сферах. Поэтому трудно понять причины, по которым в последнее время развернулись дискуссии и борьба вокруг вопросов финансовой и денежной политики и сдерживания инфляции. Представляется очевидным, что инфляция образует лишь один из ряда источников неопределенности в постсоциалистической действительности. Так что ее подавление само по себе еще не дает гарантии возобновления экономического роста.

Я думаю, что тот факт, что реформаторы сосредоточивали свое внимание на этом частном элементе экономической политики, определялся несколькими факторами.

Во-первых, высокая инфляция (и угроза гиперинфляции) формирует острую и очевидную проблему, подрывающую эффективность рыночных механизмов. В глазах широкой публики укрощение инфляции вместе с ликвидацией дефицитов является критерием, по которому в начале перехода к рыночной экономике общество может судить об эффективности курса реформ.

Во-вторых, в противоположность сложным проблемам постсоциалистического перехода, которые не предполагают простых решений, высокая инфляция — это хорошо известное, почти стандартное экономическое явление, которое может лечиться более или менее стандартными методами. Единственная и — как это будет ясно в дальнейшем — правильная гипотеза, которую в такой ситуации должны были принять реформаторы, — то, что инфляцию надо лечить стандартными монетаристскими методами: в постсоциалистических условиях инфляция это прежде всего денежный феномен.

В-третьих, наиболее развитые страны рыночной экономики не сумели создать оригинальные политико-экономические механизмы, наподобие плана Маршалла после Второй мировой войны, для помощи народам, избавлявшимся от социализма. В результате они возложили всю ответственность за обеспечение этого процесса на Международный валютный фонд. Для МВФ задача обеспечения финансовой и денежной стабилизации была стандартной и хорошо освоенной, хотя вряд ли то же самое можно сказать о постсоциалистической трансформации вообще.

Это было счастливым совпадением — то, что польские реформаторы с самого начала сосредоточили свое внимание на политико-экономических вызовах дезинфляции, с которыми они столкнулись. Быстрое ее осуществление доказало, что путь эффективного постсоциалистического перехода проложен, хотя и благодаря совсем иным микроэкономическим соображениям, в которые они верили в начале 1990-х гг.

В условиях постсоциалистического перехода реформаторские правительства сосредоточивали свои усилия на подавлении инфляции и соответствующем ужесточении бюджетной и денежной политики, что создавало с одной стороны предпосылки для стабилизации национальной валюты и с другой, что не менее важно, приводило к жестким бюджетным ограничениям на микроуровне.

С течением времени стало ясно, что точно так же, как в Польше социалистическая экономика реагировала на либерализацию цен, введение конвертируемой валюты, стабилизационные меры и начало структурных реформ, это произошло везде, где предпринимались аналогичные наборы политико-экономических мер.

Поздняя фаза социалистического экономического развития характеризовалась наличием денежного навеса, то есть чрезмерного объема денежного предложения по сравнению с денежным спросом со стороны экономических агентов. Такой навес принимал форму дефицита товаров. Социалистическая экономика представляет собой, в сущности, экономику подавленной инфляции. Когда цены фиксированы, государство пользуется широкими возможностями увеличивать денежное предложение. Не имея шансов справиться с проблемой путем повышения уровня цен, излишнее денежное предложение, вызываемое покрытием дефицита или предоставлением кредитов предприятиям государственного сек-

тора, выливается в форму вынужденных сбережений и неудовлетворения спроса на товары и услуги.

Либерализация цен и экономических связей радикально меняет условия ведения денежной политики. Возрастающее денежное предложение теперь приводит не к большому дефициту благ, а к ускорению роста цен. Учитывая, что при социализме потребители не имели выбора между вынужденными сбережениями или покупкой товаров по высокой цене, при либерализации цен такой выбор становится реальностью. Именно с этого момента выявляется действительный уровень спроса на деньги. Этот уровень денежного спроса определяется предшествующей монетарной историей, уровнем доверия к национальной валюте и решающим фактором — стабилизационными усилиями правительства.

Итак, постсоциалистические страны встречаются с двумя крупномасштабными макроэкономическими процессами: резким спадом производства и резким сокращением реального денежного предложения. Как правило, глубина этих процессов превышала то, чего первоначально ожидали реформаторские правительства. Поэтому с самого начала их оппоненты стали выдвигать теории, объяснявшие спад производства чрезмерным сокращением кредитов и денежного предложения, требовали ускоренного увеличения денежного предложения с целью стабилизации производства¹.

Повсюду, где реформаторские правительства сопротивлялись подобным предложениям и продолжали проводить жесткую денежную политику, инфляция быстро реагировала на ликвидацию денежного навеса, и ее уровень снижался, тогда как спрос на национальную валюту и реальное денежное предложение начинали расти. Там, где денежная политика терпела неудачу и правительства пытались поддержать производство повышением денежного предложения, процесс дезинфляции замедлялся.

Ключевую роль в структурных изменениях, ведущих к рыночным реформам, играет формирование широкого круга производственных единиц, способных конкурировать на рынке.

¹ Познакомиться с наиболее детальным выражением этой точки зрения можно в работе, пользовавшейся большой популярностью на первых этапах исследования реформ: *Calvo G., Coricelli F. Output Collapse in Eastern Europe: The Role of Credit — The Macroeconomic Situation in Eastern Europe. World Bank and IMF. 1992.*

Поэтому мы должны уделить особое внимание микроэкономическим механизмам, обеспечивающим эти факторы. Главной причиной экономической стагнации социализма и усиливающегося кризиса, закономерно приводящего к коллапсу этой системы, является отсутствие в ней институтов, поддерживающих эффективные инновации и автоматическое перераспределение ресурсов в пользу тех экономических единиц, которые способны их эффективно использовать.

Формирование среды, обеспечивающей такие стимулы, является стратегической задачей постсоциалистической трансформации. В развитой рыночной экономике главные механизмы, обеспечивающие решение этих проблем, базируются на жестких бюджетных ограничениях, возлагаемых на себя самими предприятиями. Предприятия, не способные эффективно использовать свои ресурсы и применять наиболее рациональные методы производства, обрекают себя на убыточность; их менеджеры теряют свои посты, а владельцы — собственность. Тесная зависимость между эффективностью и финансовой несостоятельностью при управлении соответствующими ресурсами определяет успех рыночной экономики в ее соревновании с социализмом.

В условиях мягких бюджетных ограничений и мягкой финансовой ответственности, характерных для социалистического предприятия, социалистические фирмы компенсируют это строгой ответственностью их руководителей за выполнение плановых заданий, критически важных для вышестоящих уровней иерархии. Когда коллапс социализма уже состоялся, упомянутые мягкие ограничения еще сохраняются и предприятия оказываются в уникальной позиции: мягкая административная ответственность сочетается теперь с мягкой финансовой ответственностью. Предприятия не должны выполнять какие-либо плановые задания по объемам производства и могут демонстрировать хроническую неспособность быть прибыльными. Они могут быть несостоятельными без серьезных наказаний для менеджмента. Эволюция бывших государственных предприятий к функционированию в условиях мягких ограничений представляется естественной, и ее логика определяется застаревшими традициями отношений между предприятиями и государством, управленческой квалификацией и состоянием правовой инфраструктуры.

Для стран, проводящих политику ускоренной дезинфляции, реализации такого сценария противодействуют жесткие ограничения, налагаемые на само государство. Стабилизационная монетарная политика ограничивает размеры приемлемого бюджетного дефицита и его финансирования. Так что выйти за эти пределы означает признать поражение выбранной стратегии перехода к рыночной экономике и курса на ускоренное вхождение в Европу. В подавляющем большинстве случаев постсоциалистические правительства сталкиваются с трансформационным фискальным кризисом, бюджетными проблемами, возникающими из-за эрозии традиционных источников государственных доходов и с высоким уровнем государственных обязательств, унаследованных от социализма¹.

В такой ситуации отказ от применения эффективных наказаний к предприятиям-должникам, позволяющий им накапливать налоговые недоимки, представляется несовместимым с задачей поддержания адекватной доходной базы государственного бюджета. Прореформистские правительства вынуждены делать выбор между курсом на подавление инфляции, и, соответственно, ужесточение бюджетных ограничений для предприятий, или же на увеличение диспропорций в бюджете, ведущих к провалу стабилизационной политики. Именно финансовые нужды заставляют правительства быть более жестокими по отношению к их собственным предприятиям, заставляя их следовать стандартам рыночного поведения.

Ужесточение финансовых ограничений для государственных предприятий изменяет их приоритеты собственной экономической деятельности и, что не менее важно, ведет к решительному перераспределению высвобождаемых ресурсов в быстро развивающийся частный сектор. У последнего нет традиционных связей с правящей иерархией, и привычка к жестким бюджетным ограничениям укореняется здесь с самого начала. Много лет после запуска рыночных реформ государственные предприятия (особенно

¹ *Dombrovsky M. Fiscalny crisis v period transformatsii [The fiscal crisis in the period of transformation]. Warsaw, 1996; Hemmins. R., Cheasry. A., Lahiri. A. The Revenue Decline — Policy Experiences and Issues in The Baltics. Russia and Other Countries of The Former Soviet Union. Wash. 1997; См. также: Гайдар Е. Детские болезни постсоциализма. О природе бюджетных кризисов этапа финансовой стабилизации // Вопросы экономики. 1997. № 4. См. также в данном Собр. сочинений, том 6, с. 319–338.*

крупные, пользующиеся политической поддержкой) демонстрировали низкую финансовую состоятельность. Концентрация налоговых недоимок в конкретном секторе остается серьезной политико-экономической проблемой. Однако размер этого сектора быстро сокращается, он перестает играть доминирующую роль в экономике.

Ужесточение финансовой ответственности предприятий по своему значению далеко выходит за пределы проблем дефицитности государственного бюджета. Предприятия должны более активно участвовать в изменении рыночных и ценовых пропорций. Если их менеджмент не сумеет обеспечить эффективное производство конкурентоспособных благ, он теряет контроль над ресурсами. Отмечается быстрое изменение состава хозяйственной элиты и продвижение тех, кто способен организовать производство в соответствии с требованиями рынка. На постсоциалистических предприятиях происходит конвергенция между их деловой практикой и стандартами, и практикой и стандартами, присущими развитой рыночной экономике.

Именно предприятия, действующие в условиях жестких бюджетных ограничений, не имеющие налоговых недоимок, становились главными локомотивами экономического роста.

Консенсус между национальными политическими элитами в проблемах выбора стратегического курса развития страны — вот что определило специфическую динамику тех стран, которые оказались способными осуществить быструю дезинфляцию и укрепить основы возобновления экономического роста. Их сменявшие друг друга правительства ставили перед собой задачу быстрой интеграции в европейские структуры с будущим вступлением в Европейский союз. Все это накладывало неявное вето на любые крупномасштабные эксперименты с экономикой популизма. Конечно, в процессе избирательных кампаний звучала популистская риторика, раздавались популистские призывы к разрешению экономических проблем путем денежной накачки и увеличения бюджетных расходов, однако они оказывали очень слабое влияние на последующую экономическую политику.

В противоположность сказанному большинство постсоветских стран, а также Болгария и Румыния, не демонстрировали подобный консенсус. В этих странах экономический путь выбирал-

ся под давлением острой политической борьбы; их финансовая и монетарная денежная политика подвергались сильным колебаниям. В некоторых из названных стран правительства изначально настраивались на проведение «мягких», «щадящих» постепенных реформ (Румыния, Украина и др.), тогда как в некоторых других старт радикальных перемен оказался политически не обеспеченным и, соответственно, скоро заменен попытками перехода к мягкой бюджетной и денежной политике (Россия, Болгария). В результате страны испытали долгий период высокой инфляции и отложенной финансовой стабилизации. Их дальнейшее развитие показало, что долгий период высокой инфляции ведет к возникновению множества макроэкономических и микроэкономических факторов, которые показали свою неустойчивость, ограничивают темпы экономического роста и воспроизводят финансовую нестабильность. Этот тип высокой инфляции существенно влияет на дальнейшее развитие рассматриваемых экономик.

Аналогично странам, проводящим твердую стабилизационную политику, и на постсоветском пространстве первым видимым результатом реформ оказался спад объемов производства и сокращение доли денег в ВВП. Однако при слабой политической поддержке стабилизационной политики, государственные предприятия реагируют на вызовы изменившейся экономической среды значительно более высоким ростом взаимных платежей сравнительно с соответствующими показателями стран, проводящих политику быстрой дезинфляции. Падение выпуска в сочетании со строгим ограничением реального предложения денег и взрывным ростом взаимных платежей между предприятиями привело к следующим отношениям в экономике: чрезмерно жесткая денежная политика, проводимая из монетаристских соображений, нехватка денег в экономике, неплатежи между предприятиями и спад производства. Отсюда напрашиваются стандартные методы лечения: увеличить денежное предложение («насытить экономику наличностью»), разрешить проблему неплатежей средствами денежной эмиссии и компенсаций. Это должно было бы обеспечить экономический рост. К тому же все описанное обычно отвечает кейнсианской теории и ассоциируется с экономическими решениями, принимавшимися во время Великой депрессии.

Чтобы лоббировать подобное политэкономическое направление, можно сформировать мощную социополитическую коалицию, объединяющую руководителей и работников государственных предприятий, горящих желанием сохранить мягкие бюджетные ограничения и отвергающих радикальную реорганизацию, а также лоббистов бюджетных секторов, стремящихся увеличить бюджет путем денежной эмиссии. В результате конфликт между политикой жесткого бюджета на макроуровне и мягких бюджетных ограничений на уровне госпредприятий разрешается смягчением правительственной бюджетной и денежной политики.

Такие эксперименты могут повторяться неоднократно, и они продлевают период высокой инфляции и спада производства. Раньше или позже общество устает от взлетающих к небу цен, снижения спроса на национальную валюту, сокращения бюджетных доходов вследствие эмиссии. Следовательно, приходит время для формирования политической коалиции, способной реализовать денежную стабилизацию путем снижения уровня денежного финансирования бюджетного дефицита и растущих уровней денежных агрегатов к величинам, совместимым с подавлением инфляции. Однако если все это и сделано, страны, где процесс стабилизации оказался отложенным, демонстрируют некоторое число аналогичных и важных характеристик.

Долгий период высокой инфляции подрывает доверие к национальной валюте, резко падает коэффициент монетизации к ВВП и высок уровень долларизации экономики. Это устойчивые характеристики, которые должны лишь постепенно быть преодолены в последующий период монетарной стабильности. Набор поведенческих стандартов, сформировавшихся в период режима мягкого бюджета (компенсации, долги, неплатежи, бартер) порождает падение доли бюджетных доходов в ВВП до уровней существенно более низких, чем в странах, переживших «шоковую терапию». Высокая инфляция приводит к большей стратификации обществ по уровням доходов и повышает индексы неравенства в сравнении с названными странами первой группы. В сочетании с соответствующим падением бюджетных расходов это порождает резкое увеличение доли бедных в населении.

Отложенная финансовая стабилизация, осуществленная после нескольких лет высокой инфляции и в обстановке мягких бюд-

жетных ограничений, проявляет свою специфику на микроуровне. В момент появления стабилизационных усилий доверие к национальной валюте разрушено и доля денег в ВВП низка. В такой ситуации даже ограниченная эмиссия для финансирования бюджетного дефицита ведет к такому росту денежного предложения, который несовместим с успешной стабилизацией. Дорога к мягкой дезинфляции, с постепенным уменьшением объемов монетарного финансирования дефицита (как в Польше между 1990 и 1993 г.) оказывается заблокированной. Вот почему возникает необходимость сокращать расходы существенно более резко, чем в тех странах, которые проводили политику ускоренной дезинфляции с самого начала реформ¹.

В связи со сказанным я добавлю только несколько замечаний о специфических особенностях развития ситуации в странах постсоветского пространства.

Когда стало ясно, что деморализованная советская элита не способна предпринять жестокие и немедленные меры по подавлению любых признаков недовольства, судьба социалистической системы была решена. Достаточно сравнить кровавое и мощное подавление протеста в период зрелости империи (Новочеркасск 1962 г.) с картиной, когда руки правительства буквально дрожали всякий раз, когда предпринимались акции подавления (в 1989 г. в Тбилиси и в 1991 г. в Вильнюсе и т.д.), чтобы понять, что в это время самым важным процессом в СССР было исчезновение страха перед применением силы, культивировавшегося десятилетиями².

Каждый разумный человек, когда-либо живший в СССР, не сомневается, что абсолютная власть Коммунистической партии Советского Союза составляла основу всей советской государственной системы. Вот почему, когда страх перед партией и секретной

¹ Подробнее о взаимоотношениях между медленной дезинфляцией и возникновением мягких бюджетных ограничений см.: *Gaidar Ye. The Legacy of the Socialist Economy: The Macro- and Microeconomic Consequences of Soft Budget Constraints // Mario I. Blejer and Marko Skreb Transition the First decade. Cambridge, MA — London, England: The MIT Press, 2001. P. 293–326.* См. также: «Наследие социализма. Макро- и микроэкономические последствия мягких бюджетных ограничений» в данном Собр. сочинений, том 2, с. 547–597.

² Взаимосвязь между исчезновением страха и распадом социалистической империи блестяще показана в книге бывшего посла США в СССР Дж. Мэтлока: *Matlock J.F. Jr. Autopsy on an Empire. The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union. New York: Random House, 1995.*

полицией стал ослабевать, совершенно естественно, что вся государственная машина, лишенная этой основы, начала распадаться. Обратите внимание: в то время ни формальный закон, ни традиции не содержали каких-либо ответов на основные вопросы: как должны соотноситься союзные власти с властями союзных республик, последние с властями автономных республик, областями, городами и районами? Что делать, если власти разных уровней принимают противоречивые решения по одному и тому же вопросу? Надо отметить, что все это относится к стране, в которой вся система экономических связей могла функционировать только под строгим контролем и при соответствии незыблемо фиксированным планам.

Перечитывая советскую прессу 1989–1991 гг. можно увидеть картину разрушенной дисциплины, невыполнения указаний, нарушения обязательств по поставке продукции, барьеров, возникающих на путях межрегиональных товарных потоков, исчезающих потребительских рынков и обостряющихся дефицитов. Все это происходило под управлением опытных менеджеров советской выучки — таких как Рыжков, Павлов, Силаев. Они знали, как надо поступать в рамках старой системы для восстановления контроля над ситуацией. Однако для этого требуется обязательная предпосылка: восстановить страх перед жестокой неограниченной властью. В условиях растущей политической дестабилизации это было совершенно невозможно, и правящие элиты потеряли веру в незыблемость своего положения¹. Это совершенно ясно проявилось в событиях 19–21 августа 1991 г.

Еще до государственного переворота августа 1991 г., когда социалистическая система постепенно распадалась, некоторые элементы коммунистической элиты лелеяли надежду остановить этот процесс с помощью силы. После попытки переворота этот процесс вышел из-под контроля: запрет КПСС, провозглашение верховенства республиканских законов над союзным по всему бывшему

¹ О взаимоотношениях между политическим и экономическим кризисами в СССР см.: *Leon Aron. Yeltsin A Revolutionary Life. New York: St. Martin's Press, 2000.* А также: *Anders Åslund. Building Capitalism. The Transformation of the Former Soviet Bloc. New York — Cambridge, England: Cambridge University Press, 2002* (издание на рус. яз.: *Ослунд А. Строительство капитализма: Рыночная трансформация стран бывшего советского блока / под ред. И. М. Осадчей. М.: Логос, 2003*).

СССР, декларация о независимости Украины... Союзный банк потерял контроль на денежном обращении.

Все это показывало, что прежнее государство более не существовало. Однако это вовсе не означало, что все бывшие 15 республик автоматически стали реальными государствами, поскольку они не располагали такими важными характеристиками, как наличие границ, таможен, контроля над денежным обращением, армией и т.д. Неудивительно, что в такой ситуации колхозы и совхозы практически прекратили сдачу зерна государству и вся система межрегиональных поставок начала распадаться. Вот в таких реальных условиях новому российскому руководству потребовался проект плана действий.

В то время ситуация не позволяла углубляться в теоретические дискуссии о сравнительных преимуществах монетаризма, неокейнсианства или неоинституционализма — действительная область принятия возможных решений была просто иной. Фундаментальное различие между развитием постсоветского пространства и пространства восточноевропейских стран состояло в том, как последние пережили одновременный коллапс своих социалистических систем и своих государств¹.

Восточноевропейские страны унаследовали от социализма функционирующие государственные институты. Естественно, эти институты надо было перестроить соответственно новым демократическим и рыночным условиям. Однако сам факт их существования, четко отработанные законы, возможность получить ясные ответы на фундаментальные вопросы, например, о том, кто должен контролировать границы, пользоваться монополией принуждения к исполнению законов, устанавливать налоги, регулировать денежное обращение, все это расширяло круг возможных альтернативных программ для проведения постсоциалистических реформ и перехода к рыночной экономике.

Эти страны имели реальную возможность выбирать между более радикальными и решительными преобразованиями, как это

¹ Чрезвычайность ситуации на территории бывшего СССР можно сравнить с тем, что происходило в Югославии. Однако последняя была в то время уже давно рыночно ориентированной экономикой. Что касается Чехословакии, то ее развод был хорошо организован и выполнен в условиях функционирующей рыночной экономики.

было в Польше, или сохранить множество институтов, унаследованных от социалистической эпохи, как в Румынии.

На постсоветском же пространстве крушение союзного государства и последовавший институциональный вакуум существенно ограничил свободу маневра и объективно привлек внимание к иному набору альтернатив. Осенью 1991 г. российские власти столкнулись с тремя основными вызовами:

1. Союзное государство фактически более не существовало. Российское государство де-юре не было независимым и не имело базовых государственных институтов. События осени 1991 г. показали, что никто не мог представить себе, что произойдет, если военные части, расположенные на территории России получат противоречивые приказы от союзных и российских властей. Российские власти должны были юридически оформить распад СССР де-факто и образовать собственные государственные институты.

2. Конституция Российской Федерации и система государственных учреждений были унаследованы от советского периода и мало соответствовали кардинально изменившимся условиям. Конституция не давала определенных ответов на вопросы о разделении полномочий между ветвями власти, а также между Федерацией и ее субъектами. Съезд народных депутатов, избранный в советскую эпоху, не мог адекватно отвечать на новые политические реальности, возникшие после августовских событий. Таким образом, была необходимость принять новую Конституцию и провести новые выборы.

3. Социалистическая административная экономическая система практически перестала функционировать. Система материально-технического снабжения была парализована, заготовки зерна были сведены к нулю и потребительский рынок полностью развалился. В большинстве регионов были введены карточки, однако не всегда удавалось их отovarивать потребительскими товарами и продуктами. Была необходимость либо немедленно восстановить функционирование старой государственной системы с ее жестокими репрессиями и принудительной заготовкой зерна, либо ввести рыночные механизмы, способные преодолеть кризис обеспечения крупных городов.

На самом деле, существование первой и второй проблем, которые безусловно не могли быть решены за несколько недель, ис-

ключало возможность выбора первого из двух названных планов. Вот почему в то время в центр политических и экономических дискуссий вышла проблема немедленного запуска рыночных реформ и либерализации цен. Существо альтернатив, возникших перед нацией, включало два компонента.

Во-первых, возможно ли в одно и то же время решить все три фундаментальные задачи: юридический роспуск СССР, введение новой конституции и старт экономических реформ, а во-вторых, учитывая очевидную незавершенность процесса институционального и легального формирования нового экономического режима, как запустить рыночные механизмы, преодолеть кризис снабжения крупных городов, если не существует определяющих традиций и институтов рыночной экономики и даже минимально необходимых предпосылок для ее функционирования (в частности, действующей денежной системы)?

Возможность одновременного осуществления политических и экономических реформ была в центре жарких дискуссий осенью 1991 г. и продолжает обсуждаться в многочисленных публикациях, посвященных российской истории последних десятилетий. М. Макфол¹ в своей смелой и глубокой книге о российской революции конца XX в.² называет отказ от немедленного роспуска Съезда народных депутатов и введения новой конституции и проведения новых выборов серьезной ошибкой того времени. Я не могу согласиться с таким заключением. Б. Н. Ельцин не имел конституционных полномочий распустить Съезд, и такая идея была крайне непопулярной в среде депутатов, что делало вероятность принятия такого решения близкой к нулю. Следует также отметить, что у русских властей не было никаких силовых органов, которые могли бы распустить Съезд силой. Было бы также невозможно объяснить народу, что сразу после подавления, с участием депутатов, августовского путча президент вступает в схватку с большинством съезда. В то же время свертывание операций и полномочий Съезда и Верховного совета сделало бы невозможным формальный

¹ М. Макфол — американский политолог, профессор политических наук при Стэнфордском университете. Посол США в Российской Федерации (2012–2014). До своего назначения послом был специальным помощником президента США Обамы по вопросам национальной безопасности. — *Прим. ред.*

² *Michael McFaul. Russia's Unfinished Revolution. Political Change from Gorbachev to Putin. Cornell University Press, 2001.*

ропуск Советского Союза. Эти институты были необходимы для процесса его легитимации эффективными парламентами входивших в Союз республик. К тому же был риск паралича государства в стране, полной атомного оружия.

Все это диктовало выбор приоритетов — немедленное формирование российского правительства, начало построения действенных государственных структур и запуск экономических реформ. Все это должно было возникнуть параллельно политической реконструкции самого Российского государства. Принятие новой конституции пришлось отложить. Это вынужденное решение практически предопределило неизбежный кризис двоевластия и, следовательно, ограниченные возможности проводить в такой ситуации осмысленную экономическую политику. В конечном счете это привело к опасному политическому конфликту в сентябре-октябре 1993 г.

Такая предыстория исключала всякую возможность успешного проведения ускоренной дезинфляции. Так что с этого времени экономической и политической реальностью стал период высокой инфляции, мягкой денежной и бюджетной политики, укорененных мягких бюджетных ограничений (на предприятиях).

Был и иной серьезный вызов: каким образом, при потере контроля Центрального банка над обращением денег по всему бывшему СССР, и предоставившейся бывшим республикам возможности немедленно ввести собственные денежные системы, предупредить гиперинфляцию и кризис снабжения крупных городов даже при освобожденных ценах. Однако это другая история¹.

Все сказанное не означает, что не вполне четкие идеи относительно главных проблем постсоветской трансформации, доминировавшие на старте, не имели серьезного влияния на реальное развитие ситуации.

Надо признать, что действительные события существенно отличались от той странной картины, которая в настоящее время превалирует в публикациях по истории реформ.

Что касается ключевых вызовов, определявших экономическую динамику в постсоветской зоне, то какие из них не были адекватно реализованы в момент, когда Советский Союз рухнул?

¹ *Gaidar Ye. Days of Defeat and Victory. Seattle and London: University of Washington Press, 1999. См. также «Дни поражений и побед» в настоящем Собр. сочинений, том 1, с. 23–324.*

1. Длительность постсоветской рецессии.

Как указывалось, в 1980-е гг. само по себе существование постсоветской рецессии не представлялось очевидным. События в Восточной Европе определили некий стандарт, на который опирались те, кто разрабатывал программы для постсоветской зоны. Начало экономического роста в Польше в 1992 г. и последовавшее возобновление роста в Венгрии и Чешской Республике породило иллюзию о предварительных временных рамках для постсоветской рецессии (от трех до четырех лет). Завышенные ожидания относительно срока возобновления экономического роста генерировали опасные иллюзии, провоцировавшие эксперименты в монетарной и финансовой сфере, а также попытки преждевременного увеличения объемов экономической активности. Эти попытки, как правило, кончались ускорением инфляции и падением спроса на деньги.

2. Временные лаги в структурных реформах.

Собственность имеет значение — справедливость этого тезиса подтверждена в прошедшее десятилетие реформ на постсоветском пространстве. В некоторых исследовательских работах, включая выполненные в Институте экономики переходного периода¹, которым я имею честь руководить, показано, что предприятия, оказавшиеся под контролем внешних собственников, независимо от управления, демонстрируют существенно более высокую эффективность, нежели иные предприятия той же выборки в среднем. Те же исследования показывают, что государственные предприятия в этом отношении существенно отстают. Основная гипотеза, на которой основываются решения в этой области, — если права собственности ясно определены и правила игры для всех одинаковы, качество управления собственностью постепенно повышается просто как результат приватизации — эта гипотеза, по видимому, подтверждается. Однако бывали случаи серьезной недооценки временного периода, нужного, чтобы проявился этот прогнозируемый результат.

3. Опасность копирования институциональных решений, прекрасно работающих в развитых рыночных экономиках.

¹ *Радыгин А., Энтов Р.* Корпоративное управление и защита прав собственности: эмпирический анализ и активные направления реформ / Институт экономики переходного периода. М., 2001.

В развитом рыночном обществе система институтов является продуктом сложной и долгой исторической эволюции, включая период европейского феодализма, долгий опыт становления демократии налогоплательщиков, реакции на вызовы ранней индустриализации и на кризисы, порожденные резким ускорением экономического роста между XIX и XX столетиями. Молодые демократические страны, возникшие на руинах Советского Союза, не знали существенных элементов этой истории. Это порождало сбивающие с толку предложения об импорте набора европейских и американских институтов в постсоветскую зону. Особенно это относилось к налоговой системе. Налоговые установления, сформировавшиеся в этой зоне в начале 1990-х гг., во многих аспектах копировали европейские образцы того времени. С точки зрения формальных перспектив они были ни хуже, ни лучше большинства европейских налоговых систем: последние были системами с высокими предельными ставками налогов и широким спектром налоговых льгот, имплантированных в постсоветскую экономическую жизнь. Однако объективно они поощряли широкомасштабное распространение теневой экономики и отвергали предприятия, не хотевшие принимать схемы «налогового планирования».

Лишь накопив определенный опыт нескольких лет после начала реформ, мы пришли к пониманию того факта, что с нашим бэкграундом и качеством нашей бюрократии мы не можем себе позволить такую плохую налоговую систему, которая удовлетворяет европейцев.

4. Опасность стратегии дезинфляции, включая фиксацию обменного курса.

Последнее десятилетие, а особенно азиатский кризис 1997–1998 гг. и недавний опыт Аргентины, убедительно продемонстрировали те риски, с которыми связаны дезинфляционные программы, использующие в качестве номинального якоря обменный курс национальной валюты. Однако еще в начале 1990-х гг. такого опыта, относящегося в валютным кризисам второго и третьего поколений, не существовало. В сущности, появление этого нового типа кризиса было абсолютно неожиданно в среде основных участников процесса принятия решений в мировой экономике¹. В 1992 г., однако,

¹ J. Bradford DeLong, Barry Eichengreen. Between Meltdown and Moral Hazard: The International Monetary and Financial Policies of the Clinton Administration. National Bureau of Economic Research. August 2001. Working paper 8443.

тривиальным фактом, препятствующим реализации дезинфляционной политики, основанной на курсе валют, считалось отсутствие валютных резервов, а понимания сопутствующих рисков, создававших главное препятствие осуществлению такой политики, не было.

Понимание пришло позднее — в процессе выполнения стабилизационной программы 1995–1997 гг. и кризиса 1998 г., когда ясно проявились опасности, связанные с ригидной политикой обменного курса.

5. Взаимоотношение между финансовой стабилизацией и жесткими бюджетными ограничениями, укоренявшимися на уровне предприятий.

В конце 1980-х гг. книга Яноша Корнаи «Экономика дефицита»¹ была, видимо, самой популярной среди будущих российских реформаторов монографией, посвященной социалистической экономической системе. В книге особенно подчеркивалась роль мягких бюджетных ограничений в экономике социализма. В свете этой книги нельзя было игнорировать ключевую роль ужесточения бюджетных ограничений при формировании действующей рыночной экономики. Разумеется, нельзя было не учитывать важность антиинфляционной политики в условиях сурового инфляционного кризиса. Вот чего не понимали в периоды, предшествовавшие реформам и на ранних стадиях реформ, так это тесного взаимодействия между микро- и макроасpekтами стабилизационной политики, а также невозможности обеспечения жестких бюджетных ограничений на уровне предприятий вне рамок последовательно проводимой политики дезинфляции.

Теперь несколько слов в заключение.

Ужасная социально-экономическая смута, разразившаяся при коллапсе социалистической системы, Советского Союза и советской империи в Восточной Европе, сопровождалась для многих слабых правительств драматическими проблемами. Как это происходило и во время многих других смут, слабость правительств не определялась конкретными их представителями. Владимир Ленин был вполне сильной, жестокой и идейной личностью. Однако возглавлявшееся им большевистское правительство продемонстрировало неспособность эффективно собирать налоги или обеспечи-

¹ Kornai J. Economics of Shortage. Amsterdam, 1980 (Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990).

вать нормальное функционирование государственной машины на протяжении 1917–1922 гг. Причиной этого было отсутствие традиционной легитимности новых властных институтов, заместивших старые, отсутствие консенсуса между элитами и обществом о правилах игры и готовность участников политического процесса в любой момент изменить эти правила.

Следовательно, надо отметить предельно узкие рамки свободы маневра, заданный выбор в пользу политического прагматизма и ограниченной роли идеологии.

Якобинское правительство хорошо понимало, что печатать необеспеченные деньги — плохо, и то же самое можно сказать о первом российском реформистском правительстве.

Однако большевики в 1917–1921 гг. не видели никаких идеологических пороков в такой политике. Тем не менее во всех трех случаях инфляционное финансирование предопределялось, скорее, не идеологическими предпочтениями, а неспособностью правительства собирать налоги или сокращать государственные расходы. Учитывая, что для французских термидорианцев либерализация цен и возобновление свободной торговли было идеологически естественным делом, то же самое можно сказать и о российских реформаторах. Что касается большевистской партии, то переход к Новой экономической политике, возобновление свободной торговли и отказ от принудительного изъятия зерна привели ее к идеологическому кризису. Однако во всех трех случаях соответствующие шаги были предопределены невозможностью добывания материальных ресурсов в достаточных количествах, перераспределения ресурсов посредством административного принуждения, надежного снабжения крупных городов.

Неудача социалистического эксперимента снизила привлекательность марксизма как светской религии. Однако это не означает, что Карл Маркс должен быть вычеркнут из списка наиболее серьезных исследователей прошлого в социально-экономической области. Я думаю, что сегодня те, кто анализирует причины коллапса социализма и последующего развития, должны перечитать его работы.

Экономический рост в современной России

*Лекция на семинаре Клуба региональной журналистики
«Из первых уст»*

12 ноября 2002 г.

Опубликовано на сайте Клуба региональной журналистики.

Ведущая — Ирина Ясина.

В своем выступлении я прежде всего хочу обратиться к теме экономического роста в современной России. Нынешний рост начался в 1999 г., продолжается в настоящее время, и причины, которые обычно называются в качестве объяснения этому, можно объединить в две основные группы.

Первое объяснение сводится к тому, что сказались результаты реформ, которые начали проводиться в стране с приходом нового президента: экономика отозвалась на новую политику, и вместо падения, имевшего место на протяжении большей части 1990-х гг., мы получили экономический рост. Второе какую-либо связь теперешнего экономического роста с политикой, проводимой с 99-го или 2000 г., отрицает, утверждая, что обеспечили его исключительно последствия девальвации 1998 г., которая улучшила условия конкурентоспособности для отечественного товаропроизводителя, а также относительно благоприятные цены на нефть.

На мой взгляд, одно из этих двух основных объяснений страдает, мягко говоря, недостаточной точностью, другое — неполнотой. Неточность первого ясна всякому, кто мало-мальски отчетливо представляет себе взаимозависимость между структурными реформами и экономическим ростом. Есть правило: таких структурных реформ, которые, будучи осуществленными сегодня, принесут результаты уже завтра, практически не бывает. Это, повторю,

правило. Исключения из него имеются, но — крайне редкие. Скажем, осуществленная у нас реформа подоходного налога дала эффект немедленный, благодаря чему удалось избежать острейшего кризиса в региональных финансах. В целом же период между проведением структурных реформ (понимаются под таковыми фундаментальные преобразования, касающиеся отношений собственности, уровня регулирования экономики, организации банковской системы и т.п.) и временем, когда почувствуется их влияние на экономический рост, включает в себя годы, иногда десятилетия. Так, рейгановские реформы начала 1980-х сыграли огромную роль в подготовке экономического подъема США, который происходил в 1990-х, — должно было пройти, как видите, десять лет. Но чтобы реформы, начавшиеся у нас в 2000 г., вызвали экономический рост в 1999-м... Это просто за гранью серьезного обсуждения. Все, что делалось в России в области структурных реформ в течение последних двух-трех лет, очень и очень важно (я к этому вернусь), но к нынешнему экономическому росту никакого отношения не имеет.

Другое объяснение — девальвация и благоприятные цены на нефть. Не будем забывать, до какой степени зависела российская экономика от цен на нефть на протяжении последнего полувека. Одно дело, когда цена за баррель составляет двадцать пять долларов, другое — когда всего десять. Разные цены заставляют по-разному формулировать задачу управления страной. Так что высокие цены на нефть, несомненно, сыграли роль в развитии экономики, как сыграла эту роль и резкая девальвация. Но ведь случались и в 1990-х периоды, когда цена на нефть была ничуть не ниже, чем, допустим, в начале 2002 г., — а экономика быстро падала. Бывали времена — назову, например, 92-й год, 94-й, — когда рубль стоил в реальном исчислении гораздо ниже, чем сегодня, а экономика не росла, напротив — быстро сокращалась. Сокращение импорта, равное в реальном исчислении тому, которое мы наблюдали в 1999 г., было и в 1991-м, однако тогда реакцией на него стало очень быстрое, масштабное падение производства.

Итак, факторы, перечисленные в первой группе, могут иметь значение лишь в долгосрочной перспективе; то, что происходит сегодня, ими никак не обусловлено. Факторы из второй группы на сегодняшнюю экономику, бесспорно, влияют, однако нет от-

вета на вопрос, почему при одних и тех же значениях этих факторов мы переживали до 1999 г. экономический спад, а в 1999-м начался рост.

На самом деле российский экономический рост, начавшийся в 1999 г., в первую очередь связан с процессом выхода России из стадии постсоциалистической рецессии. Попытаюсь обосновать сказанное.

Во всех индустриальных социалистических странах начало реформ сопровождается радикальной ломкой социалистических экономических институтов. А после краха названных институтов начинается процесс существенного и растянутого на длительное время снижения объема производства. Какая бы стратегия для проведения реформ ни выбиралась — градуалистическая или шокотерапия, это мало сказывается на том, как распределен этот спад по годам. На уровне инфляции, на уровне социальной дифференциации — да, сказывается ощутимо, но на продолжительность спада все это оказывает влияние, повторю, малосущественное. Спад наступает даже в тех странах, которые были подготовлены к реформам лучше других. Скажем, в Венгрии, с ее относительно развитой рыночной социалистической экономикой. И связано это с двумя обстоятельствами.

Чтобы говорить о первом, давайте разберемся, а что, собственно, такое валовой внутренний продукт и что такое объем производства? Экономисты так привыкли пользоваться концепцией валового внутреннего продукта, что забывают о тех ограничениях, которые она предполагает, хотя это прекрасно понимали ученые, разработавшие концепцию ВВП. Саймон Кузнец, один из первых лауреатов Нобелевской премии в области экономики, создавший современную экономическую статистику, совершенно справедливо утверждал, что ВВП — понятие социальное. Он говорил: «Обсуждая древнеегипетский ВВП, должны ли мы включать в него строительство пирамид или нет? А как, учитывая древнеегипетский обычай оставлять запасы умершим, делить этот ВВП на численность населения: только на живое поколение или на живущих плюс первое поколение умерших?»

Концепция ВВП социальна. Она предполагает в своей основе гипотезу, которая к социалистической экономике неприменима. Согласно гипотезе, если что-то производится и потребля-

ется, то за это кто-то платит, и, таким образом, эта деятельность априори имеет смысл. Иными словами, если произведен какой-то продукт, значит, кто-то его купил; по крайней мере покупка представляется целесообразной. И никакой нет разницы почему. Если производство осуществляется в расчете на покупателя — значит, присутствует элемент осмысленной экономической деятельности.

В рамках социализма никто и ничего на деле не покупает. Производится объем продукции, структура которого определена некими правилами (в технические детали не вхожу), но никто не проверял, нужно это кому-то или не нужно. Скажем, в Советском Союзе велось масштабное мелиоративное строительство. Я принимал участие в экспертизе, и на память приходят замечательные истории. Сначала мелиоративное строительство велось для того, чтобы уровень воды в Каспии не опускался. Потом для того, чтобы не поднимался. И все эти «для того, чтобы» не имели совершенно никакого значения. Уходило на мелиорацию средств в несколько раз больше, чем составляли инвестиции в легкую промышленность. Огромные объемы строительной техники, потребление нефтепродуктов — и никаких свидетельств тому, что затраты оправданы, что они принесли большой экономический эффект. Но прекратим завтра эти работы — у нас сократится объем ВВП. Поскольку мы исходим — в данном случае неправомерно — из гипотезы: если мы это делаем, то делаем осмысленно.

Не буду говорить о военной сфере, где СССР производил обычного вооружения больше, чем все остальные страны, вместе взятые. Подчеркиваю: не каждая страна в отдельности, а все, вместе взятые.

На самом деле производственная деятельность в СССР включала в себя много таких видов, где, если говоришь: «Платите деньги», сразу выяснялось, что платить никто не собирается. Поэтому крах социалистических экономических институтов неизбежно влечет за собой сокращение объема той хозяйственной деятельности, которая не имеет экономического основания. И не надо иллюзий, что место закрытого по данной причине производства немедленно, автоматически займет какое-то другое, похожее. Если сегодня вы прекратите копать канал Волга — Чограй, завтра у вас спроса на другой такой же не появится.

Некое изменение экономической ситуации сначала в Польше, потом, в 1994-м, признаки роста в Чехии дали нам представление о том, что за социализмом следует длительная рецессия, то есть неизбежный период падения производства. У этого периода есть своя протяженность. Польша, например, начала выходить из рецессии через три года. Их надо перетерпеть, а потом, если все делаешь нормально (создаешь необходимые рыночные институты, ведешь разумную политику, стабилизируешь финансы), начинается экономический рост. Пример Польши, Чехии, Венгрии побудил нас предположить, что стандартный срок постсоциалистической рецессии составляет три года.

Теперь о втором обстоятельстве, следствием которого становится снижение объема производства.

Система экономических институтов в индустриальном социалистическом государстве целостна, в основе ее жесткая вертикаль власти. Она применяет эффективные политические санкции к тем, кто не выполняет указаний сверху. Только так она и может функционировать, и не надо думать, что, когда подобная система разваливается, ее автоматически заменит система рыночной координации. Для такой замены нужно время. Дело не в том, приспособлено оборудование для работы в рыночных условиях или нет. Допустим, в принципе приспособлено, но представьте себе нормального восточноевропейского (румынского или болгарского) директора образца осени 1990-го — весны 1991 г., который никогда не знал, как это можно работать без Госнаба, без Госплана, без разнарядки, без системы прикрепления, без директивно регулируемой системы заказов и т.д. И вот такому директору говорят: пойди на рынок, найди того, кому нужна твоя продукция и кто тебе за нее заплатит. Это огромный шок, и не надо полагать, что откуда-то — из США, Японии, Германии — вы мигом импортируете 50000 новых управленцев, которых поставите во главе предприятий (вопрос о том, кто импортированных вами управленцев на эти предприятия пустит, оставляю в стороне). Одним словом, нужны радикальные изменения в самой управленческой элите, и они не осуществляются мгновенно.

Короче говоря, процесс перестройки занимает время. Вы сокращаете занятость и использование ресурсов в одних сферах, которые неэффективны, постепенно наращиваете занятость в дру-

гих, которые адаптированы к рынку. На этом фоне производство сначала падает, потому что процесс замещения осуществляется медленно, а затем постепенно начинается рост, развитие идет быстрее, чем процесс выпадения производства старого, традиционного, нерыночного образца. Однако это было совсем не очевидно к моменту начала перехода — даже не у нас, а в той же Польше. Было представление, что социализм неэффективен, было ясно, что рыночная экономика эффективна, и хотя предполагались некоторые незначительные колебания, в целом ожидалось, что достаточно быстро начнется подъем производства.

Вот, собственно, весь опыт, который был накоплен к тому времени, когда мы начинали реформы, между 1990 и 1992 годами.

Наша действительность показала, что все намного сложнее. После краха социализма — еще раз подчеркиваю, социализма индустриального — всегда следует рецессия. Представление о продолжительности рецессии, заимствованное из опыта Восточной Европы, хотя и не в явном виде, оказалось глубоко укорененным в экономическом мышлении, в том числе у тех, кто начинал реформы в России. Знаю это по себе. Да, мы отдавали себе отчет в том, что будет падение и что оно будет заметным, что продлится это не менее трех лет. Но надеялись: если всё будем делать мало-мальски нормально, то есть шанс, что через три года все склеится.

Сегодня, задним числом, пытаюсь осмыслить: как же мы могли не понимать, что на постсоветском пространстве период социализма длился почти в два раза больше, чем в Восточной Европе? Что гражданское общество было «задавлено» у нас гораздо сильнее, чем в Восточной Европе? Что контакты с миром были неизмеримо более ограничены, чем в Восточной Европе? Что экономика гораздо более милитаризована, чем в Восточной Европе? В общем, реалии наши весьма сильно отличались от тех, что были у восточноевропейских соседей, но мы полагали, что нам хватит, как и Польше, трех лет. И теперь, когда начался рост практически на всем постсоветском пространстве, стало очевидным, что постсоветским странам потребовалось для выхода из рецессии времени существенно больше, чем европейским «братьям по лагерю». Сегодня, когда необходимое время прошло, мы видим рост в России, которая нефть производит, и на Украине, которая нефть потребляет. Растут экономически другие стра-

ны — потому, что постепенно оказались созданными необходимые институты; потому, что возникла определенность в правах собственности; потому, что произошли серьезные изменения в структуре менеджерской элиты и во многие сегменты национальных экономик пришли в качестве руководителей среднего и высшего звена люди другого поколения; наконец, потому, что стали более-менее стабильными финансы и в какой-то мере стал доступным кредит. Все это создает базу для того, чтобы у нас начала расти доля восходящих отраслей, которые уже приспособились к рынку.

Проблема в том, что перечисленных условий, увы, недостаточно, чтобы этот рост продолжался долго. Сам по себе, не испытывающий воздействия со стороны других необходимых факторов, которые способны обеспечить стабильный подъем производства в течение длительного времени, он неизбежно обретет затухающий характер. Поясню, что я имею в виду.

Долгие годы рецессии привели к дезорганизации экономики: квалифицированные рабочие ушли в продавцы ларьков, подались в челноки. Как во время Гражданской войны, когда они тоже разбрелись с заводов. Когда война закончилась и пришел какой-то порядок, рабочие вернулись на заводы, заработало оборудование — и стала производиться продукция, за которую потребитель готов платить, потихонечку началось восстановление. Впрочем, не так уж потихонечку. И во времена НЭПа, и в 2000 г. темпы восстановления были довольно быстрыми — просто потому, что появился порядок.

Вообще сегодняшний экономический рост во многом — хотя любые исторические аналогии условны — похож на экономический рост в Советском Союзе периода 1922–1927 гг., который наступил, напомню, после окончания Гражданской войны и введения золотого червонца, после стабилизации, и продолжался до так называемого великого перелома конца 1920-х гг.

Итак, в самом конце XX в. квалифицированные рабочие встают (подобно тому, как это было в начале 1920-х гг.) за те же самые станки, только работают они теперь на производстве другой продукции, которая иначе распределяется и иначе продается. Вновь подчеркну: новые ресурсы при этом не вводятся: используется та же квалифицированная рабочая сила, что и раньше, то же оборуду-

дование. На какой-то период рост обеспечен, а затем, довольно быстро, включаются два ограничителя.

Первый. Вы вошли в стадию роста, взяв на вооружение имеющиеся мощности, пригодные для использования в рыночных условиях, и не делая больших капитальных вложений. Но через какое-то время приходит понимание того, что показатели использования мощностей у вас относительно низкие, поскольку значительная часть из них никогда никому не понадобится.

Второй. Быстро исчерпанным оказываются ресурс квалифицированной рабочей силы, которую удалось вернуть на производство. Если посмотреть, что у нас происходит сегодня с занятостью, можно увидеть, что в последние два года она бурно растет, как бурно растет и реальная заработная плата. Частично это обусловлено выводом зарплаты из тени, но частично — и явно усиливающейся конкуренцией между предприятиями в их стремлении привлечь к себе квалифицированную рабочую силу. Учащаются жалобы на недостаток рабочей силы; его расценивают как серьезный фактор, сдерживающий объемы производства.

Таким образом, идет быстрое приближение к рубежу, когда рост начинает затухать, с чем мы и сталкиваемся сегодня. Иногда затухание объясняют реальным укреплением рубля и такое укрепление действительно способствует замедлению темпов. Однако в первую очередь происходит затухание все-таки не из-за этого, а по той простой причине, что, использовав из старого все, что могли, и стабилизировав ситуацию, мы ресурсы исчерпали. Больше, собственно, ничего и нет. Дальнейший рост предполагает инвестиции — крупные капитальные вложения и вложения в рабочую силу. Так обстояло дело в 1927 г., на исходе НЭПа, так обстоит оно сейчас. И тогда и теперь возник вопрос: как эти вложения обеспечить? Оставим в стороне развилку 1927 г., это отдельная тема, обсуждать ее сейчас мы не будем. Что касается России сегодняшней, главная проблема заключается в том, а когда же создадутся, наконец, предпосылки, при которых норма инвестиций в экономику начнет расти. Специфическая особенность нынешней ситуации — довольно высокая норма сбережений и относительно низкая норма инвестиций, далекая от той, которую диктуют наши потребности. Разница между ними — капитал, вывезенный из страны. Должен сказать: вывоз капитала в 1991–1998 гг. был,

на мой взгляд, деятельностью экономически рациональной. Потому что крупные капитальные вложения не рациональны, когда у вас беспорядок в системе государственных и общественных институтов, полный беспорядок в системе отношений собственности; когда никто не может сказать, не являются ли принимаемые сегодня государством меры экономического характера некой игрой (в прошлый раз, при НЭПе, тоже ведь играли, и все помнят, чем эта игра закончилась), когда не понятны все структурные изменения экономики. При таком положении вещей разумный, рационально мыслящий человек просто отправляет свои капиталы (в той, разумеется, степени, в которой сумеет) храниться в швейцарский банк, или в банки на Багамские острова — до тех пор, пока все не прояснится. Если государство, что называется, шутило, то такой шаг позволит капиталы сберечь, а если это не было шуткой, то можно вернуть их в Россию и именно в России инвестировать, потому что здесь у вас связи лучше, информации о перспективах тех или иных инвестиций больше, чем на Багамских островах.

В 2000 г., с началом политической стабилизации, правительство приступило к разработке программы Грефа, главной целью последней стало изменение инвестиционного климата, его улучшение, создание условий, при которых инвестировать выгодно. Это — стержень, пронизывающий всю программу реформ в России. Однако время между структурными реформами и воздействием этих реформ на поведение экономических агентов измеряется, как мы говорили, не неделями или месяцами, а годами, как правило — многими годами. Не зная этого, или того хуже, не желая знать, некоторые политики проявляют нетерпение: да как же так, пришел новый президент, начал осуществлять реформы, а темпы роста идут вниз? Может, что-то делается неправильно? Может, надо сменить курс, предпринять что-то, чтобы подхлестнуть процесс? Но попытки подстегнуть рост грозят очень опасными последствиями. Предположим, завтра в стремлении его ускорить мы пойдем на резкое смягчение денежной политики — никакого толку, уверяю вас, не будет. Меня, честно говоря, вопрос о краткосрочных колебаниях темпов роста вообще не волнует. Не имеет никакого принципиального значения, будет он составлять у нас в следующем году 3,5, 4 или 4,4%. Важно создать набор институтов, которые позволят нам иметь устойчивые темпы роста, пре-

вышающие 3% в год на душу населения, на протяжении следующих тридцати лет.

Но если мы начнем перечислять серьезные препятствия к устойчивому позитивному росту в России, пальцев двух рук не хватит: страна унаследовала и от социализма, и от длительного, довольно тяжелого постсоциалистического периода колоссальный набор серьезнейших структурных проблем. А возможности любого правительства (не любого российского, а любого в мире правительства) осуществить ряд глубоких структурных реформ одновременно — ограничены. Правительство, которое хочет одновременно провести два десятка важных реформ, не проведет ни одной.

В этой связи встает вопрос о способности выбрать приоритеты и обеспечить необходимую концентрацию сил. Я считаю: то, что делало в целом между 2000 и 2002 годами правительство России, превосходит все оптимистические ожидания. Любой обладающий соответствующим опытом человек, которому сказали бы, что в течение двух лет можно провести глубокую налоговую реформу, глубокую пенсионную реформу, глубокую реформу трудовых отношений, существенно реформировать законодательство, связанное с собственностью, в том числе с земельной собственностью, обозначить контур военной реформы, произвести серьезные изменения в системе бюджетного федерализма, существенно изменить систему внешнетарифного регулирования, — любой, повторю, мало-мальски сведущий в таких делах человек ответил бы, что это — из области фантазий. Тем не менее нашему правительству сделать это, в общем, удалось — где-то лучше, где-то хуже, с разным набором компромиссов, но в целом продвижение было очень серьезным.

Беда в том, что дальше можно предъявить столь же длинный список того, что принципиально важно для роста, но не сделано. Практически ничего не сделано в области банковской реформы, создания системы финансового посредничества; практически ничего не сделано в области регулирования бюджетных расходов и структурирования бюджетной сферы; практически ничего не сделано в области реформы системы государственных расходов; в области здравоохранения и образования. Практически ничего не сделано в области военной реформы. Реформа естественных мо-

нополий находится в стадии обсуждения, к ней, по сути, еще и не приступали.

Одним словом, остается огромный круг проблем, которые не решены. Не говорю уже о государственном аппарате — колоссальном по объему, нереструктурированном, плохо оплачиваемом и сверху донизу коррумпированном, что тоже представляет собой серьезное препятствие на пути экономического роста. Кроме того, несмотря на то что произведены некие улучшения в судебной системе, надеяться на положительный эффект от них можно в десятилетней перспективе, а не сегодня и не завтра.

Чтобы установился благоприятный инвестиционный климат, важно набрать критическую массу изменений. Но мы не можем сказать, что именно является критической массой. Да, сделано много, но оценка того, достаточно ли, остается за инвестором. Он может оценить, может не оценить — мы ответа на данный вопрос пока не знаем. И потому единственный разумный шаг, который способна здесь предпринять власть, — это попытаться как можно быстрее выполнить свои «домашние задания», потому что они еще не сделаны. Ясно, что за оставшийся до выборов год осуществить что-то практически вряд ли удастся, потому что это время, когда проводить реформы труднее всего. Но предельно важно, чтобы в период, когда откроется новое окно политических возможностей (после, условно говоря, мая 2004 г.), мы распорядились им не менее эффективно, чем распорядились окном возможностей в 2000 г. И от того, насколько реально это будет сделано, в колоссальной степени зависит перспектива долгосрочного развития России на ближайшие и последующие годы.

Ведущая: *Я позволю себе, Егор Тимурович, задать первый вопрос. Извините, коллеги, я воспользуюсь своим служебным положением. Вы говорите, что следующее окно политических возможностей откроется весной 2004 г. Вспоминая напряжение предвыборного периода 1996 г. и зная, какие огромные жертвы были принесены экономикой для того, чтобы победителем стал не Зюганов, а Ельцин, я готова, пожалуй, смириться с безальтернативными выборами. А Вы как считаете?*

Егор Гайдар: Власть, думаю, лукавит, утверждая, что будет проводить реформы. А мне весь прошлый опыт подсказывает: до 2004 г. не будет. Во всяком случае, всерьез не будет. Кое-что будет

сделано. Я надеюсь, что удастся провести пакет законов по электроэнергетике, пакет законов, связанных со вступлением в ВТО. Возможно, будет принято законодательство, связанное со страхованием банковских вкладов.

Ведущая: *Ни ЖКХ, ни здравоохранение, ни бюджетные сферы трогать не будут?*

Егор Гайдар: В бюджетном послании Президента сказано, что сейчас предстоит реформировать бюджетную сферу. В подготовке программы реформ бюджетной сферы наш институт принимал активное участие. Я знаю, что ничего серьезного до 2004 г. делаться не будет. Хотя страна у нас президентская, значение парламентских выборов в ней не следует недооценивать. Парламентские выборы 1995 г. сыграли очень большую роль в остановке реформ, в подготовке кризиса 1998 г. и т. д. Я вижу, как накануне выборов растет уровень популизма в Думе в целом, в центристских фракциях. А все, что связано с конкретными реформами, будет откладываться.

Вопрос: *Егор Тимурович, скажите, пожалуйста, когда, по-Вашему, может настать такой момент, что название Вашего института придется изменить? Например, добавить приставку «пост»?*

Егор Гайдар: Я об этом думал и окончательного решения еще не принял. Первоначальное название нашего института — «Институт экономической политики». В «Институт переходного периода» мы его переименовали, поскольку стало ясно: в течение довольно длительного времени проблемы переходной экономики будут стержнем внимания у нас и в мире. А когда переходный период кончается? Это вопрос определения. Мне кажется, что переходный период кончается в тот момент, когда «родимые пятна социализма» окажутся относительно малозначимыми, когда экономика постсоциалистических стран начнет вести себя (т.е. реагировать на те или иные внешние возмущения и т.п.) примерно так, как ведут себя в подобных случаях рыночные экономики однотипной структуры, которые социалистическую фазу не проходили. Если смотреть под этим углом зрения, в продолжительность переходного периода для нашей страны следует включить еще по меньшей мере десятилетие. Однако можно определять длительность переходного периода и более узко — как время постсоциалистической рецессии и восстановительного роста. Цикл падения

позади, основные институты сформировались — вполне позволительно считать, что мы имеем дело со своеобразной экономикой, которая хотя и не избавлена от «родимых пятен» прошлого полностью, но основными проблемами которой становятся проблемы развития. Если определять переходный период узко, нам следует, наверно, восстановить старое название института.

Вопрос: *Егор Тимурович, лет десять назад, будучи как раз в Брянске, Вы сформулировали диагноз для бедных, красных регионов. Регион бедный — голосует за коммунистов, нет инвестиций — регион бедный, и вот это колесо крутится порядка десяти лет. На Ваш взгляд, какая сила может разорвать этот порочный круг? Крупный капитал? Государство? Местный бизнес, опирающийся на какие-то политические партии?*

Егор Гайдар: Это фундаментальная проблема. Политическая логика в России выстроена таким образом: бедные, те, кому плохо, голосуют за коммунистов. Чем больше бедных и тех, кому плохо, тем больше у коммунистов голосов. Поэтому с точки зрения чисто политических стимулов (вопросы морали я не обсуждаю) они заинтересованы и всегда будут заинтересованы в том, чтобы было как можно больше бедных. Там, где у них достаточно бедных, чтобы приходить к власти, коммунисты будут воспроизводить бедность. Что с этим сделать? Универсального рецепта нет. Безусловно, поможет самоорганизация местной бизнес-элиты, у которой сложится понимание того, что только она способна, объединившись, сложившуюся ситуацию изменить. Поможет накопление элементов рыночной экономики, рыночного опыта; мобилизация молодежи. Наверно, этот набор усилий может прекратить воспроизводство бедности. Я, откровенно говоря, не верю, в доброго батюшку царя, который придет и вытащит Брянскую область, как и многие другие депрессивные регионы, из нынешнего положения.

Вопрос: *Мы здесь собрались для того, чтобы познакомиться, прежде всего, с докладом Евгения Григорьевича Ясина. Ознакомились ли Вы с ним, читали ли Вы его? Если читали, то как Вы полагаете: в какой мере он может быть принят правительством в качестве руководства к действию? Спасибо.*

Егор Гайдар: Я читал этот доклад. Более того, когда Евгений Григорьевич его писал, наш институт активно занимался этой проблематикой. В целом у нас общая позиция по всем вопросам — за

исключением технических деталей. Властью этот доклад, мне кажется, должен быть принят как существенный компонент программы того, что президент реально будет делать после мая 2004 г. В это я верю. А не верю в то, что сейчас правительство или партия «Единство» напишут это на своих предвыборных лозунгах и с этим пойдут на выборы.

Вопрос: *Егор Тимурович, из Вашего выступления следует, что возможности некапиталоемкого пути развития промышленности исчерпаны. Нужны, как Вы сами сказали, большие капитальные вложения, однако вкладывать никто не хочет. Хотя — необходимо, поскольку техника устарела безвозвратно, кадры потеряны тоже, кажется, безвозвратно. То есть что делать и что будет, как Вы считаете? Ваш прогноз? Спасибо.*

Егор Гайдар: Делать надо примерно то, что делается. Как говорил один очень хороший экономист, люди реагируют на стимулы, остальное — подробности. Это подтверждается всей мировой историей, и если вы хотите, чтобы люди вкладывали в вашу экономику, то должны создать стимулы, обещающие инвесторам безусловную выгоду. Это значит добиться того, чтобы права собственности были надежно защищены. Чтобы эти права и необходимость выполнения контрактов гарантировала судебная система. Чтобы местные чиновники не вымогали взятки. Чтобы государство не было слишком обременительным. Чтобы налоговая система была справедливой, равномерной, простой, с предельно низкими ставками и минимумом включений... И так далее. Все эти меры, замечу, присутствуют во всех программах правительства. Другое дело, что между тем моментом, когда это вписывается в правительственную программу, и тем моментом, когда заявленные мероприятия осуществлены и на них отреагировал инвестор, проходит немало времени.

Вопрос: *У меня два вопроса, если позволите. Первый вопрос. Вы сказали, что изменение структуры менеджерской элиты является одним из основополагающих факторов экономического роста. В регионах реально этот процесс мы начали наблюдать только в этом, ну еще в прошлом году, хотя реформы у нас идут уже больше десяти лет. Почему это происходит именно сейчас и как поменялись ориентиры собственников, что они начали так активно, хотя и на втором десятке лет, избавляться от красных директоров? И второй*

вопрос. Буквально сегодня в Московском арбитражном суде рассматривался иск нескольких банков-кредиторов о банкротстве Саратовской области. Механизм введения внешнего управления регионами существует, он прописан в Бюджетном кодексе, но сотрудники Минфина честно признаются, что реально данный механизм не действует. Нам тут по секрету рассказали, что Вы являетесь одним из создателей нового механизма, который может быть принят для таких целей. Расскажите, пожалуйста, об этом, о банкротстве регионов.

Егор Гайдар: Относительно смены элиты. Процесс шел постепенно, во всех областях по-разному, но утверждать, что семь лет там ничего не менялось, а в последние два года стало меняться, я бы не стал. Это неточно. Следует внимательно отслеживать весь процесс. В начале 1990-х гг. основное внимание уделялось тому, как будет распределена собственность, кому все будет принадлежать? Была государственная собственность, у нас не было никакой истории легитимной частной собственности, у нас не было никакой политической, организационной и прочей возможности импортировать собственность откуда-то из-за границы. Частная собственность должна была возникнуть, как бы ни проводили приватизацию. У вас происходит процесс реального установления контроля над собственностью, борьба между потенциальными контролерами собственности, разборки между ними с применением самых разных способов и т.д. И в это время, в некотором смысле, не до управления, в это время — чем меньше конфликтов, тем лучше. А дальше надо думать о том, как собственностью управлять, как сделать так, чтобы она приносила прибыль, чтобы акции собственника котировались и он мог их продать на российской или нью-йоркской бирже, привлечь кредитные ресурсы. И тогда выясняется, что самое главное теперь — качество менеджмента. За время, когда ничего особенного в сфере управления вроде бы не происходило, накопился опыт, пришли люди, которые проработали несколько лет в российском бизнесе, знают, как он устроен, знают, как работать в рыночных условиях. Начинается острейшая конкуренция за таких специалистов. Выясняется, что они востребованы и дорого стоят. Начинается приток в управление людей потенциально талантливых и способных в этих сферах. И, конечно, важным

фактором ускорения смены элиты явилась стабилизация в отношении собственности с одной стороны и политическая стабилизация после 2000 г. — с другой.

По поводу банкротства регионов. Словосочетание «банкротство регионов» по своей природе неточно, потому что банкротство в классическом смысле — это не то, что может быть применено к публичным финансам и к финансам регионов. Здесь речь идет не о банкротстве. Речь идет о процедурах прямого управления при посредстве федерального казначейства. При этом существенно ограничиваются права региональных властей, включая региональные Думы, принимать экономические решения в условиях, когда региональные финансы не отвечают определенному набору критериев и требований. Примерно понятно, как надо разрабатывать соответствующую нормативную базу. Далее возникает много серьезных проблем. Работу в деталях над соответствующими нормативными актами мы еще не завершили, поэтому я просто не хотел бы предварять события.

Вопрос: *Сейчас существует разное мнение об экономическом росте России. Ваш ответ на этот вопрос и перспективы России — на что ей нужно ориентироваться?*

Егор Гайдар: На этот вопрос нет простого ответа. Рост 2001 г. в своей основе имел рост внутреннего спроса, экспорт играл достаточно ограниченную роль, потому что уровень цен на нефть в 2001 г. был близок к росту уровня цен в 2000 г. А для России цены на нефть — это основополагающий фактор, который определяет, как соотносится в источниках роста внутренний и внешний спрос. Поэтому лучше всего нам ориентироваться на сокращение зависимости от нефтяного и вообще энергетического экспорта. Лучше, чтобы экономика росла за счет внешнего несырьевого спроса и за счет внутреннего спроса на эффективные конкурентоспособные товары, а не просто на товары, которые мы защищаем очень высокими таможенными барьерами. Но на практике рост зависит от того, как будут колебаться цены на нефть. Если цены на нефть завтра упадут, то у нас не будет источников реального роста за счет внешнего спроса.

Вопрос: *У меня такое ощущение, что чиновников становится все больше и больше с каждым годом. Меня, как налогоплательщика, это, естественно, раздражает. Когда, по Вашему мнению, прекратится*

рост госаппарата? И как мы, простые налогоплательщики, можем сказать государству, что нам не надо столько чиновников?

Егор Гайдар: Я согласен с Вами. Если Вы посмотрите по структуре, то увидите: рост чиновников происходит только за счет регионального и муниципального уровня. Я не говорю, что на федеральном уровне лишних чиновников нет — их там очень много, но роста численности этого сословия нет. На региональном и муниципальном уровне рост есть, повторю, и очень интенсивный. Причем наши исследования региональных бюджетов, региональных расходов показывают, что увеличение средств на административный аппарат для подавляющего большинства региональных властей является первым приоритетом. Что с этим можно сделать? На мой взгляд, начало Вашего вопроса является путем к ответу. Россия никогда не имела демократию налогоплательщиков. Вся российская традиция, включая российскую историю Государственных дум до Февральской революции, включая историю русской интеллигенции, — отражение того, что российское общество никогда не воспринимало общественные расходы как нечто свое, нечто, что у меня, по нашему с вами соглашению, взяли из кармана. Оно всегда относилось к налогам, как к злу, идущему от неправой власти. То, что Вы сейчас начинаете говорить как налогоплательщик, и, значит, будете освещать в своих статьях региональные проблемы как налогоплательщик, как человек, за счет которого только и существуют и государство в целом, и все чиновники — это и есть начало нового отношения и к власти, и к чиновникам, и к налогам. Когда такое отношение станет массовым, тогда и только тогда у нас возникнут реальные предпосылки контроля за численностью чиновников.

Вопрос: *Егор Тимурович, когда 10 лет назад Вы руководили реформами, как Вы представляли себе Россию 10 лет спустя, сегодняшнее время? И насколько эти представления о России, о российской экономике совпали с действительностью?*

Егор Гайдар: Я представлял себе, что у нас будет развивающаяся экономика с постепенно растущим уровнем жизни, со свободной конвертируемой валютой, относительно устойчивым рублем, со множеством социальных проблем, с коррумпированным госаппаратом, с плохо работающей судебной системой. Короче говоря, я представлял ее себе примерно такой, какой она сегодня выгля-

дит. Только думал, что будет все это не через десять лет, а через пять.

Вопрос: *Как Вы оцениваете ход реформ, осуществляющихся в течение последних пары лет? Они осуществляются по оптимистическому сценарию? Вы ведь чего-то от них ожидали?*

Егор Гайдар: Сравнивая сделанное между маем 2000 г. и сегодняшним днем с моими ожиданиями, могу сказать, что я ждал меньшего. Потому что я знаю, как трудно проводить реформы.

Вопрос: *Я хотел бы такую параллель провести. Где-то полгода назад Сергей Владимирович Алексащенко¹ давал пессимистический прогноз развития нашей страны. Он говорил: «Я ничего хорошего не обещаю». И максимальная доля пессимизма была связана с сельским хозяйством и промышленностью. Промышленность, согласно Алексащенко, ожидает постоянный спад. А Ваш прогноз?*

Егор Гайдар: Пока я ожидаю более-менее инерционного развития событий, сохранения темпов роста промышленности на уровне, близком к тому, который мы имеем по девяти месяцам этого года. Обычно в конце осени мы сталкиваемся с сезонным замедлением. В этот период будет падение, но потом рост восстановится. Кроме того, я считаю, что значение этих краткосрочных колебаний сильно преувеличено. Дело вот в чем. Мы только начинаем «расти» в рыночных условиях. У нас экономический рост появился в 1997-м, потом он проявляется с 1999 г. Мы плохо умеем анализировать эти краткосрочные колебания. В развитых старых рыночных экономиках есть много так называемых опережающих индексов. Это набор показателей, которые начинают изменяться прежде, чем начинает изменяться объем производства и на основе которых можно с большой уверенностью прогнозировать деловую конъюнктуру в целом. Вы видите — пять показателей начали падать, значит, скорее всего, будет замедление. Но для того, чтобы вы всерьез могли это делать, у вас должна быть история в 20 лет. А у нас история роста 4 года. Первые работы по опережающим индексам начали появляться где-то в 2000 г. И масса недоразумений

¹ Алексащенко Сергей Владимирович — экономист. Член комиссии по экономическим реформам при правительстве СССР; заместитель министра финансов РФ и одновременно Первый заместитель председателя правления Центрального банка России (1995–1998). Впоследствии директор по макроэкономическим исследованиям в Высшей школе экономики.

была связана с попытками их применить. Вы помните, была паника осенью 2000 г., когда масса народу говорила: «Все, роста больше не будет, он кончился». Почему? Это индексы, которые пытались тогда использовать, показали тенденцию к падению. Когда же начали применять их уже в 2001 г., то делали это гораздо осторожней, говорили: «Может быть, жизнь покажет, есть тенденция...» Тогда действительно было замедление, но оно было краткосрочным, потом сменилось ускорением. Наши исследования показывают наличие в российской экономической конъюнктуре короткого цикла 7 и 11 месяцев, природу которого мы еще не смогли определить. Если специалисты начинают говорить, что они твердо знают, что будет происходить с короткой конъюнктурой, имея за спиной всего 4 года роста, — значит, они очень смелые люди.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, должно ли быть в современном экономическом словаре такое понятие, как региональная экономическая политика, и если да, то какой она должна быть?

Егор Гайдар: Должно. Более того, оно существует. Россия регионализованная страна, где многое зависит от того, какую реальную политику проводят региональные органы власти. Наш Институт активно занимается исследованием региональной политики. В том числе мы пытались проследить нетривиальные корреляции (оцененный уровень политической свободы в регионе, инвестиции на душу населения и т.д.). Мы смотрели уровень зависимости судебной системы, наличие или отсутствие исков против администрации, в общем, целый набор критериев. Поэтому все, что я сказал применительно к уровню Федерации, можно перенести на уровень регионов. Придут или не придут инвестиции, зависит в значительной степени, от того, насколько коррумпирована администрация, насколько прозрачен механизм принятия решений, насколько широко распространено вымогательство чиновниками у предпринимателей, насколько гарантированы права собственности, в насколько ограниченной степени государство (в лице региональных властей) сочетает в своей работе функции регулятора и одновременно субъекта рынка через близкие себе хозяйственные структуры, заставляя, скажем, людей играть в футбол, когда одна из команд одновременно выступает и в качестве судьи. Если вы готовы продвигаться в направлении создания разумной системы институтов, это будет благоприятно для инвесторов и инве-

стиции пойдут лучше. Если не готовы — хуже. Я не склонен переоценивать достижения Новгородской области, но ее пример действительно хорошо показал: просто разумная политика, дружелюбная по отношению к инвестициям — упрощение процедуры регистрации, забота администрации о том, чтобы снимать административные барьеры перед инвесторами, — дает огромный результат.

Вопрос: *Начиная реформы, правительство Гайдара совершенно очевидно сыграло роль камикадзе (в то время пожертвовав собой). Сегодня мы видим, что реформы работают и результаты налицо. В связи с этим у меня вопрос такой. Как Вы сами оцениваете свою деятельность тех лет — что-то не удалось или что-то бы Вы сделали по-другому? Второй вопрос — о сохранности той команды, которая работала, и ее влиянии на нынешние реформы.*

Егор Гайдар: В целом считаю, что мы сделали много важного и полезного, хотя неизмеримо меньше, чем хотелось бы сделать. Если всерьез говорить о 1991–1992 гг., надо понять, какую проблему мы решали. Тогда, варясь в этой каше, было достаточно легко осмыслить свои действия, а сейчас понимать сложнее. На самом деле в 1991–1992 гг. и я, и мои коллеги думали не о том, как в долгосрочном плане будет развиваться Россия, не о том, по какой модели провести рыночные реформы. У меня было две задачи: не допустить гражданской войны и не допустить голода в крупных городах. И если пытаться вникнуть в ситуацию октября 1991 г., решение этих задач представлялось более чем нетривиальным. Я недавно выступал с лекцией по поводу экономической политики 1991–1992 гг. в одном из лучших американских университетов, в университете Южной Калифорнии, где был собран экономический факультет с массой очень квалифицированных, очень мной уважаемых экономистов, включая действующего министра финансов Мексики. Я достаточно подробно описал макроэкономическую и организационную ситуацию на октябрь 1991 г. в России и сказал: «Здесь собралось масса опытных людей, ответьте, что мы должны были сделать?». На три минуты повисла звенящая тишина. То, что нам удалось не допустить тогда гражданской войны, или развития событий по югославскому сценарию, или по сценарию 1917–1918 гг., не пришлось посылать продотряды, а удалось дожить до урожая 1992 г., запустив рыночный механизм, — это результат. Что

произошло в 1917 г. с социально-экономической точки зрения? У нас перестала тогда работать старая административная система и не была налажена новая. Получили голод и гражданскую войну. Что произошло в 1991 г.? У нас перестали работать старая экономическая и политическая системы и не была налажена новая. Мы шли к голоду и гражданской войне. От этого, к счастью, удалось уйти. И я считаю, что это самое главное из того, что сделано. Команда в значительной степени сохранилась. Это для меня загадка. Были, конечно, потери, но почти все, кто принимал активное участие в формировании экономической политики между 1991-м и нынешним годом, — все они, включая и нынешнего лидера коммунистов в экономической области Сергея Глазьева, теснейшим образом знали друг друга с конца 1980-х гг., работали вместе, были объединены общим мировоззрением. Идеинная близость в большой степени сохранилась.

Вопрос: *Вступление в ВТО должно ускорить экономический рост или, наоборот, замедлить?*

Егор Гайдар: Последствия вступления России в ВТО у нас преувеличиваются. Экономика России достаточно открытая, и, если мы завтра вступим в ВТО, никто этого не заметит. В зависимости от тех условий, которые мы согласуем с ВТО, это будет иметь некие разные последствия долгосрочных перспектив развития для тех или иных секторов нашей экономики (для сектора страховых услуг, банковского сектора, сектора телекоммуникаций, автомобильной промышленности, сельского хозяйства и т.д.). В переговорном процессе всегда есть крайние переговорные позиции. Мои западные друзья неоднократно аргументированно доказывали, что на переговорах в ВТО наша переговорная позиция носит абсолютно неконструктивный характер. Я с этим не спорю, но и ваша переговорная позиция, говорю я, носит также неконструктивный характер, и привожу свой набор аргументов. Так всегда бывает. А дальше в какой-то момент люди садятся за закрытыми дверями и договариваются. И у меня нет сомнений, что можно выработать соглашение, которое будет отвечать нашим интересам, которое будет соответствовать принципиальным интересам наших важнейших торговых партнеров и которое задаст для нас рамки нашего участия в ВТО. Для нас участие в ВТО в тактическом плане значит немного — мы экономика с доминирующим сырье-

вым сектором, который в малой степени подвержен регулированию по лекалам ВТО. И если бы мы хотели навсегда оставить свою экономику без изменений, можно было бы плюнуть на все это дело и просто не тратить время. Но мы хотим перестать быть экономикой с доминирующим сырьевым сектором. Тогда неизбежно мы должны защищать свои позиции на несырьевых сегментах рынка. А это удобнее делать, когда ты член клуба. Вот, собственно, в чем стратегическое значение.

Вопрос: *Сегодня производители торгуются и с правительством, и с президентом, обещая в обмен пресловутую импортозамещающую индустриализацию. Взять хотя бы предприятия автопрома. Или предложения делать ставку на венчурный капитал. Что Вы думаете по этому поводу?*

Егор Гайдар: По поводу автопрома. История автопрома показывает вредность высоких таможенных барьеров. У нас было довольно много секторов в российской экономике, которые были слабо защищены в тарифном отношении, но у них была относительная свобода торговли. И в этих секторах произошло существенное повышение качества управления, качества хозяйствования. Пищевая промышленность тому наглядный пример.

А в автопроме? Когда ты пестуешь промышленность, окруженную высокими тарифными барьерами, в мягких условиях — не заставляя ее адаптироваться, организовываться, бороться с собственной коррупцией, контролировать собственные издержки, повышать качество — она, эта промышленность, и машины производит соответствующие.

Тем не менее я не считаю, что наш автопром безнадежен, потому что в России есть машиностроительная культура, есть большой рынок, есть соответствующая инфраструктура. И я убежден, что автомобильная промышленность в России сохранится. Другое дело, что я не знаю, какая это будет промышленность. Вполне возможно, что это будет автомобилестроение на базе моделей «Форда», или «Дженерал Моторс», «Фольксваген», «Тойоты». А с тем качеством машин, которое мы сегодня предлагаем, наш автопром обречен. Неизбежно в существующих условиях у нас происходит перемещение спроса на сегмент относительно более дорогих, более качественных машин, и этот процесс никак нельзя остановить. Венчурный капитал. Не верю ни в какие искусствен-

ные способы подстегивания этого процесса. Вложения в венчурный капитал у нас будут расти в то время, когда будет ясно, что этот венчурный капитал — выгодное направление вложения денег. Так случится, если ничего катастрофического у нас не произойдет. Потому что уже сегодня крупные корпорации сталкиваются с важнейшей проблемой: а куда им инвестировать очень крупные финансовые ресурсы? У России есть сравнительное преимущество в сегменте рынка с высококвалифицированным трудом или относительно квалифицированным трудом и относительно немассовой продукцией (тут мы находимся где-то между Европой и Китаем; типичный пример — научное приборостроение), и этот сегмент рынка будет расти. И в части этого сегмента, без всякого сомнения, будет серьезное предложение венчурного капитала и спрос на венчурный капитал.

Вопрос: *Планируя реформы, Вы наверняка предполагали сценарии как экономической, так и психологической реакции общества. Что стало для Вас самым большим открытием в ходе этих реформ? И второй вопрос. Вы наверняка анализировали подобные процессы в других странах. В какой стране Вы бы назвали идеальный или самый привлекательный для Вас ход реформ и их итог на настоящий момент?*

Егор Гайдар: Сюрпризом была быстрота реакции российского населения на стимулы. Когда мы обсуждали реформы в середине 1980-х гг., была глубокая внутренняя полемика, связанная с тем, в какой степени несколько десятилетий социализма вытравивали из российского населения способность к предпринимательству. Тогда все было по команде: рабочий день начался, рабочий день закончился, к празднику заказ с двумя банками печени трески, в отпуск — в заводской дом отдыха. Откуда после такой тренировки возьмется предпринимательство? То, в какой степени быстро российское население отреагировало на стимулы, для меня было приятным сюрпризом. Расскажу один случай из жизни. Начало 1992 года, мы либерализовали цены. Но советская торговля, которая всю жизнь жила в условиях дефицита, не могла принять идею, что за деньги все будет продаваться свободно. Тогда был подготовлен указ о свободе торговли, который снимал административные запреты и предоставлял право торговать без ограничений каждому. Я уговорил президента подписать этот документ.

Надеялся, что это начнет давать некие результаты через несколько недель. На следующее утро после опубликования указа еду на работу на Старую площадь. Проезжаю мимо Детского мира и вижу огромную очередь. Посылаю помощника узнать, что это там такое продают? Оказалось, что это не очередь в магазин за дефицитом. Масса народу, с экземпляром указа в руках чем-то торгует. Тогда я понял, что перспективы России отнюдь не безнадежны.

Идеальный сценарий... Идеальных сценариев не было ни у кого. Легче всего этот процесс протекал (если убрать социальные издержки и прочее), на мой взгляд, в Венгрии. Венгрия была страной, где до краха социализма на протяжении многих лет функционировала социалистическая, но рыночная экономика, где были полные прилавки, где были рыночные отношения между предприятиями и международная открытость. Все было подготовлено. Это, правда, с нашей точки зрения. Но если спросить венгров, они скажут: это была катастрофа; ужасно, как мы провели приватизацию, ведь все досталось иностранцам, это позор. Я не найду ни одной постсоциалистической страны, где бы население сказало: «Какие у нас были замечательные руководители, здорово они провели реформы».

Вопрос: *Как Вы относитесь к союзу России с Белоруссией, и есть ли у этого союза какой-то шанс на реальную жизнь? И как скоро это наступит, если это возможно?*

Егор Гайдар: История союза с Белоруссией — это одна из самых интересных историй российского общества последних десятилетий. Иметь такого замечательного политического кондотьера, как Лукашенко, который эксплуатирует любовь российского общества к Белоруссии и мечту о союзном государстве, выжимая из России не меньше, чем по 500–600 млн долларов в год, это достойно восхищения, это чудо. Как мы платили довольно долго дань Крымскому ханству, чтобы они не подвергали нас набегам, так последние восемь лет мы платим дань Лукашенко за то, что он рассказывает, как он любит Россию, как он хочет белорусско-российского союза. Я считаю, что стратегически база для российско-белорусского союза есть: очень велика культурная близость, есть общие интересы. Путин был прав, когда сказал, что этот союз может быть построен по двум моделям. Это нормально и вполне возможно. Союз, устроенный по модели Лукашенко, когда ничего не понятно, России не нужен. Белоруссии, я уверен, тоже.

Вопрос: *Меня, как налогоплательщика и как гражданина, волнует вопрос увеличения расходов на армию и правоохранительную деятельность, который, по всей видимости, сейчас будет горячо поддержан представительной властью. Выделения дополнительных средств на эти ведомства недостаточно, нужно их реформировать. И ситуация, мне кажется, очень опасная. Ваше мнение?*

Егор Гайдар: Я с Вами согласен, выделение больших дополнительных денег, без серьезных преобразований, никогда не решало ни одной проблемы. В нашей армии и правоохранительных органах дополнительное финансирование тоже ничего не решит.

Вопрос: *Как Вам видится будущность жилищно-коммунальной реформы в России?*

Егор Гайдар: Тяжелейшая, многоаспектная тема. Возможности федерального центра руководить процессом реформы ЖКХ ограничены. По своей природе, это в первую очередь вопрос региональных и местных властей. Сформировать систему самоуправления жильцов для организации контроля за выполнением функций по обслуживанию жилья (контроль за расходами и т.д.) сложно в рамках той законодательной конструкции, которой мы располагаем сегодня. Интересы жильцов дома существенно расходятся (у нас мало домов компактного проживания близких социальных групп), и когда вы должны со всеми договориться, чтобы создать кондоминиум, ясно, что проблем возникнет много. А если не будет самоуправления жильцов, то никакими способами вы не обеспечите контроль за качеством и уровнем издержек. Или надо жить в отдельном доме и делать все самим, тогда это понятно. Или вы должны обеспечить условия самоуправления. В законодательстве надо пойти, на мой взгляд, на серьезный шаг, существенно облегчающий возможность организации товариществ собственников жилья, минимизирующий препятствия на этом пути, расширяющий стимулы. Без этого никакого порядка мы там не найдем.

Второе. Это, конечно, вопрос о качестве работы местных органов власти, уровень воровства, коррупции и т.д. Третья проблема — это вопрос о финансировании, об уровне оплаты и т.д. Он частично является производным от первых двух. Либо вы платите, как потребитель, либо как налогоплательщик. Все равно вы заплатите за все неэффективные расходы. Как удобнее в этом смысле платить за неэффективные расходы — в качестве налогоплатель-

щика или в качестве потребителя? Я сторонник того, чтобы платить в качестве потребителя, потому что тогда гораздо проще понять, как устроить систему компенсации для малообеспеченных или нормальную систему социальной поддержки. Но, повторяю, это вопрос производный от первых двух.

Вопрос: *На Ваш взгляд, где у нас самое слабое место на пути экономического развития?*

Егор Гайдар: Коррупцированный и неэффективный государственный аппарат. Много других проблем, но это самое важное.

Вопрос: *Какую роль Вы отводите малому и среднему бизнесу в укреплении нашей экономики?*

Егор Гайдар: Экономический рост, чтобы быть устойчивым, должен включать компоненты малого и среднего бизнеса. С оценкой роли малого бизнеса в экономике России есть масса недоразумений. Дело в том, что у нас малый бизнес пытаются анализировать исходя из официальной статистики числа малых предприятий или числа занятых на малых предприятиях. Хуже показателя, чтобы оценивать малый бизнес, нет. Здесь перекрещивается несколько разных процессов. Один из них — это фиктивные предприятия для ухода от налогов. Другой — наоборот, формально несуществующие предприятия, реально существующие и работающие — полутеневого сектора малого предпринимательства. По этому показателю вообще ничего нельзя понять. Кроме того — надо понять, что Госкомстат толком и не пытается оценить динамику тенденций, которые происходят в малом бизнесе. И так как он не может его оценить статистически, что он делает? Гипотеза такая: если у нас была такая доля малого бизнеса вчера, позавчера и позавчера, то вряд ли она радикально изменится сегодня. Поэтому мы предполагаем неизменность этого сектора, и дальше говорим, что у нас, к примеру, его производство выросло на 4% ВВП.

Я перехожу к показателю, на основе которого лучше анализировать происходящее. Это два показателя, связанных с занятостью. У нас статистика занятости устроена своеобразно. Она частично современная, европейская, которую мы создали после 1992 г., а частично она унаследована от Советского Союза. Первое — это опросы, а второе — это балансы трудовых ресурсов. Это пришло из советских времен. Они дают разные результаты. Правда, они неплохо коррелировались. В рамках балансов рабочей силы выделяя-

ется сектор крупных предприятий, средних и малых предприятий. С 1998 г. у нас происходит бурный рост занятости, резкое падение числа безработных. Если вы посмотрите сектор крупных или средних предприятий, то вы увидите, что занятость там стабильная на уровне 1998 г. Куда они все ушли? Естественно, они все ушли в малый бизнес. Только этот малый бизнес нигде не зарегистрировался и не платит налоги.

Вопрос: *По прогнозам, к весне следующего года должна значительно вырасти цена на бензин. Ваши комментарии по этому вопросу. Второй вопрос — темпы роста скрытой инфляции, какие они?*

Егор Гайдар: У нас будут введены повышенные акцизы на нефтепродукты с 1 января. Это способствует повышению цен на бензин в ограниченных пределах. На этот фактор накладывается также множество других, связанных с тем, что будет происходить с ценами на бензин и на нефть на мировом рынке, что прогнозировать — одна из самых неблагоприятных задач. Есть длинная история моделей, призванных прогнозировать, что будет происходить с ценами на нефть. Опыт и многочисленные исследования показывают, что самые лучшие результаты дает модель «пьяной походки». Это когда ты берешь нынешнюю цену и предполагаешь случайные колебания от уровня нынешней цены. Все остальные модели дают худшие результаты. А в прошлый раз, когда повышались акцизы, цена упала, потому что это наложило на заговаривание бензином и падение цен на нефть на внутреннем рынке. Что будет происходить на этот раз — не берусь прогнозировать.

Я не вижу сейчас никакой скрытой инфляции. Скрытая инфляция связана с дефицитом — дефицита сейчас нет. Или же скрытая инфляция связана с недооценкой ухудшения качества товаров и т.д. Я этого признака сейчас тоже не вижу.

Вопрос: *Вы сказали, что мы можем вступить в ВТО и не заметить этого, а 11 сентября 2001 г. мы все заметили, и последние события в Москве тоже заметили. Общество изменилось, мы все изменились. Так вот, в этой связи, когда Вы делаете оптимистичные экономические прогнозы по поводу структурных реформ, учитываете ли Вы фактор усиливающегося терроризма, Чечню? И Ваш прогноз в этой связи действий президента и правительства.*

Егор Гайдар: Это важная проблема с серьезными и неприятными последствиями. Если говорить о терроризме, я больше всего опасаясь экспансии роли спецслужб и, де-факто, ограничения прав и свобод граждан. Это реальная угроза. Система свобод и демократических институтов предполагает некую среду. В среде, где террор становится массовым явлением, эти институты живут плохо или не живут совсем. Если люди хотят уничтожить демократию в России, то террор — это сильное средство. Я хочу сохранить демократию. Чечня — это тяжелая, долгосрочная проблема, не имеющая простого решения. (Например, отношения между Израилем и Палестиной или, скажем, баскская проблема также не имеют простого решения.) В 1994–1996 гг. я был среди тех, кто полагал, что чеченская проблема имеет решение. Я считал, что если мы выведем войска из Чечни, де-факто признаем ее независимость, то постепенно все успокоится и это будет меньшим злом, чем война. По 1996–1999 гг., особенно после вторжения в Дагестан, мы увидели, к сожалению, что сценарий оказался неработающим. Можно вести диалог, пытаться бороться с коррупцией в собственных вооруженных силах и правоохранных структурах, налаживать нормальную систему судопроизводства, создавать рабочие места, налаживать образование, включать чеченцев в политический процесс, не навязывать своих решений везде, где это не является жесткой необходимостью, и постепенно, с течением времени можно будет добиться снижения остроты конфликта.

Эффект от реформ наступит к 2005 году

*Лекция на семинаре Клуба региональной журналистики
«Из первых уст»*

18 ноября 2002 г.

*Опубликовано в: Правое дело, 2003. № 4–5, 31 января — 6 февраля.
Материал к печати подготовлен А. Кондратовым.*

Споры о росте

Сегодня я хотел бы поговорить о проблемах российского экономического роста, который начался в 1999 г. Именно эта тема на сегодняшний день является предметом самых оживленных дебатов. Главный вопрос: а с чем же связан экономический рост?

Есть две концепции. Первая, можно сказать, доминирующая, состоит в том, что сошлись два благоприятных фактора: девальвация 1998 г. (обесцененный рубль расширил возможность конкуренции для отечественных товаров) и благоприятная конъюнктура рынка нефти. Вторая концепция — очень благостная для власти и менее распространенная в негосударственных СМИ. В соответствии с ней экономический рост — это результат стабилизации политической ситуации, реформ, которые начали проводиться в 2000–2001 гг. Вот эти реформы и принесли такие результаты.

На мой взгляд, обе концепции имеют некоторое отношение к реальности, но абсолютно недостаточны для объяснения того, что все-таки на самом деле происходит. Беда в том, что, когда мы обсуждаем российские проблемы, сами масштабы страны подталкивают нас к тому, чтобы вырывать Россию из мирового контекста. Допустим, польские проблемы мы обсуждаем на фоне чешских, венгерских, словацких, румынских, болгарских. А Россия — как будто одна-одинешенька в мире...

Но давайте вспомним, что в СССР входили 15 республик, 12 из них входят в СНГ. И посмотрим: есть ли там рост? Везде есть! Он там все время был? Нет, не все время. С 1992 по 1994 г. везде было падение. 1996–1997 гг.: кое-где появляется рост. 1999 г.: растут все, кроме Украины. 2000 г.: растут все. И это притом, что Путин нигде не приходил к власти и нигде не проводились «наши» реформы. Да, половина государств СНГ экспортирует нефть, но половина — импортирует! То есть одни зарабатывают на нефти, а другие вынуждены тратить деньги на ее покупку...

Так вот, на самом деле все связано с завершением первой стадии постсоциалистического перехода и началом восстановительного роста. Дальше этот процесс наслаивается на конъюнктуру рынка нефти, на недооцененность валюты, на структурные реформы... Но это определяет лишь специфику траектории конкретных стран.

Откуда растем?

Почему же раньше все падали, а теперь стали расти? Это связано с самим характером постсоциалистического перехода. На канале «Культура» есть передача «Школа злословия». Там недавно выступал Михаил Леонтьев¹ на тему падения производительности труда, и ведущая передачи спрашивает у него: а как Вы считаете эту производительность? «Очень просто! — говорит Миша. — Делим производство на число занятых». Хочется на это ответить словами профессора Преображенского из «Собачьего сердца»: «Это непросто! Это все очень непросто!» Нет более деликатных понятий в экономике, чем валовый внутренний продукт (ВВП) и объем производства. Пара примеров: если человек женится на своей бывшей домработнице, то ВВП у него сокращается; если он разводится, а бывшая жена соглашается стирать ему носки, то ВВП растет. И там таких забавных, важных подводных камней — бесконечное количество. Один американский экономист описывает опыт Древнего Египта, где мертвых снабжали большим количеством съестных припасов. В связи с этим как считать душевой ВВП: делить на живущих или на мертвых?..

¹ Леонтьев Михаил Владимирович — журналист, публицист, в описываемое время — политико-экономический обозреватель Первого канала. — *Прим. ред.*

Американские авторы рассуждают так: если что-то продается, кто-то за что-то платит, то это осмысленная деятельность. Это и есть ВВП! То, что никому не нужно, за что не платят, не есть ВВП. При социалистической экономике никто ни за что всерьез не платит. Директивное планирование, дефицит, очереди, распределение... Если вы за что-то платите, еще не значит, что вы делаете это осмысленно — просто у вас нет альтернативы. Да, есть большие объемы хозяйственной деятельности, но в какой мере они осмысленны? В 1970-х гг. осушали торфяники под Москвой, создавали ВВП. Сегодня торфяники горят, и мы думаем, как их затапливать. Когда мы начнем это делать, то снова будем создавать ВВП... И когда социалистическая экономика вынуждена перестраиваться в соответствии с рыночными условиями, выясняется, что существует множество видов деятельности, которые никогда не могут быть проданы за деньги. Естественно, что они сокращаются вместе с ресурсами, которые там использовались.

Процесс ухода из рыночно невозможных секторов в те, которые работают на рынок и продукцию которых можно продать за деньги, требует некоторого времени. Это время в разных странах разное по протяженности. В постсоциалистических Польше, Чехии и Венгрии падение производства продолжалось три года. Когда в нашей стране начинали реформы, тоже ориентировались на достижение результата через три года. Но это ниоткуда не следовало! У СССР и стран Восточной Европы был разный уровень военной нагрузки на экономику, разный уровень нерыночного сектора. В Польше в начале 1990-х еще было живо поколение, которое помнило рынок. А у нас нормальный магазин видел в лучшем случае один человек из ста, то есть тот, кто выезжал хоть раз в капитану. Понятно, что переходный процесс в России должен быть более длительным.

Но потом перестройка экономики заканчивается, приходят эффективные менеджеры, стихают войны за передел собственности. Вот на этом фоне падение экономики и сменяется на рост. Кстати, так было при НЭПе, когда закончился хаос, связанный с революцией и Гражданской войной, начали восстанавливаться хозяйственные связи, стабилизировалось денежное обращение. Но в 1999–2000 гг. мы росли быстрее, чем при НЭПе в 1923–1924 гг.

Основные черты восстановительного роста

Он идет при относительно низких капитальных вложениях за счет задействования того оборудования, тех квалифицированных кадров, которые существовали раньше.

Этот рост имеет две особенности.

Первая: он приходит неожиданно, и его первоначального всплеска никто не ожидает. Никто не ждал в 2000 г. роста ВВП на 9%. Российское правительство прогнозировало рост на 0,2% по оптимистическому сценарию и падение на 2,2% — по пессимистическому. Ни один эксперт тогда не смог предугадать реального роста.

Вторая: затухающий характер роста. Да, рабочие, убежавшие с заводов копать огороды, вернулись на место. Да, оборудование снова заработало. Но эти ресурсы исчерпаемы. Поэтому долго поддерживать высокие темпы роста никогда не удастся. Они неизбежно падают. И начинаются рассуждения на тему: смотрите, рост-то у нас выдыхается... В 2001 г. был 5%, в 2002-м — уже 4%. Надо как-то подстегнуть этот рост, чтобы так «пёрло», как в начале восстановительного процесса... Как это напоминает экономическую дискуссию середины 1920-х гг.! Тогда это кончилось потерей финансового равновесия, возникновением дефицита и отказом от НЭПа.

Так что же дальше? Как будем расти? Все, что делает правительство начиная с 2000 г., — это здорово, поскольку направлено на создание предпосылок роста после того, как будут исчерпаны ресурсы восстановительного периода: благоприятный инвестиционный климат, стимулирование капитальных вложений, налоговая реформа и т.д. Но беда в том, что подобные структурные реформы имеют отсроченный эффект. Реформы Рейгана, оказавшие огромное влияние на США, дали эффект только через десять лет. Эффект от нынешних российских реформ наступит в лучшем случае в 2005 г. Хватит ли резервов восстановительного роста, чтобы дотянуть до 2005 г.? Ни один человек на Земле вам этого не скажет.

Отсюда угроза паники. Кричат: давайте откроем свободные экономические зоны, еще какую-нибудь глупость придумаем... Это самая серьезная угроза, какая сейчас есть.

Путину во все уши жужжат: вот при Примакове начался рост, а при вас он падает, потому что дурни из правительства все делают не так. Наша экономика может расти быстрее, а они просто не

хотят... Надо кулаком по столу стукнуть, подстегнуть! И когда Путин требует от правительства «больших амбиций» — это естественная реакция политика. Мне лично приятно, что вместо того, чтобы взять под козырек и сказать: «Будет исполнено, Ваше превосходительство! Немедленно поднимем!», правительство очень откровенно, хотя и осторожно, говорит: «Не будет никаких “прорывов”».

Реально ли сохранить рост 4% в год? Этого никто не может сказать. У нас нерастущее население, невысокие капитальные вложения. Для нас 4% в год — это фантастический темп роста! Америка достигла своего доминирующего положения в мире за счет того, что росла по 2% в год. Но — на протяжении двух столетий... Мы при нынешнем темпе роста через 50 лет будем иметь ВВП больше, чем в Америке.

О свободной конкуренции и олигархических компаниях

Это одна из ключевых стратегических проблем российской экономики. Речь идет не столько о формальной конкуренции на различных рынках — молока, картофеля и т.д., сколько о монополизированной структуре российской экономики. Это решает некие текущие, но создает большие стратегические проблемы. При слабой системе судопроизводства, необязательности выполнения контрактов, слабой гарантии прав собственности крупные хозяйствующие структуры в некоторых сферах замещают собой государство. Не можете добиться от государства того, чтобы контракт выполнялся? Сами создайте структуру, которая обеспечит выполнение контракта. В этих организациях люди хорошо работают, хорошая дисциплина, прозрачные финансовые отношения — не для налоговых органов, а для хозяина.

Сейчас эти крупные структуры — некий локомотив роста. Но они продолжают воспроизводить те же проблемы. С судами ничего не улучшается: один куплен одним олигархом, другой — другим... И войти в этот мир малому и среднему бизнесу очень и очень сложно.

Но крупные структуры сами по себе очень хрупкие. Все зависит от нескольких человек, от их отношений. Все может в любой момент взорваться. А за этим стоит судьба сотен тысяч людей, занятых в этой структуре...

Повторится ли кризис 1998 года?

Сегодня мы уязвимы для кризиса гораздо меньше, чем в 1998 г. Тогда страна оказалась в ловушке. У нас была такая система заимствований, что мы потеряли свободу маневра в области курсовой политики. Были выборы 1996 г., высокие политические риски, «короткий» и дорогой внешний долг, высокие ставки, много иностранных денег... Хотя в 1997 г. все выглядело радужно. Чубайс получал премии как лучший министр финансов, на Западе говорили о наших хороших перспективах... Потом случился «азиатский кризис». Инвесторы начали бурно выводить капиталы с развивающихся рынков. А у нас на этом завязан внешний долг! Начали обесценивать рубль, а темпы стали быстрее, чем хотели. Бюджет летит. И тут еще падение цен на нефть...

Что сейчас? Предположим, через год резко падают цены на нефть. Но у нас нет «короткого» внешнего долга! Центробанк может снова отпустить рубль. Будет, допустим, 40 рублей за доллар. Трагедии нет — увеличивается конкурентность отечественных товаров! Что плохого? Страна не умрет, даже если завтра цена на нефть будет 10 долларов.

В чем мы обгоним Америку?

70–80 лет назад на этот вопрос были бы абсолютно простые и ясные ответы: металлургические заводы, электростанции, химкомбинаты... Сейчас крайне быстро изменяются производство и потребности. Можно обогнать США по производству компьютеров, но, скорее всего, к тому времени окажется, что компьютеры такого типа и поколения никому не нужны...

Думаю, самый перспективный инструмент постиндустриальной экономики — это исследовательское подразделение. А его построить по методу «вырыл котлован и поставил стены» невозможно — это вопрос вызревания. В отношении наших перспектив я здесь очень большой скептик.

Где наши преимущества? Это сферы квалифицированного, но не очень дорогого труда. Например, научное приборостроение...

Правда ли, что русские работают хуже всех?

Это непростой вопрос. Низкая производительность труда — обратная сторона низкой безработицы. И то и другое связано с нормами поведения, сложившимися в советском обществе. У нас действительно низкая зарегистрированная безработица. Служба занятости часто не может использовать свой бюджет, потому что некому платить пособия — мало обращаются. Но при этом огромное количество людей, которые формально заняты, а на самом деле не работают. Они числятся на своем простаивающем военном заводе и где-то работают в сфере услуг, мешочничестве и так далее... Семьдесят пять лет, пока был закон о тунеядстве, наложили свой отпечаток. Нормальный итальянец сказал бы: завод закрылся, я безработный. Постсоветскому же человеку социально комфортнее числиться и говорить всем, что ему не платят зарплату. Отсюда современная российская статистика: никто ничего не производит, но все работают...

Современный экономический рост и стратегические перспективы социально- экономического развития России

*Доклад на заседании Ученого совета Института экономики
переходного периода*

26 февраля 2003 г.

Опубликовано на сайте ИЭП им. Е. Т. Гайдара.

Мне хотелось бы осветить в этом выступлении три группы проблем: восстановительный рост и ключевые альтернативы текущей экономической политики; долгосрочные тенденции и перспективы экономического роста в России; ключевые структурные реформы, которые необходимо провести, чтобы адаптировать Россию к вызовам постиндустриального развития.

Газета «Известия» опубликовала мою статью¹, посвященную этой теме. Постараюсь не повторять то, что в ней написано, а сконцентрируюсь на вопросах, которые в газетной статье не освещались.

О восстановительном росте

Нынешний экономический рост в России носит восстановительный характер. Он тесно связан с предшествующей рецессией, падением производства после краха Советского Союза. Падение было обусловлено, в свою очередь, структурной перестройкой экономики и кризисом старой системы хозяйственных связей, тогда как их новая система еще не сформировалась. Этот кризис был в основном преодолен к 1997 г. В дальнейшем развитию восстано-

¹ См. настоящее Собр. сочинений, том 7, с. 40–57. — *Прим. ред.*

вительных процессов помешал финансовый кризис 1997–1998 гг. Эти процессы были продолжены с 1999 г.

Восстановительный рост — известный, но достаточно необычный, не очень хорошо изученный феномен; в каждой из стран, которые через него проходят, его отличает своя специфика. Это отчетливо проявилось в 1920-х гг., когда восстановительный рост был зафиксирован в России впервые и были предприняты первые попытки его анализа. Тогда высококвалифицированные экономисты В. Громан и В. Базаров¹ сделали по меньшей мере две серьезные ошибки, повлекшие за собой существенные экономические последствия.

Во-первых, они недооценили то, что в условиях снятых спросовых ограничений, при социалистической экономической системе, объем производства восстанавливался в 1920-х гг. на уровне более высоком, чем в 1913 г. в царской России, где существовали ограничения, связанные с платежеспособным спросом. Во-вторых, они переоценили возможности наращивания доли денег в валовом внутреннем продукте, что привело к серьезным просчетам в финансовой политике.

И сейчас мы тоже не очень ясно представляем себе, как будут дальше развиваться в нашей стране процессы восстановительного роста. Есть основания полагать, что пределы его будут исчерпаны при объемах выпуска более низких, чем те, которые были характерны для российского ВВП в период максимального его уровня при социалистическом производстве. Но это гипотеза. А вот что известно точно — то, что восстановительный рост носит затухающий характер. Это значит, что темпы роста снижаются, потому что ресурсы восстановления, ресурсы введения имеющихся мощностей и рабочей силы оказываются исчерпанными. Разумеется, когда темпы роста идут вниз, затухание может быть компенсировано новыми факторами роста производства, новыми капитальными вложениями, вводом новых мощностей, включением в производственный процесс новой рабочей силы. Но это требует другого ка-

¹ Громан Владимир Густавович (1874–1940) — экономист, в первые годы советской власти был членом коллегии ЦСУ СССР и президиума Госплана СССР; Владимир Александрович Базаров (1874–1939) — экономист и философ, был в те же годы членом президиума Госплана СССР. Оба стали жертвами сталинских репрессий. — *Прим. ред.*

чества национальных институтов, способных обеспечить экономическое развитие.

Восстановительный рост поначалу всегда становится приятным сюрпризом для экономико-политической элиты. А потом он превращается в проблему: ведь темпы не удерживаются на изначальном уровне, они начинают падать. Снижение темпов экономического роста между 2000 и 2003 годами — существенный фактор, влияющий на формирование экономической политики.

Важной задачей, которую решало правительство на протяжении последних лет, было проведение набора структурных реформ, необходимых, чтобы придать росту характер устойчивый и долгосрочный.

Собственно, глубокие структурные реформы наше правительство начало проводить в 1992 г. Но тогда большая часть экономико-политической элиты не знала о том, что эти реформы — структурные, точно так же, как мольеровский герой не знал, что он говорит прозой. Однако спустя короткое время, уже в 1997 г., словосочетание «структурные реформы» звучит часто, термин становится популярным, если хотите — модным. Первый заместитель управляющего директора МВФ С. Фишер, приехавший в ту пору на научную конференцию в Высшей школе экономики, был приятно удивлен тем, что все в России говорят о структурных реформах, все понимают их необходимость для устойчивого экономического роста.

Наиболее энергично претворять в жизнь эти реформы начали в 2000–2001 гг. По ряду важных направлений за эти годы было сделано много полезного. Политические проблемы, связанные со структурными реформами, состоят в том, что последние не дают отдачу в краткосрочной перспективе, они «всего лишь» закладывают базу долгосрочного экономического роста.

В России за последние годы внесены позитивные изменения в уголовно-процессуальное законодательство. Благодаря им сегодня десятки тысяч людей, которые не были осуждены судом, не сидят в тюрьмах. В то же время наша судебная система по-прежнему имеет немало изъянов. И что бы мы сейчас ни делали, проблемы, связанные с ее функционированием, будут оставаться серьезными и острыми и завтра, и послезавтра. Ибо судебная система — это, в первую очередь, кадры и традиции, а радикально изменить их

в один момент — скажем, в ночь с сегодняшнего дня на завтрашний — нельзя.

Шаги, сделанные в последние годы для упорядочения частной собственности на землю, крайне важны. Можно спорить, насколько хорош или плох конкретный вариант вступившего в силу закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Но то, что в России частный оборот земли упорядочен и закреплён, справедливо расценивается как важный фактор, способствующий долгосрочному росту российской экономики. Вместе с тем это, по сути, легализация того, что происходило в жизни. А сама по себе легализация не обеспечивает немедленной отдачи.

То же относится ко многим другим мероприятиям — реформе трудовых отношений, пенсионной реформе. Изменения, которые дают отдачу в короткой перспективе (как, скажем, реформа подоходного налога) — редкое исключение.

Сегодня никуда не деться от реалий политического процесса. А выглядят эти реалии в глазах значительной части элиты и населения примерно следующим образом: правительство втянулось в проведение структурных реформ. Между тем жизнь радикально не улучшается, проблем в российской экономике остается множество. Непросто объяснить: чтобы заложить основы устойчивого роста, нужны преобразования не одиночные, а взаимодополняющие. Если в России будет хорошая налоговая система, но не будет надежно защищенных прав собственности, мы не получим масштабных капитальных вложений, необходимых для устойчивого роста.

Еще одна важная составляющая текущей экономической политики — высокие цены на нефть. Российское правительство четыре года в условиях высоких цен проводило достаточно консервативную и ответственную макроэкономическую политику. Это не может не вызвать уважения. Предшествующий нынешнему период аномально высоких цен на нефть (это 1979–1982 гг., тогда цены на нефть в реальном исчислении были примерно втрое выше, чем в 1999–2002 гг.) был отмечен «разжижением мозгов» политического руководства — настолько серьезным, что мы умудрились ввязаться в войну в Афганистане.

Сейчас помог урок кризиса 1998 г. У нашей страны была плохая финансовая репутация, а предстояли платежи по внешнему долгу,

рефинансировать их было сложно, — все это дало четыре года ответственной бюджетной политики. К сожалению, способность правительства проводить ответственную макроэкономическую политику при высоких ценах на нефть ограничена.

На ухудшении качества экономической политики сказывается и близость выборов, что нам предстоит. Итак: структурные реформы идут медленно и не приносят чудес; цены на нефть высокие; выборы приближаются. В такой ситуации растет спрос на популярные решения, чувствуется острая потребность в том, что дает быструю отдачу, «обещает прорыв».

Многие читали материал группы журналистов, получивший название «Серафимовское воззвание»¹. Оно хорошо накладывается на атмосферу усталости от структурных реформ и жажды популярных решений. Документ написан в стилистике, которой император Наполеон советовал руководствоваться авторам его Конституции: «Пишите коротко и неясно». Понять, что нам предлагается конкретно сделать, из текста воззвания трудно. Из выступлений отдельных авторов «Серафимовского воззвания» легче оценить, что они имеют в виду. Один из группы «серафимов» предлагает не вдаваться в скучные дискуссии о снижении единого социального налога на несколько процентных пунктов, а снизить его втрое. Чтобы обсуждать подобное мероприятие всерьез, надо ответить на несколько простых вопросов. Считают ли авторы, что снижение ставки налога втрое приведет к трехкратному росту его собираемости? Предполагается ли, что это произойдет сразу? Если предполагается, то исходя из какого набора аргументов и рассуждений? Если же мгновенного трехкратного роста собираемости не случится, то предполагается ли снизить среднюю пенсию в три раза или увеличить пенсионный возраст до 72 лет? Или есть надежда изыскать иные источники финансирования выпадающих примерно 500 миллиардов рублей годовых доходов? Серьезный разговор можно вести при наличии достаточно убедительных ответов на такие вопросы.

¹ Так называемый Серафимовский клуб был организован в январе 2003 г. Меморандум (или воззвание, манифест) клуба приглашал к обсуждению «путей возрождения России», но содержал либо популистские призывы, либо общеизвестные факты без сколько-нибудь серьезного анализа. Не существовав и трех лет, клуб распался. — *Прим. ред.*

Далее. Мы получаем сегодня своего рода военную премию — дополнительный доход от аномально высоких цен на нефть, обусловленную ожиданием войны на Ближнем Востоке. То, что по завершении военной операции — а война представляется вероятной — нынешних дивидендов не будет, догадаться нетрудно. Вопрос в том, когда это произойдет, — через девять ли месяцев, двенадцать или пятнадцать. Мы обсуждаем экономическую политику на 2004–2005 гг. и должны учитывать серьезные риски, связанные с резкими колебаниями цен на нефть, иметь в виду то, что наша страна может столкнуться с продолжительным периодом существенно более низких цен, чем те, которые были характерны для последних четырех лет. И именно в это время нам предлагают в качестве «прорыва» масштабные экономические эксперименты. Хочу надеяться, что новых авантюр удастся избежать. В прошлом веке нашей стране и без того досталось немало.

Советовал бы горячим поборникам подобных экспериментов перечитать экономическую прессу недавних десятилетий. Например, материалы экономико-политических дебатов начала 1970-х гг. в Чили, когда будущие сотрудники правительства С. Альенде говорили о необходимости амбициозных планов, о целесообразности отказа от догм экономической ортодоксии. К тому же призывали многие участники экономических дебатов 1973 г. в Аргентине, в канун экспериментов с экономикой популизма. К сожалению, опыт показывает, что наступать на одни и те же грабли много раз политики умеют.

Нам нужны не авантюры, а продолжение ответственной макроэкономической политики и структурных реформ. Нужно избежать паники из-за краткосрочных колебаний темпов роста, в максимальной степени подготовиться к использованию того окна политических возможностей, которое откроется в России весной-летом 2004 г.

О современном экономическом росте и догоняющем развитии

В дискуссиях, которые ведутся по поводу долгосрочного экономического роста, нередко обсуждается ставшая злободневной тема: при каких его темпах и в какие сроки Россия сумеет догнать

Португалию? Пытаюсь понять, какое счастье наступит к тому времени, когда мы догоним эту замечательную страну, и что будет происходить потом: оторвавшись, уйдем далеко вперед? отстанем снова? Участникам этой дискуссии могу напомнить, что один раз Португалию по душевому ВВП мы уже догоняли. В самом конце 1930-х гг. Не слышал, чтобы кто-то в нашей стране выиграл в результате сего отрадного факта. В конце 1960-х, когда выявились серьезные долгосрочные проблемы, порожденные социалистической моделью индустриализации, мы от Португалии отстали вновь. Продолжалось отставание вплоть до окончания прошлого, двадцатого, века. Что, и в наступившем веке нам надо бегать с Португалией наперегонки?

Если всерьез обсуждать проблемы долгосрочных перспектив России, имеет смысл проанализировать то, как страна развивалась не в течение последних трех или десяти лет, а на длительной исторической дистанции, на протяжении последних двух веков. Если мы рассмотрим эволюцию российской экономики на фоне мирового развития последних двух столетий, то увидим, что российский душевой ВВП в 1820 г. был близок к средним мировым показателям и примерно на том же среднемировом уровне (с учетом точности расчетов) оставался и в 1913 г., и в 2001 г. (рис. 1).

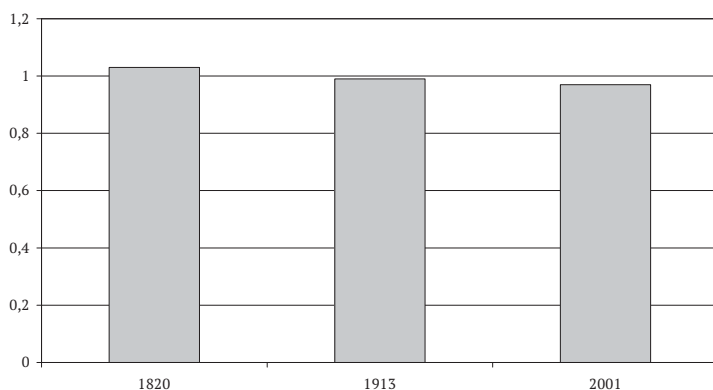


Рис. 1. Отношение душевого ВВП России к мировому душевому ВВП в 1820–2001 гг.

Источники: 1. За 1820 и 1913 гг. — см.: *Maddison A. The World Economy. A Millennial Perspective*; 2. За 2001 г. — расчеты ИЭПП на основе данных А. Maddison; 3. Реконструкция данных Мирового банка на период до 1950 г. дает сходные результаты в пределах точности расчетов.

Причины выбора этих дат объяснить нетрудно. Большинство исследователей относят начало современного экономического роста — процесса резкого ускорения темпов экономического развития, сопровождаемого масштабными сдвигами в структуре экономики и социальных отношениях, к 20-м гг. XIX в. 1913 год — это высшая точка развития России в рамках царской империи. 2001 год — максимально приближенная к сегодняшнему дню дата, по которой имеются данные.

Да, между этими тремя точками российский душевой ВВП отклонялся от среднемирового, но колебания носили достаточно ограниченный характер. Величина дистанции, отделяющей Россию от стран — лидеров мирового экономического развития (в XIX в. — Англия, в XX в. — Соединенные Штаты Америки), в течение этих двух веков тоже колебалась, но колебания происходили опять-таки в достаточно узком интервале (табл. 1).

Таблица 1

Отношение душевого ВВП в России к душевому ВВП стран — лидеров современного экономического роста*

Годы	1820	1870	1913	1950	2001
Отношение	0,44	0,32	0,28	0,30	0,25

* 1820–1870 гг. — Англия, 1913–2001 гг. — США.

Источники: 1. *Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992*. Paris: OECD, 1995 (данные с 1820 по 1950 г.); 2. *World Development Indicator Database*, World Bank, 2002 (данные за 2001 г.).

Сегодня чрезвычайное внимание приковано к успехам экономического развития Китая, достигнутым за последнюю четверть XX в. При этом нередко забывают, что именно резкое падение доли Китая в мировом валовом внутреннем продукте было одним из самых серьезных структурных сдвигов в мировой экономике между 1820 г. и 1970-ми гг. После четверти века динамичного роста доля Китая в мировом валовом внутреннем продукте почти втрое ниже, чем она была в 1820 г.

На этом фоне близость российских показателей к их среднемировым значениям выглядит впечатляюще. Это тем более важно, что на протяжении последних двух веков в мировом экономическом развитии происходили беспрецедентные изменения.

Понятие современного экономического роста ввел в научный оборот замечательный американский экономист русского проис-

хождения, лауреат Нобелевской премии С. Кузнец, относя начало этого процесса к концу XVIII в.¹ Сейчас большинство исследователей склоняются к тому, чтобы датировать его начало 20-ми гг. XIX века — периодом, последовавшим за наполеоновскими войнами. Дискуссия о датах не имеет принципиального значения. Что действительно важно — это резкое ускорение темпов роста мировой экономики и душевого ВВП на рубеже XVIII и XIX веков, происходящее на фоне глубоких структурных изменений в занятости, в способе расселения, демографии.

В регионе, который на протяжении предшествующего тысячелетия развивался аномально быстро, — в Западной Европе, на удвоение душевого ВВП в период, предшествующий современному экономическому росту, потребовалось восемь веков (примерно с 1000-го по 1800 год). В Соединенных Штатах Америки, лидере современного экономического роста в XX в., среднегодовые темпы роста продуктивности на протяжении последних двух веков составляли около 2%. Это означает, что на протяжении жизни одного поколения (75 лет) душевой валовой внутренней продукт увеличился более чем в четыре раза.

Масштабные и взаимосвязанные структурные изменения происходили в странах с разными культурными традициями, различным уровнем ресурсной обеспеченности, неодинаковым географическим положением. Казалось бы, понимание этих общих, выстроенных по сходным сценариям, связанных с экономическим развитием процессов дает в руки исследователю, занимающемуся долгосрочной динамикой роста, мощный инструмент для анализа и прогнозирования.

Представление о железных законах исторического развития, позволяющих точно предвидеть логику происходящего в мире, стало стержнем марксизма — учения, доминировавшего в анализе долгосрочных перспектив эволюции социально-экономических отношений в конце XIX — начале XX в. Вместе с тем XX век выявил важное свойство современного экономического роста, которое не было осознано ни К. Марксом, ни марксистами. Ему сопутствуют быстрые и трудно прогнозируемые изменения домини-

¹ *Kuznets Simon. Modern Economic Growth. Rate, Structure, and Spread. New Haven — London: Yale University Press, 1966.*

рующих тенденций в развитии социально-экономических систем и национальных экономик.

История социально-экономической мысли последних двух веков полна великих ошибок мыслителей, пытавшихся экстраполировать замеченные ими современные тенденции на перспективу. Это и Т. Мальтус с прогнозами перенаселения и обнищания, базировавшимися на реальных фактах раннего этапа демографического перехода, связанного с ростом продолжительности жизни, падением смертности, опережающим падение рождаемости. И К. Маркс с его прогнозами абсолютного и относительного обнищания пролетариата, социальной дестабилизации и крушения капитализма, опиравшимися на реальные социальные проблемы ранних этапов современного экономического роста. И Й. Шумпетер, предсказавший в своей работе «Капитализм, Социализм и Демократия» угасание предпринимательства, бюрократизацию экономической жизни под влиянием реалий капитализма эпохи конвейерного производства¹.

До конца XIX в. при обсуждении ключевых финансовых проблем доминировало представление о наличии верхних пределов налогообложения. Эта парадигма впервые была поставлена под сомнение в 70-х гг. XIX в. А. Вагнером, сформулировавшим гипотезу о нарастании, по мере экономического развития, доли перераспределяемых государством доходов в объеме экономической деятельности. Резкое расширение возможностей современного государства на фоне роста благосостояния позволило радикально увеличить долю государственных изъятий в валовом внутреннем продукте в XX в. Между 1910 и 1970 годами представление о безграничности возможностей наращивания государственной нагрузки на экономику стало почти общепринятым в финансовой литературе. Те исследователи, которые пытались сформулировать гипотезы о наличии и в условиях индустриального общества верхних пределов налоговой нагрузки, совместимых с экономическим ростом, постоянно терпели интеллектуальные поражения.

¹ *Schumpeter Joseph A. Capitalism, Socialism and Democracy. N.-Y.: Harper & Brothers Publishers, 1950. (Издание на рус. яз.: Шумпетер Й. А. Капитализм, Социализм и Демократия; пер. с англ. / предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. М.: Экономика, 1995.)*

Начиная с 1970-х гг. ситуация радикально меняется. Выясняется, что в наиболее развитых государствах при выходе норм налогообложения на уровень, близкий к 50% ВВП, возникают серьезные проблемы, связанные с политической мобилизацией налогоплательщиков, распространением теневой экономики, замедлением экономического роста, утратой международной конкурентоспособности.

С точки зрения сегодняшнего дня очевидно, что сам процесс выхода норм налоговых изъятий с уровней, характерных для аграрных обществ (примерно 10% ВВП), на уровень, доступный высокоразвитым постиндустриальным экономикам (30–50% ВВП), носил переходный характер. Прогнозировать развитие этого процесса до его завершения было практически невозможно.

У. Черчилль, защищавший золотовалютный стандарт в Великобритании после Первой мировой войны и проводивший дефляционную политику с тем, чтобы восстановить довоенный паритет фунта стерлинга с золотом, опирался на двухвековую практику подобной традиции в своей стране, которая сделала ее мировым экономическим лидером. По существу, Черчилль лишь повторял то, что было сделано после наполеоновских войн. Но в радикально изменившихся условиях он на деле подталкивал мир к одному из самых масштабных кризисов в экономическом развитии прошедшего века, к Великой депрессии. Золотовалютный стандарт, сыгравший роль важного инструмента запуска современного экономического роста, оказался несовместимым со следующими стадиями этого роста.

То, что современный экономический рост является незавершенным, продолжающимся процессом, причем процессом, для которого характерны быстрые и радикальные смены доминирующих тенденций, существенно осложняет использование выявленных закономерностей для прогнозирования развития событий в странах-лидерах, идущих в авангарде экономического развития человечества. Однако страны-лидеры, те, кто начал экономический рост в первые десятилетия XIX в., занимают здесь совсем не то положение, что государства, в которых современный экономический рост и связанные с ним социально-экономиче-

ские изменения начались позже¹. Опыт первых — лидеров — позволяет делать важные выводы о проблемах и тенденциях, с которыми вторые — страны догоняющего развития — столкнутся в будущем.

Есть авторы, которые полагают, что тенденция дальнейшего развития процесса глобализации неизбежна. Есть те, кто убежден в том, что мир стоит на пороге деглобализации. То и другое доказать невозможно. А вот то, что России на протяжении следующих пятидесяти лет предстоит решать проблемы, которые страны — лидеры современного экономического роста решали на протяжении последней половины XX в., на стадии, носящей сегодня название постиндустриальной, — можно утверждать с высокой степенью вероятности.

А. Смит — один из величайших экономистов в мировой истории — избежал многих ошибок, характерных для его последователей именно потому, что анализировал проблемы догоняющего развития². Проблемы и перспективы экономического лидера современной ему Европы — Голландии А. Смита не интересовали. Он считал, что Голландия вышла на пределы возможной производительности и дальше будет стагнировать³.

У К. Маркса представление о том, что более развитые страны показывают менее развитым лишь картину собственного будущего, было доведено до жесткого детерминизма. Однако К. Маркс недооценил три существенных фактора, отличающих развитие стран догоняющего роста от траектории движения стран-лидеров; отчетливо проявились названные факторы уже в XX в.

Первый из них — сама дистанция от лидеров. Распространение знаний, технологий, рожденных современным экономическим ростом, носит неравномерный характер. Например, массовое применение в странах догоняющего развития современных про-

¹ Разумеется, есть особая группа стран, начавших современный экономический рост заметно позже лидеров, но сумевшая их нагнать. Самый яркий пример здесь — Япония, начавшая экономический рост практически одновременно с Россией, и успевшая к 1970-м гг. войти в группу лидеров.

² На это обращает внимание А. Меддисон.

³ Его интересовал вопрос о том, как страны догоняющего развития, менее развитые, чем Голландия, — Англия и страны континентальной Европы могут внести такие изменения в систему национальных институтов и проводимую экономическую политику, которые позволили бы им достичь голландского уровня развития.

тивозидемиологических средств идет куда быстрее, чем распространение современных производственных технологий. Снижение смертности, рост продолжительности жизни происходит на более низких уровнях экономического развития, при длительном сочетании низкой смертности и высокой рождаемости. Отсюда тенденция увеличения в мировом населении на протяжении последнего века доли стран, начавших современный экономический рост существенно позже, чем лидеры.

Второй фактор — сами условия глобального мирового развития, которые задаются лидерами. Страны-лидеры проходят различные этапы своего развития и структурных трансформаций. В 70-х гг. XIX в. — начале 10-х гг. XX в. мировая экономика существовала в условиях глобального рынка товаров и капитала, основанного на золотовалютном стандарте. Это влияло на выбор стратегии в странах, которые вступали в процесс современного экономического роста в эти десятилетия. В 1914–1950 гг. мировое развитие находилось под сильным влиянием войн, кризиса золотовалютного стандарта, протекционистской политики. Это задавало границы допустимых значений для стран догоняющего развития, подталкивая тех к выбору протекционистской политики, импортозамещающей индустриализации. Во второй половине XX в. мир постепенно вновь вступает в эпоху глобализации, снижения ставок таможенных тарифов, открытия рынка капитала, но уже не в условиях золотовалютного стандарта, а при плавающих курсах ведущих мировых валют. Это создает новые возможности выбора стратегии развития, ориентированной на рост экспорта, интеграцию в глобальную экономику.

В ближайшие десятилетия, как это ни прискорбно для нас, мировой контекст развития будет задаваться не тем, что происходит в России, Индии или Бразилии, а тем, как развиваются события в Северной Америке, Западной Европе, Японии. Экономические и политические процессы, которые начнут проявляться в странах-лидерах, окажут сильное влияние на эффективность национальных стратегий развития в странах, следующих за лидерами.

Третий фактор, определяющий специфику траектории догоняющего развития, — это национальные традиции, доставшиеся в наследство от соответствующих аграрных цивилизаций. Например, семейные отношения, возникшие в прошлом тысячелетии

в Западной Европе, отличаются от тех, которые характерны для исламских стран, а также стран, где господствовали буддизм или конфуцианство. Распространенность узкой или широкой семьи, обычаев семейной солидарности оказывает существенное влияние на развитие систем социальной защиты, национальные нормы сбережения, на экономическое развитие в целом.

Значение опыта лидеров для стран догоняющего развития состоит не в том, чтобы его слепо копировать, а в том, чтобы понимать стратегические проблемы, с которыми придется сталкиваться; чтобы в ходе выработки национальных стратегий развития минимизировать риски, не повторять чужих ошибок.

Если бы популярность марксизма в России сегодня была такой же, как в начале XX в., был бы задан, по-видимому, следующий контекст обсуждения долгосрочных проблем национального развития: тенденции трансформации социально-экономических установлений в странах — лидерах экономического роста; способность российских национальных институтов соответствующим образом адаптироваться; мероприятия, осуществление которых позволит приспособить российские установления к перспективным проблемам экономического развития¹.

Крах социалистического эксперимента серьезно подорвал популярность марксизма в России. Но это не значит, что с водой надо выплескивать и ребенка. Трезвый анализ опыта социально-экономического развития наиболее передовых стран за последние полвека предельно важен для понимания тех проблем, с которыми будет сталкиваться Россия в первой половине XXI столетия.

Если сравнить сегодняшний душевой ВВП России с душевым ВВП стран-лидеров экономического роста, то можно увидеть размеры отделяющей нас дистанции (табл. 2).

Точность расчетов душевого ВВП в паритетах покупательной способности достаточно ограничена, и обсуждать результаты таких сопоставлений необходимо с большой осторожностью. Но в целом данные, содержащиеся в табл. 2, показывают, что

¹ Характерный пример — работа профессора В.И. Гриневецкого «Послевоенные перспективы русской промышленности», оказавшая серьезное влияние на разработку плана ГОЭЛРО в Советском Союзе. В качестве одной из важнейших отправных точек автор берет анализ отличия российского топливного баланса от топливного баланса более развитых стран.

Таблица 2

Годы, в которые душевой ВВП в странах — лидерах современного экономического роста равнялся российским показателям 2001 года

Страны	Годы
США	1935
Австралия	1936
Канада	1941
Новая Зеландия	1948
Англия	1934
Швеция	1944
Германия	1953
Франция	1951
Италия	1959

Источники: 1. ВВП на душу населения в России за 2001 г.— данные из World Development Report, World Bank, 2003, приведенные к долларам Geary-Khamis 1990 г.; 2. Данные по душевым ВВП остальных стран — см.: *Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992. Paris: OECD, 1995.*

дистанция, отделяющая Россию от стран-лидеров, составляет сегодня примерно от 40 до 60 лет.

Сравним эволюцию российского ВВП, происходившую в течение длительного периода времени, с эволюцией ВВП крупных стран континентальной Европы (Франции, Германии). Эти страны имеет смысл взять за точку отсчета, оценивая дистанцию, отделяющую Россию от лидеров: так же, как и Россия, они оказались втянутыми в XX в. в две мировые войны на их территории; искажающее влияние этих войн на их развитие имеет сходство с влиянием тех же войн на Россию.

Таблица 3

Отставание России по уровню душевого ВВП от Германии и Франции (лет)

Страны	Годы			
	1870	1913	1950	2001
Франция	≈ 60	63	46	50
Германия	≈ 60	63	55	48

Источники: 1. Данные о душевом ВВП за 1870–1950 гг.— см.: *Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992. Paris: OECD, 1995.* 2. Данные о душевом ВВП за 2001 г.— см.: World Development Report 2003. The World Bank. Данные приведены к долларам Geary-Khamis 1990 г.; 3. Применительно к России душевой ВВП до 1913 г.— Российская империя в границах СССР, для 1950 г.— СССР, для 2001 г.— Российская Федерация.

Содержащиеся в табл. 3 данные показывают, что отставание России от Германии, Франции по душевому ВВП было достаточно стабильным на протяжении примерно полутора веков¹.

Речь идет не о случайных, вырванных из контекста данных о душевом валовом внутреннем продукте России, Франции и Германии. С этими изменениями были связаны и другие важные структурные изменения национальных экономик.

Таблица 4, содержащая данные о динамике доли городского населения России, Германии и Франции на протяжении последних двух веков с лагом в 50 лет, показывает сходную картину эволюции этого показателя — Россия отстает примерно на два поколения (50 лет).

Таблицы 5 и 6 демонстрируют сходные структурные перемены в занятости. При этом более быстрое сокращение занятости в сельском хозяйстве России, по всей видимости, связано со специфическими чертами социалистической модели индустриализации.

Мы рассматриваем траектории развития стран на протяжении двух веков, в эпоху быстрых масштабных социально-экономических изменений. Для России этот период включал две революции, крах двух империй, две мировые и одну гражданскую войны, крупнейший в мировой истории социально-экономический

Таблица 4

Доля городского населения в общей численности населения в Германии, Франции и России, с лагом 50 лет (%)

Страны	Годы			
	1850 — Россия 1800 — Германия, Франция	1910 — Россия 1850 — Германия, Франция	1950 — Россия 1910 — Германия, Франция	2000 — Россия 1950 — Германия, Франция
Россия	7	14	44,7	77,7
Германия	9	15	49	71,9
Франция	12	19	38	56,2

Источники: 1. За 1800–1900 гг. — см.: *Bairoch P. Cities and economic development: from the dawn of history to the present.* Chicago, 1988; 2. За 1950–2000 гг. — база данных ООН (<http://esa.un.org/unpp>).

¹ Таблица 3 может дать базу для излишне оптимистических выводов о постепенной тенденции к сокращению дистанции между Россией и странами-лидерами. Однако надо учесть, что в начале 1950-х гг. серьезное влияние на показатели Германии и Франции еще оказывали последствия Второй мировой войны.

Таблица 5

Доля занятых в сельском хозяйстве в общей численности экономически активного населения в Германии, Франции и России, с лагом 50 лет (%)

Страны	Годы		
	1900 — Россия, 1850 — Германия, Франция	1950 — Россия, 1900 — Германия, Франция	2001 — Россия, 1950 — Германия Франция
Россия	59,11 (1897) ^(*)	45,83 (1959)	10,02 ⁽³⁾
Германия	—	36,84 (1907)	23,63 ⁽²⁾
Франция	51,72 (1856)	41,43 (1901)	24,06 ⁽²⁾

* В скобках указан год, для которого рассчитан соответствующий показатель (наиболее близкий к требуемому году из имеющихся данных).

Источники: 1. *Mitchell B.R. International Historical Statistics 1750–1993*, Macmillan Reference LTD, 1998; 2. Groningen Growth & Development Center Sectoral database (<http://www.eco.rug.nl/ggdc>); 3. Экономическая активность населения России, 2002. Госкомстат России.

Таблица 6

Доля занятых в промышленности в общей численности экономически активного населения в Германии, Франции и России, с лагом 50 лет (%)

Страны	Годы		
	1900 — Россия, 1850 — Германия, Франция	1950 — Россия, 1900 — Германия, Франция	2001 — Россия, 1950 — Германия Франция
Россия	13,87 (1897) ^(*)	40,27 (1959)	24,97 ⁽³⁾
Германия	—	33,84 (1907)	35,21 ⁽²⁾
Франция	23,30 (1856)	26,53 (1901)	26,82 ⁽²⁾

* В скобках указан год, для которого рассчитан соответствующий показатель (наиболее близкий к требуемому году из имеющихся данных).

Источники: 1. *Mitchell B.R. International Historical Statistics 1750–1993*, Macmillan Reference LTD, 1998; 2. Groningen Growth & Development Center Sectoral database (<http://www.eco.rug.nl/ggdc>); 3. Экономическая активность населения России, 2002. Госкомстат России.

эксперимент, который назывался «социализм», и его крушение. Тем не менее на протяжении этих веков дистанция по уровню развития между Россией и крупнейшими странами континентальной Европы оставалась достаточно стабильной и составляла примерно два поколения (50 лет). Начав современный экономический рост примерно на два поколения позже, чем он начался в Западной Европе, в 80-х гг. XIX в., Россия сохраняла сложившуюся дистанцию. Разумеется, из этого нельзя сделать вывод о том, что соответству-

ющий лаг задан и навсегда останется таким же. Но анализ развития социально-экономических процессов на протяжении последнего полувека в странах — лидерах экономического роста оказывается явно полезным для оценки долгосрочных перспектив России.

В. Истерли в своей интересной работе, изданной в 2001 г.¹, продемонстрировал уязвимость существующих моделей, объясняющих различия темпов экономического развития национальных экономик. Он показал, что какой бы из основных факторов, влияющих, как принято считать, на динамику роста (доля инвестиций в ВВП, расходы на образование и т.д.), мы ни взяли, всегда найдется набор стран, где при наличии данных факторов и соответствующих их значений роста не было. В. Истерли ввел в оборот не очень точный, хотя и интересный термин: «способность национальных институтов обеспечивать современный экономический рост». Наложив это представление на реалии российского развития последних полутора веков, можно сказать, что способность российских социально-экономических институтов обеспечить экономический рост была на протяжении всего этого периода на среднемировом уровне.

Если принять гипотезу, что дистанция, существовавшая на протяжении полутора веков, сохранится и дальше, то через 50 лет уровень жизни, стиль жизни, структура занятости, инфраструктура в России будут примерно такими же, какими они являются сегодня во Франции или Германии. Это предполагает рост душевого ВВП темпами, близкими к 2% в год, то есть то, как развивалась мировая экономика на протяжении последнего полувека. Если российская экономика на протяжении ближайших десятилетий будет развиваться так же, как она растет сегодня, то есть темпами, близкими к 4% в год, эту дистанцию можно пройти за 25 лет, что было бы, конечно, замечательным результатом.

Понимание масштабов расстояния, которое на протяжении длительного времени продолжает отделять Россию от стран-лидеров, нужно не для манипуляций цифрами роста и создания прогнозов на этой основе. Необходимо оно, во-первых, чтобы мы представляли себе, в чем российское развитие отличалось в прошлом и, видимо, будет отличаться в дальнейшем от развития стран-лидеров.

¹ Easterly W. The Elusive Quest for growth. Cambridge-Massachusetts-London: The MIT Press, 2001.

И, во-вторых, с какими структурными проблемами нашей стране придется столкнуться на следующих этапах экономического роста.

Первое, в чем российское развитие по набору важнейших социально-экономических характеристик отличалось от траектории развития лидеров — это демографическая динамика (табл. 7).

Таблица 7
Доли стран в численности населения мира (%)

Страны	Годы			
	1900 ⁽²⁾	1950	2000	2050
Россия	4,31 ⁽⁴⁾	4,03	2,34	1,04
США	4,63	6,26	4,55	3,96
Япония	2,67	3,32	2,04	1,09
Англия	2,33	2,01	0,95	0,59
Франция	2,46	1,66	0,95	0,62
Китай	24,24	22,01	20,47	14,59

Источники: 1. Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the UN Secretariat, World Population Prospects: The 2000 Revision and World Urbanization Prospects: The 2001 Revision. <http://esa.un.org/unpp> (для 2050 г. умеренный прогноз);

2. Development Centre Studies. Monitoring the World Economy 1820–1992 by A. Maddison. OECD, Paris, 1995; 3. Население России за 100 лет (1897–1997) / Госкомстат России. М., 1998;

4. Отношение численности населения России в 1897 г. (по источнику 3), отнесенное к численности населения мира в 1900 г. (по источнику 2).

Само по себе снижение доли России в численности населения земного шара — явление не уникальное. Неуклонно снижались на протяжении последнего века также доли стран-лидеров, не являющихся иммигрантскими странами. Так в чем же наше отличие? В том, что Россия, начавшая современный экономический рост на два поколения позже лидеров и быстро наращивавшая свою долю в мировом населении в начале XX в., должна была, при инерционном развитии событий, иметь к концу XX в. удельный вес существенно больший, нежели тот, который она имеет сейчас.

То, что произошло в России, было связано как с крупномасштабными социальными катастрофами (две мировые войны, гражданская война, коллективизация, репрессии), так и со спецификой социалистической модели индустриализации.

Данные, содержащиеся в табл. 8, позволяют сделать вывод, что специфика социалистической модели индустриализации предполагала необычно раннее вовлечение женщин в занятость вне домашнего хозяйства. Уже в 1950 г. доля женщин в общем числе занятых в России была выше, чем она будет во Франции и Германии к 2000 г., то есть на стадии развитого постиндустриального общества. Процесс вовлечения женщин в занятость влечет за собой параллельный процесс сокращения числа рождений, приходящихся на одну женщину. Данные табл. 9 показывают, как этот процесс развивается в России, Германии, Франции и Испании¹. С точки зрения последовательности развития демографических процессов, связанных с современным экономическим ростом, падение среднего числа рождений на одну женщину начинается в России примерно на два поколения раньше, чем в странах-лидерах.

Таблица 8

Доля женщин в общей численности экономически активного населения (%)

Страны	Годы		
	1900 ⁽¹⁾	1950 ⁽²⁾	2000 ⁽²⁾
Германия	30,7 (1907)	38,9	42,3
Россия	16,4 (1897)	51,5	49,2
Франция	35,3 (1901)	31,8	45,1

* В скобках указан год, для которого рассчитан соответствующий показатель (наиболее близкий к требуемому году из имеющихся данных).

Источники: 1. Рассчитано по: *Mitchell B.R. International Historical Statistics 1750–1993*, Macmillan Reference LTD, 1998; 2. Рассчитано по сведениям United Nations Common Database, Economically active population by sex, 13 age groups (ILO estimates/projections).

Таблица 9

Среднее число рождений на одну женщину

Страны	Годы		
	1950–1955	1975–1980	1995–2000
Германия	2,16	1,52	1,34
Испания	2,57	2,57	1,19
Россия	2,85	1,94	1,25
Франция	2,73	1,86	1,76

Источник: база данных ООН (<http://esa.un.org/unpp>).

¹ Данные по Испании приведены, так как траектория демографического перехода близка к российской.

Статистика рождаемости искажается в результате влияния демографических волн, порожденных мировыми войнами. Данные С. Захарова по числу рождений, приходящихся в России на одну женщину по реальным возрастным когортам, приведенные в табл. 10, и построенный на их основе рис. 2 показывают связь траектории демографического перехода с социалистической моделью индустриализации.

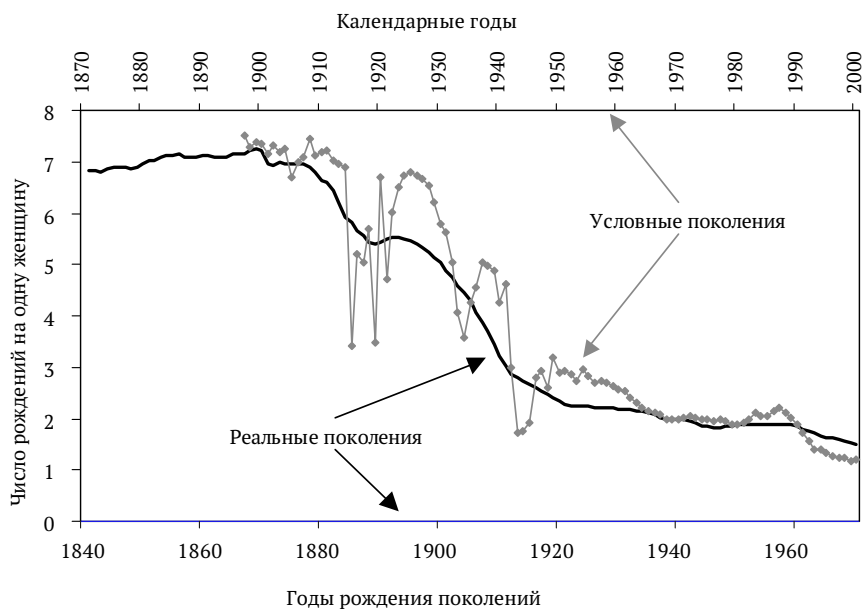


Рис. 2. Итоговая рождаемость реальных и условных поколений в России

Источники: 1. Захаров С. В. Рождаемость в России: первый и второй демографический переход // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России: тезисы докладов научной конференции, Москва, 27–28 февраля 2002 г. М.: ЦДЭЧ РАН, 2002. С. 19–26; 2. Материалы, любезно предоставленные лично С. В. Захаровым.

Еще один фактор, который обусловил снижение доли России в общей численности населения земного шара, также связан с социалистической моделью индустриализации. Как показывают данные табл. 11, до середины 1960-х гг. отмечалось постепенное сближение показателей продолжительности жизни в России

Таблица 10

Итоговая рождаемость реальных и условных поколений в России*
(женские поколения 1841–1970 годов рождения, календарные годы –
1896–2000)

Годы рождения женщин	Итоговая рождаемость реальных поколений	Календарные годы**	Итоговая рождаемость условных поколений
1841–1845	6,84		
1846–1850	6,90		
1851–1855	7,08		
1856–1860	7,11		
1861–1865	7,12		
1866–1870	7,20	1896–1900	7,30
1871–1875	6,96	1901–1905	7,12
1876–1880	6,85	1906–1910	7,17
1881–1885	6,20	1911–1915	6,30
1886–1890	5,49	1916–1920	5,23
1891–1895	5,50	1921–1925	6,16
1896–1900	5,23	1926–1930	6,38
1901–1905	4,59	1931–1935	4,51
1906–1910	3,66	1936–1940	4,74
1911–1915	2,82	1941–1945	2,60
1916–1920	2,46	1946–1950	2,89
1921–1925	2,25	1951–1955	2,86
1926–1930	2,20	1956–1960	2,67
1931–1935	2,15	1961–1965	2,33
1936–1940	2,01	1966–1970	2,03
1941–1945	1,91	1971–1975	2,01
1946–1950	1,85	1976–1980	1,93
1951–1955	1,89	1981–1985	2,02
1956–1960	1,87	1986–1990	2,08
1961–1965	1,71***	1991–1995	1,48
1966–1970	1,56***	1996–2000	1,23

*Итоговая рождаемость для условных поколений. Источник: *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л.* Демографическая история России: 1927–1959. М.: Информатика, 1998. С. 166, а также неопубликованные расчеты авторов, любезно предоставленные Е. М. Андреевым. Итоговая рождаемость для реальных поколений 1909–1970 годов рождения рассчитана С. В. Захаровым прямым методом на основе переписей населения 1979 и 1989 гг., дополненных специально обработанными данными текущего учета рождений. Для поколений до 1909 г.р. применялся косвенный метод, использующий длинные ряды чисел родившихся и оценки дожития до среднего возраста матерей (См.: *Блюм А., Захаров С. В.* Демографическая история СССР и России в зеркале поколений // *Население и общество: информационный бюллетень ЦДЭЧ ИНП РАН.* № 17. 1997. Перепечатано: *Мир России.* Т. 4. 1997. С. 3–11; *Энергия.* № 2. 1998. С. 42–46.)

** Календарные годы соответствуют годам достижения возраста 30 лет когортами, указанными в левой части таблицы.

*** Предварительная оценка.

и в странах — лидерах современного экономического роста. С середины 1960-х гг. этот процесс прекращается¹. Устойчивость показателей продолжительности жизни в России на фоне нарастания дистанции по отношению к лидерам на протяжении почти 40 лет — очень необычный в мировой демографической истории процесс.

Таблица 11

Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)

Страны	Годы					
	1950	1960	1970	1980	1990	2000
Россия	64,5	67,9	69,7	68,3	66,9	66,1
США	68,9	70,0	71,5	74,0	74,9	76,2
Япония	63,9	69,0	73,3	76,9	79,5	80,5
Англия	69,2	70,8	72,0	74,0	76,4	77,2
Франция	66,5	71,0	72,4	74,7	77,5	78,1
Германия	67,5	70,3	71,0	73,8	76,2	77,4

Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2000 Revision and World Urbanization Prospects: The 2001 Revision (<http://esa.un.org/unpp>).

По-видимому, здесь сыграли роль два фактора. Демографы давно выявили связь питания женщины во время беременности и питания ребенка в первые годы жизни со средним ростом нового поколения и продолжительностью предстоящей жизни. Применительно к возрастным когортам, родившимся между концом 1920-х и началом 1950-х гг., данные показатели выглядят существенно хуже, чем у предшествующих и последующих поколений. Риск умереть в 30–40-летнем возрасте у мужчины, родившегося в середине 1920-х годов, когда подавляющая часть рождений приходилась на семьи свободных крестьян, был примерно в 2 раза ниже, чем у родившегося в конце 1940-х — начале 1950-х. Лишь с середины 1950-х гг. эти показатели существенно улучшаются. Связь такого развития событий с коллективизацией и Второй мировой войной очевидна.

Второй фактор — это специфика развития событий, связанных с алкоголизацией населения в России в XX в. Как показывают

¹ По годовым данным ГКС РФ продолжительность жизни в России в период 1950–1970 гг. достигает своего максимума в 1965–1966 гг. См.: Демографический ежегодник России. М., 2001.

Таблица 12

Потребление алкоголя на душу населения старше 15 лет в переводе на чистый спирт в 1960–2000 годах (литры)

Годы	Страны		
	Россия	Франция	Германия
1960	4,88 ⁽²⁾	32,62 ⁽¹⁾	10,71 ⁽¹⁾
1970	10,38 ⁽²⁾	33,87	15,11
1980	13,40	33,34	16,18
1990	7,09	22,60	14,67
1999	10,80	19,87	12,99

* 1961 г.

Источники: 1. World Health Organization (<http://www3.who.int/whosis>. WHO Statistics, Global Alcohol Database); 2. Оценка на основе данных Госкомстата, бюллетеня «Население и общество», № 19–20, май 2001 г. (<http://www.demoscope.ru>).

данные табл. 12, по абсолютному потреблению алкоголя на душу населения показатели России близки к показателям Германии и существенно отстают от показателей, характерных для Франции. Однако проблемы в этой области связаны не с количеством потребления алкоголя на душу населения, а со стилем его потребления. Сложившийся в России стиль потребления алкоголя характеризуется превалированием крепких напитков, неумеренностью, широким распространением пьянства на рабочем месте. Вместе с тем подобный стиль — это отнюдь не российская национальная специфика. Работы по истории алкоголизма и алкогольного поведения в Германии в XIX в. показывают сходство проблем, с которыми сталкивалась эта страна во второй половине XIX в., с теми, которые были характерны для России в XX в.¹

В странах Северной Европы потребление алкоголя считалось совместимым с хозяйственной деятельностью в сельском производстве. Это был способ согреться. Он обеспечивал получение дополнительных калорий, социализацию. Немецкий крестьянин, попадая в середине XIX в. из деревни в город и устраиваясь на завод, продолжал придерживаться традиции, усвоенной в селе. Обычай обязательного подношения учеником, поступающим на работу, бутылки водки коллективу; отказ в сотрудничестве и общении

¹ Roberts J. S. Drink and Industrial Discipline in Nineteenth-century Germany. The Industrial Revolution and Work in Nineteenth-Century Europe. London — New York, 1992. P. 102–124.

члену коллектива, который в совместных выпивках не участвует, — хорошо известные реалии немецкой жизни конца XIX в. Борьба рабочих за право пить на рабочем месте была одним из важных требований немецкого рабочего движения.

Лишь к концу XIX в., когда Германия выходит на уровень развития примерно такой же, какого достиг в 30–50 гг. XX в. Советский Союз, ситуация в этой области начинает меняться. Получает широкое распространение борьба и работодателей, и профсоюзов за прекращение пьянства на рабочем месте. На смену ему приходят посиделки с друзьями в пивной за заводским забором.

В Советском Союзе этого перехода не происходит. На фоне уравниловки, слабой социальной ответственности, отсутствия инициативы нормы алкогольного поведения, характерные для раннеиндустриальной эпохи, закрепляются, становясь важнейшим фактором остановки роста средней продолжительности жизни и наращивания дистанции между средней продолжительностью жизни мужчин и женщин (рис. 3). Наложение данных этого графика на общеизвестные сведения об изменении продолжительности жизни мужчин во второй половине 1980-х — первой половине 1990-х гг. делает связь изменения этих показателей с антиалкогольной кампанией и ее провалом очевидной.

Если бы доля России в мировом населении сегодня была такой же, как в 1913 г., то есть без влияния социальных катаклизмов XX в., раннего вовлечения женщин в занятость и укоренения традиций алкогольного поведения, характерных для раннеиндустриальной эпохи, население России составляло бы сегодня примерно 300 миллионов человек (при условии сохранения доли России в мировом населении на уровне 1913 г.).

Страны-лидеры лишь в ограниченной степени представляют себе картину своего будущего, те проблемы, с которыми они столкнутся в долгосрочной перспективе. Многие институты и установления формируются у них в одних условиях, а затем продолжают функционировать в иных, радикально изменившихся. Важнейшие структурные проблемы стран Западной Европы, Северной Америки и Японии сегодня связаны с устойчивостью систем пенсионирования, здравоохранения, образования. Эти системы формировались в условиях молодого населения, широких возможностей наращивания налоговой нагрузки, ограниченной



Рис. 3. Потребление алкоголя в эквиваленте чистого спирта на душу населения в России в 1950–2000 гг.

Источники: 1. Население и общество, № 19–20, май 2001 г. (<http://www.demoscope.ru/weekly/019/tema01.php>); 2. БСЭ. М., 1950. Т. 2. С. 118. <http://optimalist.narod.ru/bro01.htm> (данные на 1950 г.).

доли соответствующих расходов в валовом внутреннем продукте. За пятьдесят лет постиндустриального развития ситуация радикально изменилась. Но проведение глубоких стратегических реформ в условиях зрелых, стабильных демократий сложно. Анализ проблем, с которыми сталкиваются страны-лидеры, для России важен не для слепого копирования сделанного. Наложение этого опыта на российские реалии позволяет начинать необходимые реформы не тогда, когда проблема уже перезрела, а на более ранних стадиях. А. Гершенкрон писал, что не только Россия, но и весь мир дорого заплатил за позднее освобождение крестьян в России¹, за то, что по времени начала современного экономического роста Россия заметно отстала от ведущих стран Западной Европы. Тем важнее воспользоваться преимуществом, которое дает ранее проторенная дорога — учиться не только на своих, но и на чужих ошибках.

¹ *Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge-Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 1962.*

О важнейших проблемах долгосрочного развития России и путях их решения

В XX в. шло быстрое увеличение доли расходов расширенного правительства в валовом внутреннем продукте (табл. 13).

Таблица 13

Доля расходов расширенного правительства в ВВП (%)

Страны	Годы				
	1913	1938	1950	1973	1999
Великобритания	13,3	28,8	34,2	41,5	39,7
Германия	17,7	42,4	30,4	42,0	47,6
США	8,0	19,8	21,4	31,1	30,1
Франция	8,9	23,2	27,6	38,8	52,4
Япония	14,2	30,3	19,8	22,9	38,1

Источник: *Maddison A. The World Economy. A Millennial Perspective. Development Center Studies, OECD, 2001.*

Именно на этом фоне формировались современные системы социальной защиты и организации социальных отраслей — пенсионирования, здравоохранения, образования. Этот процесс начался в 1880-х гг. в Германии и в основном завершился в странах — лидерах современного экономического роста к середине 1930-х гг. Достройка этой системы происходила после Второй мировой войны в 1950-е гг. Социальная среда в период ее формирования радикально отличалась от той, которая характерна для постиндустриального общества. Общество еще было молодым. Доля старших возрастных групп, на которые распространялись пенсионные права, была ограниченной. Большая часть лиц, имеющих право на пенсию, продолжала работать. Пенсионная система, по сути, была страховкой на риск дожития до нетрудоспособности. В 30-х гг. XX в., когда возникает государственная пенсионная система в США, доля лиц в возрасте старше 65 лет составляла лишь 9,7%.

В послевоенный период начинается процесс быстрого старения населения, и доля эта возрастает в 2–3 раза. Процесс носит долгосрочный характер, он будет продолжаться и дальше.

Системы социальной защиты формировались в условиях, когда возможности наращивания налоговых доходов казались неогра-

ниченными, а обязательства были скромными. В результате возникали структуры, которые на десятилетия закладывают растущие обязательства. Пока удавалось наращивать налоговые поступления, это противоречие можно было игнорировать. Но к 1970-м гг. обозначаются пределы налоговых изъятий, существующие в условиях постиндустриального общества.

Еще один фактор, наложивший отпечаток на формирование социальных обязательств в 1950-е гг.: это был период аномально высоких темпов экономического роста, компенсировавший их падение в 1913–1950-х гг. С середины же 1970-х гг., по исчерпанию резервов компенсаторного роста, мировая экономика начинает расти медленнее.

Формирование систем социальной защиты происходит под влиянием таких факторов, как молодое население, быстрый рост налоговых возможностей и аномально высокий экономический рост. Потом выясняется, что такого благоприятного сочетания нет. Отсюда ключевой конфликт постиндустриального общества — противоречие между пределами возможностей государства мобилизовывать доходы и системой быстро растущих социальных обязательств. Именно этот конфликт определяет наиболее острые социальные и экономические проблемы стран-лидеров на протяжении последних тридцати лет.

Проблемы реформирования здравоохранения

Растущая продолжительность жизни в сочетании с повышающейся приоритетностью услуг здравоохранения в потребностях постиндустриального общества задают траекторию быстрого роста доли здравоохранения в ВВП при нарастающих структурных проблемах в этой области (табл. 14).

Рост доли расходов на здравоохранение в ВВП США идет особенно динамично, в Англии этот процесс идет медленнее, но везде она увеличивается в 2–3 раза на протяжении сорокалетнего периода. Выявляется объективное противоречие: общество хочет больше тратить на здравоохранение, а возможности обеспечить удовлетворение этой потребности, при существующих формах его организации и финансирования, отсутствуют. Бесконечно наращивать бюджетные расходы на здравоохранение не удается.

Таблица 14

Доля расходов на здравоохранение в ВВП/ВНП в некоторых странах в 1960–2000 годы, %

Годы	Страны				
	США	Япония	Германия	Франция	Англия
1960	5,1	3,0	4,8	4,1	3,9
1970	6,9	4,5	6,3	5,7	4,5
1980	8,7	6,4	8,8	7,4	5,6
1990	11,9	5,9	8,7	8,6	6,0
2000	13,0	7,8	10,6	9,5	7,3

Источник: OECD, HEALTH, STATISTICS. OECD Health Data 2001, 2002 — Table 10: Total expenditure on health — % of GDP (<http://www.oecd.org>).

Эти проблемы проявляются в принципиально различных системах здравоохранения. Английская система — это государственное здравоохранение, американская — частное. Англия сталкивается с одним набором проблем — дефицитом врачебных услуг, многомесячными очередями для простейшего анализа или консультации — хорошо известным тем, кто жил в условиях социализма, с реалиями «экономики дефицита», столь убедительно описанными Я. Корнаи¹. В США мы видим другую проблему — быстро растет доля здравоохранения в ВВП, как, вероятно, росла бы в Англии в условиях частного здравоохранения, при этом происходит форсированная инфляция издержек, делающая систему лечебной помощи малодоступной для многих американцев.

Состояние нашей нынешней системы здравоохранения в России не нуждается в подробном описании. Раздутый коечный фонд, большое количество врачей, невысокое качество медицинского обслуживания, очереди, формальные и неформальные соплатежи населения, — все это известные реалии. На протяжении последнего десятилетия российскую систему здравоохранения пытались реформировать, вводить страховые элементы, сокращать коечный фонд, долю расходов на стационарное лечение. Результаты оказались скромными. Важно понять — это не специфические проблемы России, порожденные постсоциалистическим кризисом и легко преодолимые при улучшении экономического положения. Они носят серьезный структурный характер,

¹ Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.

заданы на долгие десятилетия логикой развития постиндустриального общества.

Преимущество России состоит в том, что мы столкнулись с этими проблемами достаточно рано, у нас еще есть свобода маневра и возможности многое изменить. Ведь нередко очевидно полезные изменения и реформы в здравоохранении, например США, наталкиваются на одно фундаментальное препятствие — то, которое называется «интересы медицинского лобби». Его усилия были весьма действенными, в частности в отношении ограничения эффективности контроля за издержками в здравоохранении.

Есть два важных направления реформ в области организации российского здравоохранения, заслуживающие серьезного внимания. Первое — переход от финансирования сети к финансированию предоставляемых услуг. Второе — создание механизмов легального частного страхового софинансирования здравоохранения, позволяющего расширить свободу маневра для пациента и создать адекватную систему стимулов для отрасли.

Формирование систем социальной поддержки, в том числе страховых систем в медицине, проходило под сильным влиянием германского опыта. Между тем у О. Бисмарка были свои конкретные политические задачи: ему нужно было ослабить влияние социалистов и рабочего движения. С самого начала в организацию здравоохранения было встроено противоречивое сочетание страховых и налоговых принципов. По форме взносы были страховым платежом, но их размеры слабо влияли на объем и набор услуг, права на которые получает застрахованный.

Пока речь шла о низких налогах и небольших выплатах, о низкой доле такого перераспределения в ВВП, — подобное противоречивое сочетание могло сохраняться. Но когда эта система становится важнейшей частью экономики, есть смысл задуматься над целесообразностью сохранения заложенных в ней базовых аксиом и, в частности, сочетания налоговых и страховых элементов. Если речь идет о налоговых платежах, понятно, на что эти платежи имеют смысл тратить, — на обеспечение минимальных гарантий финансирования здравоохранения для бедных, для тех, кто не может обеспечить удовлетворение своей потребности в услугах здравоохранения иным способом. Если это страховые платежи, то тот, кто их вносит, должен иметь право влиять на качество услуг, иметь

возможность выбрать как своего страховщика, так и тот страховой пакет, который он хочет иметь, а не получать его принудительно, как в советском продуктовом наборе.

Целесообразно предоставить работодателю и работнику право выхода из государственной системы обязательного медицинского и социального страхования с передачей соответствующих средств в лицензированные частные компании, занимающиеся медико-социальным страхованием, сохранив возможность финансирования страховых выплат малообеспеченным за счет общих доходов бюджета. Полезно было бы сочетать это со стимулированием создания фирм, реализующих и страховые, и собственно медицинские функции. Как показывает опыт, это благоприятно сказывается на эффективности расходов.

С 2000 г., в рамках реформы подоходного налога, были введены налоговые вычеты на здравоохранение и образование. Эта система практически не заработала. Причина — сложные бюрократические процедуры и ограниченный масштаб стимулов. Масштаб экономии, близкий к 100 долларам США, не оправдывает необходимых для предоставления этой льготы усилий для тех групп налогоплательщиков, которые могли бы активно озаботиться собственным финансированием страхового здравоохранения.

Необходимо ограничить бюрократические требования к системе вычетов, одновременно устранив предусмотренные сегодня верхние пределы вычетов (20 тыс. рублей), обозначенных в номинале, и установить, что эти пределы должны определяться только как доля от облагаемого дохода. Сама эта граница — вопрос расчета и оценки возможных бюджетных потерь. Такая система — существенный стимул к легализации высоких доходов. С учетом опыта реформ подоходного налога в 2001–2002 гг. можно предположить, что потери бюджета при ее введении будут незначительными.

Сочетание права выхода из системы государственного медико-социального страхования и реформирования социальных вычетов позволяет снизить реальное налоговое бремя, увеличить объем финансирования, поступающего в систему здравоохранения, создать адекватную систему стимулов для организаций, действующих в системе здравоохранения, уйти от распределения финансовых ресурсов по числу больничных коек.

Реформа системы образования

Рост потребности в услугах системы образования был в постиндустриальном обществе не столь динамичным, как рост потребности в услугах здравоохранения. Частично это связано с тем, что население стареет и контингент обучаемых сокращается, хотя продолжительность обучения быстро растет и все настойчивей проявляет себя необходимость непрерывного образования. В этой области постиндустриальный мир столкнулся с проблемами, сходными с теми, что и в системе здравоохранения. Большие усилия были направлены на обеспечение равных возможностей обучения, на то, чтобы минимизировать зависимость качества образования от способностей родителей его финансировать. Но при нарастающих бюджетных ограничениях система начинает работать неудовлетворительно. Недостаточное финансирование снижает качество обучения. Децентрализация финансирования образования, характерная для многих постиндустриальных стран, ведет к резким различиям в качестве образования, связанным с местом проживания семей, порождает тенденцию к поселенческой социальной сегрегации.

Излагать в деталях, как мы предлагаем реформировать сферу образования, сейчас не могу из-за недостатка времени. Остановлюсь лишь на нескольких проблемах. Развитие российской системы образования должно предполагать: а) возможности частного софинансирования образования и б) возможность доступа к качественному высшему образованию для детей из низко- и среднедоходных семей. Задача в том, чтобы добиться непротиворечивого сочетания того и другого.

Сегодняшний механизм приема в российские вузы устроен парадоксально. Все знают о существовании частных соплатежей при поступлении в вузы, знают, как работает отлаженная машина репетиторства, знают, что возможности получить бесплатное образование у детей из наиболее высокостатусных и наиболее обеспеченных групп населения существенно выше, чем у прочих. Следующая группа — менее высокостатусных и менее высокодоходных — вынуждена отправлять своих детей на обучение за частный счет. Дети из низкостатусных семей идут в армию. Беречь и лелеять подобный механизм смысла нет.

Предложения по реформе образования, которые сегодня активно обсуждаются и отрабатываются в ходе проводимого в стране эксперимента, являются попыткой разрешить это противоречие. Стремление обеспечить доступ к образованию детей из не высоко-статусных и высокооплачиваемых семей обычно выводят на систему тестирования. По-другому отбирать тех, кто будет иметь право получить образование за государственный счет прозрачным образом, сложно. С точки зрения решения вопроса о том, кто должен получать государственные деньги на обучение, система тестов, при всех своих известных недостатках, по-видимому, не имеет альтернативы. Но предлагается таким образом отбирать не только тех, кто получит государственные деньги, но и тех, кто будет учиться в конкретном вузе. К сожалению, система тестов не позволит отобрать тех, кто способен учиться в консерватории, на мехмате МГУ или на факультете восточных языков.

Есть объективное противоречие: обеспечение качественного образования предполагает возможность вуза отбирать студентов по своим критериям, а обеспечение равного доступа и ограничение коррупции предполагает стандартные процедуры. Это противоречие не является неразрешимым. Нужно лишь внести серьезные изменения как в существующие установления, так и в то, что предполагается сделать в этой области в рамках распространения идущего эксперимента.

Первое. Необходимо отказаться от бессмысленного сегодня норматива в 170 студентов на 10 тыс. жителей, которых государство должно учить в вузах бесплатно. В России, с ее неравномерной численностью поколений, когда численность следующих одна за другой возрастных когорт может различаться почти в два раза, иметь такой норматив нет смысла. Второе. Отменив этот норматив, можно существенно повысить цену образовательного ваучера, его привлекательность для вуза. Третье. Мы должны исключить иные, не связанные с ваучерами, формы финансирования вузов.

В случае внесения этих корректив можно предоставить вузу право самому отбирать студентов, установив минимальную долю приема студентов с государственным образовательным ваучером. Это позволит сочетать простые правила: государство отбирает тех, кому оно платит за образование, а вузы сохраняют право отбирать тех, кого они считают годными к обучению по соответствующим специаль-

ностям. Эта система станет особенно привлекательной в сочетании с военной реформой и переходом к контрактной армии, когда учеба в вузе перестанет быть средством уклонения от военной службы.

Еще одна проблема связана с функционированием системы среднего образования: раздувание школьной программы и наращивание объема федеральных стандартов. Порождена она в значительной степени тем, что зарплата учителя зависит от числа часов преподавания. Отсюда заинтересованность педагогического состава в том, чтобы часов было больше, несмотря на справедливые рассуждения о перегрузке детей. Здесь важнейшая задача — жесткое ограничение федерального стандарта по объему знаний в сочетании с предоставлением школе свободы маневра за пределами федерального стандарта. Что касается последнего, то он должен быть реально посильным не только для школы в крупном городе, но и для сельской школы и школы в малом городе. В противном случае вся система тестов превращается в профанацию. Неразумно сдерживать качество обучения в школах, которые имеют возможность обучать лучше. Но отбор тех, кто получит право на государственное финансирование, должен идти по простому набору критериев, которые всем доступны.

Проблемы в области пенсионной системы

В 1940 г. в Советском Союзе было 4 млн пенсионеров, из них 200 тыс. пенсионеров по старости. Впоследствии ситуация начинает меняться, идет процесс старения населения, увеличения пенсионной нагрузки на одного занятого (табл. 15).

Как видно из табл. 15, если мы возьмем инерционный прогноз (прогноз А. Вишневого), то нагрузка на одного занятого при нынешней структуре пенсионной системы к 2050 г. будет примерно в 2–2,5 раза выше, чем в наиболее развитых странах — лидерах экономического роста сегодня.

Пенсионная реформа в России началась сравнительно рано, на благоприятном демографическом фоне. В ее рамках заметно укрепилась зависимость условий пенсионирования от размера взносов на пенсионное страхование работников. Начался процесс создания накопительной пенсионной системы. Но если проанализировать прогнозы, то выяснится, что все сделанное недостаточно для

Таблица 15

Соотношение лиц пенсионного возраста* и занятых

	Соотношение лиц пенсионного возраста и занятых, %
2000 г.	
США	25,48
Великобритания	36,95
Франция	49,88
Германия	38,40
Япония	34,14
2050 г., Россия**	
Инерционный прогноз	74,13
Целевой прогноз	61,97

* Для США, Германии и Японии — лица старше 65 лет; для Франции — лица старше 60 лет; для Великобритании — мужчины старше 65 лет и женщины старше 60 лет.

** Соотношение лиц пенсионного возраста и населения в возрасте от 16 до 54 (59) лет.

Источники: 1. Данные за 2000 г. <http://www.oecd.org>. Employment Outlook and Analysis, Labour Market Statistics Data, LFS by sex and LFS by sex and age; 2. Прогноз на 2050 г. для России: Вишневский А. Г., Андреев Е. М., Трейвиш А. И. Доклад «Перспективы демографического развития России и их учет при разработке стратегических направлений развития страны на длительную перспективу». С. 18, 28.

обеспечения долгосрочной устойчивости российской пенсионной системы, если под этим понимать сохранение средних размеров пенсии по отношению к зарплате на уровне, близком к тому, который существует сегодня.

Возможное и важное направление решения этой проблемы — ускорение темпов наращивания накопительной части пенсии. Лишь при таком развитии событий можно уйти от крайне болезненного в демократической стране вопроса о пенсионном возрасте.

Еще одна нерешенная проблема в российской пенсионной системе — направление большей части пенсионных накоплений в национальную экономику. Прогнозировать финансовые рынки трудно. Однако опыт последних двух веков показывает — мировое развитие менее волатильно, чем развитие любой отдельно взятой страны. А именно от этого зависит долгосрочная устойчивость пенсионных накоплений. Чтобы ее обеспечить, необходимо существенно повысить долю пенсионных накоплений, которые инвестируются в высоконадежные и ликвидные международные ценные бумаги.

Кризис призывных армий

Характерная черта постиндустриального перехода — кризис призывной армии. Это процесс закономерный, он связан с трансформацией демографической и социальной структуры. Впервые в Европе призывная армия возникает в Швеции, из крупных стран — во Франции. Переход к ней происходит в условиях аграрного общества, где в семье 5–6 детей. Из них многие не доживают до призывного возраста. В этих условиях потеря ребенка — это беда, но привычная. Для мальчика, который вырос в деревне, путь в армию — это вместе с тем путь в город, возможность социализации, получения элементарного образования, путь к продвижению. В Китае и сегодня для юноши из деревни попасть в армию — социальный успех.

Иная ситуация возникает в странах — лидерах постиндустриального развития. Это страны, где в семьях один-два ребенка, как правило, не более чем один сын, где население урбанизировано, не нуждается в армии как в инструменте социальной адаптации. Рассчитывать на то, что в демократических обществах, с такими демографическими характеристиками, можно «забрить» этого единственного сына в призывную армию просто потому, что так решит государство, — нереально. Призывная система входит в противоречие с социальными установлениями, нормами поведения. Общество найдет способ защитить своих детей от принудительного призыва. Попытки сопротивления этому стремлению порождают масштабную коррупцию. Когда государство пытается принять законы, ограничивающие отсрочки от воинской службы, оно лишь увеличивает плату за уклонение от призыва, не более того.

В нашей стране реформа комплектования вооруженных сил, переход к контрактной армии — это не идея, порожденная краткосрочными проблемами, которые легко преодолимы, а отражение реалий того этапа развития, на котором сегодня находится страна. При попытке сохранения системы призыва в этих условиях проблемы в армии будут лишь усугубляться. Разница между нами и странами-лидерами состоит в том, что на фоне специфики демографического развития в России, необычно раннего перехода к малодетной семье, в нашей стране эти проблемы обострились раньше.

Не буду подробно останавливаться на наших предложениях по реформе вооруженных сил. Они известны. Мы работаем сейчас в этой области и с Минэкономики, и с Минфином, и с Министерством обороны. Взаимодействовать не всегда легко, но мы не оставляем усилий. Вопрос не в том, необходимо ли в России переходить к контрактной армии. Такой переход неизбежен. Вопрос в том, придется ли это делать в авральном порядке, когда выяснится, что в 2007 г. некого будет призвать, или это удастся сделать планомерно и с адекватной подготовкой.

Иммиграционная политика

Политика по отношению к иммиграции в странах, находящихся на стадии постиндустриального развития, как правило, была крайне непоследовательна. Здесь сталкиваются две реальности — экономическая и политическая.

Экономическая реальность: в странах с богатеющим населением существует острый дефицит рабочей силы, готовой на неквалифицированный труд. Есть неквалифицированные рабочие места, которые можно экспортировать за рубеж, в менее развитые страны. Но в отношении профессии уборщика, нянечки, грузчика и многих других это нереально. Между тем на высоких уровнях развития резко повышаются требования национальной рабочей силы к качеству труда и рабочего места. Органы трудоустройства не решатся предложить многие рабочие места даже безработному, потому что власти знают: он имеет моральное право отказаться. В то же время есть и потенциальное предложение труда для такого рода рабочих мест. Даже те невысокие зарплаты, которые платят в странах-лидерах за непрестижную работу, для многих выходцев из более бедных стран — возможность социального продвижения, роста благосостояния. В такой ситуации остановить процесс трудовой иммиграции невозможно, как ни пытайся прочнее закрыть границы. Однако общество, особенно в странах не иммигрантских, с высокой долей коренного населения, воспринимает иммигрантов как угрозу. Они нужны как уборщики, строители и грузчики, но не нужны как соседи. Складывается положение, когда иммиграция неизбежно происходит, но часто принимает наихудшую из возможных форм — форму нелегальной иммиграции.

Правительство США — иммигрантской страны, до 1880-х гг. вообще не имевшей никаких иммиграционных ограничений, а в XX в. постепенно ужесточившей иммиграционный режим, было вынуждено провести в 1986 г. крупномасштабную легализацию иммигрантов. Эта мера выявила и позволила сделать законным положение примерно 4 млн нелегальных иммигрантов. Сейчас США стоят на пороге осознания необходимости повторения того же шага и новой легализации иммигрантов примерно в тех же масштабах.

Италия несколько раз проводила легализацию иммиграции. То, что там массово распространена нелегальная трудовая занятость иммигрантов в теневой экономике, исследователи прекрасно знают. Германия пыталась несколько раз ограничивать постоянную иммиграцию. В результате иммигранты прибывают в страну по каналам иммиграции беженцев, получают право жить в стране, но не имеют права легально работать.

Есть примеры разумной политики в области иммиграции. Канада — пример осмысленной политики, хотя проводимой не без колебаний. За последние двадцать лет канадское правительство довело долю иммиграции, определяемую по балльной системе (речь идет об иммигрантах, приезд которых власти страны поощряют, отбирая их с использованием определенных критериев по всему миру) до уровня выше 50%. К сожалению, это исключение.

Россия неизбежно столкнется и уже сталкивается сейчас с теми же проблемами. Посмотрев на рынок рабочей силы в Москве, узнав, кто и на каких рабочих местах работает, нетрудно убедиться, что идея о возможности обойтись без крупномасштабной трудовой иммиграции — нереалистична. Это долгосрочная проблема, с которой России придется иметь дело в течение многих десятилетий. Даже если абстрагироваться от вопроса о перспективных проблемах численности российского населения (это всегда вопрос точности прогнозов), то по условиям рынка труда страна обречена получать крупномасштабный приток иммигрантов. В этой ситуации разумнее получать тех, кого национальные власти хотят видеть в стране, а не тех, кого бы они видеть не желали.

У России есть уникальная возможность, мало кому доступная. Нас окружают страны, большинство из которых беднее. В этих государствах живут миллионы русских и десятки миллионов русско-

язычных, людей, знающих русский язык, русскую культуру, традиции, людей, которые легко интегрируются в структуру российского общества. И вместо того, чтобы вести систематическую работу по привлечению талантливой молодежи из стран СНГ в российские вузы, с предоставлением российского гражданства, привлечению иностранцев из стран СНГ на службу в российскую армию по контракту, создавать разумно устроенную балльную систему организации трудовой иммиграции, легализовать иммигрантов, практически живущих в России, интегрировать их в российское общество, — вместо того, чтобы использовать весь этот потенциал, мы заимствуем худшие черты иммиграционной политики стран-лидеров. При этом еще гордимся, что наше последнее законодательство в этой области похоже на европейское. Между тем трудно представить себе нечто менее разумное, чем европейское иммиграционное законодательство.

Долгосрочная валютная и курсовая политика

Мир использует доллар как важнейшую валюту на протяжении последнего века, фунт и доллар — на протяжении последних двух веков. Может быть, именно поэтому иногда даже у специалистов складывается впечатление, что при обсуждении проблем сегодняшней мировой финансовой и денежной системы мы имеем дело с чем-то долгосрочно стабильным, устойчивым, хорошо изученным. На деле в том виде, в котором денежная система сложилась сегодня, — это продукт недавнего прошлого. Это сочетание глобального мира, свободного потока капитала и плавающих курсов ведущих мировых валют, не основанных на золотом стандарте. Такое положение существует в течение последних двух-трех десятилетий. Это реальность, заданная лидерами, и необходимо отдавать себе отчет в том, что пока она изучена слабо. Но уже ясно, что одна из ее характеристик — крупномасштабные колебания потоков капиталов, и прогнозировать такие колебания трудно.

Проанализировав историю мексиканского кризиса 1994 г., кризиса в Юго-Восточной Азии 1997–1998 гг., аргентинского кризиса 2000–2001 гг., нетрудно увидеть, что они были неожиданно для ключевых игроков. В том числе — для очень сильных экономистов. Экономическая команда Б. Клинтона была могучей.

Она включала таких авторитетных специалистов, как Л. Саммерс, Д. Липтон, С. Фишер. Это квалифицированные люди, которые неплохо справились с управлением кризисами, ограничением причиненного ими ущерба. Для них и мексиканский кризис, и кризис в Юго-Восточной Азии были неожиданностью. А это значит, что нет никаких гарантий, что следующий кризис также не будет неожиданным для тех, кто в наибольшей мере способен повлиять на состояние мировой экономики.

Современный финансовый мир динамичен и полон рисков. В нем разумно надеяться на лучшее, а рассчитывать на худшее. Для России это особенно важно. Наша страна сталкивается с сочетанием двух типов рисков. Это риски, связанные с колебаниями цен на основные экспортные товары (которые в условиях постиндустриального развития крайне волатильны), и колебаниями на финансовых рынках. Велика вероятность сочетания этих рисков.

Сейчас у России нет проблем занять деньги. Проблема в том, чтобы не допустить слишком большого притока краткосрочного капитала. Как только цена на нефть окажется, скажем, 12 долларов США за баррель, финансовые рынки будут для России закрыты. И те финансовые институты, которые сегодня говорят: занимайте, сколько хотите, в этой ситуации скажут: приходите завтра. Это значит, что, вырабатывая собственную долгосрочную денежную и финансовую политику, разумно всегда быть крайне консервативными в оценке рисков. Не менее важно всегда сохранять свободу рук в области курсовой политики, никогда не оказываться в положении страны, которая не имеет возможности адаптировать курс национальной валюты к радикально изменившимся реалиям, как это было в 1997–1998 гг.

Специфика структуры экспорта и импорта России, зависимость экспорта от цен на сырье, отсутствие тесной связи конъюнктуры российской экономики с конъюнктурой экономики любого из двух крупнейших экономических центров мира — США и Европейского союза — исключают жесткую привязку рубля к доллару или евро. По этой причине добиться, чтобы рубль был «отвязан» от доллара — важнейшая стратегическая задача. То, что в плане решения этой задачи делает Центральный банк, правильно, хотя в проведении такой линии необходима осторожность. Если невозможно привязать рубль ни к евро, ни к доллару, значит, есть лишь одна

осмысленная долгосрочная линия — проведение политики плавающего курса вместо сегодняшней политики «грязного» плавающего курса, постепенное превращение рубля в стабильную, устойчивую мировую валюту второго класса, такую, какой сегодня является фунт стерлингов. Эта задача амбициозна. Но вспомним о том, что и в 1950-х гг. в Германии задача сделать немецкую марку устойчивой валютой второго плана после двух денежных катастроф на протяжении предшествующего полувека казалась трудноразрешимой.

Тупики промышленной политики

Сейчас промышленная политика вновь активно обсуждается, рассматривается в качестве одного из возможных направлений «прорыва». Часто говорят о том, что многие страны не без успеха использовали инструменты промышленной политики. Это правда. Другое дело, что на стадии постиндустриального развития роль промышленной политики радикально меняется. Когда государство проводит промышленную политику на стадии ранней индустриализации — это одно. Там логика такова: правительству известно, что в Англии есть металлургические заводы. Значит, нам нужны такие же. Понятно, что надо сделать. Дать государственный кредит, предоставить гарантию, таможенную защиту. На этой основе можно формировать сходную промышленную структуру. Но на стадии постиндустриального общества, а именно этот этап нам предстоит проходить, ситуация меняется. Выясняется, что в отраслях-лидерах промышленной политике принадлежит роль далеко не первостепенная. Здесь изменения происходят слишком быстро, для сохранения конкурентоспособности очень важно сохранение интеграции в глобальный мир. Именно в передовых высокотехнологичных отраслях на протяжении последних пятидесяти лет снимались барьеры, здесь низкие тарифы, редко применяются антидемпинговые расследования, доминируют открытые рынки.

Промышленная и вообще отраслевая политика сдвигается в область заходящих отраслей, тех, в которых наиболее развитые страны неконкурентоспособны. Более бедные страны могут производить ту же продукцию дешевле, чем страны-лидеры. Никакого отношения политика поддержки американской металлургии или

европейского сельского хозяйства к развитию не имеет. Это защита частных интересов, частных прибылей, интересов занятых в этих отраслях, это политика обороны, а не политика прорыва. Никакого рывка ни от американской металлургии, ни от европейского сельского хозяйства никто не ожидает. Стоит вспомнить и о том, что промышленная политика — это в первую очередь политический процесс. Ее курс не выбирают технократы — такое было возможно при авторитарных режимах. При демократии — почти никогда. Здесь присутствует мой старший друг, уважаемый мной человек — Евгений Григорьевич Ясин. Я помню, когда его назначали министром экономики, ему был задан вопрос: «Какую промышленную политику вы будете проводить?» Он лучше относился к промышленной политике, чем я, и сказал, что будет поддерживать биотехнологии и авионику. На деле ему пришлось, как и всем министрам экономики за последние десять лет, поддерживать сельское хозяйство и угольную отрасль. Так устроен политический процесс в России.

Ко всем представителям партии власти, которые предлагают проводить в России промышленную политику, у меня одна просьба: перечитать федеральную инвестиционную программу, посмотреть, что это такое, и добиться того, чтобы при обсуждении очередного годового бюджета она не оказалась опять сотканной из лоббистских запросов. И лишь после этого продолжить обсуждать вопрос о целесообразности проведения активной промышленной политики в России.

Важный вывод, который можно сделать, анализируя постиндустриальное развитие, — глубокие институциональные преобразования даются трудно. Постиндустриальные страны продолжают быстро развиваться, в них происходят радикальные структурные изменения. В то же время выясняется, что в условиях зрелых, стабильных демократий с низкой политической активностью населения, с ограниченными политическими интересами возможности проводить масштабные реформы ограничены. Существуют важные направления, продвижение по которым заблокировано группами интересов. Именно такие группы политически активны. У них есть стимул организовываться. Известно, что реформа образования в США буксует, потому что важнейшая задача американских профсоюзов учителей (Национальная ассоциация образова-

ния, Американская федерация учителей) — одной из сильнейших лоббистских групп в Америке — ее остановить. То же происходит с реформой аграрной политики в странах ЕЭС. Политика эта сдерживает мировое развитие, создает тяжелые проблемы для развивающихся стран. Все попытки что-либо изменить блокируются аграрным лобби.

Сегодня российское общество сталкивается с тяжелыми проблемами, связанными с тем, что у нас молодая демократия. Демократия, не опирающаяся на традиции, — нестабильна. В ней заложена серьезная угроза эволюции в сторону авторитарного режима или «закрытой демократии». Но одновременно молодая демократия — это период значительной свободы маневра, состояние, когда можно сделать многое из того, что будет исключено через 20 лет. То, как политическая элита распорядится этим окном возможностей в ближайшие 10 лет, будет определять траекторию развития России на предстоящие полвека.

Правительство реформ 1992 г. неоднократно критиковали за то, что мы не понимали значения институционального строительства. Это неточно. Когда в стране нет центрального банка, нет казначейства, нет нормальной налоговой службы, таможни, у правительства нет другого выхода, кроме как их создавать. Это и есть создание институтов. Другое дело, что этих институтов не было 70 лет. В такой ситуации выдумать их невозможно. Приходится ориентироваться на использование лучшего опыта, который есть в мире. Приходится изучать налоговую систему в Германии и во Франции и создавать у себя примерно такую же. Однако вскоре выяснилось: то, что работает в одних условиях удовлетворительно, может не работать в условиях России. Французы, налоговая система которых близка к нашей, могут себе позволить иметь структуру с высокими предельными налоговыми ставками, сложную, с массой лазеек. Но она работает, потому что основана на длительном опыте, традициях, функционирующем государстве. Пытаясь же построить похожую систему в России, можно получить массовое уклонение от налогов и коррупцию.

Лишь постепенно, с накоплением опыта функционирования национальных рыночных институтов, начинают вырабатываться решения, годные для исполнения не где-то, а в России. Это то, что на уровне разработок стало делаться в 1996–1997 гг., а практиче-

скую реализацию обрело в ходе реформ 2000–2002 гг. Не во всем, конечно, но во многом. Особенно в налоговой области.

Наша задача на ближайшую перспективу — не искать лучший мировой опыт и пытаться сконструировать из него идеальные устройства для развития России в постиндустриальную эпоху. Задача — четко знать наши реалии, понимать, что у нас будет, а что не будет работать, отслеживать проблемы, стоящие перед страной, и решать их не в последний момент, а заблаговременно.

Колебания роста в краткосрочной перспективе для России имеют ограниченное значение. Подстегнуть на два года развитие экономики — задача простейшая. Можно взять кредит на 20 млрд долларов США у Центрального банка, загрузить оборонные заводы со свободными мощностями, начать переброску сибирских рек в Среднюю Азию, и на два года темпы роста резко вырастут. Другое дело, что после этого страна столкнется с экономической катастрофой. Но это случится потом, после выборов.

То, что нам нужно, — это не бегать ни с кем наперегонки, а научиться устойчиво развиваться в условиях меняющегося постиндустриального мира, не ввязываясь в войны, избегая внутренних смут. Научиться извлекать уроки из своих и чужих ошибок. Избавиться от стиля, характерного для нашей страны с начала XVIII в., когда за рывком следует застой и кризис. Научиться развиваться, используя не столько инструменты государственного принуждения, сколько частные стимулы и инициативу. Сделать это гораздо труднее, чем на короткий срок подстегнуть темпы экономического роста. Для этого нужна тяжелая, последовательная и не приносящая немедленных политических дивидендов работа. Но именно такая политика является ответственной¹.

¹ Нетрудно заметить, что в докладе Е. Т. Гайдар производил как бы первую «обкатку» материалов, собранных для соответствующих разделов монографии «Долгое время» (см. том 3 настоящего Собр. сочинений). — *Прим. ред.*

Экономико-политическая ситуация в России между парламентскими и президентскими выборами

Выступление в Фонде Карнеги за международный мир

Вашингтон, 27 января 2004 г.

Текст (с некоторыми сокращениями) предоставлен Федеральной службой новостей США.

Пер. с англ.: А.И. Филатов.

Ведущий — профессор Андерс Аслунд.

Ведущий предложил Е. Т. Гайдару ответить на вопрос о его отношении к президенту В. В. Путину.

Егор Гайдар: Что касается политики в сфере экономики, то я предполагал, что Путин не будет ретроградом, что у него будет команда серьезных экономистов и он сможет провести конструктивные экономические реформы. Честно вам признаюсь, он превзошел мои ожидания в этой сфере, учитывая все те проблемы в экономике, которые нам еще предстоит решить.

Что касается внешней политики, то я полагал, что он будет прагматичен и не будет ретроградом и антизападником. Он превзошел мои ожидания.

Что касается демократии, то я не был убежден в том, что он большой сторонник действенной демократии в России. И в этом смысле он, с моей точки зрения, оказался значительно хуже, чем я о нем думал.

В настоящее время в России довольно стабильная экономическая ситуация, и у нас уже шестой год наблюдается экономический рост, пятый год — бюджет с профицитом, резервы увеличились в восемь раз. Внешний долг страны, который ранее был 120% ВВП, в конце года составит уже 25%.

Конечно, отчасти этому способствовали цены на нефть, но не только они. Был восстановительный рост, а также был еще 2003 год, когда появились признаки инвестиционного роста, наблюдался резкий рост инвестиций, рост производства в машиностроительном секторе, увеличение объемов импорта оборудования и так далее.

Трудно, конечно, сказать, насколько устойчивым будет этот рост и какое влияние на него окажут политические события. И, конечно, у нас огромный список того, что нужно сделать. Однако, честно говоря, я бы не хотел сегодня обсуждать экономические проблемы. Я бы хотел сконцентрироваться на политических процессах.

И здесь, полагаю, есть три важных события, которые играют важнейшую роль для будущего пути развития России, а также дело «ЮКОСа»; еще, конечно, выборы в Государственную думу, предстоящие президентские выборы, а также перспективы нового президентства Путина.

Итак, прежде всего я должен вам сказать, что у меня есть совсем ненаучный способ прогнозирования политических процессов в России, который тем не менее иногда приносит хорошие результаты. Я наблюдаю за тем, что происходит в Польше, и с учетом разницы в два года пытаюсь понять, что будет происходить в России.

Когда в 1989 г. мой хороший друг Лешек Бальцеревич после победы «Солидарности» был назначен на пост заместителя премьер-министра по экономическим вопросам, я подумал, что такое же может случиться и в России.

Когда в 1993 г. «Солидарность» потерпела поражение на выборах, я подумал, что в 1995 г. у нас могут быть серьезные проблемы. Когда в 1997 г. польские демократы, мои друзья, смогли объединиться и создать «Унию Вольности» и вместе с возрожденной «Солидарностью» победить на выборах в 1997 г., я подумал, что и у нас могут быть шансы в 1999 г.

Когда «Солидарность» и «Уния Вольности» потерпели сокрушительное поражение на выборах в 2001 г., я подумал, что у нас могут быть проблемы на выборах в 2003 г.

Таким образом, сейчас я пытаюсь понять, что их ждет на выборах в Польше в 2005 г.

Однако если говорить серьезно, то дело «ЮКОСа», конечно, оказало существенное влияние на все процессы в России, в том числе на экономическую политику и политический процесс.

В этом году мне доводилось много раз встречаться с Михаилом Ходорковским¹ и его ближайшими партнерами и коллегами. И на основе проведенных дискуссий у меня сложилось впечатление, что они действительно не могли понять, что произошло, зачем все это. Они мне говорили: «Ну вы же прекрасно понимаете, что мы никакие не революционеры. Вполне естественно, что мы защищаем свои интересы, но в рамках более или менее принятых правил. Если бы они сказали нам прямо, чего нам не следует делать, мы бы не стали из-за этого устраивать революцию».

Таким образом, на самом деле, самое неприятное для них в этой истории — не считая того, что кто-то из них сидит в тюрьме — было то, что они действительно не понимали, что происходит.

Очень интересно, что по этому поводу говорят российские власти. Есть две версии: первая версия заключается в том, что речь идет о соблюдении закона и политическая власть просто не могла вмешиваться в процесс правоприменения. Несомненно, такая версия может иметь основания, поскольку вряд ли кто поверит, что за прошедшее время руководство «ЮКОСа» на сто процентов соблюдало действующее законодательство.

Существует еще одна версия, которую также озвучивает власть. Речь идет о том, что это всего лишь единичный случай и другим компаниям ничего не грозит, а это явно связано с тем, что «ЮКОС», будучи олигархической группой, вмешивался в политический процесс. Такая версия также имеет основания. Однако проблема заключается в том, что невозможно придраться к обеим версиям одновременно.

Таким образом, каково мое понимание того, что произошло: я работал в составе предыдущего парламента и принимал активное участие в законодательном процессе, особенно в сфере нало-

¹ Ходорковский Михаил Борисович — российский предприниматель, общественный деятель, публицист. В 1997–2004 гг. был совладельцем и главой нефтяной компании «ЮКОС». В октябре 2003 г. арестован по обвинению в хищениях и неуплате налогов. — *Прим. ред.*

гов и финансов. Я очень хорошо знаю структуру и организацию парламента. И мне вполне все ясно.

Итак, «ЮКОС» вместе с другими нефтяными компаниями различными способами создали мощнейшее и очень эффективное лобби в российском парламенте. И, по моему мнению, это лобби было в чем-то даже чрезвычайно полезно. Они помогли нам подойти близко к решению вопроса по довольно сложному законодательству, связанному с фиксированным подоходным налогом. Это было бы очень трудно без их поддержки.

Например, они нам помогали во время принятия земельного законодательства, закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения, а также поддерживали нас в борьбе за новое трудовое и пенсионное законодательство. При этом, конечно, у нас обычно была возможность вести с ними переговоры и заключать какие-то соглашения. Но, естественно, как у любого лобби, у них были свои собственные интересы: налогообложение в нефтяном секторе; регулирование экспортных пошлин на производимую ими продукцию и так далее. Это вполне естественно. Для этого, собственно, и формируются лобби.

И у них это получалось довольно эффективно. Они, я полагаю, специально изучали американскую практику лоббирования. И они использовали довольно сложный механизм, примерно такой: правительству или президенту нужен какой-то закон; он им нужен настолько, что они не могут наложить вето на этот закон. Например, каждый год нам приходилось принимать поправку к налоговому кодексу, связанную с индексацией, на основе чего производится выверка бюджета. И так или иначе это необходимо сделать к концу июня.

А затем, в последнюю минуту, например, во втором чтении, совершенно неожиданно предлагается внести поправку, которая не имеет прямого отношения к данному законодательству, но одновременно является очень выгодной для нефтяных компаний — например, поправка, устанавливающая ограничение экспортных пошлин на нефтепродукты. После чего правительство оказывается в очень сложном положении, поскольку оно не в состоянии наложить вето на этот закон. В итоге в законодательстве появляется ненужное правительству положение.

И такое случалось неоднократно. И я точно помню, что самая серьезная борьба велась в июне 2003 г. Если мне память не изменяет, ключевое голосование проходило 21 июня 2003 г. А перед этим я провел 72 часа, пытаюсь найти хоть какой-то компромисс, который бы удовлетворил правительство, министра финансов и, возможно, прошел через парламент.

Ну, это нормальная ситуация. Так работает демократия. Приходится с этим считаться. Приходится с этим бороться. Приходится мобилизовывать собственные ресурсы поддержки, мобилизовывать большинство в парламенте. Кстати говоря, администрация президента США занимается этим практически ежедневно.

А можно просто показать, кто в доме хозяин. Кто здесь главный — они или я? И использовать типичные для России способы решения данной проблемы. Это мое мнение, потому что такое было возможно. 21 июня — очень напряженные отношения; затем в июле — арест Платона Лебедева¹. Возможно ситуация развивалась таким образом, я, конечно, не знаю точно. Но я вижу эту ситуацию как реакцию на лоббистскую деятельность «ЮКОСа», которая не была сутью данной проблемы. Лично для Путина не имело большого значения, будут или не будут регулироваться экспортные пошлины на нефтепродукты и будет ли установлен налог на добычу нефти в размере 347 руб., как хотели в «ЮКОСе», или 357 руб., как хотели в Министерстве финансов.

Вопрос был в том, чтобы показать, кто в доме хозяин. Это, по крайней мере, мое понимание данной проблемы. И я не думаю, что он осознавал всю серьезность последствий того, что случилось. Он действительно думал, что: «Это единичный случай. Я же говорил олигархам, чтобы они не вмешивались в политику. Они не послушали. Значит, я их поставлю на место».

Однако проблема с данным вариантом решения заключается в том, что оно имеет очень серьезные и далеко идущие последствия, поскольку все, что касается приватизации, скажем, в стра-

¹ *Лебедев Платон Леонидович* — российский бизнесмен, соучредитель банка «МЕНАТЕП», председатель совета директоров Group MENATEP, член правления нефтяной компании «ЮКОС». В июле 2003 г. был арестован по обвинению в хищениях, неуплате налогов, легализации похищенных средств. — *Прим. ред.*

нах постсоциалистического периода, было не идеально и непопулярно.

Я лично считаю, что очень хорошо была проведена приватизация, например, в Венгрии, и я бы постарался осуществить такой же вариант приватизации в России. Когда я обсуждаю эту тему с моими друзьями в Венгрии, они обычно говорят, что крайне недовольны этой приватизацией.

Легитимность собственности обеспечивается традицией. А откуда взяться такой традиции в постсоциалистических странах, где в течение 40 или 75 лет не было частной собственности. Поэтому, как ни способствуй распространению частной собственности, все равно довольно значительная часть общества будет считать это чем-то несправедливым.

Единственное, что может дать возможность обеспечить стабильность в имущественных отношениях, — это время — время, укрепление верховенства закона, функционирующие рынки, после чего, со временем, может установиться более или менее стабильная ситуация в этой сфере. А то, что случилось на самом деле, ставит большой вопросительный знак на проблеме стабильности имущественных отношений в России.

У нас первые признаки хоть какой-то стабильности в имущественных отношениях, которые способствуют долгосрочным инвестициям, начали появляться только в 2003 г. Одним из очень позитивных признаков была, конечно, сделка с ВР. За несколько месяцев до ареста Ходорковского я встречался с некоторыми высокопоставленными представителями Еххон, которые были абсолютно уверены в том, что эта сделка будет заключена и что единственной проблемой является цена, а также что из Кремля был дан зеленый свет, когда Путин приезжал в Нью-Йорк.

Таким образом, бизнес не любит непредсказуемости. Демократия, как правило, его не особо интересует. Он по обыкновению прагматичен, и демократия его особо не волнует. В Китае нет никакой демократии, при этом там наблюдается огромный приток иностранных инвестиций. Дело в том, что инвестиционное сообщество считает ситуацию в Китае предсказуемой: так было в прошлом году и так будет в следующем году.

Мы постоянно пытаемся сделать Россию предсказуемой страной. Конечно, то, что произошло с «ЮКОСом», — это очередной

сигнал в сторону непредсказуемости России, а его экономические последствия непонятны.

Второй момент: конечно, власть в Москве и сам президент пытаются преподнести это как единичный случай, за которым не последуют аналогичные меры. И я действительно думаю, что он предпочел бы, чтобы это было именно так. Однако проблема заключается в том, что Россия — это большая страна с мощной бюрократической системой, и чиновники, например в Тамбове или Рязани, реагируют не на то, о чем говорят, а на то, что делают в Москве. И если в Москве по политическим мотивам сажают в тюрьму самого богатого человека, то почему где-нибудь в Тамбове я не могу пригласить к себе какого-нибудь относительно богатого предпринимателя и не предупредить, что если он не окажет финансово-политическую поддержку моему избирательному фонду, то его ждет судьба Ходорковского.

И, конечно, я не могу привести доказательств, это невозможно расследовать, хотя могу привести множество отдельных примеров, которые свидетельствуют о том, что после дела Ходорковского именно такая практика стала распространяться в массовом масштабе.

Выборы. Ну, во-первых, это чрезвычайно разочаровывающие результаты голосования за демократические партии. Одной из основных проблем, конечно, была наша неспособность создать единый блок. Я бы не сказал, что мы не предпринимали никаких попыток решить эту проблему, но это была очень непростая задача, и мы не сумели ее решить.

Есть еще два момента. Я не имею в виду детали технического характера, которые негативно отразились на избирательной кампании. «Яблоко» теряло приблизительно 1% голосов, от 0,5 до 1%, во время всех предыдущих выборов начиная с 1993 г. У них были более или менее удачные избирательные кампании, и я действительно думаю, что эта кампания «Яблока» была проведена на хорошем уровне. Однако у них была общая тенденция потери приблизительно от 0,5 до 1% голосов в каждом избирательном цикле. В этой связи возникла проблема, получают ли они 5,1% или 4,9%.

И это нельзя назвать чем-то случайным. Имеет место общая понижающая тенденция. «Яблоко» — это партия советской интел-

лигенции, которая, как правило, настроена продемократически, не прокоммунистически, но с трудом адаптируется к новым рыночным реалиям. Это был стабильный, но не растущий по численности электорат; его численность уменьшается.

Мы находимся в совсем ином положении — у нас наблюдается огромная неустойчивость. И, например, в 1999 г. наш электорат, если не вдаваться в подробности, включал в себя несколько контингентов избирателей. Один из них в той или иной степени является основным ельцинским, демократическим электоратом, который был вовлечен в политику в 1991 г. и остался от демократической России. Другой контингент включает в себя представителей нового бизнеса, молодых предпринимателей, молодых представителей среднего класса, которые неоднозначны в смысле приоритетов и которые, как правило, очень прагматичны и обычно не хотят вступать в конфликт с властью. Дело «ЮКОСа» заставило нас сделать выбор. Да, конечно, мы могли бы сказать, что все отлично, и, возможно, тогда мы выигрываем выборы. Однако это было неприемлемо, по крайней мере с моральной точки зрения.

И потом, когда мы начали чрезвычайно резко критиковать политику, которую в этой сфере проводят президент и правительство, мы увидели, что 70% нашего электората симпатизируют Путину. Практически все эти события раскололи наш электорат на две части. И та часть, которая осталась с нами, не была настолько велика, чтобы прибавлять по 5% в год.

Таким образом, наше поражение, как мне кажется, должно привести к очень серьезной реструктуризации демократической части российского политического спектра. Но я надеюсь, что эта задача будет решена. Однако, честно говоря, я думаю, что самый главный результат заключается не в поражении «Яблока» и СПС. Это неприятно для нас, но не думаю, что это самое главное. И я не думаю, что даже тот факт, что «Единство» сегодня контролирует большинство в Государственной думе, является самым главным результатом этих выборов.

Самый главный и самый опасный результат заключается в том, что конкурирующие друг с другом партии явно стремятся показать, кто из них будет наиболее ярым антисемитом, кто будет больше всех винить нерусских за все российские проблемы, кто будет наиболее ярым антиамериканистом, кто будет наиболее ак-

тивно пытаться решить все проблемы путем раздела денег, принадлежащих людям нерусской национальности.

Конечно же идеи такого рода чрезвычайно легко принимаются не только в российском, но и во многих других обществах. Это весьма эффективное политическое оружие, и в какой-то степени его можно сравнить с ядерной бомбой. Тут нет ничего сложного, все легко объяснимо, по крайней мере в молодых демократиях с непростым прошлым, и это достаточно опасное оружие. И было крайне неприятно, когда во время дебатов Жириновский, Рогозин, Зюганов пытались показать, кто из них лучше проводит такого рода политику.

В какой-то мере это можно сравнить с открытием ящика Пандоры. Почему во многих странах такого рода инструменты используются нерегулярно? С моей точки зрения, потому что, как правило, люди знают, что это очень сильный инструмент, мощное средство, но при этом они также знают, что тех, кто им пользуется, как правило, ждет плохой конец. В качестве примера можно привести Муссолини, Гитлера, Милошевича. Таким образом, это своего рода ограничение.

Но когда речь идет о политике, то очень трудно избежать соблазна использования этого инструмента в политической конкуренции. Не думаю, что для российской политики это повлечет за собой какие-либо последствия в ближайшее время. Путин контролирует Госдуму — конечно, он победит на президентских выборах. Более того, даже если — не думаю, что президентские выборы будут проведены честно и свободно, — но, если начиная с сегодняшнего дня мы поверим, что все будет честно и свободно, он все равно легко победит на президентских выборах, потому что он популярен. И, конечно, история с Ходорковским сделала его еще более популярным.

Поэтому он выиграет на президентских выборах и попытается показать, что ничего не случилось. И полагаю, что он совершенно искренне попытается это делать. Поэтому в ближайшей и среднесрочной перспективе я не ожидаю каких-то радикальных перемен в дальнейшем развитии России. Полагаю, что внешняя политика будет приблизительно похожа на ту политику, которая проводилась в предыдущий период. Полагаю, что политика в отношении стран СНГ будет почти такой же, как и раньше. Полагаю, что мы не увидим ничего, что касалось бы серьезных перемен, связан-

ных с внедрением демократической процедуры, практическим ее функционированием.

Я имел возможность ознакомиться с проектом программы экономических приоритетов, подготовленной к предстоящему президентству Путина, которая пока еще не одобрена. Она вполне конструктивна и действительно содержит очень важные приоритеты. Поэтому в краткосрочной и среднесрочной перспективе после этих выборов в России ничего существенного не произойдет.

Более того правительству будет гораздо легче продвигать разумные экономические законы, в том числе различные законодательные акты по налоговым льготам и так далее. И они уже начали это делать сразу после антиюкосовской кампании. И многое из того, что они стремятся сделать, действительно целесообразно и рационально. Я в течение многих лет пытался протолкнуть это через Госдуму; у меня ничего не получилось. Таким образом, не будет никаких серьезных перемен в ближайшем будущем.

Думаю, применительно к СНГ будет продолжаться более или менее та же политика. Россия, как и многие большие страны, считает, что у нее есть собственные интересы в странах ближнего зарубежья. И, честно говоря, я, будучи человеком, которому представилась возможность участвовать в подготовке Беловежского соглашения, не стал бы оспаривать тот факт, что Россия, как и любая большая страна, имеет свои интересы. Полагаю, что нам следует защищать эти интересы законными способами, не вмешиваясь в политику других стран. Я также полагаю, что в принципе, если Россию не будут слишком провоцировать, это будет конструктивный подход, если, конечно, не будет отдельных проявлений глупости, таких как, например, инцидент с островом Тузла¹, во что трудно поверить.

Самой серьезной ошибкой российской политики в СНГ является политика в отношении Украины. Украина — одно из наиболее важных для нас государств ближнего зарубежья. На мой взгляд, хорошие отношения с Украиной — это одна из наиболее приоритетных задач для России. Не могу не согласиться с тем, что не все так

¹ Пограничный спор, вспыхнувший в 2003 г. вокруг крошечного острова (песчаной косы) Тузла в Керченском проливе. В результате переговоров Тузла отошла к Украине, Россия же взамен получила право беспрепятственного прохода судов из Черного в Азовское море. — *Прим. ред.*

просто во взаимоотношениях с нашими украинскими друзьями. Но мы должны быть реалистами, и поскольку мы признали факт государственной независимости Украины, нам следует выстраивать нормальные взаимоотношения. И почему Путин позволил убедить себя в том, что Ющенко — один из кандидатов, пожалуй, один из наиболее серьезных кандидатов на пост президента Украины, умный, не коррумпированный, совершенно не антироссийский и прагматичный человек, с которым я знаком больше десяти лет и которого где-то около восьми или девяти лет назад я лично убеждал заняться политикой и бороться за президентское кресло, — что он якобы радикальный националист с антироссийскими настроями, и почему мы пытаемся делать все возможное, чтобы он не стал президентом, притом, что, вероятно, он все-таки будет избран? После чего нам придется иметь дело с человеком, которому российские власти пытались помешать занять президентское кресло. Это очень странно.

Но такое бывает. Думаю, что это ошибка, но такая ошибка, которую можно исправить.

Что меня больше всего беспокоит? Дело в том, что за последнее время мы проиграли идеологическую войну в России, которая, как мне кажется, была чрезвычайно важным фактором, предопределившим результаты этих выборов. Если, например, взглянуть на содержание программ российского телевидения — фильмы, сериалы, новостные программы; если взглянуть на популярные книги, которые издаются, то можно заметить, что в большинстве случаев перед простым россиянином возникает образ американского врага, западного врага, американский заговор, ситуация, когда хорошие русские противостоят плохим американцам. «Наша империя — не Германия; нас побеждают не в открытой борьбе, а наносят удар из-за угла. Распад Советского Союза был спланирован Америкой. У нас была замечательная и великая империя, а теперь нас заставляют усомниться в этом; чувство национального унижения, которое требует реванша». Об этом не всегда говорится прямым текстом. Это читается между строк.

Поэтому в борьбе одной идеи, в основе которой лежит приоритет прав человека, стабильное развитие, демократия, власть закона, с другой идеей — приоритета возрождения империи и реванша

за распад Советского Союза, где Россия окружена врагами, соотношение было приблизительно один к пяти. И сам по себе этот факт, а также факт продолжения этого, плюс то, что во время выборов все эти идеи обрели политическое звучание и стали открыто обсуждаться, создает весьма неблагоприятные перспективы в долгосрочном периоде.

Я жил в Советском Союзе, и, например, в 85-м году никто не мог предположить, что Советский Союз исчезнет. И я был свидетелем того, как зарождалась эта большая продемократическая, антикоммунистическая волна. А затем она переросла в силу, которую не смогла остановить даже коммунистическая власть. Сегодня я серьезно опасаясь того, что мы можем увидеть аналогичный, на этот раз националистический путь с последствиями, которые трудно предсказать на ближайшие два года. Нет, даже не на два, а на четыре года, или еще позже.

Это не значит, что Америка должна радикально изменить свою политику по отношению к России, я так не думаю. Полагаю, что такая политика должна быть очень прагматичной, при этом считая контрпродуктивной с точки зрения защиты демократии в России идею исключения России из состава «Большой восьмерки». Поскольку это чрезвычайно важно — это один из важных способов влияния на российскую власть, а она бы очень хотела стать членом этого клуба. И на нее можно влиять как раз в том случае, если она станет членом клуба.

При этом необходимо понимать, что при неблагоприятном развитии политической ситуации в России она снова может стать очень опасной страной с точки зрения не только самой России, но и в контексте обеспечения безопасности во всем мире. И я полагаю, что недопущение такого рода развития событий — это, конечно, дело самих россиян. Но эта проблема также должна волновать и остальной мир.

Ведущий: *Большое спасибо. Все это прозвучало на довольно печальной ноте. Однако, полагаю, по сути это нас не очень удивляет. Вопросы, пожалуйста?*

Вопрос: *Большое спасибо, г-н Гайдар. Это было очень интересное выступление. Меня интересует то, что на выборах СПС и «Яблоко» не смогли преодолеть электоральный барьер. Зюганов и коммунисты уже высказали претензии по поводу нарушений на выборах, которые*

не позволили одной или обеим этим партиям преодолеть установленный барьер. Вы согласны с такой оценкой?

Егор Гайдар: Да, я ознакомился с их материалами. Они показывают, что «Яблоко» набрало 5,21% голосов, а мы набрали 5,11%. Не думаю, что на этот раз коммунисты лжесвидетельствуют в нашу пользу. Не понимаю, в чем тут могла быть выгода для них. У них, несомненно, была отличная возможность и механизм контроля за выборами. Поэтому я думаю, что это правда.

Однако проблема заключается в том, что в настоящее время для того, чтобы победить на выборах в России, необходимо набрать не 5,11% голосов, а как минимум 7,0%.

Вопрос: *Насколько я понял, Вы считаете контрпродуктивным исключение России из «Большой восьмерки». Но что делать Соединенным Штатам? Нужно ли нам пытаться усилить солидарность с независимыми демократическими силами в России и их поддержку? Есть ли такие силы, нуждаются ли они сегодня в поддержке и следует ли нам пытаться оказать им еще большую поддержку, чем раньше? Поскольку то, о чем Вы только что рассказали, свидетельствует о некоей антидемократической волне не только на уровне правительства, но и в обществе. Возможно, существуют альтернативные силы, которым можно было бы оказать помощь. А может, наша помощь только навредит им, или все-таки необходимо им помочь?*

Егор Гайдар: Я бы акцентировал внимание на другой приоритетной задаче. Чрезвычайно важно оказывать поддержку развитию и сохранению элементов гражданского общества, которые появились в России за последние двенадцать лет.

Вот я два раза встречался и беседовал с одним очень известным бизнесменом, который потратил очень много средств на поддержку гражданского общества в России. Не буду называть его имя, поскольку у нас с ним не было на этот счет никаких договоренностей. В начале прошлого года он два раза спрашивал меня о том, правильно ли он понимает, что теперь может считать свою миссию более или менее выполненной. Может ли он больше этим не заниматься в условиях, когда российские бизнесмены начинают инвестировать свои собственные средства, деньги в аналогичный проект поддержки независимых средств массовой информации, различные независимые неправительственные организации. Я от-

ветил, что все зависит от его собственного решения, но думаю, что он имеет абсолютное моральное право делать то, что считает нужным. Это было в то время, когда, например, «ЮКОС» учредил российский фонд, у которого были более или менее аналогичные приоритеты, и так далее.

Сегодня представителям большого российского бизнеса дали четко понять, что без прямого согласования с властями они не должны вмешиваться ни во что, что связано с гражданским обществом. И они это услышали.

Поэтому думаю, что очень многие хотели бы возврата ситуации, когда любая общественная активность — в прессе, в сфере общественной мысли и образования — была бы возможна только при непосредственной поддержке властей. Но это абсолютно контрпродуктивно и очень опасно. Поэтому не думаю, что непосредственная финансовая поддержка политическому процессу будет продуктивна для политических партий в России. Думаю, это было бы абсолютно контрпродуктивно. А вот очень серьезное внимание к гражданскому обществу — да, это очень важно.

Вопрос: *Вы совсем ничего не сказали про Чечню и как, по Вашему мнению, там будет развиваться ситуация во время второго президентского срока Путина. Как Вы думаете, сохранится ли статус-кво? Возможно, Вы ждете каких-то перемен?*

Егор Гайдар: Боюсь, что мы увидим статус-кво в той или иной степени. Я не упомянул об этом не потому, что не считаю это важным, а потому, что не жду больших перемен. Там будет локальная партизанская война, довольно коррумпированная администрация, высокий уровень коррупции в войсках, возможны какие-то медленные перемены в сфере экономического развития — создание новых рабочих мест и так далее, но медленными темпами. Поэтому я здесь не жду больших перемен.

Вопрос: *Доктор Гайдар, в настоящее время националисты, будь то Рогозин, Глазьев или даже Жириновский, заключили что-то вроде тактико-политического альянса с Кремлем. Они считают, что пропутинские настроения входят в сферу их интересов. Как Вы думаете, при каких обстоятельствах и в каком временном отрезке что-то может измениться и националисты могут потерять интерес или необходимость в такого рода настроениях? Будут ли эти обстоятельства носить экономический, политический или внешнеполити-*

ческий характер? В каком, по Вашему мнению, временном отрезке такое возможно?

Егор Гайдар: Самая важная проблема, которая будет обсуждаться в России в течение ближайших лет, — это, во-первых, будет ли Путин вносить изменения в конституцию и кто будет его преемником? Естественно, никто этого не знает.

С учетом того, что он говорил публично, а также в частном порядке, я полагаю, что он не будет вносить изменения в конституцию. При этом вполне естественно, что он захочет влиять на вопрос с преемником. И чем насущнее будет становиться вопрос о преемнике, тем менее лояльным этот тип людей будет по отношению к действующей власти.

Вопрос: *Доктор Гайдар, спасибо. Мой вопрос состоит из двух частей с экономическим контекстом, но с политической составляющей. Не могли бы Вы сказать что-либо о своем восприятии эволюции экономики как таковой? И, второе, насколько усиление интеграции России в мировую экономику дает политические выгоды в плане противодействия некоторым тенденциям, о которых Вы говорите? Спасибо.*

Егор Гайдар: Нужно сказать, что экономическая динамика в целом действительно имеет позитивный характер, и не все здесь связано с ценами на нефть. Проводится много весьма позитивных реформ, довольно впечатляющие результаты показывает налоговая реформа. Подоходный налог с плоской шкалой заработал в России лучше, чем кто-либо мог предположить, включая нас, его разработчиков для России. Мы никогда не обещали, что это приведет к мгновенному и значительному увеличению поступлений в бюджет. Сегодня это наиболее быстрорастущий источник доходов.

Проводится разумная кредитно-денежная политика. Центральный банк, Министерство финансов также проводят разумную политику. Наиболее сложная проблема сегодняшнего управления экономической политикой в том, как предотвратить приток избыточного краткосрочного капитала, а также не допустить чрезмерный рост номинального и реального курса рубля. Конечно, это серьезная проблема, и те, кто занимается ее решением, хорошо это понимают. Однако все эти проблемы представляются, как бы это сказать, более удобными, чем те, которые нам приходилось решать, например, в 98-м году. Быстрыми темпами расширяется

нефтедобывающая промышленность. Наблюдается существенный приток инвестиций. Конечно, очень позитивным признаком является то, что в прошлом году наблюдался довольно внушительный рост общего уровня инвестиций и производства в машиностроительном секторе. Это также подтверждается данными по объему импорта продукции машиностроения, который, как правило, коррелирует с инвестиционным ростом.

Таким образом, что касается ближайшего времени, то у меня нет беспокойства. Но я не могу с уверенностью утверждать, что эти процессы продолжают свое развитие в новых условиях.

При этом, однако, многое не делается. Например, мы добились очень впечатляющих результатов в сфере налоговой реформы, но при этом практически ничего не сделали — то есть не то чтобы ничего, а, скорее, крайне мало сделали — относительно того, что связано с бюджетными расходами, начиная от объема бюджетных расходов и заканчивая их структурой. Мы все еще расходует бюджетные средства не потому, что мы знаем, какие услуги мы должны покупать хоть для государства, хоть для общества, а просто потому, что мы делали то же самое в прошлом и позапрошлом годах, и даже раньше. Таким образом, явным приоритетом здесь является и, полагаю, будет являться реструктуризация всего, что связано с бюджетными расходами.

Конечно, в сфере монополий у нас наметилось что-то серьезное в энергетических системах. Но то, что творится в Газпроме, трудно комментировать.

Конечно, много задач связано с реформой в банковской сфере, и думаю, что она будет медленно двигаться в правильном направлении. Поэтому, честно говоря, на текущем этапе у меня нет особых опасений касательно экономики.

Помогает ли интеграция. Конечно же, интеграция помогает. Интеграция помогает в любом случае, потому что все больше людей бывает за границей. Они познают реальный мир. Они все больше интегрируются в мировое сообщество. Очень сложно убедить людей в том, что у России везде сплошь враги. Конечно, в какой-то степени это последствия серьезного перелома, краха империи 90-х годов и тому подобное. Я очень надеюсь, что это может быть обратимо. Просто мне кажется, что это должно нас беспокоить и что это опасно.

Вопрос: *Прекратит ли свое существование партия «Союз правых сил»?*

Егор Гайдар: Нет. Мне просто ответить на этот вопрос, поскольку я испытал много побед и поражений. В 95-м году партия «Демократический выбор России» проиграла на выборах с таким же результатом, как сегодня. Тогда мы смогли реорганизоваться и одержали победу на следующих выборах. Поэтому паника — самый худший помощник в борьбе. Ни одна битва не была выиграна с помощью таких методов.

При этом хотелось бы вам напомнить, что во время выборов в 2000 г. Хакамада¹ и Немцов поддержали Явлинского, а мы тогда поддержали Путина. И это не может привести к каким-либо серьезным политико-организационным проблемам. Мы работаем вместе и готовы продолжать работать вместе. Честно говоря, я бы предпочел ограничить свою публичную политическую деятельность. Полагаю, что, будучи человеком, который занимается политикой дольше, чем кто-либо из лидеров СПС, я мог бы сконцентрироваться на научно-исследовательских проектах. Я действительно так считаю, а также думаю, исходя из опыта политики постсоциалистического периода, что со временем людям начинает надоедать видеть постоянно одни и те же физиономии. И поскольку я здесь являюсь старожилом, думаю, что пришло время отойти от дел и заняться просветительской работой или научно-исследовательской деятельностью в рамках неправительственных организаций.

При этом в руководстве остаются мои коллеги, и конечно же мы нуждаемся в серьезной реорганизации. Нам необходима перегруппировка. Но поскольку СПС была создана на базе «ДВР», появление СПС было невозможным без «ДВР», поэтому я думаю, что сегодня это будет такой же, аналогичный процесс.

Вопрос: *Доктор Гайдар, насколько я помню и понял, Вы надеялись на то, что экономический рост и рост частного бизнеса принесет дополнительную поддержку политическим партиям либераль-*

¹ Хакамада Ирина Муцуовна — российский политический и государственный деятель. С 1995 по 2000 г. — председатель организации «Общее дело», с 2000 по 2003 г. — сопредседатель политической партии «Союз правых сил». В 2004 г. выдвинула свою кандидатуру на выборах Президента Российской Федерации. Являлась председателем демократической партии «Наш выбор». — Прим. ред.

ного толка. Сегодня, как Вы говорите, в стране в течение шести или семи лет наблюдается экономический рост. Почему тогда наблюдается рост националистического сегмента? Какая часть общества поддерживает эти партии, и как это связано, если вообще связано, с экономикой?

Егор Гайдар: Честно говоря, я думаю, что это была одна из моих существенных стратегических ошибок. Как правило, никто не любит признаваться в том, что совершал серьезные стратегические ошибки, но я вынужден признать, что это была одна из моих стратегических ошибок. Я действительно очень надеялся на то, что на фоне экономического роста, роста реальных доходов, стабилизации экономики, сокращения уровня бедности будет уменьшаться поддержка коммунистов и радикалов и усиливаться поддержка партий, ориентированных на средний класс. Все оказалось намного сложнее.

Мы действительно наблюдаем снижение поддержки Коммунистической партии, это правда. Конечно, отчасти это было результатом того, как, каким образом были организованы выборы. При этом абсолютно очевидно, что поддержка коммунистов действительно снижается на фоне экономического роста и улучшения экономической ситуации. Но при этом значительная часть электората не переходит на сторону партий среднего класса, а начинает поддерживать радикально настроенных националистов.

При этом, конечно же, мы должны помнить, что фашистская партия в нацистской Германии пользовалась поддержкой всего среднего класса, мелкой буржуазии, как их тогда называли. И сегодня, казалось бы, можно видеть механизм этой поддержки. Не уверен. Для того чтобы понять это сегодня, необходимо провести большое политическо-социологическое исследование.

К тому же я не помню, чтобы хоть один сотрудник российских силовых структур пожелал бы взять на себя ответственность за положение дел в российской экономике осенью 91-го года, когда запасов зерна хватало только до февраля, а валютные резервы насчитывали около 200 млн долларов. А когда валютные резервы насчитывают 80 млрд долларов и экономика функционирует, то выстраивается длинная очередь желающих рассказать, что нужно делать с этими резервами и как ими управлять. Приблизительно то же самое происходит в обществе в очень тяжелых и сложных

условиях, когда возникает проблема голода в России, выживания, сохранения хотя бы минимального уровня доходов на ближайшую перспективу. Как правило, в этих условиях никому не приходят в голову мысли об имперском могуществе и замечательном имперском прошлом.

Но когда резервов достаточно — пусть речь не идет об изобилии, но достаточно, — ваши потребности удовлетворяются, все более или менее в порядке и наблюдается экономический рост и вы знаете, что ваши доходы, скорее всего, будут расти, почему бы не посидеть перед телевизором и не обсудить, каким великим был Советский Союз, о котором либо ничего не известно, либо уже забыто, либо известно только по советским фильмам. И как было бы замечательно возродить нашу имперскую мощь. И конечно же, очень важной питательной средой для распространения такого рода настроений является то унижение, которое люди испытали в 90-х годах.

Вопрос: *Большое спасибо за представленный Вами анализ. Я пытаюсь разобраться в тех вопросах, которые, как мне кажется, Вы не затронули в своем выступлении. Краткосрочная перспектива для экономики, насколько я понимаю, выглядит достаточно позитивно. Новое законодательство — перспектива институциональных перемен выглядит достаточно позитивно для финансового и налогового контроля. Это должно обеспечить и поддерживать рост. При этом, когда Вы начинаете говорить о других политических процессах, может показаться, что в конечном счете они затормозят экономическое развитие, так как будут тормозить институциональные перемены? Это первый вопрос.*

Второй вопрос. *Вы говорили о преемственности политики в отношении СНГ. Мне кажется, что такая преемственность означает рост напряженности в отношениях России и США, а также России и Запада, особенно на Кавказе и в Средней Азии. И не могли бы Вы чуть более подробно остановиться на последствиях, динамических последствиях продолжения такой политики.*

Егор Гайдар: Во-первых, что касается первого вопроса, то да, вы абсолютно правы. Думаю, со временем это вполне может — не сразу, но со временем — создать проблемы и для экономического развития.

Что касается второго вопроса, то я думаю, что Путин не хочет быть антиамериканистом и хотел бы поддерживать хорошие от-

ношения со Штатами. Я в этом абсолютно уверен. Кроме того, он хотел бы, чтобы Россия играла свою роль в СНГ. Поэтому это проблема способа нахождения баланса интересов и баланса этих факторов. Раньше нам это удавалось. Надеюсь, что нам это удастся и в будущем.

Что особенно плохо — это различные виды провокаций со стороны отдельных стран, которые пытаются играть на разногласиях между Россией и Соединенными Штатами. Не думаю, что России это нужно. Не думаю, что это нужно Штатам.

Вопрос: *Вы совсем ничего не сказали о средствах массовой информации, о прессе. Является ли это отражением происходящего в контексте репрессивных мер со стороны Путина? Или вы рассматриваете прессу как некий потенциальный катализатор будущих перемен?*

Егор Гайдар: Я думаю, что позиция власти заключается в понимании значимости прессы и крупных государственных телеканалов, а также необходимости строгого контроля над ними на разных уровнях, например в зависимости от того, что они напоминают, газету «Правда» советского периода или, например, «Литературную газету» советского периода. При этом в их отношении должен осуществляться строгий контроль.

Кроме того, власть хочет в той или иной степени контролировать крупные радиовещательные каналы с общенациональным охватом. Под контролем должны быть газеты с огромными тиражами. Но если речь идет о газетах с тиражом 200 тыс. экземпляров, или теле- или радиоканалах с охватом 800 тыс. человек, то там можно делать более или менее все, что вы захотите.

Конечно же, это не советская система, потому что в советской системе даже в «Колхозной газете» нельзя было публиковать ничего, что не прошло цензуру. Это другая, это совсем другая ситуация. И думаю, для власти чрезвычайно важно сохранять ситуацию спокойной, что бы то, что показывают на телеэкране, не сильно отличалось от реальности, и так — без конца. На эту тему есть анекдот из советского периода: человек включает телевизор, где показывают выступление генерального секретаря; он переключает на второй канал, где тоже показывают выступление генерального секретаря, он переключает на третий канал, где опять показывают выступление генерального секретаря, он переключает на четвертый канал, где показывают председателя КГБ, который говорит ему: «Ты у меня

допереключаешься!». Поэтому в такой ситуации значительно увеличиваются тиражи малотиражных интеллектуальных газет и журналов. И думаю, что эта тенденция так или иначе неизбежна.

Вопрос: Доктор Гайдар, не могли бы Вы объяснить, почему СПС не хочет поддержать Ирину Хакамаду в качестве кандидата в президенты? Может, есть у Вас какие-то планы на 2008 год, или это просто какая-то личная неприязнь?

И еще один вопрос: какую роль в судебном процессе против «ЮКОСа» сыграли его амбиции по запуску проекта по строительству частных трубопроводов? И каковы перспективы появления частных трубопроводов в России после дела «ЮКОСа»?

Егор Гайдар: Начну со второй части вопроса. Конечно же, были разногласия по поводу идеи «ЮКОСа» о строительстве частного трубопровода в Мурманске. Однако, честно говоря, не думаю, что это как-то повлияло на то, что случилось. Был всего лишь структурирован механизм — у них было одно обсуждение по налоговому законодательству, другое — на старте избирательной кампании. Точно никто не знает, но полагаю, что нет.

Конечно же, без поддержки «ЮКОСа» многие нефтяные компании по крайней мере зададутся аналогичным вопросом. Полагаю, что в настоящее время перспективы строительства частных трубопроводов намного ниже, чем они были год назад. Год назад я был практически уверен, что частный проект в Мурманске будет реализован. Сегодня я ничего не могу сказать.

Ирина Хакамада. Мы много дискутировали по этому поводу на съезде, и мы провели голосование, и с незначительным большинством было принято предложение разрешить свободное голосование.

Лично я это поддержал. Почему? У нас была аналогичная ситуация перед президентскими выборами в 96-м году. И вначале мы приняли решение не поддерживать Ельцина. Затем Ельцин предпринял несколько важных шагов в нашу сторону, в том числе изменил свою политику в Чечне, что было чрезвычайно важно. А затем наш Съезд большинством голосов, кроме двух делегатов, проголосовал за поддержку Ельцина. И мы были абсолютно уверены, и все социологи говорили, что те, кто поддерживает «Демократический выбор России», являются основным электоратом Ельцина. Они недовольны Ельциным. Им не нравится многое из того, что он делает, но они его поддерживают.

Сегодня мы пытаемся создать коалицию с партией «Яблоко» для выдвижения единого кандидата от демократических сил. Мы даже предложили «Яблоку» выдвинуть в кандидаты одного из двух ее лидеров, не г-на Явлинского. Это г-н Лукин и г-н Зотов. Они не приняли это предложение. Поэтому в данной ситуации для нас было бы странным выдвигать сейчас нашего кандидата. Это выглядело бы так, как будто все это время мы играли в эту игру и готовили почву для выдвижения Ирины Хакамады. Ирина Хакамада сама выставила свою кандидатуру.

При этом если вы опросите большинство членов нашего партийного актива и большинство нашего электората, то они еще не определились по этому вопросу. Это не 96-й год. Кто-то из них не пойдет голосовать. Кто-то из них проголосует против всех кандидатов. Кто-то из них поддержит Хакамаду. Кто-то из них поддержит Путина. И сегодня наше решение для них не будет иметь особого значения. Я сам не знаю, за кого я буду голосовать или буду ли я вообще голосовать. И какое бы решение ни принял Съезд сегодня, два дня назад, оно не повлияет на мою позицию. Я сам приму решение перед выборами на основе моего мнения о том, что будет происходить в стране и как будет проводиться избирательная кампания.

Вопрос: *Я бы хотел еще немного поговорить на эту же тему. Вчера здесь была Ирина Хакамада, и она предположила, что без появления в России в течение ближайших четырех лет новой либеральной силы, какого-то движения или партии для борьбы с тем, что она называет административно-авторитарными тенденциями, через четыре года в стране может исчезнуть демократия. Согласны ли Вы с этим, и считаете ли Вы возможным появление такой силы, о которой она говорила.*

Егор Гайдар: Как я уже упоминал, конечно же, мы нуждаемся в серьезной реорганизации в нашей части политического спектра. И это одна из важных задач. Как это сделать, я не готов обсуждать на данном этапе, поскольку не знаю. Технология — дело времени. Это технологии, переговоры, это попытки вовлечь новых людей, поиск новых нормативов и так далее. Мы сделали это в 99-м году. Надеюсь, что удастся сделать и сегодня.

Вопрос: *Г-н Гайдар, я не знаю, беседовали ли Вы с представителями администрации во время Вашего визита, но сейчас наблюда-*

ется некий накал критики в адрес России, особенно в американских СМИ. Считаете ли Вы это нормальным явлением, которое обычно бывает перед каждыми выборами. Мы хорошо помним, как в прошлом году аналогичная ситуация имела место в администрации президента Клинтона. Или на этот раз это что-то другое, и это сигнал о том, что политика, отношение администрации, действующей администрации к России меняется?

Егор Гайдар: Совсем недавно прошла моя первая встреча в государственном департаменте. У меня будут встречи в других департаментах, в том числе в администрации президента. Поэтому мне будет легче ответить на этот вопрос к концу моего визита.

Полагаю, что это не имеет прямого отношения к выборам и во многом отличается от того, что мы наблюдали, например, в 99-м году или в начале 2000 г. Но я действительно предпочел бы ответить на этот вопрос позже.

Вопрос: *Есть одна проблема, о которой Вы не упомянули — коррупция в России. И насколько я помню, где-то в девяносто втором, девяносто третьем годах, Вы как-то говорили о том, что Россия стоит перед выбором дальнейшего развития по направлению к либеральной демократии или латиноамериканскому типу олигархии. Насколько серьезной является проблема и фактор коррупции для России, или Вы видите какие-то положительные сдвиги?*

Егор Гайдар: Это серьезная проблема, и я здесь не вижу каких-либо существенных сдвигов в лучшую сторону. Есть хорошая новость и плохая новость. Хорошая новость в том, что мы в какой-то степени смогли понять, что коррупция в России появилась давно. Конечно же с ней нужно бороться, но для этого нужно время. Поэтому мы пытаемся привести в порядок наши институты таким образом, чтобы минимизировать ущерб от коррупции.

В этой связи я приведу вам всего лишь один пример, это займет две или три минуты. В прошлом и в позапрошлом годах мы проводили реформу налогообложения в сфере добычи полезных ископаемых, до этого у нас была сложная система с множеством отдельных решений и тому подобное. И у нас были очень жаркие споры по поводу механизма ее реструктуризации. Были предложения создать идеальную систему, очень сложную, с необходимостью учета информации о каждом месторождении, и тому подобное. Я убедил моих друзей в правительстве — и потом мы провели

это через парламент,— что в нашем случае в России, не где-то в Норвегии, а в России, мы должны принять очень простую, но абсолютно не коррупционную систему. Систему, где ваши налоговые обязательства зависят только от двух параметров, которыми невозможно манипулировать,— это добыча нефти и мировые цены на нефть, и все. Мы получили огромный приток нефтяных доходов, доходов с этого налога. Они увеличились более чем в два раза, и нет проблем с коррупцией. Сегодня, однако, в некоторых министерствах я наблюдаю борьбу за способ реформирования этой формы налогообложения: как устанавливать различные виды коэффициентов, по которым госчиновники будут определять, какие из обязательств нефтяных компаний будут со временем меняться.

Положительный аспект заключается в том, что Министерство финансов, Министерство экономики, Министерство природных ресурсов и Министерство энергетики хотели бы, чтобы они определяли эти коэффициенты, если они каким-то образом не договорятся защитить эту простую систему. Такие простые решения действительно работают. Поэтому, например, когда мы ввели подоходный налог с плоской шкалой, одна из причин была в том, что этот налог адаптирован под не очень строгое администрирование.

Плохие новости заключаются в том, что, конечно же, демократия не является универсальным способом, универсальным методом борьбы с коррупцией, но при этом она так или иначе является единственным методом, который работает в долгосрочной перспективе. Когда подрывается действенная демократия, то создается система, которую я называю закрытой демократией. И перед Соединенными Штатами и другими государствами, которые проходили через период закрытой демократии, вставала проблема коррупции как очень долгосрочного явления.

Ведущий: *Большое спасибо, Егор Тимурович. Вы рассказали много интересного о ситуации в России и, думаю, обогатили наши знания. Единственное, чего не хватало, так это чуть больше позитива.*

Российская экономика после «ЮКОСа»

*Выступление в Американском институте
предпринимательства*

Вашингтон, 30 января 2004 г.

Источник: Опубликовано на сайте ИЭП им. Е. Т. Гайдара.

Ведущий — Леон Арон¹.

Ведущий: Перед тем как я приступлю к вводной части, хотел бы обратить ваше внимание на книгу Егора Гайдара, которая недавно была переведена и издана издательством «University of Washington Press». Книга называется «Государство и эволюция». У нас здесь выставлены два пробных экземпляра для ознакомления, а в приемной на выходе из зала можно получить информацию по заказу этой книги. Там большое количество бланков для заказа, так что милости просим, берите и заказывайте.

Есть еще одна книга под редакцией Егора Гайдара от издательства «MIT Press», она называется «Экономика переходного периода». Это настоящая, подлинная энциклопедия российской политической экономической переходного периода. Вот так выглядит эта книга от издательства «MIT Press».

Как часто мы слышим о том, что выступающий не нуждается в представлении? И в большинстве случаев нам ничего не остается делать, как выслушать очередное такое представление.

При этом существует довольно редкая категория выступающих, чье представление не является чем-то обыденным. Они действительно нуждаются в представлении, но не потому, что они никому не известны, а, как правило, в силу того, что они из себя представляют, насколько ценно и значимо то, что они сделали. И чем бли-

¹ Леон Арон — Директор российских исследований Американского института предпринимательства. — Прим. ред.

же, чем лучше представляющий знает представляемого, чем более внушительен перечень заслуг и достижений последнего, тем дольше длится само представление.

Но, к счастью, это именно те люди, которых каждому не терпится услышать, особенно представляющему в данном конкретном случае. Поэтому любое представление, каким бы замечательным оно ни было, кажется неуместным. И когда речь идет о Егоре Гайдаре, то с одной стороны у меня возникает сильная потребность поделиться с вами как минимум частью из того, что мне известно об этом замечательном человеке, а с другой стороны я хочу поскорее дать ему слово, чтобы продлить его выступление.

И каждый из вас — хотя бы потому, что в этот январский день вы пришли сюда — знаком в общих чертах с тем, что для меня является настоящей современной историей: 35-летний министр экономики, впоследствии премьер-министр, а затем исполняющий обязанности премьер-министра, который фактически освободил российскую экономику из плена хищнического, некомпетентного и чрезвычайно коррумпированного советского государства; он упразднил регулирование цен, а с ним — каждодневное унижительное стояние в очередях и дефицит; он спас Россию от всеми предполагаемого и действительно прогнозируемого голода зимой и весной 1992 г.; это настоящий революционер, у которого, как у любого настоящего революционера, есть заклятые враги и недоброжелатели, но это человек с настолько цельной натурой, что никто даже из недоброжелателей ни разу не обвинил его в незаконном присвоении хотя бы одной копейки из государственной казны.

Кроме того, есть Гайдар политик, основатель и сопредседатель подлинной и последовательной в своем курсе партии экономического либерализма в России. Гораздо меньше людей — хотя, возможно, в этом зале таких нет, — я думаю, знают о Гайдаре как о первоклассном ученом, экономисте и специалисте в области теории экономики — кстати, представленные мною книги являются еще одним подтверждением этого, — а также директоре одного из ведущих центров исследований в области экономики переходного периода.

И, полагаю, еще меньше людей — за исключением тех, и меня в том числе, кто смотрел документальный фильм, — знают о том, что Гайдар является на редкость смелым человеком; между прочим

этим же качеством обладает его бывший руководитель Борис Ельцин, несмотря на все имеющиеся между ними различия. И именно Гайдар был тем человеком, кто в ночь на 3 октября 1993 г. изменил, я думаю, ситуацию с назревающей гражданской войной, когда он воодушевил, организовал и возглавил 30 тысяч безоружных мужчин и женщин в центре Москвы, которые тем не менее были готовы дать бой вооруженным автоматами Калашникова чернорубашечным сталинским отморозкам; последние вышли под красными знаменами, скандируя лозунги за родину, социализм, СССР, и стреляли ради забавы в прохожих из здания парламента.

Егор Гайдар: Большое спасибо.

Дорогие друзья, для меня большая честь выступить перед этой аудиторией. Спасибо, Леон, за все, что ты сказал обо мне. Обычно подобные слова можно услышать только на похоронах.

Итак, я знаю, что вы обсуждали множество различных событий и процессов, происходящих в российской экономике, и полагаю, что вы очень хорошо знакомы со статистикой. Общая экономическая ситуация в стране действительно стабильная, но не только благодаря нефти и газу, и результаты года были более позитивными, чем это можно было предположить. На самом деле я не буду обо всем этом больше говорить.

Меня просили сконцентрироваться на, с моей точки зрения, действительно важной теме, стратегически важной, — это взаимосвязь между событиями вокруг «ЮКОСа» и экономическими процессами в России. Я попытаюсь сконцентрировать внимание именно на этой теме, но поскольку она сложная и длинная, мне придется на какое-то время вернуться назад и начать с самого начала.

Итак, в прошлом году проблемы «ЮКОСа» в какой-то степени положительным образом совпали с тем фактом, что после 1998 г., когда более или менее закончилась борьба, связанная с имущественными отношениями, в «ЮКОСе» приняли правильное решение о трансформации компании в прозрачную структуру с хорошей репутацией на Западе; и в этом случае компания могла существенно улучшить свои активы на рынках капитала, потенциально увеличить свою капитализацию, а также создать базу, с помощью которой она могла бы трансформироваться в одну из ведущих нефтяных компаний в мире.

Это было стратегическое решение и руководство «ЮКОСа» было настроено решительно. При этом большинство сотрудников компании были довольно умными и компетентными специалистами. Поэтому, когда они приняли такое решение, они стали двигаться в этом направлении и инвестировать в связи с общественностью, на деле демонстрируя свое стремление к прозрачности; приглашая людей с безупречной репутацией в руководство и совет директоров компании, и так далее.

И превращение Ходорковского из отрицательного героя олигархического периода российского капитализма в уважаемого джентльмена с очень хорошей репутацией было вопросом трех-четырех лет. А затем последовал быстрый рост капитализации «ЮКОСа», коренным образом изменилось отношение инвестиционного сообщества к компании и тому подобное.

А дальше они столкнулись с тем, что для решения этих проблем необходимо было не только измениться самим. Необходимо было коренным образом изменить Россию. Во-первых, во многих областях и особенно в налоговой сфере российское законодательство было настолько искаженным, что подавляющее большинство компаний привыкли использовать различные легальные или полуполегалные, чаще легальные, но, конечно, не очень эффективные для государства способы минимизации налогов.

Многое из того, что делал «ЮКОС», а также, я думаю, подавляющее большинство крупных российских нефтяных компаний, было реакцией на искаженную систему налогообложения, в которой, например, регулярно взимаются так называемые оборотные налоги, что довольно непривычно для остального мира; речь идет о расчете налогов не с суммы прибыли, а с суммы оборота. И, конечно, значительная часть всей этой трансфертной схемы была направлена на минимизацию налогов. Это в ситуации, когда предельная ставка подоходного налога в размере 30% сочетается с 39,7% ставкой различных видов социальных налогов и так далее, и тому подобное. Поэтому они решили, что теперь они достаточно компетентны; они знают, как это сделать. И они попробовали решить эти проблемы.

Они понимали, что если не будут прозрачными, значит не смогут использовать свои конкурентные преимущества. Но это еще не все, они понимали, что капитализация также зависит от того,

как Россию в целом воспринимают в мире, обеспечивается ли здесь защита имущественных прав; действует ли земельный кодекс с четким юридическим определением собственности и так далее, и тому подобное.

Поэтому они были готовы сделать то, к чему они абсолютно не были готовы в 1997 г.: они были готовы на многое, чтобы улучшить ситуацию в России и, как нетрудно догадаться, защищать свои собственные интересы, поскольку они не были благотворительной организацией. Это была крупная, агрессивная нефтяная компания.

В 1997 г. мы в качестве так называемого правительства младореформаторов, членом которого я никогда не был, но с которым мы тесно сотрудничали, разработали программу, которая была очень похожа на программу, которую впоследствии осуществил Путин. В этом легко убедиться. Она была не такой радикальной, поскольку мы понимали, что с радикальной программой у нас не будет политической поддержки, а в 1999 г. при правительстве Примакова мы сделали ее более радикальной именно потому, что мы полагали, что у нас не было шансов на ее дальнейшее продвижение. И мы подумали, а зачем нам все эти компромиссы? Лучше мы разработаем программу так, как мы ее видим; и впоследствии, возможно, она когда-нибудь кому-нибудь пригодится. Но ситуация развивалась совсем не так, как мы предполагали, и программа понадобилась в начале весны 2000 г., а также легла в основу того, что было сделано в период с 2000 по 2001 г.

Положительным моментом было то, что многое из того, что было включено в нашу программу, в общем и целом соответствовало интересам нефтяной отрасли, особенно тех компаний, которые хотели быть более прозрачными. Они хотели, чтобы предельная налоговая ставка была снижена. Они хотели, чтобы налоговое администрирование было более прозрачным. Они хотели, чтобы имущественные права были определены более четко, и тому подобное. Они хотели, чтобы были упразднены оборотные налоги. Они поддерживали идею плоской шкалы подоходного налога. И, честно говоря, даже при поддержке правительства и Кремля, а также с учетом реалий конца весны и начала лета 2000 г., я не думал, что мы сможем «протолкнуть» такую радикальную программу. Это нам удалось благодаря тесному сотрудничеству с нефтя-

ным лобби. В нефтяном лобби был не только «ЮКОС», но «ЮКОС» был его движущей силой.

Кстати говоря, в то время нефтяное лобби было далеко не единственным лобби в Госдуме, и поначалу даже не самым мощным. Самым мощным лобби в начале работы Госдумы по традиции было лобби Газпрома. Затем появилось очень мощное сельскохозяйственное лобби. Потом появилось очень мощное лобби, связанное с финансированием строительства железных дорог. Затем появилось не такое мощное, но действующее лобби, связанное с производством алкогольной продукции, а также еще ряд других менее значимых лобби.

По ключевым формулировкам, даже при мощной поддержке нефтяного лобби, без поддержки сельскохозяйственного и железнодорожного лобби и при более или менее нейтральной позиции лобби Газпрома, мы имели возможность набрать необходимое количество голосов для получения большинства. А потом совпали два фактора. Во-первых, Газпром после смены руководства фактически утратил серьезное влияние в Государственной думе. Новому руководству не удалось наладить прежние связи.

После этого нефтяное лобби, в котором были очень компетентные специалисты, сумело шаг за шагом стать мощной доминирующей силой в Госдуме, противостоять которой было либо невозможно, либо очень сложно. Если у нефтяного лобби было принято какое-нибудь решение и были свои интересы, то только прямое вмешательство президента могло помочь изменить результаты голосования.

В течение этого времени также было разработано много важных документов: земельный кодекс, закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения, новый трудовой кодекс, пенсионная реформа. Все это делалось на ключевых совещаниях, в которых я принимал участие, и там, как правило, присутствовали представители нефтяного лобби, позиция которых была вполне конструктивной.

При этом, конечно, как любое лобби, они твердо отстаивали свои интересы. Они были готовы к переходу на систему, которая представляет собой более или менее прозрачную модель, при условии ее совместимости со стабильностью этих структур, в том числе с рисками, поскольку известно, что нефтяные цены

неустойчивы, и они хотели быть уверены в том, что, даже если цены на нефть резко упадут, это будет для них проблемой, но не катастрофой.

Во многих случаях, когда усовершенствования действительно были необходимы, они могли их заблокировать; например, огромной проблемой для российской налоговой системы является трансфертное ценообразование, т.е. операции, по которым можно минимизировать налоговые обязательства за счет внутренних цен, которые явно ниже рыночных. И во всех наших программах по налоговой реформе были предусмотрены поправки к первой части Налогового кодекса, которые устраняли эти лазейки. Бесполезно. Как правило, с лобби можно было торговаться; но здесь они твердо стояли на своем.

По многим другим вопросам, например по вопросу упразднения льготных зон по налогу на прибыль в регионах они, как правило, это поддерживали, но с поправками, которые еще на три года дают им возможность использовать выгодные им офшоры. Конечно, нормальное лобби не состоит из ангелов или демонов; это обычное явление для любого парламента, особенно в президентской республике.

А дальше проблема заключается в том, что власть разворачивает, а абсолютная власть — разворачивает абсолютно. Когда вы становитесь доминирующей силой в парламенте, то иногда начинаете этим злоупотреблять. И было очевидно, что с 1992 г. влияние нефтяного лобби стало чрезмерным, иногда они просто хотели показать, кто в доме хозяин.

Кроме того, будучи квалифицированными специалистами, они изучали практику и технику лоббирования здесь в этом городе. Поэтому они владеют искусством, которое особенно не нравится любому правительству, и применяют его как раз в тот момент, когда необходимо принять очень важное законодательство, на которое правительство никак не может наложить вето. Неожиданно, во втором чтении, прямо с места вносятся поправки, которые затем голосуются и принимаются. И вы ненавидите эти поправки, они вам не нужны. Но вы ничего не можете сделать, вы не можете наложить вето, потому что вам нужен этот закон.

И иногда они применяли эту практику, не все время, но иногда — в 2002 г., и также в 2003 г. Таким образом, поворотная точ-

ка была в июне 2003 г.: никто в правительстве мне об этом не говорил, но я участвовал в дебатах в июне и думаю, что картина для меня вполне ясна, и если ознакомиться с тем, что сказал президент Путин за последние два месяца, то можно убедиться в том, что я прав. Он непрерывно повторял одно и то же.

Итак, был июнь 2003 года. Одним из ключевых законов, который должно было принять правительство, это так называемое налоговое законодательство, которое создает условия для бюджетного процесса. По закону вы не можете составить бюджет без этого законодательства. Поэтому оно вам необходимо до 30 июня, и вы не можете наложить на него вето.

Ну а потом перед вторым чтением начинаются многочисленные отсрочки по техническим причинам. Нужно учесть, что третье чтение назначено на 30-е число, а второе чтение будет только 21 июня, и начинаются жаркие дебаты по поводу вносимых в закон дополнений и изменений, которые необходимы, чтобы нефтяное лобби поддержало этот закон.

Забавно то, что дело было не в деньгах. Что касается денег, то на кону было 3 миллиарда рублей — 100 миллионов долларов; как правило, эти ребята могли оставить их, как оставляют чаевые в ресторане, так как для них это была небольшая потеря. Проблема заключалась в том, чтобы показать, кто в доме хозяин. И в течение 72 часов я лично пытался прийти к какому-нибудь компромиссу без ущерба для репутации. И я, как мне кажется, достиг такого спасительного для репутации компромисса. И закон был принят, но это был в большей степени компромисс на условиях нефтяных компаний.

Вообще-то, в президентской республике проблемы такого рода возникают у любого правительства, и существует метод, используя который правительства могут получить более или менее эффективный результат. Вы мобилизуете вашу структурную поддержку. Вы объединяете усилия других лобби. Вы привлекаете влиятельных членов конгресса. Вы объясняете им, что этот исключительно важный закон зависит от их поддержки, сотрудничества с правительством, президентом.

Тут нет ничего нового. При этом не будем забывать, что мы — молодая демократия. В конце июня у меня были очень плохие предчувствия относительно всех этих проблем. Я полагал, что ре-

зультаты могут быть катастрофическими. И, к сожалению, я оказался прав. Для борьбы с лобби можно применять тонкие приемы, использовать различные изощренные методы, а можно просто-напросто воспользоваться российским методом: кто в доме хозяин? Я покажу вам, кто в доме хозяин. Вы пытаетесь показать мне, кто здесь хозяин? Хозяин — это я.

И, с моей точки зрения, это явилось причиной всего, что потом произошло. Таким образом, руководители «ЮКОСа» были застигнуты врасплох. Они этого совсем не ожидали. Они не просчитали ситуацию, потому что думали, что они пытаются решить проблему «кто в доме хозяин» с министром финансов, но они не понимали, что есть кое-кто повыше, кто может подумать, что они пытаются решить это проблему именно с ним.

И мне кажется, что это было понято именно так. И с этого момента начали развиваться все эти события. Итак, каковы были краткосрочные последствия: за две недели до ареста Ходорковского один из руководителей «ЮКОСа» пришел ко мне в кабинет — он высоко ценил мое мнение по вопросам экономического развития — и поинтересовался у меня о возможных макроэкономических последствиях дальнейшего давления на «ЮКОС». И мне пришлось ответить ему, что, будь я абсолютным циником и меня бы интересовали исключительно краткосрочные макроэкономические вопросы, я бы сказал, что в текущих условиях это наилучший из известных мне способов борьбы с чрезмерным притоком капитала в страну.

Я был излишне оптимистичен. И если бы я был председателем Центрального банка, а он мой хороший друг, я бы впервые хорошо выспался, если бы узнал, что такое давление будет продолжаться. Я немного ошибся в прогнозах. Это случилось, но гораздо раньше. Через три или четыре недели — я точно не помню, сколько времени прошло — последствия были в той или иной мере устранены.

Конечно, с политической точки зрения Путин стал еще популярнее в результате всего этого. Вам, вероятно, не трудно будет предположить, что олигархи не очень популярны в России. Самые богатые, как правило, особо не пользуются всеобщей любовью в любой стране. И когда ты оказываешь давление на олигарха и сажаешь его за решетку, то, несомненно, становишься более популярным. Следовательно, проблема первого раунда была решена легко и просто.

Таким образом, в политическом аспекте результатом было поражение продемократических фракций. Здесь есть тесная взаимосвязь; дело в том, что мы были вынуждены занять определенную позицию и по морально-этическим соображениям у нас не было шансов заявлять, что все замечательно и ничего не происходит. Поэтому мы были вынуждены занять очень твердую позицию, осознавая, что это абсолютный провал с точки зрения выборов: мы отлично понимали, что половина нашего электората как минимум ненавидит таких людей, как Ходорковский, и в основном симпатизирует Путину; и эти люди ни в коем случае не хотели бы оказаться в оппозиции. Таким образом, у нас оставался наш основной электорат, который был абсолютно проельцинским, продемократическим и так далее. Но этого было недостаточно для победы. Наша победа на предыдущих выборах была основана на способности привлечь основной ельцинский электорат, а также новую часть электората, который ориентирован на бизнес, прагматичен, не слишком идеологизирован и не особо озабочен правами человека.

Теперь мы неизбежно раскалывали этот электорат, а результаты были так или иначе предсказуемы. С точки зрения ближайшей перспективы — без последствий. Эта проблема не ближайшего времени. Это проблема долгосрочная, и здесь ситуация запутанная и менее предсказуемая.

Задача реформы и тех программ, которые мы пытались реализовать с 2000 г., заключалась в том, чтобы сделать Россию скучной предсказуемой страной. Конечно, нам необходимо усовершенствовать налоговую систему; укрепить защиту имущественных прав; модернизировать таможенный режим и так далее, и тому подобное. Но в первую очередь необходимо вернуть в Россию российский и иностранный капитал, и не в виде краткосрочных инвестиций, которые могут исчезнуть на следующий день, а в виде долгосрочных инвестиций как внутренних, так и внешних.

Для всего этого в первую очередь необходима предсказуемость, разумная система, но в первую очередь предсказуемая. Китай никак нельзя назвать чемпионом по демократии. Однако эта страна привлекает огромные инвестиции, прямые иностранные инвестиции. Почему? Потому что она предсказуема. Инвестиционное сообщество рассматривает ее как предсказуемую страну. То есть

вы знакомы с правилами; вы знаете, что они не будут меняться и тому подобное.

Многие из присутствующих здесь являются представителями инвестиционного сообщества. Поэтому нет ничего удивительного, если я назову вас прагматиками. Вас наняли для зарабатывания денег, а не для борьбы за демократию. Поэтому демократия — это наша проблема; предсказуемость — это наша проблема и ваша проблема.

Я всегда пытался добиться того, чтобы наши решения были предсказуемыми. Нам пришлось заплатить за это большую цену. Приведу лишь несколько примеров: нам не удалось сразу упразднить оборотные налоги. Мы сократили их с 3,5 до 1% с 2001 г. И впоследствии мы законодательно установили, что последний оборотный налог будет упразднен, если мне память не изменяет, с 1 января 2003 г.

Приведу пример того, как успех создает проблемы. Вместе с другими изменениями в налоговой системе снижение ставки довольно серьезно снизило стимул к уходу от налогообложения, и налоговые доходы стали расти настолько быстро, что создалась возможность упразднить однопроцентный налог на пользователей автомобильных дорог. Когда нас спрашивали, зачем мы это сделали, кому мешал этот однопроцентный налог, ведь он приносит нам огромные доходы, он дает нам возможность финансировать строительство дорог, мы сказали обществу, инвестиционному сообществу, что мы уже законодательно установили, что этот налог прекращает свое существование с 1 января 2003 г. и все получаемые нами доходы не стоят намека на то, что Россия снова непредсказуема; такое в законе не пропишешь.

В этом году у нас были аналогичные дебаты по налогу с продаж, который уже давно был прописан в законе и который будет упразднен с 1 января 2004 г., а весной у нас была серьезная борьба по этому поводу. И мой довод в том, что это были наши решения. Мы прописали это в законе. Те два миллиарда долларов, которые нам приносит этот налог, не стоят того, чтобы Россия вновь стала непредсказуемой страной. Иначе Россия снова становится совершенно непредсказуемой.

В 2003 г. у нас наблюдались явные признаки появления первых результатов этой политики, начала перехода от восстановитель-

ного роста, который длился с 1999 по 2002 г., к инвестиционному росту, который напоминает то, что началось в 2002 г.— стремительный рост инвестиций; стремительный рост в машиностроительной отрасли; стремительный рост импорта в машиностроении. Все это, как правило, происходит при инвестиционном росте.

Крупная сделка между ВР и ТНК, крупнейшие прямые инвестиции в Россию за всю историю ее переходного периода; серьезные переговоры между «ЮКОСом» и Еххон. Примерно за три или четыре недели до ареста Ходорковского у меня в кабинете был один из топ-менеджеров Еххон, и он был абсолютно уверен, что эта сделка состоится. Он сказал мне, что из всех проблем осталась только цена и что эти проблемы будут решаться в прямых переговорах между Ходорковским и президентом Еххон, и что они абсолютно уверены, что Кремль им дал зеленый свет во время визита Путина в Нью-Йорк. Поэтому они были полны оптимизма.

В то же время у меня была возможность встретиться с некоторыми президентами очень крупных международных компаний, и, как правило, они связаны с добывающей промышленностью, но не только с нефтедобычей. Мне было понятно их настроение: они не обсуждали вопрос, инвестировать или не инвестировать в Россию. В таких условиях для них было очевидно, что они не могут позволить себе не инвестировать и при этом называть себя транснациональными компаниями. Поэтому их интересовали частные вопросы. Кто является потенциальным партнером? Какие следует определить приоритеты? О чем нужно беспокоиться? Какие должны быть сроки? И тому подобное.

Затем последовал арест Ходорковского и неизбежный срыв сделки Еххон с «ЮКОСом», после чего сорвалась сделка «ЮКОСа» с «Сибнефтью». Конечно, мне хорошо известно — некоторые из вас знают об этом еще лучше, — но мне хорошо известно, как крупные стратегические инвесторы принимают решения. Портфельные инвесторы очень оперативно принимают решения. Они приходят и уходят, приходят и уходят. И им приходится принимать решения очень оперативно, и существует целая культура принятия оперативных решений.

Когда речь идет о крупных стратегических инвесторах, готовых вложить миллиарды долларов на десятилетия, они никогда не торопятся. Им надо понять причины. Им нужно хотя бы немно-

го узнать страну, как с ней работать, оценить возможные выгоды и риски, а затем приступить к долгосрочному процессу межкорпоративных дискуссий и тому подобное.

Поэтому очень сложно сдвинуть их с места. При этом их также сложно остановить, как любой большой корабль. Поэтому, когда они приняли какое-то решение, то кто после этого сможет сказать, что все было бесполезно, что все эти старания были напрасны, и так далее. Так что не думаю, что история с Ходорковским непосредственно повлияет на изменения во многих проектах, но она поставит большой знак вопроса, и в частности очень большой знак вопроса в тех случаях, когда решение еще не принято. Таково мое впечатление, основанное на тех сигналах, которые я получаю от инвестиционного сообщества за последние два месяца.

Власть, когда она принимает решения, никогда не учитывает последствия. «Все логично, что тут такого? Я сажаю в тюрьму тех, кто возможно, нарушил закон во время приватизации. Я исполняю закон».

Для чего вся эта суета? Откуда вся эта реакция? И обычно я говорю, что здесь можно придерживаться двух версий: первая версия заключается в том, что это не более чем обеспечение соблюдения закона. Поэтому не стоит волноваться? Можно придерживаться этой версии. Также можно придерживаться другой версии, согласно которой это всего лишь единичный случай, других не будет, и незачем волноваться. Это вторая версия. Проблема в том, что Кремль пытается отстаивать сразу обе эти версии, а это очень сложно.

Таким образом, сегодня власть занимается тем, что пытается представить все это в частных беседах как единичный случай. «Не следует думать, что это начало процесса. Не будет никакого процесса. Все остальные компании будут нормально работать. Мы не будем пересматривать результаты приватизации». И я полагаю, что они действительно очень хотели бы в этом всех убедить.

Проблема здесь связана с тем, что Россия — это большая страна с мощным бюрократическим аппаратом, в том числе далеко за пределами Москвы. И эта бюрократия не реагирует на то, что власть говорит. Эта бюрократия реагирует на то, что власть делает. И если это случилось по политическим мотивам — в России

всем это хорошо понятно, — раз это могло случиться из-за политических разногласий с самым богатым человеком в стране, то почему, например, губернатор какого-нибудь региона, у которого есть политические разногласия с каким-нибудь бизнесменом, который, например, не оказывает активную поддержку его избирательному фонду, почему этот губернатор не может пригласить этого бизнесмена и спросить, знает ли он, что Ходорковского посадили, и не хочет ли он оказать материальную поддержку? При этом шансы, что бизнесмен захочет оказать такую поддержку, существенно возрастут в той ситуации, которая сложилась за последние полгода.

И, конечно, это создает абсолютную непредсказуемость в сфере имущественных прав, от чего мы пытались избавиться все эти годы. Таким образом, с этой точки зрения, конечно, никто не может сказать, к каким разрушительным последствиям это может привести. Никто сегодня не может сказать, сможет ли наметившийся в прошлом году инвестиционный рост пережить такие перемены. Никто не знает, насколько эффективно власть будет с этим справляться и пытаться посылать четкие сигналы, что это не повторится. Время покажет.

Когда несколько лет назад я был в Австралии, я был удивлен, насколько представители элиты в этой стране расстроены тем фактом, что никто в мире не обеспокоен тем, что происходит в Австралии.

И у меня была мечта, чтобы хотя бы на какое-то время Россия стала страной, которая ни у кого не вызывает беспокойство. В течение почти двух десятилетий прошлого века мы были в центре внимания, и думаю, что мы могли бы себе позволить в течение двух десятилетий оставаться незаметными для остального мира. И, скажу вам честно, все, что я сделал за последние годы, было направлено на то, чтобы Россия стала скучной страной. И в начале 2003 г., судя по тем дискуссиям, которые у меня были, например, с представителями международной прессы, которые пишут о России, у меня складывалось такое впечатление, что Россия становится скучной страной.

Они жаловались на то, что никого не интересует то, что происходит в России. Сегодня одна проблема решена — Россия вновь является очень и очень привлекательной в этом смысле страной.

Вопрос: *Как, на Ваш взгляд, будет проходить процесс отчуждения имущества «ЮКОСа» в ходе этого судебного процесса? Какая установка будет определяющей в этом отчуждении?*

Егор Гайдар: Ваш вопрос является продолжением того, о чем я уже говорил; мой ответ — не знаю. И, если я правильно понимаю, никто не знает.

Вопрос: *После прочтения биографии Бориса Ельцина, которую написал Леон Арон, у меня сложилось впечатление, что в глубине души Ельцин был сторонником свободного общества и либеральной экономики. А что хочет Путин?*

Егор Гайдар: Я думаю, конечно, лучше задать этот вопрос Путину, однако у меня есть четкое мнение по этому поводу. Он не против либеральной экономики, при этом он весьма скептически относится к демократии в России на данном этапе. Это не значит, что он против демократии как таковой или принципиально против демократии в России, но, как мне кажется, он не считает, что России нужна действенная демократия. Конечно, демократический антураж — это да, но действенная демократия, когда общество непосредственно участвует в процессе принятия решений — это нет.

Вопрос: *Егор, Вы говорили о предсказуемости и о том, что на данный момент она отсутствует, но есть некоторые вещи, которые вполне предсказуемы: первое — усиление роли государства и управления в экономике. Принятие определенных решений будет прерогативой государства, а не частного сектора. Не могли бы пояснить условия отсутствия борьбы по поводу частной собственности; не думаю, что это основная проблема. Главный вопрос в том, кто на самом деле решает, во что инвестировать и какая Россия, какая экономическая система будет в обществе, где есть частная собственность. И не могли бы Вы рассказать немного о том, как будут приниматься эти решения и будут ли они приниматься не только на основе экономических соображений?*

Егор Гайдар: Кое-что можно так или иначе предсказать; например, будет ли построен частный трубопровод в Мурманск за негосударственные деньги. Еще год назад, когда мы говорили на эту тему с Ходорковским, я думал, что это было возможно. Сегодня я, пожалуй, отвечаю, что нет.

Еще один момент. Что касается того, увидим ли мы серьезные перемены в Газпроме, получают ли независимые газодобывающие

компании по-настоящему свободный доступ к трубопроводам, то год назад я бы сказал, что это будет сделано на поэтапной основе. Мой ответ сегодня — я в это не очень верю.

Так что, конечно, что-то уже началось. Не думаю, что у Путина есть проблемы в этом направлении. В целом он проводит либеральную экономическую политику. При этом, однако, некоторые вопросы решаются не так, как бы ему хотелось. Одна из ключевых задач заключается в том, чтобы поддерживать функционирование механизмов гражданского общества даже в новых политических условиях, поскольку это чрезвычайно важно для будущего развития демократии в России.

И мне нужно еще две минуты, чтобы привести один пример. В прошлом году я три раза беседовал с одним очень известным инвестором, который потратил много средств на благотворительность в России, и я говорил ему, что сегодня, когда многие богатые люди в России стали участвовать в благотворительных проектах, у него есть моральное право больше этим не заниматься. И я сказал ему, что, как мне кажется, он сделал очень много на поприще благотворительности в России, способствовал развитию множества очень важных направлений, способствовал созданию многих инструментов в гражданском обществе; конечно, он может больше этим не заниматься.

И еще Ходорковский, который в своей «Открытой России» практически все скопировал с модели Сороса, дал всем понять, что он этим занимается.

Таким образом, в настоящее время тем, кто хотел бы поддерживать инициативы независимого гражданского общества в России, недвусмысленно дали понять — и они это очень хорошо поняли, прекрасно поняли, — что им не следует участвовать в финансировании каких-либо гражданских инициатив, которые не пользуются непосредственной поддержкой из Кремля. И до них это дошло. Они это поняли.

Вопрос: *Не считаете ли Вы, что арест Ходорковского и вся сегодняшняя коррупция в российской экономике — это последствия очень плохо организованной приватизации в 90-х гг.? Какова Ваша точка зрения?*

Егор Гайдар: Итак, приватизация 90-х гг. была проведена очень плохо. Однако проблема в том, что я не знаю ни одной постсоци-

алистической страны, граждане которой были бы довольны тем, как у них была проведена приватизация. Я лично выступал против идеи ваучерной приватизации. Я много об этом писал в 1990 и 1991 гг., и Чубайс был моим оппонентом. Но когда мы были в правительстве, общее законодательство было уже принято. Перед нами стоял выбор — либо остановить приватизацию и получить бардак, когда управляющие бесконтрольно выводят активы, создают компании для своих жен, переводят активы на законных основаниях, либо провести абсолютно неэффективную приватизацию, а потом наблюдать за ее последствиями или приостановить. Я лично всегда отстаивал вариант приватизации, который в той или иной степени был реализован в Венгрии. И в моем представлении это было более или менее лучшее решение этой неразрешимой проблемы.

Я имел возможность обсудить этот вопрос с моим старым другом, бывшим премьером и впоследствии бывшим председателем Центрального банка Венгрии, Петером Бодом. И он сказал мне, что нет ничего хуже, чем то, как была проведена приватизация в Венгрии.

Проблема заключается в том, что эта задача в какой-то мере неразрешима. Законность имущества обеспечивается традицией. Другого пути нет. Но откуда такая традиция может появиться после 40 или 75 лет социалистического режима?

Однако, откровенно говоря, думаю, что приватизация все же работает. Это очень сложный вопрос, и вы, вероятно, это понимаете; для меня это важно, поэтому отниму еще одну минуту вашего времени. Давайте посмотрим на две возможно самые важные отрасли российской экономики: нефтяную и газовую. В нефтяной мы решили провести приватизацию. В газовой, там формально, конечно, была проведена приватизация, но фактически она осталась государственной. Поэтому давайте посмотрим на нефтяную и газовую отрасли с позиции 1996 г.

Нефтяная отрасль: полный бардак; борьба за «кто и что должен контролировать»; спад производства; бегство капитала; вывод активов; недостаток инвестиций. Газовая отрасль: ну, тут, конечно, не все идеально, но институт советского типа продолжает функционировать; добыча газа более-менее соответствует прошлым уровням; есть какие-то инвестиции; конечно, неэффективное управление, но без особого бардака.

Давайте посмотрим на эти отрасли с позиции сегодняшнего дня и с учетом всех проблем, связанных с Ходорковским: хорошо управляемые нефтяные компании; надлежащее финансовое управление; самые главные проблемы в том, чтобы избежать конфликтов с Саудовской Аравией и ОПЕК по поводу наших слишком быстрых темпов роста нефтедобычи, доли на нефтяном рынке; очень высокий уровень инвестиций; явное желание инвестировать в эту отрасль.

Газпром — абсолютно непрозрачная компания; сомнительное манипулирование имуществом и финансовыми потоками; очень серьезные проблемы с финансовым положением; очень крупный долг. Поэтому вы видите, что приватизация работает, но необходимо гораздо больше времени, чем, например, мы предполагали.

Вопрос: *Путин говорил, что хочет удвоить ВВП в течение ближайшего десятилетия, и хотелось бы понять, на чем это в первую очередь будет основано — на природных ресурсах, использовании природных ресурсов или на производственной сфере?*

Егор Гайдар: Ну, конечно же, в России хотели бы увеличить долю отраслей, которые не связаны с нефтью, газом и природными ресурсами. И это одна из приоритетных задач правительства, и правительство будет пытаться двигаться в этом направлении. Время покажет, насколько это возможно или невозможно.

Вопрос: *Наблюдается небольшой рост инфляции, по крайней мере в городах, насколько мне известно, в Москве и Санкт-Петербурге, и хотелось бы знать, считаете ли Вы, что эта проблема имеет, скорее, сезонный характер, т.е. это проблема зимы или, возможно, правительство совершило здесь какие-то ошибки в экономической сфере.*

Егор Гайдар: Рост уровня месячной инфляции в январе — это естественно для России в течение всего переходного периода. Прежде всего это связано с корректировками уровней различных тарифов, которые, как правило, происходят в январе, и отчасти это связано с вливанием бюджетных средств в декабре, во время финализации большей части бюджетных расходов. Кроме того, в декабре, как правило, производятся выплаты значительных сумм в виде дополнительных бонусов. Поэтому само по себе это не опасно.

На самом деле есть еще одна неприятная проблема. Эта проблема связана с огромным спросом на приток капитала. На прошлой

неделе Центральный банк увеличил валютные резервы приблизительно на 5%, на 3,6 млрд долларов, за неделю. И в российских условиях правительство и Центральный банк пытаются делать все возможное, чтобы стерилизовать избыточную ликвидность. Не могу сказать, что они не пытаются, но это не самая простая ситуация.

И это значит, что, как правило, ежегодно в течение последних трех лет им удавалось снижать темпы инфляции приблизительно на 2%. В прошлом году они составили около 13%. Таким образом, если мы сможем удержаться на этом же уровне или на уровне 11%, я был бы в высшей степени удовлетворен таким развитием событий. Проблема состоит в том, что в текущих условиях не все находится в руках государственного сектора.

Вопрос: *У меня вопрос по поводу благотворительной деятельности богатых людей, и Вы упомянули об их креативной роли в процессах становления гражданского общества. Конечно, если посмотреть с другой стороны, то это связано с созданием системы социальной защиты — то, чем раньше занимались партийно-государственные структуры. Теперь, с учетом вашего ответа на предыдущий вопрос, я бы хотел спросить: не считаете ли Вы сегодня, что мы будем свидетелями спада в системе социальной защиты в связи со спадом благотворительной деятельности богатых людей, или еще: можем ли мы сказать, что она в большей степени интегрирована в направлении, которое выгодно государству?*

Егор Гайдар: Второй вариант; более того, на них будут оказывать давление, чтобы они приняли участие в этих проектах, но только в тех из них, которые непосредственно поддерживает государство.

[Итоги и перспективы развития России]

*Пресс-конференция в редакции газеты
«Аргументы и факты»*

7 апреля 2004 г.

Опубликовано на сайте Фонда Егора Гайдара.

Ведущий: *Сегодня в гостях у «АиФ» директор института экономики переходного периода доктор экономических наук Е. Т. Гайдар. Говорить будем об итогах и перспективах социально-экономического развития России. Егор Тимурович, Вы готовите ежегодные отчеты, и сейчас в краткой форме нам всем об этом расскажите.*

Егор Гайдар: Хорошо. Дорогие друзья, естественно, я не буду пересказывать вам содержание очередного ежегодника, который лет десять уже выпускается институтом.

Несколько вступительных слов. Главная интрига 2003 г.— это то, чего в 2003 г. не произошло. Если вы помните, на протяжении нескольких лет было сказано колоссальное количество слов и написано колоссальное количество статей о неминуемом кризисе 2003 г. Всем, кто хоть что-нибудь понимает в прогнозировании и экономике, было понятно, что большая часть того, что говорится и пишется, мягко говоря, не соответствует действительности. Это тот случай, когда о несбывшихся прогнозах быстро забывают, а помнят только о сбывшихся. Ключевой вопрос политики последних лет — это был вопрос о том, удастся ли перейти от восстановительного роста, т.е. от того роста, который основан на вовлечении в действие ранее созданных мощностей к росту, основанному на инвестициях. Если вы помните дискуссии второй половины 2002 г., они все были посвящены проблемам того, почему затухают темпы роста. Они затухали потому, что восстановительный рост, он по своей природе затухает. В 2003 г., похоже, произошел переход. Возможно говорить еще крайне осторожно не

только о самом ускорении темпов роста, но и о сочетании таких параметров, как резкий рост инвестиций, резкий рост производства машиностроительной продукции, резкий рост машиностроительного импорта, резкий рост машиностроительного экспорта. Все эти параметры, которые обычно ассоциируются с переходом к инвестиционному росту, — они явно прослеживаются в 2003 г. и по статистике в первые месяцы 2004 г. Похоже, что этот перелом произошел. Насколько он будет устойчивым? Этого сказать невозможно, но это вот важнейшее из того, что произошло. Интересная характерная черта 2003 г. — это отсутствие влияния избирательного цикла на бюджетную и денежную политику. У нас не было характерного для предвыборных лет ослабления денежной политики в 2003 г. В чем избирательный цикл проявился, так это в явном замедлении структурных реформ в преддверии выборов, но это, в общем, вполне ожидаемая вещь. В довольно сложных условиях, потому что высокие цены на нефть создают достаточно сложностей для проведения денежной политики в России, также как и крайне низкие.

Ключевой вопрос сейчас, разумеется, — это перспективы второго цикла структурных экономических реформ, связанных со вторым становлением президента. И здесь надо учесть специфику второго срока президентства Владимира Владимировича Путина. У него сейчас свобода политического маневра беспрецедентная и неизмеримо большая, чем та, которая была в начале первого срока президентства по факторам, которые мне вряд ли имеет смысл в данной аудитории объяснять. Вместе с тем, если это последний срок его президентства, а, на мой взгляд, он совершенно искренен, когда говорит, что он не хочет менять конституцию, надо понять, что это сравнительно короткий срок, потому что вторая половина президентства неизбежно будет связана с решением политических проблем, в том числе с проблемой преемственности и власти. И это он тоже вполне откровенно сформулировал. Это значит, что сейчас можно сделать очень многое, но за очень короткое время.

В 2000 г. ключевую роль в успехе важнейших реформ играло время. То, что их удалось сконцентрировать впервые даже не в 100, а, если быть точным, в 75 первых дней президентства. Ключевые документы были внесены в Думу через день после назначе-

ния Михаила Михайловича Касьянова, максимум через два. В условиях второго президентства значение первых 100 дней огромно. Когда меняли правительство до президентских выборов, в общем, так и было объяснено, что это было сделано для того, чтобы максимально эффективно использовать самые первые месяцы нового срока президентства. В какой степени это удастся сделать — посмотрим. Пока первые из тех реформ, которые будут, видимо, проведены — это продолжение реформ в налоговой области. Это самое простое, потому что это наработано. В общем, это в некотором смысле инерция того, что делалось раньше. Здесь было довольно длинное обсуждение, подробности которого я при необходимости могу рассказать, но только как ответ на вопрос. В целом же выработано, на мой взгляд, довольно сбалансированное и полезное решение. Те приоритеты, которые в рабочем порядке готовились и готовятся сейчас, мне представляются разумными. Если в первый срок президентства основной упор был сделан на налоговую реформу, то сейчас мы подошли к тому, что не было сделано почти совершенно: к реформе системы бюджетных расходов. Мы научились хуже-лучше собирать налоги. Мы совершенно содержательно не знаем — мы знаем по бумагам, по бюджетной классификации, по данным казначейства — мы содержательно не знаем, на что тратим бюджетные деньги. Изменение самой организации бюджетных учреждений, изменение системы финансирования образования, здравоохранения, ликвидации не финансируемых мандатов — это, в общем, наряду с ипотекой, военной реформой, видимо, будет стержнем реформ следующего цикла экономических реформ. Здесь есть фундаментальная проблема: есть реформы простые, где ничего кроме политической воли не нужно. А есть законы технически очень сложные и реформы технически очень сложные. Разумно организовать реформу финансирования медицины — это технически очень сложный вопрос, который задевает систему медстраха, региональные финансы, федеральные финансы. У меня такое ощущение, что сейчас с простыми реформами все будет хорошо, а вот сложные реформы, особенно на фоне смены правительства, начинают пробуксовывать, мы начинаем терять время.

Дорогие друзья, я закончил свое вступительное слово и отвечаю на ваши вопросы.

Вопрос: *Если не ошибаюсь, сегодня годовщина начала реформы электроэнергетики. Вот, хотелось бы выяснить, как Вы относитесь к этой реформе, что нам удалось сделать и чего нам не хватает.*

Егор Гайдар: На мой взгляд, в общем, пока продвижение идет нормально. Много уважаемых мною квалифицированных людей подробно объясняли два года тому назад, почему реализовать план реформы электроэнергетики невозможно по правовым, организационным, политическим причинам и т.д., но так как Анатолий Борисович Чубайс неоднократно проводил некие мероприятия, которые все считали невозможными. Мне кажется, что пока все идет вполне прилично, и пока многие из, казалось бы, непреодолимых преград преодолены. Но здесь весь вопрос в сроках, конечно. Либо у нас к 2006 г. заработает рынок электроэнергетики, либо, боюсь, что все это будет опять на 2009 г. И вот, в связи с отсрочкой подписания сейчас ряда важнейших документов, что связано с реформированием правительства.

Вопрос: *Примерно год назад Вы говорили о реформе в социальной среде, говорили о необходимости изменения миграционной политики, говорили о необходимости изменений в пенсионной системе и реформе медицинского страхования. Не могли бы Вы сравнить то, что Вами предлагалось год назад, и то, что сделано и предлагается сейчас. Ну, в частности, в пенсионной системе правительство планирует отсечь от накопительной системы людей, родившихся с 1953 по 1957 год. Как к этому замечательному конкретному предложению Вы относитесь?*

Егор Гайдар: Я отношусь к этому предложению достаточно осторожно. Мне не очень нравятся эти изменения. То есть, скажем так, было много разумных наработок, в том числе в системе финансирования медицины, которые шли примерно в том направлении, которое мы и предлагали в прошлом году. Я очень рад, что после некоторых наших выступлений, наша позиция была поддержана президентом, который сказал о необходимости существенного изменения миграционного законодательства. Правда, там нужно не только изменение миграционного законодательства, там нужна большая, серьезная, позитивная организационная работа, которой я пока, надо сказать, не вижу. К предложенным изменениям по пенсионной системе я отношусь достаточно скептически. Там есть некоторые элементы того, что мы предлагали: это вклю-

чение дополнительных добровольных составляющих. Это полезно. Но, вообще, мне кажется, есть конструкции, которые лучше не трясать. Вот мы сформировали некие контуры пенсионной системы. Это ведь то, что должно действовать десятилетиями. Вы можете предоставить гражданам дополнительные права. Но отнимать у них те права, которые Вы им дали? Мне кажется, это вещь стратегически неправильная.

Вопрос: *А по медицинскому страхованию, все-таки?*

Егор Гайдар: По медицинскому страхованию там были разумные наработки и есть разумные наработки. Шел процесс очень сложного деликатного согласования всего этого с регионами. Были подготовлены небесмысленные документы, хотя гораздо менее радикальные, чем то, что мы предлагали. Сейчас все это уперлось в согласование. Когда есть у вас несколько различных позиций экспертов, ведомств и т.д., всегда должен быть кто-то, кто принимает окончательное решение и говорит: «Так, я всех вас выслушал, а теперь давайте договоримся, что будет так, так и так. Все, вперед!». Так делаются реформы, никак иначе они не проводятся. Вот пока такого разговора не получилось.

Вопрос: *Я правильно понимаю, что все-таки есть пробуксовка по всем этим направлениям?*

Егор Гайдар: Да, совершенно правильно. Причем пробуксовка на уровне согласований. Не то чтобы неправильные вещи предлагаются, правильные вещи предлагаются. Никто не принимает окончательного решения.

Вопрос: *Пользуясь случаем, не ответите ли Ходорковскому по статье, где прозвучали обвинения в адрес либеральных реформ 90-х гг., и, в частности, Вас. И второй вопрос: чем Вы можете объяснить, что начиная с 2001 г. в обществе в разных слоях пошла острая критика либеральных реформ.*

Егор Гайдар: До вчерашнего дня я не мог комментировать то, что написано в статье Михаила Борисовича Ходорковского, потому что в соответствии с нашей традицией комментировать то, что пишет человек, находящийся за решеткой, не очень хорошо. Я знаю, что написали и подписали миллионы людей в нашей стране, находясь за решеткой. И теперь, когда Михаил Борисович сказал, что это не его статья, для меня это теперь статья группы товарищей мне неизвестных, которые ее написали. Теперь я могу

с ней спорить. Должен сказать, что теперь по этому поводу я собираюсь написать большую статью. Если говорить коротко, я могу изложить Вам свое мнение по всем элементам этой статьи. Если говорить о существе дела, о той картине мира, которая возникает в этой статье, ключевой ее элемент — это такое жесткое противопоставление плохих 90-х гг. и хороших 2000-х. Ну, или там плохого Ельцина и хорошего Путина. Ельцин со своими реформаторами проводил эти антинародные реформы, а вот теперь, когда сменилась власть, жизнь стала быстро налаживаться. Это интересная картина мира, только она никак не связана с реальными событиями, с реальным единым историческим процессом. Это очень здорово, когда у нас шесть лет растет рыночная экономика, основанная на частной собственности с конвертируемой валютой. Только для того, чтобы она у нас начала расти, сначала рыночная экономика в России должна была появиться, должна была появиться частная собственность и конвертируемая валюта. Но никаким чудом из осени 1991 г. с обанкротившимся СССР, нулевыми валютными резервами и быстро падающей экономикой, когда за один год добыча нефти падает у вас на 54 млн тонн, вы не перепрыгните в 1999-й, где у вас начинается экономический рост, начинают расти резервы. Для этого, к сожалению, надо было провести тяжелые болезненные реформы. Вот, на мой взгляд, отказ понимать это — главная проблема того видения мира, которое представлено в статье группы товарищей.

А отсюда уже следуют все частности: и отношение к реформам, и т.д. Конечно, там есть безумное количество наивности. Проблему вкладов мне будут поминать по гроб жизни, это я понимаю. Я понимаю, насколько она серьезна для многих и многих людей. Пенсионеры абсолютно не обязаны разбираться в деталях денежной и бюджетной политики. Но «группа товарищей» могла бы прочитать хотя бы 20–30 книжек по этому поводу? Разобраться в том, что такое денежный навес? Это избыток денежной массы в условиях социализма, который порождает дефицит. Купить ничего нельзя. Узнать, что этот денежный навес на самом деле важнейшая проблема переходного периода? Что ни в одной социалистической стране бывшего СССР справиться с ним, сохранив сбережения, не удалось? Что возможности сохранения сбережений зависели от объема валютного резерва, от спроса на деньги,

который зависел от отношения населения к рублю, который тогда назывался деревянным? А резервы валютного фонда были равны нулю. И рассказать, что в условиях, когда страна только что обанкротилась по стомиллиардному внешнему долгу, можно решить эту проблему, выпустив государственные ценные бумаги на несколько сот миллиардов долларов — это просто даже не анекдот. Короче говоря, там, конечно, масса нелепиц, масса неточностей, но, главное, там есть попытка противопоставить 1990-е и 2000-е. И вот это, мне кажется, фундаментальная ошибка этой статьи.

Вопрос: *Вы вскользь упомянули, как пишутся письма в застенках. Вы не исключаете, что через какие-то десятки лет всплывут страшные подробности о том, как содержали...*

Егор Гайдар: Для того чтобы человек начал говорить в застенках не совсем то, что он думает, совсем не обязательно его пытаться.

Вопрос: *Если бы Вы оказались на месте Фрадкова, насколько Вы сменили бы курс правительства и его приоритеты?*

Егор Гайдар: Собственно приоритеты правительства Фрадкова пока еще четко и определенно не заявлены, поэтому сказать, как бы я их изменил, невозможно. Были подготовлены, на мой взгляд, очень неплохие документы, которые сегодня обсуждаются. Это документы, связанные с реформой системы бюджетной сети. Они сейчас обсуждаются и они правильные. Правда, на мой взгляд, в избыточно компромиссном виде. Это документ, связанный с реформой финансирования медицины. Есть разумные предложения по реформе системы финансирования образования. Они тоже существуют, на мой взгляд, в избыточно компромиссном виде. Короче, на мой взгляд, общее направление, в целом, скорее, правильное. Моя озабоченность, скорее, состоит в том, что из этого может быть сделано гораздо меньше, чем хотелось бы. Я скажу так: направление в целом обозначено разумно, но другой темп и другая радикальность.

Вопрос: *Возможен ли у нас, по Вашему мнению, реальный средний вариант с авторитарным государством и либеральной экономикой?*

Егор Гайдар: Вы знаете, мне приходилось обсуждать эту тему на протяжении многих-многих лет. Намного более десяти. Возможен ли в России такой вариант? Ну, в принципе, возможно многое, но крайне маловероятно. Дело в том, что многие вспоминают Пиночета, который был диктатором, но не коррумпированным дик-

татором, и проводил разумную экономическую политику. Но все забывают, что Пиночет был редким исключением. Подавляющее большинство диктаторов возглавляют крайне коррумпированные режимы, которые проводят достаточно безответственную политику. И почему мы предполагаем, что мы должны быть обязательно исключением, учитывая, что традиции коррупции глубоко укоренены в России, вообще для меня странно. Разумеется, демократия не дает гарантий от коррупции, но отсутствие демократии — это показывает весь опыт — дает возможность широкому распространению коррупции.

Вопрос: *Вы сказали, что в пенсионной системе не надо было трогать то, что было когда-то обещано. Значит ли это, что не следовало снижать ЕСН?*

Егор Гайдар: Была длинная дискуссия о том, насколько снижать ЕСН. И как это должно соотноситься с другими видами налогов, в том числе с увеличением НДС и экспортных пошлин. Было предложение об очень радикальном снижении ЕСН, принятое на довольно высоком уровне на совещании. Тогда обратили внимание, что вырисовываются контуры реформы, основанные на гипотезе о возможности использовать кривую Лаффера. А вот, по нашему глубокому убеждению, реформировать налоговую систему исходя из веры в кривую Лаффера — это прямой путь к авантюре. Тогда наша позиция была в следующем: давайте не верить в кривую Лаффера, давайте исходить из всех налоговых реформ. То есть на первом этапе никакого «выхода из тени» не будет. А дальше, если он будет, пусть это для нас будет приятным сюрпризом. Это мы говорили, честно говоря и тогда, когда предлагали снизить НДС до 18%. Можно снижать, но тогда давайте думать о том, как компенсировать выпадающие потери, какие расходы снижать и т.д. Если вы посмотрите статистику первых двух месяцев, конечно, по ней делать выводы рано, но никакого «выхода из тени» после снижения ставки НДС что-то я там не заметил. То, что было принято — это компромиссное решение. На мой взгляд, не лишнее некоторых рисков, но по крайней мере правительство пошло на них сознательно. Я бы, на самом деле, строил реформу исходя из того, что не надо менять элементы уже созданной системы. И тогда давайте посмотрим, до каких процентов мы сможем снизить ЕСН или какими другими доходами мы сможем

пополнить пенсионный фонд. Давайте делать все это с открытыми глазами. Сейчас это все намного лучше, чем то, что вырисовывалось месяц тому назад. Мне это кажется некоторым риском, но не авантюрой. Я бы уж точно накопительную систему для возраста 1953–1957 годов рождения не трогал.

Вопрос: *Мы сейчас говорили о том, что делается в реальности в российской экономике, а есть ли какие-то шаги, на Ваш взгляд, которые не делаются, но которые очень нужны? И прокомментируйте, пожалуйста, жилищную политику государства.*

Егор Гайдар: На самом деле все, что я сказал, не делается — это обсуждается. Пока обсуждается. Делаться будет тогда, когда будут приняты некоторые нормативные акты и начнется работа по их практической реализации. Пока же это рабочее обсуждение. Обсуждать ведь можно бесконечно.

Если говорить о том, что не делается. Важнейшая вещь, которая не делается, это, конечно, серьезная административная реформа. Сокращение числа замов, это, на мой взгляд, может быть, и правильный шаг. Я всегда хотел, чтобы у нас сократилось число замов, но это не надо смешивать с административной реформой. К тому же известно, что количество замов в России — это циклическая величина, т.е. при формировании каждого правительства количество замов сокращается, а к концу его работы оно резко увеличивается. В какой степени это случится, сейчас будет видно. Но всерьез административная реформа — это, конечно, другое. Это резкое ограничение функций, это сокращение числа чиновников, это прозрачные процедуры, это повышение зарплаты чиновникам, которые остаются и т.п. Тут я небольшой судья правительству, потому что административная реформа — это одна из самых сложных реформ. Она — одна из абсолютно ключевых реформ. Никогда не будет нормально работать государство, если у него плохо работает, да еще и коррумпирован, государственный аппарат. Но это реформа, по поводу которой любой интеллигентный человек, разумно поработавший в аппарате или правительстве, может легко написать семь страниц разумного текста, как ее надо проводить. А для того чтобы проводить, надо написать не семь страниц разумного текста, а 2000 нормативных документов. И сделать это без участия тех, кто работает в структурах, которые ты хочешь реформировать, очень трудно или невозможно. А они отнюдь не хо-

тят, чтобы их реформировали. И если говорить о реформе, которая вызывает у меня огромные опасения, это, конечно, административная реформа. В связи с тем, что это очень важно.

В целом мне кажется, что жилищная политика довольно разумна. Те решения, которые были приняты в прошлом году, очевидно, улучшили ситуацию. Я имею в виду переход к более адресному характеру льгот. Соответственно, это несколько снизило объем нефинансируемых обязательств. В целом-то ситуация там предельно простая. До тех пор пока будет сохраняться разрыв между тем, что государство обещало, и тем, что оно заплатило, а разрыв пока сохраняется, до тех пор в этой области будет, мягко говоря, беспорядок. Потому что навести порядок в области, в которой кто-то обещал, а потом задолжал, невозможно, нерешимая задача. Не платишь, а потом говоришь, как там надо работать... Здесь, на мой взгляд, нужны более последовательные шаги. Скажи, сколько ты хочешь дать денег в эту отрасль, на эти деньги дай льготы. Не можешь дать денег — отмени льготы. Не можешь отменить льготы — дай денег.

Вопрос: *А что касается законопроекта, который сейчас внесен в Госдуму и который в скором времени планируют обсуждать?*

Егор Гайдар: Вы имеете в виду в данном случае пакет законопроектов по социальным льготам?

Вопрос: *Там не только социальные, там и налоговые...*

Егор Гайдар: Налоговые я уже комментировал. А там действительно есть набор законов по социальным льготам. Это вещь правильная абсолютно. Вот мы в прошлые годы каждый год, обсуждая бюджет, приостанавливали набор законов, которые не обеспечены финансированием. Сначала было где-то 39 законов, потом 45, под конец работы Думы где-то 51 закон. Ведь в конце 1980-х — начале 1990-х гг. было принято огромное количество популистских, абсолютно ничем не обеспеченных, никаким финансированием, законов. В соответствии с бюджетным кодексом теперь каждый год в закон о бюджете вносятся соответствующие предложения, которыми эти законы отменяются. Но это создает беспорядок в законодательстве, потому что в одном законе прописано, что человек это право имеет. В другом законе, законе о бюджете, прописано, что человек этого права не имеет. А какой закон важнее? Это решает суд, если гражданин туда подает. И кто знает, как суд решит.

Он может принять решение под влиянием самых разных факторов. В этой связи зачем нужно иметь 51 закон, который все равно государство не финансирует, объяснить нельзя. И много раз мы ставили этот вопрос. И обсуждали, что давайте мы скажем: «эти два-три закона мы, действительно, имеем возможность профинансировать». Или эти законы, но в меньших масштабах. А дальше, когда у нас будут деньги в бюджете, тогда мы будем их вводить в действие. Не будем путать людей, не будем их обманывать. Это абсолютно правильный шаг, разумный, но тяжелый политически. Так что движение в этом направлении мне кажется крайне полезным.

Вопрос: Скажите, как Вы относитесь к введению того, что называют рентой?

Егор Гайдар: Надо вспомнить, что мы ввели в прошлый президентский срок довольно радикальную реформу налогообложения рентных доходов, а НДС — это рента по всем определениям, которая оказалась крайне эффективной. Мы получили от реформы дополнительно примерно 8 млрд долларов в год. И это был правильный шаг. Мы провели в прошлом году подробное исследование состояния нефтяной отрасли. Причем по всей цепочке, включая нефтепереработку, реализацию нефтепродукта, экспортную внутреннюю составляющую, перспективы и т.д. Пришли к выводу, что в целом без ущерба для развития отрасли, т.е. с тем, что она сохраняет нынешние масштабы и темпы прироста инвестиций, с тем, что мы выходим на 500 млн тонн добычи к 2010 г., можно дополнительно при цене в районе 22 долларов за баррель изымать из отрасли примерно от 90 до 120 млрд рублей. И эти предложения мы, собственно, сформулировали, проинформировали о них и Министерство финансов, и правительство, и Кремль. Это довольно серьезные деньги и вот такой шаг, абсолютно разумный, полезен для страны и для отрасли. Если вы помните, президент Путин говорил о 3 млрд долларов, которые можно было бы изъять из отрасли. Я думаю, что это разумная цена. На наш взгляд, даже 3–4 млрд долларов.

Те предложения, которые сейчас вносит правительство, чуть более осторожны. Нет, естественно, они всегда сценарны, потому что речь идет о том, при каких ценах мы обсуждаем эту тему, там же ступенчатая шкала. Но они так примерно вдвое более осторож-

ны, чем наши предложения. На мой взгляд, можно было бы, обсуждая проблемы ренты, сделать еще шаг вперед.

Вопрос: *Есть ли какая-то норма для доли налоговых доходов в бюджете по опыту других стран.*

Егор Гайдар: Вы спрашивали, какая часть из общих доходов государства должна быть налоговая, какая неналоговая? Ну, такой общей нормы не существует, но в целом то, что у нас сейчас есть, это похоже на то, что характерно для большинства стран. Всегда налоговые доходы доминируют в составе общих государственных доходов. Есть проблема доходов от государственной собственности, естественно, эта тема регулярно обсуждалась. И, наверное, есть возможности дальнейшего роста. Кстати, в последнее время они начали увеличиваться, не в доле, где-то 3% ВВП. Но надо учесть, что государственный сектор — это не самый эффективный сектор государственной экономики. Очень часто, причем во многих странах, государственный сектор — это не то, что приносит доходы, а то, что приносит убытки. И если у нас государственный сектор не будет приносить нам убытков, это само по себе будет уже очень неплохо. Развитых стран, в которых неналоговые доходы доминируют — не существует.

Вопрос: *Скажите, пожалуйста, с точки зрения доктора экономических наук теоретически вообще возможно в какой-либо стране за 3–4 года уменьшить число бедных граждан? И конкретно в условиях нашей страны.*

Егор Гайдар: Кого считать бедными — это вообще один из самых сложных и деликатных вопросов в мировой литературе по социальной проблематике. Есть много различных определений бедности, и есть такие определения, при которых вообще уменьшить число бедных невозможно. Это те определения, которые считают бедными тех, кто получает меньше N , где N — среднее. Если говорить о бедных в нашем определении, то, в принципе, решить эту задачу в некоторых сценариях, крайне благоприятных, можно, хотя у меня это, надо сказать, вызывает большие сомнения. Вот что здесь приятно, в отличие от задачи удвоения ВВП, ставить такие задачи в любом случае не вредно. Стремиться к тому, чтобы сократить число бедных, без всякого сомнения, можно, нужно, и вреда от этого никакого не будет. Ясно, что очевидные шаги, которые можно сделать в этом направлении и которые давным-

давно обсуждались, уж точно никому не навредят. Это переход от категориальных льгот к собственно адресной политике. Категориальные льготы — это когда мы их предоставляем, скажем, всем пенсионерам и всем ветеранам. В отличие от ситуации, когда мы поддерживаем тех пенсионеров, которые являются бедными. Эта тематика обсуждалась многократно. То, что для снижения бедности это самый прямой и самый эффективный путь — это абсолютно известно и очевидно. И то, что можно существенно снизить бедность за счет просто проведения такой реформы, в любом случае очевидно. Другое дело, что подобного рода реформы, они всегда тяжелы, ведь надо учесть, что бедные — это не самое сильное политическое лобби. Попробуйте отмените категориальные северные льготы, оставьте их только для бедных, а те деньги, которые будут сэкономлены, направьте на помощь бедным других регионов. Проведите это решение политически. И таких решений можно провести много для того, чтобы всерьез сократить уровень бедности.

Вопрос: *Как Вы видите перспективы развития отрасли высоких технологий (а здесь Россия отстает от других государств), и конкурентоспособность российских технологий? А также что Вы думаете по поводу слов Грефа: «Мы должны участвовать в мировой экономике мозгами, а не руками»?*

Егор Гайдар: Я считаю, что стратегически высокий уровень образования — это важнейшее структурное преимущество России. Наши основные конкурентные преимущества существенно отличаются от тех, которые характерны для Китая, скажем, и стран Восточной Азии. Они часто лежат ниже, т.е. в отраслях с высокой ресурсоемкостью или просто связанных с добычей полезных ископаемых. Частично лежат выше, в области все-таки очень прилично поставленного, в первую очередь технического, математического и физического образования. Традиции эти сохранились, и они не были утрачены за время переходного периода. Другое дело, что правительство Касьянова после долгих дискуссий сознательно отказалось от попытки выбора структурных приоритетов, в том смысле, что это структурные приоритеты, за которые дают деньги. Или дают налоговые льготы. Сосредоточившись на тех предпосылках, которые необходимы для развития всей экономики в целом, в том числе тех секторов, где у нас есть преимущества. И мне

кажется, что это подход правильный. Я не верю в выбор победителей, особенно когда речь идет о стадии постиндустриального развития. А когда мы говорим о высоких технологиях, мы говорим о постиндустриальных задачах. Если можно спорить о том, как у кого получалась промышленная политика и насколько она была эффективна в эпоху раннеиндустриальной и среднеиндустриальной стадии, то вот я примеров эффективной отраслевой политики на уровне постиндустриального развития, честно говоря, с трудом могу припомнить. И особенно не верю я в это в условиях нашей страны, потому что знаю, как принимаются решения. Знаю, что решения будут приниматься не исходя из соображений неполитических, а исходя из того, кто сумеет более громко доказать, что его институт, предприятие, регион должен быть пробивным в развитии высоких технологий. А тогда это совсем неэффективно. Я думаю, что здесь не надо суетиться, надо продолжать примерно то же, что и делалось в последние годы. Надо создавать предпосылки устойчивого экономического роста не только в сырьевых отраслях.

Вопрос: *Как Вы думаете, возможно ли складывание, скажем, на основе Комитета 2008 года¹ новой либеральной коалиции в качестве либеральной партии. И в этой связи есть ли на политическом небе России фигура, которая могла бы стать знаменем тех 17–20% российских граждан, которые однозначно поддерживают курс либеральных реформ.*

Егор Гайдар: Я не могу сказать о том, сложится ли это на базе Комитета 2008 года. Что в России необходимо серьезное переформирование той части политического спектра, которая связана с либеральными убеждениями — это совершенно очевидно. Этот процесс будет идти, идти он будет непросто. Не думаю, что это случится в ближайшие месяцы. Я напому, что в 1995 г. после поражения «Демвыбора России» тоже была масса рассуждений о крахе российского либерализма. Я думаю, что процесс пере структурирования и выдвижения новых фигур обязательно пойдет в ближайшие годы. И я думаю, что он будет успешным. Что касается фигуры, я не могу ее назвать. Она возникнет.

¹ «Комитет 2008: Свободный выбор» — группа либеральных российских политиков, образованная в 2004 г. под председательством Гарри Каспарова с целью добиться свободных и демократических президентских выборов 2008 г. Просуществовала примерно год и распалась. — *Прим. ред.*

Вопрос: *Дайте оценку внутренним и внешним источникам роста ВВП.*

Егор Гайдар: Последнее время доля внутренних источников увеличения ВВП очевидна, но это все зависит от методики счета. Что касается удвоения ВВП. Я высказывался на эту тему неоднократно. Я ничего не имею против удвоения ВВП. Я за удвоение ВВП. Я буду очень рад, если ВВП удвоится. Я даже понимаю, что президент должен ставить такие амбициозные задачи. Я против только одного-единственного и всегда уговариваю всех своих коллег, которые работают в правительстве, это помнить. Можно стремиться к удвоению ВВП, можно даже сказать, что застрелишься, если ВВП не удвоится. Чего нельзя делать, так это включать подобного рода гипотезы в бюджетный процесс. Когда у вас в результате выяснится, что выпадают доходы на 100 млрд рублей, вам надо будет опять после этого задерживать выплаты денежного довольствия военнослужащим, врачам, учителям, тогда будет ясно, в чем риски. Поэтому здесь всегда нужно сочетать очень серьезные задачи с консервативным бюджетным планированием.

Вопрос: *Опять растут задолженности по зарплате, и как это объяснить на фоне роста доходов?*

Егор Гайдар: Именно на фоне роста доходов и можно объяснить. Потому что была проведена большая индексация, и не везде она была подкреплена бюджетными ресурсами. Это то, о чем я говорил выше.

Вопрос: *Немножко не по теме, но хотелось бы узнать Ваше отношение к иску фирмы «Noga» к России.*

Егор Гайдар: Совершенно ужасная история. Это период такого вот полного беспорядка во время позднего СССР. Я не буду называть людей, но тогда последнее союзное правительство, как-то там оно называлось: временный комитет по управлению и т.д., подписало бумагу. Бумагу совершенно дичайшую. Подписать ее в нормальной ситуации совершенно невозможно. Бумагу, по которой у нас был какой-то бартерный контракт, где мы должны были поставлять какие-то бартерные ресурсы, включая нефть, а они нам за это должны были поставлять продовольствие. Это, по-моему, был октябрь 1991 г. В какой-то степени извиняющим для тех, кто подписал этот контракт, было, конечно, катастрофическое состояние с поставками продовольствия, со снабжением. Документ был

составлен безумно с юридической точки зрения. Это был единственный документ, где мы отказались от своего государственного суверенитета, чего не делали никогда и ни при каких обстоятельствах, ни потом, ни до этого. Документ был составлен так, что там учет был не налажен совершенно. Не понятно, какими документами должны были подкрепляться поставки. Дальше была полная путаница с тем, кто и что кому поставил, и здесь советское правительство нас как наследников подставило довольно сильно. С юридической точки зрения наша позиция небыстречна, а отдавать много денег непонятно за что не хочется. Деталей я не знаю.

Вопрос: *Вчера на конференции Александр Жуков¹ заявил, что сегодня в России созданы все условия для развития малого и среднего предпринимательства. Тем не менее административное давление остается огромным. Как Вы считаете, в чем проблема, почему малый бизнес не развивается так, как в других странах?*

Егор Гайдар: Вы, собственно, и назвали главную проблему. Понимаете, малый бизнес в первую очередь имеет дело с чиновником невысокого ранга. И когда это общение связано с тем, что чиновник приходит и говорит сколько надо дать ему денег, то у развития малого бизнеса возникают проблемы. На самом деле, ключ к подъему малого бизнеса — это административная реформа, о которой мы говорили. Это одна из самых сложных реформ. Там можно, конечно, пойти дальше. Был пакет по дерегулированию, который был разработан в Министерстве экономического развития, и, пока он проходил, в него была внесена куча компромиссных вещей. Если вернуться к первоначальным вариантам этого и убрать все эти компромиссы, это будет некий шаг в сторону улучшения базы для развития малого бизнеса. Но надо сказать, что это именно та сфера, где законодательство — необходимая предпосылка, но абсолютно не гарантия решения проблем.

Ведущий: *Спасибо, это был последний вопрос. Мы благодарим Егора Тимуровича, и мы будем с нетерпением ждать книгу по итогам 2004 г.*

¹ Жуков Александр Дмитриевич — депутат Государственной думы в 1994–2004 гг. В описываемое время — заместитель председателя Правительства Российской Федерации. — *Прим. ред.*

Экономическая ситуация в России на современном этапе

*Лекция на семинаре Клуба региональной журналистики
«Из первых уст»*

24 ноября 2004 г.

Опубликовано на сайте Клуба региональной журналистики.

Ведущая — Ирина Ясина.

Ведущая. *Я предоставляю слово Егору Тимуровичу Гайдару. Спасибо Вам огромное, что Вы к нам опять пришли. Мне очень приятно. О том, что происходит в нашей экономике, на что можно надеяться, мы, наверное, сейчас узнаем.*

Егор Гайдар: Уважаемые коллеги, я несколько дней тому назад поставил точку в довольно большой книге, над которой работал последние два года, посвященной стратегическим перспективам российской экономики. Тем проблемам, которые нам, по всей видимости, надо будет решать, так или иначе, на протяжении первой половины XXI в. Эта работа требует большой ретроспективы. Но я вас не буду мучить проблемами в этой связи: и большой ретроспективы, и экономики палеолита, неолитической революции — всем этим делом мы заниматься не будем. Я скажу вам о трех ключевых проблемах, которые сегодня всерьез обсуждаются в экономико-политической элите, в правительстве, в Министерстве финансов, в Министерстве экономики, Центральном банке, и вокруг которых, собственно, вертится сегодня все, что связано с выработкой практической, экономико-политической линии в России.

Эти три проблемы взаимосвязаны. Они, разумеется, не охватывают все поле того, что важно для экономического развития России, но они центральные. Первая из них — это проблема темпов

экономического роста. Поставлены задачи удвоения валового внутреннего продукта то ли за десять лет, то ли к десятому году — везде по-разному. В одном месте один из моих друзей вычеркнул десятый год, а в другом не успел. Насколько это реально, что для этого надо делать, какое влияние должно это оказывать на экономическую политику? Второе — это проблематика, связанная с макроэкономикой, собственно, с денежной и финансовой политикой. На бытовом уровне она сводится к тому, что делать со Стабилизационным фондом, что делать с валютными резервами, что делать с внешним долгом. И третье — это что делать со структурными реформами или, в переводе на русский язык, почему они остановились, есть ли у них шанс начаться снова, какие должны быть приоритеты.

Вопрос о темпах экономического роста и ускорения экономического роста имеет для всех, кто знаком с экономической историей, трагикомическую составляющую. Потому что тематика эта неоднократно возникала, и она носит, действительно, трагикомический характер. Я вернусь к вопросу о том, почему ситуация сегодня и ситуация в конце 1920-х гг. имеет очевидные параллели. Когда, в конце 1920-х гг., встал вопрос о темпах роста, то академик Струмилин, сказал: «Я предпочитаю стоять за высокие темпы роста, чем сидеть за низкие». В этой шутке была доля шутки. Потому что многие его оппоненты просто погибли а, например, его ведущий оппонент, замечательный российский экономист Альберт Львович Вайнштейн¹ 17 лет провел в лагерях — он тоже стоял за низкие. Так что, во всякой шутке есть доля шутки. Когда эта же тема возникла в конце 1960-х гг., когда у Советского Союза возникли большие проблемы с темпами роста, это обсуждалось на нескольких совещаниях, один из немногих выживших великих российских экономистов-статистиков профессор Кваша² сказал, что давайте лучше эту проблему решать статистическими способами. Короче говоря, поручим решение ЦСУ. Это будет наименее вред-

¹ *Вайнштейн Альберт Львович* (1892–1970) — советский экономист, один из основоположников экономико-математического направления советской экономической науки. В последние годы жизни, после возвращения из ссылки, был научным сотрудником Центрального экономико-математического института Академии наук СССР. — *Прим. ред.*

² *Кваша Александр Яковлевич* (1928–2007) — советский и российский экономист, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова. — *Прим. ред.*

но из всего, что можно сделать. Моя позиция тоже, когда мы обсуждаем эту тему,— давайте. В конце концов, Госкомстат всегда способен решить задачу удвоения ВВП. Это по крайней мере не будет вредно. Когда мои друзья, которые занимают должности в высоких органах власти, советуются со мной на эту тему, я говорю: «Друзья мои, во-первых, всякий высший руководитель, естественно, имеет право хотеть ускорения темпов роста. И, больше того, это разумно. И он должен ставить амбициозные задачи. Вы должны пытаться, в рамках разумного, их выполнить. Вы можете даже сказать, что вы подаете в отставку, если вы их не выполните. Больше того, вы можете сказать, что вы покончите жизнь самоубийством, если их не выполните. Вы одного не можете себе позволить: включать все это в бюджетный процесс. Потому что если включить все это в бюджетный процесс и почему-то это не выполнить, то в результате у вас врачи, учителя, военные не получают зарплату, а этого лучше не делать».

Но если говорить всерьез о темпах роста, то, к сожалению, здесь нельзя обойтись без некоторой ретроспективы. Она не будет до палеолита, но некоторая историческая ретроспектива здесь нужна. Потому что надо понять, в чем природа того роста, который сегодня есть в России. Он есть, он абсолютно реален. Он не является статистическим феноменом. Он начался 6 лет тому назад. Нет никаких оснований полагать, что он закончится через год или два. Но надо понимать, что это за рост и откуда он взялся. Почему до этого не было роста, а потом — появился? Здесь есть две распространенные и, на мой взгляд, абсолютно неверные гипотезы. То есть не абсолютно неверные, но очень неполные. Первая — широко распространенное мнение, что все это связано с ценами на нефть. Цены на нефть выросли — и начался экономический рост. Цены на нефть упадут — и экономический рост прекратится. Ну, с ценами на нефть — и крупные реальные девальвации рубля 1998 г. Вторая гипотеза связывает это с вещами гораздо более комплиментарными для действующей власти. Суть ее в следующем: пришел новый президент — появилось больше порядка и стабильности, предсказуемости, начались реформы и отсюда — экономический рост. На самом деле ни одна из этих гипотез не выдерживает проверки на маломальскую достоверность.

Нефть. Да. Нефть — это очень важный параметр. Мы вернемся потом к нему. Очень важный параметр для российского платежного баланса, для российских финансов, для денежной ситуации. Цены на нефть влияют на темпы экономического роста. Но, по всем расчетам, влияние цен на нефть на темпы экономического роста не объясняет больше чем примерно 25–30% от роста. То есть рост — 7%, но он объясняет 2%.

Второе — реформы Владимира Владимировича Путина. Но тут есть маленькая деталь, — что рост начался раньше, чем пришел Владимир Владимирович Путин. И в этой связи если он начинается в 1999 г., в начале, то объяснить его реформами 2002 г. довольно сложно.

Когда мы обсуждаем российскую экономику, проблема состоит в том, что она такая большая, что ее обычно рассматривают вне компаративистики. То есть — вне контекста того, что происходит на Украине, что происходит в Казахстане, что происходит в Киргизии, что происходит в Грузии и т.д. Как будто мы одни на белом свете, а нет двадцати восьми стран, которые сталкиваются с подобными же проблемами. Если вы посмотрите, что происходит на всем постсоциалистическом пространстве, в частности на постсоветском пространстве, то вы увидите, что нет ни одной экономики, которая не росла бы последние пять лет. Украина начала расти последней, в 2000 г. Часть из этих экономик растет намного быстрее, чем в России, часть — медленнее, чем в России. Путин нигде там не является президентом. И нигде там не начинались реформы по образцу Владимира Владимировича Путина, кстати, крайне полезные, о чем я скажу. Часть из этих стран является нетто-импортерами нефти, часть нетто-экспортерами нефти. В части из них было реальное укрепление национальной валюты, в части — было реальное ослабление национальной валюты. Все они растут. Все двадцать восемь. Если вы посмотрите: в начале 90-х они росли? Нет. Они все падали. Причем без исключений. В Восточной Европе — между 1992-м и 1995-м, а на постсоветском пространстве — между 1995-м и 1998-м кое-где появляются признаки неустойчивого роста, которые оказываются обратимыми. То есть вы можете выделить, в процессе постсоциалистического перехода, три этапа: первое — все падают, потом — начинается неустойчивый рост, потом — все растут.

Так вот, может быть, это все имеет отношение к некоему общему процессу? Процесс этот, на самом деле, давно и неплохо описан. Он имеет свое название. Его дал замечательный, лучший, видимо, специалист по социалистической экономике Янош Корнай, венгерский профессор, который назвал его «трансформационной рецессией». И то, что происходило в Польше начиная с 1990-го, у нас чуть позже, и до последнего времени — это механизм входа в переходную, трансформационную рецессию и выхода из трансформационной рецессии. Это элемент единого процесса. Это надо понимать для того, чтобы понимать, что происходит сегодня в России, в Киргизии, на Украине, в Белоруссии и т.д. В Белоруссии — в меньшей степени, потому что она в максимальной степени сохранила элементы, как и Узбекистан, нерыночной экономики. Там есть масса вещей, связанных со спецификой функционирования социалистической экономики, которая является базой для понимания природы постсоциалистической рецессии. Я не могу входить во все технические детали, потому что это займет слишком много времени, это технически слишком сложно. Но если говорить предельно просто, то у постсоциалистической рецессии две фундаментальные причины, которые действуют на всем постсоциалистическом пространстве, где развалился социализм, в условиях индустриального общества. Не в условиях аграрного общества, как в Китае, только индустриализирующегося, а в условиях индустриального общества.

Первая из них достаточно хорошо была понятна в самом начале. Это первоначальная дезорганизация, когда у вас разваливается старая система, а новой еще нет. То есть у вас уже перестает реально работать Госплан с Госснабом, потому что никто не выполняет их указаний. А никто не привык еще работать в условиях рынка: директора не умеют этого делать, нет необходимой информации, нет необходимых институтов, нужно время для того, чтобы они сформировались. Это первое. Но это самое простое.

Второе, что было менее понятно и что до сих пор, по-моему, менее понятно, тем, кто исследует трансформационную рецессию. Здесь я, к сожалению, вынужден буду увести вас в некоторые не совсем простые технические детали. Я видел одного очень известного журналиста, Мишу Леонтьева, которого как-то спросили о том, что ж там надо делать. И он говорил, что это очень

просто. Про ВВП он говорил. Как Филипп Филиппович Преображенский, я могу вас заверить, что концепция ВВП — это очень не просто, это совсем непросто. Причем великие экономисты XX в., которые разрабатывали концепцию ВВП, это прекрасно понимали. Например, вы понимаете? Я думаю, что нет. Потому что это не понимают многие профессиональные экономисты. Если кто-нибудь из вас разведется с мужем или, соответственно, с женой, но при этом продолжает стирать ему носки, но за деньги, то ВВП вырастет. А если он или она снова поженятся, то ВВП сократится. Эта штука называется «парадокс Пигу». Это просто маленькая комическая иллюстрация того, сколько всего сложного стоит за этой концепцией. Человек, который уже в полном объеме сформировал концепцию ВВП, замечательный американский экономист русского происхождения Саймон Кузнец в своих работах писал, не без юмора, о том, что он знает, как считать ВВП для Древнего Египта с учетом их обыкновения снабжать съестными припасами покойников. Надо делить объем производства на численность живых и на первое поколение мертвых. Именно поэтому же, кстати говоря, он всегда категорически отказывался включать социалистические страны в круг тех стран, в которых он анализирует ВВП. Потому что он не понимал, как эта концепция накладывается на социалистические реалии.

Теперь я объясняю. Концепция ВВП (валового внутреннего продукта), на основе которой мы говорим об удвоении ВВП, — это концепция, которая выработана для рыночных экономик с относительно ограниченным государственным сектором и с государственным сектором, который регулируется демократией налогоплательщиков. Отсюда базовые гипотезы, связанные с ВВП. Если за что-то, за товар, за услугу, за что-то кто-то платит, как потребитель, как налогоплательщик, то этот товар или услуга является благом, имеющим смысл. И тогда мы ее имеем основания включить в оценку того, что происходит с экономикой.

Теперь представим себе, как все это накладывается на условия социалистической экономики. Это экономика дефицита. С большим государственным сектором. Никто реально ничего не покупает, у налогоплательщиков никто ни о чем не спрашивает. Откуда гипотеза, что в этой ситуации предпринимаемая экономическая деятельность имеет хоть какой-нибудь смысл и является благом?

Дальше можно приводить бесконечное число примеров, иллюстрирующих это. Я просто приведу несколько.

Может быть, вы помните: в позапрошлом году у нас горели торфяники под Москвой. Пошла речь о том, что надо вложить деньги в то, чтобы их затопить. Я напомним, что в советские времена были вложены огромные деньги в то, чтобы их осушить. Мы тогда создавали ВВП и сейчас будем создавать ВВП. Если кто-то помнит, была история такая с Каспием. Каспий, как известно, сейчас уже вполне понятно, имеет такую особенность, что в силу геологических, видимо, факторов уровень воды в нем колеблется. И вот, в какое-то время уровень воды в Каспии начал падать. И мы вложили большие деньги в то, чтобы отгородить залив Кара-Богаз-Гол от Каспия, сократить площадь, соответственно, отражения и в этой связи стабилизировать воду в Каспии. Мы создавали ВВП. Как только мы создали этот ВВП, у нас уровень воды в Каспии, видимо, по другим причинам, начал неуправляемо повышаться. И Каспий начал затопливать прибрежные города. После чего, дальше, мы начали проектировать канал Волга — Чограй, чтобы отвести часть воды из Волги, чтобы она не поступала в Каспий. Мы и тогда создавали ВВП. И примеров подобного рода, на самом деле, можно привести бесконечное количество.

А теперь представьте. В условиях рынка или хотя бы гласности, можно заставить людей за все это платить? Нельзя. Или очень трудно. Выясняется, что у вас есть большая часть экономической деятельности, которая формально является ВВП, за которую никто никогда в жизни вам не заплатит ни при каких обстоятельствах. Задача переходная предельно проста: добиться того, чтобы те ресурсы, которые раньше были заняты в тех видах деятельности, за которые никто и никогда не заплатит, были перераспределены в те виды деятельности, за которые кто-то как налогоплательщик или как покупатель готов платить. Вот, в предельно простом виде, вся проблематика, связанная с трансформационной рецессией. Но нет никаких гарантий и, больше того, нигде это не получалось, что у вас сразу все ресурсы, которые раньше были задействованы на то, чтобы вы строили Волго-Чограй, немедленно можно было бы перераспределить на что-то, что можно продать за деньги. Поэтому сначала у вас идет сокращение производства более быстрое, чем создание новых рыночно ориентированных

технологий и производств. А потом постепенно оказывается, что вы в меньших объемах уже высвобождаете ресурсы из рыночно непродávаемых отраслей и перераспределяете в те, которые работают на рынок. А производство, работающее на рынок, растет быстрее, чем у вас выпадают старые мощности. Вот вся природа постсоциалистической рецессии. Она имеет разную протяженность. Во-первых, так как это уникальная проблема, не было подобного рода ситуации в мире, то никто никогда не мог толком оценить: а) масштабы потенциального падения ВВП, б) сроки восстановления экономического роста.

Сейчас мы знаем, что, конечно, есть серьезнейшая проблема со статистикой, но в целом мы знаем, что в Восточной Европе средняя протяженность постсоциалистической рецессии была где-то три-четыре года. Мы теперь знаем, что на постсоветском пространстве протяженность рецессии была где-то в районе шести лет. Всегда приятно быть умным задним умом. Я сам, действительно, почему-то думал, глядя на польский опыт, что да, три-четыре года. С другой стороны, посмотрите, о чем вы говорите. А у нас социализм был сколько? А у них сколько? У нас — 75 лет, а у них — 40. У них еще живы массы людей, которые жили в условиях рынка. А их дети играли ключевую роль в экономической политике постсоциалистической. У них, что, такой был уровень милитаризации, как у нас? Да нет, конечно. У них был такой уровень подавления гражданского общества, как у нас? Да нет, конечно. (Независимая католическая церковь была в Польше, частные крестьянские хозяйства были в Польше, частный сектор — в Венгрии, частный сектор — в ГДР и т. д.) У нас-то всего этого было гораздо больше. Совершенно естественно, что если вы исправляете диспропорции, то можно сформулировать гипотезу, которая была сформулирована первый раз в 1996 г. (уже сейчас это не является гипотезой, сейчас это аксиома, повторяется из работы в работу), что важнейший параметр, который влияет на глубину и протяженность постсоциалистической рецессии, единственно важнейший — это протяженность времени социализма.

В общем, все это из истории. Я об этом говорю для того, чтобы можно было приступить к обсуждению собственно принципиальных экономико-политических проблем сегодняшнего времени. То, что началось в Польше с середины 1992-го, в Чехии — с 1993-

го, 1994-го, в России — реально с 1997 г. с перерывом на кризис, который, на самом деле, радикально сломал тенденции, а дальше продолжилось в 1999-м, — все это называется, на языке экономической теории, «восстановительный рост». Он, на самом деле, впервые был подробно изучен российскими же экономистами и на российском же материале в начале-середине 1920-х гг., когда Россия тире Советский Союз выходила из тяжелейшего кризиса, связанного с крахом старой экономики, дезорганизацией хозяйственных связей и гражданской войной. Изучен он был двумя блестящими российскими советскими экономистами Громаном и Базаровым, каждому из которых потом тоже мало не показалось за исследование проблем восстановительного роста. Если вы сравните все, что писал, скажем, Громан о восстановительном росте, и посмотрите, что говорилось и обсуждалось в России последние четыре-пять лет, то можно только поражаться очевидным параллелям. Хотя процесс сходный. Чего тут поражаться?

Громан обращал внимание на то, что при всех проблемах, связанных с гражданской войной, с разрушениями, главная база резкого падения производства (оно было в начале 1920-х гораздо более резким, чем в начале 1990-х) — это дезорганизация хозяйственных связей. Когда у вас старое уже не работает, новое еще не работает. Как только у вас все становится мало-мальски на место: заработали связи, стабилизация произошла — так дальше возникает база для того, чтобы запустить старые мощности, переориентировав их немножко, привлечь старую рабочую силу, которая разбежалась в деревню. А вы ее обратно на завод, потому что там лучше платят. И вот, она пришла, и вам не надо никаких инвестиций толком. Минимальные нужны инвестиции, чтобы все это собрать вместе, запустить старые заводы, привлечь старых рабочих — и пошло вперед.

Приятная черта восстановительного роста состоит в том, что он приходит неожиданно, когда все уже думают, что тут — все, полная катастрофа, и носит гораздо более динамичный характер, чем кто бы то ни было ожидал. Когда в России, после стабилизации связей и введения золотого червонца, начался восстановительный рост, никто в Госплане не представлял себе абсолютно, каких темпов достигнет рост объема производства, скажем, в 1923-м, 1924 г. Там просто идет взрывной рост, который никогда в жизни

в нормальных, стабильных экономиках вы не получите. Это приятная сторона. Неприятная — этот рост носит затухающий характер. У вас не безграничный объем созданных ранее мощностей и не безграничный объем ранее созданной рабочей силы. Поэтому сначала вы получаете огромное ускорение темпов роста, которого никто никогда не ждал. Вы думаете, кто-нибудь ждал таких темпов роста в 2000 г. в России или таких темпов экономического роста на Украине в 2000 г.? Да никогда в жизни. Никто: ни из местных экономистов, ни из МВФ — никто. Потом он приходит, он показывает 9%, 10% — то, что в стабильных условиях почти не бывает в индустриальных экономиках. А потом он начинает замедляться. И тут, как в 1920-х гг. для экономполитической элиты, так и в начале 2000-х, это становится серьезнейшей проблемой. Как же так?

Все, что я вам сказал, на мой взгляд, достаточно понятно. Но пойдите вы это все объясните: а) обществу, б) политикам. Они что видят? Мы тут пришли, начали всякие реформы, которые, кстати, вы нам объясняли, что надо делать. А у нас какой результат? А темпы роста-то падают. И они падают и год, и два. Видимо, что-то мы делаем неправильно. А давайте мы — обычно всегда стандартный набор — накачаем экономику деньгами, ослабим бюджетную политику, что было в 20-х сделано. Это активно обсуждается в последнее время. И на этом, конечно, можно сорвать экономику с резьбы снова. Что надо сделать для того, чтобы ускорить рост экономики на год? Это любой дурак скажет. Пожалуйста. Мы завтра вложим 10 млрд долларов из валютных резервов в инвестиционные проекты, и мы ускорим темпы роста экономики. Другое дело — чем это закончится через три года. Дискуссия на эту тему — это один из самых горячих вопросов, который обсуждался и обсуждается сегодня. Видел некие проекты. Пока глупостей, на мой взгляд, ни одной не сделано. Потому что у нас много компетентных людей и в правительстве, и в Центральном банке. И они как-то, в общем, отбиваются от той идеи, что надо наделать глупостей для того, чтобы обеспечить увеличение темпов роста.

Больше того, то, что делало правительство где-то между 2000-м и 2002 г., с моей точки зрения, было очень правильно и эффективно именно для того, чтобы перейти от одного качества роста к другому. Вся программа структурных реформ 2000-го, 2002 г.

была и выработана, и воплощена, на мой взгляд, при всех проблемах, блестяще для того, чтобы улучшить инвестиционный климат по России. В чем же проблема перехода от роста восстановительного к инвестиционному? Одно дело: ты пришел, запустил существующие мощности, пригласил рабочих, через три месяца начал получать прибыль. Другое дело: ты пришел, вложил деньги, большие, в инвестиционные проекты, и потом, лет через семь, собираешься получать прибыль. Тебе нужен совершенно другой уровень предсказуемости. Ты должен понимать, что ты живешь в стабильной, скучной стране, где, в общем, ничего особенного не происходит и произойти не может. То, что мы пытались сделать в 2000-м, 2002-м, даже, в какой-то степени, до 2003 г., — мы пытались сделать Россию скучной страной. Это, во-первых, было тяжело. Это каждый раз, как на бой. Во-вторых, это дорого иногда стоит. Допустим, — сейчас это уже опять же проблема экономической истории — одна из самых тяжелых проблем была, когда мы ликвидировали последний элемент оборотных налогов, однопроцентный налог. Потому что он был, конечно, вреден экономически, но очень хорошо собирался. Мы сделали очень низкую ставку к этому времени, и он стал хорошо собираться. Раньше была ставка 4%, потом стала 1%, а собирался он как 4%. У нас была длинная-длинная дискуссия и в правительстве, и в Думе по поводу того, а надо ли его, в конце концов, отменять или нет, если он так хорошо собирается. И мой главный аргумент, как и тех, кто меня поддерживал, состоял в том, что мы сказали три года назад, что мы его отменим, мы включили это в правительственную программу, мы включили это в закон. Нам дороже встанет, если мы продемонстрируем, что Россия — непредсказуемая страна, чем все потери, которые мы будем иметь от того, что мы его отменим. Мы его отменили.

Короче говоря, все делалось для того, чтобы Россия стала скучной страной. И, вы знаете, это стало работать. На уровне высшем я стал сталкиваться с тем, что где-то в первые месяцы 2003 г. Россия перестала быть интересной. У нас ничего не происходит. О чем писать-то? Я говорю: «Какое счастье. Ну, ничего. Мы, как известно, умеем поправлять дело». Мы поправили это дело. Где-то с середины 2003 г. мне уже больше на это не жалуются. Говорят: «О, снова так интересно. Снова никогда не знаешь ни вашу исто-

рию, ни ваше настоящее, ни ваше будущее». Но тем не менее что важно понимать, когда обсуждаешь экономику? В экономике все происходит с лагом. Реформы 1990-х гг., далее — результат к самому концу 1990-х. Реформы начала 2000-х, 2001-го, 2002-го начали давать результат где-то с 2003 г.

С 2003 г. очевидно совершенно, просто по статистике, изменение качества роста. То есть с 2003 г. мы переходим где-то от восстановительного роста, элементы которого, конечно, еще есть, но уже не доминирующие, к инвестиционному. По каким показателям это видно? Первое: резкий перелом динамики инвестиций. Инвестиции начинают расти где-то на 12% в год, что очень высоко по любым международным стандартам. Второе: перелом в динамике производства машиностроительной продукции. Машиностроение становится самым динамичным сектором российской промышленности. Перелом в динамике машиностроительного экспорта. Машиностроение становится самым динамично растущим сектором российского экспорта. Резкий рост машиностроительного импорта, что обычно тоже довольно характерное свидетельство перехода к стадии инвестиционного роста. Короче говоря, сейчас мы пожинаем плоды: а) реформ начала 1990-х, б) реформ самого начала 2000-х.

Видел одну очень смешную бумагу (не буду рассказывать технических деталей) по поводу негативных тенденций последних трех месяцев. По поводу трех месяцев всегда очень трудно делать выводы. Это очень опасно. И, больше того, пока наша оценка не показывает, что мы имеем дело с некоей тенденцией. Пока я не вижу серьезных признаков уже состоявшегося воздействия всего, что мы тут натворили за последние полтора года. Я боюсь говорить, потому что я не знаю. Но, конечно, то, что мы последние полтора года делаем все возможное для того, чтобы остановить инвестиционный рост — это чистая правда.

Я имел приятную возможность на протяжении последнего месяца обсудить проблемы России на трех разных совещаниях с руководителями крупнейших мировых компаний. Они ж прагматики, им наша демократия до лампочки, на самом деле, естественно. Больше того, некоторые из них, если они даже откровенно это не говорят, но явно думают так, иногда говорят откровенно: «Ну, в конце концов, сейчас, когда вы там кончили болтать про демо-

кратию в России, как реальность, нам даже проще. Мы хоть понимаем, что там происходит, в каком мире живем и т. д. Но только не надо нам этой непредсказуемости. Но вы хоть как-нибудь там решите. Ну, так, сяс, да по любому, только решите». Это по поводу роста. Второе — по поводу экономической политики, и денежной политики, и бюджетной политики.

Сейчас как, то ли телевизор, то ли радио включу — обязательно рассуждения какого-нибудь идиота, который рассказывает, как глупо мы делаем, что мы накапливаем валютные резервы, содержим Стабилизационный фонд, и как здорово было бы их направить на какие-нибудь полезные нужды. Все это было бы смешно, если бы я не видел хорошо картину развала Советского Союза. Когда мы, с моим папой, в начале 1980-х говорили некоторым людям, работавшим в ЦК и правительстве, что «друзья, ваши идеи о том, что сверхвысокие цены на нефть (они тогда были намного выше, чем сейчас, в реальном исчислении, в пересчете на нынешние цены — где-то 70 долларов за баррель) навечно, этого никто вам не гарантировал», — нам в ответ со смехом отвечали: «Предполагаете ли вы, что машины начнут ездить на воде?» Это было ровно за два года до того, как цены упали в 6 раз. После чего механизм краха Советского Союза: банкротство, разбазаривание резервов, крах потребительского рынка — все это уже было запущено и остановить было почти невозможно, по крайней мере в условиях политических реалий того времени.

Сейчас, когда мы говорим то же самое, нам говорят: «Ну, что вы думали? Что Китай исчезнет, что ли?» Китай не исчезнет. Возникнут битуминозные месторождения нефти Канады, возникнет резкое увеличение инвестиций в альтернативные источники топлива, возникнет увеличение инвестиций в месторождения шельфа, которые никогда не были эффективны, возникнет дополнительный приток инвестиций в энергосбережение. Опять же я вынужден чуть-чуть, на минуту войти в технические сложности, так как и спрос, и предложение по нефти крайне неэластичны. Потому что из-за того, что проект долгосрочный, поэтому у вас цена такая нестабильная. То есть вы сейчас стимулируете резкий рост производства снижением потребления, а потом, когда это все возникнет, у вас не придет все дело сразу к 25 долларам за баррель, у вас будет 11. Один раз страну развалили. Зачем же второй-то раз это делать? Сколько можно?

Пока мы отбиваемся. Держим железную оборону. Пока, я думаю, отобьемся. Когда мы обсуждали последний раз эту тему, там альтернатива была. Это все понимали из участников обсуждения. Правда, как правильно сказал мой друг, ректор Академии народного хозяйства Владимир Мау: «Да. Мы все здесь единомышленники. Но я боюсь, что все единомышленники по этому вопросу и собрались за этим столом».

Так вот, там дальше есть развилка: на увеличение резервов Стабилизационного фонда или на выплату внешнего долга. На самом деле, с экономической точки зрения оценить, что из этого лучше, невозможно. Потому что для этого надо знать то, что знать нельзя. Знать, скажем, по какой процентной ставке мы сможем занять, если цена на нефть резко упадет. Это сказать никто не может. Есть вещи, которые экономической теорией не рассчитываются. Это политический вопрос. Но политическое решение, скорее, склоняется к тому, что на выплату внешнего долга.

Структурные реформы. Я уже сказал, что, на мой взгляд, структурные реформы, проведенные в 2000-м, 2002 г., были крайне важными, крайне успешными. Можно всегда желать большего. Нельзя сказать, что там не было компромиссов, ошибок и т.д. Но, в общем, для меня это, честно вам скажу, предмет гордости: что это было подготовлено вовремя, что это было реализовано.

В рамках возможного, в рамках той государственной нагрузки, которая сегодня есть, то, что мы сделали в налоговой области, является предметом для массового подражания. Сейчас то же самое пытаются сделать в Словакии. Это обсуждается подробно в Польше. Это обсуждается во многих других странах. И, действительно, это работает. У нас региональные бюджеты не развалились только из-за подоходного налога. Потому что он прет, как из ведра.

То, что в 2003 г. реформы замедлятся, было абсолютно очевидно. Предвыборный год — не лучший год для проведения любых серьезных реформ. Но, что давало основания для некоторого оптимизма, это то, что была развернута хорошая, серьезная, качественная работа по политической, технической подготовке набора документов для следующего окна возможностей. Для того, которое должно было открыться после новых выборов президента и назначения нового правительства. На мой взгляд, были выбраны правильные приоритеты. На мой взгляд, были подготовлены прилич-

ные документы. Не все безупречные, но приличные. А потом все остановилось. Просто ничего не было сделано. Первые сто дней президентства Путина, на мой взгляд, — это просто для учебников. Если бы я писал учебник по поводу того, как проводить экономические реформы, я бы взял первые сто дней президентства Путина. Делать надо так, так, так, так, и тогда ты получаешь результат. Правда, в следующей главе этого учебника я писал бы о том, как не надо делать реформы. И это было бы по поводу первых ста дней второго президентства Путина. Это тоже типичный пример того, как реформы не делаются совсем. Я не хочу вникать в технические детали обсуждения закона о монетизации льгот, но это пример того, как реформы не делаются. Не потому, что задачи монетизации льгот неправильные, а просто потому, что все сделано неправильно.

Сейчас правительство будет рассматривать проект среднесрочной программы собственно экономических реформ до 2008 г. Проект, который я видел, на мой взгляд, более чем хороший. Просто, я бы сказал, почти блестящий. Я сделал к нему несколько замечаний, но они конструктивного характера. Даже те вещи, которые мне не нравятся, но они политически неизбежны, сделаны в минимально вредном виде. И я думаю, что с высокой степенью вероятности проект будет принят. Но и я, и многие другие, кто работает в органах власти, крайне скептически оцениваем шансы на то, что он будет практически воплощен в жизнь. Почему? Это очень интересный вопрос, на который я не имею дефинитивного ответа. Я имею два ответа, две гипотезы. Одна более оптимистическая, а другая более пессимистическая. Обе основаны на хорошем знании того, что происходит.

Первая оптимистическая. Административная реформа. В принципе, в свое время, может быть, вы помните, Наполеон, однажды, спросил у одного из своих полковников, почему тот не открыл огонь. Полковник ответил, что у него было тридцать причин. Первая — не было боеприпасов. На что Наполеон сказал, что двадцать девять остальных его не интересуют. В общем, административная реформа — это достаточная причина для того, чтобы парализовать работу любого правительства. И далеко не только российского. Если вы перекраиваете всю структуру ведомств и никто не знает из чиновников, на каком месте он будет сидеть завтра, кто

будет его начальником, кто подчиненным, сохранит он свое место или нет, думать, что вы можете проводить какие-то серьезные решения, — это просто совсем не понимать административной практики. Это такое оптимистическое объяснение, потому что оно позволяет объяснить, почему на полгода работа правительства была полностью парализована. Но, одновременно, оно дает некоторые основания надеяться на то, что, когда все рассядутся в своих новых кабинетах, работа возобновится. И, может быть, так оно и будет. И я на это очень надеюсь, потому что я всегда считаю, что чем лучше, тем лучше. Я никогда не занимаюсь злопыхательством, не думаю, что должно быть хуже. Должно быть лучше. Мы заинтересованы все вместе, чтобы России было лучше. А структурные реформы нужны не для структурных реформ. Они нужны, чтобы в России было лучше, чтобы экономический рост был устойчивым, чтобы социальные программы были более таргетированными на социально уязвимые группы населения, чтобы мы не разбазаривали бюджетные деньги и т.д.

Менее оптимистическая гипотеза, которая у меня тоже, к сожалению, есть в голове, связывает резкое торможение и практическую остановку реформ с тем, что у нас произошло в политической области. Президенту не просто работать с относительно независимым правительством. Я знаю, что президенту Ельцину со мной было работать не просто, потому что я гораздо чаще говорил «нет», чем «да». Ему это не всегда нравилось, иногда это его раздражало. Но он, будучи, на мой взгляд, прозорливым российским политиком, понимал, что раз он меня позвал делать экономические реформы, то лучше терпеть. Что уж там? Если бы я был бы ему не нужен, так он бы без меня обошелся. Количество людей, которые готовы ему рассказывать: «Ах, Борис Николаевич, какой вы гениальный!» — оно всегда, как и у всякого президента, довольно велико. Поэтому мы с ним спорили, он слушал аргументы и очень часто соглашался.

Правительство Касьянова, на мой взгляд, было независимым правительством. То есть оно было лояльным к президенту Путину. Конечно, за окончательным решением правительство приходило к нему. Оно никогда не проявляло никакой открытой нелояльности. Но оно отстаивало свою позицию. У него была позиция, и оно ее отстаивало. И было способно отстаивать. Было способ-

но, но не публично же, но в Кремле или в Белом доме, говорить: «Нет. Это по таким-то причинам нам кажется неправильным. По таким, таким и таким. И нам кажется, что этого делать не надо». Это одна позиция.

А есть другая позиция у правительства. В некотором смысле с другим правительством работать проще. Это когда правительство приходит к тебе, как к президенту, и говорит: «Уважаемый господин президент, мы немедленно сделаем все, что вы нам скажете». Но президент между прочим не дурак. И в этой связи он понимает, что он не лучший специалист по всем вопросам, не лучший источник всех возможных идей. Больше того, он прекрасно понимает, что если так, тогда уже играть в игру, что за все отвечает правительство, нельзя. Тогда ты за все и отвечаешь. А между прочим проблемы этого этапа реформ в том, что они сложные. Простые-то вещи решены. Сложные проблемы, где один специалист придет и скажет по-одному надо реформировать здравоохранение, а другой придет и скажет — абсолютно по-другому. Один придет и скажет, что бюджетные расходы надо структурировать таким образом, а другой скажет, что это погубит отечественную науку. И ты должен принимать решение, а это не так просто для публичного политика или президента. И вот, моя пессимистическая гипотеза состоит в том, что именно превращение правительства в техническое, концентрация всей власти в Кремле — это как раз то, что и приводит к параличу способности принятия решений в области сложных структурных реформ.

Я, пожалуй, на этом остановлюсь и, дальше, буду готов ответить на вопросы.

Вопрос: *Егор Тимурович, добрый вечер. Когда Вы говорили о темпах экономического роста, Вы говорили так, что мы пожинали плоды в конце 1990-х гг. за начало 1990 г. Скажите, пожалуйста, прогнозируете ли Вы, когда и какие плоды мы пожнем за 2004 г.?*

Егор Гайдар: Нет. Не могу прогнозировать. Нет базы. Прогнозы — это штука научная. То есть — ряды нужны. Это же не из головы все делается, если всерьез к этому относишься.

Уникальная ситуация. Есть инерция роста очевидная. Есть, на мой взгляд, очевидные глупости в экономической политике. Остановились структурные реформы. Я бы сказал так: есть риски торможения роста, связанного с непредсказуемостью происходя-

щего. Есть риски торможения процесса роста инвестиций. Реализуются они или не реализуются, на мой взгляд, ни один серьезный специалист вам не скажет.

Вопрос: *Егор Тимурович, Вы не могли бы прокомментировать закон о земле?*

Егор Гайдар: Я считаю, что закон о земле крайне несовершенен технически. Мы как институт были противниками техники этого закона. Особенно всего, что связано с оборотом долей. Это полномочие было урегулировано очень плохо. Мышление экономистов и мышление юристов устроено по-разному. Это не значит, что оно у одних устроено хорошо, а у других устроено плохо, но устроено по-разному. В этом я убеждался многократно. Причем не только в нашей стране. Они, естественно, дополняют друг друга. Юристы в гораздо большей степени уверены в том, что если они чего-нибудь запишут в закон, то это так и будет работать. А экономисты, по природе своей специальности, гораздо более скептически смотрят на это дело. То, что закон писали юристы, — просто на нем написано. Тут чистая правда — его писали юристы. А мы поправить его не смогли. Но при всем при этом, при всех несовершенствах то, что закон принят, на мой взгляд, очень важный шаг вперед. Потому что какая-то юридическая стабилизация отношений в земельной собственности — это все равно лучше, чем отсутствие этого регулирования. Даже если по технике мне не нравится, как это отрегулировано.

Вопрос: *А к чему приведет это именно в деревне? Я сама выросла в деревне. И сейчас я смотрю, что происходит в бывших колхозах. То есть человека ставят перед условием. Либо ты покупаешь землю, свой пай, по 500 рублей за га...*

Егор Гайдар: Вы знаете, я могу тут столько всего рассказать. Надо бы делать по-другому. На сайте нашего института вы увидите работу (я не абсолютно убежден, что они все открыты) нашего сотрудника — Евгении Викторовны Серовой. Это, на мой взгляд, лучший специалист по сельскому хозяйству. Вы посмотрите, что она писала по этому поводу до того, как закон был принят.

Вопрос. *Возвращаясь к инвестициям, хотелось бы спросить. У нас в Красноярске, в Красноярском крае, идет большой рост инвестиций. Все это видят. Но все ли инвестиции хороши? То есть к этому росту относятся по-разному, потому что на глазах — только вложе-*

ние средств в торговлю и рост супермаркетов, магазинов. А никто не бежит и не вкладывает деньги в достройку Богучанской ГЭС или в месторождения.

Егор Гайдар: То, что вкладывают в торговлю, это замечательно. На самом деле, по торговым площадям на одного жителя Советский Союз имел аномально низкие показатели по отношению к странам нашего же уровня развития. И сейчас у нас показатели торговой площади на одного человека становятся такими же, не как во Франции, а как в странах нашего уровня развития. Это все здорово. Это естественно совершенно идет. Для этого ничего делать не надо. На самом деле если вы посмотрите статистику инвестиций в целом по народному хозяйству, то вы увидите, что, конечно, самые динамичные отрасли сейчас — это телекоммуникации. Что абсолютно естественно, потому что в этой области мы тоже поразительно отставали. И сейчас быстро преодолеваем отставание. Мы, по-моему, три года назад, с одним коллегой были на семинаре, где встречались в вице-президентом «Nokia», в Финляндии. И мы с ним побились об заклад, сколько будет составлять число мобильных телефонов в России через полтора года. Но оба ошиблись. Но я ошибся в два раза, а он в четыре.

На самом деле, быстро растут инвестиции в пищевую промышленность, что блестяще. Потому что вы почитайте советские документы, сколько там всего понаписано о том, сколько мы теряем сельхозпродукции из-за того, что у нас плохо поставлена переработка. Довольно быстро растут инвестиции в машиностроение. Инвестиции в топливную энергетику все еще значительные.

Но структура постепенно улучшается.

Вопрос. *Егор Тимурович, можно узнать Вашу точку зрения по поводу вопроса о назначении глав регионов?*

Егор Гайдар: Да, конечно, можно. Мне крайне не нравится эта идея. Я, конечно, в некотором смысле понимаю ее логику как человек, который тоже работал в российском правительстве. Я понимаю, что, когда смотришь на то, что делается в некоторых регионах некоторыми губернаторами или некоторыми мэрами, думаешь: «Ну, Господи. Ну, как? Почему я не могу снять этого вору, который очевидно и совершенно нагло ворует?». Это не относится ко всем губернаторам, естественно, но к некоторым. Понятно желание: «Я, как президент, за все отвечаю. Но почему же

я не могу их тогда и назначать? И пусть тогда буду с них спрашивать». Но, на мой взгляд, стратегически это серьезная ошибка. Дело в том, что мы вот так Россией, когда мы назначали губернаторов, правили сотнями лет. Губернаторов, первых секретарей. И что? Это помогло нам одолеть коррупцию при Петре, например, или при Николае? Нет. За последние пятьдесят лет царского режима, когда у нас были назначаемые губернаторы, мы что, с терором таким образом справились? Да нет. Что, мы две революции предотвратили таким образом? Да нет. При всех несовершенствах системы выборов — я не родился вчера на белый свет, я это понимаю — все равно у меня было ощущение, что с течением времени избиратели все больше начинают понимать, что, когда они избирают губернатора, они избирают не ходока в Кремль, который пойдет и скажет про местные беды, а человека, от которого зависит будут мусор увозить или нет, будет теплоснабжение или нет, будет электричество или нет. И только так, на самом деле, есть шансы постепенно наладить систему местного контроля. Из Москвы, я вас уверяю, вы никогда не наведете порядок в вывозке мусора в Тамбове и в снабжении электроэнергией Уссурийска. Ну, не получается это. Слишком большая страна. Поэтому единственное, что можно, это постепенно вырастить ее как работающую федерацию, организованную федерацию, где губернаторы — это люди, которых контролируют федеральные службы. Это люди, которые выполняют свои функции, носящие региональный характер. Которых выбирают люди, им доверяют. А то, что делается сейчас, по моему, это очень неправильно.

Вопрос: *Егор Тимурович, у меня такой очень простодушный вопрос. Скажите, на Ваш взгляд, какие шаги должно сделать государство, наверное, в большей степени государство, чтобы дать встать на ноги малому и среднему бизнесу? Ведь это все-таки какая-то азбучная истина, что благосостояние государства зависит от малого и среднего бизнеса.*

Егор Гайдар: Все наши исследования показывают, что главная проблема малого и среднего бизнеса — это не налоги, это не доступ к кредитным ресурсам (притом что все это важно), это не многое другое, а это одно: это коррупция в органах государственной власти и государственные вымогательства. Поэтому главное, что государство может сделать, это начать с себя. Соответствен-

но, осуществить комплекс мер, которые приводят к тому, что взятки берут меньше, административных преград меньше. Это само по себе, если ничего вообще больше не делать, огромный шаг к созданию условий роста малого и среднего бизнеса. Другое дело, что я с вами соглашусь, если вы мне скажете, что это гораздо легче сказать, чем сделать. Правда. Административная реформа, если говорить не сколько будет заместителей у министра, а в широком смысле этого слова, — это, действительно, важнейшая и сложнейшая задача. Здесь многое из того, что говорится и пишется в правительственных документах, абсолютно правильно. Беда в том, что любой интеллигентный человек, разумный, имеющий некоторый опыт и здравый смысл, за час вам напишет семь страниц того, что надо делать в области административной реформы для того, чтобы жизнь и условия развития малого бизнеса были более благоприятными. Беда в том, что для того, чтобы это сделать, этих семи страниц абсолютно недостаточно. Для этого нужны тысячи страниц подробных программных документов о том, что делать в ГИБДД, что делать в пожарной инспекции и т.д. Причем, выработать эти документы без сотрудничества этих организаций можно, но очень трудно. Это технологически сложнейшая задача. А эти организации — последние, кто заинтересован в том, чтобы были сняты административные барьеры, чтобы стало вымогаться меньше взяток и т.д. Так что, это, действительно, серьезная проблема.

Вопрос: *Китай готовился к вступлению в ВТО 16 лет. Мы каждый год отодвигаем вступление России в эту организацию. Это политический ход или экономический? Какие последствия нас ожидают? По крайней мере мнение производителей автомобильной промышленности таково, что для автомобильной отрасли это будет крахом.*

Егор Гайдар: Вы знаете, вступление в ВТО, на мой взгляд, на реалистичных условиях, — не на тех условиях, которые являются заявочными: одна сторона заявляет условия другой — на реалистичных условиях, на тех, которые реально могут быть подписаны, будет иметь крайне ограниченные последствия для России. Цена для автомобильной отрасли, наверное, имела бы огромные последствия, если бы это было сделано на заявочных условиях, скажем, Евросоюза или из Штатов или если бы у нас была таможня, которая реально берет такие таможенные пошлины, которые заявлены. На практике, я убежден, что никто не почувствует на пер-

вом этапе вообще эффекта от вступления в ВТО. Причем ни позитивного, ни негативного. Это не значит, что я против вступления в ВТО или не оцениваю его. Я просто понимаю, что это долгосрочный процесс. И у нас открытая экономика по жизни. Вы живете не в мире, который написан на бумажках, живете в мире, который есть. Вы знаете, какая таможня, вы знаете, как растомаживают машины. Ну и что? Вы мне будете рассказывать последствия того, что у нас номинальный тариф снизится до уровня, который в два раза выше, чем реальный, что у нас произойдет крах автомобильной отрасли? Это несерьезно. Почему это важно тем не менее? Это важно по двум обстоятельствам. Первое. Вступление России в ВТО — это сигнал улучшения инвестиционного климата в России. Это сигнал, что Россия играет по общим правилам. Второе. Ну, и, конечно, стратегически, если мы не хотим всю жизнь быть экспортерами исключительно нефти и газа, то, конечно, с точки зрения доступа на перспективные рынки и борьбы с ограничениями по доступу на перспективные рынки это в общем полезно.

Стратегические проблемы развития России

*Выступление на круглом столе
в Свердловской школе публичной политики*

7 декабря 2004 г.

Опубликовано на сайте ИЭП им. Е. Т. Гайдара.

Ведущий — Анатолий Гагарин.

Ведущий: *Сегодня у нас долгожданный гость — Егор Тимурович Гайдар. Наконец-то мы имеем возможность пообщаться с ним.*

Егор Гайдар: Здравствуйте, дорогие друзья. Для меня большое удовольствие встретиться с вами сегодня. Лариса Павловна¹, мой друг, знала, что я завершаю работу над книгой, посвященной стратегическим проблемам развития России в первой половине XXI в. Она спросила меня, где бы я хотел в первый раз о ней рассказать. Я сказал, что сделаю это в Екатеринбурге.

В нашей стране всегда что-то происходит. И всегда есть повод поговорить о текущих делах. Можно, например, обсудить то, почему у нас замедлились темпы экономического роста в последние месяцы 2004 г. Можно поговорить о тех, мягко говоря, не идеальных решениях, которые руководство нашей страны реализовывало на постсоветском пространстве на протяжении последних месяцев. Можно обсудить регулярно возникающие предложения о том, что нужно делать с валютными резервами и Стабилизационным фондом.

¹ Речь идет о Ларисе Павловне Мишустинной. С 1993 по 1995 г. Мишустина была депутатом Государственной думы РФ первого созыва, состояла во фракции «Выбор России». В описываемое время — референт президента РФ, член наблюдательного совета общественной организации «Открытая Россия». — *Прим. ред.*

Сегодня хочу говорить о вещах более долгосрочных, о тех проблемах, которые будут стоять перед Россией на протяжении ближайших десятилетий, на протяжении жизни следующих поколений наших сограждан. Это обширная тема, не буду даже пытаться осветить ее во всем объеме. Те, кому это будет интересно, надеюсь, прочитают книгу, посвященную этому набору проблем, которая выйдет в январе. Хочу показать, что те проблемы, с которыми столкнется Россия, во-первых, носят долгосрочный характер, во-вторых, не уникальны, мы не одни в нашем мире. Я обращал внимание на то, что в нашем национальном характере есть одна особенность, по крайней мере для части сограждан. Если им сказать, что мы не самые несчастные в мире — это обидит их до глубины души. Но хотя у нас действительно много серьезных, глубоких проблем, которые мы делим с остальным человечеством, мы не самые несчастные. Попытаюсь показать это на примере нескольких сюжетов. Речь пойдет о демографической динамике и иммиграционной политике, вопросах государственной нагрузки на экономику, кризисах социальных отраслей, вопросах призыва на воинскую службу и комплектования вооруженных сил рядовым и сержантским составом.

Я директор Института экономики переходного периода. Меня неоднократно спрашивали о том, когда этот переходный период кончится. Если говорить о переходном периоде от социалистической экономики к несоциалистической, рыночной, преодолении того, что Янош Корнай назвал трансформационной рецессией, — он завершился. У нас осталось немало серьезных проблем, но с этими проблемами сталкиваются и страны, которые никогда в своем развитии не проходили социалистического периода. В прошлом году мы стали задумываться о том, чтобы вернуть институту прежнее название. Он был создан как Институт экономической политики. Но по мере того как мы углублялись в анализ долгосрочных тенденций развития России, стало ясно, что этого делать не следует. Потому что, выйдя из постсоциалистического переходного периода, мы попали в бурно меняющийся мир, мир незавершенного перехода, который называется, с подачи нашего соотечественника, хотя и жившего в Америке, Саймона Кузнецца, миром современного экономического роста. Это мир пришел на смену долгосрочно устойчивой аграрной цивилизации, которая

возникла после неолитической революции и существовала вплоть до перелома между XVIII и XIX веками.

Когда начинается современный экономический рост? По этому поводу ведутся длинные дебаты. Некоторые исследователи датируют начало современного экономического роста 1780-ми гг., большинство же склоняется к тому, что он начинается после наполеоновских войн в 1820-х гг. По большому счету это не имеет значения. Важно, что с этого времени человечество вступает в период взаимосвязанных, системных и глубоких изменений, которые затрагивают все стороны жизни общества. Темпы роста душевого ВВП увеличиваются примерно в 10 раз по сравнению с тем, что было характерно для предшествующих тысячелетий. Радикально меняется структура расселения: от доминирующей жизни в деревне, человек быстро приходит к урбанизированному обществу. Изменяется структура занятости. От доминирующей занятости в сельском хозяйстве мы переходим к обществу сначала индустриальному, а потом — постиндустриальному. Меняется система демографического поведения. Человечество переходит от устойчивого положения, в котором высокая смертность компенсируется высокой рождаемостью, к состоянию, когда показатели рождаемости и смертности низкие. Меняется отношение к религии, резко снижается количество людей, которые регулярно посещают церковь. На протяжении нескольких поколений человечество становится иным обществом. И адаптация к новому миру — тяжелейший вызов для всех государств, которые вовлечены в этот процесс. Надо понять, что процесс этот не только динамичный, но и незавершенный. Прогнозировать его динамику трудно. Карл Маркс, если пользоваться терминологией сегодняшнего дня, построил базу своей теории на анализе современного экономического роста. Отсюда его тезис о том, что более развитые страны демонстрируют тем, кто от них отстал, картину собственного будущего. Опыт XX в. в общих чертах подтвердил эту гипотезу, хотя, конечно, жизнь оказалась сложнее. То, что происходит в наиболее развитых странах, не столько показывает картину будущего отстающим в развитии странам, сколько те проблемы, с которыми им придется столкнуться.

Россия вступила в процесс современного экономического роста примерно на рубеже 1870–1880-х гг. Она отставала от Франции

и Германии примерно на два поколения — на 50 лет. За последние сто сорок лет мы прошли две мировые войны, гражданскую войну, две революции, социалистический эксперимент. Если вы посмотрите на важнейшие показатели динамики социально-экономического развития: душевой ВВП, урбанизацию, структуру занятости, станет ясно, что в 1870 г. мы отставали от Германии и Франции на два поколения, в 1913 г. мы отставали на два поколения и в 2001 г. отстаем на два поколения.

Мы вступили в процесс современного экономического роста вместе с Японией. Япония нагнала Францию и Германию к началу 1970-х гг., а между нами сохранилась прежняя дистанция. Если вы посмотрите соотношение российского душевого ВВП и среднемирового 150 лет тому назад, 100 лет назад и сегодня — оно примерно то же. Подчеркну, что в этом нет железного детерминизма.

Важнейшая проблема, связанная с современным экономическим ростом, — это резкие изменения демографического поведения. Я, честно говоря, не могу спокойно слушать сентенции людей (тех, которые ничего в этом не понимают) по поводу вымирания российского населения. Те, кто это утверждает, не знают, что происходит с мировой демографией. А это, действительно, одна из важнейших проблем, с которой сталкивается мир развитых государств. Для аграрного общества были характерны высокие показатели рождаемости и смертности. Обычно рождаемость в годовом разрезе несколько превышала смертность и поэтому население медленно росло, темпами 0,1–0,2% в год, если говорить о Европе. Но этот рост прерывался резкими скачками смертности, которые шли вслед за большими войнами, эпидемиями и голодом. Здесь пример великой чумы XIV в. в Европе, пожалуй, самый показательный.

Для Европы были характерны аномально низкие для аграрных обществ показатели рождаемости, позднее вступление в брак. Опубликовано немало работ, в которых именно с этим связывается подъем Европы начиная со второго тысячелетия нашей эры, но этот вопрос остается дискуссионным. И дальше происходит то, что, собственно, называется демографическим переходом. Этот процесс хорошо документирован — в конце XVIII — начале XIX в. начинается резкое снижение смертности и рождаемости. Человечество сначала в Европе, а затем и в мире переходит от семьи, где

много рожают, много умирают и темп роста населения минимальный, к семье, где мало рожают, мало умирают и темп роста населения нулевой. Когда формировалась теория демографического перехода, было представление, что мы идем от одного стационарного состояния к другому, столь же стационарному. И может быть так и случится. Но пока события в развитых странах развиваются иначе. На протяжении последних десятилетий наиболее развитые страны не обеспечивают воспроизводство своего населения. Меняются предпочтения, нормы семейного поведения, есть страны, где число рождений вне брака больше, чем число рождений в браке. Во многих странах число рождений на одну женщину намного меньше того, которое необходимо для воспроизводства населения. Это, скажем, Италия, Испания, Германия, Япония, Россия.

Специфично в российском режиме демографического перехода то, что этот переход наложился на социалистический эксперимент. Россия, в отличие от европейских стран, не была страной католической традиции, имела более высокие показатели рождаемости в конце XIX в. Для нее была характерна большая семья. Это сближает ее со странами конфуцианской традиции. Темпы роста населения в России, и в том числе темпы роста доли России в мировом населении, в последние десятилетия XIX — начале XX в. были аномально высокими. Если говорить о населении современной России, то оно увеличилось до 4,2% мирового населения к началу века и продолжало расти по доле. Уже пошло заметное снижение смертности и еще продолжалась высокая рождаемость.

Затем в России происходит социалистическая революция, которая имеет несколько важных демографических последствий. Во-первых, Советский Союз был первой страной, которая разрешила аборт не по медицинским показаниям, а из социальных соображений. Эта тема обсуждалась еще в царской России врачами, и довольно много либеральных врачей было за разрешение абортов, но решение было принято лишь в 1920 г. И происходит это на очень раннем уровне развития, когда подавляющая часть населения еще не грамотна, на фоне страшных социальных катаклизмов, голода. Норма очень быстро укореняется, становится общепринятой. Потом с абортами будут пытаться бороться, вводить запреты, но ни к чему, кроме криминализации абортов, это не приводит. Существует закономерность: если вы открыли ящик Пандоры, закрыть

его нелегко. Сегодня, если посмотреть статистику легальных абортов, в России их примерно в 5–10 раз больше, чем в любой другой стране мира. Вот одно из последствий революции.

Революция — это колоссальное потрясение, которое оказывает серьезное воздействие на все нормы поведения, включая и семейные. Так происходило не только с нами, такое было и во Франции. Франция — первая европейская страна, где начинается радикальное снижение рождаемости в XVIII в., примерно на 100 лет раньше, чем в соседних странах такого же уровня развития. В России снижение рождаемости усугубляется характерной для социалистического эксперимента тенденцией раннего вовлечения женщин в занятость вне крестьянского или домашнего хозяйства. Женщины должны были работать. В 1950 г., когда по уровню развития, по уровню душевого ВВП, Россия находилась примерно на уровне Франции и Германии 1900 г., доля женщин в числе занятых была больше, чем в Германии и Франции в 2000 г., то есть в условиях постиндустриального, высокоразвитого общества. Существует жесткая взаимосвязь: если направлять женщин работать вне крестьянского, семейного хозяйства, то они начинают меньше рожать. Коллективизация, массовое вовлечение женщин в производственную деятельность вне крестьянских хозяйств в России в 1930-е гг. приводит к необычно быстрому в мировой истории падению числа рождений, приходящихся на одну женщину. Особенно ясно это видно, если использовать данные по реальным, а не условным поколениям женщин. Такое положение вещей не связано с краткосрочными колебаниями и не будет преодолено в течение следующих пяти лет, даже если мы удвоим ВВП. Это длинная, поколенческая история.

Мы в одном корабле со всем развитым миром, просто мы на этот корабль вошли раньше примерно на два-три поколения. Многие демографы пытались прикинуть, что было бы с населением в России и его долей в мире, если бы ситуация развивалась инерционно. Это условные расчеты, но население России было бы примерно в два раза больше. За демографической динамикой стоит еще один важный фактор — устойчивость пенсионной системы. Для того чтобы пенсии выплачивали пенсионерам, работающие должны выплачивать налоги. А когда происходит резкое увеличение доли старших возрастных групп, выясняется, что работа-

ющих недостаточно для того, чтобы поддерживать сложившееся ранее соотношение средней пенсии и средней заработной платы. Вторая черта специфики демографического поведения в России, которая имеет серьезные последствия, касается смертности. Россия и в этом отношении достаточно необычна, хотя необычна она на фоне мира, а не на фоне Украины, Белоруссии, ряда других постсоветских славянских государств. Иногда то, что у нас происходит со смертностью, связывают с пертурбациями последних двенадцати лет. Это оптимистический и крайне упрощенный взгляд на проблему. На самом деле аномалии с динамикой смертности в России начинают проявляться примерно 45 лет назад. До конца 1950-х гг. положение со смертностью примерно такое же, как и в других странах. Растут показатели средней продолжительности жизни мужчин и женщин, примерно как у других стран с таким уровнем развития здравоохранения, как, скажем, Аргентина или Мексика. А с конца 1950-х — начала 1960-х начинается перелом — перестает расти продолжительность жизни. Причем начинается это в России в конце 1950-х гг. для мужчин трудоспособного возраста, а с середины 1960-х распространяется уже на все население. Картина такова: где-то лет сорок у нас показатели продолжительности жизни колеблются вокруг примерно одного и того же уровня, с аномально высоким разрывом между показателями мужской и женской смертности (если в мире разрыв продолжительности жизни мужчин и женщин будет примерно три года в пользу женщин, то у нас, — стабильно за десять).

Есть еще один параметр, от которого зависят показатели продолжительности жизни — это потребление алкоголя. Проблемы неумеренного потребления алкоголя — отнюдь не чисто российские. И по абсолютному потреблению алкоголя мы далеко не являемся мировыми рекордсменами. Французы, итальянцы потребляют его намного больше нас, да и немцы тоже. Проблемы подобного рода вставали перед многими странами, которые сегодня относятся к наиболее развитым. Особенно это касается северных областей. В конце XIX в. пьянство на работе было одной из самых острых социальных проблем Германии. Профсоюзы вели борьбу за право пить на работе, как за неотъемлемое право пролетариата. Это было связано с традицией. В североевропейском крестьянском обществе, в германском в том числе, — потребление алкоголя

считалось совместимым с нормальным крестьянским трудом. Это был способ согреться, калории получить, социализироваться. Когда пришедший из деревни бургер приходил на завод, ему говорили, что первым делом он должен поставить бутылку шнапса своим товарищам по работе. И выпить с ними хорошенько, иначе не будут уважать. Выпивка на работе — это нормальная реакция на радикальные изменения в жизни общества. Перелом в Германии происходит в районе конца XIX — начале XX в. Начинается массовое движение за запрещение пьянства на работе. Люди перестают пить шнапс на работе и начинают пить в пивнушке за проходной. Я напоминаю, что Германия 1900 г. по уровню развития — примерно Советский Союз 1950-го.

В СССР на многие десятилетия, на поколения консервируются стили алкогольного поведения, характерные для раннеиндустриальных обществ. И что на этом фоне происходит дальше со здоровьем населения, со смертностью в трудоспособном возрасте, с разницей между средней продолжительностью жизни мужчин и женщин? Нужны ли тут подробные объяснения? К сожалению, такое положение вещей инерционно и не меняется в течение месяца, года.

Тенденция сокращения численности населения России не случайна, она не привнесена потрясениями последних лет, тесно связана с предшествующим столетием нашей истории и нам во многом задана. Попытаться переломить ситуацию мерами демографической политики, как показывает опыт, практически невозможно. На увеличение рождаемости, к сожалению, нигде и никому оказать серьезное влияние не удалось. А это пытались сделать очень богатые страны, гораздо богаче нас.

Сегодня мы обречены расхлебывать последствия нашей истории и должны понимать, что это создает проблемы, скажем, с призывом на военную службу — на десятилетия вперед, с устойчивостью пенсионной системы — на десятилетия вперед и так далее. С рабочей силой...

Мы столкнулись с проблемой рабочей силы раньше, чем многие другие, но проблема эта не уникальна, с ней сталкиваются многие страны. Она имеет еще одну особенность — разницу между требованиями национальной рабочей силы к качеству рабочих мест и потребностью рынка труда в рабочей силе. Чем выше уро-

вень развития, тем выше требования национальной рабочей силы к качеству рабочего места. Послать немца работать строительным рабочим или убирать мусор нельзя, даже если он безработный. Причем и он знает, что это нельзя, и общество знает, и служба занятости знает. В результате появляется некий национальный консенсус: существует набор рабочих мест, на которых национальные кадры могут работать, и есть те, на которых они работать не могут. Но существуют и закономерные потребности экономики в определенном наборе рабочих мест. Если, скажем, в Москве сегодня уволить с работы всех украинцев, то завтра остановится городской транспорт и строительный комплекс. Те же процессы идут и в Европе. Если не принимать на работу турок, алжирцев, арабов, восточноевропейцев, то все замрет: гостиницы, госпитали, строительный комплекс, городской транспорт, уборка мусора. Вывод прост: высокоиндустриальная, развитая экономика предъявляет очевидный и крупномасштабный спрос на не очень квалифицированную рабочую силу. Армия, состоящая только из генералов, воевать не может. Госпиталь, в котором работают прекрасные хирурги, но никто не моет полы — не госпиталь. А отсюда мы имеем могучий миграционный поток из менее развитых стран в более развитые. И это реалия XX в. и будет реалией XXI в.

Но дальше возникает тяжелейшая проблема, если мы говорим о демократиях. Да, иностранные эмигранты, особенно из менее развитых стран, нужны. Но нужны они только как рабочие, а не как соседи. Получается странная ситуация: все разумные люди понимают, что без иностранных рабочих не обойтись, а произнести это вслух — политическое самоубийство. Если, скажем, в Германии политик, который собирается куда-то баллотироваться, заикнется о том, что немцам не обойтись без дополнительного привлечения турок и арабов — иначе остановятся целые отрасли экономики, — на политической карьере его смело можно ставить крест. В результате в подавляющем большинстве развитых стран установилась шизофреническая политика по отношению к эмиграции. Конечно, эмиграция идет, отгородиться от нее невозможно. Границы прозрачны, всегда есть возможность приехать туристом, а потом остаться. Действуют механизмы этнической взаимопомощи, есть теневая занятость. Италия, например, регулярно проводит легализацию нелегальных эмигрантов, да не только Италия. Но в рам-

ках официальной политики делается все, чтобы создать иллюзию, будто этого нет.

США — страна, которая создана иммигрантами, получает примерно по 900 тыс. нелегальных эмигрантов в год — провела легализацию нелегальных эмигрантов, в рамках которой больше 4 млн человек получило право на легализацию в самом конце 1980-х. Сегодня число нелегальных иммигрантов в США оценивается примерно в такую же величину. В настоящее время американский и мексиканский президенты создали рабочую группу по проработке вопросов о последующей легализации мексиканских эмигрантов. Это в иммигрантской стране. На самом деле только иммигрантские страны из развитых стран имеют шанс: а) сохранить хоть в какой-то степени свою долю в мировом населении; б) сохранить устойчивость пенсионных систем. Это Канада, США, Австралия, Новая Зеландия. Плюс ко всему иммигранты в течение первого поколения имеют существенно более высокие показатели уровня рождаемости, чем коренное население. США стали великой державой потому, что она была страной иммигрантов. Если бы США основывали свою культуру как культуру белых англосаксов, то никогда бы не стали тем, чем они являются сегодня в мире. США — это страна американских граждан, независимо от того, кто они по происхождению.

У России огромные территории, очень невысокая плотность населения и серьезные, долгосрочные, заданные социалистической моделью индустриализации демографические проблемы. Однако у России есть одно фундаментальное преимущество, которого нет почти ни у кого в мире. Мы окружены набором стран, которые беднее нас и где живут десятки миллионов людей, владеющих русским языком, выращенных в традициях русской культуры. Вся литература, посвященная иммиграции, показывает, что есть один параметр, который сильнее всего остального влияет на способность иммигрантов адаптироваться к условиям страны пребывания, — владение языком этой страны. Радикально разные результаты по адаптации, заработку, вовлечению в криминальные структуры показывают те группы, которые владеют языком страны пребывания, и те, которые не владеют. В странах СНГ русских 25 миллионов, русскоязычных — десятки миллионов. Понятно, что не все они готовы к миграции, оценки показывают, что

потенциальный объем миграции из СНГ в Россию — примерно 15 млн человек. Этот колоссальный приток мигрантов радикально меняет ситуацию с устойчивостью пенсионной системы и демографической динамикой. Говорят, что капитал бежит из России. Какое бегство? Мировой банк посчитал, сколько переводят трудовые эмигранты из Молдовы, Украины, Узбекистана в свои страны. В Молдове, например, 20% ВВП — это выплаты от молдаван, работающих в России.

Итак, миграция есть, и масштабы ее значительны. Однако никакой последовательной, разумной миграционной политики нет. У приезжих из СНГ вымогают деньги, их загоняют в теневую экономику, они не платят налогов, они полагаются на механизмы этнической солидарности. Они оказываются втянутыми в организованную преступность. Власти делают все возможное, чтобы придать трудовой иммиграции самый отвратительный, самый вредный для общества вид. Вместо того чтобы построить разумную, открытую миграционную политику, понимать, кого и куда нужно привлекать, наши власти проповедают только запретительные меры. Что можно было бы сделать? Отбирать необходимых нашей экономике мигрантов, как это делают канадцы, на основе балльной системы например. Привлекать мигрантов на службу в вооруженные силы. Привлекать самых талантливых студентов СНГ в наши вузы. Что получается сейчас с образованием? После обучения в московском вузе выходцам, скажем, с Украины, мы не можем предоставить право на работу. В результате прекрасной подготовки они, естественно, на международных конкурсах выигрывают лучшие гранты и едут в Гарвард. Таким образом, мы активно помогаем американской экономике улучшить качество своего высшего образования. В этой связи необходим поворот к открытой миграционной политике, которая предполагает некий набор естественных, понятных и хорошо изученных технических методов: что должны делать посольства в области миграционной политики, что должны делать консульские службы. Каким образом со всего мира собрать специалистов, которые необходимы России для обеспечения экономического роста.

Но существует еще одна проблема. Есть страны иммигрантские и не иммигрантские. Скажем, Канада и Америка — типичные примеры иммигрантских стран. Германия и Франция — типич-

ные противоположные примеры. Для иммигрантских стран гораздо проще адаптироваться к реалиям XXI в., когда надо гнать волну эмиграции к себе. Странам не иммигрантским труднее. Мы здесь в промежуточном положении. Россия, хотя никогда не была иммигрантской страной, не была и страной мононациональной. В составе российского дворянства в конце XIX в. русских было примерно 55%. В составе генералов российской армии русских было процентов шестьдесят. В числе представителей российской элиты, тех, кто не имел русского происхождения, так много, что и не перечислишь. Россия всегда была страной подданных русского царя и страной русских. Потом страной подданных советской империи, что в переводе на политический язык называлось страной советских граждан. Таким образом, для нас трансформация в государство с русской культурой, с русским языком, но государство российских граждан, а не этнических русских — это абсолютно естественное продолжение традиций. Но это серьезный сознательный выбор, который надо сделать, если мы хотим решить проблему нашего развития в XXI в.

Перехожу к другой теме: вопросам реформы комплектования вооруженных сил. Это довольно тесно связано с проблемами демографии.

Чем обычно заканчиваются разговоры о реформировании армии? Улучшать ее организацию, увеличивать выплаты офицерскому корпусу, уделять больше внимания социальным условиям и пропаганде того, что служба в армии — это патриотический долг. К сожалению, реформирование армии не сводится к этим благим пожеланиям. То состояние, в котором пребывают наши вооруженные силы — далеко не сегодняшняя проблема. Проблема эта имеет долгосрочный и видимо трудно разрешимый без глубокой реформы системы комплектования вооруженных сил характер. Здесь я вынужден сделать некое историческое отступление.

Нынешняя система комплектования вооруженных сил по призыву родилась не вчера и не на пустом месте. К XVII в. в Европе доминирующим способом комплектования вооруженных сил были наемные армии. Они имели преимущество перед феодальной конницей, но обладали и серьезными недостатками, связанными с низким уровнем дисциплины, грабежами своего собственного населения. Наконец, если у нанимателя возникали проблемы

с финансами, такие армии попросту разбегались или переходили на сторону неприятеля. Тридцатилетняя война в Европе — это кульминация эпохи наемных армий. Первые рекрутские армии (армии, которые набирались по призыву и где солдаты служили много лет) возникают в XVII в. в первую очередь в Швеции. Шведская армия, которая была в середине XVII в. лучшей в Европе, создает образцы для подражания, и Петр с нее начинает делать свою армию. Рекрутские армии продолжают оставаться образцом для подражания и в XVIII в. Россия, кстати, одна из первых ввела рекрутскую армию по шведскому образцу. Эта армия была одной из лучших, в том числе и потому, что в это время рекрутский набор органично сочетался с российским крепостничеством. Проблемы рекрутских армий состоят в том, что они имеют обыкновение разбегаться. Если можно сбежать, то рекрут сбежит куда угодно: в разбойники, пираты, потому что для западноевропейского крестьянина, который уже привык к относительно свободной жизни в XVIII в., переход в положение рекрута — это переход обратно в рабство, от которого он уже отвык. А русский крестьянин — привык, для него это другой способ крепостничества. Повторяю, российская армия расценивалась как одна из лучших в то время. Российские солдаты не разбегаются, если их оставить без присмотра офицеров. Можно использовать, как делал это Суворов, и мобильные средства организации войск, что нельзя было делать в прусской армии, потому что тамошние солдаты тут же дезертировали бы.

Первыми систему массового призыва (не рекрутчины на 25 лет, а призыва на 3 года) вводит Пруссия. Это связано, прежде всего, с тем, что государство это относительно бедное, но воинственное. Оно хочет иметь мобилизованный резерв. Призывник прослужил 2 года, потом еще несколько недель, во время, которое не вредит сельхозработам, и в результате — вполне вымуштрованная армия. В массовых масштабах такую систему комплектования вооруженных сил реализует республиканская Франция. Франция — первая крупная страна, которая в полном объеме формирует систему всеобщей воинской обязанности с относительно короткими сроками службы, с массовым военнообученным резервом. Выясняется, что это особенно эффективный способ организации армии. Во-первых, ты можешь иметь армию из населения гораздо большую, чем лю-

бой из потенциальных противников, во-вторых, ты имеешь армию, в которой не нужна палочная дисциплина. Реформировав таким образом свою армию, государство получает огромные возможности другого способа организации военного дела. Всеобщая воинская повинность становится базой для подражания и доминирующей моделью организации комплектования вооруженных сил на следующие полтора века. Именно катастрофическое поражение Франции в 1871 г., очевидно связанное с преимуществами германской системы призыва, всеобщей воинской обязанности, подтолкнуло Россию к радикальной военной реформе, отказу от рекрутчины, формированию системы комплектования вооруженных сил, во многом сходной с германской.

До 1950–1960-х гг. такая система комплектования вооруженных сил является доминирующей. Важно понять, реалии какого времени она отражала. Когда формировалась и развивалась система всеобщей воинской повинности, подавляющая часть населения занята в сельском хозяйстве. Доминирует большая семья, где много детей. Смерть сына, одного из нескольких, конечно, неприятность, но не катастрофа. Она имеет отношение к натуральным повинностям, той привычной части жизни, с которой все смирились. Больше того, отправить сына в армию, где он научится грамоте, специализируется, может быть, потом останется в городе, — это путь социального продвижения для сельского мальчика из большой семьи, где земля достанется не ему, а старшему брату. Все это органично накладывается на традиции аграрного общества середины XIX в. А теперь мы вспомним, что мир радикально меняется. К середине XX в. общество становится урбанизированным, грамотным. Осуществляя воинский набор, мы имеем дело с молодыми людьми, которые, окончив среднюю школу, в подавляющем большинстве хотят идти в вуз. Им совершенно не нужна армия в качестве инструмента социализации. Мы имеем дело с семьей, где, как это ни смешно звучит, хорошо, если 1,5 ребенка, из которых — 0,75 — сына. То есть сын у тебя один. И тебе предлагают (лучше сказать, велят) одного-единственного сына отправить в армию, а может быть даже на войну!? Отец и мать найдут способ объяснить, что его у них не отобрать, придумают, как поговорить с конгрессменом, чтобы он провел закон об отсрочке, дать взятку, чтобы сын поступил в институт, у него заведется такая бо-

лезнь, что его никуда нельзя будет взять! Короче говоря, урбанизированное общество, грамотное и малосемейное, категорически отказывается считать всеобщую воинскую повинность своим патриотическим долгом и посылает этот сигнал властям. Правда, это делает наиболее влиятельная, образованная, социально продвинутая, обеспеченная часть общества. И призыв быстро превращается в своеобразный натуральный налог на бедных. Когда общество становится урбанизированным, две трети высокодоходных групп общества детей в армию не отправляет. Проведено обследование выпускников Гарварда во время Вьетнамской войны. Было обследовано примерно 17,5 тысяч военнообязанных выпускников. Из них во Вьетнаме оказалось 9 человек. Отзывается такое положение вещей крайне несправедливым налогом на бедных, что влечет за собой и специфическое качество контингента. Так что потом не стоит удивляться, что в армию попадают неграмотные дистрофики с букетом из нескольких болезней. Однако все перечисленное — не только наши проблемы, это проблемы всех постиндустриальных и индустриальных стран, которые пытаются сохранить систему призыва. Как выясняется позже, призывников нельзя заставить воевать. Формально можно, но реально — нет. Французы потерпели тяжелое поражение во Вьетнаме, и так и не решились послать туда ни одного призывника. В Алжир они послали призывников, и это переломило общественное отношение Франции к алжирской войне: французы проголосовали за предоставление независимости Алжиру.

В том случае, если государство желает иметь военную организацию, которая как-то функционирует, ему надо менять принципы ее комплектования, и это — объективная необходимость. Тогда следует отказаться от призыва как способа комплектования частей, которые можно послать в бой, и переходить к комплектованию на контрактной основе в разных формах. Существует несколько вариантов такого комплектования — короткие контракты, как в Штатах, 25-летние контракты, как в Канаде. Везде есть аргументы за и против, но надо отдавать себе отчет, что уйти от решения этого вопроса невозможно. Это фундаментальное следствие радикально изменившейся социально-экономической структуры общества.

Уважаемые, коллеги, глубоких фундаментальных проблем, с которыми нам на протяжении следующих десятилетий придется

ся иметь дело, довольно много. Я мог бы рассказать о проблемах устойчивости пенсионной системы, о тех проблемах, которые возникают в системе образования, здравоохранения, в области налогообложения и государственной нагрузки на экономику, в области финансово-кредитной политики в условиях открытых рынков и плавающих валютных курсов. Короче говоря, их много, и нужно понять, что мы живем в бурно меняющемся мире, о котором мало что знаем, где происходят неожиданные резкие изменения казалось бы устойчивых тенденций.

В этой связи важна способность к гибкой адаптации, к тому, чтобы не выстраивать структуры, которые может быть хороши сегодня, но которые невозможно перестроить, если вдруг изменится ситуация. Это важнейшая задача при выработке национальной стратегии. В нашей истории есть много примеров, когда имелись структуры, которые, вроде бы работали, но оказывались крайне склеротичными. Это, вообще, фундаментальная проблема, имеющая свои исторические корни. Это — как царская монархия с крепостничеством. Работали же, только оказались не способными вовремя перестроиться, когда ситуация изменилась. Также и с социализмом. Вот микропример: наша денежно-финансовая политика в 1997–1998 гг. Работала как-то, но только была абсолютно не приспособленной к тому, что будет, если возникнет кризис типа азиатского и одновременно упадут цены на нефть. Таким образом, нам предельно важно выстраивать свою систему институтов так, чтобы она была гибкой.

Несколько соображений о нашей политической системе и о том, что с ней происходит. Конечно, работающую демократию в России построить трудно. В России ее не было с XV в., после краха Новгорода и Пскова. Нельзя, очевидно, признать опыт построения демократии образца 1917 г. удачным. Сказать, что наша демократия образца 1990-х гг. является примером для подражания, было бы, пожалуй, слишком сильно. И тем не менее мы постепенно приближались к созданию неэффективной, молодой, нестабильной, но работающей демократии. В том числе и к работающему федерализму.

Построить унитарное государство легче, чем федеративное. Как человек, которому приходилось работать в российском правительстве, могу сказать, что глубокое негодование вызывает ино-

гда поведение местных властей, и как хочется сказать местному бонзе что-то от души, цыкнуть, наконец... Но в условиях демократии, даже такой, как у нас, этого делать нельзя, это неправильно. Россией как унитарным государством управляли несколько веков. Разве помогло это остановить коррупцию, подавить террор в последние десятилетия царского режима, когда всех губернаторов назначали? Что, мы две революции в империи предотвратили? Когда на постсоветском пространстве постепенно формируется пока пусть реально неэффективная, но функционирующая федерация, то общество неизбежно начинает понимать, что, выбирая, скажем, губернатора, оно выбирает не ходатая перед Кремлем, а человека, от которого зависит, будет ли вывозиться мусор и будет ли в домах горячая вода. И постепенно, с течением времени общество начинает делать более ответственный выбор. Я понимаю логику тех моих оппонентов, которые говорят, что мы не против демократии в целом. Но демократия в России сейчас? Нет, давайте подождем. Вот видите, как в Китае хорошо? Давайте сначала экономику поднимем, а уж потом и эту, как ее, демократию. Причем даже оппозиционеров сажать в тюрьмы не нужно, пусть они заседают в парламенте и пусть выходят оппозиционные журналы. Главное, чтобы по основным радио- и телевизионным каналам не высказывались неправильные суждения.

Есть образцы закрытых демократий. Была мексиканская демократия на протяжении многих десятилетий. Или в гораздо более мягком виде, скажем, итальянская демократия между Второй мировой войной и окончанием холодной войны, или японская демократия в тот же период. Да, закрытые демократии бывают, и бываюют довольно устойчивыми. У них есть два свойства, которые надо учитывать. Первое. Почему-то, как показывает опыт, они всегда очень коррумпированы. Видимо, так они устроены по своей природе, что не коррумпированными быть не могут. И второе. Они поразительно склеротичны. Бывают демократии, способные реализовывать глубокие реформы. Скажем, Англия при Тэтчер. Бывают менее способные. Бывают последовательные авторитарные режимы, способные проводить реформы. Скажем, Чили при Пиночете. Бывают не способные. Но закрытые демократии так устроены, что проводить глубокие реформы не способны, они могут разве что обеспечивать стабильность и неизменность. Но, еще раз

подчеркиваю, мы с вами живем в мире современного экономического роста, в мире, где постоянно возникают новые вызовы, к которым надо быть готовым. Неспособность российских властей на них реагировать дорого обошлась нашей стране в XIX–XX вв. Зачем нам нужно экспериментировать и в XXI? Спасибо.

Вопрос: *Вы высказали интересную мысль, что всегда что-то происходит вокруг России. Так оно и есть сегодня. Но как Вы оцениваете ситуацию на Украине, это демократия или псевдодемократия?*

Егор Гайдар: Я принимал участие в выборах в России, некоторые выигрывал, некоторые проигрывал. Принимал участие в нескольких референдумах. Когда мне говорят про явку в 98%, воспринимаю это как анекдот. Махинации на Украине были вопиющие не только по стандартам стабильной западной демократии, а даже по российским меркам. И, собственно, именно поэтому произошло то, что и произошло. Я не люблю Лукашенко. Мне не нравится, что делается в Белоруссии. Но я убежден, нравится — не нравится, но он выиграл свой референдум, поэтому революцию против Лукашенко провести было невозможно. А на Украине были откровенные, издевательские, на мой взгляд, по отношению к избирателям действия властей, которые и спровоцировали массовые выступления.

Вопрос: *Мы сегодня говорим о стратегических проблемах развития России. Как Вы считаете, традиционное место России в межхозяйственных связях, в международном разделении труда, как страны периферийного капитализма, является ли одной из стратегических проблем? Если возможно, дайте комментарий на тему места России в межхозяйственных связях и перспективы в связи с этим.*

Егор Гайдар: Место России в межхозяйственных связях прямо асимметрично месту Китая в межхозяйственных связях. Мы не являемся конкурентами Китая. У нас есть объективная база для стабильного долгосрочного сотрудничества. Что является структурными преимуществами Китая? Дешевая, хорошо мотивированная рабочая сила, близость к морским портам. В этой связи Китай интегрируется в мировую торговлю трудоемкой продукцией среднего уровня качества и сложности. Всего этого у нас нет. У нас более дорогая, чем у китайцев рабочая сила. У нас проблемы с доступом к открытым в течение года морским портам. Таким образом, на рынке, где сегодня столь быстро развивается Ки-

тай, мы ему не конкуренты. Наши сравнительные преимущества лежат в двух плоскостях. Одна из них, условно говоря, ниже Китая, а другая — выше. У нас дешевая энергия, в достаточно больших объемах, и она будет таковой на протяжении длинной исторической перспективы. У нас дешевое сырье, и оно будет таким на протяжении длинной исторической перспективы. Это не значит, что мы обречены быть экспортерами энергии и сырья. У нас очень большое транспортное плечо, перевозить на дальние расстояния продукцию с относительно низкой ценой на единицу объема или веса, бессмысленно. У нас есть сравнительные преимущества во всем, что относится к энергоемкой и ресурсоемкой продукции. Это одна сфера. Вторая сфера связана с продукцией, требующей высокой квалификации. Качество российской рабочей силы наши иностранные коллеги оценивают не очень высоко. А вот качество инженерного корпуса — высоко. Мне говорил один из руководителей крупнейшей фармацевтической компании Восточной Европы, который купил в России четыре фармацевтических завода, о том, что он у себя в стране не может создать команду специалистов по биохимии высокого класса, а вот здесь он ее элементарно набрал. Просто потому, что у них нет такого количества высококлассных специалистов. Высокий уровень подготовки инженеров, программистов, биологов — это другая сторона, где у нас есть сравнительные преимущества. Конечно, здесь есть и проблемы. В чем наша фундаментальная проблема в конкуренции, скажем, с Индией как поставщиком программного обеспечения? В слабом знании английского языка, но это преодолимо, и ситуация начинает меняться. Вот две большие сферы, где у нас есть серьезный потенциал.

Вопрос: *Тогда по ходу вопроса. К сожалению, Вы не осветили рубрику кризиса, связанного с бюджетной нагрузкой. Тема, имеющая непосредственное отношение к поддержанию развития образования. Преимущества подготовки квалифицированных кадров могут закончиться, по большому счету, мы эксплуатируем тот ресурс, который был наработан в советские годы.*

Егор Гайдар: Риски такие, естественно, есть. Я категорический противник всяких отраслевых приоритетов, потому что знаю, все кончается тем, кто даст взятку крупнее. Но если говорить о приоритетах, то образование, особенно качественное, инженерное, научное образование — это единственный разумный приоритет,

который я могу придумать и с которым, на мой взгляд, невозможно спорить. Дело в том, что очень много говорится про образование понаслышке. Я знаю практически все исследования, которые проводились по вопросам финансирования образования, качества образования. Они пока не дают ответа на то, что у нас реально происходит и что надо всерьез делать. Ясно, что некоторые образовательные школы мирового уровня в России сохранились. Очевидно, что получило широкое распространение некачественное псевдообразование. И то и другое — правда, но опять понаслышке. У нас есть кафедра экономики в физтехе. Заведующий кафедрой теоретической физики — мой близкий друг. Он говорит, что в этом году у них был прием такого качества, которого в Советском Союзе они не видели. Разумеется, физтех — это не все российское образование. И мы хотим в будущем году провести подробное, детальное исследование того, что у нас происходит с системой образования.

Вопрос: *Взаимоотношения с Японией. Что там на самом деле происходит?*

Егор Гайдар: Все предельно просто. У нас исторически длинная проблема с Японией из-за четырех островов. Если бы я верил в теорию заговоров, то сказал бы, что худший враг Советского Союза не мог бы придумать способа, как на десятилетия осложнить отношения с одним из наших важнейших соседей и торговых партнеров. Если бы я верил, например, в заговор американского империализма, заключающийся в том, как подгадить японцам и нам, то сказал бы, что получилось очень красиво, изящно. Но я не верю. Старая проблема, тяжелая. Пытались решить, велись бесконечные переговоры. Что, на мой взгляд, было правильно? В свое время Советский Союз подписал и ратифицировал соглашение 1956 г. Подписывал его Вячеслав Молотов. Сказать, что Молотов — это предатель интересов советского народа довольно трудно, но если Молотов считал, что это соглашение уместно для России, и затем оно было поддержано всем советским руководством, то, собственно говоря, почему оно не должно нас устраивать? Мы сказали, раз договорились в 56-м году, мы готовы это соглашение выполнять, что правильно юридически и политически. Это переносит мяч на японскую сторону. В Японии такая же суматоха из-за этих островов, как у нас. Стороны понимают, что никакого практического значения проблема

не имеет, но имеет огромную политическую составляющую. Дело в том, что японская элита разделена. Существует прагматическая, более молодая ее часть, которая утверждает, что нужно немедленно урегулировать отношения. Но это молодая часть, те, кому меньше 45 лет. А есть старшая ветвь политической элиты, которая привыкла на этих островах зарабатывать политические очки, и они-то как раз не готовы решать проблему в ближайшее время. Так что, сейчас, на мой взгляд, мяч на японской стороне.

Вопрос: Скажите, в связи с глобализацией какой должна быть наша стратегия? Мы должны объединяться со странами СНГ, либо мы должны идти навстречу Евросоюзу, либо мы должны остаться в своих рамках и никуда не идти?

Егор Гайдар: Мы так наобъединялись со странами СНГ на протяжении последних нескольких месяцев, что уж просто некуда дальше объединяться. Россия по географическому положению, финансовым возможностям — это объективное поле притяжения для стран СНГ. Есть такое понятие, как гравитационная модель внешней торговли. Если добавить в эту модель такие факторы, как общее историческое прошлое, широкое распространение русского языка и русской культуры в странах СНГ, то надо сильно постараться, чтобы Россия не стала центром притяжения для постсоветских государств. Но мы слишком смело и энергично идем к решению этой задачи. Я надеюсь, что если не делать глупости каждый день, может быть, придет время сбалансированных отношений, в которых стратегически Россия объективно заинтересована. Есть Европа, которая, особенно после расширения Евросоюза, будет всегда нашим крупнейшим торговым партнером (если раньше такое партнерство составляло 33% нашей внешней торговли, то будет 50%). Есть США, которые являются нашим важнейшим партнером в вопросах безопасности, с которыми у нас есть общие проблемы, относящиеся к исламскому фундаментализму и международному терроризму. Есть Китай — наш великий сосед, карту которого в борьбе со Штатами лучше не использовать, потому что это крайне глупо (к тому же надо понимать, что китайская бюрократия состоит не из глупцов). Всемерно развивая отношения с каждым из этих партнеров, Россия не заинтересована в том, чтобы быть в каком-то союзе или блоке. Как-то мы с моими европейскими коллегами обсуждали вопрос о потенциальном член-

стве России в НАТО. Я предложил им тогда представить, что мы уже решили все внутривнутриполитические проблемы, которые препятствуют вступлению России в НАТО, решили все технические тяжелейшие проблемы. А после этого попытаться представить, что после этого у России возник конфликт на восточной границе. Кто всерьез может предположить, что бельгийский контингент будет воевать на Амуре?

Вопрос: *Как Вы относитесь к высказыванию, что основной проблемой российской экономики является недостаточная мотивированность населения работать эффективнее, и что нужно делать, для того чтобы люди работали эффективнее, чтобы они были заинтересованы работать, больше зарабатывать и не работали на неэффективных предприятиях?*

Егор Гайдар: Пожалуй, не соглашусь с этим тезисом. Мне кажется, что мы недооценивали степень мотивированности и адаптивности российских трудящихся к рыночным условиям. Она оказалась выше, чем ожидалась. Естественно, такого рода проблемы есть везде и всегда. Но в общем рынок рабочей силы оказался довольно гибким. Не всегда эта гибкость носила легальный характер. У нас значительная нелегальная занятость. Тогда надо ставить вопрос по-другому: что надо делать, чтобы она стала легальной? Понятно: бороться с административными барьерами, иметь менее коррумпированный государственный аппарат, дальше совершенствовать налоговую систему. Говорят, у нас нет мелкого предпринимательства. Хорошо, посмотрите статистику занятости за последние шесть лет. У нас появилось по данным опросов примерно 10 млн новых занятых. На крупных предприятиях занятость не изменилась. А куда пошли работать эти 10 миллионов?

Вопрос: *Очень рад Вас видеть здесь, Егор Тимурович. Вопрос такой. Вчера в буржуазном журнале, опубликованном в интернет-газете «Дни.ру», Борис Немцов сказал следующее: «В России есть фактор крайней разобщенности оппозиции, здесь на нас лежит моя личная ответственность. Моя личная задача — консолидация демократической оппозиции». И еще одна цитата: «Самое горестное — это то, что мои товарищи по партии, не хочу ни на кого показывать пальцем, ставят свои личные цели выше, чем интересы страны». Скажите, у Вас есть личная задача объединить демократическую оппозицию? И справедливо ли последнее утверждение Немцова?*

Егор Гайдар: Во-первых, Борис — мой друг, и за него не хотел бы говорить. Лучше, когда подобного рода вещи комментирует тот, кто их озвучил. Я считаю его очень талантливым политиком. Как у всех, бывают и неудачи, но я считаю, что он будет делать все возможное для объединения демократических сил. Далее, я не занимаюсь сейчас активной публичной политикой. Я считаю, что позанимался ей достаточно, свою смену отстоял, но всем, чем могу, помогу в деле объединения демократических сил. Мне известно, как устроен политический процесс на постсоциалистическом пространстве. Дело в том, что постсоциалистический переход по своей природе — тяжелейший процесс. В первую очередь, потому, что он начинается после краха одной системы и требуется время, чтобы новая система заработала. Это трудная адаптация к радикально изменившимся условиям. Люди, которые в это время возглавляют правительство и политические силы, от такой адаптации неизбежно устают. Население, в свою очередь, устает от этих людей, бывших продолжительное время на виду. Хорошо, говорят они, ты умный, может и не коррумпированный вовсе, но мы устали от тебя. На это не надо обижаться, к этому надо относиться как к реальности. Первостепенной задачей здесь (это показывает опыт всех стран постсоциалистической Европы) является выдвижение нового поколения политических лидеров, тех, кто не примелькался за прошедшие 15 лет. Им помочь надо, поддержать их.

Вопрос: *Я очень активно слежу за деятельностью СПС, в частности в регионах. И вот в связи с этим у меня вопрос — а что дальше будет в СПС? Провели нескольких депутатов в разные региональные парламенты, а что дальше?*

И второй вопрос. Возможно ли все-таки долгожданное объединение СПС и «Яблока», или все-таки это будет какая-то другая структура, демократическая структура. Без Явлинского, без Чубайса и, уж извините, без Вас.

Егор Гайдар: Нет, не извиняйтесь. Я как раз, в отличие от Вас, не слежу внимательно за текущими перипетиями региональной политики, поэтому не хочу комментировать — не в теме. Могу ответить с более общих позиций. Мой друг, нынешний председатель Центрального банка Польши Лешек Бальцерович в свое время был одним из создателей «Союза свободы», который блестяще выступил на выборах 1997 г. Тогда же я подумал, что, видимо, что-

то подобное получится и у нас. В 1999 г. получилось. Для этого потребовалась серьезная реорганизация нашей части политического спектра. Тяжелые переговоры — это всегда утомительно, вязко, не быстро, но это надо было сделать, мы это сделали, и мы выиграли. В 2001 г. «Союз свободы» понес сокрушительное поражение на выборах. Я подумал, что в 2003 г. у нас будут проблемы. Они были. В той же части политического спектра в Польше возник так называемый Гражданский форум. Он сейчас получил 22% на выборах в Европарламент. Лидеры «Гражданского форума» идеологически такие же, как и мы. Но это другие люди, они молодые, о них три года назад вообще никто в Польше не знал. Вот что-то подобное должно быть и у нас. От того, что мы сядем с Явлинским, Чубайсом за стол переговоров и еще раз попытаемся договориться, я боюсь, вряд ли что изменится. Но тем не менее сделать так, чтобы мы оказались помощниками, а не преградой на пути к объединению — вот это, на мой взгляд, наша задача.

Вопрос: *Если позволите, вернемся к образованию, просто такой уточняющий вопрос. Вы сказали, что Вас не убеждают те публикации, те исследования, которые сейчас проводятся, то есть, на Ваш взгляд, вливаться в мировые процессы в образовании, я имею в виду Болонский процесс в первую очередь, России не стоит. То есть производить глубокие реформы образования.*

Егор Гайдар: Проблемы образования глубоки и носят не только российский характер, они глобальны. И Болонским протоколом они не решаются. Современные системы образования, в том виде, в котором они существуют сегодня, сложились где-то между 1940-ми и 1960-ми гг. Это было время, когда в мире (я имею в виду наиболее развитые страны) господствовало согласие по нескольким пунктам. Первый из них: у государства есть неограниченные финансовые ресурсы. Сколько надо денег — столько и будет. Просто потому, что был такой период экономического развития — послевоенный. В этот период мир выходил на другие пределы финансовой нагрузки, существовало представление, что денег будет сколько надо. Это представление оказалось неправильным. Второе представление было правильным и заключалось в том, что образование — это приоритет. И было третье представление, которое стало особенно выраженным с конца 1960-х гг. Суть его в том, что образование — это мощный механизм социального выравни-

вания. Иными словами, мы не можем взять имущество и переделить, всех сделать равными, а вот сделать так, чтобы всем дать равные возможности образования — это в наших силах.

Так социальный аспект стал важнейшей аксиомой для подавляющей части мировой образовательной элиты и образовательного сообщества. А дальше возникли серьезные проблемы, потому что когда и если ставится задача использования образования как инструмента социального выравнивания, то под сомнение попадает качество образования. Поясню: если ты ставишь задачу не просто обеспечить равный доступ к образованию детям из разных социальных групп, но и обеспечить примерное равенство результатов, которые получают выходцы из разных социальных групп (а именно это, с недавнего времени, стало рассматриваться в качестве важнейшей задачи образовательного процесса), то тогда в выборе: качество образования или социальное равенство — ты твердо выбираешь социальное равенство и, соответственно, жертвуешь качеством образования. Дальше возникает набор долгосрочных проблем, которые связаны с тем, что образование на десятилетия стало рассматриваться в качестве способа социального выравнивания. Кстати, преимущества советской школы состояли в том, что в Советском Союзе социальное выравнивание не было целью советского образования. Существовали элитные школы для детей начальства, элитные школы для способных ребят с тем, чтобы потом выпускников этих школ брать в военные вузы, ориентированные на военно-промышленный комплекс. Создавались специальные программы, которые, скажем, невозможны в Англии и США. В СССР не надо было иметь отдельную систему платных школ, которая позволяет выпускать пар в Англии или в Америке. Система образования Советского Союза была ориентирована не на социальное выравнивание, а на качество знания. И нам сегодня, как мне кажется, очень важно этим не поступиться, этого не потерять. Такая постановка вопроса не означает, что мы не должны ставить задачу подтягивания слабых школ до уровня хотя бы средних. Но это не значит, что надо сознательно разрушать систему элитных, качественных школ.

Вопрос: *Егор Тимурович, Вы просили в начале дня не говорить о стабилизационных фондах и так далее, но я все-таки позволю себе спросить. Не считаете ли Вы, что расходование данных средств, ну,*

достаточно взвешенное, на глобальные проекты, скажем, на то же реформирование армии, или на науку, культуру, образование — решит во многом, пусть даже в части, а не во многом наши глобальные проблемы, о которых мы говорим сегодня. Если рано или поздно цены на нефть упадут, мы будем деньги, сэкономленные сегодня, тратить на зарплаты, мы их просто проедем. И опять же не решим эти глобальные проблемы, о которых Вы сегодня говорили. Спасибо.

Егор Гайдар: Я, наверное, мог бы согласиться с этой точкой зрения, если бы не знал историю краха экономики Советского Союза. В 1981 г. цены на нефть в реальном исчислении были намного выше, чем сейчас. Они были в нынешних долларах — за 70 долларов. И Советский Союз, советское руководство, советское правительство сделало ошибку, решив, что цены на нефть высоки навсегда, подстроив структуру экономики, экспорта, бюджета под эту гипотезу. Если цены на нефть навсегда, почему не импортировать по 45 млн тонн зерна? Почему на эти нефтедоллары не повесить всю структуру животноводческого комплекса, структуру потребления продуктов питания? Если исходить из гипотезы постоянства цен на нефть, то и гонку вооружений и само существование военно-промышленного комплекса можно повесить на прибыль от продажи нефти. И бюджет. В те годы я и мои коллеги в разговорах с людьми, близко работавшими с тогдашним правительством и Центральным комитетом КПСС, предостерегали их от упования на эту гипотезу. На что нам с улыбкой отвечали: «а разве предполагается, что машины будут ездить на воде, а не на бензине»? Вот и сейчас, когда мы говорим то же самое тем, кто считает, будто цены на нефть на века, нам отвечают: «а предполагается ли, что Китай исчезнет»? Китай не исчезнет, но рынок нефти имеет специфику. Это рынок с очень низкой эластичностью объема производства по цене. Именно поэтому на нем столь резкие колебания. При нынешних ценах на нефть очень выгодны вложения в проекты, в которые никто бы не стал вкладывать при 20 долларах за баррель — в альтернативные источники энергии, в энергосбережение, в нетрадиционные нефтяные месторождения и так далее. А когда средства вложены, проект осуществлен, выясняется, что предложение превышает спрос, а сократить производство невозможно. Так что волатильность рынка нашего основного экспортного товара — это огромный риск. Это первое обстоятельство.

Второе. Когда вы начинаете включать подобного рода волатильные, неустойчивые доходы в текущие расходы бюджета, вы должны твердо знать, как ответить на элементарные вопросы: когда цена будет не 35 долларов, а 10, как вы адаптируетесь к этому? Что у вас будет с курсом, с вкладами, с пенсиями, с денежным довольствием военных? Если вы знаете ответ на эти вопросы, пожалуйте, тратьте Стабилизационный фонд. Но беда в том, что никто из тех, кто предлагает сейчас вложить деньги в строительство моста на Сахалин, на подобные вопросы ответа не дает. Третье, если мы не хотим, чтобы Россия всю жизнь оставалась чисто сырьевой страной, то должны научиться бороться с такой проблемой (про нее уже много писали, теперь о ней стали говорить даже неспециалисты, которые 10 лет назад могли перепутать ее с чем-то неприличным), как «голландская болезнь». Это тяжелейшая проблема, и никто в мире твердо не знает, как с ней бороться. Стабилизационный фонд — это один из немногих эффективных способов борьбы с «голландской болезнью».

Вопрос: *Егор Тимурович, как Вы относитесь к действиям нашего президента по укреплению вертикали исполнительной власти? И насколько эффективно это будет для России? И второй вопрос: к чему может привести назначение губернаторов в регионах?*

Егор Гайдар: Я не поддерживаю инициативы президента в этой области. Вспомните, мы губернаторов, а потом первых секретарей обкомов партии назначали и в России, и в Советском Союзе довольно продолжительное время. Это нам помогло победить коррупцию в России? Это не в России воровство считалось национальной особенностью? А разве назначение губернаторов помогло борьбе с терроризмом? Разве в России царей, великих князей, премьер-министров, да тех же губернаторов не убивали? Две революции это остановило? По-моему, это странная реакция на реальную проблему.

Вопрос: *У меня тогда попутный вопрос возник. Есть такая версия, что это связано с укрупнением регионов, которое грядет. Именно для этого нужны назначаемые губернаторы.*

Егор Гайдар: Не знаю. Я, как человек, который в политике какое-то время работал, люблю говорить о том, что я знаю.

Вопрос: *У меня такой вопрос Егор Тимурович, в Послании президента за 2004 год было поставлено две первоочередных задачи. Одна*

из них — это удвоение ВВП. Меня интересует такой вопрос: насколько этот показатель достижим и в какие сроки? Спасибо.

Егор Гайдар: Достижим. Нет ничего в экономической теории, что бы позволило сказать, что этот показатель недостижим. Но, правда, надо сказать и другое. Нет ничего в экономической теории, что позволило бы сказать, что он будет достигнут. Естественно, что политический деятель, руководитель страны, имеет все основания хотеть, чтобы страна демонстрировала динамичный экономический рост. Удвоение, утроение, учетверение — не имеет значения. Он может требовать от своих подчиненных, чтобы они старались реализовать эту задачу. Подчиненные могут стараться это сделать. Они могут сказать, что если им не удастся это сделать, то они уйдут в отставку. Они могут даже сказать, что если им не удастся это сделать, они застрелятся. Они одно не имеют права сделать — подобного рода пожелание включить в бюджетный процесс. Потому что, когда выяснится, что что-то не получается, им придется объяснять военным, пенсионерам, врачам и учителям, что им не будут платить заработную плату.

Вопрос: *На прошлом семинаре нам говорили о том, что у России существует несколько путей развития и один из них — это присоединение России железной рукой к Европе, своеобразная продажа России. А Вы говорите о том, что Россия и Европа — это партнеры, особенно сейчас, после расширения Евросоюза. Какой путь лучше — стать частью Европы или остаться все-таки партнерами?*

Егор Гайдар: К сожалению, у нас нет этого выбора, по крайней мере в среднесрочной исторической перспективе. Я многократно участвовал в обсуждении вопроса о стратегии европейского развития, но вопрос о членстве России в Евросоюзе никогда всерьез не обсуждался. Европа воспринимает нас как страну слишком большую, чтобы ее можно было интегрировать в структуру Евросоюза. Когда обсуждают стратегические вопросы, — про Украину говорят, про Белоруссию, когда Лукашенко не будет. Про Закавказье. Про Россию речь всерьез не заходит никогда. Так что, Европу нам надо понять и принять как соседствующую реальность. В этой связи нам надо выстраивать отношения с европейцами, а европейцам надо выстраивать отношения с нами совсем по-другому, чем в Восточной Европе. Мы не будем членами семьи, это надо понять. Но мы соседи, а с соседями выстраивают отношения иначе, чем

с членами семьи. В этом и заключается, на мой взгляд, проблема наших отношений с Евросоюзом. Евросоюзу бывает трудно понять, что когда и если у тебя сосед, а не потенциальный жених твоей дочери, то с ним надо по-другому разговаривать. Мне кажется, что и мы, и Евросоюз начинаем учиться этому.

Вопрос: *Егор Тимурович, с легкой руки президента в последнее время всерьез обсуждается такое понятие, как социальная ответственность бизнеса. В экономической теории вообще есть ли такое понятие и как Вы к этому относитесь?*

Егор Гайдар: Оно из того же словаря, как выражение «по понятиям».

Вопрос: *В результате перераспределения прав собственности мы оказались в ситуации неэффективного управления собственностью со стороны многих собственников. Ваше мнение, как государство может решить эту проблему? Деприватизация, более активные проверки со стороны Счетной палаты или политика невмешательства?*

Егор Гайдар: Мне кажется, что большая часть российской экономики сегодня оказалась в руках эффективных собственников. Просто для того, чтобы приватизация работала, как выяснилось, нужно время. Давайте, сравним с вами ситуацию в динамике двух важнейших отраслей российской экономики. Одна отрасль называется «газ», а другая называется «нефть». Газпром реально приватизированным никогда не был, он стал, по существу, государственным предприятием, что бы там формально ни делалось с его акциями. Нефтяная отрасль была реально приватизирована. Да, конечно, сегодня есть очень серьезные проблемы, связанные с делом «ЮКОСа», но давайте на минуту абстрагируемся от этого. Начнем с нефти. Итак, нефть, 1995 г. Падение добычи началось еще на государственных предприятиях и шло темпами 50 млн тонн в год начиная с 1990 г. 1995–1996 гг., приватизация. Полный бардак. Махинации с активами, бегство капитала, борьба за собственность, плохой менеджмент, падение добычи, низкие инвестиции. А вот Газпром, те же годы. Конечно, нельзя сказать, что все хорошо, но нет такого падения добычи. Есть непрозрачные сделки, но не в таких масштабах, как в нефтяной отрасли. Инвестиции медленно, но идут. Вывод — приватизация ничего не дает. Смотрим на происходящее дальше. Лето 2003 г., Газпром. Очень серьезные проблемы с инвестициями, растущая задолженность, которая

непонятно как обслуживается. Полный бардак с финансовыми потоками, непрозрачные сделки с собственностью, нерастущая добыча. Нефть. Эффективные компании, быстрый рост инвестиций, финансовая прозрачность, эффективный менеджмент. Главная проблема — это как не посориться с ОПЕК из-за того, что у нас темпы роста добычи 50 млн тонн в год. Вот вам реальные результаты приватизации и не приватизации. У нас колоссальные проблемы не с тем, что мы приватизировали, а с тем, что мы недоприватизировали. Этот сектор унитарных предприятий — гнилой зуб российской экономики, который мы не вылечили именно потому, что нет собственника, нет эффективного менеджмента: по-прежнему воруют, как воровали в 1991 г. У нас очень серьезные проблемы в государственных компаниях. В этой связи я думаю, главное, что с собственностью не надо делать — не надо трясти. Мы трясли ее уже и в 1917 г., и 1991-м, может быть, хватит? У меня была как-то высокопоставленная китайская делегация. У них серьезные проблемы с государственной промышленностью, они приезжали мягко посоветоваться по вопросам приватизации. Я сказал им, что приватизация — это вопрос сугубо политический, а не проблема экономической теории. Впрочем, один совет я этой делегации дал: когда главный китайский руководитель решит все-таки проводить приватизацию, ответственным за нее надо назначить человека, которого он ненавидит больше всего в своей жизни.

Вопрос: *Уважаемый Егор Тимурович, вопрос касается формирования политической элиты у нас в государстве. На Ваш взгляд, какой это процесс? Естественный, стихийный или в большей мере становящийся искусственным, в том числе с помощью политических инкубаторов типа «Открытой России»? И сказывается ли на качестве политика судьба его становления? Или он выходец из центра, с периферии, из регионов или выходец из бизнеса, из чиновничества и так далее, ученый, военный? И второй маленький вопрос, если позволите. Насколько наше государство заинтересовано, если да, то насколько, в поддержании теневой экономики и в той дармовой рабочей силе, источником которой является наша армия? Спасибо.*

Егор Гайдар: По поводу политической элиты хочется процитировать моего друга и коллегу Бориса Ефимовича Немцова, который, выступая на митинге в Киеве, назвал виновников происходящего нерушимым блоком чекистов и рецидивистов. Это по поводу

политической элиты. Вы знаете, я честно вам скажу, не знаю. Здесь нет единых правил, ситуация регионализована. Она меняется. Что здесь важно, на мой взгляд, так это не затягивать наглухо крышкой этот кипящий котел. Вот сейчас одна из идей — переход к чисто партийным выборам в Государственную думу. Почему она мне не нравится и кажется опасной? Да, я согласен с тем, что сказал президент: депутат-одномандатник ни на что повлиять реально не может. Это как в старом советском анекдоте: самая независимая страна — это Монголия, потому что от нее ничего не зависит. Но тем не менее одномандатники — часто политически активные, талантливые люди, которые иногда по 3–5 раз выигрывают выборы в своих мажоритарных округах. Кстати говоря, обладая политическим опытом, они много и часто плодотворно выступают при обсуждении законопроектов в Думе. У них есть то, что называется на английском языке «voice», голос. Они присутствуют на политической сцене, и это значит, что есть канал выхода на политическую арену талантливых, харизматических лидеров, которые потом могут быть лидерами партий. Так что жестко задвигать крышку котла, в котором варится политическое варево, не стоит.

Вопрос: *Егор Тимурович, говоря о демографической ситуации, Вы затронули проблему потребления алкоголя. Проблема на самом деле огромная, поскольку алкоголизация населения с одной стороны естественным путем повышает показатель смертности и с другой стороны таким же естественным путем понижает показатель рождаемости. Что мы наблюдаем, опять же, вокруг себя? С одной стороны повсеместная и неограниченная продажа алкоголя, а с другой стороны — отсутствие принудительного лечения, поскольку для госпитализации требуется подпись человека, находящегося в невменяемом состоянии. И мой вопрос таков: волнует ли эта проблема кого-то на уровне более высоком, чем родственники алкоголиков? Спасибо.*

Егор Гайдар: Безусловно, проблема эта волнует. Беда в том, что нет простых рецептов того, как бороться с алкоголизмом в России. Вот, например, когда мне предлагают варианты решения чеченской проблемы иностранцы, я обычно говорю, что если кто-нибудь из них решит ближневосточную проблему, мы немедленно пригласим его в Россию решить чеченскую. Если когда-нибудь, кто-нибудь мне скажет, как решить проблему алкоголизации, кроме как ростом культурного уровня, ростом уровня образова-

ния, расширением различных способов организации досуга, я буду счастлив. Однако пока такого еще ни от кого в жизни своей не услышал. Известно, что в России два раза предпринимали попытку в лоб справиться с проблемой алкоголизации российского населения. Первый раз на этом развалилась Российская империя, потому что «сухой закон» был важнейшим фактором финансовой дестабилизации, которая спровоцировала революцию. А второй раз рухнул Советский Союз. Так вот, в третий раз лобовым способом решать эту проблему я бы не советовал.

Вопрос: *Егор Тимурович, я бы хотел затронуть такую проблему, как несоответствие личных интересов человека общественным интересам. Не всегда человек заинтересован в том, что он декларирует. Но, к сожалению, я работал в научно-исследовательских институтах, и на заводе, и в коммерческих предприятиях, и в армии служил. И на протяжении всей жизни, конечно, наблюдал это. Но приходится констатировать факт, что на деле это приводит к срыву тех задач, которые ставит коллектив, объединяющий людей. То есть люди, объединенные конечной целью, вроде бы в ней заинтересованные, при выполнении этой задачи, ну, скажем, мешают друг другу, конкурируют в ущерб этой задаче. Только это приводит к тому, что если проектируют какую-то машину, то она либо вообще не сделана, либо сроки ее проектирования затягиваются. А в политической сфере, даже такие люди, как Немцов и Явлинский обсуждают проблему, кого выдвинуть президентом от демократических сил. Ну, не все ли равно, во имя объединения кто из них будет, уступит. Нет, вот тут в результате полный провал. Кажется, уж такие развитые интеллектуальные люди, но... Тем, что я говорю, конечно, никого не удивишь, все мы имеем жизненный опыт и знаем это на практике, когда даже элементарную вещь невозможно организовать толком, но вот верите ли Вы, что когда такая традиция или такие жизненные установки имеют большое влияние, возможно ли вообще проведение каких-либо реформ? Ведь мы же фактически наблюдаем, что ни одна задача, которая декларируется на протяжении последних десяти лет, не выполнена.*

Егор Гайдар: Жизнь сложна...

Вопрос: *Уважаемый Егор Тимурович, если я Вас правильно понял, то процесс депопуляции в России будет тянуться еще нескончаемо долго и единственный выход из этого, это создать благоприят-*

ные условия для иммиграции из других стран. А не кажется ли Вам такая точка зрения хорошим аргументом для того, чтобы полностью свернуть задачи внутренней политики по снижению смертности, повышению рождаемости и так далее.

Егор Гайдар: Нет. Эта тема давно и подробно исследована. Существуют две гипотезы относительно повышения рождаемости. Согласно первой из них мы на протяжении следующих десятилетий поднимем рождаемость до показателя простого воспроизводства (чего нет ни в одной развитой стране мира, даже и в США, где показатели рождаемости самые высокие из развитых стран, в первую очередь из-за большой иммиграции). Согласно другой — выведем продолжительность жизни на показатели, характерные для наиболее развитых стран Западной Европы. Однако независимо от того, сработает ли хоть одно из этих предположений, все равно население России сократится на протяжении следующих пятидесяти лет по меньшей мере на 30 млн человек. Но я не сказал бы, что являюсь противником принятия всех возможных мер для повышения продолжительности жизни и стимулирования роста рождаемости. Надо понимать только, что эти процессы — крайне инерционные и влиять на них так, чтобы они начали меняться уже завтра — не получится.

Вопрос: *У меня вопрос сугубо профессиональный; как Вы смотрите, Ваше видение развития малого бизнеса? И меня очень волнует вопрос: у нас в малых городах не то что развитие малого бизнеса застопорилось, происходит некий процесс стагнации. Ваше видение развития малого бизнеса в малых городах? Спасибо.*

Егор Гайдар: Это один самых сложных вопросов экономической политики. Потому что он упирается в другой сложнейший вопрос. Вопрос о качестве административного аппарата, необходимости административной реформы. Главная проблема российского малого бизнеса — это административный рэкет, вымогательство. Не налоги, а именно административный рэкет. Кстати, борьба с административным вымогательством является одним из приоритетов правительства на протяжении последних лет во всех программах. Все что пишется, как правило, не бессмысленно. Беда в том, что это как раз та реформа, по поводу которой можно легко написать 7 страниц вполне разумного, осмысленного текста, но ее бесконечно трудно практически воплотить в жизнь.

Вот почему наш институт, в своей истории разработавший многие важнейшие реформы — от фискальной до межбюджетных трансфертов, — никогда не брался за разработку программ административной реформы. Это не значит, что я считаю такую задачу нерешаемой. Ее можно решить, но только тогда, когда есть твердая уверенность в том, что первое лицо в государстве не просто ее поддержит на словах, подпишет указ, постановление, закон, а будет ею заниматься как приоритетным делом, на протяжении многих и многих месяцев. Потому что 7 страниц любой умник напишет. А затем их нужно и должно перевести в жанр абсолютно конкретных документов, из которых следует, как будет реформирована система ГИБДД. Как будет реформирован Санэпиднадзор. Как будет реформирован Пожарный надзор. Как будет реформирована Налоговая служба. Причем все это должно быть воплощено в форму документов, которые существенно сокращают произвол этих служб, а документы эти сложнейшие технически. Попробуй напиши документ о том, как ты сокращаешь права Санэпиднадзора, тебе завтра эпидемию устроят, а потом скажут — вот видите, нареформировались. Или 4 крупных пожара. Необходимо иметь некий уровень сотрудничества этих ведомств в деле, которое внутренне им глубоко претит, потому что суть этого дела — сокращение их произвола.

Вопрос: *У меня вопрос следующий. Это продолжение вопроса про вертикаль власти. Не кажется ли Вам, что мы потихонечку подходим к грани возможной социально-экономической революции? В связи вот с чем: мы говорим, что политическая система, которая выстраивается в стране, имеет такие характеристики, как стагнация, инертность, предельная негибкость. Это — с одной стороны. С другой — мы видим, что бизнес, и мелкий, и средний, и крупный, развивается в диаметрально противоположном направлении. Он становится все более гибким, все более развивающимся, все более динамичным. И не получается ли тогда, что просто возникает конфликт между двумя системами, которые движутся, векторно, в диаметрально противоположных направлениях. Спасибо.*

Егор Гайдар: Я полностью разделяю ваши опасения. Именно этот конфликт мне кажется стратегически одним из самых опасных процессов, которые сегодня могут подорвать социально-экономическую и политическую стабильность. Я очень надеюсь, что этого не произойдет. Видите ли, мне пришлось не только пере-

жить революцию, как и многим из вас, но и правительством руководить в условиях революции. И я твердо знаю, что ничего романтического в революциях нет. И уж если случились у нас две революции в XX в. — в 1917-м и в 1991–1993 гг., то этого хватит и нашим детям, и внукам. Но в чем вы абсолютно правы, это в том, что если делать все так, как делается, а именно действительно пытаться устроить в условиях уже открытого глобального, интегрированного в мир рыночного общества, управляемую демократию, то раньше или позже рванет точно. Вопрос только когда, и в каких формах.

Вопрос: *Егор Тимурович, хотелось бы спросить Ваше личное мнение по делу «ЮКОСа». К чему это нас может привести?*

Егор Гайдар: Я знаю хорошо дело «ЮКОСа» и считаю, что в нем были серьезные политические ошибки, допущенные с обеих сторон, которые имели крайне негативные последствия для страны. Не хочу входить в технические детали, но то, что это все очень плохо, очевидно. Все время думал, когда произошедшее начнет сказываться на экономической динамике. Так вот, когда выставили первый налоговый счет «ЮКОСу», это было весной, мне позвонил мой друг, бывший первый заместитель директора-распорядителя МВФ, профессор, а сейчас вице-президент Ситибанка. Он спросил: скажи, они понимают, что, когда возникают подобного рода непредсказуемые налоговые обязательства у крупнейшей компании на такие суммы, как это скажется на инвестиционной привлекательности, кредитном рейтинге? Я ответил, что те, кто понимает, не могут на это повлиять, а те, кто может повлиять, — не понимают. Если кто-то хочет остановить экономический рост в России, то самый надежный способ — продолжать делать то, что делают с «ЮКОСом». Мы годами старались сделать Россию скучной страной. Скучной, в смысле предсказуемой. Весной 2003 г. ко мне стали приходить московские корреспонденты крупнейших международных газет и жаловаться, что Россия стала неинтересной, скучной, ничего не происходит. С лета 2003 г. проблема скуки полностью решена. Это очень опасно для экономического роста.

Вопрос: *У меня вопрос как к человеку, работавшему в правительстве. Как общество, на Ваш взгляд, влияет ли на правительство, и есть ли у правительства этакая профессиональная циничная броня, подвержено ли оно влиянию общества?*

Егор Гайдар: Очень по-разному в разные времена и при разных правительствах. В целом скорее да, чем нет. По разным каналам подвержено: через общественное мнение, печать, парламент. Сейчас, на мой взгляд, менее подвержено, чем было. Скажем, взять прошлую Госдуму. На самом деле, значение Думы в реальном процессе выработки решений, как мне кажется, российское общество сильно недооценивало. В прошлой Думе правительство, как правило, могло собрать большинство, но это всегда был вопрос договоров, согласований, тщательной работы, борьбы. В этом процессе, конечно, правительство идет на какие-то уступки лоббистам, но зато документы внимательно прорабатываются. Много моих друзей работает и в правительстве, и в Центральном банке. Они квалифицированные люди, не коррумпированные, они хотят добра. Но все они прекрасно понимают, что добиться того, чтобы из правительства выходили хорошо проработанные документы в принципе невозможно, потому что слишком много текучки, повседневных забот, невозможно сосредоточиться и внимательно изучить важный закон. А если в парламенте работают хотя бы два десятка квалифицированных экономистов и юристов, они внимательно почитают законопроект, зададут вопросы ответственному лицу, представившему этот документ, выработают поправки. После проработки специалистами в Думе этот документ будет существенно лучше. К сожалению, между прошлой Думой и нынешней существует принципиальная разница. Все это негативно влияет на процесс разработки любых законопроектов.

Вопрос: *Очень интересно было послушать Ваш доклад. Немного разочаровало, что не хватило времени на проблему социальной политики. Хотелось бы узнать какова, по Вашему мнению, оптимальная модель социальной политики для России, учитывая демографическую ситуацию и развитие мировой экономики?*

Егор Гайдар: Это непростой вопрос. Я попытаюсь, не входя в детали, сказать, что, на мой взгляд, является фундаментальными проблемами социальной политики — и российской, и мировой. На протяжении веков существовало представление о верхних пределах налогообложения. Это был важнейший параметр всех аграрных обществ. Все, что происходило в аграрных обществах, вращалось вокруг того, сколько можно с крестьянина состричь. Если пытаешься состричь слишком мало, то у тебя не хватает денег

на оборону или на государственное управление. Если пытаешься состричь слишком много, крестьяне начинают бежать из деревни, уходить в разбойники, эмигрировать. Такое балансирование — это почти самый важный инструмент всех аграрных обществ. За счет того, что отбирали у крестьянства, существует царь, его семья, государственный аппарат, налоговая служба, армия. К началу XX в. представление о том, что десятина — это нормальный предел налогообложения, было доминирующим в мире. Считалось также, что 5% — это относительно либеральная система, 15% — это слишком много и несовместимо с экономическим ростом. Но, когда начался современный экономический рост, когда возникли абсолютно новые технологические возможности, когда уровень жизни давно вышел за пределы физического выживания, выяснилось, что пределы налогообложения, которые тысячелетия казались стабильными, нестабильны. Во время Первой мировой войны выяснилось, что, если надо, можно без всякого труда изъять 40% ВВП. После войны происходят некоторые сокращения объема налоговых изъятий. Но стереотип уже разрушен. Позже на систему налогообложения накладывается масса социальных проблем ранней индустриализации: безработица, проблемы старости, медицины, образования. И выясняется, что все эти проблемы можно решить элементарным образом: просто начните собирать намного больше налогов, а тогда — и бесплатное образование, и пенсионная система, и бесплатное здравоохранение, и пособие по безработице — все будет. Практически все современные системы социальной защиты реально формировались в мире на фоне этой эйфории. Дискуссия о существовании верхних пределов налогообложения на десятилетия уходит из литературы. Перемены произошли на рубеже 1960–1970-х гг., когда выяснилось, что если в условиях постиндустриального общества государство пытается взять слишком много, то начинается уход из-под налогового обложения. Появляется теневая экономика, начинается миграция бизнеса в страны с более благоприятным налоговым режимом, растет оппозиция налогоплательщиков к дальнейшему росту налогов. Выясняется, что столько брать налогов нельзя, а вот столько можно, причем это величина разная для разных стран. Условно говоря, для моноэтнических стран она выше, а для стран полиэтнических, как США, она ниже. В федерациях она меньше, в унитарных государ-

ствах — больше. Но везде система ограничений налогообложения существует. Между тем пенсионная система, система здравоохранения, образования, социальной защиты построены исходя из гипотезы, что ограничений, связанных с пределами мобилизации налоговых доходов, быть не может. Существует бесплатное здравоохранение, но доля пожилых возрастных групп в составе населения растет. И это — устойчивая тенденция. Она задана на десятилетия вперед. Расходы на здравоохранение старших возрастных групп существенно выше средних. К тому же возникают все новые и более совершенные препараты и методы лечения. Одновременно возрастают возможности предоставления медицинской помощи и спрос населения на медицинские услуги. Экспоненциальное повышение спроса на медицинские услуги задано фундаментальными характеристиками постиндустриального общества. Но одновременно есть и жесткие ограничения на дальнейшее увеличение доли государственных изъятий в ВВП.

Вопрос: *Возвращаясь к Вашему выступлению. Сегодня в западной политической науке, политической публицистике часто стали появляться книги с названиями типа «Смерть Запада», «Сумерки Запада», «Конец Америки уже» и так далее. Какое отношение это имеет к Вашему выступлению? В той же книге Патрика Бьюкенена¹ идет изложение проблем точь-в-точь как излагали Вы. Начинается с того, что сокращается население европейцев и американцев, затем иммиграция и все в той же самой последовательности. И какой они делают вывод? Это усиление роли государства, культуры, духовности, протестантской этики и ограничение миграции. Насколько эффективна такая политика для решения этих проблем по сути дела? Насколько это реально, что Америка и Запад может пойти по такому пути, прислушаться к таким политикам? И следующий вопрос в продолжение этого. В вашей биографии сказано, что вы исполнительный вице-президент Международного демократического союза и в скобках Консервативный интернационал. Скажите, Вы считаете себя консерватором, если Вы консерватор, то в чем это заключается. Дело в том, что эти люди с их лозунгами и их политически-*

¹ Патрик Бьюкенен — американский крайне правый политик и публицист. Был кандидатом в президенты США. Имеется в виду его книга «Смерть Запада», изданная, в переводе, в России в 2003 г.

ми взглядами тоже называют себя консерваторами, но у них и у Вас идеология очень разная.

Егор Гайдар: Эта бумага чуть устарела, я подал в отставку со своего поста после того, как мы проиграли выборы по вполне понятным основаниям. Международный демократический союз — это организация правоцентристских партий. Она была создана в свое время по инициативе Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана. Конечно, как всякая подобная организация, она разнородна. Она объединяет американских республиканцев, британских консерваторов, немецкие ХДС и ХСС, десятки других партий. В основном, как правило, партии, которые являются в большей или меньшей степени либеральными с точки зрения экономики, то есть выступающие за низкие налоги, открытую экономику и при этом достаточно диверсифицированные, с точки зрения идеологии, более или менее религиозные. В политике, если хочешь в ней участвовать, важно создавать относительно широкие эффективные коалиции. Демократическая партия США, как и республиканская, — это коалиция людей, которых представить вместе за одним столом трудно. Но они понимают, что если они будут сидеть только с теми, кто полностью разделяет их убеждения, то будут сидеть на кухне. Сейчас реально идет серьезная борьба внутри администрации США между неоконсерваторами и прагматиками. Как она завершится, будет видно, и от этого во многом будет зависеть исход второго срока президентства Буша.

Вопрос: *Сегодня я уже второй раз услышал, что вопрос вступления в ВТО серьезно не рассматривается. В связи с этим вопрос — действительно ли Россия собирается вступить в ВТО или это просто кто-то зарабатывает политические очки точно так же, как по вопросу островов Япония—Россия?*

Егор Гайдар: Эта тема активно обсуждается с нашими основными торговыми партнерами. Более того, в мае этого года было достигнуто серьезное продвижение вперед, когда нам удалось договориться с европейцами. Естественно, никогда и никто — ни мы, ни европейцы — в этом не признаемся, но почему-то мне кажется, что мы обменяли Киотский протокол на конструктивную позицию Европы по поводу нашего членства в ВТО. Как мне кажется, наше вступление в ВТО само по себе в краткосрочной перспективе серьезного влияния ни на российскую, ни на мировую экономику

не окажет. При нашей структуре экспорта и проницаемости границ, при нашем не формальном, а фактическом импортном тарифе это с точки зрения того, что будет происходить через год или три просто неважно. Почему это важно стратегически? Во-первых, это серьезный сигнал миру о том, что инвестиционный климат в России улучшается. При этом не следует забывать, что если будут высказаны налоговые претензии к нескольким крупнейшим компаниям да еще параллельно начнется обсуждение того, что делать с их собственностью, ни о каком улучшении инвестиционного климата и речи не пойдет. Во-вторых, вступление в ВТО — позитивно с точки зрения расширения наших возможностей доступа к рынкам несырьевой продукции. И, в-третьих, это в некотором смысле возможность связать самим себе руки. Экономический рост в Европе начался, когда произошло то, что замечательный американский экономист Дэвид Норт назвал «власть связала себе руки». ВТО — это в каком-то смысле способ связать себе руки, чтобы не делать глупости. Стратегически вступление России в ВТО — позитивно, и я надеюсь, что здесь медленное продвижение будет. Почему медленное? Во-первых, надо понять, что ВТО — это не организация романтиков и либералов, а международная организация лоббистов, которые ожесточенно торгуются за свои собственные привилегии. Значит, придется долго с ними торговаться. Во-вторых, в этой ситуации, когда ставишь сам себе временной лимит по вступлению в организацию, то резко ухудшаешь свою переговорную позицию.

Вопрос: *У меня вопрос о влиянии исламского фундаментализма на политические и экономические процессы в России. И по-другому — Шамиль Басаев как зеркало радикализации российских экономических и политических процессов. Ваш взгляд на вызов, который стоит перед страной в долгосрочной перспективе.*

Егор Гайдар: Первое. Проблема, на мой взгляд, реальная и серьезная. Второе. Убежден, что деньги на терроризм в России идут не только из России. В этой связи мы — элемент единого мирового поля. Именно поэтому объективно союзники с США и с Европой, и с Китаем. Именно поэтому нам нужны эффективно функционирующие силовые структуры, которые занимаются не выработкой идей улучшения качества экономической политики, а своим непосредственным делом.

Вопрос: Как Вы оцениваете возможность сохранения Путина, например, в режиме перехода в правительство, этот вариант активно обсуждается, или в каком-то другом варианте. Создание, может быть не де-юре, но де-факто парламентской республики. Или он так же, как Вы, свою вахту восьмилетнюю отстоит и скажет: все, я свою вахту отстоял, должны прийти новые люди. Или все-таки будет сохраняться?

Егор Гайдар: Есть один человек, которому имеет смысл адресовать этот вопрос, его нет сегодня в этом зале.

Вопрос: У меня вопрос по теме о стратегических проблемах развития России. Сегодня много говорилось о социальных проблемах, о демографических проблемах, призыва в армию и так далее. Но, к сожалению, не прозвучали проблемы развития промышленности, производства, очень важные проблемы развития производительных сил, развития производственных отношений. Не кажется ли Вам, что многое, что было озвучено здесь, зависит от решения именно этих проблем. Если говорить о проблемах образования, о которых сегодня тоже много говорили, здесь мы в глубинке и провинции как нигде чувствуем, что молодые люди, которые заканчивают вузы, потом просто не могут найти себе применение, и находят себя не в создании добавочного продукта, а в создании добавочной стоимости. Находят применение своего интеллекта в создании и развитии всяких финансово-экономических пирамид и так далее. Как Вы смотрите на этот аспект, не считаете ли Вы, что многие проблемы уйдут и решатся, если мы будем заниматься делом в стране?

Егор Гайдар: В XVIII в. физиократы утверждали, выражая распространённое мнение, что единственный производительный труд — это труд в сельском хозяйстве. Что все, кто не работает в сельском хозяйстве, а, скажем, работает в промышленности, ремесле, — это нахлебники. Сегодня, как вы знаете, в развитых странах в сельском хозяйстве работает 2% занятых. И нормально там с хлебом, главная проблема, куда его девать и как оградить свой рынок от иностранной конкуренции. Когда начался современный экономический рост, его назвали индустриализацией потому, что он начал сокращение доли сельского хозяйства и рост доли промышленности. И довольно долго его и отождествляли с индустриализацией. А потом выяснилось, что приходит момент, когда начинается бурное сокращение доли числа занятых в промышленности

в общей численности занятых. Стремительно растет доля сферы услуг, и доля этой сферы оказывается доминирующей в занятости и в ВВП во всех богатых и обеспеченных странах. Мы сегодня подошли именно к этому моменту. Надо понять, что в России, если все будет нормально с развитием экономики, доля занятых в промышленности будет сокращаться и должна сокращаться, а доля занятых в сфере услуг будет расти. Это не значит, что сельское хозяйство не нужно или не важно, надо понять, что только так устроены процессы развития экономики в мире. Да, важнейшая задача — это, конечно, повышение эффективности, конкурентоспособности нашей промышленности. Однако через 50 лет, если не будет потрясений, у нас в промышленности вместе с сельским хозяйством, будет работать 25% занятых.

Вопрос: *Стратегия развития России должна отражаться в каких-то жестких нормативных документах, как Конституция Российской Федерации? Или все должно решаться более косвенными методами, путем воздействия именно на фундаментальные проблемы, которые Вы нам описали.*

Егор Гайдар: Думаю, что подобного рода вещи в документах отразить невозможно. Важно, чтобы они были в головах тех, кто вырабатывает политику или влияет на выработку политики. Я не осветил малой доли того, что надо понимать и принимать во внимание, когда обсуждается проблема стратегии развития России. Я не говорил дефинитивно, что надо сделать и как. Был предложен только некий набор целей, проблем, процессов и тенденций, то есть меню, из которого люди, принимающие решения, выбрали бы нужное блюдо. Главное, чтобы они понимали, в каком мире живут.

Вопрос: *Монетизация льгот — мера вынужденная, вымеренная экономически и стратегически, либо это чья-то очередная глупость?*

Егор Гайдар: Монетизация льгот была абсолютно необходима. Но как человек, которому приходилось какое-то количество реформ в жизни проводить, могу сказать, что есть реформы, которые хорошо организованы, скажем, налоговая реформа 2000 г., а есть плохо организованные реформы. Реформа монетизации льгот — хуже не бывает.

Вопрос: *Вы говорите о том, что Россия давно и надолго отстает от развитых стран на два поколения. В этой ситуации, что нужно делать в плане стратегического развития экономики России: соблю-*

дать эту дистанцию дальше, как-то ее сокращать или существовать своим особым путем?

Егор Гайдар: Это вопрос желания. Мы можем хотеть сократить дистанцию, можем не хотеть, получится так, как получится. Я считаю, что есть две вещи, которые важно понимать при обсуждении российских приоритетов. Первое, что для нас важно, — это не краткосрочное ускорение роста, а создание предпосылок устойчивого длительного развития. Дело в том, что в экономике действительно есть набор рецептов, позволяющих в краткосрочной перспективе ускорить экономический рост, но при этом создаются риски долгосрочной нестабильности. И второе. Наша стратегическая задача не заключается в том, чтобы кого-то догнать, наша цель — устроить нормальную жизнь в России в XXI в. на поколения вперед. А Португалия, убежит от нас или нет, пусть это заботит ее. Но вот то, чтобы у нас жизнь становилась с каждым годом все лучше и лучше и как-нибудь прожить XXI век без войн, катастроф и глобальных экономических кризисов — это важно.

Вопрос: *У меня вопрос по экономике. Проблема глобализации и место России в будущей мировой экономике. Есть ли долговременные прогнозы, какие технологии будут кормить многомиллионное население России, когда закончится нефть и газ, а это произойдет на протяжении ныне живущего поколения? Что делать с лишним населением в России, и как Вы относитесь к словам Маргарет Тэтчер, что здесь экономически обоснованно проживание 30–35 миллионов человек?*

Егор Гайдар: Не верю подобного рода суждениям. Исходя из того, что я кое-что понимаю в экономической географии, это полная чушь. Конечно, мне бы очень хотелось сократить зависимость российского бюджета от нефти и газа. А если не делать глупостей, которые мы совершаем в последнее время, то такое вполне возможно. В нашем экспорте, как ни странно, машиностроение, — самый быстрорастущий сегмент. Никто нам не докажет, что мы тут навеки прокляты. Насчет того, как там с запасами нефти? Если вы посмотрите, то в 1960 г. запасов было на 10 лет. И в 1970-м, и в 1980-м, и в 1990-м. Конечно, это не значит, что запасы нефти и газа безграничны, но есть основания полагать, что и через 20 лет выяснится, что у нас опять запасов нефти осталось на 10 лет. А такое возможно, учитывая, что резко увеличиваются технические

возможности, появляются новые способы разведки, гораздо более экономичные. В общем, не надо пугать себя этими цифрами.

Вопрос: *В Москве 12 декабря откроется Гражданский форум. Как Вы считаете, это иллюзия или реальный путь к объединению общества?*

Егор Гайдар: Не знаю. Я в свое время занимался подобного рода объединительными инициативами в 1993 г., в 1995 г., в 1999 г. Могу сказать, что это мучительная работа, очень тяжелая, требующая времени, сил, терпения. Здесь не надо ждать прорыва сразу. Я абсолютно убежден, что объединительные инициативы возможны и необходимы. Если не получится на Гражданском форуме что-то сделать, не надо опускать руки, говорить, что все пропало. Надо продолжать дальше.

Вопрос: *Евгений Ясин недавно произнес одну очень серьезную фразу, он предсказывает, что последствия сегодняшней политики правительства скажутся на экономике уже в следующем году и скажутся весьма негативно. Что Вы думаете по этому поводу?*

Егор Гайдар: Я очень боюсь делать подобного рода прогнозы, потому что их невозможно сделать точно. Это задача, не имеющая научного решения. То, что это создает риски для роста, — очевидно. Больше того, если я правильно понимаю, это стало сказываться на экономике не в следующем году, а уже в этом. Те индикаторы, за которыми я слежу на протяжении последних четырех месяцев, мне очень не нравятся. Я надеюсь, что мои опасения преждевременны.

Вопрос: *У меня вопрос не к стратегическим проблемам развития России, а к Вашему личному опыту. Получилось так, что в начале 1990-х гг. Вы из кабинетного человека стали суперпубличным политиком, ответственным за все, что происходит в этой стране. Что в тот период было самым трудным и что помогало Вам мириться с этой публичностью? Как происходила адаптация к публичности?*

Егор Гайдар: Без всякого удовольствия.

Вопрос: *Егор Тимурович, я так и не понял, как Вы относитесь к месту России в международном разделении труда, в этом глобальном мире, с этими новыми вызовами. А связанный с ним вопрос, об этом немного было сказано, — федерализм. Ведь, по оценке ряда ученых, страна распадется на 9–10 государств, что мы до этого доживем, это будет в ближайшее время, и что такие страны выжи-*

вут и на вызовы меняющегося мира более адекватно ответят, чем та федерация, которая существует сегодня. Хотелось бы логического окончания этой темы.

Егор Гайдар: Мне кажется, что при благоприятном развитии событий Россия может быть высоко конкурентоспособной на рынках энергоемкой и материалоемкой продукции, скажем, материалоёмкого машиностроения, на рынке образовательных и инженерных услуг, если называть основные направления. Но дело в том, что здесь есть проблема, которую не всегда понимают. В XIX, XX в. для ускорения экономического роста очень часто и широко применялись инструменты промышленной политики. Вы помните, как у Маркса сказано о том, что более развитые страны показывают менее развитым картину их собственного будущего. Все понятно, что надо делать для развития. Вот смотришь: в более развитой стране угольные шахты есть, и нам нужны; металлургические заводы есть, и нам нужны; химические заводы есть, и нам нужны. Дальше ты разными способами пытаешься обеспечивать то необходимое, что имеется в стране-лидере. То есть ты уверен: если будешь все делать примерно так же, то сильно не ошибешься. Но все это работало до 1950–1960-х гг. А потом развитые страны входят в стадию постиндустриального развития, где все гораздо сложнее, менее прогнозируемо. Ты увидел, что в Америке есть производство тех же компьютеров образца 1960-х гг., начинаешь строить завод по их производству. А в 80-м они уже никому не нужны. Так и по многим другим направлениям. Слишком быстро начинается меняться мир, слишком непредсказуемо меняться. В этой связи я категорический противник выбора победителей. Примерно можно себе представить, в каких, скорее всего, сферах у нас будут сравнительные преимущества. Но после этого заявить данную конкретную отрасль главным приоритетом в нашем экономическом развитии — будет прямым путем к растрате денег без толку. Распад страны. Я прошел, как и многие здесь присутствующие, распад одной страны. Называлась она Советский Союз. Могу сказать, что за 6 лет до этого никто подобное и представить не мог. Но было наделано такое количество глупостей, что этот развал Союза стал неизбежным. Я, честно говоря, ни на грош не верю в распад России. Но, как показывает опыт, если делать неограниченное количество глупостей, можно развалить все, что угодно.

Уважаемые коллеги, мне было очень приятно сегодня быть с вами и обсудить набор проблем, которые мне кажутся важными, и, как мне показалось, многим из присутствующих тоже. Я не претендую на то, что знаю ответы на все вопросы. У меня есть позиция, я могу ее аргументировать, но это слишком сложная сфера, чтобы взять на себя смелость сказать — первая колонна марширует туда, вторая туда, третья туда, вперед — к Аустерлицу. Но вот что важно. Мы сейчас обсуждали вопрос трудностей интеграции иммигрантов в структуры российского общества. Да, это трудная проблема, это трудная проблема везде. Она трудная даже в странах, которые созданы иммигрантами, в США, в Канаде. Даже в тех, которые проводят наиболее эффективную иммиграционную политику. Ну и что это значит только, что ее надо решать. От того, что мы закроем глаза, опустим руки, приговаривая, что это слишком трудная проблема, она не решится.

Ведущий: *В заключение нашей встречи, хочу сказать об очень важной и приятной миссии, которая на меня возложена. Мы хотим принять Егора Тимуровича в почетные члены нашей Школы публичной политики, тем более что Егор Тимурович впервые приехал в Школу публичной политики, и именно к нам. И хотим вручить памятный сувенир, это шарф с нашей эмблемой и значок Школы публичной политики.*

Егор Гайдар: Спасибо. Дорогие друзья, благодарю за честь. Должен сказать, что хотя давно не бывал в Екатеринбурге, город считаю родным, всегда помню многие и многие месяцы, проведенные здесь в детстве, я к бабушке приезжал практически каждое лето. Очень его люблю и очень благодарен за то, как здесь относятся к памяти моего деда — Павла Петровича Бажова.

Долгое время

Выступление на презентации книги «Долгое время»¹

18 января 2005 г.

Опубликовано на сайте ИЭП им. Е. Т. Гайдара.

Дорогие друзья, в первую очередь, я хочу поблагодарить всех, кто пришел, — здесь много хорошо мне знакомых и очень приятных людей. Не буду пытаться пересказать содержание книги и уж тем более воздержусь от каких бы то ни было оценок. Попытаюсь, по возможности, коротко рассказать, почему проблематика стратегии развития России, во-первых, важна, а во-вторых, поддается обсуждению.

В начале XX в., сто лет назад, такой вопрос не ставился. Существовал широкий консенсус о том, что стратегические проблемы России важны, поддаются обсуждению. Больше того, было согласие по поводу того, как такие проблемы надо обсуждать. Самые разные люди: Струве, Туган-Барановский, Гриневецкий, авторы плана ГОЭЛРО, в конце концов, Ленин и Витте — при массе расхождений принципиально сходились в том, что стратегические вопросы развития России важны и что ключ к серьезному обсуждению этих проблем — опыт стран, которые являются более развитыми по отношению к России. Вокруг того, как этот опыт интерпретировать шли многочисленные и интересные дебаты, но сама парадигма была общепринятой.

Сегодня такого согласия в российской интеллектуальной и политической элите нет. Сказалось действие по меньшей мере трех существенных факторов.

Первый из них — страна еще не вышла, а только выходит из глубокого кризиса, который связан с крахом социалистической эконо-

¹ Первая публикация книги «Долгое время. Россия в мире». М.: Дело, 2005. См. также настоящее Собр. сочинений, том 3.

номики. В социально-политической и экономической жизни России все время что-то происходит. На фоне повседневных проблем и постоянно меняющейся картины поля битвы, у элит, принимающих решения, всегда есть желание отмахнуться от долгосрочных проблем. Последний пример — суматоха по поводу бездарно проведенной (хотя, безусловно, необходимой) монетизации льгот. Явный сигнал, подаваемый властями примерно таков: сейчас не время разбираться с долгосрочными проблемами, надо быстро расширять узкие места, а дальше видно будет. Такое нежелание заниматься долгосрочной перспективой — не чисто российская проблема. Скажем, великий экономист XX в. Джон М. Кейнс, на жизнь и активную работу которого наложились две мировые войны, кризис золотовалютного стандарта и великая депрессия, как многие присутствующие знают, категорически отказывался обсуждать проблемы долгосрочного экономического развития. Его слова, что «в долгосрочной перспективе мы все умрем», — общеизвестны.

Второе. В начале XX в. на обсуждение долгосрочных проблем мощное интеллектуальное влияние оказывала марксистская традиция. Логика железных законов истории, в соответствии с которыми более развитые страны показывают менее развитым картину их собственного будущего, в неявном виде присутствовала во всех дебатах, посвященных развитию России в XX в. Она просматривается даже в Записках Государю Императору С. Витте, который, разумеется, марксистом не был. XX век показал, что экономическое развитие идет более сложно, чем это казалось Марксу в середине XIX-го. А крах социалистического эксперимента во многом подорвал интеллектуальную репутацию и привлекательность марксизма.

Третье. В XIX и в начале XX в., на ранних стадиях индустриализации, промышленная политика представлялась инструментом не всегда эффективным, но по меньшей мере не лишенным смысла. Когда вы видите, что в более развитых странах есть экономика угля и стали, то почему бы и у себя не попытаться создать экономику угля и стали. Тем более что это не так трудно, если можно мобилизовать финансовые ресурсы. На ранних этапах индустриализации такая промышленная политика была одним из важнейших инструментов, ускоряющих развитие. В конце XX в. стало

ясно, что на постиндустриальной стадии промышленная политика — более спорный инструмент. Мир выходит на другой уровень развития, когда роль промышленности в занятости, в ВВП сокращается. Резко ускоряются технологические сдвиги. Попытки имитировать то, что было возможно и эффективно в эпоху угля и стали, оказываются бессмысленными. Сейчас привлекательность апелляций к опыту более развитых стран меньше, чем была 50 или 100 лет назад. Принимая истинность глубоких изменений, произошедших в мире в XX в., тем не менее важно с водой не выплеснуть ребенка.

Конечно, в XX в. мир оказался устроенным более сложно, чем мир Маркса середины XIX в. Выяснилось, что он многомерный, что для национальных траекторий важны не только уровень экономического развития (то, что Маркс называл уровнем развития производительных сил), но и наследие традиций аграрных цивилизаций, та стадия экономического развития, которую проходят страны-лидеры, и целый ряд других параметров, без которых серьезное обсуждение проблем экономического роста невозможно. Но даже сегодня, из XXI века, учитывая многомерность мира и располагая тем статистическим аппаратом, которого Маркс не имел, прогнозировать развитие стран-лидеров в условиях бурно меняющегося мира — занятие тяжелое и неблагодарное.

Ясно одно: страны-лидеры показывают нам не картину нашего будущего, но те проблемы, с которыми нам придется столкнуться. Видение и учет этих проблем важны, чтобы понять, что надо делать в России сегодня для успешного решения этих проблем. Есть известная многим присутствующим здесь концепция А. Гершенкрона, писавшего о преимуществе отсталости. Он интерпретировал преимущества отсталости, в основном как технологические преимущества, связанные с возможностью для менее развитых стран заимствовать технологические инновации, уже созданные в более развитых, и на этой основе обеспечивать более высокие темпы роста, чем страны-лидеры. В какой степени это преимущество отсталости сохраняется сегодня — вопрос дискуссионный. Но, на мой взгляд, на протяжении последних десятилетий становится ясно, что есть иное преимущество отсталости, связанное не с технологическими, а с институциональными инновациями. Когда мы выходили из постсоциалистического кризиса (из которо-

го по сей день не вышли окончательно), была иллюзия, что мы вступаем в стабильный мир. Но мы не возвращаемся в стабильный мир. Мы входим в мир другого, более масштабного переходного периода, который называется, с подачи Саймона Кузнецца, современным экономическим ростом.

Этот мир динамичный и плохо понятный исследователям. Он продолжает изменяться. Это мир, в котором существует набор глубоких внутренних проблем. Кейнс, который не любил разговаривать о долгосрочных проблемах развития, тем не менее признавал, что есть хотя бы одна важная социально-экономическая область, в которой долгосрочные прогнозы достоверны и имеют смысл. Это демография. Демографическая динамика имеет серьезные экономические последствия, причем эти последствия прогнозируемы, устойчивы и требуют ответа. Приведу простой пример: нам задана на десятилетие тенденция старения населения. Причем не только России, всем развитым странам. Существует очевидная корреляция расходов ВВП на здравоохранение и доли старших возрастных групп. В Соединенных Штатах на последний год жизни приходится треть расходов ВВП на здравоохранение. В условиях постиндустриального общества растет доля ВВП на здравоохранение всех возрастных групп. В том случае, когда базовые потребности в питании и одежде удовлетворены, люди начинают заботиться о своем здоровье. Качество медицины растет, продолжительность жизни повышается — все это задает устойчивую тенденцию роста доли расходов на здравоохранение в ВВП наиболее развитых стран. 50 лет назад, когда создавались нынешние системы здравоохранения, доля расходов здравоохранения в ВВП была около 2%. А сегодня она в США — под 14%, а в других развитых странах — около 10%. Система здравоохранения создавалась в условиях, когда никто не задумывался о том, насколько изменится общество за полвека. Тогда казалось, что возможности государства обеспечивать государственное финансирование здравоохранения безграничны. Именно в это время мир переходил с одного уровня максимальной доли бюджетных расходов в ВВП, совместимой с экономическим ростом (которая составляла примерно 10% и была на протяжении столетий характерна для аграрных обществ), на новый уровень, порожденный современным экономическим ростом, индустриализацией. Этот уровень бюджетных

расходов колеблется в зависимости от того, является страна моноэтнической или полиэтнической, — от 30 до 50%.

В период с 1920-х по 1960-е гг., когда сформировались контуры современной пенсионной системы, системы финансирования образования, системы социальной защиты, системы финансирования медицины, повторю, казалось, что возможности их государственного финансирования безграничны. Когда американцы вводили свою систему пенсионного страхования, 2% отчисления от заработной платы хватало, чтобы ее финансировать.

Все перечисленные системы в условиях постиндустриального роста нуждаются в реформировании. Эта проблема носит фундаментальный характер. Сложность реформирования заключается, прежде всего, в том, что системы эти в развитых странах — достаточно жесткие структуры. Когда страны догоняющего роста (а к ним относится и Россия) пытались создавать у себя подобные системы, ориентируясь на модели, существующие в странах-лидерах, сформированные институциональные структуры оказывались внутренне противоречивыми и неустойчивыми. Здесь и можно использовать преимущество отсталости. Страны догоняющего экономического роста могут заимствовать у стран-лидеров понимание набора стратегических проблем в подобных областях, решать которые все равно придется. Надеюсь, не надо объяснять, как трудно сейчас реформировать пенсионную систему во Франции или Германии в силу накопленных пенсионных обязательств. Их одновременно нельзя в долгосрочной перспективе обеспечить, и вместе с тем нельзя отменить. Поэтому неудивительно, что радикальная реформа пенсионной системы, направленная на формирование накопительной пенсии, была проведена отнюдь не во Франции или в Германии, даже не в США и не в Англии, а в Чили. Вслед за Чили пошли многие другие страны догоняющего развития, в которых еще можно провести глубокую перестройку пенсионной системы.

Еще один пример. Система комплектования вооруженных сил по призыву, возникшая в XIX в., была, без сомнения, наиболее эффективной, по крайней мере для крупных континентальных стран, в XIX — начале XX в. Когда ее вводили в России, в рамках милютинской военной реформы 1874 г., на одну женщину приходилось 7,1 рождения. По канонам проводимой военной реформы един-

ственный сын не принадлежал призыву. А теперь представьте себе, где взять второго сына в стране, со средним количеством рождений на одну женщину (как в Германии, Италии, Испании, России, Японии) в районе 1,3–1,4. Неужели семья в демократическом, урбанизированном, грамотном обществе этого сына отдаст в армию? Мы не первые столкнулись с этой проблемой. Когда к такой же стадии развития подошла Франция, стало ясно, что можно с большим трудом «забрить» призывника в армию. Но на войну его послать нельзя. Франция, воевавшая и проигравшая войну в Индокитае, ни одного призывника в Индокитай послать не смогла. А когда она решилась послать своих призывников в Алжир, французы проголосовали за независимость этой страны.

Надо понять — мы не одни в этом мире и мы сталкиваемся с случайными и глобальными проблемами. Мы имеем дело с глобальными проблемами, возникшими не вчера, и не только у нас. И, хотя такие проблемы долгосрочны, начинать их решать необходимо сегодня.

В заключение несколько слов по поводу удвоения ВВП то ли к 2010 г., то ли за 10 лет. Как, по-моему, справедливо, сказал советник президента по экономике Андрей Илларионов, действия властей последнего года эту проблему сняли, она перестала быть интересной. Но если говорить более широко, то мне кажется, опыт XX в. показывает, что сама постановка проблемы не точна. Есть хорошо известные способы краткосрочного или среднесрочного ускорения экономического роста. Можно построить экономические институты и модели, которые позволят добиться этой задачи. Беда в том, что это мало что решает. Вспомним, что Мексика, используя благоприятную конъюнктуру нефтяных цен и ввод новых месторождений, в конце 1970-х — начале 1980-х существенно ускорила темпы роста. Закончилась эта история катастрофическим кризисом 1982 г. и длинной экономической стагнацией.

Важнейшая предпосылка долгосрочной устойчивости экономического роста в условиях глобального и меняющегося мира — способность общества и национальных элит сочетать две важнейших компоненты: стабильность институтов и институциональную гибкость, способность к адаптации. Мы постоянно сталкиваемся с новыми вызовами и от того, как мы способны адаптироваться

к этим вызовам, зависит, как пойдет развитие страны в долгосрочной перспективе.

Элементарный пример, который приходит на ум: английская демократия, сформированная в конце XVII в. С этого времени в стране постепенно формируются предпосылки современного экономического роста. Общество и экономика изменяются до неузнаваемости. Политическая система проходит через период радикальной трансформации — от ограниченной демократии налогоплательщиков до всеобщего избирательного права. И все это время страна демонстрирует способность адаптации своих институтов к изменениям, происходящим в мире при сохранении стабильности экономической и политической системы. Сравните это с трагическим опытом России XIX в. Мы формировали ригидные конструкции, которые на какое-то время позволяли сохранить стабильность и обеспечить экономический рост. Но эти жесткие конструкции оказывались не приспособленными для радикальных социальных изменений, которые нес за собой этот рост, и разваливались. А это, в свою очередь, прокладывает дорогу глобальному кризису.

Может быть это главный урок, который следует извлечь из опыта развития России в XX в. Сформировать систему, которая позволяет сочетать адаптивность и стабильность, труднее, чем в краткосрочной перспективе ускорить темпы экономического роста. Но именно от решения этой задачи зависит судьба нашей страны в XXI в.

Модернизация экономики и выращивание институтов

Выступление на VI Международной научной конференции

5 апреля 2005 г.

Конференция организована Государственным университетом — Высшей школой экономики при участии Всемирного банка, Международного валютного фонда и Фонда «Бюро экономического анализа».

Источник: Опубликовано на сайте Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Тема институционального развития важна и актуальна. Идея перехода от заимствования институтов к их выращиванию — правильная. Когда мы обсуждаем тему выращивания или заимствования институтов, речь идет о проблеме, которую надо решать, но и о проблеме, которая по определению неразрешима.

Институты — это то, что обеспечивает устойчивость, основанную на традициях. Чтобы эффективно работал парламент, нужно, чтобы он так работал 50 лет назад, 100 и 200 лет назад. Предполагать, что если учредить Государственную думу в России в 1906 г., то она начнет действовать как английский парламент 1906 г., наивно. Нужно, чтобы прошло время, сложилась традиция, представление о том, что можно и что нельзя делать.

Английский парламент не связан конституционными ограничениями. Он может, если захочет, объявить мужчину женщиной, но этого не делает, поскольку не делал такого и 100 лет назад, и 200 лет назад, и 300 лет назад. Он утвердился как институт, имеющий традиции. Выращивание подобного рода институтов — ключевая проблема, которую приходится решать всему миру на протяжении последних трех веков его истории.

Те, кто читал «Понедельник начинается в субботу» Стругацких, помнят, что Кристоаль Хунта говорил: нет смысла решать задачи,

которые имеют решение. Интересно решать только задачи не решаемые. Когда обсуждается проблема заимствования институтов, речь идет о задачах, не имеющих решения. Поэтому я скептически отношусь к возможности стандартных рецептов. Это всегда творческая проблема, причем сложная. Здесь нет стереотипных рецептов.

Приведу пример: коллапс Советского Союза, социалистической системы и начало реформ. Социалистическая система была целостной институциональной системой. Тупиковой исторически, но развитой и целостной. Ее стержнем была готовность власти к неограниченному применению насилия, причем насилия, не связанного правовыми рамками.

До тех пор пока правящая элита знала, что она способна применить столько насилия, сколько надо, чтобы удержать власть и реализовать свои цели, и до тех пор пока население знало, что власть готова применять насилие без ограничений, эта система могла функционировать. Ввести «продразверстку», то есть принудительную сдачу продовольствия по ценам ниже рыночных, пытались и царское, и Временное правительство. Но продразверстку нельзя было организовать, пока действовала правовая традиция, хотя бы в том виде, в котором она сформировалась в царской России, пока существовали относительно независимые суды.

Только когда на смену этой традиции пришло революционное правосудие, которое готово было поставить каждого к стенке, если это надо для победы революции, — система заработала. Она работала ровно до тех пор, пока была готовность неограниченно применять насилие. Потом, под влиянием набора исторических обстоятельств, связанных, в том числе с радикальными социальными изменениями в обществе, которые произошли за 75 лет, у власти исчезает готовность применять столько насилия, сколько необходимо для функционирования тоталитарного режима, а у общества исчезает ощущение, что власть способна применить насилие, необходимое для сохранения статус-кво. После этого социалистическая институциональная система разваливается. История коллапса Советского Союза и социалистической системы — это история того, как рушится целостная институциональная система, как только распадается ее основополагающий стержень.

Между тем с существованием социалистической системы связана каждодневная жизнь, хоть какое-то снабжение населения

продовольствием, поставки электричества, тепла. Вместе с разрушением социалистической системы распадается экономика. Специалистам, работающим в органах власти, приходится разбираться с последствиями. Не думаю, что они настолько наивны, что будут руководствоваться предложениями и утверждениями вроде того, «что можно ускоренными темпами перестроить институциональную структуру общества, если проявить политическую волю, подойти к делу рационально, отобрав наиболее эффективные институциональные образцы и приняв соответствующие законы».

Допустим, что специалисты, которым предстоит разгрести завалы, оставшиеся после просуществовавшего 75 лет режима, прочитали все вышесказанное. Они слышали, что для того, чтобы функционировала эффективная рыночная экономика, основанная на частной собственности, нужна независимая судебная система. Независимая судебная система в условиях тоталитарного общества в принципе невозможна, это противоречит его базовым установлениям. Так откуда импортировать независимую, эффективно функционирующую судебную систему? За ней должны стоять историческая традиция, профессиональная этика, функционирующее гражданское общество, общественное мнение, которое ограничивает произвол, делает невозможным для судьи вынесение заведомо несправедливого приговора. Необходимо создавать новую систему институтов, не основанную на неограниченном применении насилия. А пока — в условиях переходного от одного социального устройства к другому периода — отсутствует важнейший фундаментальный институт, который обеспечивает эффективное функционирование рыночной экономики. С такими вопросами мы сталкиваемся, когда обсуждаем проблему институционального заимствования, проблему, еще раз повторю, не имеющую стандартного решения. Даже если делать все возможное и невозможное для создания и утверждения независимой судебной системы, сформировать ее за короткий срок нельзя. Нужно время и постоянное усилие. Замечу, что мы не в уникальном положении, это ключевая проблема человечества последних веков.

Проиллюстрирую это на одном примере, он называется «формирование системы английских политических институтов в XVII в.». В XVII в. Англия имела историю демократии налогоплательщиков, измеряющуюся столетиями. Права парламента по контролю за на-

логами и расходами были укоренившейся практикой. Тем не менее в отличие от Голландии — территориально интегрированного союза городов-государств — в Англии в начале XVII в. еще не укоренилась традиция гарантий прав личности и независимого судопроизводства. Король имел обыкновение сажать богатых людей в тюрьму и держать их там до тех пор, пока они не предоставят ему безвозмездный, безвозвратный и беспроцентный заем. При назначении судьи король нередко подписывал протокол о том, что они, эти судьи, никогда не будут выносить приговоры вопреки позиции короны и не будут утверждать, что те или иные решения короля в налоговой области незаконны. В те времена английская политическая элита с завистью смотрела на Голландию, по отношению к которой Англия была страной догоняющего развития, на голландскую систему институтов, где подобное было невозможно.

Чтобы положение изменилось, потребовалось 50 лет: революция, гражданская война, казнь короля, Реставрация, «Оранжевая революция» (я имею в виду революцию, которую возглавил Вильгельм Оранский). Только после этих событий был создан набор институтов, который закрепил права собственности и права личности, положил основу тому, что называется капитализмом в терминологии XIX в. и современным экономическим ростом в терминологии Саймона Кузнеца.

А далее уходящая вперед в социальном и экономическом развитии Северо-Западная Европа задавала миру новые условия существования. Сформировался набор институтов, которые выросли органично, так как имели корни в европейской традиции, идущей от Античности. Созданные таким образом институты привели к беспрецедентному экономическому росту, увеличению финансовой и военной мощи. Таких демократических институтов не было у остального мира. Их приходилось создавать, не имея за собой шести-семи веков опыта демократии налогоплательщиков.

Последние триста лет мировой истории — это попытки разных стран, разных национальных элит решить неразрешимую задачу — задачу выращивания или заимствования институтов. Она каждый раз уникальна. Нет гарантий, что национальная элита ее решит. Но, если страна не способна решить эту проблему, она неизбежно выпадает на обочину мирового экономического и политического процесса. Мы можем себя утешить тем, что, хотя нам приходится и придется решать неразрешимые задачи, мы в этом не одиноки.

Восстановительный рост как этап постсоциалистического перехода

*Выступление на международной конференции
«Европа после расширения»*

Варшава, Польша, 8–9 апреля 2005 г.

Опубликовано на сайте Фонда Егора Гайдара.

Сложность комплекса задач постсоциалистического перехода беспрецедентна, на первом этапе никто не был в состоянии точно прогнозировать, в какие сроки и в каком объеме они будут выполнены, предвидеть всевозможные преграды и подводные рифы на этом пути.

Например, к тому моменту, когда победа «Солидарности» на выборах открыла для польских реформаторов «окно возможностей», невозможно было оценить масштабы проблем, которые предстояло решать, предвидеть трудности, с которыми придется столкнуться при адаптации общества и экономики к условиям рынка. Между тем сейчас этап трансформационного спада производства, как и дискуссии о его причинах и последствиях, в основном позади. (Хотя, конечно, значительные трудности еще предстоит преодолеть.) Повсеместно экономики постсоциалистических стран характеризуются в значительной мере сформированными и действующими рыночными механизмами и более или менее устойчивым ростом ВВП.

В общих словах трансформационная рецессия объясняется довольно просто. Демонтаж социалистической хозяйственной структуры высветил печальное обстоятельство: значительная часть экономической деятельности, осуществлявшейся при социализме, никогда не будет востребована в условиях рынка и демократии. Перераспределение сконцентрированных в этих видах деятельности ресурсов труда, где есть реальный рыночный спрос, не может

произойти мгновенно. Процессы, протекающие на стадии постсоциалистической рецессии, напоминают то, что Й. Шумпетер описывал термином «созидательное разрушение», или «креативная деструкция»¹, но они протекают в масштабах, беспрецедентных для рыночных экономик. Надо понять, что и постсоциалистическая рецессия (адаптационный спад производства), и последующее восстановление — это единый процесс, сущность которого заключается в структурной перестройке экономики².

Этот процесс проходил и проходит в разных странах по-разному.

Первопроходцы постсоциалистической трансформации — польские реформаторы — сделали ставку на одномоментную либерализацию цен, открытие экономики, введение конвертируемой национальной валюты, остановку инфляции мерами денежной и бюджетной политики, политики контроля за заработной платой, на структурные реформы, в первую очередь на приватизацию (все это и получило распространенное наименование «шоковая терапия»). Другие страны (например, Румыния) предпочли эволюционный путь. Третьи выбрали некий средний путь. Например, Россия сначала попыталась провести шоковую терапию, но очень быстро под давлением популистских сил сошла на рельсы постепенных и, как некоторым казалось, «щадящих» реформ. При всех различиях результатов (они явно лучше у первой группы и хуже у второй и третьей) общая картина экономического разви-

¹ Schumpeter J. A. Capitalism, Socialism and Democracy. N.-Y.: Harper & Brothers Publishers, 1950. P. 81. (Издание на рус. яз.: Шумпетер Й. А. Капитализм, Социализм и Демократия; пер. с англ. / предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. М.: Экономика, 1995.)

² Я. Корнай, описывая специфику трансформационной рецессии по отношению к обычным рецессиям в рыночных экономиках, обращает внимание на две ее специфические характеристики: необходимость перехода от рынка продавца к рынку покупателя и внедрение жестких бюджетных ограничений (Kornai J. Transformational Recession: The Main Causes // Journal of Comparative Economics. 1994. Vol. 19. P. 39–63). О. Бланшар определяет ключевые процессы постсоциалистического перехода как сочетание двух элементов: перераспределения ресурсов со старых на новые виды экономической деятельности (закрытие предприятий, их банкротство, сочетаемое с созданием новых предприятий) и реструктуризации выживающих фирм (рационализация, изменение структуры производства и новые инвестиции) (Blanchard O. The Economics of Transition in Eastern Europe. Oxford: Clarendon Press, 1997). О факторах, обуславливающих падение производства на ранних стадиях постсоциалистического перехода, их связи с необходимостью изменения структуры производства, укоренением жестких бюджетных ограничений, ориентацией производства на платежеспособный спрос, см.: Havrylyshyn O., Izvorski I., Rooden R. V. Recovery and Growth in Transition Economies 1990–1997: A Stylized Regression Analysis // IMF Working Paper. WP 98/141. September 1998. P. 10–13.

тия оказалась на удивление сходной: сначала менее (у первых) или же более (у вторых и третьих) глубокий спад производства, затем — соответственно, у первых раньше, у вторых и третьих позже — начало постепенного экономического роста (табл. 1 и 2).

Сейчас, когда рецессия в основном позади, целесообразно сосредоточить внимание на вопросах начавшегося экономического роста. Что касается России, где рост наблюдается с 1999 г., на этот счет здесь распространены две основные точки зрения.

Таблица 1

Динамика ВВП на душу населения по ППС
в странах Центральной и Восточной Европы и Балтии
в 1990–2002 годах, % от базового года

Год Страна	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Болгария	100	95	81	81	83	87	79	75	78	79	85	90	94
Венгрия	100	88	85	84	87	90	90	95	101	105	110	113	116
Польша	100	91	91	94	99	106	111	118	124	129	134	136	138
Румыния	100	87	81	83	86	93	97	91	87	87	87	92	96
Словакия	100	86	80	76	80	85	90	95	99	101	103	107	112
Эстония	100	92	75	71	71	74	78	90	93	94	103	112	119
Латвия	100	90	59	51	52	52	55	60	64	68	72	78	84
Литва	100	94	74	62	57	59	63	69	74	73	76	82	87

Источник: International Financial Statistics 2004, IMF.

Таблица 2

Динамика ВВП на душу населения по ППС
в странах СНГ в 1990–2002 годах, % от базового года

Год Страна	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Армения	100	86	60	51	50	54	57	58	64	68	72	80	90
Белоруссия	100	99	89	82	73	65	67	75	82	85	90	95	100
Грузия	100	79	44	32	28	30	33	34	35	36	37	41	43
Казахстан	100	88	85	76	67	63	64	66	66	70	80	91	99
Киргизия	100	91	77	66	53	50	53	58	59	61	64	65	64
Молдавия	100	84	60	59	41	41	37	38	36	34	34	36	38
Россия	100	95	85	76	65	63	61	62	61	64	70	73	77
Таджики- стан	100	90	63	52	41	37	30	29	31	32	35	39	41
Украина	100	92	84	74	56	50	45	44	44	45	48	52	55

Источник: International Financial Statistics 2004, IMF.

Первая комплиментарна по отношению к правительству: к власти пришел В. Путин, последовала политическая стабилизация, начались структурные реформы, они-то и вызвали рост¹.

Вторая позиция особых заслуг за правительством не признает и связывает рост с высокими ценами на нефть и обесценением рубля². К сожалению, почти никто не высказывает третью — наиболее обоснованную — точку зрения: начавшийся рост является органическим следствием проведенных реформ, результатом начавшегося действия новых, более эффективных макро- и микроэкономических условий, в которых работают российские, и не только российские, компании. Но главное: участники дискуссии, как правило, игнорируют опыт почти трех десятков государств, которые, как и Россия, решают задачу адаптации к условиям развития после краха социализма³. Если анализировать развитие событий в нашей стране и у ее непосредственных соседей, нетрудно убедиться, что сегодня экономический рост наблюдается во всех постсоветских странах (табл. 3).

Как указывалось, и падение производства наблюдалось между 1991-м и 1994 г. во всех до единого постсоветских государствах. С 1995 г. появляются первые признаки роста, прежде всего в тех странах, которые до этого были втянуты в войны или пребывали в экономической блокаде, там, где предшествующее падение производства было наиболее масштабным.

¹ О комплиментарных для действующей власти объяснениях причин восстановления экономического роста в России см.: Федоренко Н. Россия на рубеже веков. М.: Экономика, 2003. С. 54–57.

² Berglof E., Kunov A., Shvets J., Yudaeva K. The New Political Economy of Russia. London: The MIT Press, 2003; Gaddy C. G. Has Russia Entered a Period of Sustainable Economic Growth? // Kuchins A. C. (ed.). Russia After the Fall. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace; [distributor] Brookings Institution Press, 2002. P. 125–144; Ellman M. The Russian Economy under El'tsin // Europe — Asia Studies. 2000. Vol. 52 (8). P. 1421; Ослунд А. Строительство капитализма: Рыночная трансформация стран бывшего советского блока / под ред. И. М. Осадчей. М.: Логос, 2003. С. 37. Надо заметить, что сама ссылка на девальвацию рубля как на фактор экономического роста предполагает, что рыночные стимулы в российской экономике начали работать.

³ Л. Арон обратил внимание на то, что процессы постсоциалистического перехода в подавляющем большинстве стран Восточной Европы и на постсоветском пространстве обычно изучаются в сравнительном контексте, на фоне событий, протекающих в других постсоциалистических странах. Россия же из-за ее размеров чаще всего рассматривается отдельно (см.: Aron L. Structure and Context in the Study of Post-Soviet Russia: Several Empirical Generalizations in Search of a Theory // Russian outlook. January 1. 2001). Об этом же пишет П. Сутела (см.: Sutela P. The Russian Market Economy. Helsinki: Kikumora Publications, 2003. P. 7, 8).

Таблица 3

Темпы роста ВВП в постсоветских государствах в 1996–2003 годах, %

Страна \ Год	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Азербайджан ¹	1,3	5,8	10,0	7,4	11,1	9,9	10,6	11,2
Армения ¹	5,9	3,3	7,2	3,3	5,9	9,6	12,9	13,9
Белоруссия ¹	2,8	11,4	8,3	3,4	5,8	4,7	5,0	6,8
Грузия ¹	11,2	10,5	3,1	2,9	1,8	4,8	5,5	8,6
Казахстан ¹	0,5	1,7	-1,9	2,7	9,8	13,5	9,8	9,2
Киргизия ¹	7,1	9,9	2,1	3,7	5,4	5,3	0,0	6,7
Молдавия ¹	-5,9	1,6	-6,5	-3,4	2,1	6,1	7,8	6,3
Россия ¹	-3,6	1,4	-5,3	6,4	10,0	5,1	4,7	7,3
Таджикистан ¹	-6,7	1,7	5,3	3,7	8,3	10,2	9,5	10,2
Узбекистан ¹	1,7	5,2	4,4	4,4	3,8	4,5	4,2	н/д
Украина ¹	-10,0	-3,0	-1,9	-0,2	5,9	9,2	4,8	8,5
Латвия ²	3,7	8,4	4,8	2,8	6,8	7,9	6,1	7,4
Литва ²	4,7	7,0	7,3	-1,7	3,9	5,9	7,2	9,0
Эстония ²	3,9	9,8	4,6	-0,6	7,3	6,5	6,0	4,7

Источники: 1. <http://www.cisstat.com/rus/index.htm>, Межгосударственный статистический комитет СНГ, макропоказатели; 2. Расчеты на основе статистики IFS, IMF 2003.

В последующие 2–3 года неустойчивый рост распространяется и на другие части постсоветского пространства¹.

Наконец, в 1999 г. рост стабилизируется, а еще через год становится повсеместным².

Среди постсоветских государств есть нетто-экспортеры и нетто-импортеры нефти и нефтепродуктов, есть страны, где в 1995–2002 гг. национальная валюта реально укреплялась, и страны, где она ослабевала (табл. 4). Ни в одной из них реформы, подобные тем, которые были осуществлены в России в 2000–2003 гг., не начинались. Тем не менее почти все экономики этих стран сегодня относятся к растущим.

¹ Разумеется, можно попытаться связать рост ВВП на всем постсоветском пространстве в 1999–2003 гг. с растущими ценами на российскую, казахстанскую и азербайджанскую нефть, стимулировавшими увеличение экспорта в эти страны из других государств СНГ, но это противоречит фактам — продолжающемуся снижению доли России и других нефтедобывающих стран во внешней торговле стран Содружества, не являющихся экспортерами нефти (см.: *Havrylyshyn O. Transformation of Post-Communist Societies: What Happened Why it Happened and What Next?* Неопубликованная рукопись, любезно предоставленная автором).

² Исключением была приостановка роста производства в Киргизии в 2002 г. Природная катастрофа на несколько месяцев парализовала работу крупнейшего золотодобывающего предприятия. В 2003 г. экономический рост восстановился.

Таблица 4

Индекс реального обменного курса национальной валюты* к доллару США в постсоветских государствах на конец года, 1995 год = 100%

Страна \ Год	Год							
	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Азербайджан	126,1	134,5	131,5	104,5	98,7	93,1	92,0	н/д
Армения	106,6	104,2	105,8	103,9	94,5	93,2	89,1	94,3
Белоруссия	110,1	88,9	43,9	56,0	39,5	46,2	53,3	59,6
Грузия	130,1	134,0	98,7	107,4	105,4	103,1	105,6	н/д
Казахстан	117,9	131,3	124,9	80,3	84,0	85,2	86,2	96,2
Киргизия	86,0	99,6	64,1	55,1	59,5	62,7	65,2	68,9
Латвия	110,2	110,8	118,2	116,4	109,9	104,4	113,6	124,9
Литва	121,1	128,8	133,3	131,4	128,4	126,5	150,9	174,0
Молдавия	113,2	119,7	70,4	72,2	85,8	86,6	85,1	97,2
Россия	119,8	125,3	45,5	63,2	70,8	78,1	84,5	101,3
Украина	165,9	187,0	112,8	89,0	106,1	118,3	116,7	120,1
Эстония	110,1	103,2	117,6	102,5	95,4	93,3	112,6	134,3

* Долларов США за единицу национальной валюты.

Источник: Рассчитано по: International Financial Statistics, IME, 2004.

Если практически во всех постсоветских странах в первой половине 1990-х гг. производство сокращалось, а к концу десятилетия стало расти, есть основание подтвердить высказанную выше мысль: и падение, и сменивший его подъем — составляющие единого процесса, который определяется общими историческими и экономическими закономерностями. Он лишь в малой степени зависит от того, какие персоналии или партии в этот период приходят к власти в той или иной стране.

На первых стадиях постсоциалистической трансформации из нерыночного сектора высвобождается больше ресурсов, чем может переварить рынок, их объем превышает реальный платежеспособный спрос. Ко времени, когда ресурсы, которые могут быть задействованы в рыночном секторе, становятся больше высвобождающихся из нерыночного сектора, трансформационная рецессия останавливается, начинается восстановительный рост¹.

¹ К наиболее интересным работам, посвященным анализу постсоциалистического спада производства и последующего восстановления роста, можно отнести: *De Melo M., Denizer C., Gelb A. From Plan to Market: Patterns of Transition // Blejer M.I., Skreb M. (eds.). Macroeconomic Stabilization in Transition Economies. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 17–72; Berg A., Borensztein E., Sahay R., Zettelmeyer J. The Evolution of Output in Transition Economies: Explaining the Differences // IMF Working Paper. WP 99/73. 1999; Havrylyshyn O., Wolf T. Growth in Transition Countries. 1991–1998. The Main Lessons. Paper Presented at the Conference «A Decade of Transition», International Monetary Fund. Washington, D.C. February 1–3, 1999; Ослунд А. Строительство капитализма: Рыночная трансформация стран бывшего советского блока. М.: Логос, 2003.*

Совокупная факторная продуктивность¹ в процессе постсоциалистического перехода начинает расти раньше, чем общий объем производства. В России она повышается с 1995 г. Финансовый кризис 1997–1998 гг. приводит лишь к незначительным колебаниям в динамике этого показателя². Восстановительный рост иногда прерывается, в первую очередь под влиянием финансовых и банковских кризисов, но с середины 1990-х гг. в Восточной Европе и странах Балтии, с конца 1990-х гг. в странах СНГ таких случаев становится все меньше.

Понятие «восстановительный рост» ввел в научный обиход российский экономист В. Громан в работах 20-х гг. прошлого века³. По его концепции, в процессе восстановительного роста используются ранее созданные производственные мощности, обученная до его начала рабочая сила. Для запуска механизма восстановительного роста необходимо ликвидировать дезорганизацию экономики и восстановить хозяйственные связи. В. Громан подчеркивал: несмотря на разрушения и потери материальных ресурсов, к которым привела гражданская война, большую роль в падении производства сыграли не эти обстоятельства, а именно дезорганизация хозяйственных связей⁴. Их восстановление дает возможность вновь задействовать производственные мощности, запустить процесс восстановительного роста.

Сравнивая восстановительный рост в 1920-е гг. и сегодняшний, необходимо обратить особое внимание на два обстоятельства: первое — это время, когда исчерпываются ресурсы экстенсивного (вос-

¹ Понятие совокупной факторной продуктивности (*англ.* — Total Factor Productivity) определяется как отношение совокупного выпуска к совокупным затратам. Рост совокупной факторной продуктивности (или выпуска на единицу затрат) связывают с ростом эффективности, обусловленным техническим прогрессом и лучшей организацией производства.

² Факторы экономического роста российской экономики: Научные труды. № 70Р. М.: ИЭПП, 2003. С. 66, 138.

³ Громан В. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 1, 2. Ту же проблему активно разрабатывал В. Базаров (см.: Базаров В. О «восстановительных процессах» вообще и об «эмиссионных возможностях» в частности // Экономическое обозрение. 1925. № 1; Он же. Перспективы нашего народнохозяйственного развития на 1925/26 год). К дискуссии этих авторов о восстановительном росте возвращается в своей работе В. Мау (см.: Мау В. Реформы и догмы: 1914–1929. М.: Дело, 1993).

⁴ См.: Громан В. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве. С. 101.

становительного) роста, и второе — роль финансов в восстанавливающейся экономике и динамике финансовой ситуации.

Исчерпание ресурсов восстановительного роста нельзя отождествлять с достижением докризисного уровня производства. В середине 1920-х гг. именно эту ошибку допустили исследователи «восстановительных закономерностей». У рыночной экономики, какой была российская в 1913 г., всегда есть резервные мощности. Вовлечение их в производство позволяло некоторое время после достижения докризисного уровня сохранять высокие темпы роста. Ошибка дорого стоила В. Базарову и В. Громану: они были обвинены в сознательной антисоветской деятельности, в стремлении остановить «социалистическую реконструкцию»¹.

Иная ситуация складывается в посткоммунистической России. Советский Союз был перегружен производственными мощностями, ориентированными на удовлетворение искусственного спроса, который формировался благодаря централизованному государственному планированию; из-за закрытости национальной экономики поддерживался спрос на продукцию низкого качества. К тому же ее забирали страны-сателлиты в счет предоставляемых СССР — фактически безвозмездных и безвозвратных — кредитов. Часть мощностей, сохранившихся после краха социалистической системы, в принципе не может быть использована в дальнейшем. В этой ситуации выход из режима восстановительного роста должен произойти задолго до достижения уровня ВВП 1989 г.

Важно избежать иллюзии, что докризисные уровни производства и монетизации экономики достигаются в одно и то же время. Практика показала, что логике «восстановительной пропорциональности» к анализу финансовых проблем применять неправомерно.

Во время экстремально высокой инфляции 1917–1923 гг. в Советской России резко снизилась монетизация экономики. В. Громан и В. Базаров предполагали, что с началом восстановительных

¹ В. Молотов: «Базаров признает, что действительность опровергает его теорию “затухающей кривой”». И. Сталин: «Вот как!» В. Молотов: «А ведь всего года два тому назад Базаров выпустил учебную книгу с большим количеством таблиц и диаграмм, доказывавшую противоположное. Теперь ему приходится от своих “ученых трудов” отрекаться» (см.: Как ломали НЭП: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5 т. / под общ. ред. А. Н. Яковлева. Т. 5. М.: Международный фонд «Демократия»; Материк, 2000. С. 219).

процессов быстро вырастет спрос на деньги и это позволит без угрозы инфляции высокими темпами увеличивать кредитование народного хозяйства. Именно такие соображения были заложены в основу расчетов при разработке контрольных цифр народного хозяйства на 1925–1926 гг.¹. Гипотеза не подтвердилась.

Причина ошибок в прогнозах — сам характер восстановительного роста. Используемые обычно для прогнозирования ВВП методы малопригодны для анализа всплеска экономической активности, обусловленного стабилизацией хозяйственных связей.

В 20-е гг. прошлого столетия проявилась характерная черта восстановительного роста — его предельно высокие темпы на начальном этапе, неожиданные и для экспертов, и для политической элиты. Никто из специалистов Госплана не ожидал, что темпы роста в 1923–1924 хозяйственных годах, после денежной реформы и стабилизации денежного обращения, будут столь высокими². Предполагалось, что к 1927 г. экономический рост позволит довести национальный доход Советского Союза, причем без масштабных капиталовложений, почти до половины российского национального дохода последнего предвоенного года³. Действительность превзошла все ожидания: СССР за это время практически догнал по национальному доходу предвоенную Россию. Хотя статистика тех лет довольно спорна — этот показатель оценивается в пределах от 90 до 110% ВВП 1913 г., но общая картина от этого не меняется⁴.

Нечто подобное наблюдается и в наши дни. В 1999 г. российское правительство предполагало, что в ближайшее время ВВП либо слегка вырастет — на 0,2%, либо даже упадет — на 2,2%. Международный валютный фонд прогнозировал рост на 1,5%. Реально ВВП России в 2000 г. вырос на 9%, промышленное производство —

¹ Контрольные цифры народного хозяйства на 1925–1926 годы. Утвержденный Президиумом Госплана СССР доклад комиссии по контрольным цифрам. М.; Л.: Плановое хозяйство, 1925.

² См.: Громан В. Конъюнктурный обзор народного хозяйства СССР за первое полугодие 1924 и 1925 года // Плановое хозяйство. 1925. № 6.

³ Davies R.W, Harrison M., Wheatcroft S.G. (eds.). The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

⁴ О различных оценках соотношения ВВП Советского Союза и России в 1913–1928 гг. см.: Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства в России (последняя треть XIX — 30-е годы XX века). М., 1994. С. 172–197; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. М., 1977. С. 23, 46–48; Федоренко Н. Россия на рубеже веков. М., 2003. С. 121, 122.

на 11%. На Украине, где в 2001 г. реальный рост ВВП составил 9%, прогноз МВФ составлял 3,5%¹.

Восстановительный рост с его поначалу высокими темпами приходит неожиданно и воспринимается как подарок. Затем выявляется его менее приятная особенность: по своей природе он носит затухающий характер². Восстановительный рост обеспечен имеющимися производственными мощностями³ и подготовленной прежде рабочей силой. У любой страны эти ресурсы не бесконечны. Поэтому после резкого начального рывка темпы подъема начинают снижаться. Так было в СССР в 20-е гг. прошлого столетия, то же происходило в России в 2001–2002 гг.

Сами высокие темпы восстановительного роста на его ранних стадиях задают ориентиры экономической политики. В 1920-е гг. задача избежать порожденного логикой восстановительных процессов замедления роста считалась важнейшей. Попытки увеличивать капиталовложения, чтобы форсировать экономический подъем, привели в 1925–1926 гг. к дестабилизации денежного обращения, росту цен, появлению товарного дефицита. Тогда, несмотря на эти негативные явления, резервы хозяйственного восстановления еще сохранялись. И советское правительство искало выход из сложившейся ситуации в обеспечении баланса денежного обращения, в преодолении инфляционных тенденций⁴.

В 1927–1928 гг. новая попытка подстегнуть экономический подъем проходит на ином фоне: основные резервы восстановительных процессов исчерпаны, темпы роста падают⁵. Вновь давшие

¹ World Economic Outlook. Focus on Transition Economies. International Monetary Fund, October 2000.

² «Каков темп роста общей суммы товарной массы, если измерить его в процентном отношении товарной массы данного года к его предшествующему? Для 1922/23 г. он равен 28%, в следующем году — 25, а в последнем из исследуемых лет — 17%. Мы видим совершенно определенный закон замедления темпа роста» (см.: *Громан В.* О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве. С. 113).

³ Капитальные вложения в 1924–1925 гг. (385 млн руб.) ненамного превышали амортизационные отчисления (277 млн руб.) (см.: *Квиринг Э. И., Кржижановский Г.* Основные проблемы контрольных цифр народного хозяйства на 1928–1929 гг. М.: Плановое хозяйство, 1929. С. 129).

⁴ См.: *Юровский Л.* Денежная политика Советской власти (1917–1927). М.: Начала-Пресс, 1996.

⁵ Свидетельство исчерпания резервов восстановительного роста в 1925–1926 гг. — начало повышения себестоимости продукции. Это было связано с быстрым увеличением заработной платы, исчерпанием ранее созданных производственно-технических резервов (см.: *Малафеев А. Н.* История ценообразования в СССР (1917–1963). М.: Мысль, 1964. С. 101).

о себе знать финансовые диспропорции — рост цен, обострение товарного дефицита — попытались разрешить не восстановлением сбалансированности финансовой денежной системы, а за счет демонтажа нэпа, изъятия зерна у крестьян, насильственной коллективизации¹.

В 2002–2003 гг. в России развернулась дискуссия, насколько правильно поступает российское правительство, ориентируясь на скромный — 4-процентный — рост ВВП и отказываясь от более амбициозных планов. Те, кто знаком с экономической историей России, вспомнят эпизод, когда председатель Совнаркома А. Рыков на заседании Политбюро ВКП(б) в марте 1928 г. подал в отставку в ответ на требования других партийных вождей еще больше ускорить индустриализацию страны². Это было непростое решение. Известный советский экономист академик С. Струмилин в то время говорил: «Я предпочитаю стоять за высокие темпы роста, чем сидеть за низкие»³.

В 2002 г. стало очевидным, что ресурсы восстановительного роста в России скоро будут исчерпаны. За 1998–2002 гг. численность занятых в российской экономике выросла на 8,9 млн человек — с 58,4 до 67,3 млн. Дефицит квалифицированной рабочей силы привел к быстрому росту реальной заработной платы: за 2000–

¹ Изданные в 2000 г. ранее секретные материалы ЦК ВКП(б) хорошо иллюстрируют, как решение задачи сохранения высоких темпов роста было связано с демонтажом НЭПа (см.: Как ломали НЭП. Т. 1–5.). Из выступления председателя Совнаркома А. Рыкова: «В этот период темп роста вложений в промышленность может замедлиться. Создавать же фетиш из темпа ни в коем случае невозможно. И теперь нам нужно обеспечить такое “питание” промышленности средствами, при котором она на протяжении минимального исторического срока смогла бы занять решающие позиции во всей системе хозяйства, чтобы мы не ощущали в деле рационализации и реконструкции хозяйства стеснения от того, что у нас машин нет, тракторов нет, нет химических удобрений, нет специалистов, нет тех кадров, которые могут осуществить эту реконструкцию» (см.: Как ломали НЭП: Т. 3. Пленум ЦК ВКП(б) 16–24 ноября 1928 г. С. 38). Из его же выступления на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г.: «При обсуждении вопроса о темпе [роста] нельзя думать так, что каким-то “законом” всего переходного периода является постоянное возрастание темпа или даже удержание из года в год одного и того же темпа» (Как ломали НЭП. Т. 3. С. 37–38). Из выступления И. Сталина на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г.: «Вопрос о темпе развития индустрии и о новых формах смычки между городом и деревней. Этот вопрос является одним из важнейших вопросов наших разногласий. <...> План тов. Бухарина есть план снижения темпа развития индустрии и подрыва новых форм смычки» (Как ломали НЭП. Т. 4. С. 477, 480).

² См.: Как ломали НЭП. Т. 1. С. 18.

³ Мау В. Альтернатива Струмилину // Ведомости. 2002. 27 марта.

2002 гг. она выросла в 1,7 раза. Подобная тенденция наблюдается и в других странах СНГ (табл. 5).

Приведенные данные со всей очевидностью подтверждают, что для восстановительных процессов характерен опережающий по сравнению с производительностью труда рост реальной заработной платы. Это отмечал и В. Громан в своих работах 1920-х гг.¹

Таблица 5

Темпы прироста реальной заработной платы в странах СНГ за 1996–2003 годы, % к предыдущему году

Страна \ Год	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Азербайджан	19,0	53,0	20,0	20,0	18,0	16,0	18,0	н/д
Армения	13,0	26,0	22,0	11,0	13,0	5,0	9,9	14,8
Белоруссия	5,0	14,0	18,0	7,0	12,0	30,0	7,9	3,2
Грузия	53,0	37,0	25,0	2,0	3,0	22,0	н/д	н/д
Казахстан	2,0	5,0	4,0	7,0	12,0	13,0	11,0	6,9
Киргизия	1,0	12,0	12,0	-8,0	-2,0	11,0	13,3	9,9
Молдавия	5,0	5,0	5,0	-13,0	2,0	15,0	20,8	15,3
Россия	6,0	5,0	-13,0	-22,0	21,0	20,0	16,2	10,9
Таджикистан	-14,0	-2,0	29,0	0,3	8,0	11,0	25,9	37,1
Украина	-5,0	-2,0	-3,0	-6,0	1,0	21,0	20,1	37,1

Источник: Содружество независимых государств в 2003 году: Статистический ежегодник. М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2004.

Конъюнктурные опросы, проводимые ИЭПП, показали, что оценки достаточных для удовлетворения ожидаемого спроса производственных мощностей на период 1998–2001 гг. изменились. Нехватка оборудования и квалифицированных кадров все чаще становилась серьезной преградой для подъема производства.

Падение темпов роста, после того как они достигают пиковых значений и в хозяйственный оборот вовлекаются наиболее доступные ресурсы, порождает экономико-политические дебаты о причинах замедления роста и о путях повышения его темпов. Поскольку источники восстановительного роста исчерпаны, встает новая проблема: как обеспечить экономическое развитие за пределами восстановительного периода, ориентируясь уже не

¹ Громан В. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве. С. 32.

на вовлечение старых производственных мощностей, а на создание новых, на обновление основных фондов¹, привлечение новой квалифицированной рабочей силы. Все это возможно только при эффективном действии рыночных, экономических стимулов.

Решить эту проблему можно лишь укрепляя гарантии прав собственности, углубляя структурные реформы. В 2000–2001 гг. российское правительство стало проводить в жизнь комплекс таких реформ. По некоторым направлениям было сделано много полезного. Однако такие реформы не дают быстрой отдачи, реформы «всего лишь» закладывают основу для долгосрочного экономического роста.

Например, за последние годы в России внесены позитивные изменения в уголовно-процессуальное законодательство. В то же время российская судебная система по-прежнему имеет немало изъянов и еще долгие годы будут сохраняться серьезные проблемы, связанные с ее функционированием.

Важны меры, направленные на упорядочение частной собственности на землю. Можно спорить, хорош или плох вступивший в силу закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Однако то, что в России частный земельный оборот упорядочен и закреплён, бесспорно, способствует долгосрочному росту российской экономики. То же относится ко многим другим мерам: реформе трудовых отношений, пенсионной реформе. Изменения, которые приносят положительный результат в короткие сроки (например, реформа подоходного налога), — редкое исключение.

Мы упоминали, что важный фактор, влияющий на экономическое положение России в начале 2000-х гг., — высокие цены на нефть. В этих условиях российское правительство несколько лет проводило ответственную финансовую и денежную полити-

¹ Об ограниченной роли новых инвестиций в процессе восстановительного роста во время постсоциалистического перехода см.: *Wolf H. C. Transition Strategies: Choices and Outcomes*. New York: Stern Business School, 1997. О специфике восстановительного роста, при котором увеличение инвестиций не является локомотивом роста, а следует за ним см.: *De Melo M., Denizer C., Gelb A. From Plan to Market: Patterns of Transition // Blejer M. I., Skreb M. (eds.). Macroeconomic Stabilization in Transition Economies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 17–72; *Havrylyshyn O., Wolf T. Growth in Transition Countries. 1991–1998. The Main Lessons. Paper Presented at the Conference «A Decade of Transition»*, International Monetary Fund. Washington, D.C., February 1–3, 1999; *Ослунд А. Строительство капитализма: Рыночная трансформация стран бывшего советского блока*. М.: Логос, 2003.

ку, что достойно уважения. Далекое не так обстояло дело в один из предшествующих периодов аномально высоких нефтяных цен в 1970-е гг.: в 1979–1982 гг. эти цены в реальном исчислении были заметно выше сегодняшних (рис. 1), но полученные доходы были бездарно разбазарены тогдашними советскими властями.

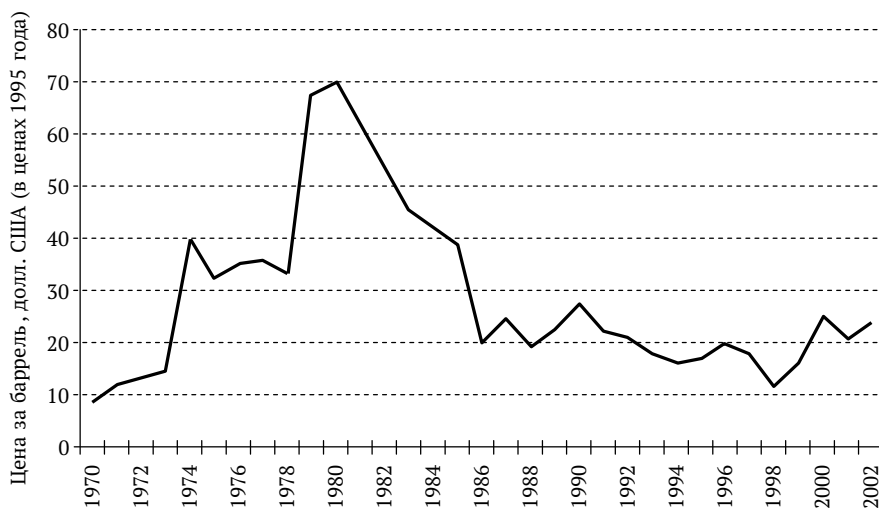


Рис. 1. Динамика мировых цен на нефть марки U.K. Brent

Источник: International Financial Statistics Yearbook, 2003.

Структурные реформы идут медленно и чудес не обещают, цены на нефть остаются высокими. В такой ситуации растет спрос на популярные решения, чувствуется острая потребность в том, что дает немедленную отдачу, сулит «прорыв». Призывы подстегнуть темпы роста, поиски того, кого необходимо «догнать и перегнать», сыграли немалую роль в экономической истории России XX в. Можно вспомнить старания Н. Хрущева догнать и перегнать Америку по производству мяса на душу населения. Или совсем недавнее: экономическая катастрофа в СССР на рубеже 1980–1990-х гг. начиналась с попыток ускорить темпы экономического роста.

У России нет монополии на подобные экспериментальные экономические гонки. Например, экономическая политика прави-

тельства С. Альенде¹ в Чили также была ориентирована на ускорение роста за счет отказа от ортодоксальных моделей, снятия финансовых ограничений, накачки экономики деньгами. Именно это привело страну к глубокому политическому и экономическому кризису, из которого потом пришлось выбираться в течение десятилетия. Но на первом этапе, в 1971 г., такая политика действительно позволила форсировать темпы экономического роста. Характерно, что и в Чили попытки макроэкономических манипуляций были предприняты не на фоне длительной стагнации экономики, а после периода экономической экспансии, вслед за которым последовало снижение темпов развития при падении мировых цен на медь — важнейший товар чилийского экспорта².

То, что нужно сегодня России, — это научиться устойчиво развиваться в условиях меняющегося постиндустриального мира, не ввязываясь в войны, избегая внутренних смут. Не паниковать из-за краткосрочных колебаний темпов роста, избавиться от стиля, давно характерного для нашей страны, когда за рывком следуют застой и кризис; научиться идти вперед, используя не столько инструменты государственного принуждения, сколько частные стимулы и инициативу. Сделать это труднее, чем на короткий срок подстегнуть темпы экономического роста. Для этого нужна тяжелая последовательная и не приносящая немедленных политических дивидендов работа. Но именно такая политика открывает путь устойчивому экономическому росту.

* * *

Итак, подведем некоторые итоги сказанному.

Начинающийся через 3–7 лет после краха социализма с неизбежным спадом производства экономический рост на первом этапе носит восстановительный характер, обеспечивается сложившейся новой системой рыночных институтов, позволяющей на иных, чем при социализме, основаниях реорганизовывать си-

¹ Сальвадор Альенде Госсенс (1908–1973), президент Чили с 3 ноября 1970 г. до своей гибели в результате военного переворота, возглавленного А. Пиночетом. — *Прим. ред.*

² Dornbusch R., Edwards S. The Macroeconomics of Populism in Latin America. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1991. P. 200.

стему хозяйственных связей, увеличивать объемы производства продукции и услуг, на которые есть платежеспособный спрос. Важнейшей задачей правительств социалистических стран на стадии восстановительного роста является создание предпосылок к переходу от восстановительного роста к инвестиционному, базирующемуся на росте капитальных вложений в экономику, создании новых производственных мощностей.

Л. Валенса¹, кажется, первым сравнил постсоциалистический переход с задачей превратить рыбный суп в аквариум. По прошествии 10 лет нельзя не признать, что задача оказалась крайне сложной, но все-таки разрешимой. Об этом и говорит тот факт, что в разной степени динамичный, но устойчивый экономический рост наблюдается в последние годы на всем постсоциалистическом пространстве.

Формирование рыночной системы хозяйственных связей, перераспределение ресурсов в рыночный сектор, адаптация менеджмента к работе в условиях рынка — важнейшие факторы перехода к стадии постсоциалистического роста. Этот процесс протекал в первой половине 1990-х гг. в Восточной Европе, в конце 1990-х — в странах СНГ. На его ход накладываются специфика национальной макроэкономической ситуации, динамика цен на экспортную и импортную продукцию, курсовая политика. Эти параметры влияют на национальные траектории развития, но в рамках общего процесса постсоциалистического восстановительного роста.

Дезорганизация хозяйственных связей, крах старых административных каналов координации при отсутствии новых в наибольшей степени сказываются на отраслях, выпускающих технически сложную продукцию. Но после стабилизации рыночных механизмов именно в этих отраслях подъем оказывается наиболее динамичным².

Все это доказывает, что сегодня Россия (как и большинство других постсоциалистических стран) является страной с рыночной

¹ Лех Валенса — польский политический деятель, активист и защитник прав человека, первый руководитель профсоюза «Солидарность», первого в Восточной Европе свободного, неподконтрольного государству профсоюза. Президент Польши в 1990–1995 гг. — *Прим. ред.*

² См.: Факторы экономического роста российской экономики: Научные труды № 70Р. М.: ИЭПП, 2003. С. 186, 187, 194, 195.

экономикой. Этот факт нашел широкое признание в мире¹. Исторический переход от командной социалистической экономики, при которой жили поколения россиян, к экономике рыночной — этот переход в целом состоялся.

Разумеется, по ряду важных параметров характеристики пост-социалистических стран, в том числе России, отличаются от тех, которые присущи тем рыночным экономикам, которые не прошли социалистического эксперимента. В первую очередь это касается демографии. И тем не менее по основным показателям выходящие из социализма страны достаточно близки к рыночным экономикам соответствующего им уровня развития (табл. 6).

Таблица 6

Отдельные показатели развития России и некоторых стран мира в конце XX — начале XXI века

Страна	Россия	Бразилия	Мексика	Испания
Год*	2001	1998	1980	1966
Доля городского населения	72,9	79,9	66,4	62,2
Доля занятых в сельском хозяйстве, %	12,7	23,4	36,3	29,0 (1970)
Доля занятых в промышленности, %	30,5**	20,1	29,1	36,0 (1970)
Доля занятых в сфере услуг, %	56,8	56,5	34,6	35,0 (1970)
Государственные расходы на образование, % ВВП	3,2	5,0 (1999)	4,6	1,2 (1966)
Государственные расходы на здравоохранение, % ВВП	3,1	2,3 (1970)
Детская смертность (в возрасте до 1 года) на 1000 живорожденных	18,1	32,0 (2000)	56,0	36,0
Детская смертность (в возрасте до 5 лет) на 1000 живорожденных	21,0	38,0 (2000)	74,0	45,5 (1965)
Количество фиксированных и мобильных телефонов на 1000 человек	281	165	53 (1988)	94

¹ Европейский союз и США признали Россию страной с рыночной экономикой в июне 2002 г. (см.: <http://bisnis.doc.gov/bisnis/bulletin/0207bull2.htm> (USA Dept. of Commerce)). Из выступления Б. Маршалла, вице-президента Российско-Американского совета по деловому сотрудничеству, на слушаниях в Министерстве торговли США от 27 марта 2002 г.: «Отрицать официальное признание России как страны с рыночной экономикой — значит отрицать сегодняшнюю реальность» (см.: <http://www.usrbc.org/Transcripts-Summaries-testimonies/2002/Commerce%20Hearing%20march%2027.htm>).

Окончание табл. 6

Страна	Россия	Бразилия	Мексика	Испания
Количество пользователей интернета на 1000 человек	30	15
Количество легковых автомобилей на 1000 человек	140 (2000)	129	60	33

* Соответствует уровню ВВП на душу в 5437 долл. для России, 5459 долл. для Бразилии, 5582 долл. для Мексики, 5538 долл. для Испании.

** Число занятых в промышленности, включая строительство.

Источники: *Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992*. Paris: OECD, 1995; *World Development Indicators 2003*, World Bank (cd-rom edition); OECD Statistical Portal (расходы на здравоохранение для всех стран, кроме России); UN Common Database, <http://unstats.un.org/unsd/cdb/etc/>; Госкомстат России; Министерство финансов РФ; *Mitchell B.R. International Historical Statistics. Europe 1750–1993*. London: Macmillan Reference LTD, 1998.

Именно поэтому при обсуждении долгосрочных проблем экономического развития мы можем, помня о специфике проблем, связанных с социалистическим экспериментом, опираться на анализ тех проблем, которые выявились на протяжении последнего полувека в странах — лидерах современного экономического роста.

Самое важное сейчас — продолжение реформ, необходимых для того, чтобы придать экономическому росту долгосрочный устойчивый характер, и формирование социально-экономических основ постиндустриального общества в наших странах. Это определяет сущность происходящей сегодня трансформации, основные вызовы, с которыми будут сталкиваться практически все постсоциалистические страны на протяжении ближайших десятилетий.

Важность исторического контента для разумного принятия политических решений

*Выступление на семинаре Клуба региональной журналистики
«Из первых уст»*

28 июня 2005 г.

Опубликовано на сайте Клуба региональной журналистики.

Ведущая — Ирина Ясина.

Ведущая: *Егор Тимурович, у нас сегодня очень хорошая группа. Мне она нравится, прежде всего, тем, что очень много молодых людей. Кроме того, пришло много слушателей, которые не являются членами Клуба региональной журналистики. Ваше выступление — всегда у нас событие. Мы очень рады, что Вы соглашаетесь, что Вы нас любите, что Вы знаете, что региональная пресса умная, активная, гражданственная. И очень ищущая ответов на вопросы. Я передаю Вам слово.*

Егор Гайдар: Спасибо. В России ответить на вопросы долгосрочного развития, стратегии развития, связанные с тем, что будет со страной на протяжении следующих поколений, довольно трудно. Сейчас у нас в институте только что закончился очередной раунд обсуждений вопроса, который многих здесь присутствующих волнует больше, чем стратегия развития. Что делать с законом о местном самоуправлении и, соответственно, с инициативой введения его в действие до 2010 г. Парадокс ситуации состоит в том, что все основные аргументы против его введения были нами изложены 3–4 года назад. Я потратил колоссальное время на то, чтобы попытаться убедить, что в этом виде закон принимать не надо. А теперь я должен тратить кучу времени на то, чтобы пытаться объяснить, что после тупого решения отсрочить его на четыре года — это

создание полного хаоса. Не так просто поправить то, что сделано неправильно, иногда даже невозможно. Все это надо делать гораздо умнее, деликатнее. Получится или нет — честно говоря, не знаю ответа на этот вопрос.

Тем не менее я убежден, что даже при всех тех проблемах, которые у нас возникают непрерывно (каждый день, каждую неделю, каждый месяц), обсуждать вопросы долгосрочных перспектив и стратегий развития страны, во-первых — нужно, а во-вторых — важно. И это важно не для какой-то абсолютно абстрактной, отдаленной перспективы. Это важно для той жизни, которой мы живем каждый день. Это не абстракция.

Самое интересное, что этот тезис сегодня надо доказывать. Потому что, скажем, век тому назад в России представление о том, что проблему долгосрочного развития можно и нужно обсуждать, было общепринятым. По крайней мере в интеллектуальной элите. Больше того, было общепринятым представление о том, как их можно и нужно обсуждать. Вы можете взять таких, совершенно разных, людей, как Витте, Туган-Барановский, Ленин, Струве — крупных интеллектуальных лидеров конца XIX — начала XX в. в России, и вы увидите, что при всей разнице в их политических взглядах, подходы к тому, как надо анализировать стратегические проблемы развития России, у них примерно одинаковые.

Посмотрите, скажем, классическую работу профессора Гриневецкого «Послевоенные перспективы русской промышленности». Работа, действительно оказавшая огромное влияние на дальнейшее развитие Советского Союза и России, потому что она была идеологической основой плана ГОЭЛРО. Что, собственно, делает Гриневецкий? Он делает простейшие вещи. Он сравнивает политический баланс России и политический баланс стран, заметно более развитых, чем Россия. И дальше обсуждает, что нужно сделать в России для того, чтобы наш баланс был похож на политический баланс, скажем, Франции, Германии. Как Туган-Барановский обсуждает проблемы рынка земельных отношений в России? Он анализирует динамику развития земельных отношений в странах, существенно более развитых, чем Россия, и дальше смотрит — какие выводы для этого следуют для России. То есть представление о том, что происходило за последние десятилетия в наиболее развитых

странах — это ключ к анализу и пониманию того, с чем столкнется Россия. Это представление было общим.

К концу XX в. оказалось, что это не так. Такого консенсуса уже нет. Почему? Потому что за нами XX в., который показал многое важное для понимания этих взаимосвязей стран-лидеров и стран «догоняющего» развития. В конце XIX — начале XX в. в основе этого широкого согласия, консенсуса, было огромное влияние марксизма. Причем на людей, которые не были собственно марксистами, тем более не были ортодоксальными марксистами. На самом деле сегодня нам трудно оценить, в какой степени марксизм был идеологически привлекательной доктриной в конце XIX — начале XX в., когда казалось, что он одновременно дает действительное понимание этих железных законов истории и понимание того, что нужно делать исходя из этих законов истории.

XX век показал, что эти железные законы истории гораздо менее железные, чем это казалось Марксу в середине XIX в. Оказалось, что более развитые страны не показывают менее развитым картину их собственного будущего. Они максимум показывают картину тех проблем, с которыми они столкнутся, если они хотят держаться в рамках современного экономического роста, то есть того беспрецедентного процесса социальных, экономических, политических изменений, которые начались уже в XVIII–XIX вв., не завершены сегодня и в рамках которых мы, собственно, сегодня живем.

Маркс действительно был первым глубоким исследователем, который понял масштабы тех изменений, которые начались во всей организации общества и экономики на рубеже XVIII–XIX вв., и проанализировал их. Проанализировал достаточно глубоко и содержательно. Но так как он рассматривал процесс незавершенный, он еще не мог знать, какие сюрпризы этот процесс преподносит даже тем, кто думает, что они хорошо его знают и понимают.

Так, один из ключевых тезисов всей марксистской концепции, всего его видения мира — это концепция абсолютного обнищания пролетариата. Маркс не из головы его выдумал. Да, в экономической истории есть вопросы, на которые никто не даст окончательного ответа. И каждые пять лет выходит по крайней мере по две хорошие монографии, которые доказывают, что оно [обнищание пролетариата] было в первой половине XIX в. И две хорошие монографии, доказывающие, что его не было в первой

половине XIX в. Этот спор будет продолжаться сколько угодно. Но дело в том, что даже те, кто говорит, что его не было, и доказывают это, — все согласны, что к середине XIX в. убеждение в том, что оно есть, было абсолютно общим. То есть дискуссии на эту тему не было. Если быть точнее, то не было дискуссии о том, что невозможно повышение уровня жизни пролетариата в условиях того типа общества, которое существует. Это не обсуждалось. Это воспринималось как данность.

И Маркс всего-навсего считает, что, если это было на протяжении десятилетий и все с этим согласны, то, наверное, это будет продолжаться и дальше. И он думает, что это закон. И к тому времени, когда он выпускает первый том своей замечательной книги «Капитал», выясняется, что это совсем не так. Именно в это время, в это десятилетие начинается беспрецедентное по масштабам в мировой истории повышение уровня жизни низших классов. И оно продолжается, конечно, в следующие десятилетия.

XX век показал, что использовать такие прямые способы прогнозирования, как экстраполяция, для современного экономического роста крайне опасно. Это чревато серьезными ошибками. Стратегическими ошибками.

На протяжении десятилетий современный экономический рост ассоциировался с таким словом, как «индустриализация», — то есть быстрое увеличение доли промышленных рабочих в составе занятых при сокращении доли крестьян. Отсюда у Маркса — авангардная роль пролетариата в промышленности. Выяснилось, что это всего лишь стадия. А потом начинается резкое сокращение числа занятых в промышленности, которое идет примерно так же быстро, как предшествующее сокращение числа занятых в сельском хозяйстве. И резкий рост занятых в сфере услуг.

Это представление о том, что мы просто можем анализировать проблему стратегического развития, оказалось очень серьезно скомпрометированным в XX в.

Второе, почему оно оказалось скомпрометированным, состоит в том, что концепции, теоретически построенные на железных законах истории, были использованы для того, чтобы создать тоталитарные режимы, погубившие десятки миллионов жизней. В 1950-х — начале 1960-х гг. возникает целая серия сильных публикаций очень известных авторов, которые в принципе направле-

ны против логики законов истории — «законов истории нет, быть не может, это нельзя изучать». Это работы Хайека, Берли, Поппера¹. Причем они носят идеологический характер — открытый идеологический. Если память мне не изменяет, у Берли в предисловии прямым текстом написано, что «для меня это не вопрос науки, а для меня это вопрос морали». И если «эта концепция была использована для того, чтобы убить десятки миллионов людей, то я против этой концепции».

К концу 1950-х — началу 1960-х гг., по крайней мере в развитых демократиях, становится интеллектуально крайне немодным вообще обсуждать долгосрочные проблемы развития, закономерности исторического процесса. Это опасно для профессиональной репутации, профессиональной карьеры. Так, Ростоу² специально сопровождает книгу «Стадии экономического роста» (далеко не лучшую, на мой взгляд) подзаголовком «Некоммунистический манифест», чтобы его никто ни в чем не заподозрил.

Но если мы вообще не можем обсуждать закономерности исторического процесса, то, прошу прощения, — мы не можем обсуждать стратегические проблемы. Тогда обсуждение — «а что будет с нашей страной через 10–20–30–40–50 лет» — лишено какой бы то ни было основы. Самое интересное, что все это происходит на фоне революции в историко-экономической статистике, которая связана с разработкой концепции национальных счетов и, соответственно, с глубокой ревизией тех данных, которыми мы обладаем по долгосрочной динамике экономического, социального и демографического развития. Все это началось с работ Саймона Кузнеця и продолжилось в работах его учеников. Далее последовали работы международных организаций, которые дали нам то поле статистической информации о происходящем в XIX — начале XX в.,

¹ Фридрих Август фон Хайек (1899–1992) — австрийский экономист и философ, представитель новой австрийской школы, идеолог либерализма и свободного рынка, лауреат Нобелевской премии по экономике; Исайя Берлин (1909–1997) — английский философ, один из наиболее выдающихся либеральных мыслителей XX в., историк философских идей в Европе, переводчик русской литературы и философской мысли; Карл Раймунд Поппер — австрийский и британский философ и социолог, один из самых влиятельных философов науки XX столетия. — *Прим. ред.*

² Уолт Уитмен Ростоу (1916–2003) — американский экономист и политический деятель. Один из разработчиков теории постиндустриального общества, создатель теории стадий экономического роста. — *Прим. ред.*

которого, конечно, никогда не было и не могло быть у тех, кто писал об этих проблемах в середине XIX в.

Самое интересное, что этот огромный массив информации показывает, что жизнь, конечно, устроена сложнее, чем представлял ее Маркс, но в том, что он писал, очень много точного. Да, производительные силы (в терминологии Маркса), или душевое ВВП в пределах покупательной способности (в современной терминологии) действительно оказывают серьезное, глубокое воздействие на целый ряд взаимосвязанных, важнейших параметров организации общества. На то, где люди живут. На то, где они работают. На то, как у них устроена семья. На то, сколько они рожают детей. На то, какая у них продолжительность жизни. На то, как у них устроена политическая система. Вот это все — действительно реальные взаимосвязи. И они достаточно устойчивы и достаточно жесткие. То есть этот процесс преобразования общества, который начался в начале XIX в., действительно системный, взаимосвязанный, беспрецедентный по своим масштабам в истории.

Понимая, как устроены один-два параметра, ты легко понимаешь, как у тебя устроены многие другие, важнейшие параметры жизни. От них зависит жизнь.

Другое дело, что мир, который вырастает перед нами на основе сегодняшнего знания, — это мир не одномерный, где один параметр задает вам все остальные параметры. Он многомерный. И анализировать его можно только как мир многомерный.

Я не буду вдаваться в подробности, потому что параметров можно придумать сколько угодно. Я пытался в своей книге «Долгое время» минимизировать их число, как осей координат, и свел их к дополнительным четырем. Приведу один пример, чтобы было понятно, о чем идет речь.

Наследие аграрных цивилизаций. Сам процесс современного экономического роста является беспрецедентным ускорением темпов экономического развития. Они ускоряются не в разы, а в десятки раз по сравнению со всем, что мы знали на протяжении предшествующих тысячелетий. Предшествующие общества, которые существовали до конца XVIII в., были достаточно устойчивы, то есть изменения в них проходили очень и очень медленно. Если вы возьмете такие показатели, как уровень душевого ВВП, уровень потребления калорий в день на человека, число рождений

на одну женщину, средняя продолжительность жизни, число занятых в сельском хозяйстве, число живущих в деревне, число грамотных и сравните их в Египте первого тысячелетия до нашей эры и в Китае XVIII в. нашей эры, то вы увидите, что они очень сходны. Они почти одинаковые. Это длинный-длинный период относительной стабильности важнейших форм организации жизни.

Тем не менее в рамках этой общей стабильности, конечно, были серьезные цивилизационные отличия. То есть цивилизация, скажем, в Европе (которая возникла в Античности и потом постепенно трансформировалась в европейскую), имела некие специфические черты. Как, скажем, буддистские цивилизации. Что не понимали многие исследователи еще в середине XX в.? То, что эти цивилизационные отличия сохраняют сильный инерционный эффект даже в условиях этих беспрецедентных изменений, которые связаны с современным экономическим ростом.

В этой связи история — это цивилизационное наследие. Оно имеет значение. Оно серьезно модифицирует траекторию развития стран по многим важным направлениям.

Типичный пример — это семья. В Западной Европе (католическо-протестантской) сложилась довольно необычная для аграрных цивилизаций модель малой семьи. Она начала складываться, видимо, где-то на рубеже 1–2 тысячелетий. Есть литература, описывающая гипотезы — почему она сложилась такой необычной. Главное, что она действительно необычная. Потому что, во-первых, было меньше рождений на одну женщину, чем обычно было в аграрных цивилизациях. Их было бесконечно много по современным стандартам — там было 4–5. Но не 7–8. Во-вторых, сложилась традиция малой семьи. То есть семейные отношения распространяются на очень ограниченный круг родственников — отец, мать, сын, дочь, может быть, братья. Вот и все. Уже не троюродный племянник. А, скажем, для стран Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии была характерна совсем другая традиция семейного поведения. Это, во-первых, больше рождений. Во-вторых, большая семья. То есть у тебя есть троюродный племянник, которого ты помнишь, который может обратиться к тебе за помощью. Двоюродный дядя, который может тебе помочь. Эта система семейных отношений совсем по-другому устроена, чем в Европе.

Это было 200 лет тому назад. А как это связано с сегодняшней жизнью? А самым прямым образом. Потому что, если в Европе узкая семья — это значит, что когда у тебя возникают новые социальные проблемы (связанные с тем, что ты не в крестьянском хозяйстве живешь, ты не можешь за счет огорода прокормиться, у тебя есть циклы деловой конъюнктуры, безработица, растет доля пожилых нетрудоспособных), ты не можешь положиться на нормы семейной солидарности. Ты не можешь сказать, что в конце концов двоюродный дядя поможет. Ты должен сказать: «Нет. Это государство — оно должно собирать налоги и установить нормы социальной поддержки и т. д.». А если ты имеешь дело с семьей в Юго-Восточной Азии, где широкий круг взаимопомощи, там эти системы социальной поддержки обычно формируются на более высоких уровнях развития, и они менее щедрые, чем в странах классического европейского капитализма.

Отсюда — по-разному организован бизнес. В Европе давно укоренилось представление, что nepотизм, то есть помощь родственникам, — это вообще что-то неприличное. Это не значит, что этого не бывает, что этого не делают. Но этого стыдятся. Сказать, что ты заключил сделку с этой фирмой, потому что там работает твой племянник, — это неприлично. Сказать, что ты назначил такого-то человека на должность в свою собственную компанию, потому что он твой двоюродный дядя — бывает, но в приличном обществе этого не говорят.

А в Юго-Восточной Азии складывается то, что американцы и европейцы, этого не понимающие, называют «капитализм по знакомству». То есть объяснить в Юго-Восточной Азии, что кто-то не хочет заключить сделку с фирмой, где работает его племянник, если он может это сделать, невозможно. Ты после этого — вне семейного сообщества, ты нарушаешь правила ведения бизнеса. Это — по-другому организованный бизнес, другое общество. Там семейные связи во многом замещают то, что нормально должно бы делать государство, если бы оно делало это нормально.

То есть все-таки история имеет значение.

Книжка, надо сказать, большая. И в ней анализируется все, что я сказал, применительно к проблемам демографии, миграционной политики, развития образования, развития здравоохранения, развития системы пенсионирования, развития системы

социального обеспечения, политического развития. Пересказывать ее, в общем, занятие довольно бессмысленное. Те, кто хочет, пусть читают.

Я просто возьму один сюжет, чтобы показать, что все, что я сказал, это не что-то оторванное от жизни, абстрактное, имеющее сугубо теоретическое значение. Проблема трансформации системы комплектования вооруженных сил. Как это смотрится с точки зрения того, о чем я только что говорил?

Если вы будете смотреть на происходящее в России только «коротким взглядом», вы, конечно, узнаете, что у нас серьезные проблемы в вооруженных силах. Есть проблема коррупции. Есть проблема дедовщины. Солдаты регулярно бегут из частей, иногда с оружием, иногда после этого стреляют в милиционеров. И дальше, если вы почитаете прессу и посмотрите телевидение, вы получите два рода объяснений. Первый род объяснений будет объяснением генералитета. Он скажет, что все это потому, что развалили военно-патриотическую пропаганду, все это потому, что юношам не прививают любовь к Родине и готовность защищать Отечество. Потом скажут, что «расплодились» отсрочки — «вот сейчас мы все это поставим, и все будет хорошо».

Если вы послушаете противоположную сторону, вы узнаете, что все это потому, что в Министерстве обороны коррупция, генералы не очень компетентны, с солдатами обращаются черт знает как. И вот если навести здесь порядок, то....

Все это можно услышать. Только надо понять, что эта проблема не сегодняшняя, не завтрашняя и не послезавтрашняя. Она длинная. И она не российская. Она мировая.

Система комплектования вооруженных сил на основе всеобщей воинской обязанности на самом деле отнюдь не вечная. Она с исторической точки зрения сравнительно позднее изобретение.

Мне ужасно интересно читать в разных документах, выходящих из Министерства обороны, о том, что всеобщая воинская обязанность — это великая историческая традиция России, которая является неотъемлемой частью российской истории. Мне это особенно интересно, потому что я довольно внимательно читал материалы полемики по поводу военной реформы 1874 г. Я с интересом читал, как генералы рассказывали, что введение всеобщей воинской обязанности — это страшное покушение на все основы российско-

го военного устройства, это предательство всех принципов, на которых строил армию Петр Первый, это крушение всего.

На самом деле это отнюдь не историческое установление. Это результат, в некотором смысле, современного экономического роста. Его формирование началось во время Французской революции. И, конечно, армия Наполеона, сформированная на базе всеобщей воинской обязанности, была важнейшим фактором его успехов в войне. Кстати, они открыли дорогу возможностям использования других форм организации ведения военных действий, которые были недоступны рекрутским армиям. Потом они были приняты и развиты в Пруссии. После франко-прусской войны выяснилось, что прусская (более жесткая) система воинской обязанности более эффективна. Потом, именно на базе этого опыта, в России военный министр и его союзники сумели преодолеть сопротивление генералов и провели реформу, которая отменила рекрутчину и ввела всеобщую воинскую обязанность. И, в общем, на протяжении полутора веков эта воинская система стала «символом веры» среди всех военных элит. На ее основе велись две мировые войны. Представление о том, что никак иначе комплектовать вооруженные силы нельзя (по крайней мере в странах, которые не отделены от потенциального противника морем), к 1950-м гг. было абсолютно доминирующим. Все были уверены, что никак иначе военная организация и не может быть устроена.

А потом выяснилось, что армия так устроена быть не может. Это не зависит от качества генералов. Это зависит от того, как изменилось общество.

Когда в России в 1874 г. вводили всеобщую воинскую обязанность, на одну российскую женщину приходилось 7,1 рождений. Старший сын наследовал землю. Для младших детей армия была, во-первых, нормальной ритуальной обязанностью, к которой все привыкли. Во-вторых, это был способ получить образование, хотя бы на уровне элементарной грамотности. В-третьих, это был способ социализации, адаптации к несельскому образу жизни, возможность потенциально подготовиться к тому, чтобы потом переехать в город и найти там себе работу. То есть это совершенно не воспринималось как нечто страшное. Нормальная жизнь.

Как сегодня? Скажем, призыв в армию в Китае, в китайской деревне является почетной обязанностью. Туда отбирают по конкурсу. Потому что это возможность сделать примерно то же самое.

Но общество за эти полтора века немножко изменилось. Теперь на одну женщину в Испании, Италии, Японии, Германии, России приходится не 7,1 рождений, а 1,3–1,4 рождений. Я напомним, что в русской армии, в русской военной истории первый сын вообще не подлежал призыву, кроме условий большой войны. А сейчас, где вы второго найдете? Где второй сын?

Нынешние условия — это городская цивилизация, образованное общество. Это ребята, которые получили высшее образование и совершенно не нуждаются в армии как в способе обучиться грамоте и социальной адаптации. Они собираются учиться дальше. И что, вы думаете, что это общество действительно отдаст своего первого сына? Оно придумает, как не отдать. Причем оно очень изобретательно. В разных формах оно придумывает, как не отдать. Введет отсрочки, коррумпирует военкоматы, добьется селективных решений, коррумпирует систему врачебного освидетельствования. Даже если вы захотите сохранить призыв, будьте уверены, что две трети верхних слоев общества (доходных, статусных, социальных) придумают эти механизмы.

Еще раз подчеркиваю, это не проблема того, как конкретно вы организуете то или иное законодательство. Это проблема социального устройства. Оно так устроено. Все остальное — это фон. Если завтра вы отмените отсрочки (будут, конечно, безумные социально-политические проблемы), это не значит, что после этого армия получит тех призывников, которых она хочет. Просто изменится баланс распределения взяток. Высшее образование потеряет, а некоторые другие органы выиграют.

Еще раз подчеркиваю — это не российская проблема. Она глобальна.

До конца Второй мировой войны (до 1950-х гг.), пока призыв воспринимался как нечто более-менее естественное и распространяющееся на всех, его можно было еще как-то поддерживать. Но потом, когда и в Америке, и во Франции — везде — призыв превращается в систему натурального налога на самых бедных (самые бедные как раз те, у кого сыновья еще идут в армию), становится

ясно, что ни в одном демократическом обществе эта система надолго не удержится.

Потом выясняется еще одно обстоятельство. Может быть, в армию вы его и заполучите, но только чего уж точно нельзя делать — это посылать его воевать. В этом первыми убедились французы в 1950-х гг. Они вели тяжелую войну в Индокитае. Войну, которая окончилась катастрофическим поражением. Войну, в которой были задействованы 170 тыс. военнослужащих. Как вы думаете, сколько из них было призывников (из Франции)? Ни одного. Они никогда не послали ни одного призывника из Франции. Потом они столкнулись с войной в Алжире. Алжир воспринимался все-таки как часть Франции. Там был департамент Франции, там жили миллион сто тысяч французов. Они послали туда призывников. Франция проголосовала за предоставление независимости Алжиру.

Что было с американцами во Вьетнаме, я не буду рассказывать. Я думаю, что это многие знают.

Короче говоря, выяснилось, что вы, конечно, можете призвать, но только воевать они не будут. Вы не пошлете их воевать. Если речь не идет о войне, которая очевидно считается необходимой и популярной в стране. Как, скажем, в Израиле. Израиль — уникальная страна, где есть нормально функционирующая система призыва и уклоняться от призыва неприлично. Но для этого должна быть очень специфическая ситуация. Она уникальна.

Суть всего того, о чем я говорю, состоит в том, что вы можете назначить лучшего министра обороны, лучших генералов, вы можете отменить отсрочки. Но пока в этом изменившемся обществе (не том обществе, которое было в середине XIX в.) вы не поймете, что система призыва работать не может — у вас будет недееспособная армия. Тут ничего сделать нельзя.

Я довольно долго принимал участие в различных дискуссиях с разными представителями министерства обороны. Один из высокопоставленных генералов, отвечающих за систему призыва, мне как-то приводил такой контраргумент: «Что вы все время говорите: Италия, Испания, Америка, Франция. Вот смотрите — Германия. Германия сохраняет систему призыва. Они глупее нас, что ли? Почему они сохраняют систему призыва, а мы должны ее реформировать?» Самое забавное состоит в том, что не всегда наши коллеги знают детали. А я довольно хорошо знаю детали того, как устроена

немецкая система призыва и как обосновывается необходимость. Я обсуждал это с министром обороны Германии, который проводил военную реформу. Я сказал: «Если вы хотите ввести у нас германскую систему призыва — поддерживаю двумя руками, аплодирую. В обществе вас просто на руках будут носить. Только поймите, что вы хотите сделать».

Как устроена германская система призыва? Молодой человек в некоем диапазоне лет должен написать письмо в военкомат. В письме он говорит, что либо он хочет пройти воинскую службу по призыву в 10 месяцев, либо хочет пройти альтернативную службу по месту жительства в течение 11 месяцев. Альтернативная служба является добровольной, это чисто добровольный призыв. Как мой германский коллега (а он убежденный сторонник сохранения призыва) обосновывал ее эффективность, целесообразность? Он говорил: «Вы знаете, до тех пор пока у нас есть такая система призыва, ни один германский политик никогда не пошлет ни одного немецкого солдата никуда воевать».

В принципе, если ты находишься в Германии, ты можешь позволить себе армию, которая может принимать участие в парадах и церемониях, но которую ты никогда не пошлешь воевать. Боюсь, что мы не совсем в этом положении.

Я еще раз подчеркиваю. Вопрос призыва я затронул не потому, что он единственный. Такие же вопросы можно обсудить, когда мы говорим об образовании, здравоохранении, миграционной политике и многих других. Просто важно понимать. Мне кажется, что понимание исторического контента предельно важно для отнюдь не абстрактных разговоров, а для разумного принятия политических решений, понимания области допустимых значений.

Спасибо, дорогие друзья!

Ведущая: *Мы переходим к вопросам. Напоминаю вам, что не обязательно блистать исторической эрудицией. Вполне можно задавать Егору Тимуровичу вопросы о текущей экономической ситуации, в которой он, я полагаю, разбирается лучше многих.*

Вопрос: *Вы анализируете существующую ситуацию. Говорите о том, что монополизация утратила свою актуальность. Какова тенденция? Мое мнение, что локальная линия приведет к тому, что армия приобретет, скажем, локальность. Со здоровой основой. Права я или нет?*

Егор Гайдар: В любом варианте воевать в нынешней ситуации будут профессиональные армии. Никак иначе это не получится.

Конечно, как я уже сказал, современный экономический рост — процесс не законченный и стационарный. Никто окончательно не может вам сказать что-то навсегда. В этой связи важнейший принцип — это сохранение гибкости. Вот когда мы предлагали свою концепцию военной реформы, мы предлагали на самом деле сохранить военную подготовку. То есть короткий призыв для военной подготовки. Для подготовки военно-обученного резерва, в том числе и для того, чтобы на его базе готовить контрактников.

Я вас уверяю, оттого, что молодые люди два раза пройдут военные сборы (если не говорить об экстремальных случаях), обычно никто не страдает. То, что у страны есть военно-обученный резерв — это факт сдерживания. Притом что все понимают, как изменилась война, роль ядерного оружия в войне. Тем не менее резерв — фактор сдерживания.

Но иметь в мирное время (вне большой войны) призывные вооруженные силы — это значит, их реально не иметь. Вот когда французы приняли решение о проведении военной реформы, важнейшим фактором было то, что они поняли, что у них «на бумаге» большая армия. Но ни одного полка в зону залива (когда началась иракско-кувейтская война) они послать не могут. Потому что они не могут послать туда призывников. А если они посылают призывников, то полк надо переукомплектовывать. А это требует времени, если это не делать так, как мы делали в Чечне в первую чеченскую войну.

Вопрос: *Вы начали говорить о законе, касающемся реформы местного самоуправления. Хотелось бы узнать подробнее об этом. Какие будут затруднения при его реализации? Что более целесообразно делать в этой ситуации?*

Егор Гайдар: С законом о реформе местного самоуправления связана длинная-длинная история и длинная дискуссия. Разработчики закона, на мой взгляд, хотели хорошего — они хотели подтолкнуть к развитию местное самоуправление в России.

В чем, на мой взгляд, они ошибались? Я имел возможность им это многократно говорить. Они писали закон исходя из юридической логики — порядок должен быть. Поэтому первая колонна марширует, вторая колонна марширует, третья колонна марширу-

ет, четвертая колонна марширует. 1 января — то-то, 1 марта — то-то и т. д. И для всей России. А Россия очень разная. То, что хорошо, например, в Пермской области, совершенно неочевидно хорошо, скажем, в Ингушетии или в Адыгее.

Наше предложение с самого начала состояло в том, что процесс должен быть гораздо более гибким. Да, стимулируемым. Да, в этом направлении. Да, с созданием правовых рамок, позволяющих двигаться примерно в том направлении, которое прописано в законе. Но при этом не выстраивающим всех по одному ранжиру и дающим региональным властям существенную свободу маневра хотя бы по срокам введения, формам введения этого закона. Это я много часов обсуждал с разработчиками закона.

Позавчера — в субботу и в воскресенье — подробно обсуждали ситуацию. И люди, работающие на высоких постах в правительстве, отвечающие за это дело, говорили мне все то же самое, что я только что вам сказал. Но беда в том, что они говорят мне это сейчас. А желательно было понимать это три года назад, когда этот проект запускался. Поскольку было проведено радикальное изменение массы других важнейших законодательных актов — Бюджетного кодекса, многого другого. Нельзя же тупо сказать: «Нет, закон откладывается до 1 января 2010 г.». После этого я бы на месте всех органов власти — региональных, местных и федеральных — сказал: «Как это так? Все противоречит всему!»

То есть, сделав ошибку, нельзя ее просто исправить. Сказать: «Где-то погорячились. Извините — больше не будем». Надо все переделать. Я считаю, что это плохо. Мое представление будет сформировано окончательно через два дня, во время обсуждения этой тематики. У меня есть программа-минимум, программа-максимум. Посмотрим, что можно будет сделать реально.

По моему представлению, все-таки можно внести минимально необходимые изменения в закон о местном самоуправлении, которые сделают его чуть более гибким, но при этом не приведут к полной коллизии со всеми остальными законами. Тогда мы по крайней мере минимизируем ущерб.

А то можно получить ситуацию, которая у нас была со 122-м законом.

Ведущая: *Жалко, что все наши попытки введения законов заканчиваются попытками минимизировать ущерб.*

Егор Гайдар: Неправда. Не все.

Вопрос: *Егор Тимурович, вопрос большой. На каком этапе создания гражданского общества находится Россия? Как Вы можете это сформулировать? Кто этот процесс тормозит и зачем?*

Егор Гайдар: Я думаю, что в России, конечно, 15 лет назад гражданского общества не было в гораздо большей степени, чем в Восточной Европе, где эти элементы были даже при социализме. Сейчас оно, на мой взгляд, в России сформировалось. И довольно живое.

Причем сегодня, в отличие от того, что было несколько лет назад, говорить о России как о стране с реально функционирующей демократией я бы не решился. Но о России как о стране с существующим гражданским обществом я до сих пор вполне охотно говорю. Потому что я убежден, что оно есть.

Конечно, когда идет линия на демонтаж демократических институтов, выхолащивание — сохранение внешних форм демократических институтов, но выколачивание содержания, формирование того, что называется либо мягкий авторитаризм, либо управляемая демократия — то, конечно, есть риск, что власти могут сделать следующий шаг. Могут сказать: «Хорошо, с этим мы разобрались, а теперь давайте разберемся с тем, что называется гражданским обществом». И боюсь, что такие мнения представлены в нынешних российских органах власти.

Было несколько вполне откровенных шагов, направленных на то, чтобы демонтировать институт гражданского общества. Или по крайней мере существенно ограничить возможности их развития.

Ну, что делать? Будем обороняться.

Вопрос: *Вопрос по поводу политики центра по укрупнению регионов. Мне интересно Ваше мнение. Для чего это делается? С каким смыслом? К чему это приведет?*

Егор Гайдар: Первое. Когда речь идет об объединении Коми-Пермяцкого округа с Пермью и все это делается без насилия и по обоюдному согласию, то я думаю, что ничего страшного в этом нет. Ряд существующих округов, конечно, стали субъектами Федерации в силу специфики времени. И для той области, в которую они раньше входили, и для них будет лучше, если они будут объединены. Если, разумеется, это не «через колено».

Если же речь идет об идее передела России, реформирования системы российских регионов, то, боюсь, что я недооцениваю

возможности сделать глупости в нашей стране. На мой взгляд, это просто феноменальная глупость. Начать сейчас перекрой карты России, внести колоссальное количество сложностей и неопределенностей, напрочь парализовать работу региональных и муниципальных органов власти, привести к состоянию полного финансового хаоса — если желать развалить нашу страну, наверное, это хороший ход.

Вопрос: *У Вас в книге прослеживается такая мысль, что в странах «догоняющего» развития государственная нагрузка на экономику выше. Скажите, до 2000 г. Россия, как страна «догоняющего» развития, нуждалась в таком участии государства?*

И второй вопрос. При изучении эволюционного вопроса в нем прослеживается, что все кейнсианские идеи, по сути, заимствованы у России. Политика российского министерства финансов была направлена на участие и рост участия государства в экономике для форсированного развития. Почему же не получилось? Почти полвека.

Егор Гайдар: Я бы не сказал, что кейнсианские идеи были заимствованы у России. На мой взгляд, все было несколько сложнее. Это длинная тема.

Экономическое развитие России XIX — начала XX в. строго укладывалось в логику концепции преимущества отсталости. И в этой связи, конечно, страны, которые начали свой экономический рост позже лидеров, имели возможность заимствовать технологические новации, уже освоенные у лидеров. Им не надо было все придумывать самим. Ты знаешь, что есть железная дорога в Англии, в Германии, если она важна для развития — строй железную дорогу. Строишь железные дороги — озаботься построить металлургические заводы, которые будут снабжать тебя металлом.

И сказать, что это не получилось, я бы не сказал. Потому что экономический рост в России при всех проблемах между 80-ми гг. XIX в. и 1913 г., был вполне динамичным. Да, с огромными проблемами, особенно в деревне до столыпинской реформы. Но в целом достаточно динамичным.

Другое дело, что этот рост для России с ее специфической историей был рискованным. Политически рискованным. Во-первых (это показывает весь опыт именно ранней стадии современного индустриального общества), когда вы получаете миллионы неграмотных крестьян в города, которые не приспособлены к городским

условиям жизни, для которых это тяжелый шок адаптации — это время максимальных социальных рисков, максимальной социальной нестабильности и возможности мобилизации крестьянской массы, которую поставили в непривычные для себя условия.

Во-вторых, это время, когда марксизм, без всякого сомнения, оказывает огромное влияние на интеллектуальную жизнь всего мира и на Россию в том числе. И есть эта необразованная, тяжело адаптирующаяся к городской жизни масса, и есть интеллектуальная элита, которая хорошо знает, что надо сделать, она знает, как надо сокрушить нынешний порядок, она убеждена, что знает, как надо перестроить.

Наконец, на все это накладывается очень тяжелая для России проблема, наследованная от традиционного общества, наследованная от периода крепостного права, — проблема земли. Когда крестьяне не признают основательными помещичьи права на землю. Не признают и все.

И вот вы получаете такой котел. Если вы откроете форточку, и из нее дует — это не значит, что вы простудитесь. Но вы знаете, что есть фактор риска. А здесь три фактора риска. А дальше на это накладывается мировая война. Это необычно в истории человечества — когда миллионам крестьян, которым обычно оружие в руки не давали, вы даете в руки оружие и посылаете их воевать (со всем этим набором проблем) неизвестно зачем. И чем это кончается?

Так что там развитие шло нормально. Просто оно было очень рискованным.

Дальше — после революции, Гражданской войны, НЭПа — мы переходим к модели развития, которая предполагает абсолютно аномальную, несвойственную для обычных стран «догоняющего» развития, государственную экономику. Наша страна развивается, как страна с собственным, полностью регулируемым и управляемым государством развитием. Дальше социализм разваливается. Как он разваливается — это отдельная история. Если интересно, расскажу, потому что хорошо знаю.

Вот когда он разваливается, выясняется, что вне социализма, вне всего, что связано с социализмом, поддерживать государственную нагрузку в том виде, в каком она была в СССР, просто невозможно. Вы не можете заставить людей отдавать такую часть своих собственных доходов в любой форме.

Возникает тяжелейший кризис всей бюджетной сферы. Вы пытаетесь мобилизовать 50% дохода — выясняется, что у вас все уходит «в тень», не платят. И дальше происходит тяжелейшее приспособление двух вещей. Того, что можно выжать из общества, из экономики в условиях рыночной, не социалистической, экономики. И того, к чему была адаптирована вся предшествующая бюджетная сфера. Это, во многом, главное из того, что происходило в России последние десять лет.

Вопрос: *Егор Тимурович, на Ваш взгляд, не слишком ли много реформ за короткое время на душу населения — пресловутый 122-й закон, реформа образования, здравоохранения, административная реформа? Это первое. Есть ли для этого экономическая база серьезная? И насколько они обоснованны? Не получится ли, как по старой русской поговорке — «хотели как лучше, а получилось как всегда»?*

Ведущая: *Это поговорка Черномырдина.*

Егор Гайдар: Вы знаете, я бы разделил вопросы о количестве и о качестве.

В 2000–2002 гг. в России был проведен ряд очень глубоких и, на мой взгляд, крайне позитивных реформ. Мы существенно повысили качество своей налоговой системы. Я знаю, что нигде в мире никто не доволен своей налоговой системой, потому что лучшая налоговая система — это нулевые налоги. Но если сравнивать то, как она была устроена в 1999 г. и то, как она устроена сейчас, она стала гораздо более равномерной, гораздо более нейтральной и дает государству гораздо больше доходов. Притом что ставки радикально снизились. При всех недостатках Земельного кодекса, прекрасно известных, тем не менее мы легализовали частную земельную базу. Мы привели трудовое законодательство в соответствие с каким-то здравым смыслом и реалиями. На самом деле, было сделано много всего крайне полезного.

Я могу вам сказать, что по состоянию на конец 2002 г. в мировом экспертном сообществе людей, которые занимаются практической реализацией реформ (а такое сообщество есть, есть свой «гамбургский счет»), так вот по этому гамбургскому счету реформы, проведенные в России между 2000 и 2002 гг., оценивались как по-разному позитивные. Я знаю президента очень большой страны, который ходил по своему кабинету и говорил: «Если бы я мог сделать это!»

Дальше вопрос был не с количеством, а с качеством. Затем мы начали делать одну ошибку за другой. Все из рук валится. Мы хотим хорошего, но начинаем делать одну ошибку, вторую, третью. Обижаемся. Естественно, не на себя, а на кого-то. Так что, вопрос, скорее, не в количестве.

Я сейчас считаю, что при нынешнем качестве принятия решений я бы лучше вообще никаких реформ не проводил. Больше будет шансов, что мы сделаем меньше ошибок.

Вопрос: *Вы коснулись черномырдинских поговорок. Народных. А я хочу коснуться извечного русского вопроса «Что делать?». Егор Тимурович, если бы Вы вновь стали премьер-министром, что бы Вы в первую очередь сделали и кого оставили бы в правительстве?*

Егор Гайдар: На персональные вопросы не отвечаю.

Что бы я сделал? Я бы сделал две вещи.

Первое. Я бы попытался дать вполне убедительные сигналы, причем не словами, а делами — что всего, что началось с середины 2003 г., больше не будет. Больше не будет неожиданно возникающих претензий по компаниям, которые проверялись в предшествующие годы, к которым не было претензий. Не будет ситуации, когда сегодня крупные месторождения получает одна компания, а завтра решает получить другая компания. Не будет всего того, что происходило с «Юганскнефтегазом». Короче говоря, будут понятные правила игры.

Бизнес больше всего любит понятные правила игры. Он может быть недоволен правилами игры, они могут быть далеко не идеальными. Но главное, чего не любит, это когда они постоянно меняются, и он не может догадаться — какие они будут завтра. Когда вы хотите, чтобы люди вкладывали не государственные деньги, которые собираются разворовать, а свои частные деньги в проекты, которые будут реализованы через 3 года и дадут прибыль через 5 лет, то они должны знать, какие будут правила через 5 лет. Иначе они никогда этого делать не будут. Это показывает вся история мировой экономики. Это первое, что я бы попытался сделать. И главное.

Второе. В принципе, у правительства очень приличная программа реформ, которую оно шесть раз уже обсуждало и никак не может принять. Но я бы принял ее завтра. Только чуть-чуть подправив, внося туда компромиссы. Она абсолютно разумна. Там ничего

не надо принципиально нового придумывать, просто ее надо выполнять.

Вопрос: *Егор Тимурович, каким Вам видится энергетическое будущее России лет через пятьдесят? Ведь запасы нефти и газа исчерпаны.*

Егор Гайдар: Тут такая проблема есть. Я не геолог. Но я знаю всю историю мировых запасов нефти. Я знаю, сколько раз они должны были кончиться. Они кончались и в 1960 г., и в 1970 г., и в 1980 г.

Сейчас ситуация та же самая. Конечно, очевидно, что запасы нефти и газа исчерпаемы. Но пока история последних полутора-ста лет показывает, что запасы растут не медленнее, чем добыча. Потому что запасы разведывают не для того, чтобы разведать запас. Запасы разведывают для того, чтобы потом добывать нефть и газ. И в этой связи есть оптимальные размеры запасов. До сих пор в мире они всегда росли не медленнее, чем добыча.

Вы можете сказать: «А где гарантия того, что так и будет в XXI в.?» Я вам скажу: «Нет такой гарантии». Да, предшествующая тенденция (это то, что я говорил о Марксе) — тенденция такая была. Она очень устойчивая. Она была всегда. Тем не менее понимание того, что она нам абсолютно не гарантирована и что в этой связи задача диверсификации российской экономики — это важнейшая стратегическая задача. С этим я совершенно согласен.

Ведущая: *Мне кажется иногда, что в той перспективе, в какой у нас могут кончиться нефть и газ, существует точно такая же возможность, что просто они будут никому не нужны. Будет ядерная энергия или водородные двигатели. И тогда мы тоже окажемся в той самой ситуации, в которой нам оказаться не хочется. Временной промежуток будет, по всей видимости, примерно одинаковый.*

Вопрос: *Егор Тимурович, как Вы оцениваете использование Стабилизационного фонда российским правительством? Как бы Вы его использовали и почему?*

Егор Гайдар: Я в целом поддерживаю политику российского правительства в отношении Стабилизационного фонда. Я считаю, что она достаточно разумна и ответственна.

Тема влияния колеблющихся цен на сырьевые ресурсы и потока доходов, связанных с ними, на экономическое развитие блестяще изучена. И довольно хорошо известна. Исходя из всего, что мы

знаем об этой истории, то, что пытается делать правительство, — это самое разумное.

Беда в том, что я хорошо знаю, что объяснить это в не экономической аудитории (то есть среди тех, кто не прочитал по этому поводу 50 книг) — это задача практически неразрешимая. Неразрешимая не в России, она неразрешимая нигде.

Первый раз эта тема была исследована применительно к Испании, к истории Испании и влиянию притока золота и серебра из Америки на испанскую экономику. Этот приток, на самом деле, полностью разрушил испанскую экономику. Это прекрасно описано. Был такой очень энергичный премьер-министр Испании Оливарес, который чем-то мне напоминает некоторых представителей нашей власти. Он очень хотел проводить либеральные реформы, но при этом восстановить империю. Действительно, был очень компетентен. Когда выяснилось, что ничего из этого не получается и испанские финансы опять оказались под угрозой банкротства, империя никак не восстанавливалась по понятным причинам, в 1631 г. он произнес свою знаменитую фразу: «Если все это привело нас туда, куда привело, лучше бы никогда не открывали этой Америки и никогда не получали бы оттуда золота и серебра».

Надо понять, что это фундаментальный вызов. Когда у вас экономика сильно зависит от колеблющихся цен (непредсказуемо колеблющихся) на один сырьевой товар, то в этой ситуации выстроить ответственную экономическую политику безумно трудно.

На мой взгляд, до конца 2004 г. правительство с Центральным банком проводили просто безупречную политику. Но этого нельзя делать бесконечно по политическим мотивам. Если каждый идиот-политик может выйти и сказать: «Смотрите, у нас такие, такие, такие проблемы. А они сидят на своих мешках с деньгами»... Объяснить, что тратить их нельзя, невозможно. Попробуйте.

Я обсуждал эту тему со многими министрами финансов стран, зависящих от экспорта нефти. Скажем, не так давно у меня в гостях был министр финансов Норвегии. Норвегия — страна, в которой управление нефтяными доходами является образцом для подражания. Я ему рассказывал, как это тяжело у нас. Он мне рассказывал, как это безумно тяжело у них. Это в Норвегии — с их уровнем жизни, с их демократией вполне некоррупцированной. Он обратил мое внимание на то, что с того времени, когда Норвегия вве-

ла у себя стабилизационный фонд, ни одна проправительственная коалиция ни разу не выиграла выборы. Потому что у оппозиции всегда есть возможность сказать: «Вот, смотрите, у них есть деньги. А у нас проблемы». Но если оппозиция ответственная, когда она приходит, то говорит: «Извините, мы погорячились, наверное, так нельзя». А прошлое правительство говорит: «Вот видите, они вас обманывали». Ну, и так далее. Тяжелая борьба.

Вопрос: *Считаете ли Вы, что у России имеется внятная, последовательная политика в отношении стран мусульманского Востока, в частности республик бывшего СССР? Я долгие годы занимаюсь этим вопросом из любительских соображений. Мне кажется, что у России, как при пожаре: «загорелось» — Путин поехал. А ведь это является очередной подпиткой наличия той же самой Чечни на территории Российской Федерации. Почему умные люди, которые сидят рядом с Путиным, не подскажут, что политика должна быть последовательной и внятной? Я хочу услышать Вас.*

Егор Гайдар: Во-первых, я совершенно с Вами согласен, что у нас нет внятной политики по отношению к странам Средней Азии. Таким, например, как Казахстан. Но я бы пошел дальше и сказал, что у нас нет внятной политики и по СНГ в целом. Почему? Нет умных людей? Нет, не думаю. Я думаю, что причина, может быть, более глубокая. И в этой связи более опасная.

Россия сегодня проходит стадию, которую проходили довольно многие страны в XX в. Это стадия острого, постимперского синдрома. Россия не единственная страна, которая утратила империю в XX в. Она просто последняя утратила ее. Причем она утратила империю, которая была территориально интегрирована. Она ничем в этой связи не отличалась, скажем, от Австро-Венгерской империи, или Османской империи, или Российской империи в 1917 г. Но вообще она была территориально интегрированной империей.

И везде через некоторое время после того, как империя по вполне понятным причинам развалилась — потому что люди не хотят воевать за то, чтобы удерживать народы, которые не хотят с ними жить в одной стране, — после этого всегда возникает стадия постимперской ностальгии. Она была во Франции, была в более острой форме, чем в Британии. В Британии в менее острой форме. В Австро-Венгрии в очень острой форме. В Германии в страшно острой форме, как вы знаете.

Вот и мы сегодня проходим эту стадию. Это стадия, когда очень легко манипулировать на чувствах ущемленного имперского величия — «вот, мы были империей, нас все уважали, мы не потерпели поражения на поле брани, нам нанесли удар ножом в спину, теперь мы всем покажем и т. д.». В этой связи, если вы перечитаете много из того, что печатают у нас, и сравните с тем, что печаталось в Германии в начале 1930-х гг., просто замените слово «Германия» на «Россия» — будет то же самое.

На этом фоне очень трудно вырабатывать политику в отношении постимперского пространства. Потому что и политическая элита, и общество требуют, чтобы вы установили империю. А как только вы начинаете действовать в направлении восстановления империи, вы делаете одну глупость за другой. И иначе не бывает. Мечтать о ней можно — восстановить нельзя.

Ведущая: *Последний демарш в отношении Эстонии?*

Егор Гайдар: Я бы так сказал, что здесь обе стороны виноваты. Как есть постимперский синдром, так есть и синдром страны, которая обрела наконец независимость и очень хочет показать своему бывшему имперскому хозяину, что теперь она всем «кузькину мать тоже покажет».

Вопрос: *Егор Тимурович, в каком направлении, по-Вашему, должна далее двигаться наша судебная реформа? Есть у Вас мнение на этот счет?*

Егор Гайдар: На мой взгляд, здесь все неправильно. Мое собственное ощущение. Я не юрист и не считаю себя специалистом в судебной системе. Здесь мои суждения носят поверхностный характер и могут быть ошибочными.

Тем не менее я довольно много и часто обсуждал тему эволюции российской судебной системы и с теми, кто работает в судебной системе, и с теми, кто пользуется услугами судебной системы. В том числе с юристами крупных зарубежных фирм, которые имеют дело с российской судебной системой.

Я могу сказать, что до начала 2000-х гг. у меня было ощущение (может быть, ошибочное), что при всех колоссальных проблемах в целом движение идет в правильном направлении. Я точно знаю, что в 1991 г. предприниматель, у которого партнер не выполнил контракт, подумал бы об обращении в суд в последнюю очередь. Он бы подумал: «Нельзя ли к какой "крыше" обратиться, нельзя ли

обратиться к органам власти». Но суд был бы не на первом месте. А с течением времени все-таки суд стал главным местом, где решаются хозяйственные споры.

Ясно, что они не всегда решаются справедливо. Ясно, что элементы коррупции в судебной системе есть. Но тем не менее, когда у вас хозяйственные споры переходят из вопроса о том, чья «крыша» круче, в вопрос о том, какое будет судебное решение, — это все равно шаг в правильном направлении.

И иностранные коллеги говорили, что представление о том, что в российском суде можно в любой момент прийти, занести деньги и все будет решено — сильное преувеличение. Бывает, по крупным сделкам. Но не массово, не просто. Так что, движение медленно, но шло.

Мне кажется, что в последнее время оно как-то сломалось. Сейчас у меня такое ощущение, что представление о суде, как не совершенном, но разумно устроенном механизме разрешения хозяйственных споров, у нас уходит.

Ведущая: *Я позволю себе зачитать вам фразу. Егор Гайдар. «Долгое время». Глава 7 «Капитализм помимо Европы». Речь идет об Англии XVII в.*

«В 1635 г. у каждого судьи требуют письменного мнения о правомерности корабельного сбора. Взимание последнего встретило сопротивление. В 1637 г. король снова спрашивает судей и велит распространить по всей стране их благоприятный правительству ответ как орудие политической борьбы. Правительство преследовало в данном случае невыполнимую задачу. Оно хотело опереться на авторитет суда, и оно подрывало этот авторитет тем самым, что хотело обратить судей в своих послушных слуг. Население теряло веру в беспристрастие судей, которым грозила отставка за всякое решительное проявление политической самостоятельности и которых ждало судебное повышение за приспособление к поворотам правительственной политики».

Егор Гайдар: Да, это чистая правда. Знаете, в Англии в это время уже был долгие-долгие годы парламент. И было представление, что только парламент имеет право вводить законы. Но так как в парламенте надо было договариваться, а это не всегда было приятно, то у королей в это время была привычка сажать очень богатых людей в тюрьму и не отпускать их до тех пор, пока они не пре-

доставят беспроцентный безвозвратный заем. Когда эта привычка у них отпала, собственно, и начался тот процесс, который мы обсуждали вначале. Процесс беспрецедентного ускорения экономического роста.

Ведущая: *Это не про того короля, которому вместе с нежеланием сборы собирать, голову отрубили?*

Егор Гайдар: Да. Вот после того, как голову отрубили, всякое желание таким образом решать налоговые проблемы, в общем, отпало.

Вопрос: *У меня два вопроса. Недавно слышала Глеба Павловского. Он сказал, что при правильной политике Россия может к 2015 г. выйти на пятое место по экономике в мире. По объему ВВП.*

Второе. Больная для меня тема. У нас появится когда-нибудь в России партия с внятной, перспективной, хорошей экономической программой?

Егор Гайдар: Первое. Насчет пятого места в мире. Естественно, мы обсуждаем не вопрос о душевом валовом продукте. Мы обсуждаем вопрос об объеме внутреннего валового продукта. Глеб Павловский не является профессиональным экономистом. Я боюсь, что он даже не знает, говорит ли он о покупательной способности или о каких-то валютных курсах. Что, собственно, он имеет в виду?

Я скажу о другом. Все это не имеет вообще никакого значения. Что нам с того — мы на шестом, пятом или четвертом месте в мире по душевому ВВП, даже в паритетах покупательной способности? Меня, например, интересует не то, на каком мы месте, а то, что мы стабильно развиваемся, у нас растут доходы, что у нас снижается доля бедных. У нас достигнут прогресс в здравоохранении, образовании. Растет продолжительность жизни. Стабилизируется положение в армии. На каком месте при этом мы по душевому совокупному ВВП — наплевать и забыть. Не имеет никакого значения.

По поводу партии с внятной экономической программой. Есть у нас такая партия. Называется СПС. Дело в том, что более-менее все экономические программы, которые ревизуем (если не говорить о безумных), все писались у нас в институте. Такие, как программа кризисных реформ, стабилизации 1991–1995 гг., программа «правительства молодых реформаторов», которая не была реализована, но была реализована потом, в большей своей части — в 2000–2002 гг. Они, в общем-то, все у нас выработывались.

И сейчас могу сказать, что правительством не одобренная еще программа, примерно в том же месте вырабатывается. Так что — да, есть такая партия.

Вопрос: *У нас 90% обращений в редакцию связаны с недовольством тем, что происходит в ЖКХ. На Ваш взгляд, как должно реформироваться ЖКХ, чтобы это было менее болезненно, чтобы осенью люди опять не вышли на улицы?*

Егор Гайдар: Реформа ЖКХ — одна из самых сложных. Потому что это такая реформа, которую вообще нельзя проводить из Москвы. Она может проводиться только региональными и муниципальными властями. Потому что это вопрос того, что реально делается на территории, что люди примут, что не примут, сколько воруют и сколько не воруют жилищно-коммунальные хозяйства, натуральные монополии. Насколько можно или нельзя дальше поднимать цены на услуги. В какой степени эффективно работает система жилищных субсидий. Это вопрос местный и региональный.

Мое общее ощущение, что реформа в целом в России и потихоньку, по-разному в разных регионах — в общем, шла. Беда в том, что сейчас то, что мы делаем в области государственного управления — это очень серьезный удар по перспективам реформы ЖКХ и возможности ее проведения. Потому что пока все-таки выбирали своего мэра, выбирали своего президента и понятно было, что и президент, и мэр отвечают за наличие у вас горячей воды. И в этой связи — сколько вы можете оплатить, а сколько вы не можете оплатить. Но теперь мы говорим: «Нет. Москва все решила, вот пускай теперь и отвечает за то, какая у вас горячая вода». То есть стимул как-то договариваться с населением, находить деликатный баланс между тем, что технологически необходимо, и тем, что население способно оплатить, как устроить систему адресной поддержки, — вот теперь, пожалуйста, пускай Москва за это ответит. И пусть она придет к вам и ответит, как она это сделает.

Вопрос: *Егор Тимурович, скажите, хоть раз в правительственных кругах или еще где-то обсуждался или поднимался вопрос о государственной поддержке сельского хозяйства? Насколько мне известно, за рубежом это убыточная отрасль везде. Везде сельхозпроизводитель получает дотации. Кроме того, там существует система квотирования. А что у нас?*

Егор Гайдар: Вопрос о дотациях сельскому хозяйству в правительстве обсуждался и решался бесконечное количество раз. Нет вопроса, который бы обсуждался чаще. Другое дело, что и в Европе политика поддержки сельского хозяйства является, на мой взгляд, более чем неэффективной. И спорной. И наносит огромный ущерб таким странам, как Россия, которые являются потенциальными (а сейчас уже реальными) экспортёрами сельхозпродукции. То, что делает Европа — это удар по Африке, удар по Канаде, удар по Австралии, удар по России, удар по Украине. Причем бессмысленный абсолютно. Ибо экономического смысла в этом нет.

Второе. Вопрос о масштабах поддержки сельского хозяйства. Мы всегда говорили в институте, что это вопрос политический. Он нигде не решается исходя из рациональных экономических соображений. Это политический расклад сил.

Третье. Чем мы занимаемся? Мы занимаемся тем, чтобы предложить правительству — если вы хотите какие-то цели достичь поддержкой — программы поддержки сельского хозяйства, которые, по крайней мере, ориентированы на достижение этих целей, а не вредят достижению этих целей. К сожалению, очень многие программы поддержки сельского хозяйства в малой степени способствуют достижению прокламированных целей. Да, деньги разворовываются, это правда. А вот цели никак не достигаются. Стимул так устроен, что достигнут быть не может.

Вопрос: *Насколько я понял, экономических предпосылок для подавления «разноцветных» революций, которые прокатились по постсоветскому пространству, на территории России нет. Но тем не менее, насколько мне известно, власть готовится к тому, чтобы противодействовать волнениям. Как, по-Вашему, — возможно ли развитие вариантов «полтергейста»?*

Егор Гайдар: Не верю я ни в какие «цветные» революции, по крайней мере в краткосрочной перспективе в России. Ситуация совершенно другая в стране. Страна другая.

Могу просто рассказать случай из личной жизни, показывающий насколько действительно власть сообразно смотрит на перспективу «цветных» революций.

Здесь был кто-то из Томска. Я не так давно был в Томске. Я прилетаю в Томск. Меня встречает милая девушка, доцент, с такими глазами выпученными. Говорит: «Знаете, у нас в Томске револю-

ция». Я говорю: «Как? Мне казалось, что это в Бишкеке». Как раз тогда были события в Киргизии. «Нет, — говорит, — у нас своя революция. Ректор только что запретил ваше выступление у нас в университете». Я говорю: «А как он объяснил это?» — «Объяснений три. Во-первых, у меня пожарная тревога. Во-вторых, нельзя смешивать политику и учебный процесс. А в-третьих, меня не предупредили».

Дальше один из руководителей администрации, из старой демократической волны, долго пытался понять в чем, собственно, дело? Что случилось? Что такое подрывное я собираюсь устроить?

Она говорит: «Вы знаете, мы решили, что цветная революция начнется в России не в Москве, а в региональных университетских центрах». И дальше они посмотрели — а где в России больше всего доля студентов среди населения. В Томске. Так, не случайно туда ездят «всякие»!

Когда меня спросили об этом в Томске, я сказал, что это очень интересно. Я только не могу представить себе логистику происходящего. Как перебросить демонстрантов в Бишкек из Оша я понимаю. Как совершить марш на Москву из Томска — не понимаю. Наполеону более простая задача не удалась.

Вопрос: *Как Вы оцениваете частных операторов в коммунальном секторе? Будет ли какой-то закон, который будет регулировать взаимоотношения муниципалитетов и частных операторов?*

Егор Гайдар: Я считаю, что это позитивный процесс. Это правильный процесс. Будет ли закон? У нас есть разделение обязанностей. У нас есть партнерская организация, называется Институт экономики города. Я думаю, что это у них лучше спрашивать, потому что они в деталях это знают.

Вопрос: *Вопрос не оригинальный — ситуация с «ЮКОСом» и Ходорковским. Причины и методы оговариваются и многим понятны. Каковы экономические последствия? Ваша точка зрения.*

Егор Гайдар: Последствия экономические негативные, естественно. Довольно серьезные.

В таких случаях никогда не знаешь конкретные масштабы ущерба и механизма развертывания негативных процессов. Это такие вещи, которые оказывают влияние на экономику, но с неопределенными лагами, в неопределенной форме.

Примерно недели за две до ареста Ходорковского и Лебедева ко мне пришел один из руководителей «ЮКОСа» и спросил: ка-

кие, на мой взгляд, будут последствия дальнейших санкций против «ЮКОСа». Он прислушивался к моему мнению. Я сказал, что если бы я был чистым циником и думал только о «короткой» макроэкономике, то я бы сказал, что последствия будут крайне позитивными. Потому что они приведут к прекращению притока «короткого» капитала в Россию, который на фоне большого положительного сальдо торгового баланса практически неизбежно приводит к высоким темпам укрепления рубля в реальном исчислении.

В общем, с этой точки зрения, если власть ставит подобные задачи, то они их достигли. Да, сначала в декабре был довольно короткий период сокращения притока капитала. Потом начался период новой волны притока. Но потом был принят набор решений, которые показали, что Россия менее привлекательна для смещения краткосрочных активов, чем это казалось, скажем, осенью 2003 г.

Если говорить всерьез, то, конечно, меня волнует отнюдь не реакция на все это краткосрочных финансовых инвесторов. Меня волнуют долгосрочные инвестиции в реальный сектор. Включая, естественно, сферу услуг. Причем как российских, так и зарубежных.

То, что это был негативный сигнал, это совершенно ясно. В какой степени это был негативный сигнал? Никто вам всерьез оценить не сможет. Ну, как? Темпы роста ВВП есть. Но ниже, чем были до всей этой истории, с середины 2004 г. стали заметно снижаться. Промышленное производство растет, но темпы роста ниже, чем были до середины 2004 г. Инвестиции растут, но менее высокими темпами, чем росли до 2004 г. Есть набор показателей, которые показывают некое прогнозируемое влияние.

Постсоциалистический рост, когда он начинается, он начинается в странах Восточной Европы через 3–4 года, в странах СНГ через 5–7 лет после краха социализма. Вообще, процесс очень устойчивый. До сих пор никому не удавалось его остановить больше, чем на год. Кризис 1998 г. остановил его всего на год. Оползень в Киргизии, который парализовал работу золотодобывающей отрасли, остановил его всего на год. Поэтому сказать, в какой степени наши органы власти сумеют его остановить, — это никто из серьезных людей вам не скажет. Но то, что было сделано очень много для того, чтобы его затормозить именно созданием условий неопределенности — это совершенно точно.

Вопрос: *В разговорах с нами многие сотрудники налоговых служб и других ведомств отмечают, что с каждым годом многие федеральные законы, в которые были внесены изменения, становятся все непонятнее, по-разному трактуются. Постановления правительства порой противоречат друг другу. И у многих исполнителей на местах возникает вполне резонное подозрение, что это — элемент определенного лоббизма. Как вы думаете, коррупционная емкость правительства возросла за 15 лет? Уменьшилась? Коррупционная емкость — возможности для «откатов» в министерствах, ведомствах и т. д.*

Егор Гайдар: Я думаю, что она колебалась серьезно. За это время были разные кабинеты. Мне бы не хотелось вступать в дискуссию по поводу того, какие были более коррумпированы, какие менее. Хотя у меня есть свои убеждения по этому поводу.

Я бы сказал так. Она колебалась. Сегодня, мне кажется, довольно высока. Хотя всегда надо понимать, что есть разные министерства и ведомства, которые в разной степени коррумпированы. И в самих этих министерствах и ведомствах есть разные подразделения. Там разные люди работают.

Я прекрасно знаю, что в правительстве есть люди, в некоррупционности которых я абсолютно убежден. Есть и такие, в которых не убежден.

Например, должен сказать. Когда Евгений Григорьевич Ясин был министром экономики, а Яков Моисеевич Уринсон его первым заместителем, в узких информированных кругах Министерство экономики получило репутацию ведомства, которое не только не коррумпировано, но которое не поддается лоббированию. Именно поэтому ряд людей вокруг Бориса Николаевича так страстно любили Евгения Григорьевича и столько усилий предприняли для того, чтобы его на этом месте не оказалось. Вот вам история жизни.

Вопрос: *Егор Тимурович, есть варианты безопасного применения Стабилизационного фонда? Почему правительство не действует, если они есть?*

Егор Гайдар: Самый безопасный вариант — это оплата внешнего долга, потому что у нас он большой. Никто не гарантирует нам, что основное его «тело» нам придется отдавать в то время, когда цены на нефть будут столь же высокими. И за него приходится платить довольно высокие процентные платежи, которые сопоста-

вимы с массой социальных программ правительства. Если можно перевести неустойчивые доходы, связанные с ценами на нефть, в устойчивые доходы, связанные с тем, что у нас упадут процентные платежи — это самая умная стратегия использования Стабилизационного фонда.

Если вы хотите потратить его на что-то другое, в принципе, можно придумать более-менее безопасное для экономики направление расходования этих средств. Экзотическая идея, которая когда-то приходила нам в голову при обсуждении — это потратить его на увеличение финансирования разведывательной сети за рубежом. Только при условии, что разведчики не будут возвращать деньги семьям.

Я могу назвать еще одно направление, кстати, абсолютно не бессмысленное. Оно просто не очень ресурсоемкое, если там не воровать. Скажем, любая политика, направленная на поддержку русского языка и русской культуры в странах СНГ — это безопасное для российской экономики направление расходов средств Стабилизационного фонда.

Региональное взаимодействие в рамках глобализации

*Выступление на международной конференции
«Региональное взаимодействие в рамках глобализации»*

Турция, 15 декабря 2005 г.

*Из личного архива Е. Т. Гайдара.
Пер. с англ.: А. И. Филатов.*

Меня пригласили обсудить процессы реформ, которые начались в Российской Федерации в начале 1990-х гг. Наш председатель уже отметил, что распад советской «империи» является одним из наиболее загадочных событий второй половины XX столетия.

Я с удовольствием готов с вами обсудить этот феномен в силу его достаточной сложности. Невозможно приступить к пониманию того, что произошло на территории бывшего Советского Союза в 1990-х гг. или даже того, что сегодня происходит на этой территории евразийского пространства, без более пристального взгляда на те события и процессы, которые происходили в Советском Союзе в конце 1980-х гг. За 6 лет до распада Советского Союза не было практически ни одного человека, который бы мог предположить, что последняя империя XX столетия находится на грани распада.

Несмотря на то что ряд экспертов высказывали сомнения по поводу стабильности Советского Союза, большинство экономистов были абсолютно убеждены в том, что стабильный, но при этом неэффективный и недемократический режим продержится еще несколько десятилетий. При этом, глядя с позиции сегодняшнего дня, намного легче увидеть те недостатки и риски, которые уже тогда имели место.

Многие риски имели общий характер. Сам режим был безусловно недемократическим, а стабильность такого недемократического режима гораздо проще поддерживать в условиях медленно разви-

вающегося общества. Однако это общество было хорошо образованным и урбанизированным.

Прежде всего, нужно отметить, что в процессе развития общества в условиях недемократического режима возникает повышенный спрос на свободу. Люди перестают соглашаться с ролью государства в принятии решений; они хотят сами выбирать, что им читать, а также свободно выражать свое мнение — говорить то, что они считают нужным. Диктат государства не является особой проблемой, когда общество на 80% состоит из сельского и не слишком образованного населения. Однако ситуация усложняется в условиях более высокого культурно-образовательного уровня населения. Более того, мало чего можно добиться с помощью санкций и порицаний в условиях, когда восточноевропейский сектор достаточно сильно подвержен западноевропейскому влиянию культурологически, политически и идеологически. Затем начнут применять силовые методы и грубую силу в той мере, в какой это необходимо для сохранения контроля. После событий в Венгрии в 1956 г. и Чехословакии в 1968 г. появились проблемы и в самом Советском Союзе, например восстание в Новочеркасске в 1962 г. Чем сильнее зависимость от военной силы, тем меньше уверенность в том, что солдаты, если им прикажут, будут стрелять в народ, или в том, что офицеры возьмут на себя такую ответственность. Чем больше в стране успехов в образовании и развитии, тем более шаткими становятся те основы, на которых зиждется власть.

Далее следует отметить, что Советский Союз не соответствовал понятию «держава». Он на самом деле не был великой державой. Это был недемократический режим, управляющий большим количеством подконтрольных нероссийских территорий, населенных множеством различных нерусских национальностей. Когда в XX столетии эта недемократическая «империя» пришла в упадок, то совершенно естественно всплыли на поверхность скрытые межнациональные противоречия в Армении, Азербайджане, странах Балтии, Западной Украине, а также в государствах Восточной Европы. Тем не менее Советский Союз продолжал существовать, поскольку все было «стабильно» — потому что все понимали, что протест в любом виде будет подавлен за счет применения силы. Все еще казалось, что ситуация находится под контролем государства. При этом большинство «экспертов» даже не знали о том, на-

сколько уже в то время базовые элементы экономики и население Советского Союза были зависимы от внешней торговли и международных рынков. Они даже представить себе не могли, насколько советская экономика была зависима от изменений цены на нефть.

В 1963 г. Советский Союз впервые стал импортировать зерно из западных стран. Руководство страны восприняло это как ужасную катастрофу, страшное унижение. Мы стали зависеть от запада даже по основным пищевым продуктам. Впоследствии, в 1970-х гг. мы стали крупным импортером зерна, а к середине 1980-х мы уже были крупнейшим в мире импортером зерна и покупали намного больше, чем Япония, Германия и Великобритания, вместе взятые.

Жизнь стала невозможной без этих огромных объемов импорта, поскольку сельское хозяйство больше не могло удовлетворять потребность в продовольствии. То же самое можно было сказать о многих основных отраслях советского производства. У Советского Союза никогда не было крупных валютных резервов, а того, что было, хватало только для удовлетворения потребности текущих торговых операций. Западные экономисты переоценивали размеры советских запасов золота. Те резервы, которые у нас имелись, были фактически потрачены на сельскохозяйственное производство в 1960-х и 1970-х гг.

Впоследствии мы столкнулись с проблемой шестикратного падения цен на нефть. И перед нами вновь встала проблема несамостоятельности экономики. Речь здесь идет о внезапном десятипроцентном росте дефицита торгового баланса. Я убежден, что, если бы мы все еще были в прежнем Советском Союзе, где сельскохозяйственная экономика полностью подчинена государству, то можно было бы избежать импорта зерна и мяса за счет приостановки промышленного производства, тем самым экономя на материальных затратах и концентрируясь на сельскохозяйственном производстве.

Однако речь идет о 1980-х гг. Странно было бы ни с того ни с сего просить образованное и грамотное во всех отношениях городское население, перед которым десятилетиями хвастались, насколько у нас замечательное, мудрое, талантливое и надежное правительство, вот так вот взять и затянуть свои пояса. Никому бы это и в голову не пришло.

Те, кто был у власти, понимали, что этот режим находится на грани своего конца. Однако они предпочли просто закрыть глаза в надежде на экономическую передышку. Они могли бы продержаться еще 20 лет; такая стратегия могла бы сработать. Тем не менее это оказалось невозможным в условиях, когда цены на нефть перестали расти, а валютные резервы продолжали резко сокращаться.

В начале 1980-х гг. Советский Союз смог выжить за счет хорошей кредитной репутации, которую он имел благодаря тому, что зарубежные экономисты переоценили размеры наших запасов золота. Поэтому нам удалось получить на финансовом рынке какие-то кредиты, большинство из которых были краткосрочными. На некоторое время это помогло, но, естественно, так не могло продолжаться вечно. Такая ситуация продолжалась в течение приблизительно двух лет; затем снова упали цены на нефть.

В 1988 г. советское руководство обратилось с просьбой о смягчении условий погашения некоторых кредитов. Расширялся список банков, которые не торопились выдавать нам кредиты, а это означало, что для погашения кредитов были нужны огромные резервы. А затем возникли серьезнейшие проблемы с дефицитом торгового баланса и если бы мы начали сокращать импорт, то экономика бы рухнула. Что бы вы сделали в такой ситуации?

Правительство делало все возможное и невозможное в поисках политически мотивированного кредита. А кто в то время мог предоставить такой кредит? Только страны «Большой семерки» или такие организации, как МВФ. В 1985 г. советское руководство исключало возможность переговоров с крупными западными державами по поводу предоставления политически мотивированных кредитов.

Однако к 1988 г. стало очевидным, что другого выхода не было. Теперь, если вы обращаетесь с просьбой о выдаче политически мотивированного кредита, необходимо учитывать, что такие кредиты обязывают вас соответствовать политическим предпочтениям кредиторов, иными словами, кредиторы могут указать вам на то, что вы должны и не должны делать. Мы не могли применять войска в восточноевропейских государствах, но не потому, что нам будет противостоять еще какая-то сила, а потому, что в этом случае мы теряем всякие шансы получить политически мотивированный кредит.

Если посмотреть на отношения между Россией и ее государствами-сателлитами, а также в целом на отношения между Россией и Западом в период с 1989 г. по 1990 г. или даже 1991 г., то становится понятно, что Россия не смогла бы получить политически мотивированный кредит в случае применения вооруженной силы, как она это сделала раньше в Восточной Европе или Прибалтике.

Значит забудьте про кредит! Забудьте про ваш Союз! Многие считали Горбачева великим руководителем, великой личностью. В зависимости от ситуации он делал то одно, то другое. Он вряд ли мог сохранить целостность Союза с помощью той ограниченной военной силы, которая была в его распоряжении, хотя казалось, что у него все еще были ресурсы, чтобы развернуть полноценную армию. Он медлил до августа 1991 г., когда невозможность сохранения Союза стала очевидной.

В 1991 г. объемы импорта снизились приблизительно на 40% в связи с отсутствием резервов, объемы внутреннего производства упали на 12% и были исчерпаны все валютные запасы. У нас возникли просрочки по кредитам. Налицо был коллапс экономики и политической системы.

В августе 1991 г. для всех было совершенно очевидно, что Советский Союз прекратил свое существование как единое государство — великий Советский Союз, который когда-то представлял собой территориально целостную империю, как Османская империя в Турции до Первой мировой войны, как Австро-Венгрия, как Югославия, как дореволюционная Россия. Не говоря уже о том, что распад территориально сопряженной империи влечет за собой гораздо более болезненные и опасные последствия, чем крах заокеанской империи. Про отдаленные территории можно забыть; можно вернуть на родину 1% своего населения и избежать трудностей с колониями, как это было во Франции.

В условиях дезинтеграции территориально целостной империи возникает проблема бывших национальных меньшинств, которые теперь живут в приграничных автономных государствах; неизбежно возникают приграничные конфликты и споры, которые, как правило, приводят к насилию и кровопролитию, если нет иностранной оккупации, как это было в Австро-Венгрии.

То, что распад Советского Союза удалось осуществить мирным путем, является, по моему мнению, одним из наиболее удивитель-

ных достижений последних десятилетий XX столетия. Можно было бы привести и другие подтверждающие этот тезис критерии, но я на них сегодня не буду останавливаться.

Я был тем человеком, кому было суждено собственноручно написать нашу декларацию о распаде бывшего Советского Союза. Не было желающих обсуждать эту тему открыто. Думаю, это было связано с тем, что на территории различных республик Советского Союза были рассредоточены 30,5 тыс. ядерных боеголовок. Никто не горел желанием делать из этого проблему. В сущности, как и прежде, это вооружение играло роль сдерживающего фактора. На всех территориях люди понимали, что мы просто уничтожим друг друга, если начнется война на почве территориальных притязаний. Велись дискуссии по поводу границ. Ельцин спорил долго и яростно, несмотря на то что он это отрицает; в конце концов мы пришли к выводу, что в общем и целом у нас нет территориальных претензий. «Как глупо было устанавливать и признавать границы в Советском Союзе!» Я бы не хотел обсуждать здесь эту тему, так как это касается гораздо более широких аспектов, чем то, что мы сегодня обсуждаем.

Таким было положение дел в конце декабря 1991 г.; впереди у нас была экономическая реформа. Мы существовали в вакууме, в государстве без четко очерченных границ, без пограничной службы на границе с вновь образовавшимися автономными государствами, без таможенных процедур, без таможенной службы, и, естественно, без сколько-нибудь организованной системы обороны. Можно сказать, что у нас не было даже армии, поскольку никто не мог сказать, какому региону принадлежала та или иная часть бывшей советской армии.

У нас не было государственного казначейства. Все что у нас было, это 15 центральных банков, которые печатали одинаковые деньги и каждый из них пытался в этом преуспеть. Более того, у нас нечем было накормить людей до следующего урожая.

И после всего этого кто-то еще начинает давать советы, как мне проводить реформы. Мы были на грани не только полного экономического краха, но и полного политического коллапса. Когда мои западные коллеги говорили мне о нецелесообразности проведения либерализации цен без предварительного создания институтов для регулирования дефицита в рыночной экономике, я только

улыбался в ответ. Попробуйте-ка попросить своих граждан поголодать в течение ближайших двух лет, пока не будут созданы и не начнут функционировать такие институты?

Именно такая ситуация сложилась в России и практически на всей территории бывшего Советского Союза. Это, естественно, привело к очень тяжелой экономической рецессии. Тем не менее те хмурые дни остались позади. Все это закончилось 7 лет назад с рождением новой и очень динамично развивающейся экономики.

Сегодня наша наиболее важная задача заключается в том, чтобы использовать быстрый рост наших валютных резервов в целях развития национальной экономики. Самая важная тема обсуждений с нашими коллегами по «Большой восьмерке» и Парижскому клубу — это как можно ускорить погашение нашего внешнего долга, который на данный момент сократился до менее чем 15% нашего ВВП, чтобы это больше не представляло угрозу. Поэтому сегодня гораздо легче обсуждать вопросы переходной экономики.

А сейчас позвольте мне перейти к следующему вопросу, который меня просили обсудить. Думаю, что смогу ответить на него минуты за две. Речь идет о наших отношениях с другими странами СНГ и нашем географическом положении. Я затрагиваю эту тему не только потому что меня об этом просили, но и в связи с тем, что это тесно связано с событиями, о которых я подробно рассказывал последние 15 минут.

Есть такой вид недомогания, который называется постимперским синдромом. С этой проблемой сталкиваются практически все государства, которые когда-либо управляли империями и затем потеряли свои колонии. Полагаю, что этим синдромом также страдает Турция в связи с тем, что, как я уже говорил, очень тяжело терять свою гегемонию в прилегающих территориях. Особенно потому, что распад Советского Союза прошел мирно. Десятки миллионов россиян были просто-напросто брошены на произвол судьбы за пределами России. Мы отказались от тех республик, которые большинство россиян считали своими. Поэтому было несложно использовать этих людей в политических интересах. Необходимо всего лишь включить телевизор на Первом канале и через 30 секунд на вас обрушивается пропаганда: «Нас бы никогда не победили в открытой борьбе, нас сбили с пути. Нас предали! Это

все дело рук нерусских... Но теперь мы достаточно окрепли, чтобы проучить их!» Подобные патриотические воззвания распространялись по всей России.

Чем можно объяснить такой абсурд и наши оправдания, почему мы не пытались возродить империю. Это можно объяснить постимперским синдромом, а также нашей душевной болью.

Без понимания того тяжелого положения, в котором мы оказались, невозможно понять длинную череду недопониманий во внешней политике между российскими властями и странами СНГ на протяжении вот уже около двух лет. Желая представить все таким образом, чтобы это выглядело как наше стремление возродить империю, мы занимаемся пропагандой на телевидении. Однако мы поняли, что это невозможно. Но постимперскому сознанию принять этот факт трудно. Легче поверить в то, что нас победили не грузины или украинцы, а стоящий за ними «мировой заговор».

И снова — тот же самый синдром! Вас вынуждают сделать невозможное: вы вновь в слезах. Вы проигрываете и снова боретесь с этим поражением. Думаю, что с тех пор мы кое-чему научились. Я искренне думаю, что в этом году наша глобальная политика и отношение к нашим соседям стали намного разумнее.

Я не вижу, почему мы должны относиться к Соединенным Штатам как к противнику нашей политики в отношении теперь уже независимых бывших советских республик. Я хорошо знаю, что Соединенные Штаты не хотят больше столкновений в этой части света. Им не нужна конфронтация с Россией; в определенных ситуациях они четко и внятно дали понять, что не хотят провоцировать Россию, даже если она совершает ошибки. Поэтому я верю, что мы идем по пути взаимопонимания и сотрудничества, поскольку сегодня безопасности россиян, а также турок и американцев серьезно угрожает терроризм.

Чтобы противостоять терроризму в этом регионе, нам необходимо тесное сотрудничество. Поэтому, почему бы нам не относиться друг к другу как к союзникам? Нам необходимо всего лишь немного взаимопонимания.

Уважаемые коллеги, позвольте мне поблагодарить вас, а также организаторов этой конференции за приглашение. Большое спасибо.

Современная Россия: опасность постимперского синдрома

Выступление на международной конференции «Переходные экономики в постиндустриальном мире: вызовы десятилетия»

20 марта 2006 г.

Опубликовано в: Переходные экономики в постиндустриальном мире: вызовы десятилетия: материалы международной конференции. М.: ИЭПП, 2006.

Хочу поблагодарить организаторов конференции за своевременную идею. Наряду с проблемами, порожденными аномально высокими с исторической точки зрения ценами на нефть, которые сегодня стоят перед российским обществом, постимперский синдром — опасная болезнь, угрожающая будущему России.

Постимперская ностальгия, которой ныне пронизано российское сознание, не у нас впервые замечена. Такое уже случалось в истории, и не раз. Советский Союз — не первая распавшаяся в XX в. империя, а последняя. Из числа государственных образований, которые в начале XX в. называли себя империями, к концу столетия не осталось ни одного. Наша страна по ряду ключевых характеристик была не похожа на традиционные колониальные империи с заморскими территориями. Спор о том, была ли она империей, продлится долго. Будут появляться работы, доказывающие специфичность России как империи, демонстрирующие, что русский народ и при царях, и при коммунистическом режиме экономически был донором по отношению к другим народам, населяющим наше государство. Будут при-

водиться примеры российских деятелей нерусского происхождения — начиная с князя Багратиона и кончая Иосифом Джугашвили. Возможно, именно эта специфичность и помогла Российской империи сохраниться дольше, чем другим, распавшимся на десятилетия раньше.

Однако элита царского периода рассматривала свою страну как империю. Так ее и называла. Руководители Советской империи так не говорили, но расширили ее далеко за официальные пределы государства под названием СССР. Сегодняшние сторонники восстановления империи обращаются к наследию, идущему от царской России через период советской истории к сегодняшнему времени.

Эпоха империй ушла в прошлое, но их изучение сейчас в моде. Так бывало в истории. Это связано с остротой межэтнических конфликтов, их распространением в постимперские периоды. Литература, посвященная гибели империй, безбрежна. Можно вспомнить книгу Ш. Монтескье «Размышления о причинах величия и падения римлян» или шеститомник Э. Гиббона, посвященный закату и падению Римской империи, и понять: сюжеты, связанные с крахом империй, постимперским синдромом, не новы. Великая книга, в которой видны следы постимперской ностальгии, появилась в Испании в начале XVII в. Это «Дон Кихот» Сервантеса.

То, что до тебя той же болезнью страдали многие, — слабое утешение. Это было с другими и давно. То, что происходит с нами, — реалии сегодняшнего дня.

Когда Петр I принял титул Императора Всероссийского, он лишь декларировал, что Россия является великой европейской державой. Величие и империя в это время были синонимами. Если учесть, насколько часто употребляется сегодня слово «империя» в политических спорах, трудно понять, почему его общепринятого определения, соответствующего современному контексту, нет. Словарь Даля определяет империю как государство, властелин которого носит титул императора, высшего по сану неограниченного правителя. По словарю Ожегова, империя — монархическое государство во главе с императором. Академический словарь русского языка дает два определения империи: монархическое государство во главе с императором или крупная империалистическая колониальная держава. Нетрудно заметить, что все эти определения имеют мало общего со смыслом, который придается слову «империя» в совре-

менной России. Содержание термина в истории трансформировалось, стало пластичным. Позволю себе дать собственное определение этого понятия, близкое к сегодняшнему контексту. Под термином «империя» мы понимаем мощное полиэтническое государственное образование, в котором властные полномочия сосредоточены в метрополии, а демократические институты (если они существуют) — либо по меньшей мере избирательное право — не распространяются на всю подконтрольную ей территорию.

В XX в. ярко проявились различия в проблемах, с которыми сталкиваются два типа империй: заморские (Британия, Голландия, Португалия и др.) и территориально интегрированные (Австро-Венгрия, Россия и т. д.). В последних колонии не отделены от метрополии морем. Этноты, доминирующие в метрополии и вассальных территориях, живут рядом, тесно взаимодействуют.

Как показала история, особенно опыт второй половины XX в., империи распадаются. Отождествление государственного величия и имперскости делает адаптацию к утрате статуса великой державы непростой задачей для национального сознания бывшей метрополии. Эксплуатация постимперского синдрома — эффективный способ получить политическую поддержку. Концепция империи как государства мощного, доминирующего над другими народами, — продукт, продать который так же легко, как кока-колу или памперсы. Чтобы рекламировать его, интеллектуальные усилия не требуются.

Проблема страны, столкнувшейся с постимперским синдромом, в том, что разжечь чувство ностальгии по утраченной империи легко. Призывы к ее восстановлению на практике не реализуемы. Сказать: «восстановление империи — благо для народа» — не трудно. Этот лозунг обречен на популярность. Но реальность в том, что возродить империю невозможно.

Уникальный случай — восстановление в иных, коммунистических, почти неузнаваемых формах Российской империи в 1917–1921 гг. Это исключение, здесь все дело — именно *в иных формах*, которые-то и слово «восстановление» строгого исследователя заставят взять в кавычки. СССР возник в результате братоубийственной гражданской войны, невиданного в истории террора и гибели миллионов людей. В подавляющем большинстве случаев реставрация империй в силу обстоятельств, обусловленных долгосроч-

ными тенденциями социально-экономического развития, невозможна.

В этом противоречии корень многих ошибок бывших метрополий в отношении к прежде подконтрольным территориям. Решение Англии и Франции вторгнуться в Египет, чтобы восстановить контроль над Суэцким каналом (1956 г.), до боли напоминает то, что в 2004 г. пытались делать российские власти на Украине.

Само формирование империй — продукт фундаментальных изменений в жизни общества. Они возникают и рушатся под влиянием исторических обстоятельств. Мечты вернуться в иную эпоху иллюзорны. Попытки сделать это приводят к поражениям. Опыт российских неудач в 2003–2004 гг. в Грузии, Абхазии, на Украине, в Молдове — продолжение «коллекции ошибок», которые задолго до них делали другие. Но постимперскому сознанию принять этот факт трудно. Легче поверить в то, что нас победили не грузины или украинцы, а стоящий за ними «мировой заговор». Если принимать решения в рамках этой парадигмы, можно, обидевшись на всех, продолжать делать одну ошибку за другой.

Ностальгия по территориально интегрированным империям сильнее, дольше, глубже, чем по заморским. Для почти трех миллионов судетских немцев (в Австро-Венгрии — представителей господствующего народа) было непросто адаптироваться к положению национального меньшинства в новом чехословацком государстве. Риторика, связанная с их положением, — одна из ключевых тем гитлеровской пропаганды перед оккупацией Чехословакии. При распаде территориально интегрированных империй (Австро-Венгрия, Германия, Россия, Турция, СССР) проблемы, подобные тем, с которыми столкнулись судетские немцы, становятся массовыми. Если не осознать этого, то трудно понять истоки войны сербов и хорватов, боснийскую трагедию.

Закат империи — постепенный, растянутый на годы процесс, когда и элиты и общество осознают безнадежность и бессмысленность попыток сохранить ее — общество метрополии переживает легче, чем неожиданный крах.

Характерный пример — конец Германской империи. До начала осени 1918 г. германские власти убеждали народ, что победа близка. Когда в октябре-ноябре крушение немецкой военной машины стало очевидным, капитуляция — неизбежной, общество не было

к этому готово. Отсюда легкость формирования мифа о «Германии, которая никогда не была побеждена на поле боя», о «врагах, нанесших удар ножом в спину». Под последними — явно или неявно — подразумевались социалисты. В крахе империи обвиняли еврейских революционеров и предателей, которым платила Москва, организовавшая забастовки в Германии в конце войны. Именно они, по мнению авторов этой версии, вынудили кайзера отречься от престола¹. Эту фразеологию в середине 1920-х гг. используют бывшие руководители немецкой армии, те, кто в сентябре-октябре 1918 г. докладывал гражданским властям о том, что войну продолжать невозможно, мир необходимо заключать на любых условиях.

Многие немцы быстро забыли, как они ненавидели монархию в последний год войны, чувства, которые испытывали в октябре 1918 г., когда стало ясно, что кайзер и высшее командование обманывали народ. Они не знали, что именно генерал Э. Людендорф в октябре 1918 г. потребовал от нового канцлера Германии принца Макса Баденского заключения перемирия, дабы предотвратить военную катастрофу на Западном фронте. Монархия Гогенцоллернов не развалилась бы так быстро в ноябре 1918 г., если бы немецкое общество не было убеждено, что старый режим обанкротился.

Подобное быстро исчезает из исторической памяти. Общество не хочет об этом вспоминать. Кого интересует, что на деле произошло? Уязвленное поражением в войне общественное сознание нетрудно очаровать мифами. Гитлер говорил, что поражения августа 1918 г. были игрушкой по сравнению с победами, которые одержала до этого немецкая армия, что не они стали причиной капитуляции. По его словам, причиной поражения была деятельность тех, кто на протяжении десятилетий работал над уничтожением политических и моральных установлений и сил немецкой нации, благодаря которым нация может существовать².

Вспоминаются строки Пушкина: «Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад». Исследователи истории Веймарской республики считают: то, что ее лидеры не были готовы предать гласности материалы об ответственности германского руководства за развязывание Первой мировой войны, — один из важнейших

¹ Broszat M. Hitler and the Collapse of Weimar Germany. New York: BERG, 1987. P. 45.

² Op. cit. P. 55, 56.

факторов, приведших республику к краху. Эти материалы были опубликованы немецким историком Ф. Фишером лишь в 1960-х гг. В 1920-х гг. социал-демократическое правительство выделило немалые финансовые ресурсы, чтобы пропагандировать тезис о невинности Германии в начале Первой мировой войны¹. Миф о невинной, непобежденной, преданной, униженной Германии был оружием, которое руководители республиканской власти дали в руки тем, кто в демократические ценности не верил.

Неожиданность, быстрота, с которой рушатся, казалось бы, непоколебимые империи, порождают ощущение нереальности происходящего. Ирреальность сродни иррациональности, в рамках которой возможно любое чудо. Нетрудно убедить общество, что государство, которое столь неожиданно развалилось, можно столь же быстро восстановить. Это иллюзия. Причем опасная. Платой за нее стали реки крови, пролитые в ходе Второй мировой войны.

Советский Союз был территориально интегрированной империей, одной из мировых сверхдержав. За несколько лет до его распада в возможность того, что произошло в 1988–1991 гг., почти никто не мог поверить. После краха СССР за границами России осталось более 20 млн русских. Элиты большинства стран, жителями которых они оказались, не были достаточно деликатными и разумными, чтобы адекватно решать проблемы людей, оказавшихся национальным меньшинством в стране, которую раньше считали своей. Это усиливает постимперский синдром в метрополии, ставший одной из тяжелых проблем современной России.

Это — болезнь. Россия проходит через ее опасную стадию. Нельзя поддаваться магии цифр, но то, что крушение Германской империи отделяло от прихода Гитлера к власти примерно 15 лет, — столько же, сколько отделяет крах СССР от России 2006–2007 гг., заставляет задуматься.

Медицине известен феномен: если человеку ампутировать ногу, ощущение, что она болит, не проходит. То же относится к постимперскому сознанию. Утрата СССР — реальность. Реальность и социальная боль, порожденная проблемами разделенных семей, мытарствами соотечественников за рубежом, ностальгическими воспоминаниями о былом величии, привычной географии родной

¹ См.: *Delmer S. Weimar Germany: Democracy on Trial*. New York: Macdonald and Co., 1972. P. 52.

страны, уменьшившейся, потерявшей привычные очертания. Эксплуатировать эту боль в политике нетрудно. Произнеси несколько фраз, суть которых в том, что «нам нанесли удар ножом в спину», «во всем виноваты инородцы, которые расхитили наше богатство», «теперь мы отберем у них собственность и заживем хорошо», — и дело сделано. Эти фразы не надо выдумывать самому, достаточно прочесть учебник, посвященный нацистской пропаганде. Успех обеспечен.

Это политическое ядерное оружие. Его редко применяют. Конец тех, кто его использует, как правило, трагичен. Такие лидеры приводят свои страны к катастрофе. К сожалению, в России в последние годы ящик Пандоры оказался открытым. Обращения к постимперской ностальгии, национализму, ксенофобии, привычному антиамериканизму и даже к не вполне привычному антиевропеизму вошли в моду, а там, глядишь, войдут и в норму. Важно понять, насколько это опасно для страны и мира.

Постимперская ностальгия — болезнь излечимая. Опыт Франции, которой утрата империи далась нелегко, показывает: потребовалось несколько лет динамичного экономического роста, чтобы опасная для страны истерика, чуть не взорвавшая демократический режим, превратилась в мягкую, романтическую ностальгию по утраченному величию. Но в эти годы за сохранение демократии надо было бороться. В истории бывают моменты, когда роль личности особенно велика. То, что сделал в начале 1960-х гг. Шарль де Голль для предотвращения прихода к власти радикальных националистов, переоценить трудно. В Германии 1920–1930-х гг. развитие событий пошло по иному пути.

Э. Гиббон, один из проницательных исследователей краха Римской империи, имевший возможность анализировать произошедшее с точки зрения длительной исторической ретроспективы, не решался однозначно определить его причины. Когда историческая дистанция меньше, сделать это еще сложнее. Однако проблемы, связанные с крахом Советской империи и постимперским синдромом, слишком важны для сегодняшней России и мира, чтобы можно было оставить их анализ историкам грядущих столетий.

Как показывает опыт Югославии, процесс развода может быть кровавым. Беловежские соглашения декабря 1991 г. не сняли боль

от распада территориально интегрированной империи, но помогли избежать большой крови и ядерной катастрофы. В результате этих договоренностей уже к маю 1992 г. подавляющая часть наиболее опасного — в силу технологии принятия решений о его применении — тактического ядерного оружия, ранее находившегося на территориях других республик, была сосредоточена в России.

Параллели между Россией и Веймарской республикой проводят часто. Сам принадлежу к числу тех, кто проводил эту аналогию в российских политических дискуссиях начала 1990-х гг. Но не все понимают, насколько они значимы. Мало кто помнит, что имперская государственная символика была восстановлена в Германии через 8 лет после краха империи — в 1926 г. (в мае 1926 г. президент П. Гинденбург издал указ, в соответствии с которым над германскими дипломатическими представительствами за рубежом должны развеяться и флаги Республики, и имперские флаги), в России — через 9 лет — в 2000 г. Не больше и тех, кто знает, что важнейшим экономическим лозунгом нацистов было обещание восстановить вклады, утраченные немецким средним классом во время гиперинфляции 1922–1923 гг.

Роль экономической демагогии нацистов в их приходе к власти в 1933 г. нельзя недооценивать. Антисемитизм, радикальный национализм, ксенофобия всегда были элементами мышления лидеров Национал-социалистической рабочей партии Германии. Но до 1937 г. они осторожно использовали связанные с этими настроениями лозунги. Апелляция к чувствам германских собственников, потерявших сбережения, была эффективным политическим оружием. И сегодня те, кто обещает восстановить вклады, обесценившиеся во время финансовой катастрофы Советского Союза, дословно повторяют геббельсовскую риторику начала 1930-х гг.

Придя к власти, вклады нацисты не восстановили. Они привели страну к войне и еще одной денежной катастрофе, за которую потом вынужден был отвечать отец немецкой экономической реформы — министр финансов ФРГ Л. Эрхард, разморозивший цены в 1948 г. Но это случилось позже.

В российских условиях время расцвета постимперского синдрома, замешанного на нем радикального национализма, вопреки моим ожиданиям, пришлось не на период, непосредственно после-

довавший за крушением СССР, а на более позднее время. Я и мои коллеги, начинавшие реформы в России, понимали, что переход к рынку, адаптация России к новому положению в мире, существованию новых независимых государств будут проходить непросто. Но мы полагали, что преодоление трансформационной рецессии, начало экономического роста, повышение реальных доходов населения позволят заменить несбыточные мечты о восстановлении империи прозаичными заботами о собственном благосостоянии. Мы ошибались.

Как показал опыт, во время глубокого экономического кризиса, когда неясно, хватит ли денег, чтобы прокормить семью до следующей зарплаты, выплатят ли ее вообще, не окажешься ли завтра без работы, большинству людей не до имперского величия. Напротив, в то время, когда благосостояние начинает расти, появляется уверенность, что в этом году зарплата будет выше, чем в предыдущем, безработица, если не живешь в депрессивном регионе, тебя не коснется, жизнь изменилась, но вновь обрела черты стабильности, можно, придя домой, сесть и посмотреть вместе с семьей советский фильм, в котором наши разведчики лучше их шпионов, мы всегда побеждаем, а жизнь, изображенная на экране, безоблачна, порассуждать о том, как враги развалили великую державу, как мы всем еще покажем, кто главный. Так, согласно социологическим опросам, значительная часть российского общества воспринимает Российскую Федерацию как временное, промежуточное образование, которое со временем либо расширится, либо распадется. Лишь 28,4% опрошенных россиян полагают, что «Россия должна остаться самостоятельным государством, ни с кем не объединяясь»¹.

Апелляция к имперским символам величия — сильный инструмент управления политическим процессом. Чем больше официальная российская пропаганда пытается представить Великую Отечественную войну как цепь событий, ведущих к предзаданной и организованной вождем Победой, тем быстрее уходит память о сталинских репрессиях, забывается, что в развертывании войны сам Сталин, санкционировавший пакт Молотова—Риббентро-

¹ См.: Солозобов Ю. Россия в постимперский период: применим ли постколониальный опыт Великобритании? <http://www.ukpolitics.ru/rus/members/9/09.doc>

па, сыграл немалую роль. Позитивные оценки И. Сталина выросли с 1998 г. к 2003 г. с 19 до 53%. На вопрос: «Если бы Сталин был жив и избирался на пост Президента России, вы проголосовали бы за него или нет?» — 26–27% жителей России ответили: «Да, проголосовал бы»¹. Речь идет о человеке, который погубил больше наших соотечественников, чем кто бы то ни было в многовековой и непростой истории России. Думаю, один этот факт достаточен, чтобы понять масштабы угроз, связанных с постимперским синдромом в нашей стране.

Пытаться вновь сделать Россию империей — значит поставить под вопрос ее существование. Риск движения в этом направлении высок. Именно поэтому важно понять, чем были империи, сформировавшиеся на протяжении последних веков, почему они распались, каковы ключевые проблемы, связанные с их расформированием.

Механизм демонтажа империй был специфическим, накладывался на сочетание политических и экономических проблем в метрополии и бывших колониях. В Советском Союзе кризис развертывался на фоне эрозии основ легитимности тоталитарного политического режима и падения цен на нефть, от которых в начале 1980-х гг. зависело состояние бюджета, потребительского рынка, платежного баланса.

То, что Советский Союз был полиэтническим государством, в котором русские составляли лишь половину населения страны, оказало существенное влияние на тактику развития событий, связанных с его крахом. Однако важнее другое — это было общество, в котором *imperium* — власть доминировала в организации ежедневной жизни. Убежденность и властей, и общества в том, что государство способно применить неограниченный объем насилия, чтобы подавить проявления недовольства, была абсолютной. Такая организация государства, представляющаяся поверхностному наблюдателю прочной, оказывается хрупкой именно потому, что не включает гибкие механизмы адаптации, позволяющие приспособиться к меняющимся реалиям современного мира.

¹ Гудков Л. Память о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 40–41. С. 46–57.

Неготовность властей Веймарской республики сказать правду о начале Первой мировой войны была одним из важнейших факторов, способствовавших ее краху. Правда о причинах и механизмах крушения Советского Союза, на мой взгляд, в системном виде не сказана. В последнее время доступ к архивным документам, позволяющим пролить свет на развертывание кризиса советской экономики, вновь становится ограниченным. Тем не менее материалы, которые были рассекречены в начале 1990-х гг., позволяют разобраться в том, что с нами на самом деле произошло. Легенда о процветающей, могучей державе, погубленной врагами-инородцами, — миф, опасный для будущего страны. Не хотелось бы повторять ошибки, сделанные немецкими социал-демократами в 1920-х гг. Цена подобных ошибок в мире, где есть ядерное оружие, слишком высока.

В российском общественном мнении сегодня доминирует следующая картина мира: 1) двадцать лет назад существовала стабильная, развивающаяся, мощная страна — Советский Союз; 2) странные люди (возможно агенты иностранных разведок) затеяли в нем политические и экономические реформы; 3) результаты этих реформ оказались катастрофическими; 4) в 1999–2000 гг. к власти пришли те, кто озабочен государственными интересами страны; 5) после этого жизнь начала налаживаться. Это миф столь же далекий от истины, как легенда о непобежденной, преданной Германии, популярный среди немецкого общества в конце 1920–1930-х гг.

На самом деле в середине 1980-х гг. СССР столкнулся с тяжелым кризисом платежного баланса и финансовой системы, перешедшим в общеэкономический кризис, который обернулся резким падением производства и уровня жизни, политической дестабилизацией и в конечном счете закономерным крахом сложившегося политического режима и Советской империи.

Россия, страна — наследница СССР, к концу 1990-х гг. сформировала принципиально новую открытую экономическую систему, включившую набор еще молодых, несовершенных, но функционирующих рыночных институтов: частную собственность, конвертируемую валюту, банковскую систему, систему регулирования рынков ценных бумаг и естественных монополий, а также накопленный объем рыночных знаний и навыков управленческой элиты, критическую массу эффективных менеджеров, умеющих рабо-

тать в условиях рыночной экономики. Все это позволило выйти из трансформационной рецессии, начать экономический рост, обеспечить устойчивое повышение уровня жизни, позитивные структурные сдвиги в экономике, стабилизировать финансовое и внешнеэкономическое положение страны.

Структурные сдвиги, происходившие в 1992–1998 гг., шли примерно по тем же линиям, которые были бы реализованы, если бы советское руководство с самого начала, столкнувшись с кризисом, приняло в 1986–1987 гг. меры по валютно-финансовой стабилизации. Резко сократились капитальные вложения, военные расходы, импорт зерна, увеличились поставки сырья и топливно-энергетических ресурсов за рубеж, снизилось их внутреннее потребление. Сокращение закупок материалов и комплектующих изделий из стран Запада, а также крах сложившейся за десятилетия системы хозяйственных связей в рамках СССР и СЭВ — все это привело к падению объемов производства; вынужденная адаптация к новой валютно-финансовой ситуации — к значительному снижению уровня жизни населения. Но исчерпанные к концу 1991 г. валютные ресурсы начали восстанавливаться, дефицит платежного баланса в конвертируемой валюте исчез. С конца 1999 — начала 2000 гг. страна постепенно восстанавливает репутацию надежного заемщика.

Если бы подобные меры начало осуществлять еще советское руководство, то стабилизации объема производства и уровня жизни, вероятно, можно было бы добиться в более короткие сроки. Но советские власти не способны были бы сделать главное — сменить социалистическую систему централизованного планирования и управления экономикой на систему рыночного, капиталистического хозяйствования. Поэтому указанные результаты были бы недолговечными, эфемерными. Жизнь распорядилась так, что Россия и другие постсоциалистические страны, вынужденные одновременно проводить валютно-финансовую стабилизацию и структурные реформы, пройдя крайне трудный путь, все же сумели сформировать каркас рыночной экономики.

В эти же годы была сформирована молодая, несовершенная демократия. В ней присутствовали элементы популизма, политической безответственности, коррупции. Тем не менее в стране существовала система сдержек и противовесов. Это позволяло надеяться, что, преодолев наиболее тяжелые последствия социалистическо-

го эксперимента, страна сформировала предпосылки устойчивого развития на рыночной и демократической основе. Разумеется, межнациональные конфликты, в первую очередь на Кавказе, оставались серьезным вызовом безопасности страны, стабильности политической системы. И все же сложившаяся система федеративных отношений давала основания полагать, что гибкость государственного устройства достаточна, чтобы обеспечить стабильность в организации жизни, политических процессов в огромной, этнически разнородной стране.

Были созданы те подвижные элементы конструкции экономической и политической системы, которые являются гарантами ее устойчивости. Иными словами, можно было ожидать, что, столкнувшись с неожиданным вызовом, она ответит на него адекватными изменениями, а не катастрофическим крушением.

В 2000–2003 гг. были проведены последовательные и в целом эффективные экономические реформы, позволившие улучшить качество налоговой и финансовой системы, сделать более прозрачными и понятными финансовые основы федеративных отношений, закрепить право собственности на землю, принять соответствующее реалиям рыночной экономики трудовое законодательство, провести ряд других важных и полезных изменений, расширяющих базу экономического роста. Многие считали, что наиболее серьезные проблемы, стоящие на пути устойчивого развития российской демократии и российской рыночной экономики, решены. Должен признать, что я тоже принадлежал к их числу.

Однако, как это нередко бывает, история еще раз показала, что торопиться с выводами, основанными на экстраполяции краткосрочных тенденций, опасно. С 2003–2004 гг. на ключевых направлениях развития российской политической системы, федеративных отношений, экономики начали наблюдаться тревожные тенденции.

В 2000–2002 гг. в России существовал в целом лояльный президенту и правительству, но относительно независимый, сохраняющий свой голос и реальное влияние на процесс принятия решений, парламент. Чтобы проводить законы в Думе и Совете Федерации, правительству необходимо было их обстоятельно обсуждать с депутатами, искать компромиссы, допустимые решения. Работать с таким парламентом, разумеется, не просто. Это

не каучуковый штампель для оформления принятых исполнительной властью решений. Но, как показывает опыт, его наличие повышает качество государственного управления. Ответственный и самостоятельный парламент не позволяет разрабатывать и принимать решения кулуарно, без совета с обществом, обсуждения со специалистами, не связанными с органами власти отношениями трудовой дисциплины.

Когда парламент становится инструментом формального одобрения действий и намерений исполнительной власти, качество принимаемых решений снижается. Даже эффективный бюрократический аппарат, если он не сталкивается с систематической профессиональной критикой, делает ошибки, причем иногда грубые.

В начале 2000-х гг. в России существовала относительно независимая пресса. Она отнюдь не всегда руководствовалась соображениями высокой морали и интересами общества, нередко становилась инструментом информационных войн между олигархическими кланами. Но так как число кланов было не равно единице, у общества была возможность получать информацию из многих источников, самостоятельно делать выводы о том, что происходит в стране. Когда все большая часть прессы оказывается под прямым или косвенным, но жестким контролем власти, еще один инструмент общественного контроля оказывается заблокированным.

Несколько лет назад в России существовали влиятельные предпринимательские организации, такие как Российский союз промышленников и предпринимателей. Их голос был слышен и учитывался в процессе выработки ключевых экономико-политических решений. Это приносило стране пользу, потому что предпринимательское сообщество объективно заинтересовано в повышении инвестиционной привлекательности России. Это увеличивает капитализацию компаний, расширяет возможности доступа к кредитным ресурсам. Крупные российские предприятия немало сделали для улучшения качества законодательства, экономической политики. Начиная с 2003 г. РСПП все больше превращался в декоративный орган.

Многие руководители региональных органов власти, находившиеся у рычагов управления на рубеже старого и нового веков, были, мягко говоря, не слишком компетентными и не безусловно порядочными (разумеется, это относится не ко всем). Тем не

менее жители регионов на собственном опыте все в большей степени начинали понимать, что когда они избирают губернатора, то определяют, не кто будет ходяком в Москву, способным громче всех крикнуть о местных проблемах, а решают, от кого будет зависеть их ежедневная жизнь, качество образования детей, лечения родителей, теплоснабжения городов, вывоз мусора. Это понимание приходит только с опытом. В развитых демократиях на то, чтобы оно сформировалось, потребовались десятилетия. Тем не менее развитие событий в конце 1990-х — начале 2000-х гг. шло в этом направлении. Решение о назначении губернаторов, принятое в 2004 г., вновь перекладывает на Москву ответственность за текущие региональные проблемы, позволяет местным органам власти, региональным элитам кивать на центр, объяснять, что для решения острых местных проблем сделать они ничего не могут.

Такие решения, как отмена выборов по одномандатным округам, дававших возможность политически ярким фигурам иметь если не влияние, то хотя бы голос при обсуждении государственных проблем, или введение семипроцентного барьера, ограничивающее возможности многих политических сил, отражающих взгляды миллионов российских граждан, быть представленными в парламенте (мера необычная для развитых, устойчивых демократий) — шаги, каждый из которых не является фатальным, а лишь создает риски для функционирования российской демократии. Однако вместе они обозначают путь к созданию системы, которую можно назвать закрытой (управляемой) демократией или мягким авторитаризмом. Разумеется, система организации власти имеет мало общего с жестким тоталитарным режимом Советского Союза, но тем не менее слабости и элементы неустойчивости, характерные для авторитаризма, в нем начинают проявляться.

Такие политические конструкции стабильны до тех пор, пока не столкнулись с кризисом, в первую очередь экономическим, требующим не просто молчаливой покорности, а поддержки общества. Здесь-то и выясняется, что получить от него такую поддержку им сложно. Это резко ограничивает возможности маневра именно тогда, когда он больше всего нужен и властям, и стране. Советское руководство второй половины 1980-х гг. убедилось в этом на своем опыте. К сожалению, не оно одно дорого заплатило за столь горький урок.

Свертывание элементов демократии и реального федерализма сказывается на динамике межнациональных отношений. Назвать государственный строй многих российских национальных республик в конце 1990-х — начале 2000-х гг. демократическим, язык не поворачивается. Тем не менее это были власти, сформированные местными элитами, способные контролировать межнациональные отношения в республиках, влиятельные для местного общества. Попытки заменить их назначенными из Москвы марионетками иногда приводят к тому, что формальные государственные органы республики перестают чем-либо управлять. Реальный процесс принятия решений идет мимо них. Там же, где у власти остаются представители влиятельной местной элиты, они легко могут переложить ответственность за возникающие проблемы на поддержавшую их Москву. Факт назначения президентов автономных республик федеральным центром дает сильные козыри в руки националистам, позволяет им легко доказывать, что Москва воспринимает жителей автономий не как полноправных граждан страны, а как покоренных подданных. Лучший подарок сепаратистам придумать трудно.

В области экономической политики российские органы власти извлекли уроки из того, что произошло с советской экономикой. Это видно по ответственной бюджетной и денежной политике, которая проводилась в 2000–2004 гг. на фоне высоких цен на нефть и связанных с ними высоких, но неустойчивых бюджетных доходов. Бюджетная политика была консервативной, обеспечивала значительные профициты бюджета, позволившие сократить внешний долг, оставшийся в наследство от Советского Союза, снизить расходы на его обслуживание. Создав Стабилизационный фонд, сформированный по четко определенным правилам, российское правительство и российский парламент проявили политическую ответственность, продемонстрировали необычную для отечественной истории способность извлекать уроки из ошибок предшественников.

В 2000–2004 гг. российский бюджет мог бы без серьезных издержек и крупных дисбалансов функционировать при средних долгосрочных ценах на нефть, сохранять устойчивость даже при аномально низких ценах, характерных для периодов 1986–1990, 1998–1999 гг. Долго удерживать такую ответственную финансо-

вую линию сложно. Об этом свидетельствует богатый мировой опыт.

На фоне аномально высоких цен на нефть рассуждения о том, как неразумна политика нынешних российских властей, накапливающих Стабилизационный фонд, вложенный в ценные бумаги стран, валюты которых рассматриваются как резервные, — неприменимый элемент экономико-политического ландшафта. Только ленивый российский политик не участвует в соревновании, суть которого: выдвижение популярных и экзотических идей, связанных с использованием накопленных в Стабилизационном фонде ресурсов. Однако если сопоставить размеры российского Стабилизационного фонда, который на 1 января 2006 г. составлял лишь 5,7% ВВП, с государственным нефтяным фондом Норвегии, вынужденной, как и Россия, решать проблему «нефтяного проклятия» (там он составлял на 1 октября 2005 г. 70,1% ВВП), то очевидно, что представление об аномальных размерах средств Стабилизационного фонда нашей страны несколько преувеличено. Не менее популярная тема — избыточность золотовалютных резервов страны (на 1 января 2006 г. — 24,2% ВВП). Рассуждения о том, что только враги Родины способны в таких масштабах накапливать иностранные активы — расхожий товар на современном экономико-политическом рынке. Между тем в Китае, экономическая политика которого на протяжении последних 15 лет столь часто приводилась в качестве образца для подражания российским органам власти, валютные резервы на начало 2006 г. составляли 36,3% ВВП.

С 2005 г. стало ясно, что способность правительства продолжать политику, позволяющую минимизировать риски финансового и валютного кризиса, с которым может столкнуться страна при падении цен на нефть, все более ограничена. Объяснить обществу, что государство не может выделить денег на ту или иную реальную потребность, потому что их нет, можно. Рассказать, что этого нельзя сделать, когда деньги есть, и объяснить, что экономика страны может оказаться слишком зависимой от непредсказуемых факторов, а это может обернуться тяжелым экономическим кризисом, за который придется платить цену, несопоставимую с краткосрочными выигрышами, сложнее.

Пока шаги, предпринятые правительством, финансируемые за счет дополнительных нефтяных доходов, увеличивающие бюд-

жетные обязательства, еще сравнительно ограничены. В расчете на 2006 г. прирост бюджетных обязательств, по сравнению с 2004 г., составит примерно 3,5% ВВП. Но и они, при ограниченности размеров Стабилизационного фонда, снижают устойчивость финансовой системы страны. Экономика России, как раньше СССР, становится зависимой от сохранения цен на нефть на уровне, который исторически аномален.

Сценарные расчеты, выполненные в Институте экономики переходного периода, показывают, что при падении цен на нефть (сорта Brent) до 25 долларов к 2009 г., доходы федерального бюджета по отношению к факту 2005 г. сократятся примерно на 9%. Рост ВВП сменится его падением. Дефицит федерального бюджета составит 7% ВВП. Остаток средств Стабилизационного фонда будет равен 0. Объем золотовалютных резервов по отношению к факту 2005 г. сократится примерно на 80 млрд долл. Темпы инфляции достигнут 40%.

Разумеется, речь идет не о прогнозе, а о сценарных расчетах. В ИЭПП рассчитывались и сценарии, связанные со сверхвысокими ценами на нефть, и инерционные сценарии. Они дают другие результаты. Но как отмечалось выше, в странах, зависимых от конъюнктуры рынка природных ресурсов, вырабатывая экономическую политику, важно трезво оценивать риски труднопрогнозируемого развития событий на нефтяном рынке.

Реалистичные прогнозы показывают, что при накопленных резервах Стабилизационного фонда, даже при неблагоприятном развитии событий, Россия в 2006–2008 гг. не столкнется с серьезным финансовым кризисом. Угрозы связаны с заметным замедлением темпов экономического роста. Однако, обсуждая долгосрочные риски, важно думать не только об экономико-политической перспективе двух-трех лет. Принимая сегодня экономические решения, создавая бюджетные обязательства, мы определяем те контуры, в которых в ближайшие 10–15 лет придется работать российским органам власти. Тот запас стабильности, который в начале 1980-х гг. обеспечивали высокие цены на нефть, давал советскому руководству возможность ничего не делать и тем не менее сохранять политическую устойчивость. Заложенные в конце 1970-х — начале 1980-х гг. проблемы проявились позже, но в масштабах, которые трудно было себе представить. Решения о том, как регулировать

эти риски, пришлось принимать другим — властям государств, возникших на развалинах рухнувшей империи. Мы должны сделать все, чтобы Россия в этом отношении не повторила судьбу Союза.

По состоянию на сегодняшний день риски дестабилизации положения в России намного ниже, чем те, которые существовали в СССР в начале 1980-х гг. Мы назвали политический режим мягким авторитаризмом. В нем есть еще немало элементов свободы и гибкости. Это обнадеживает. Доля русских в России несопоставимо выше, чем в Советском Союзе, что делает регулирование межнациональных отношений при разумной политике задачей разрешимой. В России функционирует рыночная экономика несопоставимо более гибкая, чем социалистическая. Она способна легче адаптироваться к изменениям мировой экономической конъюнктуры. Ее логика не предполагает, что вся ответственность за изменения экономической жизни ложится на существующие власти. Но все же это не значит, что риски, связанные с утратой способности адаптироваться, ростом зависимости страны от динамики параметров, не контролируемых руководством страны, исчезли. Это та ситуация, в которой осторожность, трезвая оценка угроз, с которыми может столкнуться страна, — неотъемлемая часть ответственной политики.

Открытый разговор

*Выступление на семинаре
Клуба региональной журналистики «Из первых уст»*

24 мая 2006 г.

Опубликовано на сайте Клуба региональной журналистики.

Ведущая — Ирина Ясина.

Ведущая: *Егор Тимурович, Клубу 5 лет. Я вам очень благодарна за то, что Вы нас всегда поддерживали, всегда были с нами, рассказывали интересно и откровенно то, о чем думаете, и то, что знаете. Я надеюсь, что следующую пятилетку мы проживем еще активнее сотрудничая, чем раньше.*

На сем я передаю слово Егору Гайдару. Еще раз спасибо за то, что Вы к нам пришли.

Егор Гайдар: Дорогие друзья! Я совсем недавно завершил работу над своей новой книгой, которая называется «Гибель империи. Уроки для современной России». Она выйдет в середине июня. Книга эта посвящена в первую очередь анализу краха советской экономики.

Почему я взялся за эту работу именно сейчас? Потому что глубоко убежден: в России в последние годы особенно явно сложилась очень своеобразная и опасная трактовка того, что с нами произошло где-то на рубеже 1980–1990-х гг. Мне кажется, что эта трактовка довольно опасна для перспектив развития России, для устойчивости демократии и свободы в России.

Как подавляющее большинство российского общества воспринимает то, что с нами произошло где-то между 1985–1991 гг.? Ну, был Советский Союз, в котором, разумеется, было много проблем. Но в целом это была устойчивая, может быть не слишком динамично растущая, но растущая экономика. Была мировая сверхдержава, которая имела самую большую в мире армию. Потом

пришли какие-то странные люди и, может быть, даже по доброму желанию или просто по непониманию, а может быть и по злому умыслу, потому что их наняли мировые империалисты, взяли и развалили эту великую державу, эту вполне устойчивую экономику. И сейчас мы тяжело расхлебываем последствия этих странных решений. Я уверен, что если вы спросите сто россиян, соответствует ли эта картина их видению того, что произошло с нашей страной, то я думаю что по крайней мере девяносто вам ответят, что, конечно, соответствует: а кто же с этим спорит. Тем более что это та картина мира, которая регулярно демонстрируется по телевидению, по основным каналам в новостных передачах, в аналитических передачах, в фильмах, посвященных нашему прошлому и т. д.

У этой картины мира есть объективная основа. Дело в том, что крах советской экономики, Советского Союза подавляющее большинство проницательных наблюдателей и в Советском Союзе, и в мире действительно не предсказывали и не прогнозировали. Я прекрасно знаю содержание совсекретных справок (они теперь в открытом доступе), которые ЦРУ представляло американскому руководству по поводу состояния советской экономики в начале и середине 1980-х гг. И цитирую это в книге. Суть простая: да, экономика неэффективная, темпы роста устойчиво падают, будут продолжать устойчиво падать, но никакой катастрофы в советской экономике вообще не просматривается ни при каком сценарии развития событий.

Если вы посмотрите материалы для служебного пользования, которые готовили для руководства страны советские экономисты, в работе которых принимали участие и я, и Евгений Григорьевич Ясин, — это называлось «Комплексная программа научно-технического прогресса» — там была примерно та же картина мира. Да, было ясно, что темпы роста устойчиво снижаются. Да, ясно, что есть фундаментальные проблемы неэффективности, которые никак решить не удастся. Но нигде там никакой катастрофы в перспективе следующих 20 лет никто из нас действительно не просматривал.

Когда происходит нечто, что никто из самых информированных аналитиков не предполагал, естественно, возникает ощущение, что что-то было такое случайное, неожиданное, что-то связанное

не с тем, как устроена советская экономика, а с какими-то действиями властей — наших, американских, каких угодно.

Я хотел попытаться доказать в книге, что вся эта картина мира крайне далека от реальности. От того, что на самом деле происходило в советской экономике. Причем должен признаться вам, что до того, как начал работать над этой книгой, работать с массой архивных материалов, посвященных экономическому механизму того, что происходило между 1985–1991 гг., я думал, что я очень информированный человек в этой области. Я был ведущим экономическим аналитиком в эти годы, писал статьи, которые читала вся элита, писал записки Горбачеву и Рыжкову. И мне казалось, что я очень хорошо все понимаю. Потом уж я расхлебывал последствия.

На самом деле, когда начинаешь разбираться в важных деталях и важных документах, понимаешь, что картина мира была немножко иной, чем мне, информированному аналитику, казалось. Главное, что ни я, ни подавляющее большинство моих коллег ни у нас, ни в мире все-таки в полном объеме не понимали и не оценивали роль нефти в советской экономике. Мне-то казалось, что я понимаю роль нефти в советской экономике. Когда я говорю «нефть», я имею в виду нефть, нефтепродукты и газ. Мне казалось, что я понимаю. На самом деле, когда начинаешь разбираться в технических деталях, понимаешь, что мы сильно недооценивали значение этого фактора.

Тем, кто не знал деталей, казалось, что советская экономика относительно независима от мировой, что она не слишком сильно интегрирована в мировую экономику и именно поэтому устойчива. Ну, мало ли что там происходит на мировых рынках! Ну и что?

На самом деле советская экономика к середине 1980-х гг. была крайне сильно интегрирована в мировую экономику и в крайне большой степени от нее зависела. Наше участие в мировой торговле не было построено на нормальных принципах рыночной экономики. Рыночные экономики используют то, что Д. Рикардо назвал «сравнительные преимущества»¹. Здесь удобнее производить медь,

¹ Эта предпосылка, впервые выдвинутая Давидом Рикардо, английским экономистом, классиком политической экономии, последователем и одновременно оппонентом Адама Смита, является одним из главных аргументов в поддержку свободы торговли и против введения таких ограничений, как тарифы и квоты. — *Прим. ред.*

а здесь удобнее производить детские игрушки. Дальше возникает сравнительное преимущество. Международная торговля является реакцией на него.

В Советском Союзе отношение к внешней торговле, в первую очередь к внешней торговле на конвертируемую валюту, то есть настоящей торговле, где деньгами надо платить и деньги зарабатывать, было совершенно другим. Вообще-то, мы покупать что бы то ни было у империалистов не любили. Нам, нашему советскому руководству, казалось, что это делает нашу страну зависимой. В стенограмме одного из совещаний премьера Николая Рыжкова есть такие слова. Он говорит: «Да, мы много покупаем продовольствия и промышленных товаров. Покупаем, потому что мы жить без этого не можем». Мы покупаем не то, что считаем выгодным купить, а покупаем то, без чего (по убеждению советского руководства) страна не может жить.

Хорошо. Что это было в первую очередь? Довольно много комплекствующих, естественно. Многие виды сырья. Но в первую голову это было продовольствие. Россия к началу Первой мировой войны была крупнейшим в мире экспортером зерна. Мы продавали зерно на мировом рынке заметно больше, чем Канада и Соединенные Штаты, вместе взятые, следующие за нами экспортеры. В 1963 г., когда Советский Союз впервые в своей истории купил зерно, потратив на это $\frac{1}{3}$ своего золотого запаса, Никита Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС назвал это национальным позором, который мы больше терпеть не можем.

На самом деле этот национальный позор не был случайностью. Он был отражением того, как развивалось советское сельское хозяйство на протяжении предшествующих 40 лет. Таких странных траекторий развития промышленности и сельского хозяйства, которые были характерны для Советского Союза 1928–1965 гг., в мировой истории до этого не было никогда. Обычно индустриализация всегда шла на фоне аграрного роста и отнюдь не за счет того, что деревню грабили и на этой основе проводили индустриализацию. У нас был уникальный случай, когда деревню ограбили так, что там просто умерли от голода миллионы и миллионы людей. Точной статистики нет, но жертвы голода колеблются где-то между 6 и 12 млн человек, я уж не говорю о раскулаченных. Реальная заработная плата в деревне, годовая, была заметно меньше, чем

месячная в промышленности. То есть очевидно, что мы создали закрепощенный класс людей, у которых не было пенсии, не было никаких социальных гарантий, которым толком ничего не платили, которым только давали возможность на приусадебных участках как-то кормиться, а потом еще обложили их налогами.

И когда вы имеете такую, крайне своеобразно устроенную жизнь в условиях современного мира, вы должны понимать, что последствия этого будут расхлебывать следующие поколения. Когда начался процесс бурного перемещения населения из деревни в город, занятости из сельского хозяйства в промышленность в странах, которые были наиболее развиты (оно началось где-то на рубеже XVII–XIX вв.), то там отбор был предельно простой: старший сын наследовал крестьянское хозяйство, а младший сын, потому что ему не хватало земли, шел работать в город. И у них была примерно одинаковая трудовая этика — просто один старший, а другой младший. Все.

А мы создали ситуацию крепостного права — отсутствие паспортов, стимулов к работе, стремление любой ценой выбраться в город или хотя бы чтобы твои дети родились в городе — которая дала системный отбор применительно к тем, кто оставался в деревне и к тем, кто мигрировал. Потом выяснилось, что, когда резервы села полностью исчерпаны, проблема снабжения города стала важнейшей. И ты начинаешь вкладывать деньги туда в огромном количестве, поставлять материальные ресурсы, увеличивать оплату — а это не помогает совсем. Это не помогает.

Собственно, к началу 1950-х острейший кризис советского сельского хозяйства был общепризнан всем партийным руководством. Если посмотрите материалы Президиума ЦК того времени, то там никто не спорит о том, что сельское хозяйство Советского Союза находится в состоянии страшного кризиса, что это главная проблема для нашей экономики, ее устойчивости и т. д.

Спорили тогда о том, что делать с этим. И было две альтернативные концепции. Первая концепция, которая в конце концов и победила, — это идея освоения целины. Вторая концепция — концепция подъема нечерноземной зоны. На самом деле в том, что победила концепция освоения целины, было немало здравого смысла с точки зрения логики функционирования советской экономической системы. Собственно, впервые эта идея обсужда-

лась и даже начала реализовываться отнюдь не в середине 1950-х, а на рубеже 1920–1930-х гг., когда спорили, как повысить товарность сельского хозяйства. Идея о том, что освоение земледелия в крупных, промышленных масштабах в настоящее время в не используемых районах России — это хороший индустриальный способ решить зерновую проблему. Это позволяло использовать преимущества, которые действительно были у советского хозяйства, — массовые масштабы инвестиций, концентрация их на относительно ограниченном круге объектов, создание стимулов, которые позволяют распределить часть потока трудовых ресурсов, который идет из деревни в город, из деревни в деревню, потому что они были работниками совхозов и получали социальные привилегии, которых крестьяне не имели. К этой идее вернулись в 1950-х гг.

На самом деле она, в общем, оказалась программой достаточно успешной с точки зрения решения важнейшей задачи для Советского Союза — увеличение объема зерна, которым государство должно было снабжать растущие города. Скажем, если в начале 1950-х государственные закупки зерна составляли где-то 35 млн тонн, то к 1960-м они выходят на другой уровень — на уровень примерно 65–66 млн тонн. Замечательно.

Но беда в том, что после этого? Целина не безгранична. Урожай не растет. И вот как были закупки 66 млн тонн в среднем в середине 1960-х, вот они такими остаются и в 1970-е, и в 1980-е, и в конце 1980-х.

Но, я прошу прощения, городское население-то продолжает расти. Оно между 1960-м и 1990-м увеличивается на 80 млн человек. А его надо как-то кормить. Еще раз подчеркиваю: 25 лет ты вкладываешь туда все, что можешь, но не растет оно совсем. И что делать?

Можно сказать: хорошо, мы, ограбив деревню, создали мощный промышленный комплекс. Давайте теперь, как многие промышленные страны, будем продавать свои промышленные товары — машины, оборудование, транспортные средства, как это делают многие страны мира, например Германия. И на эти деньги закупать зерно, раз уж у нас в сельском хозяйстве такие большие проблемы. Все это мило, но эта тема никогда даже не рассматривалась всерьез, никогда не обсуждалась, потому что мы знали, руковод-

ство это знало прекрасно, что то, что мы делаем, продать на рынке (если это не сырье) невозможно.

Статистика советского машиностроительного экспорта, которая была представлена в официальных справочниках, полностью фальсифицирована. Если вы сравните ее со статистикой тех справочников, которые на самом деле ложились на стол руководства страны, вы узнаете, что эта доля, на самом деле, в экспорте на конвертируемую валюту никогда не была 10–11% — она была в пределах 1,9–3,1%. Причем в значительной части это были бартерные сделки либо с Финляндией, по которым никакой конвертируемой валюты мы не получали, либо бартерные сделки типа «Жигули» в обмен на комплектующие для «Жигулей», по которым тоже не было никакой конвертируемой валюты. В этой связи идея, что мы будем импортировать зерно (что тут страшного?) и экспортировать наши машины, была, абсолютно очевидно, нереальна.

Да, у нас были кое-какие сырьевые ресурсы. Мы их просто экспортировали, получали комплектующие. Но нарастить в больших масштабах, которые нужны были для того, чтобы закупать на 30 млрд долларов продовольствие, чтобы быть крупнейшим в мире импортером зерна, — все это совершенно не имело никаких шансов.

И тогда нам, конечно, безумно повезло. Как мы теперь понимаем, это везение было очень спорным. Но тогда казалось, что безумно повезло. Это, соответственно, открытие месторождения в Западной Сибири. Небольшие глубины, поразительные, уникальные дебиты, крупнейшие, уникальные в мире месторождения. Сравнительно недорого. И плюс к этому — беспрецедентный рост цен на нефть на мировом рынке.

Нефть — товар очень необычный. Необычность его связана с тем, что он играет огромную роль в мировой экономике. Из сырьевых товаров, после того как сельское хозяйство стало периферией, ни один сырьевой товар никогда и близко не был сопоставим с нефтью по роли в мировой экономике. Объем следующего сырьевого рынка — медного — уступает рынку нефтяному не в разы, а на порядки. Это рынок крайне непредсказуемый, с уникальными колебаниями цен по отношению к средним многолетним. Колебания в диапазоне постоянных долларов 2000 г. от менее 10 долларов за баррель до более 80 долларов за баррель.

А теперь представьте себе. Все-таки речь идет о достаточно развитых, сложно устроенных обществах. Просто приведу вам пример. Скажем, еще 150 лет назад весь мир прекрасно жил без электрической энергии и создал массу великих цивилизаций. А вот теперь нам на 5 часов отключают электричество где-нибудь в крупном городе, и мы видим, как вся наша цивилизация просто начинает разваливаться. Вот то же самое с ценами на нефть. Тебе очень легко привыкнуть к тому, что они высокие. Взять обязательства, нанять врачей, учителей, повысить им зарплаты, создать армию, закупить кучу вооружения. А потом говорят: извините, они в несколько раз упали. Вы будете закрывать школы, закрывать госпитали, снижать пенсии, увольнять армию, демобилизовывать ее? Да?

То, что мы сырьевая экономика, в этом нет никакого позора. Есть много очень развитых стран мира, которые зависят от сырьевых рынков. Скажем, Австралия зависит от сырьевых рынков. Новая Зеландия зависит от сырьевых рынков. Канада зависит от сырьевых рынков. Норвегия — самая развитая страна в мире по индексу человеческого развития — очень сильно зависит от сырьевых рынков.

То, что мы зависим от сырьевых рынков, не является каким-то безумным пороком. Просто надо понимать, что это своеобразная экономика, которая сталкивается с неожиданными и необычными вызовами. Такими, которые вы не найдете в экономике Соединенных Штатов, Японии, Китая и Еврозоны. Есть такой показатель, как «условия внешней торговли» — изменения соотношения экспортных и импортных цен. Есть такое понятие в экономической теории, как «внешние шоки», когда страна сталкивается с ситуацией, при которой цены на импортные товары выросли, а цены на экспортные товары не выросли. Есть долгая-долгая экономическая традиция изучения влияния внешних шоков на национальные экономики.

Скажем, крупнейший пример влияния внешнего шока на крупнейшую в мире экономику, — это 1970-е гг. Он хорошо изучен. Это влияние повышения цен на энергоносители начиная с 1973–1974 гг. И тогда за этим последовал очень тяжелый период для мировой экономики в целом, в том числе американской, европейской, японской. Период, который назывался «стагфляция», когда

были высокая безработица и высокая инфляция одновременно. Как вы думаете, насколько изменились максимальные масштабы изменений условий внешней торговли в год для Соединенных Штатов Америки? Ну, просто догадка? На 14%. Это был тяжелейший внешний шок для Соединенных Штатов 1974 г.

А как вам приспособливаться к ведению дел в условиях, когда у вас не на проценты меняются условия внешней торговли, а в разы? И многие разы? Вот это то, что принципиально важно для зависимых от сырья экономик. И то, что делает экономическую политику в них особенно своеобразной и сложной.

Если вы сегодня включите телевизор, включите радио или прочитаете любую газету, то вы увидите, что самая широко обсуждаемая тема — тема: как нам распределить деньги Стабилизационного фонда. Там рассказывают, что какие-то безумные деньги сконцентрированы в Фонде, зачем же мы, вместо того чтобы решать острее проблемы нашей экономики, политики и т. д., вкладываем деньги в экономику других стран?

Норвегия — еще раз подчеркну, самая развитая страна мира по оценке Организации Объединенных Наций. Экономика Норвегии существенно более диверсифицирована, чем наша. Экспорт существенно более диверсифицирован, чем наш. Как вы думаете: во сколько раз, в долях ВВП, стабилизационный фонд Норвегии больше российского? В абсолютных значениях он больше российского в 12 раз. Я в данном случае привожу данные по состоянию на 1 января 2006 г. Он был в 12 раз больше. Что, норвежцы — идиоты, они самые глупые люди в мире, они совсем не понимают, как надо вести экономическую политику? Нет, они все понимают. Они не хотят распускать свою страну, когда и если вдруг цены на нефть опять упадут в 8 раз. Они знают, что жизнь устроена хорошо, нормально функционирует система образования, система здравоохранения, безопасности, экологии и т. д. Так она и будет функционировать, по крайней мере некоторое время в случае если произойдет то, чего никто не может предсказать.

Так вот, Советский Союз в это время, вся эта мощная сверхдержава, висел на трех маленьких-маленьких крючочках. Первый крючочек — это колеблющиеся урожаи на целинных землях. Потому что еще Сталину объясняли в конце 1920-х, что с целинными землями все, конечно, можно, но только надо понять, что во-

латильность, колебания, урожая будет еще больше, чем она есть в России. Она и так у нас довольно высокая.

Первое. Никто никогда не может управлять, не может знать, каким будет урожай на целинных землях.

Второе. Мы пытались освоить нефтяные месторождения как можно быстрее и как можно дешевле. И постоянно шло соответствующее давление: так, Алексей Иванович Косыгин имел обыкновение звонить Муравленко, начальнику Главнефтегаза, и говорить: «Подкинь 3 млн тонн нефти сверх плана, а то с хлебушком очень плохо». Это значило, что мы используем в добыче методы действительно дающие быстрые результаты, но крайне опасные, потому что они чреваты очень быстрым и непредсказуемым выходом из строя месторождения, началом убывания добычи.

Третий фактор, который тоже никто никогда не может прогнозировать, — это цена на нефть.

Мы становимся крупнейшим импортером зерна, и вообще сельхозпродукции. У нас отрицательное сальдо торговли 20–30 млн долларов. Все это висит на этих нескольких крупнейших месторождениях. Все это зависит от колеблющихся урожаев. Когда урожай плохой, то даже нефти нам не хватает, мы начинаем покупать зерно за золото. У нас продажа золота коррелируется с продажей зерна. И все это висит на том, что цены на нефть в 4 раза выше среднего уровня за последние 150 лет. И нам почему-то кажется, что так будет всегда.

Вот когда сегодня говорят: ну, куда же денутся Индия и Китай? Мы тогда же то же говорили нашему руководству, наше руководство отвечало: «Ну, куда же денется мировая экономика? Люди разве перестанут ездить на машинах или машины будут использовать двигатель на воде?».

У нас сейчас новый период безумно высоких цен на нефть. Но они ниже в реальном исчислении, чем цены брежневского периода. Они тогда в реальных сегодняшних долларах, доходили до 90 с лишним долларов. А потом цены взяли и упали. И упали круто. Если брать месяц к месяцу в реальных ценах — в 6,1 раз. И за очень короткий период времени. Все это произошло за несколько месяцев 1985–1986 гг. И мир, и нефтедобывающие страны, и Советский Союз оказались совершенно в другом мире, чем тот, к которому они привыкли за предшествующие 12 лет высоких цен на нефть.

Там, конечно, есть еще чисто детективная история, которую я позволю себе вам рассказать.

Вообще-то, советское руководство могло бы и знать, что рынок нефти — немножко необычный рынок. И он не совсем так устроен, как, скажем, рынок детских игрушек. Потому что оно само довольно активно участвовало в политических манипуляциях нефтяных рынков.

Я вам зачитаю один отрывочек из письма председателя КГБ Юрия Андропова Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу от 21 апреля 1974 г. Послушайте. Я думаю, что вам будет интересно.

«Комитет Госбезопасности с 1960 г. поддерживает деловой конспиративный контакт с членом Политбюро Народного фронта освобождения Палестины Вадия Хаддадом. Главными направлениями диверсионно-террористической деятельности организации является продолжение особыми средствами нефтяной войны арабских стран против политических сил. В настоящее время организация ведет подготовку ряда специальных операций, в том числе нанесение ударов по крупным нефтехранилищам в различных районах мира. Хаддад обратился к нам с просьбой оказать помощь его организации в получении некоторых видов специальных технических средств, необходимых для проведения отдельных диверсионных операций.

Полагал бы целесообразным на очередной встрече положительно отнестись к просьбе Хаддада об оказании Народному фронту освобождения Палестины помощи специальными средствами».

То есть, в общем, можно было бы понять, когда ты играешь в такие игрушки, что на этом рынке может быть кто-то другой, кто тоже решит поиграть в эти же игрушки.

Продолжу эту малоизвестную, но интересную детективную историю.

Мы использовали этот безумный поток нефтедолларов для того, чтобы в том числе наделать какое-то бесконечное количество глупостей: ввязаться в военные операции в Африке, в Анголе, в Эфиопии, в Мозамбике, потратить несколько сот миллиардов долларов на помощь вассальным режимам. Плюс к этому мы решили влезть в Афганистан. Вообще, роль афганской войны в истории краха Советского Союза очень сильно, на мой взгляд,

не понята и недооценена. Да, конечно, там были человеческие жертвы, были жертвы среди афганского населения, были наши потери. Естественно, она нам кое-что стоила по деньгам. Но с точки зрения всего, что развивалось в Союзе в это время, главным было совершенно не это.

Дело в том, что Саудовская Аравия, наш главный конкурент на рынке нефти и нефтепродуктов, восприняла наше вторжение в Афганистан как признак того, что мы готовимся к внешнеполитической экспансии в районе Персидского залива. И она восприняла это как прямую угрозу своим нефтяным месторождениям. И та же Саудовская Аравия, которая в 1973 г. объявляла нефтяное эмбарго Соединенным Штатам, и говорила, что если американцы применят силу, то они взорвут свои нефтепромыслы, та же самая Саудовская Аравия после Афганистана радикально меняет тон и говорит США: «Знаете, друзья, мы хотим с вами дружить. Потому что нам совершенно не нужны советские, которые придут и возьмут наши нефтяные месторождения. А защитить нас реально от Советского Союза можете только вы». Американцы говорят саудитам — история известна по уже открытым, рассекреченным документам, — американцы говорят саудитам: «Хорошо, конечно, мы сами заинтересованы в ваших запасах. Но вы же понимаете, что мы заинтересованы в разумных ценах на нефть».

Уильям Кейси, самый влиятельный шеф ЦРУ, который в это время ее возглавлял, один из ближайших людей к Рейгану, уже в 1981 г. прилетает к саудитам, и начинается череда консультаций. Разумеется, это не было тем, что предопределило падение цен на нефть. Просто все, что там происходило, на этом рынке, уже с 1981 г. ясно показывало, что этот аномально высокий уровень цен неустойчив. Но то, что цены рухнули именно так, как они рухнули, то есть за несколько месяцев и в 6 раз, конечно, трудно понять вне контекста американско-саудовского диалога того времени.

Кстати говоря, Кейси вообще-то имел опыт подобного рода работы. Он во время Второй мировой войны занимался тем, чтобы максимизировать экономический ущерб, который союзники могут нанести Германии.

Разумеется, никогда американцы не ставили перед собой задачу, во сне им не могла привидеться идея, что они таким вот образом могут разрушить советскую экономику. Но идея ослабления

Советского Союза с использованием того, что он подсел на нефтяную иглу, она, конечно, была.

Хорошо. Цены, соответственно, взяли и упали в 6 раз. Если брать среднее многолетнее, то они с этого максимума — 80 долларов, ушли, если мы берем следующие лет 15, где-то в район средних — 18–20. За исключением 1998 г., когда они упали в 2 раза, менее чем до 10 долларов.

А теперь дальше — как к этому адаптироваться? Что делать?

Перед Советским Союзом, советским руководством встает набор альтернативных реакций. Собственно, с этим не мы одни столкнулись. С этим кризисом столкнулась Мексика, Венесуэла. Но все как-то пытаются к нему адаптироваться. Тяжело всегда. Что Советский Союз в принципе может сделать? Еще раз подчеркну. Нарастить экспорт машиностроительной продукции он, естественно, не может. Что делать? Экономика полностью зависит от нефти. Снабжение, политическая стабильность зависит от этого.

Первое, что можно сделать. Отказаться от аграрного импорта. Вот если мы полностью прекращаем закупки зерна, закупки продовольствия, это позволяет более или менее закрыть дыру, которая образовалась. Не совсем, но основную часть.

Но что это значит? Это значит сокращение объема потребления продовольствия в стране, в городах крупных в 2 раза. На ровном месте. Мы все время рассказывали, наше руководство, какие они все замечательные, как коммунизм строим, все хорошо. А потом говорят: «Ребята, вот хлеба будете есть, мяса, молока в 2 раза меньше. Мы вам введем карточное снабжение с нормами Второй мировой войны. И дальше к этому как-то приспособляйтесь. Или цены повысим в 5 раз, и не компенсируем». Это полное нарушение контракта власти с народом, который сформировался где-то в конце 1950 — начале 1960 гг. Суть этого контракта была предельно проста (его никто никогда не подписывал, но и власти, и обществу было совершенно понятно).

Контракт был такой. Мы вас не трогаем, в смысле власть общество. Мы сохраняем вам социальные гарантии. Мы не заставляем вас слишком напряженно работать. Мы сохраняем стабильность розничных цен. А вы, народ, тогда терпите то, что мы вами управляем. Да, нас никто не выбирал, естественно. Мы сами решили, что вами будем править. Но так как мы вас не трогаем, то и вы нас не трогайте.

И как опасно нарушение этого контракта, очень хорошо показали властям события, известные многим присутствующим. События в Новочеркасске.

Конечно, интеллектуальный уровень советского руководства был ужасающим. Это по документам очень хорошо видно.

Короткая история всего, что произошло в Советском Союзе, неплохо описывается одной выпиской из материалов Политбюро ЦК КПСС. Она звучит так. «О товарище Засядько. Товарищ Засядько вышел из запоя. Резолюция: Назначить товарища Засядько министром на Украину». Так что там уровень был интеллектуальный своеобразный.

Но вот то, что они пришли к власти в результате процесса, который начался, когда солдаты отказались стрелять в народ, который протестовал против продовольственных очередей, вот это они хорошо понимали. И для них страх того, что когда-то еще раз возникнет нечто подобное, что возникло в Петрограде в 1917 г., когда солдаты, получив прямой приказ от царя, от генерал-лейтенанта Хабалова¹, возьмут и откажутся стрелять в народ, и после этого режима не станет через 36 часов, — вот то, что это случится с ними, они очень хорошо понимали. Особенно после Новочеркаска, когда солдаты сначала отказались стрелять. Пришлось же им перебрасывать войска из Ростова. Внутренние войска. И давать прямые указания открывать огонь на поражение. Только после этого они смогли восстановить контроль над городом. Идея того, что если это могло быть в Новочеркасске, то почему не может произойти в Москве и Ленинграде, у них она была.

Поэтому решение, чтобы взять и в 5 раз повысить цены на мясо или ввести карточную систему с нормой выдачи хлеба в Москве 400 грамм на человека в день, конечно, просто не обсуждалось вообще, как тема полностью табуированная.

Хорошо. Что еще тогда можно было сделать?

Первый вариант — конфликт с народом — невозможен.

Второй вариант. Конфликт с элитами. Можно было резко сократить военное производство. Соответственно, резко сократить все капитальное строительство. Остановить заводы, которые работа-

¹ С июня 1916 г. — командующий войсками Петроградского военного округа. 24 февраля 1917 г. ему была передана вся полнота власти в столице. — *Прим. ред.*

ют на импортных комплектующих. Остановив военное производство, использовать часть высвобождающихся ресурсов — никель, титан, сталь — для увеличения поставок на мировой рынок. Попытаться на этой основе как-то компенсировать выпавшие нефтяные доходы.

Но это полный конфликт, во-первых, со всей элитой. С тем же Пленумом ЦК КПСС. Здесь сидят первые секретари обкомов, министры. Ты им скажешь, что им капитальных вложений больше не дашь? Что тот завод, который они предполагали, что будет построен, построен не будет? Это означает остановку заводов в моногородах. Ничего себе!

Выбрав этот путь, Горбачев не имел шансов пройти следующий пленум ЦК КПСС, это совершенно очевидно. Надо понять, что и народ, и элита, они ведь не понимают, что происходит. Но все это можно делать, когда либо у народа, либо у элиты, либо у элиты и народа есть понимание чрезвычайности происходящего. Что вообще произошла такая катастрофа, что жизнь как обычно не получается. Вот если мы сейчас всего этого не понимаем, представьте себе, как это понять советской элите и советскому народу образца 1985–1986 гг.? Это задача, не имеющая решения.

Еще одно направление, по которому можно было бы попытаться двинуться. Это, конечно, резкое сокращение поддержки вассальных режимов. И в первую очередь, конечно, это прекращение поставок нефти, нефтепродуктов и газа по субсидируемым ценам на бартерных контрактах в страны восточноевропейской советской империи и Кубу.

Эта тема обсуждалась. Она обсуждалась. Не так, чтобы совсем остановить, а просто в каких масштабах сократить. Эта тема обсуждалась, но советское руководство пойти по этому пути толком не решилось. А не решилось оно в том числе и из-за факторов, связанных с афганской войной.

Дело в том, что наша европейская империя всегда была основана на идее — если надо, то мы употребим столько силы, сколько надо, чтобы подавить любое сопротивление нашей власти. Мы это продемонстрировали в ГДР в 1953 г., мы это продемонстрировали в Венгрии, мы это продемонстрировали в Чехословакии. Когда в этом все убеждены, тебе даже не надо силу использовать. Просто потому, что все понимают, что это бессмысленно: против лома

нет приема. Скажем, в очень сложной Польше очень сильная «Солидарность» тем не менее прекрасно понимала в начале 1980-х (это видно по документам), что если они попытаются напрямую бросить вызов вассальному Советскому Союзу режиму, то действия советского руководства будут определенными и приведут к понятным результатам.

Но вот что на самом деле мало кто знает. Даже активные деятели этого периода в Польше, когда я им рассказывал об этих документах, этого не знали. Это то, что после того, как мы увязли в Афганистане, советское руководство с огромной настороженностью относилось к идее активного использования советских сил в Восточной Европе. И когда действительно режим в Польше был в очень сложном положении и Ярузельский¹ обращался к советскому руководству с вопросом, собираемся ли мы вести туда войска и использовать свои вооруженные силы для того, чтобы удерживать ситуацию под контролем, он получил от Суслова² абсолютно однозначный, документированный ответ, суть которого в следующем: ни при каких обстоятельствах мы этого делать не будем. Делайте сами. Они, собственно, и сделали.

Но после того, как они это сделали, они приехали в Москву и сказали: «Понимаете, после того, как мы это сделали, западные кредиты для нас закрыты. Дайте нам немедленно 2,7 млрд долларов. Сейчас. И еще 2 млрд чуть позже. Потому что иначе мы никак ситуацию под контролем не удержим». И к 1985 г. стабильнее она не стала.

У советского руководства было понимание, что сейчас мы, увязнув в Афганистане, вряд ли готовы открывать «второй фронт». А если мы не готовы, то, значит, нам надо кормить и подкармливать вассальные режимы. А если мы перестанем подкармливать, так они развалятся. Польша не Чехословакия. После того как

¹ *Ярузельский Войцех Витольд* (1923–2014) — польский военный и государственный деятель, министр обороны Польши (1969–1983), с февраля 1981 г. — Председатель Совета министров ПНР, первый Президент посткоммунистической Республики Польша (1989–1990). С 12 по 13 декабря 1981 г. он ввел военное положение, интернировал лидеров «Солидарности», составлявших основную оппозицию власти партии. — *Прим. ред.*

² *Суслов Михаил Андреевич* (1902–1982) — советский партийный и государственный деятель, член Политбюро ЦК КПСС. Пик карьеры М. А. Суслова пришелся на времена Брежнева, хотя влиятельным деятелем он был уже при Сталине и Хрущеве. Являлся идеологом партии, и его иногда называли серым кардиналом советского строя. — *Прим. ред.*

в Польше приходит враждебное по отношению к СССР правительство, вся Восточная Европа вообще просто перестает существовать. Мы оговариваем сценарий капитуляции, потому что после этого у нас коммуникации на Западную группу войск оказываются под контролем недружественных нам сил. Просто бессмысленно их там держать.

Те, кто постарше, помнят историю кубинского кризиса. Помнят, как вывод ракет с Кубы ударил по авторитету Хрущева и был одним из важнейших факторов его политического краха. А тут взять и отдать на ровном месте все завоевания Второй мировой войны! Да вы что?

И тогда советское руководство принимает решение очень, я бы сказал, ответственное, сильное. Закрывать глаза и ничего не делать.

Но ничего не делать можно только в одном случае. Тебе же никто даром не будет поставлять ни зерно, ни мясо, ни масло, ни комплектующие. Закрывать глаза — это значит начать бурно брать кредиты для того, чтобы в общем сохранять существующие объемы закупок. Это, собственно, то, что Советский Союз и начинает делать с 1985 г.

Так вот. Мы начинаем бурно наращивать заимствования. Удобно то, что у Советского Союза в это время прекрасная кредитная репутация. После того как мы отказались платить по царским долгам, мы всегда очень аккуратно рассчитывались по любым своим обязательствам. Поэтому по состоянию на 1985–1986 г. у Советского Союза возможности коммерческих заимствований в рамках разумного просто не ограничены. Сколько надо. Приходите, гости дорогие!

Что мы, собственно, начинаем быстро делать. То есть мы не сокращаем импорт. Мы практически не увеличиваем экспорт. Нам нечего увеличивать. Мы чуть-чуть сокращаем долю в Восточную Европу уже после того, как цены рухнули, потому что Польшу не решаемся тронуть. И начинаем бурно заимствовать. В это время и возникает основное тело того долга, которое потом составило 110 млрд долларов по состоянию на момент краха Советского Союза.

Хорошо. Мы заимствуем. Но дело в том, что всей этой длинной хорошей кредитной репутации, ее навсегда же не хватает. Да, мы заимствуем в 1985 г., мы заимствуем в 1986 г., мы заимствуем в 1987 г., мы заимствуем в 1988 г., а в конце 1988 г. — начале 1989 г.

советское правительство получает набор так называемых срочных секретных донесений от Внешэкономбанка, суть которых состоит в том, что нам перестают больше давать в долг на коммерческих основаниях.

Тут у меня куча документов по этому поводу. Не буду сейчас читать вам. Скучно.

Генеральная идея такая. Мы ведем переговоры о привлечении синдицированного кредита крупных международных банков. Из 250 приглашенных банков соглашаются участвовать 5. Остальные говорят, что у нас лимиты кредитования на Советский Союз исчерпаны. А потом нам просто говорят, руководство «Дойче-банк», руководство «Вестминстер-банк», они говорят Внешэкономбанку, говорят заместителю председателя правительства по внешнеэкономическим связям, что все, больше в тумбочке денег нет и не будет. Не ждите. Ни на каких основаниях.

А еще надо учесть, что долг у нас довольно короткий. Мы же никогда на 30 лет не занимали. Мы занимаем максимум на 5 лет. Очень большая часть долга — это годовые долги. Некоторые — еще более короткие. То есть, когда и если тебе говорят, что тебе перестают давать в долг, это значит не просто, что тебе перестали давать в долг, чтобы ты обслуживал свои 40 млн тонн импорта зерна. Тебе говорят: «Теперь ты возвращай все, что ты у нас занимал последние 3 года. А если не хочешь, тогда иди к государствам, а к нам, банкирам, больше не приходи».

В какой-то момент коммерческие банки Соединенных Штатов отказываются предоставлять Советскому Союзу кредиты под закупки зерна, которые гарантированы американским правительством на 98%. Риск в 2% для них неприемлем. Либо вы договариваетесь с американскими властями, что риск не 98, а 100%. Либо мы, к сожалению, никак не можем поучаствовать в кредитовании вашего зерна на импорт.

К концу 1988 — началу 1989 г. советским властям становится ясно, что либо произойдет полная, окончательная катастрофа — экономическая и политическая, связанная с прекращением импорта, — либо им надо договариваться с ведущими государствами Запада. Собственно, в 1985 г. идея, что мы сможем обменять беспрецедентные внешнеполитические уступки на государственные, политически мотивированные кредиты, не могла привидеться со-

ветскому руководству и в кошмарном сне. А к 1989 г. это становится важнейшей темой в ведомственной переписке, в обсуждении на высшем уровне, в обсуждении между советскими лидерами и лидерами Запада.

Но политически мотивированные кредиты, они потому и политически мотивированы, что они предполагают торг. И торг не чисто экономический. Торг политический. Если тебе нужны позарез политически мотивированные кредиты, тогда играй по понятным и принятым среди тех, у кого ты хочешь попросить эти кредиты, правилам. Одно из этих понятных правил, потому что мы имеем дело с демократическими режимами, это то, что ты должен учитывать реакцию общественного мнения.

Попросту говоря, к концу 1988 — началу 1989 г. советскому руководству становится ясно, что даже при желании мы не можем себе позволить никакие интервенции в Восточной Европе для поддержки вассальных режимов, если мы хотим надеяться на политические кредиты и, соответственно, надеяться на то, что мы каким-то образом удержим ситуацию, удержим власть.

Но дело в том, что это понимает не только наша элита. К началу 1989 г. это становится совершенно очевидно для той же польской политической элиты, да и вообще для восточноевропейских политических элит. Как только общество, скажем, в Польше, и элита в Польше понимают, что советские войска на помощь не придут, все эти режимы начинают просто рушиться, как карточные домики. В течение одного года — 11 месяцев на самом деле, — с момента, когда это становится очевидным, все они перестают существовать. Причем даже там, где режимы были готовы применять сколько угодно силы. Все равно после того, как стало ясно, что за ними нет большого старшего брата — Советского Союза, они не удерживаются. Даже Чаушеску, который был кровав бесконечно.

С этого момента судьба Восточно-Европейской империи полностью определена.

Хорошо. Но дело в том, что представления Запада и западного общественного мнения о том, как полагается себя вести, если хочешь нашей поддержки, не ограничивается Восточной Европой. Представление о том, что своих граждан лопатками бить по голове нехорошо, широко распространено в мире.

Еще раз подчеркну, суть стабильности режима — в том, что и народ, и элита всегда готовы к тому, что режим прольет столько крови, сколько надо, чтобы удержаться у власти. Как только общество понимает, что нет, он не способен это сделать, после этого режим начинает просто разваливаться.

Когда возникают проблемы в Прибалтике, когда там возникают довольно сильные национально-освободительные движения, их руководство приходит к американцам, сюда в посольство, и спрашивает, если они провозгласят независимость, признают ли их американцы и поддержат ли. Это хорошо описано.

Американское посольство по совету руководства страны говорит: «Нет, ни при каких обстоятельствах мы вас не признаем. До тех пор пока вы реально не будете контролировать ситуацию в стране. И ничем гарантировать вашу безопасность мы не можем и не будем. Чтобы вы это хорошо понимали».

Но параллельно, когда мы начинаем использовать военную силу в Прибалтике, советское руководство получает совершенно однозначный сигнал о том, что, если вы хотите войсками хорошенько попользоваться, пожалуйста, просьба не беспокоить нас по поводу 100 млрд кредитов, о которых вы нас просите.

Те, кто не знает детали, думают, что это колеблющаяся политика Горбачева конца 1980-х — начала 1990-х гг., связана просто с тем, что он слабый, такой неуверенный: он то с одними, то с другими, то с Ельциным, с демократами, потом с Крючковым¹, потом опять с Ельциным. А у него, в общем, область допустимого значения нулевая. Сохранить империю, не применяя силу, нельзя. Применяя силу, получить политически мотивированные кредиты — нельзя. Не получив политически мотивированных кредитов, сохранить режим нельзя. Точка.

Собственно, с этого времени судьба режима решена. Да, начинаются массовые задержки платежей, начинается прекращение поставок. Поставок медикаментов. А у нас 50% медикаментов — импортные. Начинают прекращаться поставки хлеба. Мы реально не можем оплачивать фрахт. Министерство внешних экономических связей вводит отчетность по поводу того, сколько мы имеем

¹ Крючков Владимир Александрович (1924–2007) — советский государственный деятель, в 1988–1991 гг. председатель КГБ СССР; с 18 по 21 августа 1991 г. — член ГКЧП. — *Прим. ред.*

неплатежей по внешним контрактам. После этого у нас усиливается кризис в той же нефтяной отрасли, за счет которой хуже или лучше экономика как-то функционирует.

Один документ я вам все-таки процитирую. Он характерен. Это стенограмма совещания у Рыжкова, председателя Совета министров, от 17 сентября 1990 г. До краха Советского Союза примерно год.

Маслюков, председатель Госплана: «Мы понимаем, что единственный источник валюты, это, конечно, нефтяной источник. У меня такое предчувствие, что если мы сейчас не примем все необходимые решения, то мы следующий год можем провести так, как нам и не снилось. Это все нас подведет к самому настоящему краху. Не только нас, но и всю нашу систему».

Рыжков: «Нужны гарантии “Внешэкономбанка”, а он не может их дать. Я вижу: не будет нефти, не будет экономики страны».

Вот примерная тональность. Самые употребляемые слова в полном тексте стенограммы: «катастрофа», «неизбежная катастрофа».

Нет валюты, нет поставки комплектующих для нефтедобычи, падает нефтедобыча. Она падает в 1991 г. больше чем на 50 млн тонн. И цифры, которые на этом совещании казались абсолютно катастрофическими, по поводу чего Рыжков говорит, что если будет так, то экономика страны рухнет, на самом деле они были на 30 млн меньше по итогам 1991 г. Там экономика входит в режим совершенно спокойного, свободного падения.

Начинается, естественно, падение общего объема импорта со второго полугодия 1990 г. А к 1991 г. ситуация уже была абсолютно и очевидно катастрофичная.

Обычно говорят, что история не знает сослагательного наклонения. И обычно это так. Но вообще-то не всегда.

Инициаторы августовского переворота видели приближающийся крах, конечно. Им казалось, что это из-за слабости, нерешительности Горбачева. Он не решается применить силу. Но следующие три дня блестяще показали, что не из-за нерешительности Горбачева, а из-за того, что происходит в стране, как относятся к режиму, как люди оценивают сложившуюся ситуацию.

Опросы ВЦИОМ показывают, как оценивают россияне по состоянию на лето 1991 г. положение в стране. «Катастрофическое». Чего люди боятся? Люди боятся голода и паралича систем жизнеобеспе-

чения. Когда люди думают, что страна сможет выйти из кризиса? Примерно половина опрошенных: не раньше 2000 г. Вторая половина: никогда.

Если вы помните историю ГКЧП, Валентин Сергеевич Павлов¹, который в экономическом положении, сложившемся в Советском Союзе, понимал больше, чем другие участники ГКЧП, напился до такой степени, что впал в глубокий гипертонический криз. Честно говоря, я не спрашивал, почему он это сделал. Но смотря на документы, с которыми работал, я думаю, что он просто очень хорошо понимал политэкономия краха этой попытки переворота. Допустим, вы удержали положение. Допустим, вы передавали танками столько людей, сколько нужно для этого нужно было делать. А что, после этого валюта появилась? Появилось зерно? У нас появились запасы зерна, которые с колес поставляем на элеваторы на 2–3 дня? После этого нам кто-нибудь даст 100 млрд политически мотивированных кредитов? Или, может, для нас откроются кредитные рынки?

То есть там, на самом деле, ясно было, что режиму тогда придется идти на страшно болезненные меры. Причем режиму нелегитимному, непопулярному.

Собственно, с этого времени история Советского Союза была закончена. Дальше началась история очень тяжелой адаптации к новым реалиям. Потому что цен в 80 долларов больше не будет. Потому что таких объемов зернового импорта не будет. Соответственно, и дальше все, что происходило, было по большому счету задано этим. Дальше были разные экономические политики, они менялись. Где-то они были лучше, где-то хуже. Но в общем просто мы получили в 1991 г. ситуацию, которую мы имели в 1985 г. Но в 1985 г. мы ничего не сделали, чтобы на нее реагировать. Потом мы накопили безумный неуправляемый долг. И потом все это все равно рухнуло. А потом дальше начался период очень тяжелой адаптации.

Еще один вопрос, который меня всегда занимал при анализе происходившего процесса, связанного с крахом Советского Союза, советской экономики. Это то, почему Советский Союз и страны,

¹ Павлов Валентин Сергеевич (1937–2003) — премьер-министр СССР, — единственный, занимавший должность с таким названием, — с 14 января по 28 августа 1991 г., с 18 по 21 августа 1991 г. — член ГКЧП. — *Прим. ред.*

которые стали его преемниками, не пошли по югославскому сценарию развития событий. То есть почему при всех проблемах, которые были, кровавая каша, которая заварилась в Югославии, у нас не заварилась.

Если бы вы спросили в 1990 г. человека, который считает себя экспертом по Советскому Союзу и Югославии (кроме, может быть, самых проницательных), если развалится Югославия и Советский Союз, где больше риски кровавой междоусобной войны? 999 из 1000 экспертов вам сказали бы, что вы задаете глупый вопрос: конечно, в Советском Союзе.

Югославия в это время просматривалась как страна, из социалистических стран наиболее близко подошедшая к вступлению в Евросоюз. В ней была рыночная экономика на протяжении десятилетий. Она была очень тесно интегрирована в мировую рыночную экономику. Там был достаточно либеральный политический режим. Там миллионы людей ездили за границу или работали на Западе, приезжали обратно работать. То есть идея, что именно в Югославии, а не в Союзе все это взорвется страшно, мало кому приходила в голову.

Вот сейчас, когда я пытаюсь понять: а почему это все так произошло? Я знаю довольно хорошо Югославию. Я там жил, хорошо язык знаю, людей знаю, которые принимали решения. И знаю, как это происходило в Советском Союзе. У меня две гипотезы. Такие вещи нельзя доказать. Можно сформулировать гипотезу. У меня есть гипотеза, которой я верю как человек, достаточно информированный.

Первая гипотеза связана с субъективным фактором. На самом деле роль личности в истории больше, чем это казалось классикам марксизма. Да, условия действительно задают фон, когда вам приходится принимать решения. А все-таки какое решение ты принимаешь, очень во многом зависит от тебя. Поверьте мне.

И тут, конечно, очень сильно сыграла роль личности. С одной стороны Милошевича¹, а с другой стороны Бориса Николаевича. По странному стечению обстоятельств я довольно хорошо знаю не только Бориса Николаевича, но и Милошевича. Лично мы с ним

¹ Слободан Милошевич (1941–2006) — югославский и сербский государственный и политический деятель, в 1997–2000 гг. президент Союзной Республики Югославия. — *Прим. ред.*

не знакомы, мы никогда не встречались, но я прекрасно знаю его старшего брата. Просто он был одним из самых близких друзей моего отца, Тимура Аркадьевича Гайдара. Они бесконечное количество раз встречались. Я с ним бесконечное количество раз встречался в разные годы, поэтому я довольно хорошо понимаю, что там было.

Милошевич — это умный человек, хорошо понимающий экономику. Имеющий опыт работы в рыночной экономике. И с точки зрения своих экономических взглядов — вполне либеральный. Но он был лидером коммунистической партии Сербии во время, когда кризис коммунизма как идеологии стал очевидным. И надо было искать другую альтернативу.

Он прекрасно понимал, что в Сербии, которую долгие годы возглавлял хорват Тито и в которой он сделал немало для того, чтобы, не дай бог, страна превратилась в Сербскую империю, потому что тогда бы она просто не сохранилась. Это он понимал хорошо. В Сербии использовать тему угнетенного положения сербов в Югославии — это такая карта, с которой невозможно проиграть политическую игру. Совсем. Сказать, выступая по сербскому телевидению: «Мы никому не дадим унижать сербов. Мы не позволим бить сербов. Мы защитим сербов по всей Югославии. Мы пересмотрим несправедливые границы, которые навязал нам коммунистический режим» — все, миллионный митинг в Белграде, 90% поддержки на референдуме. Ты не займешь эту нишу — ее займет кто-нибудь другой. И ты не будешь сидеть в своем дворце.

То есть для него, по большому счету, это все давало очень ограниченное поле для маневров. Но надо же понимать, что как только в Югославии лидер Сербии говорит: «Мы никому в Хорватии не дадим обижать сербов. Мы защитим права сербов в Краине», так сразу в Хорватии приходит лидер, который говорит: «Мы никому не дадим вмешиваться в наши внутренние дела. Территориальная целостность Хорватии будет защищена. Если это надо, то с оружием в руках». И так далее. И можно понять, что после этого говорит лидер мусульман в Сараево. После этого кровавая каша заваривается, и ее уже ничем не остановишь.

В России, конечно, Ельцин был коммунистическим лидером. Но он был «падшим ангелом». Он был как бы пострадавшим за народ с точки зрения общественного мнения, которое в Москве от-

дало ему 90% голосов в 1989 г. История коммунизма все-таки была в Советском Союзе совсем другая. Она была и в Югославии довольно кровавой, но несопоставимо менее кровавой, чем у нас. Если там он пришел к власти на фоне национально-освободительной борьбы против немцев, а у нас — на фоне кровавой гражданской войны. В этой связи ненависть к коммунистической элите, которая, конечно, в это время была очень сильной в стране, это была та база, которую Ельцин мог избрать в качестве основы своей политической стратегии. Поэтому ему не надо было говорить о том, что он будет великим русским националистом и покажет кузькину мать украинцам, отберет у них Левобережную Украину и Крым. Он мог позволить себе всего этого не делать.

Это был субъективный фактор.

Объективный был еще один. Это ядерное оружие. Тема закрыта публично. Она никогда не обсуждалась напрямую. На самом деле все ключевые участники переговоров в Беловежской пуще прекрасно понимали, о чем идет речь. И если стратегическое ядерное оружие еще более или менее управляемо из Москвы, то тактическое ядерное оружие применяется по решению руководства военных округов. И как только вы начинаете обсуждать вопрос о территориальных претензиях к Украине, к чему это ведет после этого? Ну, совершенно очевидно.

Ельцина бесконечно много упрекали, что он безответственный, странный человек. За то, что, когда подписывались Беловежские соглашения, он не включил в них пункт о том, что вопрос о Крыме выносится за пределы этих соглашений. Это забавно, особенно когда ты знаешь, что он провел многие-многие часы в переговорах с Кравчуком на эту тему, и ответ Кравчука был предельно простой и абсолютно определенный. Единственно возможный для президента Украины. Он был такой: «Ну, хорошо, спасибо. Я улетаю». Это значило, что безумие с 31 500 ядерными зарядами, с непонятно кем управляемыми в реально разных странах, с которыми нет никаких договоренностей, остается. И чем это кончится, никто не знает. И очень мало кто знает даже из информированных людей, что ценой Беловежских соглашений были подписаны 30 декабря 1991 г. соглашения о выводе стратегических и тактических ядерных вооружений из всех государств вне России. Это был один из стержневых моментов всех внутривосточных дебатов последующих трех лет.

Мне кажется, что здесь ядерное оружие сыграло в нашей внутренней политике примерно ту же роль сдерживающего фактора, которую оно играло во внешней политике времен холодной войны.

Дорогие друзья, я на этом остановлюсь и с удовольствием отвечу на ваши вопросы.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, а почему не обсуждался вариант, который бы я назвал «китайским»? Они сталкивались с подобными вызовами, но пошли немножко по-другому пути. Назовем это либерализацией в аграрном секторе и дальнейшей либерализацией в промышленности в городах.

Егор Гайдар: Вы знаете, Китай никогда с таким вызовом не сталкивался. Китай никогда не был страной, зависящей от конъюнктуры нефтяного рынка и крупным его экспортером. История Китая немножко несимметрична по отношению к истории Советского Союза. Китайский выбор конца 1970-х — начала 1980-х гг. был сделан на уровне развития, поразительно напоминающем тот, на котором находился Советский Союз во время великой дискуссии по стратегическим направлениям индустриализации 1928–1929 гг. Он просто до процентных пунктов соответствовал показателям СССР 1928–1929 гг.

Китайский опыт показывает, что бухаринская альтернатива по крайней мере была не бессмысленной для решения проблем индустриального развития социалистической страны с нашим уровнем развития. То есть сочетанием в аграрной стране авторитарного коммунистического режима, но при этом который не закрепощает крестьян, который не разоряет деревню, где промышленное и аграрное развитие идут параллельно, где экономика не закрытая, а открытая, интегрированная в мир.

Конечно, всегда дело в деталях. Мир конца 1920-х гг., глобальный мир, существенно иной, чем мир конца 1970-х гг. Сказать, в какой степени эта линия могла тогда быть реализована, это очень трудно. Но великие дебаты, все, что связано с экономической политикой 1927–1929 гг., — это и были дебаты о китайском пути развития. Но обсуждать вопросы о китайском пути развития в 1985 г. в высоко индустриализованной экономике с разоренным сельским хозяйством, с очень небольшой долей аграрного сектора, да к тому же столкнувшегося с резким падением нефтяных цен, к сожалению, было бессмысленно.

Причем, надо сказать, что руководство было достаточно компетентным, чтобы этого не понимать. Если вы посмотрите на решения, которые принимались в 1985, 1986, 1987 г., там влияние китайского опыта абсолютно очевидно. Просто надо было понимать, что то, что возможно в Китае с его структурой экономики в 1979–1982 гг., абсолютно бессмысленно пытаться пробовать в России в 1986–1987 гг.

Вопрос: *Егор Тимурович, что-нибудь изменилось в экономике с конца 1980-х гг.? То есть при падении цен на нефть есть ли пути выхода?*

Егор Гайдар: Да, конечно изменилось очень многое. Экономика России сегодня гораздо более, чем экономика Советского Союза середины 1980-х гг., способна адаптироваться к новому витку падения среднего уровня нефтяных цен.

Осталась проблема. Если вы спросите у меня: «А какая сегодня доля нефти, нефтепродуктов и газа в России в общем объеме нашего экспорта на конвертируемую валюту? И какой она была в Советском Союзе?», я должен буду с грустью сказать, что она точно такая же. Примерно те же 65–70%.

Причем сейчас у нас довольно динамично растет машиностроительный экспорт в отличие от Советского Союза. По доле машиностроения в объеме экспорта мы выросли по сравнению с периодом СССР в 4 раза. Он тогда был в районе 2,5%, а сейчас он колеблется в районе 10%. Это в том числе связано с тем, что Советский Союз не мог на конвертируемую валюту поставлять вооружение, а мы поставляем.

На фоне колебаний цен от 20 до 70 долларов весь наш машиностроительный экспорт все равно не дает нам возможности сделать экономику независимой от конъюнктуры сырьевых экспортов.

Что сейчас лучше? Во-первых, то, что экономика рыночная. В этой связи в ней есть автоматические механизмы адаптации, которые действуют и в других нефtezависимых, но рыночных экономиках. Скажем, девальвация национальной валюты например. Когда у нас цены упали в 1998 г., правда не в 6 раз, а в 2 раза, и все рассказывали, как у нас вся экономика развалится, она не развалилась. Там были серьезные проблемы для банковской системы, многие люди потеряли вклады, но экономика начала довольно неплохо расти потом.

А вот советская экономика начала в такой же ситуации разваливаться. В чем разница? В чем дело? Потому что это рыночная экономика. В рыночной экономике есть резервные мощности. И вы отвечаете на падение импорта не развалом экономики, а увеличивается доля национального производства в общем объеме потребляемых продуктов в стране.

Второе. Конечно, Советский Союз, будучи крайне зависимым от такого неустойчивого параметра, как цены на нефть, от нефтяных доходов, проводил поразительную политику: он никогда не создавал значительных валютных резервов. Валютные резервы советского периода в момент пика были примерно раз в 12 меньше, чем сегодня. Там все базировалось на идее, что теперь высокие цены на нефть навсегда. Но кое-какие уроки мы извлекли. Еще раз подчеркиваю, наш Стабилизационный фонд по доле ВВП меньше норвежского в 12 раз, тем не менее он несопоставимо выше, чем когда бы то ни было в Советском Союзе. У нас есть некоторые элементы — амортизаторы, позволяющие хотя бы выиграть время для приспособления к изменившимся реалиям нефтяного рынка.

Вопрос: *Егор Тимурович, Вы охарактеризовали действия советского правительства: «закрыли глаза и ничего не делают». А как Вы оцениваете инициативы нынешнего российского правительства? Национальные проекты и так далее.*

Егор Гайдар: Я не могу доказать эту гипотезу, но на основе большого жизненного опыта и знаний того, что происходит в нефтедобывающих странах, я глубоко убежден, что есть сильная негативная корреляция между уровнем нефтяных цен и уровнем IQ руководства страны.

Я сказал бы так. Тем, кто принадлежит к моему поколению и более старшим, не трудно понять эту истину, вспомнив картину брежневского политбюро на трибуне мавзолея в период максимальных за всю историю рынка цен на нефть.

Вопрос: *Можно было бы по-другому все сделать?*

Егор Гайдар: К тому времени, когда я пришел работать в российское правительство, катастрофа уже произошла. И мы должны были каким-то образом управлять уже свершившейся катастрофой. Мне это было прекрасно понятно. Я не все понимал в технических деталях, но что это именно так, это было совершенно очевидно.

Я не очень хочу входить в технические детали. Объясню на пальцах. Задача, которая перед нами стояла с точки зрения экономической теории, не имела решений. Вообще не имела — ни хорошего решения, ни плохого решения. Она вообще не имела никакого решения. В любом самом лучшем учебнике или в любых 50 лучших монографиях, написанных на эту тему, вы прочтете, что эта проблема неуправляемая. Не буду входить в детали.

Меня как-то попросили выступить по этому поводу. Это одно из самых важных экономических событий XX в. На маленьком, узком семинаре в университете в Южной Калифорнии, который проводил один из самых глубоких экономистов XX в. профессор Харборкер, присутствовала масса его учеников, которые были либо нынешними, либо действующими председателями центральных банков или министрами финансов, я рассказал, что у нас происходило, а потом спросил: «Здесь собралось такое количество очень опытных и знающих людей, которых я глубоко уважаю. Знаю их репутацию, их историю. Скажите мне, что бы вы сделали на моем месте?».

Такая длинная, длинная пауза, после чего действующий министр финансов одной большой страны сказал: «Лучше всего в этой ситуации застрелиться. Все остальные решения намного хуже».

Разумеется, это не значит, что сегодня, имея совершенно несопоставимый объем опыта постсоциалистического развития нашей страны, 27 других стран, я бы массы вещей не сделал бы иначе. Этого опыта тогда ни у кого не было. Не то что у нас, — ни у кого не было.

Конечно, мне было бы бесконечно приятнее, если бы массу вещей можно было бы поменять. Просто с точки зрения профессионального самосознания.

Вопрос: *Появились ли новые идеи развития аграрного сектора с советских времен?*

Егор Гайдар: Главное, что все-таки произошло в аграрном секторе после того, как он действительно бесконечно тяжело приспособивался, поскольку вся стратегия его развития последних трех десятилетий потерпела полное крушение? Выяснилось, что все эти птицефабрики, все эти свиноводческие комплексы, все эти комплексы КРС, которые снабжались импортным зерном, дальше так снабжать нельзя. С выходом продукта на кормовую единицу зерна

в 4 раза меньше, чем в других странах. Так невозможно. Вся элита аграрная стояла как один и говорила, что главное, что надо сделать в секторе, который больше всего нуждается в реформах, ничего в нем не менять. Правда, откуда после этого возьмутся деньги на 45 млн тонн зерна, она никогда не говорила. «Ну, придумайте откуда-нибудь!»

Потом, понимание того, что перемены неизбежны, постепенно пришло в аграрную элиту. Сейчас людей, которые мечтают о восстановлении колхозно-совхозного строя, надо потрудиться поискать. Постепенно произошло укрепление частного сектора. Как и предполагала, кстати говоря, замечательный исследователь аграрных проблем России, профессор Серова¹, один из лучших специалистов по аграрной экономике. Реальные изменения пошли, в первую очередь, от пищевой промышленности, которая была адаптирована к рынку быстрее, чем сельское хозяйство. А потом именно она, создавая для себя ресурсную базу, начала инвестировать в коммерчески осмысленные, эффективные проекты. В общем, там сейчас все по большому счету идет более или менее нормально. Просто там нужно постоянство усилий и минимизация числа глупостей.

Вопрос: *Егор Тимурович, я хочу Вас вернуть в 2004 год. Потому что к этому времени мы из дефолта уже вылезли, как-то успокоились, устоялись, поверили в то, что что-то стабилизируется. Но страхи стали появляться: а не случится ли дефолт-2? Появлялись они и в мнениях аналитиков. Что происходило на тот момент в экономике страны? Что послужило основой таким слухам?*

Егор Гайдар: Я не видел никаких оснований опасаться нового дефолта именно по состоянию на 2004 г. Особенно по состоянию на 2003 г., 2002 г. Все равно еще раз подчеркиваю. Риски подобного рода развития событий в ресурсозависимых странах, включая Россию, никогда нельзя игнорировать, никогда нельзя считать нулевыми. Ими просто надо уметь управлять.

¹ Серова Евгения Викторовна — доктор экономических наук, профессор. В описываемое время — заведующая лабораторией аграрной политики Института экономики переходного периода, руководитель центра «Агропродовольственная политика», заведующая кафедрой прикладной микроэкономики Высшей школы экономики. — Прим. ред.

В чем разница ситуации сегодня и в 1998 г.? В 1998 г. у нас был большой, по отношению к ВВП и экспортным поступлениям, и короткий внешний долг. У нас была большая доля иностранцев на нашем коротком рынке ГКО. В этой ситуации, когда ты имеешь комбинацию — сочетание факторов риска, связанных с тем, что начинается никем не предсказанный в мире кризис в Юго-Восточной Азии, а инвесторы реагируют не на то, что происходит в Таиланде, они реагируют на то, что происходит в наборе стран, которые ассоциируются с проблемами, похожими на те, которые обозначились в Таиланде. В этой связи они начинают уводить деньги с развивающихся рынков в целом. Особенно с развивающихся рынков, которые не интегрированы в Европу, в смысле в Евросоюз.

Когда они начинают с этого короткого рынка уводить деньги, мы сталкиваемся с проблемой, с которой столкнулся Советский Союз в 1988 г. Нам нужны новые деньги, чтобы по меньшей мере рефинансировать ранее взятые кредиты. А нам говорят: «Нет. Кредитов новых не будет. Давайте расплачивайтесь по старым». И тут даже довольно большие, оговоренные, политически мотивированные кредиты, которые Советский Союз не получил, а мы получили, тем не менее оказываются недостаточными для того, чтобы справиться с кризисом, когда у тебя параллельно в 2 раза падают цены на твой важнейший экспортный товар, на нефть.

Сейчас у нас нет короткого долга. У нас нет присутствия активного нерезидента в нашем долге, в номинированных в рублях инструментах. Нам не нужны заемные деньги для того, чтобы обслуживать свой короткий долг. Отношение долга к ВВП неизмеримо ниже, чем оно было в России в 1998 г. Банковская система в гораздо меньшей степени подвержена влиянию рисков, связанных с девальвацией национальной валюты. У нас есть валютные резервы несопоставимые с теми, которыми мы обладали в 1998 г.

То есть в общем ситуация совсем не такая, как в 1998 г. Можно сказать, что давайте после этого расслабимся и не будем думать. Нет, нельзя.

Мы регулярно по просьбе разных экономических ведомств делаем прогнозы рисков. Я могу сказать, что при нынешней ситуации что бы ни происходило в российской экономике в этом году, в следующем году, в 2008 г., никаких серьезных факторов, ничего подобного 1998-му не видно.

Но это все в очень близкой перспективе. А вот когда мы сможем в 2009–2010 гг., этого совсем никто не гарантирует, потому что тогда все будет зависеть от того, какую мы будем проводить экономическую политику в 2007 и 2008 гг. Все это дает запас прочности только на 3 года, но не более того.

Вопрос: *Можно рассказать о нынешней экономической ситуации более подробно?*

Егор Гайдар: В целом экономика России довольно устойчиво и динамично растет последние восемь лет. Мы вышли из периода, который сейчас называется переходной рецессией. То есть периода, когда старые социалистические институты уже рухнули, а новые, которые обеспечивают рост, еще не созданы. Протяженность, как правило, составляет от 3 до 7 лет в разных странах. Она тем длиннее, чем тяжелее, чем дольше был период социалистического развития страны. Но все это уже позади.

Мы провели очень важные позитивные структурные реформы во время первого президентского срока Владимира Владимировича Путина, начиная от налоговой и кончая изменениями в земельном законодательстве. Это задало довольно позитивный фон экономического развития. В общем, нам удалось добиться перехода от восстановительного роста, когда мы растем за счет использования ресурсов, созданных еще в советский период, к инвестиционному росту. Инвестиции довольно динамично увеличиваются.

Финансовая политика и денежная политика остаются достаточно ответственными и консервативными. Мне бы хотелось, как и многим моим друзьям в правительстве, в Центральном банке, чтобы она была более ответственной и консервативной. Но в общем по всем международным стандартам она остается довольно ответственной и консервативной. И вызывает искреннее профессиональное уважение у многих председателей центральных банков, министров финансов стран, которые понимают, как тяжело управлять нефтяным богатством. За эту политику приходится бороться практически каждый день. Но пока еще мы не потерпели в ней непоправимых поражений.

Структурные реформы, конечно, остановились с 2003 г. Сейчас я знаю, что в Кремле после некоторых неудач, примерно такая позиция. Не умеете проводить реформу — лучше никаких и не проводите. С чем, в общем, я не могу не согласиться.

Конечно, постоянно возникают страннейшие предложения, с которыми приходится как-то бороться. Те, кто принадлежит к старшему поколению, может быть помнят начало компьютерной эры. Была такая популярная игра, которая называлась «яйцеловка». Там ты бегаешь и ловишь яйца. У меня такое ощущение, что я и мои коллеги последние года полтора все время играем в «яйцеловку». Пока как-то удается ловить, но это не значит, что все время будет так.

Конечно, очень высокие цены на нефть — колоссальный риск для национальной экономической политики. Мы это ощущаем.

Как-то мы обсуждали российские нынешние события и перспективы с главой нескольких крупнейших в мире компаний. В первую очередь все, что связано с отношением собственности, гарантиями отношений собственности и т. д. Он мне сказал примерно следующее. «Вы знаете, вы, конечно, делаете все, что можете, чтобы не пустить наши капиталовложения в Россию. Но я боюсь, что вы стараетесь недостаточно сильно».

Вопрос: *Егор Тимурович, я бы хотела услышать Вашу точку зрения на наши непростые отношения с Украиной. Как Вы считаете, чего там больше: политического расчета, экономических интересов или каких-то национальных комплексов?*

Егор Гайдар: Я думаю, что все наши отношения с Украиной последнего времени, — это яркая иллюстрация того социально-политического и психологического комплекса, который называется «постимперский синдром».

Мы отнюдь не последняя империя, которая распалась в XX в. Уж если быть точным, из всех государств, которые называли себя империями, мы просто последнее государство, которое распалось в XX в. Распад империй в XX в. тоже не случайность. Это результат радикально изменившегося мира. Я довольно подробно об этом пишу в книге. Когда империя разрушается, что неизбежно, постимперская ностальгия — очень характерное чувство для общества и политической элиты.

Скажем, даже в Британской империи, роспуск которой в профессиональной литературе рассматривается как пример поразительно эффективного и бескровного процесса, где британская элита просто поняла, что в изменившемся мире пытаться сохранить империю — это обречь себя на кровавую баню с неизбежным по-

ражением. И решила быстро и организованно ее распустить. Даже там в 1950-е гг. тема постимперской ностальгии, имперского величия, предателей, которые лишили нас этого имперского величия, — очень активная тема, обсуждаемая обществом. Особенно в кругах, которые были близки к консервативной партии и всегда воспринимавшие себя как наследники этих имперских традиций.

Уж не говоря о Франции, где роспуск империи просто чуть не привел к краху демократии, военному перевороту. Был момент во французской истории, когда там военные и радикалы взяли под контроль Корсику. Когда представителей министерства обороны спросили журналисты: не собираются ли гражданские власти использовать силу, чтобы восстановить свой контроль над островом, — представитель военного министерства сказал: «Какая у них сила?». То есть там все было очень близко.

Причем известно, что территориально интегрированные империи, то есть не заморские империи, как та же Французская или Британская. А территориально интегрированные, такие как Австро-Венгерская, или Османская, или Российская распадаются особенно тяжело. Потому что колонистов можно посадить на корабли и привезти обратно во Францию. А здесь речь идет о людях, которые поколениями жили и воспринимают эту страну как свою, как судетские немцы. И там нет простых ответов.

В этой связи возникает просто тяжелейшая форма эксплуатации этого постимперского синдрома. Очень опасная. К сожалению, вошедшая в моду в российской политике в последние годы.

Вообще, то, что игра на постимперском синдроме — политическое ядерное оружие, это давно хорошо известно. Для того чтобы выйти на Первый канал телевидения и буквально за 25 секунд сказать, что мы никогда не были побеждены на поле брани, что нам нанесли удар ножом в спину, что делали это предатели-инородцы, но теперь мы сильные, мы вновь покажем, какие мы крутые, мы отберем обратно наше национальное богатство и соберем бывшие части империи вокруг России. Для того чтобы это все сказать, никакого ума и политического таланта не надо. Для того чтобы объяснить, почему все это страшно опасно для твоей собственной страны и абсолютно контрпродуктивно для ее будущего, ее места в мире, отношений с соседями, — нужна аудитория, которая готова и способна слышать, и 25 минут времени по крайней мере.

Вот такая несимметрия.

Этой постимперской ностальгией не очень часто пользуются, потому что история показала: те, кто на ней играет, кончает очень плохо. Они наносят страшный удар по своим странам. И обычно их вешают. Иногда им удается застрелиться, как Гитлеру. Иногда вешают за ноги, как Муссолини. Поэтому многие стараются этого не делать.

Но когда этот ящик Пандоры оказывается открытым, дальше все это оказывает очень серьезное влияние на внутреннюю политику России и на наши отношения с соседями.

Вопрос: *Возвращаясь к вопросу о Стабилизационном фонде. Интересно было бы узнать Вашу точку зрения. Стабилизационный фонд России на сегодняшний момент — это недвижимый страховой оплот? Либо через какое-то время, при сохранении высоких цен на нефть, из него можно будет брать деньги? Как Вы считаете?*

Егор Гайдар: Я бы брал за ориентир действительно норвежскую экономику, норвежский стабилизационный фонд. Потому что он считается в мире образцом ответственной финансовой политики, богатого, хорошо устроенного государства, которое зависит от непредсказуемого параметра — нефтяных и газовых цен.

Мне показалось, что, когда и если мы доведем размеры нашего Стабилизационного фонда в долях ВВП до размеров, близких к тем, которые сегодня имеет Норвегия, я бы начал всерьез обсуждать вопрос о том, что и как дальше выстраивать финансовую политику. До тех пор пока он будет неизмеримо меньше по размерам, я бы использовал его как вложение, его надо использовать как высоколиквидные, надежные бумаги, которые позволяют в случае, если произойдет то, что уже происходило неоднократно в мировой экономике, не закрывать лавочку, как был закрыт Советский Союз.

Ведущая: *Прошу прощения. Я вмешаюсь. Я отличаюсь от всей аудитории тем, что я читала Вашу книгу. Поэтому в том примере про норвежский стабилизационный фонд я помню следующий абзац о том, что ни одно демократически избранное правительство Норвегии не было переизбрано на второй срок. Потому что каждый раз оппозиция использовала этот лозунг «А что же они не расходуют стабилизационный фонд?». А в отсутствие демократии, что мы наблюдаем в России, ситуация будет складываться по-другому.*

Егор Гайдар: Я полностью подтверждаю то, что Ирина Евгеньевна сказала. Но дело в том, что риски просто по-разному проявляются. Когда у вас устойчивая демократия, — да, есть огромный риск, что ваши оппоненты скажут: «Смотрите, эти сволочи не решают такие важнейшие проблемы, когда они лежат на мешках с деньгами. И как это можно?». И выигрывают на этом выборы. Но так как при этом они достаточно ответственные люди, не хотят разорить свою страну, выиграв выборы, они приходят в правительство и говорят: «Вы знаете, мы чуть-чуть ошиблись. Как-то мы недооценили риски, связанные с использованием стабилизационного фонда». После этого их оппоненты говорят: «Вы видите этих жуликов, которые обещали вам одно, а делают другое?». И вот так они могут меняться, не нанося большого ущерба стране.

Ведущая: *При этом ВВП на душу населения в Норвегии самый высокий в мире.*

Егор Гайдар: Индекс человеческого развития по крайней мере самый высокий.

Вопрос: *Одно уточнение. Скажите, пожалуйста, сыграла ли горбачевская антиалкогольная кампания такую большую роль, какую ей иногда приписывают, в экономическом крахе?*

Вопрос такой. Недавно в Иркутске была экономическая конференция, на которой была сказана серьезная вещь о том, что государство само тормозит развитие регионов. В частности, в Иркутске не принимаются решения по освоению двух очень значимых месторождений газоконденсатного и золоторудного — Сухой Лог. Вексельберг назвал это административной импотенцией.

Скажите, правомочно ли так называть действия государства сейчас?

Егор Гайдар: Первое. Антиалкогольная кампания. Да, она сыграла свою роль в определении механизма развертывания кризиса. Скажу так. Если бы руководство Горбачева понимало, что, собственно, происходит, и не делало бы таких очевидных ошибок, как антиалкогольная кампания или попытка форсировать темпы роста капитальных вложений как раз в то время, когда экономическая ситуация и так была крайне напряженной, развертывание кризиса пошло бы чуть более медленно. Для того чтобы развалить советскую экономику, понадобилось бы не 5 лет, а, возможно, 7.

Но если избирать тактику ответа на кризис — закрыть глаза и ничего не делать, — то можно было не начинать антиалкогольную кампанию. Ну, просидел бы в Кремле до 1993 г. Это первое.

Второе. Насчет качества принимаемых решений.

Я бы сказал так. Нынешнему правительству, на мой взгляд, процесс принятия решений не очень удастся. Это относится не только к природным ресурсам, а ко многим другим направлениям экономической деятельности. Я понимаю, что это плохо, что это сдерживает развитие регионов, но у меня есть такая гипотеза. Если уж не дается тебе процесс принятия решений, лучше не принимать. Потому что тогда можно таких наприносить, что мало не покажется.

Национализация нефтяной отрасли. Конечно, эта тенденция, движение в этом направлении очевидно. Я надеюсь, что эта тенденция, которая будет иметь ограниченный эффект для нефтяной отрасли. Но пока имеет. Если бы мне не пришлось приходить в правительство страны, в которой нефтяная отрасль полностью в руках государства и при этом самые характерные слова, используемые руководством этого государства к этой отрасли, — «катастрофа» и «крах», если бы я не знал, что из себя представляли государственные нефтяные компании по состоянию на 1991 г., если бы я не видел, как у нас добыча нефти в государственных компаниях падает больше, чем на 50 млн тонн в год, если бы я не видел эти государственные компании, в которых зарплату задерживают на 6–8 месяцев, которые 6–9 месяцев не платят налоги, в которых все финансовые потоки не прозрачны, сдержать падение добычи не удастся, вот тогда я бы, может быть, был бы способен поверить в то, что обратное движение от достаточно эффективно управляемых, прозрачных, быстро наращивающих капитальные вложения компаний к государственным может быть полезным для страны. Но я слишком хорошо это все знаю, чтобы поверить в эту историю.

Ведущая: *Я позволю себе задать следующий вопрос, чтобы еще раз вернуться к теме развала империи. На сегодняшний день меня, как любого думающего гражданина России, пугает та имперская риторика, которую употребляет все чаще и чаще наша власть. Ровно так же меня испугало послание президента Федеральному собранию, ибо я там услышала не призыв рожать, а призыв вооружаться и вести одновременно один глобальный и два-три локальных военных*

конфликта. Что, в общем, испугало. Я тоже Советский Союз хорошо помню.

Вот это нефтяное благоденствие в сочетании со все нарастающей имперской риторикой и имперскими амбициями мне кажется очень опасным. Удастся ли нам избежать и какие пути для того, чтобы избежать вот этого «нефтяного проклятия», которое развязывает руки имперским амбициям?

Егор Гайдар: Вы знаете, мне кажется, что здесь просто очень важно не оставлять усилий и называть белое белым, а красное красным. И объяснять, что если король все-таки не совсем одет, то желательно упоминать об этом. А то, может, и король как-то забыл о такой детали своего туалета.

Вопрос: *Егор Тимурович, первый вопрос короткий будет. Насколько актуальна поставленная задача, чтобы в ближайший год сделать рубль конвертируемым? Нужно ли это сейчас? Насколько это актуально?*

Второе. Когда Вы говорили о том, что причиной было некоторое непонимание руководством Советского Союза места советской экономики в мировой, сейчас это есть или нет? Если это понимание есть, то на что они ориентируются? Они ожидают, что будет дальше? Снизятся цены, не снизятся цены?

Егор Гайдар: Конвертируемость. Да, это абсолютно возможно. Более того, этот вопрос принципиально решен. Он принципиально решен был несколько лет тому назад, как ориентир. Это удобно. Это удобнее гражданам. Это удобнее предприятиям. У нас для этого сейчас достаточно инструментов управления экономическим процессом.

Другое дело, что надо понимать, что конвертируемость национальной валюты создает массу преимуществ для национальной экономики, но повышает требования к проводимой экономической политике. Думать, что ты ввел конвертируемый рубль, расслабился на фоне высоких резервов — вот это страшная ошибка. Надо понять, что экономика с полностью конвертируемой национальной валютой — существенно иная экономика. Существенно иная. И управлять ею по крайней мере первые 5–7 лет после того, как рубль полностью конвертируется, надо с огромной степенью осторожности.

Сейчас динамика наших валютных резервов в первую очередь определяется нашим платежным балансом: сколько купили, сколь-

ко продали. Там тоже бывают колебания, как я уже говорил, с резкими изменениями сырьевых цен. Мы поставляли, условно говоря, 220–250 млн тонн нефти на мировой рынок, так мы и будем поставлять в следующий год и через год. Будет он расти постепенно на 2–3%. Если бы не было «ЮКОСа», рос бы на 10%. Продаем мы зерна на 5–11 млн тонн в зависимости от колебания урожая, ну, колебаться будет урожай в каких-то пределах.

Когда вы либерализуете капитальный поток, это не порты, через которые ты больше чем можно, не провезешь. И не трубопроводы — через трубы больше нефти, чем можно, не прокачаешь. Это финансовые потоки, которые могут быть очень большими и изменения направления которых могут быть очень резкими. Самые богатые страны мира с этим давно привыкли жить. Это так в Штатах, это так в Европе, это так в Англии, это так в Канаде, это так в Японии. Когда ты хочешь быть по-настоящему богатой страной, то тебе надо научиться жить в этом мире. Но это своеобразный мир, с действительно резко колеблющимися условиями функционирования экономики, причем не очень предсказуемо изменяющейся, к которым ты должен быть адаптирован так, что бы ни случилось, это не разваливает тебе экономику.

Ведущая: *Когда-то Сорос обрушил.*

Егор Гайдар: Да, было. Совершенно точно. Бывает. Это как раз тот самый случай — либеральный рынок капитальных операций, когда английский фунт вдруг оказался вещью, которой может манипулировать один крупный финансовый игрок.

По второй части вопроса? Когда кто-то вам расскажет, что точно знает, что будет с ценами на нефть, — плюньте ему в глаза.

Вопрос: *Одной из козырных карт имперских амбиций было то, что СССР — ядерная держава и у нее в равной степени развивается как «мирный атом», так и не мирный. Я представляю регион, где развивался и тот и другой атом. Сегодня, если брать за основу мирную составляющую, у меня вызывает тревогу эта область. Означает ли это, что смена руководства в правительстве, руководителей министерств атомной энергетики, — это давно не козырная карта? Или правительство держит в секрете свои наработки? Если, конечно, вы располагаете информацией по этому поводу.*

Егор Гайдар: Если говорить о «немирном» атоме. В целом политика, которую проводит российское руководство в этой об-

ласти, мне представляется разумной. Мы научились, как говорилось в советские времена, «не поддаваться на провокацию». То есть среди руководителей российского Министерства обороны, при многих наших разногласиях по многим вопросам, есть общее понимание того, что соревноваться в вопросе о том, сколько раз мы можем уничтожить Соединенные Штаты, а Соединенные Штаты нас, — занятие просто глупое и контрпродуктивное. Если ты точно знаешь, что любая сторона может уничтожить другую даже после нанесения первого ядерного удара, то можно не соревноваться в этом. Зачем? Это разумно. Тем более что модернизация постепенно идет, повышение устойчивости тоже.

Разговоры о том, что американцы обрели возможность ядерного одностороннего удара по отношению к Китаю и России, я воспринимаю как чистую провокацию. Такую чистую провокацию, на которую не надо поддаваться. Я наводил справки у всех, кто что бы то ни было понимает в этом вопросе из авторитетных для меня российских военных, все они согласны с этой же позицией.

Что касается «мирного» атома. Учитывая остроту энергетических проблем, которые абсолютно очевидно в ближайшие лет десять-пятнадцать будут стоять перед Россией, я, честно говоря, полагаю, что увеличение вложений в ядерную энергетику практически неизбежно. Я не обсуждаю вопрос о том, правильно ли мы считаем выгоды, потенциальные ущербы от развития ядерной энергетики. Просто моя гипотеза, я думаю, что она будет развиваться.

Вопрос: У меня два коротких вопроса. Первый. Ваша мотивация, эмоциональная, интеллектуальная, оценочная, когда Вы дали согласие возглавить первое правительство российское.

Второе. Основные точки экономического роста. И какие из них находятся на территории Восточной Сибири?

Егор Гайдар: Я вас уверяю, если бы валютные резервы России в то время, когда мне предложили возглавить правительство, были бы такими, как сегодня, то есть 235 млрд долларов, а не ноль, то никто бы мне не предложил возглавить правительство. Нашлось бы колоссальное количество людей с огромным набором идей по поводу того, как их потратить. Может быть, даже выходцы из силовых структур.

Нас позвали в правительство, потому что все поняли, что лавочка полностью закрыта и дальше надо разбираться с последствиями произошедшей катастрофы. Мы с Лешеком Бальцерovichем уже давно были друзьями, знали друг друга очень хорошо. Я видел, как его пригласили работать в правительство в Польше тоже в очень тяжелой ситуации. Я знал прекрасно, насколько тяжело ему там было, и знал, что никто ему спасибо не сказал и не скажет никогда. Это понимали все, кого я приглашал работать в правительстве. Мотивация была одна — кто-то должен был страну вытаскивать.

Точки роста. Во-первых, я принципиальный противник выбора победителей. И определения на уровне государства точек роста, особенно в условиях сегодняшней России. Могу долго и подробно объяснять почему, но приведу один пример.

Россия имеет дурную традицию государственной администрации. Причем эту дурную традицию она имеет не со вчерашнего дня, не последние 15 лет, а на протяжении многих веков. Я могу довольно подробно (где-то я писал об этом) объяснить почему. Россия не единственная страна, которая имеет дурную традицию коррумпированной бюрократии, но почему она у России сложилась именно такой. Вы будете смеяться, но корни всего этого лежат в XIII в. Это хорошо прослеживается по историческим источникам, по пословицам, по характерным фразам, которые распространены в русском фольклоре и т. д.

Когда вы имеете коррумпированную бюрократию, получается так. Первое. Сторонники подобного рода выборов государственных точек роста говорят, что у нас ужасно коррумпированная бюрократия. И в то же время: давайте дадим этой коррумпированной бюрократии кучу ресурсов, чтобы она по своему усмотрению их распределяла. Когда ты обращаешь внимание на то, что в этих двух утверждениях есть некое противоречие, тебе говорят: «Что ж, мы теперь всю жизнь будем жить с коррумпированной бюрократией? Что ж вы строите ваши экономические, политические рекомендации на том, что бюрократия в России, к сожалению, неважная?». Я говорю: Нет, вопросов. Вы просто решите задачу снижения уровня коррупции российской бюрократии. Хотя бы до того уровня, при котором подавляющее большинство российских граждан, описывая то, как работает государственный аппарат, не сказало вам извест-

ное слово «воруют». Вот когда российское общество не будет так относиться к своим органам власти. Тогда давайте обсуждать вопрос промышленной политики, выбора точек роста.

У меня, разумеется, есть некие свои представления о том, что может быть этими точками роста. Я высказывал неоднократно. Но это не значит, что мы должны их отслеживать. Это не значит, что мы должны для них выделять деньги, дешевые безвозвратные кредиты. Никогда в нашей истории это никому не помогало.

Вопрос: *Егор Тимурович, спасибо большое за то, что Вы встретились с нами, за интересные ответы.*

У меня вопрос такой. Укрупнение регионов, концентрация финансовых потоков в центре к чему приведет в экономике современной России?

Егор Гайдар: Первое. Если речь идет о слиянии Пермской области и Коми-Пермяцкого округа, ничего плохого, страшного в этом, на мой взгляд, не будет, если обе стороны на это согласны, если это не вызывает сопротивления у общества. Если речь идет о перекройке карты России — когда мы будем объединять многие области вместе и т. д., по-моему, это довольно глупое занятие. Надеюсь, что российские органы власти по этому пути не пойдут.

Ведущая: *Мы на этом заканчиваем. Егор Тимурович, спасибо Вам огромное.*

Кризис и крах советской экономической и политической системы

*Выступление на презентации книги «Гибель империи»
в Высшей школе экономики*

14 июня 2006 г.

Опубликовано на сайте Клуба региональной журналистики.

Ведущий — Евгений Ясин.

Дорогие друзья, книга «Гибель империи»¹, написанная в 2005–2006 гг., выполнена в другом формате, чем моя предшествующая работа — «Долгое время». Однако логически они связаны. Последняя книга посвящена кризису и краху советской экономической и политической систем. То, что она стала бестселлером, меня удивило. Когда садился над ней работать, этого не предполагал. Половина работы — таблицы, графики, официальные документы советских властей. То, что «Гибель империи» оказалась востребованной широким кругом читателей, для меня приятный сюрприз. Это показывает, что российское общество хочет разобраться в том, что произошло с нашей страной на протяжении последних 20 лет.

Два обстоятельства подвигли меня к работе над этой книгой. Первое — то, что цены на нефть в реальном исчислении приблизились к уровню, похожему на позднебрежневские времена. Они — пока — не достигли пика 1980–1984 гг., но близки к нему. Второе — то, что в российском обществе, как мне кажется, сложилось устойчивое представление о том, что с нами произошло на протяжении последних 20 лет. Оно присутствует и в серьезных аналитических статьях, и в мыльных операх, посвященных этому периоду.

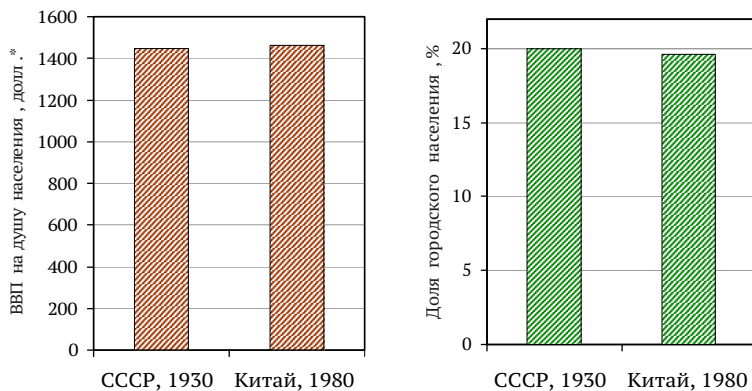
¹ «Гибель империи. Уроки для современной России». Первая публикация — М.: РОССПЭН, 2008. См. также настоящее Собр. сочинений, том 4, с. 13–425.

Картина мира, которая возникает при знакомстве со столь разнообразными источниками знаний о нашем недавнем прошлом, проста и убедительна. Жила великая держава — Советский Союз. Она динамично развивалась. Разумеется, в ней были свои проблемы. Назовите страну, в которой проблем нет? Потом пришли странные люди. Дальше развилка: одна гипотеза — они были клиническими идиотами, другая — агентами иностранных спецслужб. Они начали какие-то реформы. Результаты реформ оказались катастрофическими. Только когда к власти вновь пришли люди, думающие о государственных интересах, жизнь стала налаживаться.

Это легенда, причем легенда опасная. Она, на мой взгляд, не менее опасна для мира, чем сформированная во время Веймарской республики легенда о Германии, которая не несет никакой ответственности за начало Первой мировой войны, никогда не была побеждена на поле фронта, которой нанесли удар ножом в спину. Это сделали инородцы и социалисты. Тогда эта легенда — и это показывают многие исследования, посвященные тому Веймарскому периоду, — во многом укоренилась из-за отказа новых демократических властей придать гласности документы, позволявшие понять происходившее в 1914–1918 гг. Из-за переговоров о репарациях публиковать их сочли неудобным. Они были введены в научный обиход лишь в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Веймарские власти помогли создать легенду, которую потом противники немецкой демократии прекрасно использовали против них.

В последнее время работа с архивными документами, посвященными советской истории становится все более сложной. Но массив документов, который удалось ввести в научный оборот в начале-середине 1990-х, позволяет показать, что на деле происходило с Советским Союзом в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Нередко в международной литературе, посвященной переходному периоду, сравнивают путь, пройденный Советским Союзом — Россией, и развитие Китая. По моему убеждению, происходившее в России и в Китае заслуживает сопоставления. Но оно содержательно, если речь идет о сопоставимых уровнях развития. Важнейшие показатели, его характеризующие, в Китае 1979 г. и в Советском Союзе времен экономической дискуссии 1928–1929 гг. сопоставимы. На рис. 1 приведены данные по двум из них. Ряд показателей можно расширить.



*В международных долларах 1990 г. (Geary-Khamis dollars).

Рис. 1. Сопоставление СССР в 1930 году и Китая в 1980 году по ВВП на душу населения и по уровню урбанизации

Источники: 1. *Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992*. Paris: OECD, 1995; 2. *Maddison A. The World Economy: Historical Statistics*. Paris: OECD, 2003; 3. *Bairoch P. Cities and Economic Development: from the Dawn of History to the Present*. Chicago, 1988.

Известная подавляющему числу присутствующих экономическая дискуссия 1928–1929 гг., если переводить это на современный язык, была дискуссией о целесообразности выбора пути, десятилетия спустя получившего название «Китайского». И А. Рыков, и Н. Бухарин предлагали сохранить частное крестьянское хозяйство, добровольную коллективизацию, финансовую стабильность, развитие рыночных механизмов при политическом контроле коммунистической партии. Это именно тот путь, на который много десятилетий спустя встало китайское руководство. В СССР в конце 1920-х гг. было принято другое решение. Причины этого многим из присутствующих хорошо известны. Думаю, многие знают о внутреннем подтексте этой дискуссии. Он был прост. Н. Бухарин говорил, что нельзя в крестьянской стране заставить крестьянскую армию силой отобрать хлеб у крестьян — это путь к гражданской войне. А И. Сталин отвечал: «Можно». В краткосрочной исторической перспективе он оказался прав. Но последствия для развития советской экономики оказались серьезными.

Советское руководство создало своеобразную ситуацию в сельском хозяйстве СССР. Обычно индустриализации предшествует

так называемая аграрная революция: резкий рост продуктивности сельского хозяйства, базирующийся еще не на широком применении машин, а на лучшем севообороте, на применении минеральных удобрений. Именно это обеспечивает рост производства продовольственных ресурсов, позволяющий кормить растущие города. В Советском Союзе у крестьян отобрали хлеб силой. Миллионы умерли от голода. Была создана ситуация, в которой крестьяне оказались людьми четвертого сорта без права на пенсию, с зарплатой, которая в 10 раз меньше, чем в городе, без права смены места жительства, работы. В странах более развитых, чем мы, крестьянский труд, даже в условиях индустриализации, высоко ценился. Старший сын — наследник хозяйства, оставался в деревне. Младшие должны были, пусть неохотно, но адаптироваться к жизни в городе. Массовая иммиграция из Европы в Северную Америку в значительной степени была мотивирована стремлением сохранить статус крестьянина, фермера. В рамках этого сценария развития не было разделения на людей первого сорта, уехавших в город, и второго — оставшихся в деревне. Советское руководство такое деление создало. Надо понять, какие стимулы в подобной ситуации определяли поведение молодых, способных к социальному продвижению юношей и девушек из деревни. Им дали мощный сигнал, что главное, что необходимо сделать в жизни, — любой ценой перебраться в город. Каналы для этого были — комсомольские стройки, армия и т.д. Нетрудно понять, какую социальную структуру мы в результате получили в селе, какие это имело долгосрочные последствия. Такого падения факторной продуктивности сельского хозяйства, которое произошло в СССР на протяжении четверти века, следующего за 1928–1919 гг., мировая аграрная история применительно к крупным странам не знает.

Сделанный выбор порождает долгосрочные экономические проблемы, с которыми СССР так и не справился. Их хорошо описывает Н. Хрущев в письме в Президиум ЦК КПСС. Их суть в следующем. В стране растет городское население, и, соответственно, потребность в зерне, необходимом чтобы его кормить. А между тем хлебозаготовки уже 15 лет не растут¹. Что делать? В совет-

¹ Докладная записка Н. С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС 22 января 1954 г. См.: *Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Речи и документы: в 5 т. Т. 1. С. 85.*

ском руководстве начинается оживленная дискуссия, суть которой в выборе — либо поднимать нечерноземную деревню, либо осваивать целину.

Попытка поднять нечерноземную деревню, при сохранении колхозного строя, — задача более чем рискованная. Когда Советское руководство в конце 1960-х — начале 1970-х гг. попыталось пойти по этому пути, результаты оказались не обнадеживающими. По меньшей мере для создания шанса на успех подобной стратегии в начале 1950-х гг. нужно было распустить колхозы. Ни в одном документе, с которым мне довелось ознакомиться, это никогда всерьез не обсуждалось. Ну а тогда естественный для социалистического хозяйства выбор — освоение целинных и залежных земель. Идея обсуждалась уже в конце 1920-х гг., была поддержана Сталиным. Она соответствовала логике социалистической системы. Крупные инвестиции, масштабные проекты, концентрация ресурсов, возможность использовать те преимущества, которые давались рабочим в городе, чтобы направить часть миграционного потока не из деревни в город, а из деревни в деревню, но в деревню на целинных и залежных землях. Оппоненты этого подхода уже в конце 1920-х гг. высказывали свою озабоченность тем, что урожаи станут еще более волатильными, чем в традиционных районах земледелия. Это возражение Сталина не убедило. Хрущеву эти аргументы также показались недостаточно весомыми. С точки зрения социалистической системы хозяйствования на протяжении первых 10 лет программа была достаточно успешной. Заготовки зерна, которые не росли на протяжении предыдущих 15 лет, удалось за 10 лет увеличить почти в 2 раза. Однако на фоне этих успехов проявляются новые проблемы. Урожай, как это и предсказывалось оппонентами освоения целины, становится все более непредсказуемым. К тому же ресурсы, мало-мальски пригодные к освоению целинных и залежных земель, ограничены. С течением времени они оказываются исчерпаны. А между тем проблема снабжения городов продолжает обостряться.

В 1963 г. СССР впервые в истории России и Советского Союза в массовых масштабах закупает зерно. Страна импортирует 12 млн тонн зерна, платит за него одной третью золотого запаса. Н. Хрущев обсуждает на Президиуме ЦК КПСС вопрос, как проинформировать восточноевропейские страны о том, что СССР на протяже-

нии нескольких лет не сможет их поддерживать продовольствием. На том же обсуждении он говорит: «Больше такого позора, который был, терпеть советская власть не может»¹. Жизнь покажет: терпеть придется.

К середине 1960-х гг. СССР вышел на заготовки зерна в размере примерно 65 млн тонн в год, и с годовыми колебаниями эта цифра не увеличивается на протяжении последующей четверти века (рис. 2).

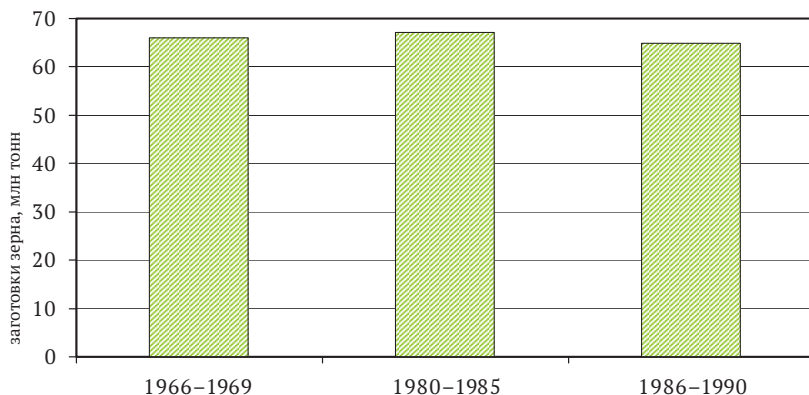


Рис. 2. Заготовки зерна в СССР

Источник: FAOSTAT data, 2005.

А между тем на этом фоне численность городского населения растет на десятки миллионов человек (рис. 3).

И чем прикажете это городское население кормить?

Выход, если не менять всю хозяйственную систему, один — радикальное изменение структуры внешнеэкономических связей. Россия, которая была перед Первой мировой войной, при серьезных проблемах с сельским хозяйством, ведущим экспортером зерна, становится крупнейшим в мире его импортером, покупающим существенно больше, чем два следующих за нами государства, Япония и Китай, вместе взятые. Резко растут и общие объемы сельскохозяйственного импорта. Казалось бы естественным в этой ситуации поставить вопрос: «Мы разорили сельское хозяйство,

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. 2-е изд. С. 769.

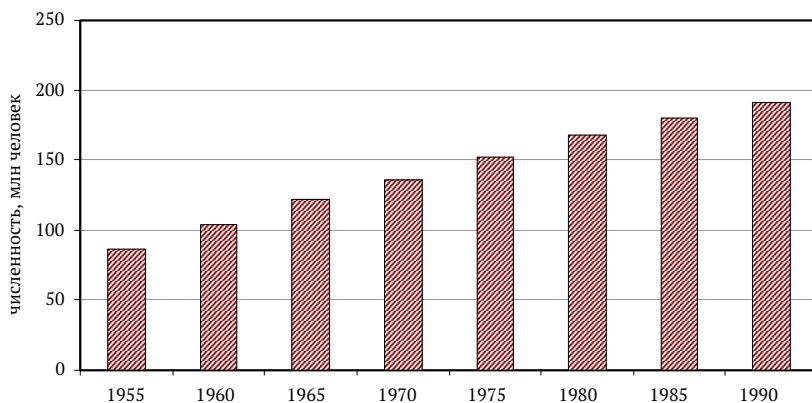


Рис. 3. Численность городского населения СССР

Источник: Статистические сборники «Народное хозяйство СССР» за разные годы (М.: Финансы и статистика).

вложили деньги в индустриализацию, а почему теперь не можем сделать то, что делают развитые в индустриальном отношении страны, скажем Япония? Она тоже закупает в крупных масштабах сельскохозяйственную продукцию и расплачивается за нее продукцией обрабатывающих отраслей?» Однако в СССР в ходе социалистической индустриализации была создана такая система управления народным хозяйством, при которой производить конкурентоспособную на мировом рынке продукцию обрабатывающих отраслей, по меньшей мере продукцию гражданского машиностроения, невозможно. В основу системы советской внешней торговли отнюдь не был положен рикардианский принцип сравнительного преимущества. Ее хорошо описал Горбачев на одном из своих совещаний, последовавшем за его назначением на должность Генерального секретаря ЦК КПСС. На совещании в ЦК КПСС 23 августа 1986 г. он говорит: «Мы закупает потому, что жить без этого не можем»¹. Советское руководство не хочет быть зависимым от западных закупок. Но закупает то, без чего страна не может жить. Но тогда надо отвечать на ключевой вопрос: чем мы можем расплачиваться за то, без чего жить не можем?

¹ РГАНИ. Ф. 9. Оп. 5. Д. 33. Л. 170.

Об этом говорит коллега М. Горбачева по политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета министров Н.И. Рыжков: «Потому мы и вывозим сырье, что никто больше ничего у нас не берет за конвертируемую валюту»¹. То, сколько просуществовал Советский Союз после того, как страна стала крупнейшим в мире импортером зерна, — зависело от одного важнейшего фактора — открытия месторождений нефти в Западной Сибири. Оно позволило покупать то, без чего СССР не мог жить и за что расплачивался сырьем. Месторождения по международным сопоставлениям были уникальными: неглубокое залегание, высокий дебит скважин. Уже в 1970 г. Западная Сибирь крупная по мировым стандартам нефтегазовая провинция. На протяжении всех 12 лет добыча увеличивается в 12 раз. Это ресурс, позволяющий СССР стать крупнейшим в мире импортером зерна.

В это время в советском руководстве идет оживленная дискуссия о стратегии освоения нефти Западной Сибири. Специалисты-нефтяники, в том числе министр нефтегазовой промышленности В. Шашин, руководители западносибирской нефтедобычи говорят: «То, что вы от нас требуете — авантюра. Вы требуете темпов роста добычи, которые несовместимы со стабильными условиями эксплуатации скважин. Такая политика приведет к быстрому падению добычи в последующих годах». Их оппонент из Госплана отвечает: «Надо». А. Косыгин, Председатель Совета министров СССР, один из самых компетентных советских руководителей, имел обыкновение звонить начальнику Главтюменьнефтегаза В. Муравленко с примерно следующими словами: «С хлебушком плохо — дай 3 млн тонн сверх плана»². Последствия такой практики с течением времени неизбежно сказываются. Дебит скважин быстро падает (рис. 4).

Это резко увеличивает потребность в капитальных вложениях. Однако на фоне обостряющихся проблем в нефтедобыче советское руководство вытаскивает счастливый билетик — резкое повышение цен на нефть в 1970-х — начале 1980-х гг. (рис. 5).

¹ Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М.: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995. С. 229.

² Интервью с В.И. Грайфером. Цит. по: Славкина М.В. Триумф и трагедия: развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е годы. С. 143.

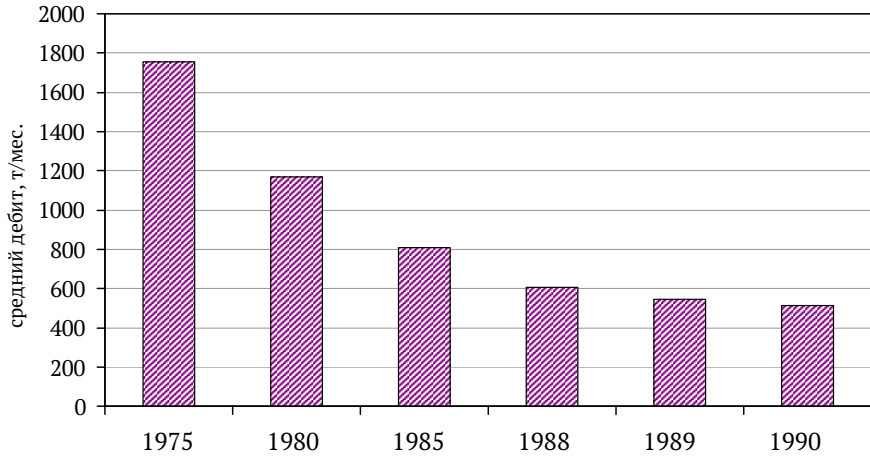
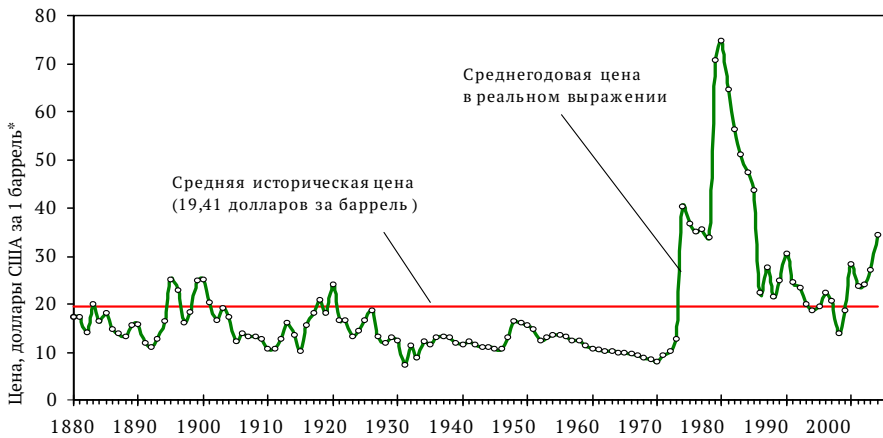


Рис. 4. Средний дебит новых нефтяных скважин, вводимых в эксплуатацию в СССР

Источники: 1. Топливо-энергетический комплекс СССР 1988 г. М.: ВНИИКТЭП, 1989. С. 127; 2. Топливо-энергетический комплекс СССР 1990 г. М.: ВНИИКТЭП, 1991. С. 140–141.



*Все цены приведены к постоянному уровню 2000 года.

Рис. 5. Динамика цен на сырую нефть в длительной ретроспективе (1880–2004 гг.)

Источники: 1. Расчеты по: International Financial Statistics 2004, IMF; 2. Energy Efficiency and Renewable Energy Website, US Department of Energy (<http://www.eere.energy.gov>).

Восходящая линия на рис. 5 — пик брежневской эпохи, нисходящая — начало краха СССР.

Проблемы, с которыми сталкиваются страны, зависимые от колебаний ресурсных доходов, описаны давно и хорошо. Применительно к нефти суть состоит в том, что эластичность спроса и предложения по цене в краткосрочной и долгосрочной перспективе различается радикально. Поэтому цены на сырьевые и топливные товары колеблются в диапазонах, нехарактерных для цен на продукты обрабатывающих отраслей. Самое резкое ухудшение условий торговли для крупнейшей в мире экономики (США) за последние 50 лет произошло в 1974 г. и составило примерно 15%. Когда речь идет об экономиках, зависящих от ресурсного экспорта, говорить приходится не о процентах, а о разгах. С такими экономиками нельзя обращаться так, как будто они устроены так же, как и все остальные.

Специфика экономики стран, зависимых от труднопрогнозируемых и нестабильных ресурсных доходов, была описана уже в XVII в., на примере Испании, доходы которой, после открытия Америки, зависели от импорта золота и серебра из Америки. На рис. 6 приведены данные о доходах Испанской короны от импорта золота и серебра из Америки и СССР, от добычи нефти. Нетрудно убедиться — в них есть очевидное сходство.

В конце гистограммы вы видите год, когда Испания, армия которой полвека не потерпела ни одного серьезного поражения на суше, была вынуждена отказаться от всех своих владений вне Пиренейского полуострова, от контроля над Португалией и с огромным трудом смогла удержать Арагон, Каталонию и Астурию. На фоне падения нефтяных доходов Советский Союз, армия которого тоже не потерпела ни одного серьезного поражения за предшествующие несколько десятилетий, вынужден был отдать контроль над Восточной Европой. Как и в случае с Испанией, это стало результатом неразрешимых экономических проблем и финансовой несостоятельности.

Разумеется, я не подозреваю советское руководство в том, что оно внимательно изучало труды профессоров университета Саламанки, посвященные анализу влияния импорта американского золота и серебра на испанскую экономику. Интеллектуальный уровень советской политической элиты хорошо описывает цитата

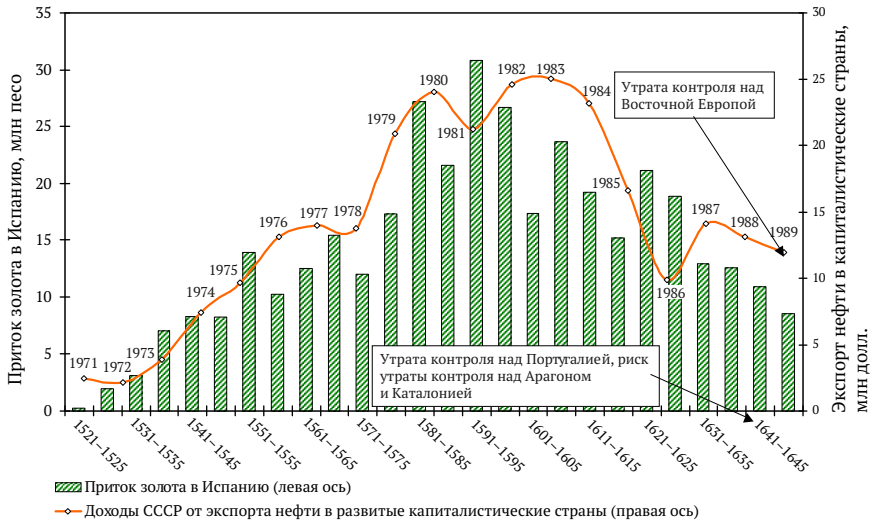


Рис. 6. Приток золота в Испанию, XVI–XVII вв. и иностранной валюты от экспорта нефти в СССР в 1970–1980-е гг.

Источники: 1. Flynn D. O. Расчеты по: Fiscal crisis and the decline of Spain (Castile) // The Journal of Economic History. 1982. Vol. 42. P. 142; 2. Внешняя торговля СССР. Статистический сборник за годы: 1971, 1973, 1975, 1977, 1979, 1981, 1983, 1985, 1987, 1989. М.: Финансы и статистика; 3. International Financial Statistics 2005, IMF.

из материалов Президиума ЦК КПСС: «О товарище Засядько. Товарищ Засядько вышел из запоя. Резолюция: Назначить товарища Засядько министром на Украину»¹. Предположить, что испанский опыт мог чему-нибудь научить руководство КПСС, мало реалистично.

Однако советские руководители сами занимались своеобразными операциями на рынке нефти, могли бы понимать, что это рынок необычный. Приведу характерную выдержку из записки Председателя КГБ Ю. Андропова Генеральному Секретарю ЦК КПСС Брежневу: «Комитет госбезопасности с 1960 г. поддерживает делово-конспиративный контакт с членом Политбюро Народного фронта освобождения Палестины. Главными направлениями диверсионно-террористической деятельности организации

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записки заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. С. 151.

являются: продолжение особыми средствами «нефтяной войны» арабских стран против империалистических сил, поддерживающих Израиль... НФОП ведет подготовку ряда специальных операций, в том числе нанесение ударов по крупным нефтехранилищам в различных районах мира (Саудовская Аравия, Персидский залив, Гонконг и др.) <...> В. Хаддад обратился к нам с просьбой оказать помощь его организации в получении некоторых видов специальных технических средств, необходимых для проведения отдельных диверсионных операций. <...> С учетом изложенного полагали бы целесообразным на очередной встрече в целом положительно отнестись к просьбе Вадиа Хаддада об оказании Народному фронту освобождения Палестины помощи в специальных средствах»¹. Но, когда начинаешь так действовать на столь своеобразно устроенном, политизированном рынке, надо понимать, что ты там не один. Полагать, что больше никто не догадается, что на рынок нефти можно воздействовать разными способами — опасно.

Между тем советское руководство принимает на фоне аномально высоких нефтяных цен решения, имеющие далеко идущие последствия: направить войска в Афганистан. В 1973–1974 гг. руководство Саудовской Аравии ввело нефтяное эмбарго против США, обещало при необходимости сократить добычу на 80%, а в случае попытки применить силу, взорвать нефтепромыслы. Когда советские войска вошли в Афганистан, нефтедобывающие страны Ближнего Востока в целом и Саудовская Аравия особенно, восприняли это как первый шаг к овладению контролем над нефтепромыслами Ближнего Востока. Произошедшее радикально изменило ситуацию в регионе. Саудитам срочно понадобилась помощь «большого брата», военная защита, отношения с США начали улучшаться. «Большому брату» нужны были прогнозируемые и более низкие цены на нефть. Отнюдь не случайно, что один из первых

¹ Записка Андропова Ю. (председатель Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР) Генеральному Секретарю ЦК КПСС Л. Брежневу. О конспиративной встрече резидента КГБ в Ливане с В. Хаддадом. 23.04.1974 г. № 1071-А/ОВ. В другом письме Л. Брежневу, посвященном вопросам снабжения Народного фронта освобождения Палестины оружием, Ю. Андропов называет В. Хаддада доверенным лицом разведки КГБ. См.: Записка Андропова Ю. (председатель Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР) Генеральному Секретарю ЦК КПСС Л. Брежневу. О передаче В. Хаддаду партии иностранного оружия и боеприпасов к нему. 16.05.1975 г. № 1218-А/ОВ.

визитов компетентного, только что назначенного шефа ЦРУ, Уильяма Кейси был полет в Эр-Рияд. У него был серьезный опыт работы на стыке экономики и безопасности. Во время Второй мировой войны он работал в отделе, занимавшемся анализом способов, позволяющих нанести максимально возможный ущерб немецкой и японской экономике. Для него идея, что экономика и политика взаимосвязаны, новой не была. Конечно, крушение цен на нефть в середине 1980-х гг. было связано с фундаментальными рыночными факторами, которые делали сохранение цен на уровне, сложившемся в начале 1980-х гг., невозможным. Но то, в какие сроки и в каких масштабах упали нефтяные цены, трудно понять вне политического контекста.

Дата краха Советского Союза для меня ясна. Это не август 1991 г. и не декабрь 1991-го. Это 13 сентября 1985 г., когда министр нефтяной промышленности Саудовской Аравии шейх Ямани объявил, что Саудовская Аравия радикально меняет свою нефтяную политику, перестает сдерживать добычу и будет стремиться восстановить свою долю на нефтяном рынке. За следующие 6 месяцев нефтедобыча в Саудовской Аравии выросла в 4 раза. Цены на нефть в реальном исчислении упали примерно в 4 раза. Советский Союз потерял 20 млрд долларов доходов от экспорта энергоносителей. Продолжать и дальше импортировать в прежних масштабах то, без чего, по словам М. Горбачева, страна жить не может, оказалось невозможно. Последние годы экономическая история СССР была длинным посткриптумом.

Советское руководство, если брать экономическую сторону дела, после падения экспортных доходов на 20 млрд долларов, имело три альтернативных варианта проведения ответственной экономической политики.

Первый из них — распустить Восточно-Европейскую империю, перестать поддерживать Восточную Европу бартерными поставками нефти и газа и нефтепродуктов, за которые конвертируемой валюты страна не получала. Представить себе нечто подобное в 1985–1986 гг. было невозможно. Советское руководство ничего не понимало в произошедшем. Генеральный Секретарь ЦК КПСС, пришедший на Пленум ЦК КПСС с предложением отказаться от всех завоеваний Второй мировой войны, никогда бы не вышел с него в той же должности.

Второй вариант. Руководство страны полностью отказывается от импорта продовольствия. Это позволяет сэкономить те самые 20 миллиардов выпавших доходов. Практически это значит, что крупные города надо перевести на карточное снабжение по нормам Великой Отечественной войны. И это после того, как руководство правящей партии 70 лет говорило, как оно ведет народ к светлому будущему. Никаких шансов сохранить режим в этой ситуации не было. Эта тема всерьез не обсуждалась.

Третий вариант. Резко сокращается военное производство, экспорт высвободившихся сырьевых материалов позволяет частично компенсировать потери от снижения доходов от нефти. Практически полностью прекращаются инвестиции, свертывается производство в отраслях, зависящих от импортных комплектующих. Это полный конфликт с элитой. Возникает тяжелейшая проблема в моногородах, зависящих от заводов, производство которых требует импортных комплектующих. Эта тема также всерьез не обсуждалась. Очень мягко подобный вопрос на Политбюро ставил Секретарь ЦК по экономике Н. Слюньков.

В результате советское руководство принимает ответственное и мужественное решение — крепко закрыть глаза, сделать вид, что ничего не происходит и возложить надежды на то, что как-нибудь все само собой устроится. Именно это оно и делает в 1985–1986 гг. Но уйти от ответа на простой вопрос: где взять валюту, чтобы закупить 40 млн тонн зернового импорта — невозможно. СССР начинает в массовых масштабах привлекать кредитные ресурсы мирового рынка. Так как кредитная репутация страны к этому времени еще высока, выше чем у Китая, в 1985–1986 гг. можно занять столько, сколько требуется. Именно так развивается ситуация в 1985–1987 гг. Приличные погодные условия и неплохие урожаи 1986–1987 гг. помогают проводить такую политику. В 1988 г. погодные условия оказались неблагоприятными. С этого времени процесс развала советской экономики становится очевидным. В 1989 г. выясняется, что никто больше в долг на коммерческих основаниях СССР денег давать не готов. Советскому руководству приходится отвечать на простые вопросы: «как вы собираетесь брать кредит? Половина задолженности СССР — краткосрочная. Ее надо гасить немедленно. Понимаете ли вы, что рефинансировать ее на коммерческих основаниях невозможно?» Советское руководство от-

вечает: «Как гасить кредиты? Но нам же очень надо, мы без этого жить не можем». Западные бизнесмены парируют: «Хорошо, тогда идите к западным правительствам и с ними договаривайтесь».

В 1985 г. советскому руководству идея, что оно обратится к правительствам стран, которые рассматривались как потенциальные противники, и будет просить политически мотивированные кредиты, предлагать за них политические уступки, — не могла присниться и в страшном сне. А документы 1989 г. показывают, что к этому времени это становится главной заботой советского руководства. Экономическая ситуация в стране продолжает осложняться по двум ключевым направлениям. Это нефть и продовольствие. Нефтяная промышленность сильно зависит от импортных компонентов. Приведу две цитаты из стенограммы совещания в Совете Министров СССР, посвященного ситуации в нефтедобыче.

«Мы понимаем, что единственный источник валюты — это, конечно, нефтяной источник... Если мы сейчас не примем все необходимые решения, то мы следующий год можем провести так, как нам еще не снилось. <...> По соцстранам может закончиться самым критическим образом. Это все нас приведет к самому настоящему краху и не только нас, но и всю нашу систему...»¹ На деле через полгода выясняется, что дело обстоит еще хуже, чем в сентябре, недавно казавшемся катастрофическим. Из письма заместителя Председателя Кабинета министров СССР Л. Рябьева Председателю Кабинета министров СССР В. Павлову от 31 мая 1991 г.: «За прошедший период текущего года положение дел в нефтяной промышленности ухудшилось. Потребности отрасли в оборудовании и материалах удовлетворены на 50–60%. Почти наполовину сокращены поставки оборудования и труб по импорту ввиду нехватки валюты <...> В настоящее время на нефтепромыслах простаивает 22 тыс. нефтяных скважин <...> За январь — май текущего года среднесуточная добыча нефти ведется на уровне, обеспечивающем добычу 530 млн тонн в год, поставку ее нефте-

¹ Стенограмма совещания у председателя Совета Министров СССР тов. Рыжкова Н. И. О поставке для государства нефти, газового конденсата и нефтепродуктов в 1991 г. 17 сентября 1990 г. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 379. Л. 143.

перерабатывающим заводам в объеме 452 млн тонн и на экспорт — 61 млн тонн...»¹.

МВЭС докладывает о катастрофическом положении, складывающемся с выполнением графиков, отпуском нефти, нефтепродуктов на экспорт в IV квартале². Это еще только IV квартал 1990 г., почти за 9 месяцев до краха.

Хлебоснабжение Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Перми, Екатеринбургa в определяющей степени зависит от импорта и закупок. Вот как видится сложившаяся ситуация тем, кто должен отвечать за снабжение страны зерном. «В связи со складывающейся острой обстановкой с зерном фуражных культур представляем предварительный расчет зерна этих культур из урожая 1989 г. Из указанного расчета видно, что из урожая текущего года не хватает 30,7 млн тонн зерна фуражных культур. <...> Учитывая изложенное, возникает необходимость ускорить решение вопроса о закупке фуражного зерна за границей»³. Легко сказать, ускорить решение о закупке 30,7 млн тонн зерна за границей. Руководство правительства хотело бы знать, откуда взять необходимую для этого валюту? На это никто ответа дать не может.

На фоне нарастающего кризиса в нефтедобыче обострились проблемы с зерном, невозможность привлечь коммерческие кредиты, политические кредиты стали нужны срочно. Об этом информируют советское руководство те, кто отвечает за внешнюю торговлю и внешнеэкономические связи. «В соответствии с вашим поручением по телеграмме из Бонна с участием гг. Катушева, Геращенко, Московского, Хоменко, Ситнина проанализировали возможные с нашей стороны шаги по вопросу о получении финансового кредита от правительств стран ЕС и прежде всего ФРГ, Франции, Италии и, возможно, Англии. По информации из ФРГ, руководством “Дойче Банка” высказана рекомендация непосред-

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 269. Л. 17, 18.

² «МВЭС СССР докладывает о катастрофическом положении, складывающемся с выполнением графиков отгрузок нефти и нефтепродуктов на экспорт в IV квартале с.г.». См.: Катушев К.Ф. (министр внешнеэкономических связей СССР) председателю Совета Министров СССР Рыжкову Н.И. Об экспорте нефтепродуктов в IV квартале 1990 г. 31 октября 1990 г. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 1524. Л. 1.

³ Министр хлебопродуктов СССР Будыка А.Д. первому заместителю председателя Совета Министров СССР тов. Никитину В.В. 11 августа 1989 г. № 120–272. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 19. Д. 4421. Л. 244.

ственно обратиться к правительствам указанных стран с просьбой о предоставлении кредита...»¹.

Рассказы о том, как Э. Шеварднадзе предал интересы Советского Союза, особенно интересно слышать на фоне документов о том, как срочно необходимы политически мотивированные кредиты. Из записки, подготовленной для Э. Шеварднадзе: «В ходе состоявшейся 27 апреля с.г. встречи представителей Внешэкономбанка с “Дойче Банком” руководство последнего считает целесообразным проведение в кратчайшие сроки переговоров Советского правительства с правительствами стран ЕС, в первую очередь с ФРГ, Францией, Италией и, возможно, Англией о получении государственных гарантий, под которые банки соответствующих стран были бы готовы предоставлять финансовые кредиты на покрытие дефицита платежного баланса СССР и финансирование мероприятий по дальнейшей перестройке экономики СССР...»². Советское руководство надеется, что высокие цены на нефть еще вернуться, что период низких цен скоро уйдет в прошлое, забудется, как ночной кошмар. Ждать возврата к аномально высоким ценам на нефть пришлось 17 лет. Но советское руководство этого не знало. Они надеются, что проблему можно решить, перехватив на время денег.

Получить политически мотивированные кредиты непросто. Поэтому СССР начинает быстро наращивать задолженность по импортным поставкам (рис. 7).

Западные фирмы прекращают поставки. «На сегодняшний день ряд иностранных фирм («Луис Дрейфус», «Фризахер», «Бунге» и другие) уже прекратили отгрузки товара в СССР и суда, зафрахтованные под перевозку зерна и хлебофуражных культур, уже несколько дней стоят в портах в ожидании решения вопроса»³.

В это время население неплохо понимает происходящее, критичность ситуации. Из доклада ВЦИОМ в Совет Министров СССР, май 1990 г.: «На вопрос, что ожидает Советский Союз в ближайшие

¹ Ситарян С. А. (зам. председателя Совмина СССР) Рыжкову Н. И. (председателю Совмина СССР). 3 мая 1990 г. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 1464. Л. 82.

² Памятная записка для беседы Э. Шеварднадзе с Г. Кодем. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 1464. Л. 83.

³ Катушев К. Ф. (министр Внешних экономических связей) Ситаряну С. А. (председателю Государственной внешнеэкономической комиссии Совмина СССР). О платежах за зерно и хлебопродукты. 13 апреля 1990 г. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 1515. Л. 21.

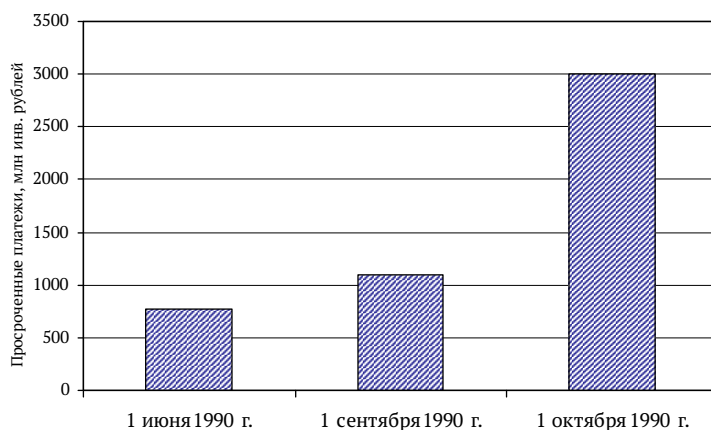


Рис. 7. Просроченные платежи иностранным поставщикам

месяцы, 70% опрошенных ответили, что ждут ухудшения ситуации. Более половины населения (54%) сочли возможным наступление в 1991 г. экономической катастрофы, 49% — массовой безработицы, 42% — голода, 51% — перебоев с подачей воды и электроэнергии»¹. Все это относится к маю 1990 г. До пика кризиса еще далеко.

Критичность ситуации осознает и руководство страны. Лидер ленинградских коммунистов говорит о своем видении происходящего: «Вот “трахнет” кто-нибудь по витрине, и в Ленинграде начнется контрреволюция. И мы не спасем страну»². Советские руководители, конечно, не были интеллектуалами, но то, что они пришли к власти в результате революционного процесса, начатого продовольственными беспорядками в Петрограде, помнили. Повторение подобного всегда было для них навязчивым кошмаром. Даже при наличии храброго и преданного царю А. Кутепова³, войск, которые были способны и готовы такие беспорядки пода-

¹ Космарский В. Л., Хахулина Л. А., Шпилько С. П. Общественное мнение о переходе к рыночной экономике: научный доклад. М.: ВЦИОМ, 1991. С. 8.

² Стенограмма заседания Политбюро ЦК КПСС 16 ноября 1990 г. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 30. Л. 20.

³ Кутепов Александр Павлович (1882–1930) — знаменитый военачальник времен Гражданской войны в России. Командующий 1-м армейским корпусом Добровольческой армии, Добровольческим корпусом, командующий 1-й армией барона П. Н. Врангеля.

вить, в феврале 1917 г. не нашлось — где гарантия, что найдутся сейчас? Новочеркасские события никогда не уходили из исторической памяти советского руководства.

В это время СССР просит уже не только о политически мотивированных кредитах, но и о срочной гуманитарной помощи. Начинается оживленная переписка между советскими властями и руководством ЕЭС по поводу того, какую гуманитарную помощь нам могут предоставить. Речь идет именно о гуманитарной помощи, которую обычно предоставляют наиболее слаборазвитым странам, столкнувшимся с продовольственной катастрофой.

Идет переписка о том, как эту помощь распределить. «Уважаемый Лев Алексеевич! Прошу Вас передать Министерству обороны СССР 8 млн комплектов суточных рационов военнослужащих Бундесвера (сухих пайков), поступающих из Германии в качестве гуманитарной помощи в адрес Всесоюзного объединения «Продинторг» в порты Ленинграда, Таллинна и Клайпеды, для выдачи военнослужащим и членам их семей». Из письма Министерства обороны тому же адресату, направленного три дня спустя: «Уважаемый Лев Алексеевич! Прошу Вас рассмотреть возможность из поступающей гуманитарной помощи передать Министерству обороны СССР 7 тыс. тонн хлеба длительного хранения в жестебанках»¹.

Министерство обороны мировой сверхдержавы обращается в правительство с просьбой направить часть гуманитарной помощи, которую предоставляют германские власти в его распоряжение, чтобы как-то прокормить солдат и офицеров.

И. Полозкову, лидеру российских коммунистов и оппоненту М. Горбачева, ситуация с продовольственным снабжением в Российской Федерации виделась так: «В 27 регионах положение катастрофическое, через неделю там могут быть остановлены мельницы и прекратиться выпечка хлеба, снабжение комбикормами птицефабрик и крупных животноводческих комплексов»². Надо сказать, что официальные документы подтверждают описанное И. Полозковым. А вот как видит развитие событий помощник пре-

¹ Письма Архипова В. (заместителя министра обороны СССР) председателю Центральной Комиссии по использованию гуманитарной помощи тов. Воронину Л. А. О распределении гуманитарной помощи. 16 января 1991 г., 19 января 1991 г. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 1028. Л. 44, 45.

² Полозков И. (Первый секретарь ЦК Компартии РСФСР) Президенту СССР Горбачеву М. С., премьер-министру Павлову В. С. 21 марта 1991 г. См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 562. Л. 16.

зидента Черняев: «Вчера был Совет безопасности. Проблема продовольствия... Но теперь уже конкретнее — хлеб. Не хватает 6 млн тонн до средней нормы. В Москве, по городам уже очереди такие, как года два назад за колбасой. Если не добыть где-то, то к июню может наступить голод...»¹.

Сходная оценка ситуации видна по переписке тех, кто отвечал за снабжение хлебопродуктами. «В стране в ближайшее время может сложиться чрезвычайная ситуация со снабжением населения хлебопродуктами, а животноводства — концентрированными кормами. Ежемесячно на эти цели расходуется около 8 млн тонн продовольственного и фуражного зерна. По состоянию на 1 марта с.г. остатки его в государственных ресурсах (без учета семян) оцениваются по расчетам специалистов в количестве около 13 млн тонн, из них почти половина находится в Казахской ССР. Это означает, что запасы продовольственного зерна (кроме Казахстана, где его хватит до нового урожая) будут исчерпаны в конце марта...»².

Просмотрев такие документы, легче понять ситуацию, в которой в это время оказалось советское руководство и, в частности, М. Горбачев. Если не смотреть на происходящее с точки зрения финансов, денег, валюты, зерна, то понять его метания: союз с Ельциным, его разрыв, события в Прибалтике, попытка вновь договориться с лидерами республик, Новоогаревский процесс — невозможно. Между тем поле политического маневра оказывается несуществующим.

М. Горбачев не может распустить империю и сохранить власть. Вся советская элита категорически против этой идеи. Он не может сохранить империю, не применяя в массовых масштабах насилие. Он не может надеяться получить 100 миллиардов долларов, о которых все время говорит с Западными лидерами, если встанет на путь применения силы против тех, кто противостоит режиму. Не может сохранить власть, если не получит 100 миллиардов долларов политически мотивированных кредитов. Из этого порочного круга нет выхода.

¹ Черняев А. С. Дневник помощника Президента СССР. М.: ТЕРРА, Республика, 1997. С. 124.

² Акулинин В. (Отдел агропромышленных отраслей) тов. Павлову В. С. О возможности чрезвычайной ситуации со снабжением населения хлебопродуктами, а животноводства — концентрированными кормами. 18 марта 1991 г. См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 560. Л. 16.

Когда речь идет о политически мотивированных кредитах, надо понимать, что это такое. Это средства западных налогоплательщиков. Их выделение зависит от западного общественного мнения, расстановки сил в парламентах. Даже если у тебя хорошие отношения с тем или другим западным лидером, надеяться, что тебе удастся получить эти деньги, если ведешь себя с точки зрения общественного мнения неправильно, не стоит. Однако представления западного общественного мнения о нормах поведения, рамках возможного применения насилия, радикально отличаются от тех, которые на протяжении предшествующих десятилетий разделяла советская элита. Устойчивость восточноевропейской империи базировалась на убеждении, что, когда и если будет надо, советское руководство прольет столько крови, сколько необходимо, чтобы поддержать или восстановить власть вассальных режимов. Это было продемонстрировано в ГДР, Венгрии, Чехословакии, тогда все знали, что дело обстоит именно так, каждый раз посылать танки не приходится. Все и так понимают, в каком мире живут.

В начале 1989 г. польскому обществу становится ясно, что в создавшейся ситуации, когда СССР позарез нужны западные деньги, советское руководство не может послать танки в Польшу для спасения режима. Коммунистическому руководству Польши в начале весны 1989 г. это также ясно. С этого момента речь идет о сроках и форме капитуляции. После того как к власти в Польше приходит недружественное СССР правительство, поддерживать западную группировку войск в ГДР логистически невозможно. Дальше приходится обсуждать сроки и условия ее вывода. Горбачеву даже не обязательно было говорить Бушу во время встречи на Мальте, что он не собирается применять силу в Восточной Европе для поддержки вассальных режимов. Это и так ясно. Произнесенные слова лишь ускорят неизбежный процесс. За 6 недель, прошедших после мальтийской встречи, восточноевропейская часть империи перестала существовать.

Представление Запада о нормах поведения не ограничиваются только Восточной Европой. В 1990 г. в резиденцию посла США в СССР приходит Председатель Верховного Совета Литвы Ландсбергис. Он задает два вопроса: «Если мы провозгласим независимость, признаете ли вы нас? И поддержите ли вы нас с точки зрения безопасности»? Ответы в переводе с дипломатического языка:

«Нет, не признаем. Это противоречит нашим принципам. Вы не будете контролировать свою территорию. Ни в коем случае, из-за вас мы не собираемся влезать в какие-либо военные авантюры». Но когда после этого СССР пытается использовать военную силу для обеспечения контроля в Литве, советское руководство получает абсолютно однозначный сигнал. Его суть предельно проста: «Делайте что хотите. Только просьба больше не беспокоить нас по вопросу о стомиллиардных политически мотивированных кредитах»¹.

Да, конечно, есть люди, которые еще думают, что Горбачев не готов использовать силу для сохранения империи, потому что он «слабак». Когда они возьмутся за дело, то всем быстро покажут, кто хозяин в доме. Это прелюдия ГКЧП. Не буду рассказывать его историю, она хорошо известна. Напомню, что наиболее информированный об экономической ситуации, сложившейся в Советском Союзе, член ГКЧП, председатель Кабинета министров Павлов, вечером 18 числа перед введением чрезвычайного положения напился до полного бесчувствия. Думаю, он лучше других понимал обреченность начатой авантюры. Допустим, они найдут лояльные части, подавят сопротивление силой. После этого им дадут политически мотивированные кредиты? Откуда возьмется продовольствие в крупных городах? А если на этот вопрос нет ответа — неизбежны продовольственные беспорядки по образцу 1917 г. Раньше или позже у них не найдется сил, чтобы их подавить.

После краха ГКЧП история Советского Союза по большому счету окончена. Республики провозглашают свою независимость, советские власти не контролируют финансовую систему, практически не получают налоговых доходов, не контролируют денежную политику. Центральные банки предоставляют кредиты без согласования с Госбанком СССР. СССР не контролирует свои границы. Между тем обустроенных границ России с провозгласившими свою независимость Прибалтикой и Украиной также нет. Никто не знает, чьи приказы выполнит мотострелковая дивизия, расквартированная на Украине. Украинские власти сказали, что она подчиняется им, советские думают, что она еще часть вооруженных

¹ *Matlock J. F. Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Soviet Union.* New York: Random House, 1995. P. 231, 339.

сил СССР. Реально она не выполнит ничьи приказы о применении силы. Такие страны существовать не могут. Ключевой вопрос в это время: удастся ли уйти от катастрофических последствий краха территориально интегрированной империи?

Все страны, которые называли себя империями в начале XX в., к концу XX в. перестали существовать. У процесса их распада были фундаментальные, социально-экономические и политические причины. Наиболее серьезные проблемы возникали при дезинтеграции территориально интегрированных империй. Заокеанскую империю можно оставить, вывезти миллион переселенцев, постараться забыть про нее. Когда речь идет о территориально интегрированной империи, все иначе. За границами новых государств остаются люди, которые здесь жили поколениями, нередко считали себя привилегированным меньшинством. Теперь им предлагают либо уезжать, либо стать людьми второго сорта. История судетских немцев — один из самых трагических примеров такого развития событий. До сих пор территориально интегрированные империи либо распались в результате кровопролитных гражданских войн, как Османская, либо были спасены от гражданских войн внешней оккупацией, как Австро-Венгерская. Советский Союз и Россия уникальный пример территориально интегрированной империи, которая сумела распустить себя без полномасштабной гражданской войны и иностранной оккупации. На мой взгляд, это достижение. Но рассказ о том, как это получилось — это уже другая история.

Ведущий: *Спасибо, Егор Тимурович. Ждем следующую книгу, где будет рассказано продолжение. А пока вопросы, кто желает.*

Виктор Полтерович: Знаете, я любил слушать Гайдара в 1992 г. Сейчас я получил такое же удовольствие от его книги, потому что это, действительно, очень серьезное исследование, такой центральный пафос. Его я совершенно разделяю. В октябре 1991 г. я оказался в Пенсильванском университете на семинаре советологов и был там единственным, кто доказывал, что Советский Союз неизбежно распадется. Мне приходило тогда в голову, что это произойдет буквально через полтора месяца. Так что в этом плане книжка действительно глубокая, очень много материала, видна продуманность настоящая и хороший стиль. Повторяю, что я получил удовольствие. Но есть некоторые замечания, которые

я хотел бы сделать. Книга такого крупного политического деятеля обречена на успех, потому что людям интересно узнать, что он думает, может быть независимо от ее содержания. Но автору должно быть интересно, насколько он убедителен в своих основных тезисах.

Мне кажется, что, говоря постоянно о катастрофе, автор не приводит сколько-нибудь точных цифр или данных о том, а что это означает? Скажем, последующее падение ВВП на 40% — это катастрофа или нет? И насколько действительно упал ВВП? Ничего вроде бы с властью при этом особо не произошло. Ну, был конфликт в 1993 г. Насколько это была реальная опасность или насколько она была воображаемая — это остается за кадром, это остается неясным. Но без сомнения советский экономический механизм доказал свою неэффективность — с этим, я думаю, поспорить невозможно. Но насколько, действительно, катастрофа была катастрофой.

Кое-какие цифры, которые здесь приведены, у меня, честно говоря, вызывают большие сомнения. Я приведу один пример. В книге есть табличка, где сказано, что валовой национальный продукт упал в России в 1991 г. на 13–14%. Я профессионально занимался этими вещами, но такой цифры, честно говоря, ни в одном современном справочнике нет. Я специально заглянул в авторитетный справочник: в 1990 г. — минус 3%, в 1991 — минус 5%. И эти цифры, которые ходят в разных источниках, никто в точности не знает, естественно, но порядок такой, но никак не 13 и 14. Это выглядит совершенно невероятным. Если в 1991 г. при повышении цен, ожидании реформ, при всех этих обстоятельствах падение составило минус 5%, это, конечно, катастрофа для любой экономики. Но все-таки не 15, как это было еще через год в 1994-м, ну и не 40, как это оказалось к 1996 и к 1997 г., поэтому вот здесь требуются, как мне кажется, какие-то уточнения.

У меня не проходит ощущение, что книжка все-таки грешит некоторым экономизмом. Есть очень красивая история, история про Испанию, достаточно убедительная. Но в целом ведь социальные сдвиги, которые происходили в сознании и всего народа, и особенно элиты, играли, мне кажется, едва ли не бóльшую роль, чем экономические факторы. Если грубо делить, где-то до 1960 г., не знаю как точно, целью Российской империи было вовсе не выпол-

нение первого закона социализма «повышение благосостояния», это была система, нацеленная на создание военной державы, прежде всего ориентированная на расширение, на захват других территорий, в конечном итоге на мировое господство. И в этом отношении она была фантастически успешной, просто фантастически.

Мне кажется, что с отказом от этого критерия и связан крах в значительной степени, в не меньшей степени, чем с экономическими катастрофами. И совсем маленькое замечание. Сейчас произошли изменения в теории «проклятия ресурсов». Здесь очень подробная глава и очень хороший обзор, но он заканчивается 2004 г. Сейчас появился целый ряд статей, которые напрочь отвергают теорию «проклятия ресурсов». Так что, может быть, в следующем издании, здесь нужно дополнить. Спасибо.

Егор Гайдар: По поводу ВВП. В ситуациях, подобных тем, которая сложилась в СССР в 1991 г., расчеты ВВП более чем условны. С точки зрения экономической политики по этому поводу важно то, какие данные получало руководство страны. В книге я цитирую официальные документы, которые ложились на стол советским лидерам.

Теперь о том, является ли падение ВВП на 40% — катастрофой. В 1991–1992 гг. мне было не слишком важно, какие показатели ВВП покажет статистика. Важнее было то, будет ли голод в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде. Знал, что когда хлебозаготовки в России катастрофически упали на рубеже 1917–1918 гг., в стране был голод, унесший многие жизни. Не повторить этот путь — было главным здесь. А разговор о том, что такое советский ВВП с точки зрения самой концепции этого показателя по Пигу и Кузнецу, — это отдельный и непростой теоретический вопрос. Голод — это не теория. Это действительно катастрофа.

Гибель империи: зерно и нефть

*Выступление на презентации книги «Гибель империи»
в Американском институте предпринимательства, AEI*

Вашингтон, 13 ноября 2006 г.

Опубликовано на сайте AEI в апреле 2007 г. Текст подготовлен исследователем-ассистентом Игорем Крестиным под редакцией Леона Арона, с дополнениями Егора Гайдара.

Пер. с англ.: Л.И. Лопатников.

Летом 2002 г., когда российское правительство ввело плоскую шкалу подоходного налога, завершив фискальные реформы, учредило Стабилизационный фонд и начало земельную реформу в России, я почувствовал, что окно возможностей для дальнейших реформ вряд ли откроется в ближайшие годы. Это предчувствие оказалось правильным.

В результате я решил обратиться к более академическим занятиям. Название моей последней книги, которую я хотел бы обсудить сегодня, звучит так: «Гибель империи: Уроки для современной России». Она относится к истории последних нескольких лет существования Советского Союза. Но когда я писал о крахе Советского Союза, я думал и о тех дилеммах, которые стоят перед сегодняшней Россией.

Было несколько факторов, подвигнувших меня на написание этой книги. Первым был рост цен на нефть, которые в реальном выражении начали приближаться к уровню позднего брежневского периода. Вторым была вызывающая беспокойство тенденция к мифологизации СССР в обществе и общественном сознании последних лет. Эти мифы вызывали веру в то, что, несмотря на существовавшие проблемы, Советский Союз был динамично развивавшейся супердержавой вплоть до момента, когда некие узурпаторы

начали свои разрушительные реформы. Чуть ли не 80% россиян верили в эту нелепую интерпретацию истории.

Подобные мифы имели в истории опасный прецедент — а именно Германию между двумя мировыми войнами. Тогда легенда гласила, что Германия вовсе не потерпела поражение в войне, но получила удар в спину от евреев и социалистов. В каком-то смысле виноватым было демократическое германское правительство, поскольку оно не решилось опубликовать материалы о том, что действительно произошло перед Первой мировой войной и после нее.

Точно так же доступ к документам о развале Советского Союза все сильнее ограничивался, но нам удалось опубликовать многие из них, и это помогло точно объяснить, что же произошло в нашей стране.

Честно говоря, я не ожидал, что эта книга, наполовину состоящая из таблиц, графиков или официальных материалов советского правительства, может оказаться бестселлером в моей стране. Но так случилось, и этот факт вселяет надежду.

История с зерном

В упрощенном виде история краха СССР может быть рассказана как история зерна и нефти. Что касается зерна, то поворотной точкой, определившей судьбу Советского Союза, можно считать экономическую дискуссию 1928–1929 гг., в центре которой было то, что впоследствии получило название «Китайского пути развития». По некоторым важным экономическим и социальным показателям Советской Союз того времени и Китай конца 1970-х гг. были одинаково подготовлены к реформам. (Прежде всего, имеется в виду душевой уровень ВВП и степень урбанизации.) В то время глава советского правительства Алексей Рыков и главный идеолог партии Николай Бухарин горячо отстаивали идею такого пути развития страны, который включал сохранение частного сельского хозяйства и рынка. А также обеспечение финансовой стабильности — однако под строгим партийным контролем.

Советское руководство решительно выбрало иной путь. Решение, которое предпочел Иосиф Сталин, состояло в экспроприации крестьянской собственности, насильственной коллективизации

и изъятии зерна. Судя по доступным документам, существо этих решений было довольно просто. Бухарин и Рыков доказывали Сталину: «В крестьянской стране силой изъять зерно невозможно. Будет гражданская война». Сталин ответил: «А я это сделаю!».

Результатом разрушительной сельскохозяйственной политики, проводившейся между концом 1920-х годов и началом 1950-х, было глубочайшее падение продуктивности сельского хозяйства на территории крупной страны в XX столетии. Ключевая проблема, с которой столкнулся Советский Союз, была точно охарактеризована в письме, которое Никита Хрущев послал своим коллегам по руководству партией. Главное, в этом письме он утверждал: «В последние пятнадцать лет мы не повысили сборы зерна. Наряду с этим мы испытали существенный рост городского населения. Как нам решить эту проблему?»

Снова дискуссия между советскими лидерами возникла в начале 1950-х гг., приведя к двум позициям. Первая позиция заключалась в попытке улучшить ситуацию в сельскохозяйственных регионах, лежавших вне плодородного «черноземного пояса» в Южной России. Другая позиция заключалась в использовании особенностей социалистической системы планирования: возможности осуществлять крупные проекты и концентрацию ресурсов. Естественно, возникали сомнения, не приведет ли такая стратегия к еще большим колебаниям объемов производства в долговременной перспективе.

Но эти соображения были отброшены, и тактически стратегия решительного расширения площади обрабатываемых земель принесла временный успех. Между серединой 1950-х и началом 1960-х гг. производство зерна в Советском Союзе существенно возросло. Проблемой была ограниченность доступных для обработки земель и продолжающийся рост городского населения. Так что уже в конце 1960-х гг. недостатки этого плана были очевидны.

В 1963 г. Никита Хрущев послал письмо руководителям стран социалистического блока, информируя их, что Советский Союз больше не будет в состоянии обеспечивать их зерном. В этом году советское государство купило 12 миллионов тонн зерна — и истратило на это треть своих золотых запасов. Хрущев заметил: «Больше такого позора, который был, терпеть советская власть не может»¹.

¹ См. настоящее Собр. сочинений, том 4, с. 171.

Таким образом, в 1960-х гг. государственное производство зерна стабилизировалось и, несмотря на все старания советского руководства, оставалось на уровне 65 млн тонн в год вплоть до конца 1980-х гг. Города, однако, продолжали расти. Могла ли политика увенчаться успехом, если в стране не росло производство зерна, а городское население увеличилось на 80 млн? Картина была неутешительная. Россия, которая до Первой мировой войны была крупнейшим экспортером зерна — намного большим, чем США и Канада, становилась крупнейшим импортером зерна, большим чем Япония и Китай, вместе взятые.

Советский импорт надо было оплачивать твердой валютой. Михаил Горбачев был искренен, говоря на одном из совещаний ЦК КПСС: «Мы покупаем (зерно) потому что жить без этого не можем»¹. Конечно, были и государства, например Япония, которые в крупных объемах импортировали зерно и другие сельскохозяйственные продукты. Однако, в отличие от Советского Союза, они были способны экспортировать продукцию своего машиностроения и перерабатывающей продукции.

Почему Советский Союз не мог поступать таким же образом? Потому что «социалистическая индустриализация» привела к неспособности советской промышленности продавать хоть какую-то продукцию переработки (с добавленной стоимостью). Николай Рыжков, председатель Совета Министров СССР, откровенно высказался однажды: так: «Капиталисты брали едва ли 6% от всего машиностроительного экспорта! Вот почему мы и вывозили в основном сырье»².

История с нефтью

Советская экономика, таким образом, полностью зависела от своей способности производить и экспортировать сырьевые товары, а именно нефть и газ. Советскому руководству чрезвычайно повезло: почти как раз к тому времени, когда возникли серьезные проблемы с импортом зерна, в Тюменском регионе Западной Сибири были открыты богатые нефтяные месторождения.

¹ Настоящее Собр. сочинений, том 4, с. 231. РГАНИ. Ф. 9. Оп. 5. Д. 33. Л. 168–170.

² Там же, с. 214.

Уже в 1970 г. Восточная Сибирь рассматривалась как крупный по мировым стандартам нефтяной регион. За последующие 12 лет Советский Союз увеличил добычу нефти здесь в 20 раз. Среди советских руководителей шли бурные дискуссии о том, как лучше использовать западносибирскую нефть. Эксперты по нефтяной промышленности предупреждали вождей КПСС и Госплан, что в будущем станет невозможно столь быстро наращивать производство, не столкнувшись с серьезными техническими проблемами.

Однако советское руководство заявило министерству нефтяной промышленности, что другого выбора нет. Советский премьер Алексей Косыгин имел обыкновение звонить руководителю Тюменьнефтегаза Виктору Муравленко и так объяснять ему безвыходность ситуации: «Дай три миллиона тонн сверх плана. С хлебушком совсем плохо».

«Испанское проклятие»

К 1975 г. у Советского Союза возникли серьезные проблемы с отдачей новых нефтяных скважин: для поддержания того же уровня добычи стали требоваться большие объемы инвестиций. Но Советскому Союзу повезло с необычно высокими нефтяными ценами, которые утвердились в мире в середине 1970-х гг.

Особенностью нефтяного рынка является очень разная эластичность спроса и предложения в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Колебания цен невероятно велики.

Существует широко известная теория внешних шоков. В Соединенных Штатах, крупнейшей экономике мира, самый сильный за последние 50 лет внешний шок был в 1974 г., когда цены на нефть выросли вчетверо и условия торговли ухудшились на 15%. Для Советского Союза подобные взлеты цен могли иметь более высокое влияние на ВВП, измерявшееся сотнями процентных пунктов. (Как и падение цен, с которого начался коллапс советской империи.— *Прим. ред.*)

Имперскими амбициями, основанными на столь неустойчивых ресурсах, отличался не только Советский Союз. «Ресурсное проклятие» было хорошо изучено Школой Саламанки на опыте Испании XVI и XVII вв. Влияние притока золота и серебра из Америки в Испанию сравнимо с влиянием на Советский Союз доходов от

нефти и газа. Испанская империя, не проигравшая ни одной битвы на земле за столетия, умудрилась потерять все свои владения в Европе за Пиренеями, а также Португалию и чуть не потеряла при этом Арагон и Каталонию. В 1989 г. Советский Союз, тоже не потерпевший ни одного поражения на поле боя за последние 50 лет, потерял контроль над Восточной Европой.

Однако в 1970-х — начале 1980-х гг. советское руководство не было интеллектуально готово извлекать уроки из исследований Школы Саламанки.

Хотя интеллектуальный уровень не был сильной стороной советских руководителей, они все же понимали необходимость манипулировать нефтяным рынком. Выдержки из материалов политбюро показывают, что на уровне главы КГБ Юрия Андропова поддерживались контакты между КГБ и арабскими террористами — в надежде, что террористические атаки против нефтяных месторождений помогут поддерживать высокие цены на нефть¹. Общее решение было таково, что Советский Союз должен поддерживать арабских террористов в этой борьбе.

И все-таки одной из крупнейших ошибок советского руководства было то, что оно истратило существенную часть дополнительных нефтяных доходов на начало войны в Афганистане. Война радикально изменила геополитическую ситуацию на Ближнем Востоке. В 1974 г. Саудовская Аравия приняла решение ввести эмбарго на поставки нефти в США. Но в 1979-м саудиты проявили заинтересованность в американской защите, поскольку они понимали, что советское вторжение в Афганистан это лишь первый шаг — или по меньшей мере первая попытка взять под свой контроль нефтяные месторождения всего Ближнего Востока.

Временная отметка коллапса Советского Союза должна быть проложена на дате 13 сентября 1985 г. В этот день шейх Ахмед Заки Ямани, министр нефтяной промышленности Саудовской

¹ Записка Андропова Ю. (Председатель Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР) Генеральному Секретарю ЦК КПСС Л. Брежневу. О конспиративной встрече резидента КГБ в Ливане с В. Хаддамом. 23.04.1974 № 1071-А/ОВ. <http://www.2nt1.com/archive/pdfs/terr-wd/plo75a.pdf>. См. также: Записка Андропова Ю. (Председатель Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР) Генеральному Секретарю ЦК КПСС Л. Брежневу. О передаче В. Хаддаду партии иностранного оружия и боеприпасов к нему. 16.05.1975 г. № 1218-А/ОВ. <http://www.2nt1.com/archive/pdfs/terr-wd/plo75d.pdf>. Там же. С. 189–190.

Аравии, объявил, что монархия приняла решение круто изменить свою нефтяную политику. Саудиты прекратили поддержку цен на нефть, и Саудовская Аравия быстро восстановила свою долю на мировом рынке. В течение следующих шести месяцев добыча нефти в Саудовской Аравии увеличилась в четыре раза, а цена на нефть в реальном выражении снизилась примерно в таком же темпе.

В результате Советский Союз потерял примерно 20 млрд долларов в год, денег, без которых страна просто не могла выжить. Советское руководство должно было принять сложное решение о том, как приспособиться к новым условиям. Были три альтернативы — или комбинация из трех альтернатив — доступные советскому руководству.

Во-первых, распустить Восточно-Европейскую империю и полностью прекратить бартерную торговлю нефтью и газом со странами социалистического блока, перейти на использование твердой валюты в торговле углеводородным сырьем. Этот выбор влечет за собой, однако, полную потерю советским руководством плодов Второй мировой войны. На самом деле, лидер, который в то время предложил бы подобную идею Центральному комитету КПСС, рисковал немедленно потерять свое положение генерального секретаря.

Во-вторых, решительно сократить советский продовольственный импорт на те 20 млрд долларов в год, которые Советский Союз потерял, когда цены на нефть рухнули. Но на практике этот вариант означал введение в стране продовольственного рационирования по нормам, аналогичным тем, что использовались во время Второй мировой войны. Советское руководство понимало возможные последствия: советская система не продержалась бы и одного месяца. Эта идея никогда всерьез не обсуждалась.

В-третьих, радикально сократить военно-промышленный комплекс. В этом случае, однако, Союзное руководство рисковало серьезным конфликтом с региональными элитами, поскольку большое число городов страны тесно зависело от военно-промышленного комплекса. Такой вариант тоже никогда серьезно не рассматривался.

Будучи не способным реализовать ни один из перечисленных вариантов, руководство решило принять политику эффективно-

го игнорирования этих проблем, в надежде, что когда-нибудь все обойдется. Вместо проведения действительных реформ Союз начал заимствовать деньги за рубежом, поскольку его международный кредитный рейтинг пока был прочным. Он брал крупные займы в 1985–1989 гг., но в 1989 г. советская экономика забуксовала окончательно.

Погоня за кредитами

Неожиданно деньги кончились. Советский Союз пытался создать консорциум из 300 банков, чтобы получить крупный кредит в 1989 г., однако был информирован, что только пять из них выразили согласие, и в результате кредит мог быть в двадцать раз меньше той суммы, которая требовалась. Советский Союз получил заключительное предупреждение от *Deutschebank* и его международных партнеров, что от коммерческих банков получить деньги невозможно. А если Советский Союз действительно нуждается в деньгах, он должен начать прямые переговоры с западными правительствами о так называемых политически мотивированных кредитах.

В 1985 г. идея о том, что Советскому Союзу придется начать торговаться о деньгах в обмен на политические уступки, показалась бы совершенно безумной. Но в 1989 г. она оказалась реальностью, и Горбачев понимал, что для поддержки зависящей от нефти советской экономики требуется по меньшей мере 100 млрд долларов. Председатель Госплана Юрий Маслюков говорил:

«Мы понимаем, что единственный источник валюты это, конечно, нефтяной источник <...> Если мы сейчас не примем все необходимые решения, то мы следующий год можем провести так, как нам еще не снилось<...> По соцстранам может закончиться самым критическим образом. Это все нас приведет к самому настоящему краху, и не только нас, но и всю нашу систему...»¹.

Рыжков на том же совещании комментировал:

«Нужны гарантии Внешэкономбанка, а он не может их дать... Не будет нефти, не будет экономики страны...»².

¹ См. настоящее Собр. сочинений, том 4, с. 278.

² Там же.

Удивительно слышать сегодня мнение о том, что Эдуард Шеварднадзе, тогда министр иностранных дел, «предавал» интересы страны — особенно удивительно сейчас, когда готовившиеся для него документы доступны каждому. На самом деле, многие советские ведомства требовали от него любой ценой сохранить эти самые «политически мотивированные кредиты»¹.

В это время в стране начались серьезные трудности с продовольствием, поставки зерна не доходили до крупных городов. Один из ближайших сотрудников Горбачева Анатолий Черняев описывает ситуацию в Москве в марте 1991 г.: «если (зерно) не добыть где-то, то к июню может наступить голод <...> Такого Москва не видела, наверное, за всю историю — даже в самые голодные годы»².

Катастрофа

Горбачевскую политику того времени лучше всего понять, если рассматривать ситуацию через перспективу финансов и твердой валюты, а просроченные платежи иностранным поставщикам растут. Так за месяц с 1 сентября 1990 г. до 1 октября того же года они выросли почти втрое.

Заем государства государству всегда связан с рядом жестких условий. Например, если бы советская армия разгромила демонстрацию «Солидарности» в Варшаве, Советский Союз не получил бы так остро нужных ему 100 млрд долларов от стран Запада. Советский блок был устойчив, пока имел прерогативу использовать столько силы, сколько необходимо, чтобы восстановить контроль, как это прежде было продемонстрировано в Германии, Венгрии, Чехословакии. Но в 1989 г. польские элиты понимали, что советские танки не будут применены для защиты коммунистического правительства.

Единственным выходом для советских элит было немедленно начать переговоры о капитуляции. Горбачеву не надо было информировать президента Дж. Буша на саммите 1989 г. на Мальте, что

¹ Памятная записка для беседы Э. Шеварднадзе с Г. Кодем. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 1464. Л. 83, 84. См. настоящее Собр. сочинений, том 4, с. 267.

² Черняев А. С. Дневник помощника Президента СССР. М.: Терра, Республика, 1977. С. 124–126. См. также: настоящее Собр. сочинений, том 4, с. 353.

для поддержки коммунистических правительств Восточной Европы угроза силы применяться не будет. К тому времени это было и без того ясно. Через шесть недель после переговоров ни одного коммунистического режима в Восточной Европе не осталось.

Конечно, Запад еще опасался прямо поддерживать движения за независимость, развивавшиеся внутри Советского Союза. Когда литовские власти обратились в американское посольство с вопросом, поддержат ли США независимость Литвы, первоначальный ответ был отрицательным. Однако в январе 1991 г., когда Советский Союз попытался использовать силу для восстановления своего контроля над Прибалтикой, реакция Запада, включая реакцию Соединенных Штатов, была прямо противоположной. «Поступайте как хотите, это ваша страна. Вы можете принять любое решение, но, пожалуйста, забудьте о стомиллиардном кредите».

Какие решения мог принимать Горбачев в это время? Он не мог просто распустить Советскую империю, консервативные элементы внутри советского руководства были решительно против. Но он не мог и предотвратить распад империи без массового применения силы. Если же применить силу, советское государство не получит от Запада столь нужные ему средства, без которых Горбачев не удержит власть.

Эта головоломка привела Горбачева к своего рода раздвоению, когда он боролся с одной стороны с военными, а с другой — с Борисом Ельциным. Придерживавшиеся жесткой линии представители армии и КГБ, считавшие Горбачева просто слабым лидером, организовали в августе 1991 г. путч под знаменем Государственного комитета по чрезвычайному положению, ГКЧП.

За три дня стало ясно, однако, что заговор провалился, поскольку его лидеры не знали, как поступать в создавшейся ситуации. Даже если бы они нашли одну дивизию, способную давить народ, демонстрирующий против ГКЧП, появился бы после этого хлеб? Где бы они нашли продовольствие, чтобы прокормить крупные города? Даст ли Запад быстро 100 млрд долларов? Их дело, как и Советское государство в целом, потерпело полный провал.

22 августа 1991 г. история Советского Союза пришла к концу. Государство, не контролирующее свои границы или вооруженные силы, не имеет доходов, просто не может существовать. Докумен-

том, который действительно завершил историю Советского Союза, было ноябрьское письмо от Внешэкономбанка советскому руководству, где сообщалось, что советское государство в своих сейфах не имеет ни цента¹.

Какие уроки мы можем извлечь из коллапса СССР и применить их к современной ситуации в России? Во-первых, мы должны вспомнить, что сегодня Россия — страна с экономикой, зависимой от нефти. Никто не может точно предсказать изменения нефтяных цен. Крах СССР должен служить уроком для тех, кто строит политику, основываясь на предположениях о том, что цены будут оставаться высокими всегда. Могло бы показаться, что для нашей страны, пережившей коллапс конца 1980-х гг. и начала 1990-х, так оно и будет. Однако, когда в начале 2000-х цены снова начали расти и в 2004 г. в реальном выражении сравнились с уровнем 1980-х гг., мысль о том, что нефтяные доходы надолго, стала общепринятой.

Конечно, российское правительство извлекло кое-какие уроки из опыта советского коллапса и ведет осторожную политику в течение текущего периода высоких нефтяных цен. Администрация аккумулировала существенный валютный резерв, стерилизовала значительную часть нефтяных доходов в Стабилизационном фонде и с очень большой осторожностью ведет бюджетные расходы. Тем не менее стремление взять и сразу разделить эти доходы велико. Тем, кто в каждой телепередаче, каждой газете рассуждает о том, как было бы здорово истратить эти средства, на самом деле относительно скромные средства, которых хватило бы на то, чтобы сохранить стабильность всего лишь на два-три года падения нефтяных цен, — им следовало бы перечитать документы, свидетельствующие о том, как казавшаяся стабильной супердержава развалилась всего лишь за несколько лет.

Еще один вывод, который имеет отношение к современной российской политике, состоит в том, что авторитарные режимы, хотя

¹ Носко А. П. (зам. председателя правления Внешэкономбанка СССР) в Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР. Об исчерпании ликвидных валютных ресурсов. 26 ноября 1991 г. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 1504. Л. 11, 12. См. также настоящее Собр. сочинений, том 4, с. 399.

и прочные на вид, в периоды кризиса — хрупки. В условиях относительной стабильности общество готово терпеть отсутствие реальных выборов. Люди готовы принять такие условия в подобной ситуации, как неизбежное и привычное зло. Но они будут так поступать лишь до того, как страна встретится с серьезным вызовом, требующим решительных и жестких мер, чтобы приспособиться к неблагоприятным условиям.

В этом последнем случае становится очевидно, что контракт между авторитарными правителями и их подданными — который гарантирует постоянство людской терпимости по отношению к власти и невмешательство власти в дела людей, — этот контракт должен быть пересмотрен. Такая переоценка подрывает режим. Правители, которые долгое время настаивали, что их правление самое лучшее, теперь обнаруживают, что нелегко просить и получать широкую общественную поддержку в момент кризиса. В такой ситуации общество имеет обыкновение отвечать: «Много лет нам говорили, что мы идем к светлому будущему, а теперь вы предлагаете нам затягивать ремни. Вместо этого — затяните вы свои ремни, или уходите!». Россия не нуждается в новых переворотах. В течение XX века она перевидала их достаточно. В этом смысле понимание элитами и обществом, что реальная демократия это не идеологическая догма или что-то привнесенное с Запада, а, скорее, важное условие стабильного развития страны — это понимание в конечном счете даст России надежду избежать кризисы и катаклизмы. Это жизненно важно для развития России в последующие десятилетия.

Взаимодействие политической и экономической трансформации

*Выступление на ежегодной конференции Всемирного банка
реконструкции и развития по развивающимся экономикам*

Пекин, 16–17 января 2007 г.

*Опубликовано в: Annual World Bank Conference on Development Economics
2007, Regional: Beyond Transition, Washington, D. C. 2007.*

Пер. с англ.: Л.И. Лопатников.

Взаимодействие политического и экономического развития в процессе посткоммунистического перехода и реформ — это очень сложная и противоречивая тема, которая имеет серьезное влияние на развитие событий в современной России. Когда команда людей, которая сегодня стоит у власти, пришла в Кремль, я имел собственную гипотезу о том, как они видят ситуацию и развитие событий. И на протяжении последних пяти лет эта гипотеза подтвердилась фактами.

В основном эта гипотеза состояла в следующем. Эти люди понимали, что России нужна рыночная экономика. Больше того, они понимали, что России нужны либеральные рыночные экономические реформы: реформы, которые не были завершены в 1990-х гг., потому что большинство правительств в 1990-х не получило поддержки парламентского большинства. Они также полагали, что реальная, действующая демократия России пока не нужна, что Россия еще не доросла до демонстрации настоящей демократии. Когда-то демократия будет в России, полагали они, но не сейчас, не в этот конкретный момент. И таким образом, исходя из такого убеждения, они разработали экономические и политические меры, которые надо было реализовать немедленно. Были проведены вполне серьезные, позитивные экономические реформы, начиная с вопросов, касающихся частной собственности на землю

и политики налогообложения, позволившей снизить налоговое бремя и в то же время собирать больше средств для бюджета страны. Но при этом несовершенную, молодую, но все же функционировавшую систему демократических институтов пришлось демонтировать. Эта система, существовавшая до начала 2000-х гг., имела влиятельный парламент. Была определенная свобода и независимость прессы. Региональные власти были более или менее самостоятельны в решении их местных проблем. Существовали влиятельные предпринимательские структуры, способные участвовать в принятии решений. Все это существовало до 2000 г., но к 2004-му все это исчезло.

Мне легко понять причины таких изменений, поскольку я имел возможность прочитать сотни книг и тысячи статей о том, как правильно поступил Дэн Сяопин, разделивший экономические и политические реформы, и как ошибался Горбачев, когда он их соединил в России.

Эти книги и статьи говорили, что сначала надо установить экономические основания для демократического развития, а только потом уже начинать движение в сторону демократии. Если вы полагаете, что те, кто сегодня работает в Кремле, никогда не читали этих статей или книг, или хотя бы выдержек из них, то вы ошибаетесь. И безусловно, такая точка зрения оказала влияние на развитие событий. Но, по моему мнению, то, что написано, представляет собой упрощение действительного процесса развития. По-моему, нам не следует использовать такой упрощенческий подход.

Социализм — это система, в которой политика и экономика, государственная структура и функционирование повседневной экономической жизни тесно переплетены. Тем, кто никогда не жил при социализме, это немного трудно понять, и трудно им это объяснить. В рамках устойчивой социалистической системы, которая сформировалась в 1930-е гг., соседний магазин продает вам хлеб, и вы способны купить этот хлеб. И этот факт зависит вовсе не от интересов тех, кто печет хлеб и не от интересов тех, кто продает хлеб, но от того очень простого факта, что те, кто его делает и продает, хорошо знают, что, если хлеб не попадет в магазин, они будут наказаны. Эта ситуация существенно отличается от того, что проповедовал Адам Смит. Производитель хорошо знает, что хлеб у него отберут. Причем уплатят цену, которая не соответству-

ет объему предложения. И если он откажется отдать хлеб, он может закончить жизнь в ГУЛАГе. Те, кто работает в экономической сфере, абсолютно уверены, что власти применяют силу и что они принудят людей делать то, чего они никогда не делали бы в иных условиях, в условиях рыночной экономики; люди никогда не работали бы без расчета на вознаграждение. Люди никогда не продавали бы хлеб по цене, не соответствующей затратам производства, и власти не были бы способны посылать людей на смерть вообще без всякой вины. Но когда люди начинают сомневаться в способности властей применять столько насилия, сколько необходимо, тогда система, основанная на страхе, перестает работать и хлеб исчезает из магазинов, потому что исчезает страх.

К сожалению, мой опыт показывает, что то, что я говорю, — правда. Однако людям, которые не пережили это, объяснить ее невозможно. К счастью для них... Проблема системы, основанной на страхе, состоит в следующем. Она, в процессе собственного развития, подрывает основу своей стабильности. Убийство сотен тысяч людей, отправка миллионов в лагеря в стране, где преобладающая часть населения живет в деревнях, не имеет образования и неграмотна, если только есть политическая воля, жестокость и отсутствие идеологии — в общем, разрешаемая задача.

Но внедрение такой системы в стране с образованным населением и развитой урбанизацией, как показывает мировой опыт, было бы намного труднее, поскольку люди, стоящие у власти, не были бы уверены в своем праве применять насилие.

В 1989 г. в Пекине, во время подавления волнений на площади Тяньаньмэнь, в стране, которая к тому времени была вполне крестьянской и не очень образованной, расположенные в столице воинские части, по-видимому, не были достаточно готовы применить танки против населения, так что пришлось вызывать более надежные войска.

И это все было в аграрной и не очень развитой стране.

В Советском Союзе в 1991 г. было трудно найти воинские части, которые были бы готовы использовать танки против своих соотечественников, и этот факт был признан советскими властями. Собственно, это было признано не в 1991-м, а много раньше, в 1962 г., после довольно скромного, по существу, повышения цен. Однако этим повышением был нарушен неявный договор

между народом и властью, как бы заключенный в 1950-е гг. Его смысл был следующий. Вы гарантируете нам стабильные цены и стабильные социальные программы, и за это мы вас терпим. Вы понимаете, что вас никто не выбирал, так что мы будем вас терпеть, а вы не вмешивайтесь в наши дела. Когда советские власти, столкнувшись с реальными экономическими трудностями, повысили цены на 30%, это повышение оказалось причиной весьма серьезных беспорядков в одном из русских городов, Новочеркасске. И самым неприятным для власти, приведшим ее в ужас было то, что на первом этапе этих беспорядков воинские части не захотели применять оружие против граждан. Советские руководители помнили, как они сами пришли к власти в 1917 г. в результате процесса, который начался расстрелом участников демонстраций против нехватки хлеба в Петрограде. Если это могло случиться в Новочеркасске до того, как стала ясна необходимость привлечь более лояльные внутренние войска, это вполне могло произойти впоследствии и в Москве. Признание этого факта, видимо, оказало влияние на события, происходившие в Советском Союзе в последние десятилетия его существования: признание того факта, что вся структура власти основана на способности ее представителей применять неограниченное насилие против народа и что эта способность начала исчезать. Ее подрывала эволюция и развитие общества. Общество становилось более грамотным и образованным. Наряду с этим был вопрос, который задавался на каждом заседании Политбюро: сколько может быть собрано зерна и сколько его реально потребуется? Когда стало ясно, что способность применять насилие ограничена, оказалось, что можно мобилизовать зерна меньше, чем его нужно. Этот вывод основан на всех архивных материалах, доступных сегодня. Что же дальше? Страна перестала продавать зерно. А вы знаете, что до 1917 г. Россия была крупнейшим экспортером зерна в мире, она экспортировала в два с половиной раза больше, чем Соединенные Штаты. Превращение страны из крупнейшего в мире экспортера зерна в крупнейшего импортера произошло на фоне сокращающейся способности властей применять насилие. Чтобы мобилизовать требуемое количество зерна, миллионы крестьян должны были бы лишиться жизни, как это было в 1930-е гг. Это было политическое и экономическое изменение, предпри-

делившее всю последующую историю Советского Союза и ход дальнейших событий.

Когда стало очевидно, что из-за глубокого кризиса в сельском хозяйстве было бы невозможно добыть столько зерна, сколько необходимо, и надо было повсюду скупать рекордное количество зерна, на первый план вышла еще одна особенность социалистической экономики. Было ясно, что продажа продуктов перерабатывающей промышленности, которую советская власть создала за счет крестьянства, экспортируя хлеб, когда миллионы крестьян погибали от голода, как это было в 1922/23 гг., и приобретая комплектное оборудование целых заводов, — эта продажа за твердую валюту невозможна. Когда валютный кризис в Советском Союзе стал очевидным, возможность экспорта машиностроительной продукции даже не обсуждалась, потому что была понятна его нереалистичность.

Таким образом, вы имеете растущий спрос урбанизированного общества на продовольственные продукты, включая зерно. У вас хронический аграрный кризис, происходящий из того, как вы когда-то проводили индустриализацию и уничтожали миллионы крестьян. И вы имеете неконкурентоспособный машиностроительный сектор. Что вам делать?

И тут возникла волшебная палочка: открытие крупнейших нефтяных месторождений в Западной Сибири, с уникальной отдачей буровых скважин, с новыми условиям производства — залеганием пластов на не очень большой глубине, и к тому же при немислимо высоких ценах на нефть. Вы получили возможность компенсировать хронически неэффективное сельскохозяйственное производство, опираясь на аномально высокие темпы роста нефтяного экспорта. В номинальных ценах объемы реального экспорта через короткое время возрастут в десять раз, и страна станет крупнейшим импортером продовольствия и зерна в мире. Но затем вы поймете, что будете бесконечно зависеть от непредсказуемого фактора: от ситуации на мировом нефтяном рынке. Никто не может прогнозировать поведение этого рынка.

Примерно в 1985 г. советская империя, ее политическая система, экономика и вообще все висели на трех небольших крючках: на погоде, от которой зависел урожай, на состоянии дел в крупнейших нефтедобывающих районах и на ценах на нефть. После со-

ветского вторжения в Афганистан, Саудовская Аравия поняла, что ей может потребоваться поддержка со стороны Соединенных Штатов, а Соединенным Штатам нужно было снижение цен на нефть. История о том, как Саудовская Аравия увеличила месячную добычу нефти в несколько раз в течение одного года, как цены на нефть упали в четыре раза, как советская экономика начала разваливаться, поскольку она висела на ценах, которые в начале 1980-х гг. были аномально высоки по историческим меркам, — это одна из самых интересных политических детективных историй XX в.

Однако ее сущность не относится к детективному развитию событий. Факт состоит в том, что социалистическая модель индустриализации объективно делает страну в длительной перспективе зависимой от параметров, которые неконтролируемо колеблются. И когда вы имеете дело с такими внешними шоками, такого типа и такого размаха и когда режим имеет мало стабильных ресурсов, последствия оказываются существенными. Советский Союз не единственная страна в мире, испытывавшая такие внешние шоки. 1980-е годы были нелегким периодом для всех нефтедобывающих стран.

Они адаптировались по-разному. Мексика столкнулась с целой серией экономических кризисов. Однако кризиса такой силы, который пережил Советский Союз, не испытал никто. И это неудивительно. Трудно жить народу, когда он живет в экономике, которая зависит от одного конкретного продукта. Потому что когда условия торговли ухудшаются на 10%, и не однажды, это отражается на финансировании образования, здравоохранения, культуры. Что делать, если ресурсы заимствований оказываются исчерпаны? Между тем многие страны как-то приспособились к ситуации.

Однако для социалистического режима легитимизация базируется на идее о том, что власть лучше, чем народ, знает, что делать. Власть доказывает, что она умнее, оснащена самой современной идеологией. Народ не должен вмешиваться в проблемы развития и власти приведут вас к счастливому будущему. Такова основа легитимности этого режима. И для такого режима сказать, что, кажется, мы повели вас по неправильному пути, и теперь мы получили внешний шок, за который вам придется платить... Это было бы невозможно, это выходило бы за пределы политической реальности.

Советские руководители, я это знаю по архивным материалам, даже не обсуждали все это, когда страна испытывала широкомаштабный, беспрецедентный внешний экономический шок. Они понимали, что народ скажет им: «вы думаете, что вы такие умные. Много лет вы нам говорили, что не нуждаетесь в наших советах, что вы лучше понимаете, что происходит. Вы хотите, чтобы мы еще туже затянули пояса. Но это вам надо затянуть пояса...».

Это только одна идея, объясняющая тот факт, что Советский режим, испытавший крупномасштабный внешний шок, привел себя к собственному банкротству и дезинтеграции, как жертва, без попытки сделать хоть что-нибудь. Сделать, чтобы остановить катастрофу, наблюдая за тем, как тают валютные резервы, как развивается катастрофический кризис в финансах, как мы перестаем выплачивать внешние долги, как развивается кризис потребительского рынка и как исчезают резервы зерна. Режим наблюдал за этими изменениями и бездействовал. Попытка соединить политическую и экономическую либерализацию Советского Союза не состоялась, и не она стала базой для распада страны. Напротив, в стране сформировалась политическая и экономическая структура, внутренне неустойчивая и основанная на насилии. Когда уровень развития вырос, это подорвало способность властей неограниченно использовать насилие против собственного народа. В то же время происходил долгий, глубокий, клинический кризис в сельском хозяйстве страны, а рядом развивались конкурентные мировые рынки обрабатывающей промышленности. Экономика страны зависела от мировых цен, подвергавшихся сильным колебаниям. Все это и привело к катастрофе, которая произошла в Советском Союзе.

Российские финансы: что за горизонтом?

*Выступление на семинаре
Клуба региональной журналистики «Из первых уст»*

21 февраля 2007 г.

Опубликовано на сайте Клуба региональной журналистики.

Ведущая — Ирина Ясина.

Ведущая: *Егор Тимурович, Вам слово. Мы все внимание, хотя ребята немного устали, поскольку это у нас последняя лекция. На ней обычно уже становится пустовато: кто-то убегает, кто-то уезжает, но вот сейчас — полная аудитория, и все Вас ждут.*

Егор Гайдар: Дорогие коллеги, во-первых, приношу свои извинения за опоздание. Несколько соображений, связанных с ключевыми вопросами финансовой политики, которые сегодня обсуждаются в России на высоком уровне.

Мы столкнулись в последнее время с проблемой, которая в мировых финансах бывает, но которая довольно необычна. И она немножко противоречит здравому смыслу и именно поэтому требует некоторых усилий для того, чтобы ее понять.

У нас слишком быстро растут бюджетные доходы. Это обусловлено несколькими факторами. Первый из них это то, что Россия вышла из постсоциалистического кризиса, то есть в стране сформировалась рыночная, в основном частная экономика, интегрированная в мир, с конвертируемой валютой, и в этой связи динамично растущая. В общем, по всем историческим меркам темпы роста российской экономики на протяжении последних восьми лет довольно высоки. Этот рост аномально высок по историческим стандартам. То есть ускорение темпов роста душевого ВВП до 2% в год — это то, что создало мировое чудо, — Америку, современную Западную Европу. Мы последние годы растем темпами в районе между 6% и 7%. Это, в общем, очень динамичные темпы эконо-

мического роста, за которыми, конечно, стоит катастрофа Советского Союза, все наши проблемы конца 80-х — начала 90-х гг. Но тем не менее факт остается фактом. Мы очень динамично растущая экономика.

Второе. Мы провели поразительно успешную по любым историческим параллелям налоговую реформу в 2000–2002 гг. Я прекрасно понимаю, что любым налогоплательщикам принять тот факт, что мы провели поразительно успешную налоговую реформу, трудно, потому что они все прекрасно знают, что единственная разумная налоговая система — это система с нулевыми налогами. Все остальные системы налогообложения намного хуже. Тем не менее когда вы резко снижаете предельные ставки подоходного налога, вводите регрессию социального налога, ликвидируете оборотные налоги, резко снижаете ставку налога на прибыль, ликвидируете налог с продаж и в результате получаете резкий рост налоговых поступлений, то это то, о чем, я вас уверяю, мечтает любой ответственный финансист. На самом деле наша налоговая реформа 2000–2002 гг. поменяла представление в мире о том, как надо строить налоговую политику. Она стала предметом подражания, серьезного обсуждения, потом — попыток ее имитации. Это действительно был крупный успех.

У нас начинается динамичный экономический рост, и мы проводим крайне успешную налоговую реформу с точки зрения получения дополнительных доходов при снижении ставки, что является мечтой любого министра. У нас очень быстро начинают расти налоговые поступления. Это, как ни странно, очень серьезный вызов.

Такое в мировой экономической истории, в общем-то, бывало. Не в тех же масштабах, но похожих. Это было во время аномально высокого экономического роста в Западной Европе после войны, когда мир приходил в себя после потрясений между 1914 и 1950 гг. Темпы роста мировой экономики были так высоки, как они не были никогда ни до этого, ни после этого.

В то время, когда необычно высоки темпы роста, параллельно необычайно быстро растут возможности государственного бюджета. Мало того, что сам экономический рост создает для этого базу, плюс к этому, расширяющиеся масштабы экономики позволяют увеличивать масштабы налогового бремени. Именно на фоне этого роста вводятся налоги на добавленную стоимость в Европе,

вводятся налоги, которые похожи на наш единый социальный налог, призванный финансировать систему социального страхования. В это время представляется, что возможности государства финансировать свои обязательства просто безграничны — да все, что угодно.

Тон в финансовой политике Европы задает Франция, она первая ввела НДС. Конечно, когда у вас такой безумный рост доходов, в условиях демократии почти неизбежно начинается соревнование, а кто, собственно, предложит более популярные программы государственных расходов: пенсий — 20% к средней заработной плате, нет мало — 25%, 30%, 35%, 40%, 45%, 50%, 55%, 60%. Каждая следующая цифра еще более популярна. А деньги-то есть. И все знают, что они есть. Именно на этом фоне беспрецедентно высоких темпов роста государственных доходов и возникает та система социальной защиты, которая характерна для современной Европы. Правда, потом выяснилось, что эти темпы роста не на века, что они резко снизились после 1973 г. После этого выясняется, что налогоплательщики отнюдь не готовы все время мириться с тем, что налоговые ставки растут, растут, растут и растут. И они начинают как-то к этому адаптироваться, уходить в «серую» экономику, учатся уклоняться от уплаты налогов, уходят в офшорные зоны и так далее. И здесь выясняется, что вы задали на десятилетия вперед, в условиях безумно привлекательной экономической конъюнктуры, траекторию роста государственных обязательств, не спросив налогоплательщиков, готовы ли они покрывать эти обязательства.

В этом, собственно, ключевая проблема западноевропейских финансов, ключевая проблема кризисов правительств, поражений правящих партий на выборах. Когда они приходят на выборы, то говорят: «Извините, все было раньше так хорошо. А теперь вот те системы социальной защиты, о которых мы всегда говорили, что это — стержень нашей национальной идеи, мы не можем больше профинансировать». Это то, что было со Шредером и со многими другими правительствами Запада.

Причем в России на все это накладывается еще одна своеобразная, серьезная проблема, которая есть и в ряде европейских стран, в том числе крайне развитых, но не во всех. Она называется «нефтегазовый доход». Мы страна, в существенной степени зависящая

от доходов от нефти и газа. Грубо говоря, треть доходов российского бюджета — это нефтегазовые доходы. Самая развитая страна с этой проблемой — Норвегия. У нее тоже сопоставимые с нами масштабы доходов от углеводородного сырья. В Австралии огромные доходы от сырьевых ресурсов, в Новой Зеландии, в Канаде крупные. Это не бросает ни на кого тень. Но надо понять, что эти доходы имеют две неприятные, трудные для проведения экономической политики характеристики. Во-первых, их практически невозможно прогнозировать. Большинство характеристик мало-мальски стабильных мировых экономик довольно легко поддаются прогнозу на основе экстраполяционных моделей, где вы просто смотрите на то, что происходило раньше, дальше смотрите на факторы, которые могут изменить предшествующую тенденцию, и делаете выводы о том, что будет дальше. В общем, случаев, когда мало-мальски авторитетная организация ошибается в прогнозе годовой динамики европейской или американской экономики более чем на 1% — очень мало. Но есть набор параметров мировой экономики, в котором самым важным является цена на нефть, когда этот принцип не работает. Потому что нефтяной рынок устроен специфично и прогнозировать его на основе экстраполяционных моделей не удастся.

Скажем, совсем недавно вполне авторитетная, квалифицированная международная организация, которая называется Международный валютный фонд, скорректировала прогноз цен на нефть на этот год более чем на 20 долларов за баррель. Думаете, скандал случился? Там кто-то ушел в отставку, застрелился? Да ничего подобного. Все прекрасно понимают, что никто не может прогнозировать цены на нефть. Это такой специфически устроенный рынок. Я могу входить в технические детали, объясняя, почему он так устроен. Но не хочу тратить ваше время. Но просто поверьте, что все знают, что никто не умеет его прогнозировать. Все, кто вам будет рассказывать, что они знают, что будет происходить с ценами на нефть, они, мягко говоря, лукавят.

У нас с вами есть сектор экономики, цены в котором никто не знает, никто не умеет прогнозировать, который определяет 33 с лишним процентов доходов нашего бюджета. Это делает само по себе экономику очень специфичной, требующей специального режима управления. Но есть еще одна неприятная характеристи-

ка этой экономической структуры. Суть ее в том, что нефтегазовые доходы, если даже забыть о колебаниях цен на нефть, по доле в валовом внутреннем продукте имеют тенденцию к падению. Тому есть несколько причин. Первая из них — у нас нефтедобыча и газодобыча растет медленнее, чем экономика в целом. Уже этот фактор снижает долю доходов от нефти и газа в национальном ВВП.

Во-вторых, по мере экономического роста ВВП по паритету покупательной способности, в терминах реальной жизни, постепенно приближается к ВВП, измеренному в номинальных валютных курсах. Сколько ни жалуйся на московскую дороговизну, жизнь в среднем российском городе дешевле, чем в Чикаго. Но эта разница постепенно сокращается — это железный закон. В этой связи доходы от экспорта углеводородного сырья снижаются по доле в ВВП.

Третье. Ресурсы углеводородов, конечно, никто не может прогнозировать, также как и цены. Но в целом они не безграничны. И наиболее эффективные месторождения уже разрабатываются. Подавляющая часть из них находится в затухающей стадии добычи. Есть открытые месторождения, но не подготовленные к добыче. В целом российские власти предполагают, что с начала 2020-х гг. добыча нефти в России начнет сокращаться.

Что мы имеем в итоге? У нас есть крупные государственные обязательства, вытекающие из того, что высоки доходы, и у нас есть объективно заданная тенденция падения доходов от нефти. Это и определяет стратегический вызов для российских финансов в ближайшие 20–30 лет.

Мы, к счастью, вовремя успели создать инструмент, который сегодня не ругают только ленивый, он называется Стабилизационный фонд. Мы начали серьезное обсуждение вопроса о создании Стабилизационного фонда в 2001–2002 гг. Успели создать его в 2003 г., приняв соответствующий закон, прямо накануне начала периода аномально высоких цен на нефть.

Цены на нефть действительно колеблются в огромном диапазоне, и важнейший фактор, который их определяет, — резервные мощности. В 2004 г. на фоне резкого роста потребления нефти в Индии и Китае, казалось, что резервных мощностей, в общем-то, нет. Отсюда скачок цен на нефть, который вывел их на уровень, ну не такой высокий, как в 1980–1981 гг. на пике брежневского вре-

мени, но на уровень уже сопоставимый с ним. Потом темпы роста спроса в Индии и Китае замедлились. Цены начали снижаться. Снижение не было драматическим, не таким, как в 1985–1986 гг., но заметным. Для того чтобы сдержать снижение, страны ОПЕК начали наращивать резервные мощности, сокращая квоты на добычу. В общем, это такой неприятный признак для участников нефтяного рынка, очень похожий на то, что происходило, скажем, в районе 1983 г., накануне того периода, с которого начинается экономический крах Советского Союза.

Мы, как и многие другие нефтедобывающие страны, извлекли некие уроки из опыта 1980-х гг. Если в конце 1970-х — начале 1980-х гг. все нефтедобывающие страны, получив эти безумные доходы от резкого скачка цен на нефть, немедленно вложили их в национальную экономику, в массу проектов, приняли на себя кучу бюджетных обязательств, а когда цены упали в несколько раз, то после этого столкнулись с экономической катастрофой, то на этот раз подавляющее большинство нефтедобывающих стран сказало: «Нет, этого мы больше делать не будем. Мы не уверены, что эти цены на века. Мы уже видели, что бывает после периода подобного рода высоких цен. Мы лучше создадим финансовые ресурсы. Мы накопим валютные резервы. Мы будем крайне осторожно использовать эти деньги для наращивания текущих бюджетных обязательств». На самом деле, большинство нефтедобывающих стран потратило не более 30% этих экстрадоходов на то, что называется «национальной экономикой», на текущие расходные обязательства. Подавляющее большинство потратило на снижение долга, накопление резервов. Что, собственно, сделали и мы.

Именно это было важнейшим фактором, который позволил нам не увеличить темпы инфляции, как, кстати говоря, случилось в массе нефтедобывающих стран в районе 1980-х гг., когда приток валюты приводил к тому, что резко росли внутренние цены. Но беда в том, что подобного рода инструменты экономически абсолютно разумны, но политически их безумно тяжело защищать. Объяснить нормальному человеку, который не обязан быть профессиональным экономистом и проводить много лет за изучением специфики нефте- и газозависимых стран, что, когда у страны есть куча острейших проблем с одной стороны и высокие доходы от добычи углеводородов с другой стороны, что нельзя взять день-

ги от добычи углеводородов и направить их на решение этих вот острейших проблем, — это задача, почти не имеющая решения. Я точно знаю, что министр финансов нашей страны это прекрасно понимает, его ближайшие коллеги понимают это не хуже меня, председатель Центрального банка это прекрасно знает, его ближайшие коллеги тоже знают это не хуже меня. То есть мне скучно с ними разговаривать, а им со мной, потому что нам нечего друг другу объяснять, мы все и так понимаем. Причем мы понимаем, насколько опасно для страны делать то, что популярно, — это страшный вызов. Но, поверьте мне, объяснить все это — очень трудно. Это требует времени, некоей подготовки, образования, готовности и желания слушать. Везде, и мы здесь не исключение, в условиях аномально высоких цен на нефть возникает страстное желание эти деньги немедленно потратить на каждое направление, которое предложат.

Мы создали Стабилизационный фонд, имея за собой длинный опыт тяжелейших финансовых трудностей, связанных с крахом Советского Союза, который никогда не создавал валютные резервы, даже в условиях аномально высоких цен на нефть. Именно поэтому он обанкротился так драматически. Российские власти, понимая это, на фоне, еще раз подчеркну, динамичного экономического роста, успешной экономической реформы и аномально высоких цен на нефть, проводили ответственную финансовую политику, суть которой предельно проста. У нас растет ВВП? Растет. Вот насколько растет ВВП — настолько растут у нас расходы. Он динамично растет на 6–7%, на 6–7% растут наши расходы. Это стабильные доходные источники, они позволяют нам финансировать стабильные расходы. Эти доходы не зависят от факторов, которые никто не умеет прогнозировать, которыми никто не может управлять.

Больше того, не зависит от фактора, который зависит не только от экономики, но и от политики. Нефтегазовый рынок никогда не является «чистым рынком» в собственном смысле этого слова, это всегда не «просто экономика». В жизни так не бывает. Это всегда переплетение экономики и политики. На протяжении последних ста лет, когда страны, являющиеся потребителями нефти, не были удовлетворены условиями контрактов, которые им предлагали страны, где размещены запасы, у их берегов почему-то по-

являлись морские пехотинцы. Понять, что происходило на мировом рынке нефти в первую половину XX в., забыв о дипломатии канонерок, вообще нельзя. То, что происходило на рынке нефти в 1985–1986 гг., когда саудиты сказали, что они начинают резко наращивать добычу и использовать резервные мощности, перестают контролировать цены, наращивают свою долю на рынке независимо от того, что мы умудрились влезть в Афганистан и тем самым создать угрозу безопасности Саудовской Аравии, которую они именно так и восприняли, тоже невозможно. Но это все надо понять.

Есть два крупнейших игрока на этом рынке. Они называются так: Саудовская Аравия и Россия. Эта ситуация напоминает XIX век. Дворяне XIX века, выходя из дома, знали, что, в случае чего, им нужно будет стреляться на дуэли. Вот и нам надо всегда помнить, что мы должны быть готовы стреляться на дуэли, когда и если будет ценовая война. Советский Союз развалился не потому, что кто-то нанес по нему ядерный удар. Он развалился потому, что Саудовская Аравия начала против него ценовую войну и выиграла ее. Потому что у Саудовской Аравии были резервные мощности и финансовые резервы. У Советского Союза не было резервных мощностей и финансовых резервов. Точка.

Если кто-нибудь думает, что вся эта история навсегда в прошлом — это глубокая ошибка. Я прекрасно помню ситуацию 2001 г., когда мы были на грани ценовой войны с Саудовской Аравией. И мы не пошли по пути 1985–1986 гг. только потому, что Саудовская Аравия к этому времени оценила, что мы к ней готовы лучше, чем она. Потому что мы, только что пережившие тяжелый кризис, уже адаптировали свою экономику к тому, что цены на нефть могут быть 15 долларов за баррель. И у нас от этого будут неприятности, но ничего страшного не будет, а им будет тяжелей. Именно поэтому, после всех взаимных наездов, доходящих до крайностей, они решили, что еще раз затевать вариант 1985–1986 гг. не будут. Вы думаете, что кто-нибудь дал гарантию при всех объятиях в Эр-Рияде, что этого не будет никогда? В этой связи для нас, конечно, вопрос а) финансовых резервов и б) вопрос о резервных мощностях — это вопросы безопасности страны не менее важные, чем вопрос, сколько у нас ядерных ракет «Тополь-М».

Следующий момент, связанный с этим теснейшим образом. Мы прилично выдерживали линию расходной политики по текущим расходам между 2000 и 2004 гг. Да, мы не реализовали разработанную программу сокращения и экономии государственных расходов, которая была подготовлена ко второму сроку президентства Путина в 2003–2004 г. Но, будем реалистами, когда у вас прут государственные доходы по 13% в год в реальном исчислении в среднем за последние семь лет, рассказывать, как надо сокращать государственные расходы, можно, сидя у вас в гостях, но это не очень реально провести политически.

Дальше, конечно, начинается безумное соревнование в популизме, в том, что надо наращивать государственные расходы не на 7% в соответствии с темпами устойчивого ВВП, а на 14%, на 20%, на 30%? В общем, в текущем плане Министерство финансов более или менее выдерживает прессинг популистов. Но это же в текущем плане. Это же не относится к долгосрочным обязательствам.

У нас начинаются национальные проекты, создается инвестиционный фонд, материнский капитал и так далее. Причем против большинства из этих направлений почти нечего возразить. Кто будет возражать против того, чтобы иметь хорошую скоростную дорогу между Москвой и Петербургом? Кто скажет, что демографические проблемы для нашей страны не серьезны? Серьезны. Кто скажет, что плохо оснастить все школы электроникой и подключить их к интернету? Да, прекрасно, просто замечательно. Кто скажет, что кредиты на создание современных животноводческих комплексов с субсидируемой процентной ставкой на две трети учетной ставки — это плохая идея? Хорошая идея.

Но проблемы возникают вот где.

Скажем, те же самые животноводческие комплексы. Да я что, против них? Две трети субсидируемой ставки. Проект рассчитан на два года. Кредиты выдаются на 8 лет. А где оценка расходов на разность между двумя и восемью годами?

Материнский капитал. Прекрасная идея, кстати, я ничего не имею против. В этом году не будет стоить ничего. В следующем году не будет стоить ничего. Через год не будет стоить ничего. А потом будет стоить. И будет стоить примерно 0,4% ВВП. Если кто не понимает в финансовых расчетах и ему кажется, что это

немного — это, на самом деле, безумно много, это очень много, это огромная цена.

Я не против того, чтобы мы принимали подобного рода решения. Я против того, чтобы мы принимали их не посчитав, что это значит на 2020–2030 гг. А я вам могу сказать честно и точно, что никто этого не считал. То есть мы принимаем на основе аномально быстрых, связанных со случайными обстоятельствами, ростов доходов бюджета обязательства, которые надо будет нам и нашим детям выполнять в условиях, когда подобного рода аномальных темпов государственных доходов не будет. Более того, когда из-за снижения доходов от углеводородного сырья более чем вероятного, у нас будут снижаться государственные поступления от налогов.

Важнейшая, ключевая тема для любой финансовой полемики, связанной с долгосрочными перспективами, конечно, у нас одна, все остальное по сравнению с ней мелочь — это проблема называется «устойчивость национальной пенсионной системы». Эта тема в последнее время довольно активно обсуждается.

Тема — одна из самых горячих. Распределительные системы были созданы в условиях, когда демография была совершенно другой, чем та, которая есть сейчас и будет через 20 лет. Это не наша проблема. Это проблема всего развитого мира. Конечно, самая острая проблема сейчас — это соотношение средней пенсии с прожиточным минимумом. И она, кстати, решаема, на фоне динамичного экономического роста с ней можно более или менее справиться. Но беда в том, что представление о том, что коэффициент замещения, то есть соотношение средней заработной платы и средней пенсии, — это не выдумка какого-то чиновника из международной организации труда, это не чьи-то иллюзии каких-то экспертов. Это вытекает из здравого смысла. Вы могли не создавать пенсионных систем вообще. Подавляющая часть человечества никогда и не думала, что могут быть какие-то пенсионные системы. Но когда вы их создаете, они становятся элементом каждодневной жизни. После этого сказать: «Извините, мы тут пошутили, и теперь мы их демонтируем», — невозможно. Важнейший элемент, созданный на протяжении последних 150 лет пенсионных систем, — это представление о том, что уровень жизни пенсионера (с учетом того, что у него сокращаются расходы

на транспорт, все, что связано с трудовой деятельностью) должен сохраняться подобным тому, который он имел, когда работал. Но одно дело, когда вы такую систему создаете, когда у вас 7 рождений на одну женщину, а другое дело, когда 1,3 рождений на одну женщину. Можно понять, каковы налоговые последствия попыток сохранить систему. С другой стороны, попытки ее демонтировать — это вообще колоссальный социальный вызов для любой мало-мальски развитой страны. Инерционные прогнозы дают нам вполне понятные результаты. У нас средний коэффициент замещения, привычный для нас, был где-то в районе 35%. Это в стабильные советские времена. Он был 27,3% в 2005 г. И по инерционному сценарию он снижается примерно до 20%, я не говорю о деталях, в 2015 г. и до 16% — в 2020 г. То есть в два с лишним раза по отношению к привычному.

Вообще-то, такого нигде и никогда не происходило. И подумать, что это может происходить без серьезных и неприятных социально-политических последствий, трудно. Для того чтобы нам удержать коэффициент замещения на уровне, близком к 2005 г., пока земля под ногами не начала рушиться, нам нужно примерно 4% ВВП бюджетных доходов. Что такое 4% дохода ВВП? Если вы хотите увеличить на эту сумму налоги, то это значит, что вам нужно ЕСН увеличить с 25% до 50%, причем надеяться, что его будут регулярно платить. Это очень трудно.

Что делать? Да, в общем, здесь нет реальных альтернатив. Здесь все задано. Поверьте мне, можно сколько угодно дискутировать, власти могут принимать любые решения, что угодно решать, а делать они будут одно, потому что ничего другого делать нельзя: использовать, пока есть, высокие доходы от углеводородов для пополнения накопительной части пенсионной системы.

Может быть, кто-то из вас смотрел последнюю передачу Познера «Времена», посвященную пенсионной системе. Там Иван Иванович Мельников, председатель КПРФ, выдвинул идею о необходимости направлять доходы от углеводородного сырья, сверхдоходы, сверх накопленного Стабилизационного фонда, на накопительную часть пенсии. Мы с этой идеей работали года три. Это действительно единственный разумный путь, чтобы решить проблему, что делать, если пенсионные обязательства очевидно растут и будут расти, и их за счет текущих доходов распредели-

тельной системы покрыть нельзя. Пока, к счастью, есть высокие дополнительные доходы от углеводородов и направлять их на решение стратегической проблемы для страны, которая будет определять ее будущее на следующие 30 лет, — на пополнение накопительной части пенсионной системы, естественно. Конечно, есть технические детали. Надо увеличивать гибкость тех направлений, по которым можно использовать эти средства. Нужно направлять их на мировой рынок капитала, как это делается в странах, где есть накопительные пенсионные системы. Никак иначе я не могу себе представить, как решить проблему, связанную с обеспечением устойчивости пенсионной системы.

Следующая линия обороны. Мы не знаем, сколько лет продлится период высоких цен на нефть. И никто не знает. Да, мы накопили на сегодня 9,9% ВВП в Стабилизационном фонде. Некоторым кажется, что это какая-то безумная величина, что-то такое запредельное. Ничего подобного. Если цены на нефть всего лишь приблизятся к уровню, который был в 2001–2002 гг., и казался крайне высоким, и которого никто не ожидал, то у нас доходы бюджета упадут на 84,4% ВВП в год. И Стабилизационный фонд мы легко потратим за три года. Прошу прощения, прошлый раз период низких цен на нефть продлился не три года, а 15 лет. Через 3 года советская экономика стала разваливаться.

Есть такая развитая страна мира, тоже зависящая, как и мы, от углеводородного сырья, которая называется Норвегия. В Норвегии в прошлом году правительство решило превратить Нефтяной фонд — аналог нашего Стабилизационного фонда, в Глобальный пенсионный фонд. То есть как раз аккумулировать там средства для решения тех задач, о которых я вам говорил три минуты тому назад. Как вы думаете, размеры Глобального пенсионного фонда — аналога Стабилизационного фонда, в Норвегии в процентах к ВВП выше, чем в России? Стабилизационный фонд, который кажется таким огромным? Я вам скажу — в 10 раз.

Ведущая: *Извините, Егор Тимурович, это притом, что население Норвегии примерно равно населению города Москвы.*

Егор Гайдар: Да. Я в данном случае говорю в процентах к ВВП. В данном случае мы считаем в процентах к ВВП. То, что вы говорите, не имеет принципиального значения. Действительно норвежские власти приняли решение о том, что раз уж есть такие круп-

ные дополнительные непредсказуемые доходы от углеводородов, а у нас есть трудноразрешимая проблема обеспечения устойчивости пенсионной системы, то давайте мы эти деньги направим на накопительные пенсии и вложим их в мировые ликвидные финансовые инструменты, чтобы они приносили нам доходы, примерно 4% ВВП в год (это чуть меньше, чем расходы России на пенсионную систему сейчас), чтобы у нас пенсионная система была долгосрочной и всегда устойчивой, чтобы ни происходило с ценами на нефть. В Норвегии начали формировать свой нефтяной фонд в 1996 г. А мы начали в 2004-м. Конечно, у них было гораздо больше времени для того, чтобы накопить большие резервы. Никто из нас: ни мы, ни норвежские власти, — не знает, сколько продлится период высоких цен на нефть. Дай бог, чтобы он продлился подольше, чтобы было время накопить нам фонд, сравнимый с тем, что накопили в Норвегии, и таким образом обеспечить устойчивость пенсионного фонда. Но ведь нам никто этого не гарантирует.

Какова наша вторая линия обороны? Еще раз подчеркну: объяснить пенсионерам в 2020 г., что их пенсии должны будут составлять 15% от привычной заработной платы, — я не знаю, кто возьмется. Вторая линия обороны у нас — государственное имущество. Да, мы начинали приватизацию в условиях безумного беспорядка, связанного с крахом советской экономики, с бурно падающей нефтедобычей, с государственным банкротством. В этой ситуации надеяться, что мы получим на этом большие деньги, было бы крайней наивностью.

Я неоднократно спрашивал руководство крупнейших нефтяных компаний мира, вполне хорошо представляющих ситуацию в отрасли: «Представим себе компанию, в которой добыча падает на несколько миллионов тонн в год. Платежи по налогам просрочены на год. Задолженность по заработной плате от 6 до 9 месяцев. Количество убийств в компании или связанных с ней структурах измеряется десятками человек. Сколько вы бы отдали за то, чтобы приобрести половину такой компании?». Они говорят: «Мы бы не отдали ни одного цента. И не взяли бы ее, даже если бы вы нам приплатили». Потом туда приходит эффективный собственник и с огромным трудом, с большим количеством применения разных, не совсем конвенциональных, средств устанавливает там контроль. После этого перестают возникать проблемы с бюджете-

том, задолженностью работникам, добыча начинает расти, инвестиции расти. А потом приходит крупный иностранный инвестор и говорит, что он с огромным удовольствием за половину акций этой компании заплатит 6,75 млрд долл. Я думаю, вы понимаете, о какой компании я веду речь. Так вот, тогда нам приватизация была нужна не для денег. Тогда она была нужна для того, чтобы покончить со всем тем бардаком, который последовал за крахом советской экономики, советской системы.

А у нас рост нефтедобычи замедляется после дела «ЮКОСа» и сигнала, что она сможет снова стать государственной. Все, по моему, очень понятно. Конечно, когда эта частная экономика начала бурно расти, выяснилось, что эти частные компании стоят совершенно других денег, чем те, за которые их приватизировали, те, по которым они котировались на рынке в 1990-х гг.

Они дорого теперь стоят. У нас обозначилась тенденция ренационализации нефти. На этом фоне темпы роста добычи почему-то упали. Сказать, что по финансовым результатам наши государственные предприятия нефтегазового сектора чем-то могут сильно похвастаться, было бы сильным преувеличением. Задолженность государственных нефтегазовых компаний сегодня примерно в 20 раз превышает задолженность частных. О чем-нибудь это вам говорит? Нет ни одного аргумента в пользу того, что государственные компании лучше управляют этим производством, чем частные. Тем не менее именно то, что экономика частная, именно потому, что финансовая стабильность обеспечена, они дорого стоят.

Наши государственные активы стоят дорого. Это без земли, без недвижимости, только капитализация государственных активов, котирующихся на рынке ценных бумаг корпораций. Сегодня она составляет примерно 35% ВВП. Это почти столько, сколько нам надо, чтобы обеспечить устойчивость пенсионной системы.

У нас есть неэффективная государственная собственность. У нас есть фундаментальная и трудноразрешимая проблема устойчивости пенсионной системы. А как бы эти две проблемы связать. Я вас уверяю, можно. Больше того, это неизбежно произойдет. Потому что нам надо будет начинать новый этап приватизации государственных компаний. Но на этот раз уже, естественно, спокойный, хорошо подготовленный, без всяких глупостей, чисто рыночно,

прозрачно, что принесет нам максимальный доход, чтобы весь его направить на подкрепление накопительной части пенсионной системы. Да, в этом нет сомнений. Вопрос только в том, когда это станет очевидно.

Еще одна широко обсуждаемая и ключевая для российских финансов проблема, которая называется «налоговая политика». Традиционно в мире все ответственные правительства прекрасно понимают, что когда и если вы принимаете расходные решения, скажем, типа решения о материнском капитале, которое стоит столько, сколько стоил налог с продаж, который мы отменили, то, в общем, надо подумать, за счет каких налогов вы собираетесь его профинансировать. Налоги, естественно, платить неприятно. Но если и когда вы принимаете расходные программы, вы должны понять, что никакого другого источника, кроме налогов, у вас нет.

У нас есть налоги стабильные и нестабильные, предсказуемые и не предсказуемые. Скажем, самый стабильный налог при всем при том — это налог на добавленную стоимость. Он меньше всего зависит от колебания цен на нефтепродукты. Там минимальная эластичность. А, скажем, налог на прибыль зависит уже больше. А НДС, экспортные пошлины зависят в колоссальной степени, почти полностью. Если вы не собираетесь в неприятных условиях, не зависящих от вас, при изменении конъюнктуры мирового рынка, закрывать школы, госпитали и университеты, распускать армию, то вы должны полагаться на устойчивые налоги.

Во второй половине XX в. именно на фоне финансового кризиса, связанного с экспансией государственных обязательств, взятых с начала 1980-х гг., и выявившейся невозможностью дальше наращивать налоговую нагрузку, в моду вошла идея, которая 50 лет назад показалась бы подавляющему большинству ответственных финансистов экзотичной. Идея, что можно повышать государственные доходы, снижая налоги. Собственно, то, что слишком высокие налоги могут приводить, в силу уклонения от них, к снижению доходов — это прекрасно понимал Адам Смит. Но для него вопрос о государственных доходах был равен вопросу о государственных расходах. Вот идея, что можно снижать налоги и не снижать государственные расходы и таким образом получать дополнительные доходы, ему никогда в голову не приходила.

В 1970-х гг. под влиянием политических реальностей пришли к следующему. Повышать налоги нельзя — это непопулярно, сокращать расходы тоже нельзя — это тоже непопулярно. А что можно придумать популярного? А давайте мы будем снижать налоговые ставки и получать дополнительные доходы. Очень высокие налоговые ставки стимулируют теневую экономику. Но никто никогда не научился считать зависимость налоговых поступлений по каждой стране, и по каждому конкретному налогу, по уровню налоговых ставок. Такого человека нет.

Когда мы планировали налоговую реформу 2000–2002 гг., мы с самого начала для себя решили, что мы включаем нулевые гипотезы по снижению уклонения от уплаты налогов, что мы понимаем, как мы компенсируем все потенциально выпадающие доходы, каким снижением расходов. Если вдруг выяснится, что начинается снижение уклонения, — это будет прекрасный, замечательный сюрприз. И уж как потратить деньги, государство найдет. Но мы, планируя реформу, никогда таких гипотез не включали. Именно поэтому успех налоговой реформы 2000–2002 гг. создал риски. Да, она была очень успешной. Да, резко снизилось уклонение. Да, снизив ставки, мы получили повышение поступлений в бюджет. Но дальше же возникает естественная реакция. Смотрите, ставки снизили — снизили, доходы выросли — выросли. Тогда давайте и дальше снижать. А давайте мы снизим НДС с 20% до 18% — налоги же вырастут? Ни черта ничего не выросло. Упало ровно настолько, насколько должно было упасть из-за изменения ставки. Ладно, НДС — мало, давайте ЕСН снижать. Я против снижения ЕСН. Если вы снижаете ЕСН, тогда вы исходите из гипотезы, что у вас будет нулевой рост собираемости. А потом, скажите мне, как у вас будет функционировать пенсионная система? Если вы знаете ответ на этот вопрос — замечательно, снижайте. Нет, говорят, так у нас же собираемость сразу вырастет.

Я, как либерал, сторонник низких налогов, считаю, что низкие налоги должны обеспечиваться низкими государственными расходами. А когда и если вы снижаете такие налоги, скажем, как НДС, который вообще нигде, никогда не показал, что его собираемость зависит от ставки, и надеетесь при этом на рост собираемости, то вас ждут неприятные сюрпризы, так же, как и с ЕСН.

Вопрос: *Егор Тимурович, Вы сказали, что растет собираемость налогов, и говорили вообще о стратегических вопросах. В развитых странах доля муниципалов в собранных деньгах где-то 40%? А у нас получается примерно 10%. Налоговые поступления растут, но люди на местах этого не видят, не чувствуют.*

Вот хотя бы пример. Село Подгорное. В нем 75 км улиц. Ремонтировали в прошлом году 2,5 км, а надо 15. При таких вот нормативах, при таких деньгах мы никогда не будем ходить по хорошим улицам. Такие же проблемы по воде, теплу. Это вот то, чем люди живут каждый день. И пирамида государственных расходов получилась перевернутая. У муниципалитетов 10% остается, а все уходит куда-то наверх.

Егор Гайдар: Да, это очень тяжелая проблема. Она связана с так называемой муниципальной реформой. Я думаю, что Вы, так же как и я, довольно скептически относитесь к муниципальной реформе в том виде, в котором она начала проводиться.

Вопрос: *Егор Тимурович, считаете ли Вы, что государство должно полностью рассчитаться по внутренним обязательствам? Я имею в виду сгоревшие вклады в Сбербанке. Или же это форс-мажор и все.*

Егор Гайдар: Знаете, обесценение сбережений в Сбербанке в Советском Союзе — России является следствием финансовой катастрофы, которая произошла в Советском Союзе, и связанной с ней гиперинфляцией. После гиперинфляции вклады и сбережения в целом никогда не восстанавливали нигде. Скажем, гиперинфляция 1917–1921 гг., естественно, обесценила все вклады в российских банках, и никому идея их восстановления в голову не приходила. Идея индексации вкладов, естественно, популярна. И она очень сильно помогла нацистам прийти к власти в Германии. Там тоже, собственно, в ходе гиперинфляции вклады среднего класса Германии обесценились. Пришли консерваторы, традиционные правые, которые сказали: «Сейчас мы вам все компенсируем, восстановим». На этом победили, выиграли на выборах. Потом сказали: «Знаете, как-то не получается. Так вот трудно». После чего, естественно, проиграли следующие выборы и пришли нацисты. Они, конечно, никаких вкладов не восстановили, но что дальше произошло, мы все хорошо знаем.

Можно ли в принципе сегодня восстановить вклады? В принципе да, это возможное дело. А абсолютно ли вы убеждены, что

именно это справедливо? На самом деле, вклады в Советском Союзе беспрецедентно приросли в 1991 г., когда у нас уже начала разваливаться старая экономика и еще не было новой. Это когда у нас были кооперативы, которые перепродавали по рыночным ценам то, что они покупали у директоров, которым они давали взятки, по государственным ценам. Это тогда, когда были квоты на нефть. Нефть стоила на внутреннем рынке 1 доллар, а на внешнем рынке 100 долларов — вот тогда была аккумулирована половина вкладов. Вы абсолютно убеждены, что хотите провести это социально справедливое восстановление вкладов? Тогда вы именно этим людям должны сейчас эти накопления, которые нам сегодня нужны для того, чтобы обеспечить нормальную жизнь пенсионеров, компенсировать. Если вы считаете, что так надо, а не сегодняшним пенсионерам, ну скажите, я не «против». Это финансово возможно.

Ведущая: *Я хочу из личного опыта привести пример, поскольку Егор Тимурович сказал про 1991 год. Я помню, что это началось чуть раньше, с 1989 г. Мы были аспирантами, и первые годы работали. А у нас как-то сразу стало хорошо с деньгами. Мы бесконечно зарабатывали по трудовым договорам, мы заключали с какими-то заводами какие-то соглашения на проведение обследований. Я помню, что мы очень хорошо заработали на Вербилкинском фарфоровом заводе, строя им модель регулирования заработной платы и так далее, и тому подобное. Слушайте, нам платили по 1000 руб. на человека за две недели, 25–26-летним людям. Истратить эти деньги было нереально, потому что купить на них было нечего. А что мы делали? Привыкли к тому, что много денег на сберкнижке — это хорошо, мы несли их в Сбербанк. У меня лично пропало 18000 рублей в Сбербанке. Ну, как пропало — обесценилось. Их там осталось 18000 руб., но они уже стали стоить существенно меньше. Слушайте, мне было ужасно обидно. Я понимала только одно, что эти деньги появились в последние два года и не стоили мне никакого труда. Хотя, если взять в ценах какого-нибудь 1978–1979 г., я была просто супербогатая женщина.*

Егор Гайдар: Дело в том, что я в последней книге, в «Гибели империи», привожу довольно много документов последних советских властей. Суть документов — это крик о том, что деньги же ничего не стоят, за ними же ничего не стоит, их обеспе-

чение равно нулю. У меня, у моего тестя — Аркадия Натановича Стругацкого, человека, за книги которого Советский Союз получил кучу денег, на сберкнижке лежало что-то 150 тыс. руб., которые, естественно, пропали. Вы думаете, что я не понимал существующей финансовой ситуации? Понимал. Понимал очень хорошо. Я понимал, что эти деньги обесценятся, но что я ему мог посоветовать-то? Куда, на что их потратить? Если потратить их не на что.

Ведущая: *Я хочу еще один год вспомнить. Кстати, я в трудах Егора Тимуровича вычитала в свое время, что первые заимствования в Сберкассах, тогда это так называлось, начались в 1967 г. Я не знаю, что советские власти делали на эти деньги: БАМ строили или в Самотлор вкладывали, но факт тот, что произошло изъятие денег у населения, и деньги были потрачены.*

Егор Гайдар: Собственно, в официальных документах советского правительства осени 1991 г. прямо сказано, что все деньги, которые вложило население в Сберкассы, потрачены на финансирование текущих государственных расходов.

Вопрос: *В начале декабря была встреча руководства Газпрома с региональными журналистами. И руководители компании заявили, что Газпром никогда не согласится быть миноритарным акционером. И последующие события с компанией «Шелл» это подтвердили. На Ваш взгляд, такая экономическая политика — это политика силы или политика слабости, она оправданна? Какие негативные последствия могут от этого быть?*

Егор Гайдар: Знаете, мне не нравится динамика задолженности Газпрома, это первое. Мне не нравится динамика добычи газа в Газпроме. Даже после ввода Заполярного месторождения добыча газа в Газпроме не растет. Я не вижу, откуда она начнет расти в ближайшие годы. Я вижу, как бурно растет задолженность компании. Все это вместе для меня, как и для любого нормального экономиста, признаки озабоченности. Да, компания обладает огромными активами, но как она ими пользуется, мне кажется, не является предметом для подражания.

Вопрос: *Вот подняли зарплату медикам, добавили единой цифрой — 10 тыс. руб. От этого, прямо скажу, работать лучше они не стали. Но вот вопрос: в образовательной сфере когда-нибудь педагогам также поднимут зарплату или нет? То есть что-то луч-*

шится, хотя бы материальное положение самих педагогов, так же как и самих медиков? Что-то предусмотрено или нет?

Егор Гайдар: Есть элементы образовательные в системе национальных проектов, в том числе и доплаты учителям, получаемые, правда, по конкурсу. Я убежден, что повышение зарплат учителей в точности так же, как и медиков, стратегически абсолютно необходимо. Это для меня один из факторов, который заставляет думать, что рост доли государственных расходов ВВП является заданным. Очень хотелось бы, чтобы это совмещалось, чего не было сделано в здравоохранении, с какими-то осмысленными изменениями в том, как предоставляются соответствующие образовательные или здравоохранительные услуги. Я понимаю, просто из гуманитарных соображений, что учителям и врачам надо платить больше. Но при этом я хочу, чтобы они лучше учили детей и лучше лечили больных. Вот это, к сожалению, полностью выпало из системы национальных проектов.

Вопрос: *Егор Тимурович, мне хотелось бы поддержать коллегу по уродски складывающимся межбюджетным отношениям. Регионы ободрали до предела. Вы, как человек близкий к этой кухне, к экономической, скажите, чья это инициатива? Буквально, действительно ободрали. Оставили один земельный налог и 30% НДФЛ, и все. Все остальное — это такой мизер.*

Егор Гайдар: Как это 30% НДФЛ?

Вопрос: *У нас в городе составляют 30% НДФЛ. 60% или 30% — в области. Там три уровня бюджета.*

Егор Гайдар: Нет, НДФЛ есть в области.

Вопрос: *Но у нас 30%. Понимаете, у нас город живет рядом с градообразующим предприятием, у которого миллиардные обороты. Это Михайловский горно-обогачительный комбинат, это Курская магнитная аномалия, там все цветет и пахнет. А город нищий. Ложатся пенсионеры в больницу: они идут со своей чашкой, ложкой, сковородкой, жареной рыбой, лекарствами, шприцами и всем прочим. Медицина в полном загоне.*

Егор Гайдар: Вы знаете, мы занимаемся этой проблемой многие годы. У нас был набор абсолютно не бессмысленных, причем просчитанных и не для одного города, а для репрезентативных выборок муниципальных образований, вариантов выстраивания отношений между региональными и муниципальными властями.

Это очень непростая проблема. Легче всего сказать, что все надо оставить в муниципалитете. Потом дальше выясняется, что у вас все хорошо, а в соседней деревне, где нет этого предприятия, все совсем плохо. Там все совсем не так просто. Но есть набор разумных решений, который позволяет сделать систему, во-первых, гораздо более предсказуемой, стабильной, прозрачной. К сожалению, пока не можем пробить.

Ведущая: *Можно я задам вопрос, пока мы недалеко ушли от вопроса по поводу Газпрома. Чем грозит нам падение добычи газа при бесконечно увеличивающихся объемах, которые Россия обязуется поставлять на экспорт?*

Егор Гайдар: Если предполагать худший возможный сценарий, это грозит нам тем, что российские власти вынуждены будут понять, что независимые производители газа — это не какое-то неприятное недоразумение, а это именно то, за счет чего наша страна будет жить и развиваться.

Ведущая: *Конечно. Потому что в ином случае мы превратим наши города в Пекин.*

Егор Гайдар: Если у нас не будет расти добыча независимых производителей газа, то я вообще не представляю себе, как обеспечить устойчивость экономического роста.

Ведущая: *Ну, я представляю, во что превратится экология крупных городов, потому как вот зимой была в Пекине и очень хорошо поняла, как тяжело дышать в том городе, где электростанции работают на угле. Там просто реально тяжело дышать.*

Егор Гайдар: У нас именно в силу проблем с газодобычей, которые есть и которые будут в следующие десять лет, в том числе из-за того, как устроен Газпром, у нас совершенно обязательно, ничего вы с этим не сделаете, будет расти доля угля в электрической генерации. Она вырастет примерно миллионов на шестьдесят. Да, это будет иметь тяжелые экологические последствия. К счастью, по программе развития нашей электроэнергетики предполагается строительство угольных станций с приличными показателями по экологии, хотя чистыми они никогда не будут.

Вопрос: *К вопросу об энергоресурсах. Сейчас очень большие деньги вкладываются в Дагестан в развитие именно гидроэлектростанций.*

В связи с этим вопрос. До начала 1990-х гг. Дагестан не был дотационным регионом — он был регионом-донором. Насколько велик

шанс Дагестана вернуться в эту категорию — категорию регионов-доноров, а не субсидируемых?

Егор Гайдар: Вы знаете, до начала 1990-х гг. вся ценовая структура была устроена так, что обсуждать вопрос, кто донор, кто реципиент, было совершенно бессмысленно. Экономика была не рыночная по своей природе. Но должен вам сказать честно и откровенно, потому что представляю себе ситуацию с дагестанскими финансами, я не думаю, что перспектива возвращения Дагестана в число регионов-доноров является актуальной для следующего десятилетия.

Состояние мировой экономической конъюнктуры и перспективы экономической политики в России

Выступление на семинаре Е.Г. Ясина в Высшей школе экономики

30 января 2008 г.

Опубликовано на сайте Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

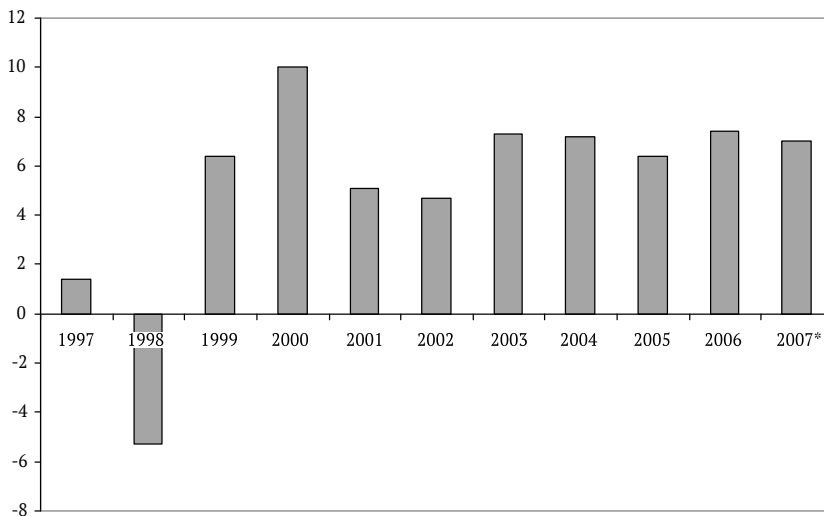
Уважаемые коллеги, хотел бы сегодня обсудить вопрос о том, как влияет состояние и перспективы мировой экономической конъюнктуры на экономический рост в России. Изменения мировой конъюнктуры, возможность рецессии в Соединенных Штатах, замедление глобального роста сегодня, пожалуй, одна из самых обсуждаемых в мире тем. В ходе президентских выборов в США она твердо вытеснила на второй план другие проблемы, включая такую острую, как война в Ираке.

Она была в центре обсуждения в Давосе. Участники разделились на две партии, которые условно называются партия «R» и партия «S», соответственно партия рецессии и партия slowdown — замедления. Полезно попытаться понять, в какой степени изменение мировой экономической конъюнктуры скажется на положении в нашей стране. Но сначала несколько слов о фоне, на котором мы встречаем замедление мирового экономического роста.

Россия сегодня — динамически развивающаяся экономика (рис.1).

Рост начался отнюдь не в 2000 г. Это произошло в 1997 г., когда наша страна вышла из постсоциалистической рецессии, были созданы основные институты рыночной экономики. Рост был прерван мировым финансовым кризисом на развивающихся рынках 1998 г., падением цен на нефть, потом восстановился в 1999 г.

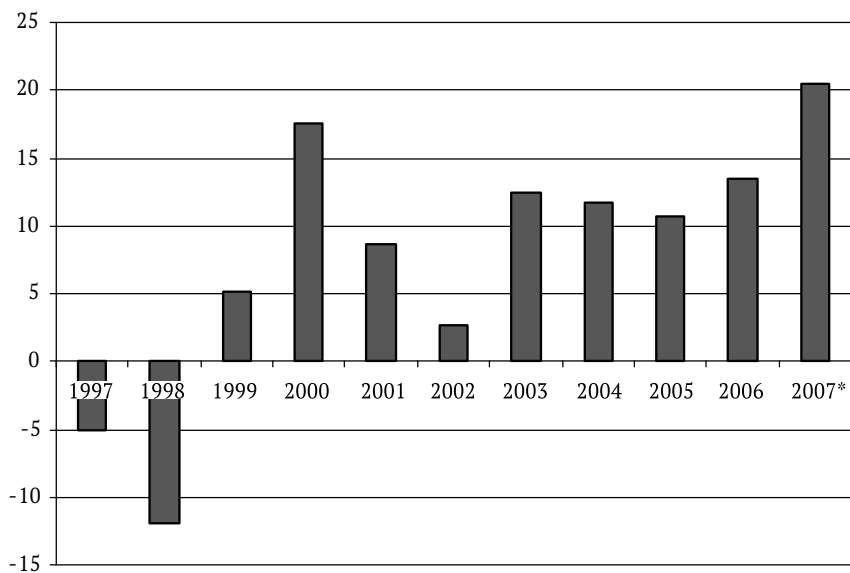
СОСТОЯНИЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРЫ...



* Предварительная оценка.

Рис. 1. Темпы прироста ВВП России (в % к предыдущему году)

Источник: Росстат.



* Предварительная оценка.

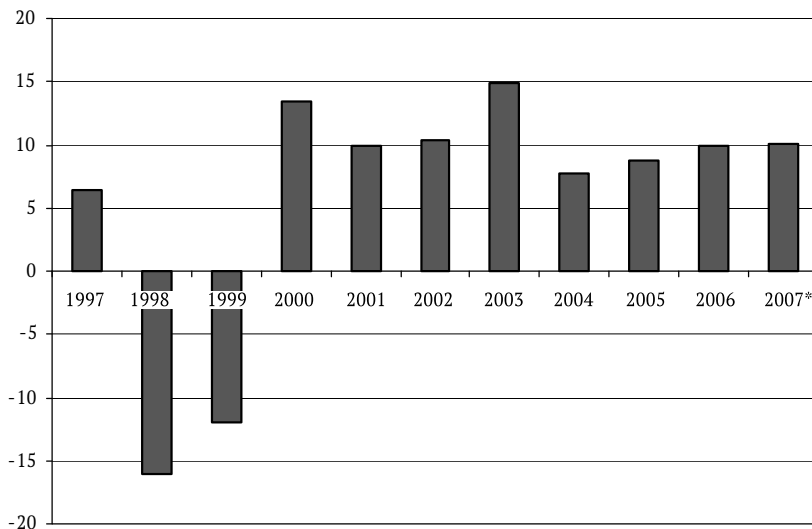
Рис. 2. Темпы прироста инвестиций в основной капитал (в % к предыдущему году)

Источник: Росстат.

и продолжается до настоящего времени. Экономика в среднем за эти годы растет примерно на 7% в год.

До 2002 г. рост носил в основном восстановительный характер, его обеспечивало использование мощностей, созданных в советские времена. С 2003 г. он приобретает инвестиционный характер. В 2007 г. темп роста инвестиций превышает 20% в год по отношению к предшествующему году (рис. 2).

На этом фоне растут реальные доходы населения (рис. 3).



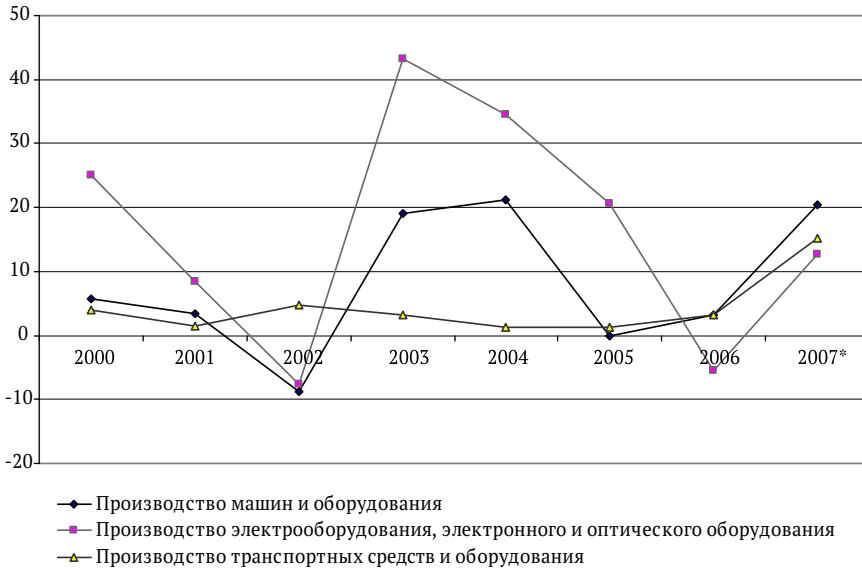
* Предварительная оценка.

Рис. 3. Темпы прироста доходов населения (в реальном исчислении), % к предыдущему году

Источник: Росстат.

В такой ситуации тем, кто находится у власти, трудно быть непопулярными. В этом, а отнюдь не только в манипулировании средствами массовой информации и подсчетом голосов на выборах, — основа стабильности нынешней политической конструкции.

Широко распространенное представление, что российский экономический рост — следствие аномально высоких цен на нефть и газ. Это ошибка. Да, нефть и газ по-прежнему важны для нашего платежного баланса, бюджета, но сам рост с ними связан лишь в ограниченной степени.



* Данные за 11 месяцев.

Рис. 4. Темпы прироста производства машиностроительной продукции (в % к предыдущему году)

Источник: Росстат.

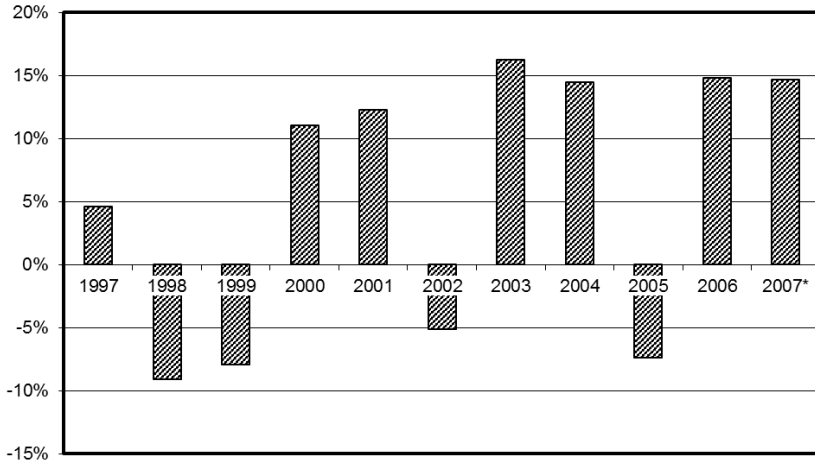
У нас наиболее быстрорастущие сектора экономики отнюдь не нефть и газ, а машиностроение и электрооборудование (рис. 4).

Можно выдвинуть гипотезу, что высокие цены на газ и нефть ведут к тому, что нефтегазовый комплекс заказывает машины и оборудование и именно поэтому растет машиностроительное производство. Но параллельно быстро растет и машиностроительный экспорт (рис. 5). В последние годы он растет темпами в 15% в год.

Динамично растет все, что связано с телекоммуникациями и услугами связи (рис. 6).

Здесь темп роста составляет 25–30% в год. В целом обрабатывающие отрасли растут заметно быстрее, чем отрасли добывающие (рис. 7).

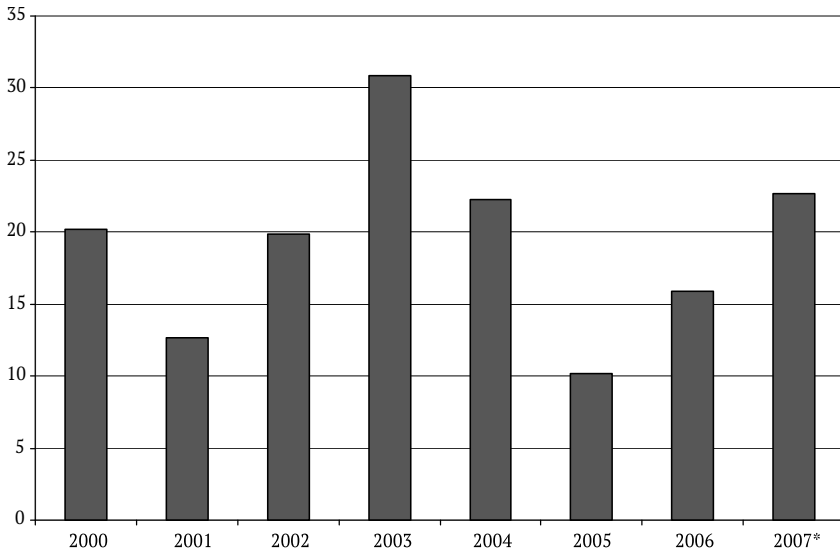
Диверсификация экономики является важнейшей стратегической задачей, но, обсуждая ее, не надо забывать, что этот процесс идет.



* Предварительная оценка.

Рис. 5. Динамика российского экспорта машин и оборудования (в % к предыдущему году)

Источники: 1. Российский статистический ежегодник за 1999, 2000, 2006 г.; 2. IMFIFS 2007; 3. WDIonline, WorldBank.



* Данные за 3 квартала.

Рис. 6. Темпы роста доходов организаций связи (в % к предыдущему году)

Источник: Росстат.



* Предварительная оценка.

Рис. 7. Темпы прироста выпуска в добывающих и обрабатывающих отраслях (в % к предыдущему году)

Источник: Росстат.

Структурные реформы с 2004 г. замедлились. Подобного тому, что удавалось сделать в 2000–2003 гг., когда были проведены радикальная налоговая реформа, реформа системы бюджетного федерализма, бюджетного процесса, создан Стабилизационный фонд, заложены правовые основы частного земельного оборота, — в 2004–2007 гг. сделать не удалось. Но оценивая происходящее, нельзя забывать и о позитивных решениях, принятых в прошлом году. Когда бюджет был разделен на общий и нефтегазовый, Стабилизационный фонд — на Резервный фонд и Фонд национального благосостояния. Это разумные решения. В прошлом году мы добились серьезного и позитивного поворота в миграционной политике. Национальные проекты, которые два года назад можно было рассматривать как элемент предвыборной пропаганды, при всех связанных с ними проблемах, приобретают стратегическую осмысленность. Думаю, что не все присутствующие в этом зале

знают, что в первой декаде октября прошлого года мы находились на грани тяжелого банковского кризиса. Славу богу, что большинство наших сограждан об этом не узнало. Это свидетельствует о квалифицированных и оперативных действиях руководства ЦБ, которое на протяжении десяти дней катастрофическую ситуацию сделало управляемой.

В течение минувшего года были разработаны документы, определяющие среднесрочные и долгосрочные направления нашей общеэкономической политики, финансовой, денежной политики. Можно спорить об их качестве, но у них есть одна характерная черта — они написаны так, как будто таких вещей, как изменение мировой экономической конъюнктуры, не существует вовсе или для нашей страны они не имеют значения. Где-то в примечаниях можно найти нечто напоминающее о существовании цикла экономической конъюнктуры, но в основном тексте упоминания об этом нет.

Это можно понять. В начале 1990-х гг., когда в России складывалась рыночная экономика, естественным было желание к исследованию российской экономической конъюнктуры применить аппарат, выработанный для анализа развития событий в стабильных рыночных экономиках. Большая часть (присутствующие в этом зале хорошо это знают) современной экономической теории, базовой литературы, по которой учат студентов, — это работы, связанные с циклом экономической конъюнктуры, проблемами совокупного спроса и предложения, влиянием на цикл денежной и бюджетной политики, внешних шоков, валютной политики, открытости экономики. Это неотъемлемая составляющая часть каркаса современной экономической теории. Естественным было желание исследователей попытаться применить этот инструментарий к анализу того, что происходит в нашей стране. Результаты оказались разочаровывающими. Почему? По вполне понятным причинам. Этот инструментарий сформирован для стабильных, устоявшихся рыночных экономик. В таких экономиках, если и случается, что темпы роста ВВП увеличиваются или падают на 3–4%, — это крупное событие. Когда сходный инструментарий пытаются применить к экономике, которая проходит процесс глубоких структурных изменений, скажем, постсоциалистическую рецессию, переход к восстановительному росту, а колебания

темпов роста или падения составляют не 3%, а десятки процентов, выясняется, что все, что вы сможете получить из стандартных моделей, не имеет отношения к происходящему. Вы делаете ошибку за ошибкой и эти ошибки связаны с тем, что эта методология малоприменима к анализу постсоциалистического перехода. Поэтому работы, в которых авторы пытаются прогнозировать экономическую динамику в нашей стране на базе общепринятой методологии анализа цикла, постепенно выходят из моды, становятся опасными для профессиональной репутации. Это происходит в то время, когда Россия выходит из постсоциалистической рецессии, периода восстановительного роста, вступает в период инвестиционного роста, становится неотъемлемой составляющей частью мировой экономики. В результате мы подходим к повороту мировой экономической конъюнктуры, не осознав, что он значит для нашей страны.

Рецессии в США на протяжении многих десятилетий — важнейший фактор замедления мировой экономики. Бывают исключения. Замедление темпов глобального роста в 1998 г. шло на фоне благоприятной конъюнктуры в США, оно распространилось в первую очередь на развивающиеся рынки. Поэтому оно оказалось сравнительно ограниченным по масштабам. Снижение темпов роста мирового ВВП по сравнению с 1997 г. составило 1,4%. В большинстве случаев периоды замедления мирового экономического роста на протяжении последних десятилетий были связаны с замедлением роста или его отрицательными показателями в американской экономике.

В последние десятилетия некоторые характерные черты цикла мировой конъюнктуры меняются. Во-первых, годовые колебания темпов роста по сравнению с предшествующими десятилетиями уменьшаются. Во-вторых, изменения конъюнктуры в одной крупной стране, например в Соединенных Штатах, сильнее сказывается на происходящем в других странах. Это накладывается на увеличение мировых дисбалансов, обусловленное открытием рынка капитала. В данном случае под этим я понимаю отношение суммы дефицитов платежных балансов к мировому валовому внутреннему продукту. Лет двадцать назад эти цифры обычно колебались в пределах 2–2,5%, сейчас в пределах 5,5–6%. Текущее функционирование экономики сильнее, чем прежде, зависит от

такого трудно прогнозируемого фактора, как международный переток капитала. А между тем его направление меняется быстро и непредсказуемо. При этом в мире нет ничего подобного национальным центральным банкам, мировая финансовая инфраструктура слишком слаба, чтобы справляться с масштабными изменениями потоков капитала.

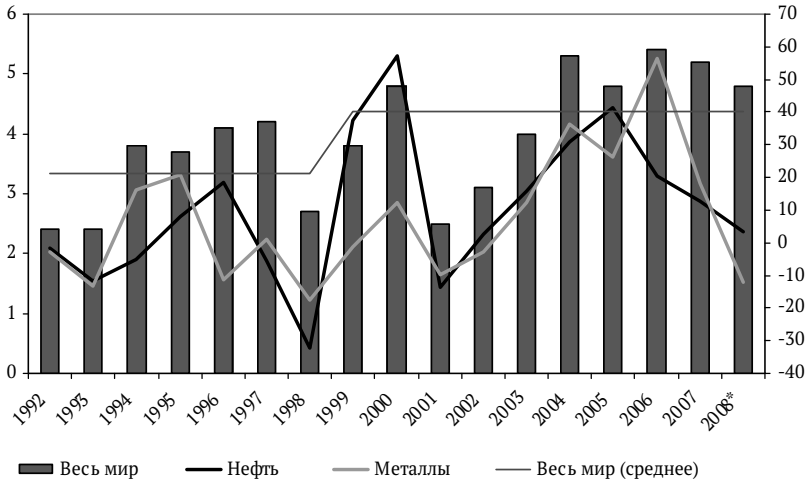
Реакция финансовых рынков на изменение экономической конъюнктуры с точки зрения здравого смысла носит парадоксальный характер. Как правило, мотор рецессии — США. Казалось бы, разумно предположить, что, когда в Америке дела идут плохо, капитал из нее перетекает на другие рынки. В жизни все иначе. Когда в США начинается рецессия, мировой экономический рост замедляется, капитал притекает в США, в первую очередь на рынок американских казначейских обязательств. В условиях снижения деловой активности инвесторы предпочитают доходности ликвидность и надежность. США никогда не объявляли дефолт по своим обязательствам.

Что важно с точки зрения влияния цикла мировой конъюнктуры на российскую экономику? Это проявившаяся в период двух последних замедлений мирового экономического роста сильная зависимость цен на нефть и на металлы от колебаний темпов мирового экономического роста (рис. 8).

Замедление темпов роста мирового ВВП в 1997–1998 гг. составило 1,4%, в 2000–2001–2,3%. В обоих случаях цены на нефть и металлы резко упали. Еще одна характерная черта динамики мировой экономической конъюнктуры — сильное влияние замедления или ускорения экономического роста на международные потоки капитала (рис. 9).

Сильнее всего этот фактор сказывается на портфельных инвестициях. Динамика прямых инвестиций в силу времени, необходимого для принятия и реализации инвестиционных решений, более инерционна. Но в период 1998–2002 гг., когда два раза (в 1998 г. и в 2001 г.) происходило существенное замедление мирового роста, объемы притока капитала на развивающиеся рынки были более чем в два раза ниже, чем в период, предшествующий финансовому кризису в Юго-Восточной Азии и в период, последовавший за завершением рецессии в США.

СОСТОЯНИЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЬЮНКТУРЫ...



* Прогноз.

Рис. 8. Темпы прироста мирового ВВП (левая шкала), динамика цен на нефть и металлы (правая шкала), в % к предыдущему году

Источник: IMF World Economic Outlook, 2007.

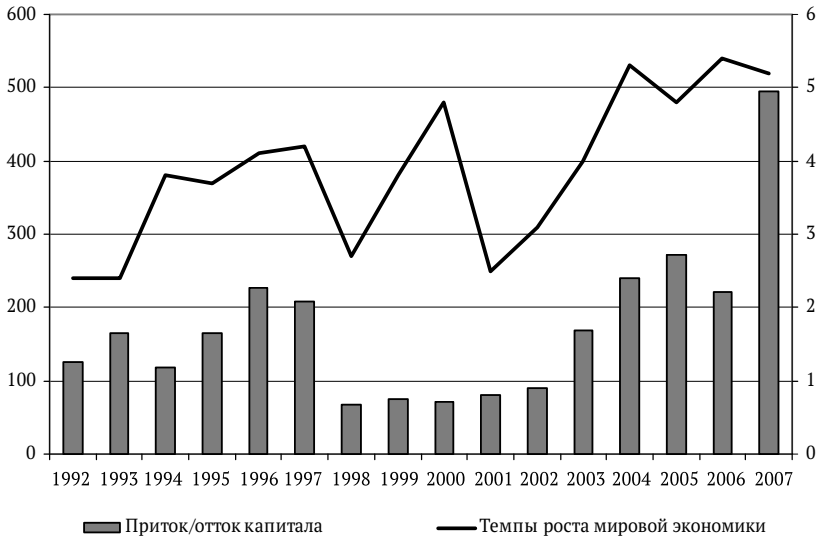


Рис. 9. Приток/отток капитала на рынки развивающихся стран, млрд долл., и темпы роста мировой экономики (правая шкала), % к предыдущему году

Источник: IMF World Economic Outlook, 2007.

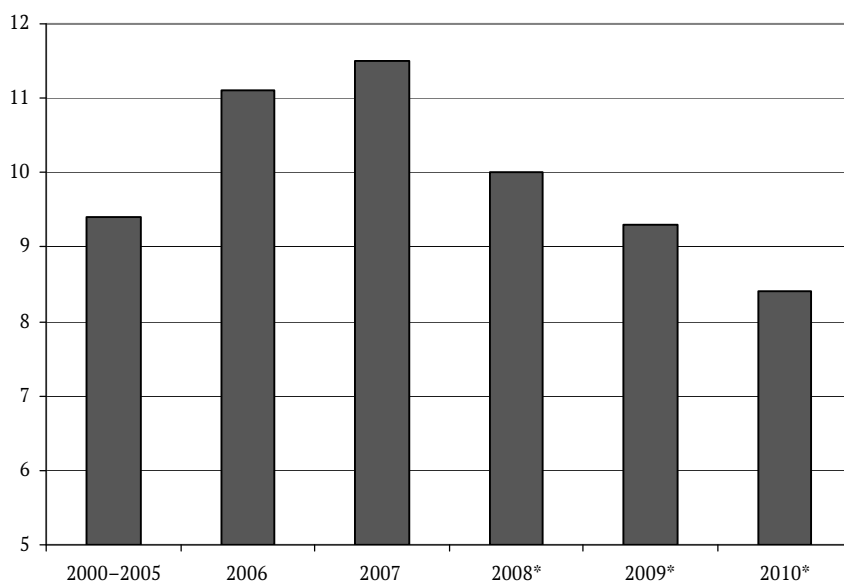
Несколько слов о текущей ситуации. Рецессия в США происходит в последние полвека раз в пять-шесть лет. Последняя случилась в 2001 г. В этой связи можно было озаботиться тем, когда будет следующая. Что станет спусковым крючком рецессии в США, последнее время прогнозировать трудно. Мало кто предвидел, что падение рынка NASDAQ и террористические акты 11 сентября 2001 г. станут фоном очередной американской рецессии. Не многие предвидели, что развитие событий на рынке второсортного ипотечного кредитования окажет столь сильное влияние на американскую экономику в 2007–2008 гг. Важнее другое. Существенное падение темпов роста в Америке периодически происходит. Будет в этом году рецессия в США, падение ВВП или не будет — предмет дискуссии. Когда Алан Гринспен говорит, что вероятность этого пятьдесят на пятьдесят, это значит лишь то, что он не знает ответа. Можно предположить, что и никто не знает. Круг квалифицированных специалистов, которые считают, что рецессия в 2008 г. вероятна, на протяжении последних недель устойчиво рос. Поступают новые, внушающие тревогу данные о состоянии американской экономики: быстром росте безработицы, низких предпраздничных продажах, низких объемах начинаемого жилищного строительства, падении стоимости жилья.

Нас не слишком волнует, случится ли с технической точки зрения рецессия в США или нет. Для России важно, столкнется ли она с серьезным замедлением глобального экономического роста. Месяц назад было распространено убеждение, что так как роль американской экономики снизилась, мировой экономический рост во многом определяет происходящее в Китае и Индии, замедление экономического роста в США может быть компенсировано сохранением динамичного роста развивающихся рынков. Думаю, что это суждение ошибочно. Развитие событий на протяжении последних месяцев подтверждает мою гипотезу. Если мы говорим о ВВП в текущих валютных курсах (применительно к циклу я бы использовал в первую очередь именно такие оценки ВВП), Америка и Китай — два главных мотора экономического роста в мире. Америка — за счет масштабов экономики, Китай — за счет динамики. Нельзя недооценивать взаимосвязи китайской и американской экономик. Значительную часть китайского роста обеспечивает динамика внутреннего спроса. Однако изменения темпов роста

американской экономики существенно влияют на экономическую конъюнктуру в Китае. К тому же китайская экономика перегрета. Китайские власти это хорошо понимают. Обычно темпы экономического роста в начале 2000-х гг. в Китае колебались между 9–10%. В 2007 г. они вышли на уровень 11,4% (рис. 10).

На этом фоне произошло резкое, по китайским стандартам, ускорение темпов инфляции. Привычные для Китая темпы инфляции 2000-х гг. — это 1% в год. Сейчас они (четвертый квартал 2007-го к четвертому кварталу 2006 г.) составили 6,9%. Китайское руководство осознало, что оно столкнулось с серьезной социально-экономической проблемой, что дезинфляция необходима и за нее придется заплатить снижением темпов экономического роста. Были приняты меры по ужесточению денежной политики, ограничению кредита.

Европа — крупная экономика, со своими серьезными проблемами. Не буду подробно останавливаться на том, почему евро так вырос по отношению к доллару, но это серьезный фактор, снижающий



* Прогноз.

Рис. 10. Темпы прироста ВВП в Китае (в % к предыдущему году)

Источник: IMF.

конкурентоспособность европейских товаров. К тому же инфляция в зоне евро существенно выше ориентиров Европейского центрального банка. В этой связи возможность использования инструментов денежного стимулирования роста здесь ограничена. Вероятно, темпы роста в Европе, близкие к 3% в год, которые были характерны для 2006–2007 гг., в 2008 г. сохранить не удастся.

Индийская экономика менее связана с миром, чем китайская, но и здесь, как показывают прогнозы, замедления роста в 2008 г. избежать не удастся.

Вернемся к нашим проблемам. Экономика стран СНГ сильно зависит от того, что происходит в мировой. Особенно это относится к России. В нашей стране действительно идет процесс диверсификации, динамично растет машиностроительный экспорт, но, все же пока 80% экспорта — нефть, нефтепродукты, газ и металлы (рис. 11).

Это товары, цены на которые сильно зависят от замедления или ускорения мирового экономического роста. Динамика цен на нефть — важнейший для нас экспортный товар — крайне волатильна, прогнозировать ее толком невозможно.

На протяжении периода, когда в России существует рыночная экономика, мы два раза сталкивались с серьезным снижением

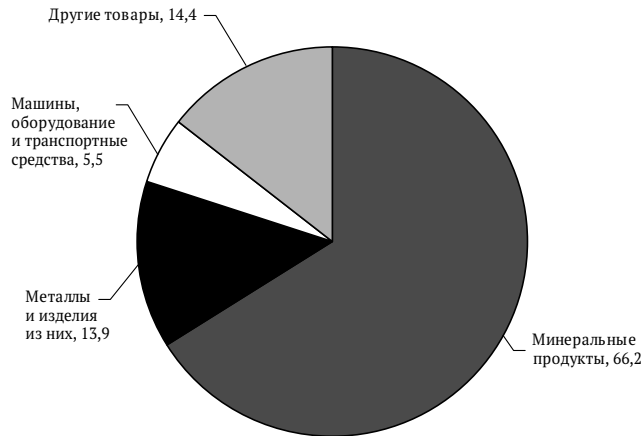
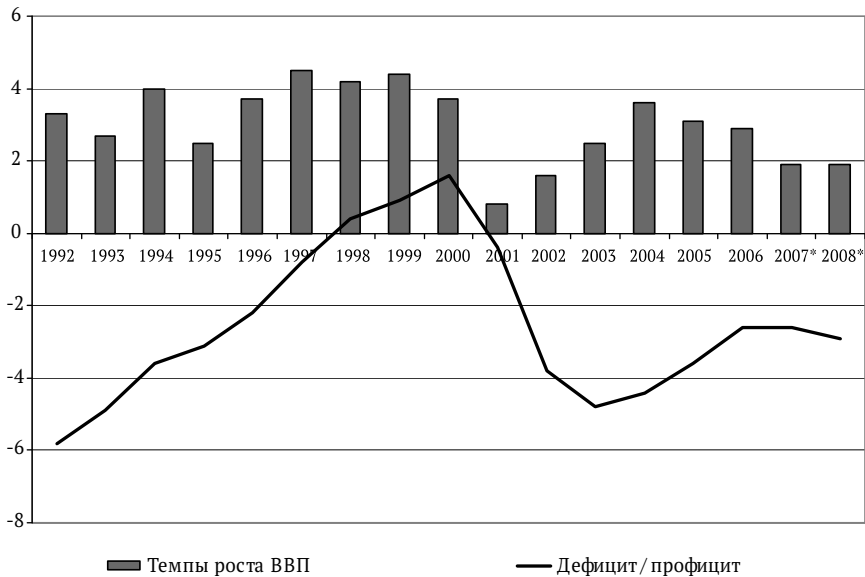


Рис. 11. Структура экспорта РФ, 2006 г., %

Источник: Федеральная таможенная служба РФ.

темпов роста мирового ВВП (1998 и 2001 гг.). Снижение темпов роста российского ВВП в обоих случаях превышало 5%. В этой связи принципиальное значение имеет вопрос, как сделать экономическую политику в нашей стране антициклической, как добиться того, чтобы она не усиливала колебания темпов экономического роста, а их сглаживала, как не допускать перегрева экономики и связанного с ним резкого падения темпов экономического роста.

Несколько слов об американской фискальной политике, ее антициклическом или проциклическом характере (рис. 12).



* Предварительная оценка и прогноз.

Рис. 12. Динамика ВВП, % к предшествующему периоду, дефицит/профицит бюджета расширенного правительства США, % ВВП

Источник: IMF World Economic Outlook, 2007.

Изменение базовой процентной ставки Федеральной резервной системы — важный элемент управления циклом. Но надо понимать, что возможности денежной политики не безграничны. Во время мягкой рецессии 2001 г. федеральная резервная система снизила базовую ставку до 1%. Практически вся обойма мер денежной политики была отстрелена, патронов не осталось. Именно в таких ситуациях важно дополнение мер денежной политики

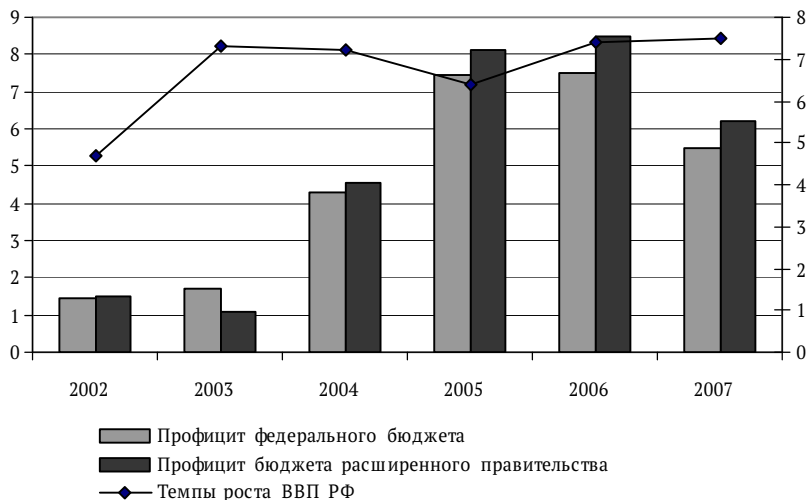
бюджетными стимулами. Во время президентства Б. Клинтона, администрация вела последовательную антициклическую политику, на фоне высоких темпов экономического роста быстро улучшала бюджетный баланс, (почти на 8% валового внутреннего продукта), создала запас прочности на худшие времена. Когда американская экономика столкнулась с рецессией 2001 г., выяснилось, что есть значительные возможности стимулирования совокупного спроса за счет ослабления бюджетного баланса (на 6% ВВП). Это позволило сравнительно безболезненно вывести американскую экономику из рецессии, создать (начиная с 2003–2004 гг.) предпосылки перехода к динамичному экономическому росту.

При администрации Дж. Буша, в условиях быстрого экономического роста 2004–2007 гг., бюджетный баланс улучшился, но в гораздо меньших масштабах, чем при Клинтоне (2% ВВП). Когда угроза рецессии в Америке стала реальной, выяснилось, что финансовое положение государства лишь в ограниченной степени позволяет дополнить меры ФРС по снижению процентной ставки пакетом серьезных мер бюджетного стимулирования экономики. Был принят пакет мер бюджетного стимулирования в объеме примерно 1% ВВП. Его масштабы не произвели сильного впечатления на рынки.

Для нас происходящее в США интересно в первую очередь потому, что позволяет понять происходящее в бюджетной политике России (рис. 13).

В 2001–2005 гг. наше государство проводило антициклическую бюджетную политику, то есть политику, похожую на политику администрации Б. Клинтона: при благоприятной конъюнктуре, высоких темпах экономического роста оно наращивало профицит бюджета, чтобы создать резервы на случай ухудшения общеэкономической конъюнктуры на имеющих для России ключевое значение товарных рынках. В 2006 г. на фоне по-прежнему высоких темпов роста мы провели нейтральную бюджетную политику. В 2007 г. российские власти перешли к откровенно проциклической политике. На фоне высоких темпов роста реальных доходов населения, инвестиций, бюджетная политика ослабла, профицит бюджета сократился.

Расходы бюджета расширенного правительства в реальном исчислении динамично увеличиваются. В 2007 г. темпы их роста



Примечание: Данные по бюджету расширенного правительства за 2007 г. – предварительная оценка.

Рис. 13. Исполнение федерального бюджета и бюджета расширенного правительства РФ (% ВВП, левая шкала) и темпы прироста ВВП РФ (% к предшествующему году, правая шкала)

Источники: Минфин РФ; Росстат.

превысили 20%. Они выше, чем темпы роста валового внутреннего продукта. И такая бюджетная политика проводилась на фоне очевидных признаков перегрева экономики.

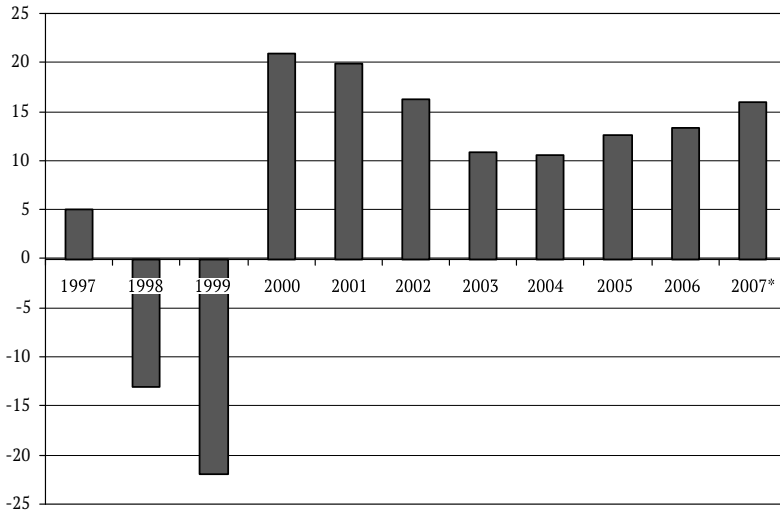
Инфляция последние годы в России оставалась высокой, но она либо снижалась, либо не изменялась. 2007 год был первым годом, когда в динамике инфляции произошел перелом. Это признак перегрева экономики. Но далеко не единственный.

Быстро растет реальная заработная плата. В 2007 г. темпы ее роста превысили 15% в год (рис. 14).

Это происходит на фоне растущего дефицита квалифицированных кадров на рынке труда (рис. 15).

По опросам, которые мы проводим с 1993 г., видно, как быстро растет доля предприятий, руководители которых утверждают, что недостаток квалифицированных кадров – важнейшая причина, по которой они не могут наращивать выпуск.

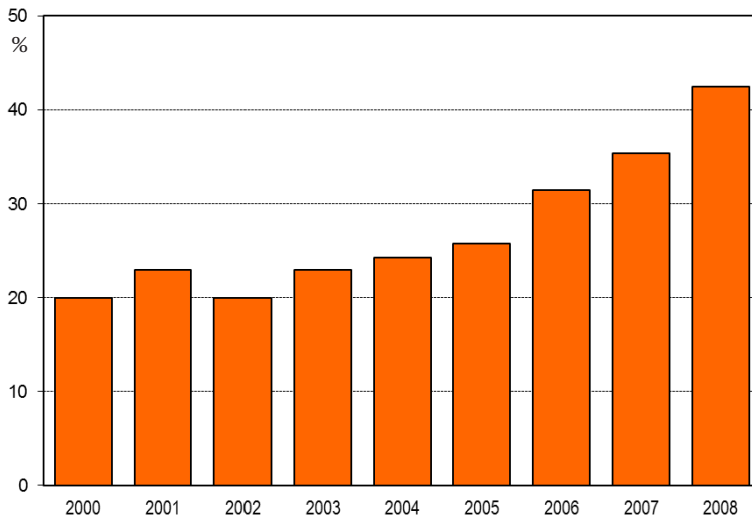
В перегретую экономику идет приток иностранного капитала, в первую очередь финансового. Ускорение инфляции, аномально



* Предварительная оценка.

Рис. 14. Темпы прироста реальной начисленной заработной платы (в % к предыдущему году)

Источник: Росстат.



Примечание: 2008 г. — предварительные данные I кв.

Рис. 15. Доля предприятий в российской промышленности, считающих недостаток рабочей силы помехой росту выпуска (среднегодовые данные)

Источник: конъюнктурные опросы ИЭПП.

быстрый рост реальной заработной платы, дефицит квалифицированных кадров — что еще надо для того, чтобы сказать, что экономика перегрета. И вместо того чтобы ее «остудить», на это государство накладывает двадцатипроцентный (в реальном исчислении) рост расходов бюджета. Экономическая политика стала откровенно проциклической. И это накануне начала поворота в динамике мировой экономики, начала замедления темпов ее роста, то есть в самое худшее время из всех, которое можно выбрать.

В последние годы российские финансовые и денежные власти проводили ответственную политику по сокращению государственного внешнего долга, накоплению финансовых, валютных резервов. Это позволило создать запас устойчивости на случай неблагоприятной конъюнктуры. Но на этом фоне быстро росла коммерческая задолженность. Нельзя забывать, что значительная ее часть — задолженность государственных корпораций. Никому в мире не важно, что долги Газпрома, «Роснефти», Сбербанка к государству прямого правового отношения не имеют. Одной рукой власти стерилизовали избыточный приток валюты, сокращали государственный долг и в то же время другой рукой наращивали задолженность государственных предприятий.

Впадать в панику не надо. В нашей стране созданы резервы, позволяющие справиться с относительно краткосрочными колебаниями экономической конъюнктуры. Наши валютные резервы, размеры Стабилизационного фонда позволяют адаптироваться к краткосрочным колебаниям мировой конъюнктуры, которые обычно оказывают влияние в течение одного года, максимум трех лет (рис. 16, 17).

Но при одной необходимой предпосылке: притом, что власти будут проводить ответственную и разумную экономическую политику.

Последние девять лет были годами бурного увеличения доходов российского государства. Этому были причины: динамичный экономический рост, выход из постсоциалистической депрессии, успешно проведенная налоговая реформа, рост цен на нефть, нефтепродукты и газ. В результате государственные доходы быстро увеличиваются. В подобной ситуации тем, кто стоит у власти, нередко кажется, что государство может решить любую проблему. Достаточно просто выделить для этого много денег из бюджета.

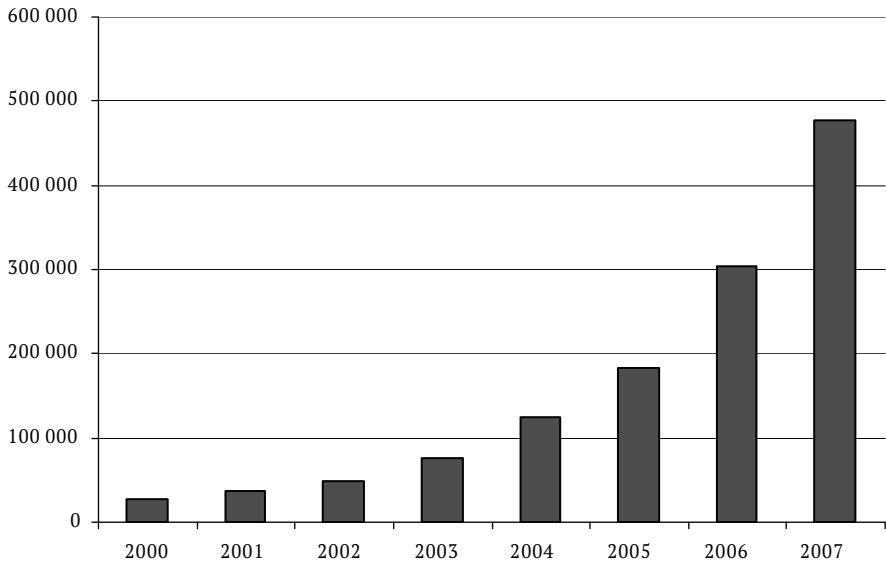


Рис. 16. Золотовалютные резервы РФ на конец года, млн долл.

Источник: ЦБ России.

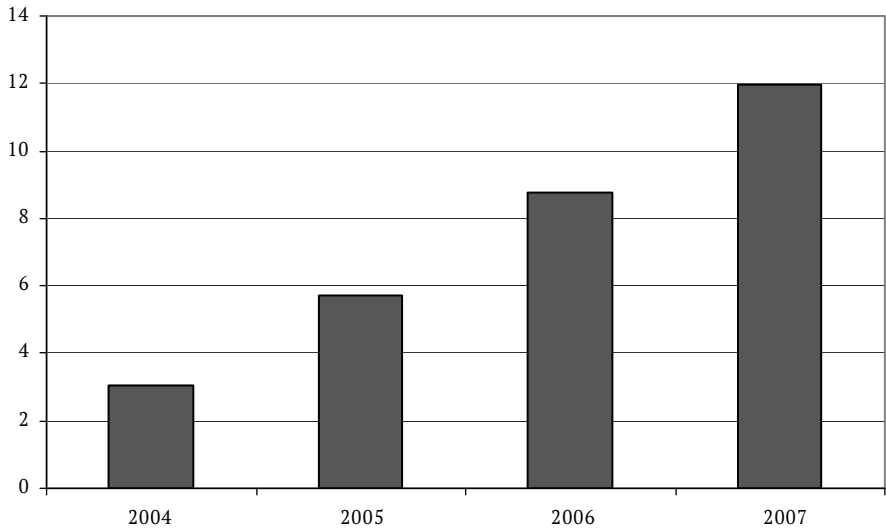


Рис. 17. Стабилизационный фонд РФ, на 31 декабря соответствующего года (в % ВВП)

Источник: Минфин РФ.

На этом фоне растет риск серьезных ошибок, имеющих долгосрочные последствия.

Скажем, во Франции в 1950–1980-х гг. аномально быстро с точки зрения мировой финансовой истории росли доходы бюджета. Это было связано с тем, что Европа оправлялась от последствий Второй мировой войны. Темпы роста французской экономики были высоки, вводились новые налоги с широкой базой, такие как НДС и социальные налоги. Это создавало ощущение безграничности возможностей государства. Именно тогда были заложены основы тех расходных программ, которые на следующие пятьдесят лет определили контуры французского бюджета, его обязательства.

С течением времени ситуация изменилась. Необходимость проведения реформ, позволяющих ограничить объемы бюджетных расходов, стала очевидной. Но то, как этого добиться, когда социальные программы, введенные в принципиально иной ситуации стали привычными, — вопрос, на который французские политики пока ответа не нашли.

В России темпы роста доходов бюджета выше, чем они были во Франции в 1950–1970-х гг. В этой ситуации легко представить, что мы все себе можем позволить, а главная задача, как говорил президент Мексики конца 1970 — начала 1980-х гг., — управление ростом благосостояния. Он сказал это в то время, когда Мексика приближалась к тяжелому экономическому кризису, длительной стагнации. Между тем переход от управления ростом благосостояния к антикризисному управлению — задача непростая.

Не готов прогнозировать, будет в США рецессия или нет, насколько протяженным и глубоким будет замедление экономического роста. Однако очевидно, что мы вступаем в новый режим функционирования мировой экономики и что это неизбежно отразится на России. Еще раз подчеркиваю, что у нас есть инструменты, позволяющие приспособиться к новым условиям, не допустить кризиса, затрагивающего основы социальной стабильности, каркаса финансовой системы страны. Но есть и риск ошибок.

Соединенные Штаты — динамично растущая на протяжении более чем двухсот лет экономика, крупнейшая в мире. Раз в 5–10 лет она демонстрирует отрицательные темпы экономического роста. На этом фоне проигрывают выборы. Этого не любит ни элита, ни

общество, но все это воспринимается как преходящая неприятность. Это не повод, чтобы впадать в панику.

Случится рецессия, потом снова восстановится экономический рост.

Для России, у которой опыт жизни в условиях рыночной экономики короток, такого иммунитета нет. Падение темпов роста с 7% до 3% отнюдь не катастрофа. Но если колебания экономической конъюнктуры не привычны, они могут породить политические проблемы. Представьте, что мы вышли из этого зала, и попытаемся объяснить влияние замедления мирового экономического роста на Россию. Сделать это будет непросто. Тем более что происходящее в мире накладывается на наш политический процесс. Что это значит? Пройдут президентские выборы, сменится глава государства. В общественном сознании слова «после» и «из-за» звучат как синонимы. Объяснить обществу, что темпы роста снизились не из-за перемен в организации управления России, а вследствие кризиса на рынке ипотечных бумаг в США, будет трудно. И это увеличивает риск того, что власти начнут совершать ошибки. Самые характерные из них в подобной ситуации — попытки поддержать высокие темпы роста за счет проциклической политики; в условиях ухудшающейся конъюнктуры высокими темпами наращивать расходы бюджета (в реальном исчислении); использовать золотовалютные резервы, чтобы поддерживать номинальный курс рубля, который сложился в других условиях мировой конъюнктуры. Этого хотелось бы избежать.

Вопрос: *Егор Тимурович, понятно, что у нас впереди некоторое поле неопределенности, связанное, в первую очередь, с поведением экономики Соединенных Штатов, вслед за этим экономики стран Юго-Восточной Азии. Вот допустим, что экономика Соединенных Штатов все-таки вступила в период ярко выраженной рецессии. Какую экономическую политику России Вы считали бы оптимальной при условии, что следующие два-три месяца подтверждают такого рода тренд? Что в таких условиях должно делать правительство (чего не надо делать, мы услышали).*

Егор Гайдар: Думаю, что первое, что надо сделать, — пересмотреть политику заимствования государственных компаний. Рынок сам скорректирует ситуацию, возможности заимствований сокращаются. Но государственные корпорации могут пойти по пути

увеличения процентной ставки, пытаться на неблагоприятную ситуацию ответить увеличением цены заимствований. Этого допустить нельзя. Надо быть осторожным с бюджетными расходами. В случае давления на рубль необходима гибкая курсовая политика, использование резервов, чтобы сглаживать резкие спекулятивные колебания курса рубля, а не для того, чтобы поддерживать его на сложившемся уровне. Если осложняющиеся внешние условия экономического развития позволят нашим властям понять, что гарантии частной собственности, эффективно функционирующая судебная система — важные предпосылки устойчивости экономического роста, это будет весьма полезно.

Вопрос: *Я хотел бы продолжить свой вопрос. Егор Тимурович очень аккуратно сказал, что надо быть осторожным с бюджетными расходами. Осторожность с бюджетными расходами для сегодняшнего государства — это фактически выбор из двух возможностей: приостанавливать реализацию социальных программ или масштабную программу государственных инвестиций, инвестирование государства в подъем тех или иных перспективных, по мнению государства, отраслей экономики. Если говорить не дипломатически, что именно убирать?*

Егор Гайдар: Есть специалисты, которые отстаивают увеличение государственных инвестиций, считают его важной предпосылкой ускорения экономического роста. В некоторых сферах без государственных инвестиций не обойтись. Однако те, кто убежден, что наращивание государственных инвестиций в нашей стране полезно для экономического роста, выстраивают аргументацию своеобразно. У них слитно один за другим следуют два тезиса, каждый из которых имеет право на существование, но вместе они трудно соединимы. Они сначала утверждают, что российский государственный аппарат коррумпирован, большая часть денег, которые распределяются чиновниками, идут на так называемые откаты, уровень воровства по разным типам проектов составляет 30–40%. Это тезис достойный обсуждения, видимо, не лишенный основания. Вслед за этим следует утверждение, что мы должны чиновникам дать гораздо больше денег, чтобы они по своему усмотрению вкладывали их в экономику и откаты бы не сокращались. Понимаю первый тезис, понимаю и второй. Вместе их соединить непросто. На мой взгляд, государственные инвестиции

в России до тех пор, пока мы не починим государственный аппарат, лучше ограничивать.

Вопрос: *Егор Тимурович, есть ли информация, куда, на что или насколько эффективно идут заимствования государственных корпораций?*

Егор Гайдар: Информация есть. Тратятся неэффективно. Более неэффективно, чем вы можете себе представить.

Вопрос: *Как Вы оцениваете раздувание государственных расходов и денежной массы, происходившее на протяжении последних 6–7 лет? Не считаете ли Вы, что, если бы его не было, Россия имела бы более высокие темпы экономического роста, больше резервов и, вообще, более благоприятные перспективы?*

Егор Гайдар: Бюджетная политика на протяжении 2000–2005 гг. была ответственной и сдержанной.

Знаю, как относятся к проводимой в России бюджетной политике люди, осведомленные в мировых финансах. То, что удавалось сделать нашему Минфину в 2000–2005 гг., вызывает у них искреннее уважение. В условиях благоприятной конъюнктуры, когда существуют крупные профициты бюджета, работа министра финансов — это тяжелая работа. Лучший аргумент министра финансов в ответ на требование дополнительных ассигнований, то, что денег нет. Когда все знают, что денег полно, такой ответ помогает мало. Если министру обороны не дать денег на новый бронетранспортер, ссылаясь на то, что эта покупка может отрицательно сказаться на динамике реального курса национальной валюты, он, мягко говоря, может этого не понять. Поэтому то, что удавалось сделать руководству министерства финансов в 2000–2005 гг., было, на мой взгляд, чудом. Но чудеса не длятся вечно. В 2006 г. Министерство финансов перешло в глухую оборону, удерживало линию обороны. В 2007 г. линию обороны просто прорвали танковым клином.

Министерство финансов не всесильно, есть решения, которые носят сугубо политический характер. Конечно, если бы мы не сделали ошибок в 2007 г., сегодня наше положение было бы лучше, инфляция — ниже. Но что произошло, то произошло. Денежная политика. С ней сложнее. Дело в том, что есть пределы того, что можно делать методами денежной политики, особенно в условиях небольшой (относительно мира) с открытым рынком капитала.

Вопрос: *Егор Тимурович, оцените, пожалуйста, последнее высказывание в Давосе А.Л. Кудрина относительно того, что в ближайшие годы Россия станет гаванью для штормящего мирового экономического океана и темпы нашего роста продолжатся на уровне 6–7% в год. У него есть какие-то карты, о которых Вы не знаете, или он просто блефует?*

Егор Гайдар: Мы с Алексеем Леонидовичем на эту тему дискутировали. Исхожу из того, что в той ситуации, в которой мы находимся, надо всегда рассматривать худшие возможные сценарии. Дай бог, чтобы А. Кудрин в своем оптимизме оказался прав.

Вопрос: *Из того, что Вы сказали, я склонен делать вывод, что на экономическую ситуацию в стране будут больше всего влиять эндогенные факторы, потому что когда Вас спросили, что нужно делать, Вы начали говорить о функционировании институтов. Это, действительно, ключевой фактор, какие бы замечательные решения ни принимались, например в сфере миграционной политики. Мы как раз ее изучали в прошлом году, что происходит реально. А реально, например, судьи собираются вместе с прокурорами и милиционерами и решают, по каким национальностям какие судебные решения принимать. Это реальность. Это качество функционирования институтов. Это проявляется, естественно, не только в миграционной политике. Если наши медики получают из руководящих медицинских органов указания, выше какого возраста не обращать внимания на жалобы пенсионеров, просто не тратить времени на их обслуживание, то это качество функционирования институтов. И, как Вы понимаете, это распространяется и на экономические институты. Поэтому замечательно, что растет производство оборудования, но мы же знаем, что оно в первую очередь росло за счет смен и эксплуатации старого оборудования, только сейчас началось обновление. Это не качественный рост, это рост первой фазы. При таком качестве функционирования институтов это быстро замрет, потому что нужны инвестиции. А Вы уже сказали, что у нас будет с инвестициями. Если замедление роста произойдет, а скорее всего, оно произойдет, оно произойдет по внутренним причинам, а не по внешним. Каково соотношение внутренних и внешних причин?*

Егор Гайдар: Вопрос делится на два вопроса: идет ли речь о краткосрочных или долгосрочных перспективах. В краткосрочной перспективе институты играют ограниченную роль. Все, что

связано с институциональным строительством, — это вопрос многих лет или десятилетий. Если мы будем обсуждать, что с нами будет происходить в следующие три года, надо говорить о текущей экономической политике, мировой конъюнктуре, динамике цен на наши основные экспортные товары, финансовой, денежной, бюджетной политике. Если мы обсуждаем 2008–2010 гг., то здесь мы методами институционального строительства вряд ли сможем что-либо изменить. Но ведь жизнь в 2010 г., я надеюсь, не закончится. Для долгосрочных перспектив развития России институциональное строительство принципиально важно.

Вопрос: *Возражение. Действительно, институты долго строятся, но, как показала практика последних лет, быстро разрушаются.*

Егор Гайдар: Институты могут разрушиться в течение трех дней. Это показывает опыт всех великих революций. Достаточно трех дней, чтобы развалились институты, за которыми стоят десятилетия, традиция. Главная проблема, как выжить в такой ситуации. Наши западные друзья очень слабо это себе представляют. Они не находились в ситуации, когда в течение трех дней все институты прежнего режима рухнули. Когда сталкиваешься с такой ситуацией на практике, с особым интересом слушаешь рассуждения о том, что для формирования новых институтов нужны десятилетия.

Вопрос: *Скажите, как Вы можете, в свете состояния мировой экономической конъюнктуры, прокомментировать теорию Дж. Сороса о том, что сейчас завершается послевоенный шестилетний экономический цикл и, соответственно, наверно, грядет нечто новое.*

Егор Гайдар: Дж. Сорос — очень талантливый человек, генерирующий бесконечное количество интересных идей. Чтобы получалась хорошая книга, нередко нужны генератор и критик. Генератор способен (я в своей жизни встречался с людьми, которые относятся к обеим категориям) сформулировать десять идей, из которых девять являются полной ерундой, а десятая может быть гениальной. Сорос — генератор идей. Он выстреливает десять идей, девять из них потом забывает, где-то за них извиняется, говорит, что он был не совсем прав (скажем, идеи, сформулированные им после кризиса 1998 г.), ошибся, что делать. Потом формулирует новые идеи. Чтобы сказать, правильна новая идея Дж. Сороса или нет, серьезная база отсутствует. Если мне расскажут методологию, исхо-

дя из которой сделан этот вывод, как считались цифры, какие качественные соображения принимались в расчет, это потом будем обсуждать. А так — принимаю к сведению.

Вопрос: *Егор Тимурович, у меня к вам вопрос: есть ли у Вас какой-то прогноз по поводу инфляции на 2008 г., согласны Вы с оценками или как?*

Егор Гайдар: То, что происходило у нас в бюджетной политике в 2007 г., сказывается и в 2008 г. Ожидаю, что инфляция в первом полугодии 2008 г. будет не меньше, чем в том же периоде в 2007 г.

Вопрос: *Два сугубо практических вопроса. Вопрос первый — насколько может быть реализована идея заморозить цены на социально значимые товары. Второй вопрос — какой, с Вашей точки зрения, должен быть оптимальный размер пенсии в нашей стране.*

Егор Гайдар: Сотни раз в мировой экономической истории на рост инфляции отвечали замораживанием цен. На самом деле ответ в старом советском анекдоте. Вопрос: можно ли построить социализм в Сахаре. Ответ: можно. Но потом начнутся перебои с песком. Так и будет. Всегда так получалось, почему у нас получится иначе, понять трудно.

Привычный уровень пенсии, который существовал в нашей стране на протяжении последних многих десятилетий, — это примерно треть от средней заработной платы. Думаю, что если и в изменившихся демографических условиях обеспечим этот привычный уровень пенсии, это будут приемлемые для общества пенсии. Пока мы уверенно спускаемся к соотношению пенсии и заработной платы, составляющему 15%.

Вопрос: *Есть такое правило, что если есть вероятность каких-то неблагоприятных событий, то лучше считать, что эти события произойдут. И если взять то, чем Вы закончили Ваше выступление, и считать, что все, чего Вы опасаетесь, произойдет, каков реальный сценарий развития событий в стране? Не экономическая, а социальная картина?*

Егор Гайдар: Исчерпание валютных резервов, накопление внешней задолженности, трудности с ее обслуживанием, резкая девальвация рубля, скачок инфляции, тяжелые проблемы в банковской системе, падение уровня жизни и стагнация экономики на протяжении по меньшей мере 5–7 лет. Еще раз подчеркиваю, что это не прогноз, а лишь ответ на Ваш вопрос.

Вопрос: *Как Вы полагаете, угрожает ли такое развитие событий целостности страны?*

Егор Гайдар: Потенциально — да.

Вопрос: *Егор Тимурович, скажите, будут ли завершены крупные инфраструктурные проекты в восточных регионах России — в Якутии, Читинской области и др.?*

Егор Гайдар: Это зависит от того, насколько больно ударит. Если больно не ударит, то с течением времени будут завершены, ударит больно, значит, как это бывало, будут надолго заморожены.

Вопрос: *Возвращаясь к теме инфляции: завтра в правительстве должны будут рассматривать антиинфляционный пакет, который выработывают три министерства. Примерно те меры, которые могут быть предложены, они как-то уже озвучивались. Что на Ваш взгляд нужно принимать в пожарном порядке для того, чтобы как-то затормозить рост цен? И что может оказать наибольшее влияние на снижение инфляции?*

Егор Гайдар: Все, что делается для снижения инфляции в пожарном порядке, как правило, крайне вредно. Инфляция — процесс инерционный. Все, что вы ни сделаете, если не сделаете ничего особо глупого, что может взорвать ситуацию, скажется на инфляции в наших условиях примерно через 6–9 месяцев. Поэтому, когда готовят «пожарный пакет», надо понимать, его результат в феврале все равно никто не почувствует, если не делать безумных глупостей. Почувствуют в лучшем случае в сентябре-октябре. Если говорить о тех мерах, которые могут позитивно повлиять на ситуацию в это время, я бы в первую очередь подумал о публичности инвестиционных программ государственных корпораций в базовых отраслях экономики. Первое, что я бы сделал — обеспечил доступность информации о них по интернету. Это самая мощная антиинфляционная мера, которую можно реализовать.

Не дай бог нам еще одной революции. Я возглавлял правительство России в условиях революции. Никому этого не пожелаю. Обычно серьезные перемены происходят тогда, когда их нельзя не проводить. Когда у вас такие цены на нефть и такая ситуация с бюджетом в связи с ростом, кому нужны реформы? Все и так хорошо. Можно показать кому-нибудь кулак, закрыть британский совет. Это здорово. А реформы... народ от них устал, тем более

что от них одни беды. Когда палка совсем близко к разным частям тела, когда становится очевидным, что удара не избежать, тогда и проводят реформы. В этой связи снижение цен на нефть для России стратегически во благо. И, как Вы точно сказали, не сегодня так завтра оно произойдет. Рынок нефти устроен так, что в тот момент, когда все убедятся, что цены никогда не упадут, тут-то они и падают.

Риски устойчивости экономического роста в России

Выступление на семинаре «Россия»

Авест, Швеция, 12–14 июня 2008 г.

Источник: Опубликовано на сайте ИЭП им. Е. Т. Гайдара.

Российская экономика десятый год динамично развивается. Быстро растут реальные доходы населения. За последние десять лет выросли объемы золотовалютных резервов. По этому показателю Россия вышла на третье место в мире.

Проводить разумную экономическую политику в такой ситуации не просто. Можно сделать ошибки именно потому, что экономическая ситуация благоприятна. Рад, что российские финансовые и денежные власти это понимают. Они извлекли уроки из кризиса советской экономики конца 1980–1990 гг., пытаются оценить риски устойчивости экономического роста в России, создали Стабилизационный фонд. С 1 февраля 2008 г. трансформировали его в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния.

Денежные и финансовые власти просили наш Институт оценить ключевые риски устойчивости экономического роста в России. Это показывает, что они понимают, что такие риски существуют. В краткосрочной перспективе в следующие 2–3 года даже при неблагоприятном развитии событий, серьезных рисков, которые привели бы к банкротству банковской системы, неплатежеспособности страны, нет. Замедление экономического роста возможно. Российская экономика перегрета, растет темпами, которые поддержать трудно. Но снижение темпов экономического роста с 8% до 4–5% не катастрофа. Но риски устойчивости экономического развития России надо реалистично оценивать.

Расскажу о тех, которые готов обсуждать публично. Главная проблема устойчивости экономического роста нашей страны —

роль в российской экономике сырьевых ресурсов. Есть иллюзия, что экономический рост в России связан с резким повышением цен на нефть и газ. Это ошибка. Экономический рост начался в 1999 г., когда цены на нефть по историческим меркам были низкими. Лишь в 2004 г. он был подкреплён аномальным повышением цен на нефть, напоминающим период конца 1970-х — начала 1980-х гг.

Обрабатывающие производства в России растут темпами, многократно превышающими темпы роста добывающих отраслей.

Диверсификация российской экономики — одна из ключевых задач, которую необходимо решить, чтобы обеспечить устойчивость развития нашей страны. Она разрешима. Но это долгосрочная задача. Если мы обсуждаем среднесрочные проблемы платёжного баланса и бюджета, то недооценивать их зависимость от конъюнктуры мирового рынка энергетических ресурсов нельзя. Нефть, газ, нефтепродукты и металлы по-прежнему составляют примерно 80% российского экспорта.

Из-за специфики сырьевых рынков, разницы эластичности спроса по цене в краткосрочной и долгосрочной перспективе, динамику цены на нефть и газ трудно, а, по мнению многих специалистов, просто невозможно прогнозировать. Это означает, что для страны, в платёжном и бюджетном балансе которой нефтегазовые доходы играют существенную роль, возможность нормального функционирования системы образования, здравоохранения, пенсионной системы, обороноспособности страны зависит от фактора, которым мы не только не можем управлять, но не можем его прогнозировать. Поэтому экономическая политика стран, зависимых от конъюнктуры рынка топливно-сырьевых ресурсов, должна строиться иначе, чем в странах с более диверсифицированной экономикой. Это относится не только к России, но и к одной из наиболее развитых стран мира — Норвегии. Её правительство не случайно создало норвежский Глобальный пенсионный фонд (наш Стабилизационный фонд его аналог), который по отношению к ВВП примерно в 10 раз больше российского. Мы внимательно следим за опытом Норвегии, пытаемся следовать её примеру. Принятые в последнее время решения о разделении бюджета на две части (доходы, не зависящие от нефти и газа и нефтегазовые доходы) для фиксации в средне-

срочной перспективе размеров нефтегазового трансферта, свидетельствуя этому.

Проблемы зависимости российской экономики от конъюнктуры нефтегазового рынка и рынка металлов усугубляются процессами, происходящими сегодня в мировой экономике. Мало у кого из экспертов остались сомнения в том, что мировой экономический рост в 2008 г. замедлится. МВФ, который в начале 2007 г. прогнозировал экономический рост в 2008 г. в 4,9%, в апреле текущего года скорректировал свой прогноз до 3,7% (рис. 1).

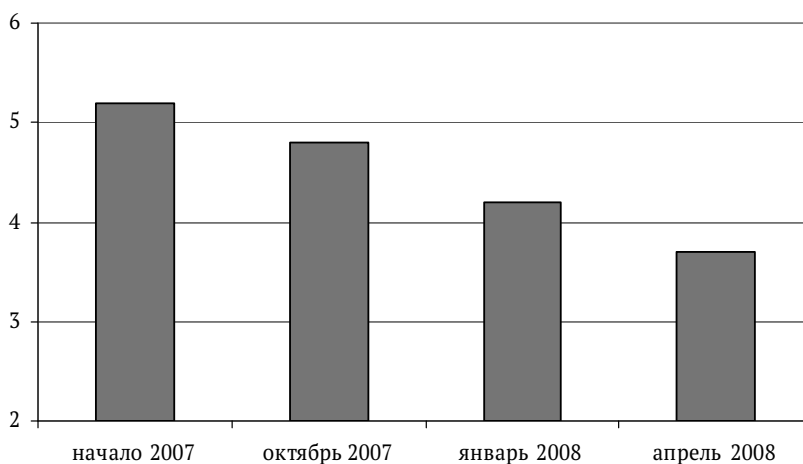


Рис. 1. Прогноз темпов прироста мирового ВВП на 2008 год по данным МВФ, %

Источник: IMF World Economic Outlook.

Перед странами, экономика которых в значительной степени зависит от экспорта сырья, эта реальность ставит непростые задачи. Ведь нельзя забывать о том, что в двух последних случаях замедления мирового экономического роста (1998 и 2001 годы) приводило к падению цен на топливные и сырьевые ресурсы (рис. 2).

Замедление темпов глобального экономического роста было связано и с существенным замедлением притока капитала на развивающиеся рынки.

Российская экономика чувствительна к динамике мировой конъюнктуры. В 1998 г. начавшийся годом ранее восстановительный

РИСКИ УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ

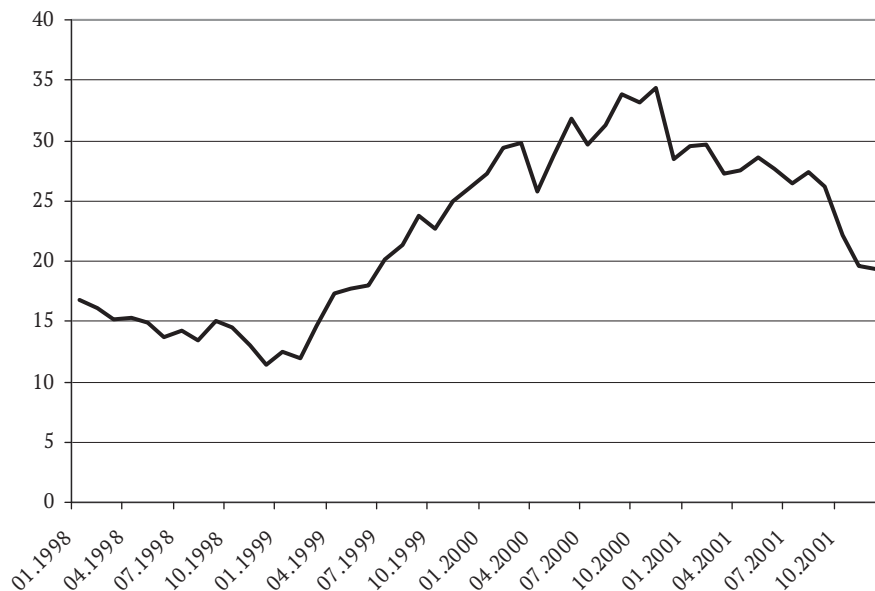


Рис. 2. Цена на нефть сорта WTI, 1998–2001 гг. (долл./барр.)

Источник: US Energy Information Administration.

экономический рост сменился спадом, в 2001–2002 гг. темпы экономического роста по сравнению с 2000 г. снизились более чем вдвое. То, что замедление мирового экономического роста скажется на масштабах притока капитала в Россию, очевидно. Об этом свидетельствуют последние статистические данные. Приток капитала в Россию в I кв. 2007 г. составил 14,2 млрд долларов, в I кв. 2008 г. отток капитала составил 15,5 млрд долларов. Это имеет и положительные аспекты. В перегретой экономике сокращение притока краткосрочного иностранного капитала позволяет финансовым и денежным властям более успешно бороться с инфляцией. Но это создает проблемы устойчивости банковской системы, финансовому состоянию крупных государственных корпораций, в последние годы накопивших значительные внешние долги (рис. 3).

Еще одна проблема — надежность энергоснабжения страны. В 1990-х гг. Россия проходила период постсоциалистической рецессии, ограничения для развития экономики со стороны энергетики были некритичными. Энергопотребление снижалось более

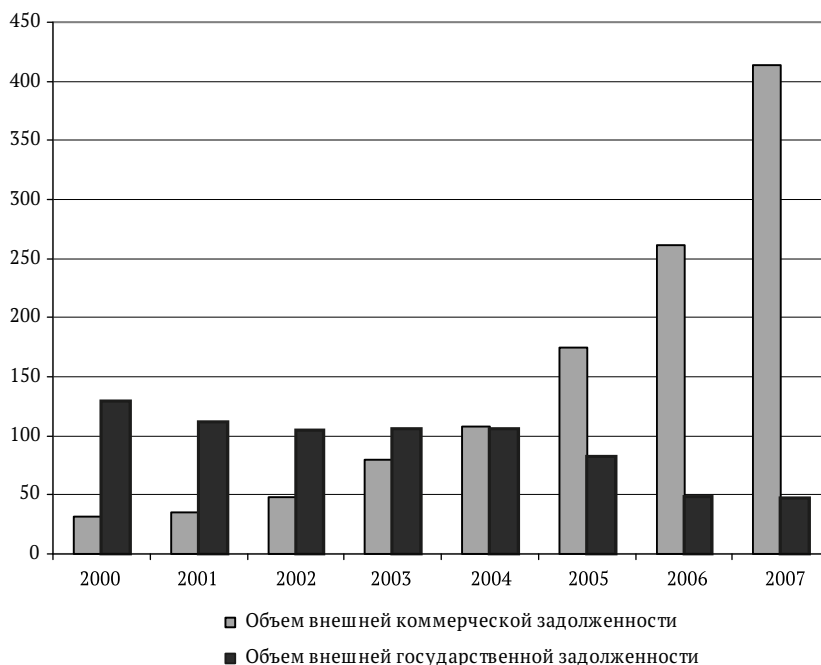


Рис. 3. Объем внешней задолженности РФ, млрд долларов

Источник: ЦБ России.

медленно, чем ВВП и промышленное производство. С началом стабильного экономического роста ситуация изменилась. Надежность энергоснабжения стала фактором, определяющим возможности развития.

Высокие темпы роста экономики в России зависят от ресурсов, которые позволяют их обеспечивать, в том числе энергетических. Динамика добычи нефти и газа может стать препятствием экономическому росту страны (рис. 4 и 5).

Россия лидирует по энергоемкости ВВП и промышленного производства среди стран близких ей по уровню экономического развития. Это связано не только с географическими особенностями (более суровым климатом), но и с низкой эффективностью переработки и потребления энергоресурсов.

Расчеты эластичности ВВП по потреблению энергоресурсов (в реальном выражении на душу населения) в период 1972–2004 гг.

РИСКИ УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ

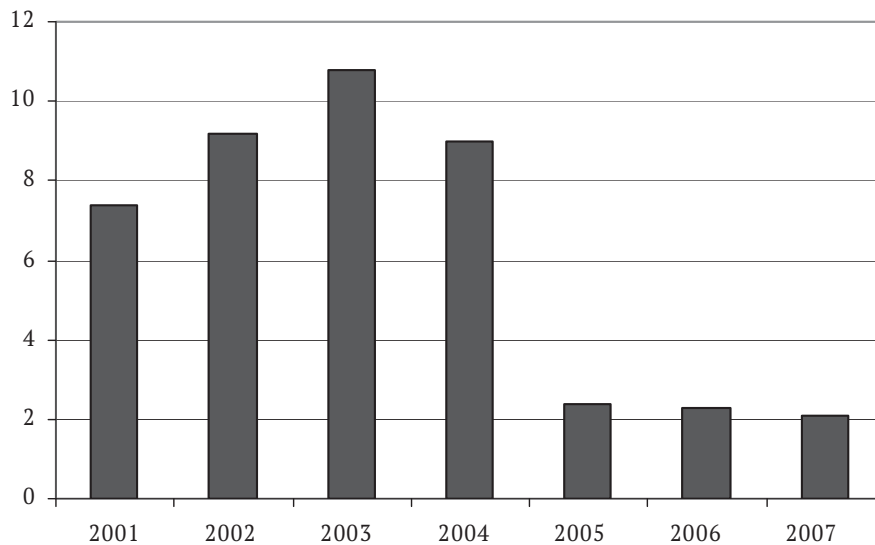


Рис. 4. Темпы прироста добычи нефти в РФ (в % к предшествующему периоду)

Источник: Росстат.

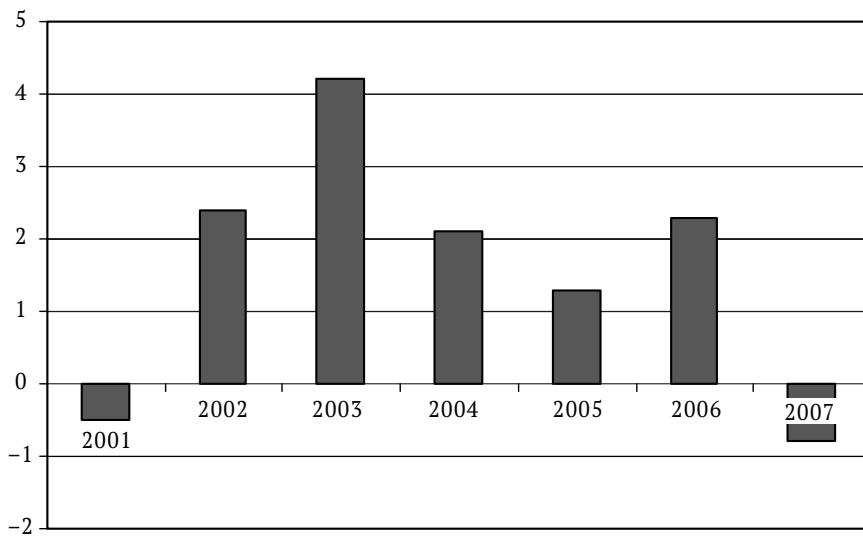


Рис. 5. Темпы прироста добычи газа в РФ (в % к предшествующему периоду)

Источник: Росстат.

показывают, что в среднем по странам мира она составляет 0,4%. Можно отметить более низкую эластичность для развитых стран и более высокую — для стран с переходной экономикой.

Основа российской энергетической системы, особенно в европейской части страны, — газ. Было ли решение сделать ставку на газ правильным — вопрос к экономическим историкам. Сейчас дело не в этом. Речь идет о сложившихся реалиях. Газпром осторожен в прогнозах роста поставок для внутреннего потребления. Но с учетом динамики добычи на основных газовых месторождениях сейчас трудно понять, каким образом удастся обеспечить увеличение потребления газа в России в объемах, достаточных для дальнейшего динамичного экономического роста.

С зарубежными странами мы связаны долгосрочными контрактами на поставку газа, срыв которых чреват финансовыми и репутационными потерями для страны.

Обсуждая долгосрочные перспективы страны, можно спорить об оптимальной стратегии развития энергетического сектора; о том, насколько быстро наращивается угольная генерация; о перспективной доле в топливно-энергетическом балансе атомной и гидроэнергетики; об энергосбережении. Но есть фактор, который при обсуждении этих проблем нельзя игнорировать. Это — сроки реализации инфраструктурных проектов. Какие бы решения по структуре энергопотребления ни были приняты, до 2012 г. они лишь в ограниченной степени скажутся на том, что происходит в жизни. В этом суть проблемы. Если добыча газа, составляющего основу энергобаланса страны, перестает расти, это создает риски устойчивости экономического роста. Отказ по этой причине в подключении к энергосетям становится препятствием для дальнейшего развития страны.

Важная составляющая этих рисков связана с сезонной неравномерностью потребности в топливе. Это обусловлено природно-климатическими условиями России, ограниченной возможностью маневра поставками энергоресурсов. В зависимости от температуры, месячные потребности в топливе могут возрастать в 2–2,5 раза.

Частично проблему позволяют решать запасы, накапливаемые в подземных газохранилищах. Однако возможности межсезонного маневра ограничены. Расположение газохранилищ, их мощности, структура газопроводной сети не позволяют обеспечить беспере-

бойное энергоснабжение страны при неблагоприятных погодных условиях в осенне-зимний период.

Стагнация добычи газа при продолжении экономического роста, требующего увеличения энергопотребления, повышает риск катастроф, с которыми трудно справиться. Если мы говорим не о перспективе, а о ближайших 3–4 годах, надо отдавать себе отчет в том, что прекращение роста добычи газа в России создает угрозу устойчивости экономического развития.

С этими рисками можно справиться. Для этого необходимо внести изменения в инвестиционную программу Газпрома, сконцентрировать усилия этой компании собственно на газодобыче, а не на непрофильных видах бизнеса, обеспечить возможность независимым производителям газа получать на условиях долгосрочных контрактов гарантированный доступ к системе транспортировки газа, определиться в вопросе о том, что при динамичном росте внутреннего энергопотребления и выходе внутренних цен на мировой уровень (с учетом транспортной составляющей) именно внутренний спрос является приоритетным, с точки зрения стратегии развития страны. Но это решения, которые предстоит принять.

Есть и другие риски, угрожающие устойчивому развитию российской экономики. Из-за ограниченности времени выступления не буду о них говорить. Хотел бы довести до сведения экспертного сообщества Швеции, что российские власти, на мой взгляд, эти риски понимают и в целом на них адекватно реагируют.

Презентация книги Е. Т. Гайдара и А. Б. Чубайса «Экономические записки»¹

Москва, Экспоцентр, 9 сентября 2008 г.

Опубликовано на сайте ИЭП им. Е. Т. Гайдара.

Ведущий — Евгений Ясин.

Ясин Е. Г.: *Дорогие друзья, разрешите начать презентацию новой книги известных вам авторов — Егора Тимуровича Гайдара и Анатолия Борисовича Чубайса. Мне поручено быть председателем на этом собрании. Большая честь для меня. Книга посвящена очень важным, актуальным проблемам, которые должно понимать все общество. Ну или по крайней мере правительство.*

Очень рассчитываю на то, что мысли, которые высказаны в этой книге, каким-то образом будут востребованы и использованы. Я понимаю, что в мои обязанности не входит обсуждать вопрос, высказываться относительно содержания этой книги. Я хочу предоставить слово авторам. Но прежде хочу предоставить слово генеральному директору издательства РОССПЭН Андрею Константиновичу Сорокину, который начнет эту презентацию.

Андрей Сорокин: Спасибо, Евгений Григорьевич.

Я менее, чем Евгений Григорьевич, имею прав в данной аудитории рассуждать о содержательных аспектах этой книги. Моя роль на этой презентации, скорее, ритуальная. Тем не менее буквально несколько слов позволю себе сказать.

Первое, и самое главное, я хочу вас, уважаемые коллеги и дорогие друзья, поздравить с этой книгой. Поздравить авторов и поздравить себя. Я абсолютно убежден, что мы имеем дело с выдающимся интеллектуальным продуктом. Выдающимся для российского книжного рынка, который подобного продукта дав-

¹ Первая публикация книги — М.: Росспэн, 2008. См. также настоящее собр. сочинений, том 4, с. 427–562.

но не видел. На очень малом пространстве сказано очень много. Не только в отношении России, но и мировой проблематики. Я отдаю должное нашим авторам, которые решились от формы доклада и размышлений в узком кругу лиц на эти проблемы, вынести эти тексты на широкую аудиторию. Мне кажется это чрезвычайно важным для сегодняшней ситуации в России. По моим наблюдениям страна отчетливо, в интеллектуальном смысле, деградирует. И подобного рода интеллектуальные продукты, овеществляемые именно в книжной форме, а не в форме газетных или журнальных статей, не в форме докладов, а в форме книг структурируют интеллектуальное пространство. И я очень рад, что именно наше издательство стало тем издательством, которое наши уважаемые авторы пригласили эту книгу делать.

Предвосхищая некоторые вопросы, сразу скажу. Первый тираж этой книги подготовлен к данной презентации. Он не велик — 1000 экземпляров. Параллельно уже печатается дополнительный тираж. В течение сентября совокупный первый тираж объемом 5 тысяч экземпляров поступит на книжные полки в магазины.

Очень надеюсь, и у меня есть основания так думать, что в смысле дистрибуции эта книжка имеет все шансы повторить судьбу «Гибели империи», которая представлялась здесь чуть больше года назад. Эта книга была продана тиражом более чем 20 тысяч экземпляров. Притом что более 10 тысяч экземпляров было бесплатно разослано в российские библиотеки, профильные институты. На мой взгляд, это абсолютно выдающийся результат. Книга Гайдара некоторое время просто лидировала и была в списке бестселлеров. Для России это беспрецедентный успех, когда абсолютно научная работа с большим количеством таблиц, цифр, расчетов вдруг вызывает такой общественный интерес.

Именно это подтверждает необходимость разговаривать с обществом на этом уровне. На серьезном уровне интеллектуалов, без игры в поддавки. И в серьезном книжном формате.

Еще раз поздравляю нас всех с выходом этой книги. Еще раз моя благодарность авторам за то, что они решились эту совокупность взглядов вынести на суд широкой публики.

Егор Гайдар: Дорогие друзья! Российская экономика десять лет динамично растет. У нас третьи по масштабам золотовалютные резервы в мире. И они растут. У нас организован достаточ-

но заметный Стабилизационный фонд. Тем не менее просто по причине того, что и я, и Анатолий Борисович пришли работать в российское правительство в то время, когда Советский Союз обанкротился, наши золотовалютные резервы были равны практически нулю, нефтедобыча падала на 54 млн тонн в год, мы просто по традиции все время анализируем риски. То есть мы пытаемся понять, а чего мы могли не заметить. А что плохого может произойти с нашей экономикой.

Это тем более важно, когда, к сожалению, у нас резко ухудшились отношения с самыми развитыми странами мира. Если наш президент говорит о том, что новая холодная война является неприятной, но возможной реальностью, сам бог велел подумать: а где наши наиболее уязвимые точки? Прошлая холодная война, конечно, кончилась не потому, что упали цены на нефть, но прологом к этому было резкое снижение цен на нефть.

То, что произошло между сентябрем 1985 г. и апрелем 1986 г., во многом предопределило судьбу Советского Союза. Не ядерная атака, не вторжение, а просто то, что произошло на рынке нефтяных цен. Потому что мы от него были очень зависимы. И когда и если, как сказал наш президент, мы должны готовиться к новой холодной войне, тогда надо подумать о том, как снизить уязвимость нашей экономики от динамики нефтяных цен.

К сожалению, эта зависимость довольно высока. Да, конечно, наша экономика постепенно дифференцируется. Да, темпы роста в обрабатывающих отраслях растут существенно быстрее, чем в добывающих. Но по-прежнему мы сильно зависим от конъюнктуры мирового рынка, от того, что происходит с мировым экономическим ростом.

То, что снижение темпов роста мировой экономики — реальность, всерьез из специалистов никто не отрицает. Мы зависим от мировых темпов экономического роста.

С тех пор как в России была создана рыночная экономика, Россия пережила два периода снижения темпов мирового экономического роста. Это 1998 год и 2001 год. В обоих случаях было существенное снижение темпов роста российской экономики. Этому не надо удивляться, потому что притом, что действительно диверсификация российской экономики продолжается, все равно 80% нашего экспорта — это нефть, нефтепродукты, газ и металл.

Это товары, цены на которые прямо зависят от конъюнктуры мирового рынка, в том числе того, каковы темпы мирового экономического роста. Да, их нельзя прогнозировать точно. То есть когда начнется падение темпов роста цен на металлы, никто сказать не может. Но они колеблются в очень большом диапазоне.

Когда условия торговли для США и Европы изменяются на 15%, это приводит к тяжелым экономическим проблемам. У нас они колеблются в диапазоне не 15%, а четырех раз.

В двух последних эпизодах замедления экономического роста (а с тем, что у нас сейчас идет замедление экономического роста, по-моему, сегодня уже никто из серьезных специалистов не спорит) происходит падение цен на нефть, нефтепродукты, газ и металлы. Обычно так происходило. Может быть, так будет и сейчас. Никто цен на нефть толком в мире прогнозировать не умеет. Но обычно почему-то во время снижения глобальных темпов экономического роста они снижаются. Будет так в этот раз или нет? Этого никто не знает. И я не знаю. Но раньше почему-то так было. И мы должны учитывать этот риск.

Плюс к этому надо учитывать риск того, что у нас изменилась сама структура нефтяного рынка. Если до 1985 г. нефтяной рынок был рынком долгосрочных контрактов, то есть с более-менее гарантированными ценами, то после 1985 г. он стал финансовым рынком. То есть рынком, где подавляющая часть сделок осуществляется не на спотовом рынке, где, собственно, продают и покупают нефть, а на финансовом рынке, где покупают и продают не нефть, а нефтяные контракты. Фьючерсы. Где никто никому собственно нефть не поставляет и поставять не собирается. Где обмениваются ценными бумагами, которые предполагают некую цену на нефть. Где играют люди, которые обычно больше чем на день контрактов не заключают. Ну максимум на неделю. Им абсолютно безразлично, что там будет на спотовом рынке через месяц, два или три. Что будет с нефтяными месторождениями в Бразилии. Их интересует то, в каком настроении придут на рынок в 9.30 утра в Нью-Йорке люди, которые будут заключать контракты. Потому что они либо выиграют деньги, либо проиграют.

Это новая ситуация. Ее надо понимать. В 1986 г. ничего этого не было. Динамика роста фьючерсных контрактов демонстрирует, что рынок нефти сегодня стал финансовым рынком. Это совер-

шенно другой рынок. Он новый, необычный. И это надо понимать. А от этого рынка сегодня зависит устойчивость финансовой системы России и платежного баланса России. Между прочим, если вы помните, вначале я сказал, что мы не исключаем возможности холодной войны. Значит, в условиях холодной войны иметь противоположную сторону, которая полностью контролирует рынок, от которой зависит твой платежный баланс и бюджет, — это сильное решение.

Есть второй параметр, по которому изменение ситуации на мировом рынке сильно влияет на нашу экономику. Это приток и отток капитала. Дело в том, что в зависимости от мировой экономической конъюнктуры радикально меняются направления притока и оттока капитала. Во время двух периодов замедления экономического роста в 1998 и 2001 г. резко сокращался приток капитала на развивающийся рынок. Ну и что?

Что произошло в России на протяжении последнего года. У нас в 6 раз сократился приток капитала. Да, само по себе это может быть и неплохо. Потому что это создает шанс на снижение темпов инфляции во втором полугодии, что само по себе полезно. Но это создает риски для банковской системы. Но риски, которые не обязательно реализуются. У нас есть резервы для того, чтобы с ними справиться. С рисками для крупных государственных корпораций, которые набрали себе крупные долги, в том числе краткосрочные, надо будет каким-то образом справляться, когда выяснится, что у нас прекратился приток капитала.

Да, пока, к счастью, мы можем с этим справиться. Но надо понимать, что эти риски есть. Да, конечно, мы извлекли некоторые уроки из краха Советского Союза. Да, мы накопили золотовалютные резервы, которых никогда не было у Советского Союза. Да, мы создали Стабилизационный фонд прямо накануне начала резкого роста цен на нефть. Все это мы сделали. Только надо понять, что это, в общем, позволяет нам справиться с кризисом типа 1998 г., при правильно проводимой экономической политике. Если мы не будем делать ошибки. Но отнюдь не дает нам гарантии на преодоление кризиса, похожего на тот, с которым мы столкнулись после 1985 г., после долгосрочного падения цен на нефть.

В общем, мы действительно проводили последние годы достаточно консервативную денежно-кредитную политику. Да, были

ошибки, и в 2007 г. мы за них заплатили скачком инфляции. Но в 2008 г. мы выправили ситуацию. И есть шансы, что во втором полугодии 2008 г. действительно инфляция пойдет вниз. Не в целом по году, а во втором полугодии.

Но это краткосрочные перспективы. Долгосрочные перспективы, как их видит Министерство финансов с помощью Института экономики переходного периода, отнюдь не столь оптимистичны. В инерционном сценарии у нас возникают серьезные бюджетные проблемы, которые не так просто регулировать.

База этих проблем — конечно, проблемы в пенсионной системе, которые связаны с демографией. Они долгосрочные, они связаны с тем, что происходило в 1930-х гг. Но они показывают, что если мы ничего не будем делать в пенсионной системе, то у нас коэффициент замещения, то есть среднее отношение пенсий к заработной плате, будут катастрофически быстро снижаться. Вот такая у нас есть «бомба» бюджетная долгосрочного действия.

На этом фоне мы начинаем обсуждение вопроса о дальнейших бюджетно-налоговых мерах. И здесь есть фундаментальная проблема, которая называется головокружение от успехов. Мы действительно очень успешно провели налоговую реформу в 2000–2002 гг. В результате мы сделали чудо, которое любой специалист по государственным финансам оценит, как чудо. К нам ездят за советами, как можно подобные реформы провести. Мы резко снизили предельные налоговые ставки. Мы упростили налоговую систему. И мы улучшили собираемость налогов, улучшили поступления в бюджет.

То есть мы действительно снизили налоги и получили рост поступлений. Наш опыт изучают многие. Многие его используют в жизни. По нашему образцу провели многие налоговые реформы. Но в нашей налоговой реформе был один риск, о котором мы не говорили моим друзьям — специалистам из Международного валютного фонда по налоговым вопросам. Риск был такой: нашу налоговую реформу можно интерпретировать как подтверждение тезиса о том, что кривая Лаффера работает по конкретному налогу и конкретной стране. Ее так начали использовать, и в первую очередь знаете где? В моей собственной стране. Потому что это очень удобно. Мы никогда в жизни не закладывали ни в какие гипотезы налоговых поступлений идею о том, что если мы снижаем налоги,

то мы получаем рост доходов. Просто у нас не было этого расчета никогда. Ни у нас, ни у Министерства финансов.

После этого рождается идея, что ты просто снижаешь налоговые ставки, и дальше автоматически растут поступления. Идея настолько политически привлекательна, что бороться с ней безумно трудно. После этого мы снижаем ставки НДС. Мы снижаем ставки единого социального налога. Надежда на то, что у нас пойдет рост поступлений. Ни в том ни в другом случае ничего подобного не происходит. Если вы думаете, что после этого идея, что просто надо было больше снизить ставки, не получит поддержки политического руководства, так это не так. Она получает автоматом, потому что это же так здорово. Просто взял снизил налоги, получил больше поступлений и профинансировал не знаю чего там — дополнительные расходы на оборону.

Это было озвучено, как вы помните, в выступлениях двух первых лиц государства: это то самое, что нужно сделать, когда у тебя глобальная рецессия, риск снижения цен на нефть, резкое сокращение притока капитала и возможное, в силу заморочек в Закавказье, увеличение военных расходов. Именно сейчас самое время положиться на кривую Лаффера. Но надеюсь, что этого сделано не будет. Потому что сейчас странность подобного решения особенно изумительна. Но этот риск есть. Мы посмотрим, будет ли реализован. По нашему глубокому убеждению, реформировать налоговую систему исходя из веры в кривую Лаффера — это прямой путь к авантюре.

Еще по НДС. Нет никакой конкуренции налоговой по НДС. В странах — ближайших партнерах ставки НДС похожи на наши. Все очень осторожны со снижением ставок НДС, потому что это база устойчивости налоговой системы. НДС — налог, который минимально эластичен по размеру нефтяных цен. Практически его эластичность равна нулю.

Если вы хотите снижать налоги — я, как налогоплательщик, не против. Есть налог на прибыль, по которому есть серьезная налоговая конкуренция. Там есть привлечение бизнеса низкой ставкой налога на прибыль. Она довольно эластична по цене на нефть. Хорошо, хотите снижать налоги, давайте снижать налоги, которые в наименьшей степени зависят от цен на нефть, если вы не хотите зависеть от того, начиная холодную войну,

что у вас произойдет на нью-йоркской бирже нефти и металлов завтра утром.

Еще один момент, уже не связанный с нашей экономической политикой, а связанный с мировой. Мир в XX в. безумно дорого заплатил за то, что он был не готов приспособиться к меняющимся условиям мировой экономики, мировой торговли. В частности, к тому, что доля Германии в мировой экономике начала резко расти, а Великобритании — доминирующей державы в XIX в. — сокращаться. То, что мир не способен был адаптироваться к изменившимся экономическим реалиям, стоило нам десятков миллионов жизней, которые мы потеряли в Первую и Вторую мировых войн. Да, Германия проиграла и Первую, и Вторую, но заплатила за это все не только Германия, а все мы.

Та конфигурация мировой экономики, которая сложилась сегодня, новая. Роль Китая и Индии в мировой экономике в начале XIX в. была абсолютно другой, чем в середине XX в. Сейчас Индия и Китай восстанавливают постепенно свою роль в мировой экономике, которую они играли на протяжении предшествующих трех тысяч лет. Но просто к этому надо приспособиться. К этому надо приспособить мировую финансовую инфраструктуру, процесс принятия решений по глобальным проблемам мировых финансов, проблему продовольственной политики, процесс принятия решений в Мировом валютном фонде, в Мировом банке, ФАО и так далее. Если к этому не приспособиться, то это будет ошибкой, которая может нам дорого стоить.

Для нас, как для страны, которая зависит от рынков сырья, важно, чтобы организация, ответственная за регулирование этих рынков, за регулирование финансовых рынков, пользовалась международным доверием. Чтобы они не воспринимались как инструменты чьего-то доминирования в мире. Наша стратегическая задача состоит только в одном. Не в том, чтобы где-то увеличить наше влияние, а чтобы элементы мировой финансовой инфраструктуры были работающими и пользующимися доверием.

Мировой финансовый кризис: последствия для России

Выступление на пресс-конференции РИА Новости

16 октября 2008 г.

Опубликовано на сайте РИА Новости.

Ведущая — Альбина Пылаева.

Ведущая: *Добрый день, уважаемые коллеги! Рада приветствовать вас на информационной площадке российского агентства международной информации РИА «Новости». Сегодня с нами Егор Тимурович Гайдар, директор института ИЭПП, и далее я могла бы зачитать десять строчек из энциклопедии, отец российских реформ. Но мы будем кратки, и я назову сразу тему нашей сегодняшней встречи. Это — мировой финансовый кризис и его последствия для России. Я передаю слово Егору Тимуровичу и думаю, что сейчас как никогда важно понять, почему кризис действительно мировой и как в нем участвует Россия? Адекватны ли меры, которые сейчас принимает российское правительство? Правильно ли понимаются масштабы этого кризиса, так сказать, достаточны ли меры и завершим как всегда делом не благодарным, но очень интересным для журналистов — Ваш прогноз.*

Начнем с главного. Что такое мировой кризис? Как Вы его определяете? Как он выглядит сегодня?

Егор Гайдар: Современный экономический рост, резкое ускорение динамики роста душевого ВВП, которое началось примерно два века тому назад и, по определению Саймона Кузнеца, получил название «современный экономический рост». Он был связан с резкими изменениями в жизни людей. Это был процесс урбанизации, резкого сокращения доли занятых в сельском хозяйстве, резкого повышения среднего уровня доходов, резкого повышения уровня

образования, резкого повышения продолжительности жизни. Но он параллельно сочетался с циклическими изменениями важнейших фундаментальных показателей, которые влияют на жизнь населения. Отсюда проблема кризисов, депрессий, периодов, когда мы переходим от динамичного экономического роста к спаду экономической активности. Все это началось не сегодня и не вчера, это характерная черта последних двухсот лет, с которыми связано резкое ускорение экономического роста. Поэтому надо, анализируя экономическую политику и экономические реалии любой страны, включая Россию, понимать, что за тучными годами иногда следуют тощие. Что периодам крайне благоприятной конъюнктуры могут сопутствовать периоды крайне неблагоприятные.

Эта та ситуация, с которой мы столкнулись сегодня. Обсуждать детали, почему мы сегодня оказались в периоде глобального замедления экономического роста, можно долго. Каждый раз конкретные поводы могут быть предметами обсуждения. В 2001 г. это был крах рынка NASDAQ и потом террористические акты в Нью-Йорке. Сейчас это кризис ипотечного рынка в Америке. Но надо понять, что мы живем сегодня в другом мире, чем жили, например, в 2007 г.

В начале 2007 г. можно было спорить о том, вообще окажет ли замедление мирового экономического роста влияние на Россию, не окажется ли Россия надежной гаванью для капиталов в условиях замедления мирового экономического роста. Сейчас дискуссии на эту тему мало продуктивны. Мы видим, что: а) серьезное замедление мирового экономического роста — реальность; в) мировой финансовый кризис сейчас начинают сопоставлять с тем, что было наиболее серьезным со времен Великой депрессии; с) что, конечно, российская экономика реагирует на этот кризис.

Линия реакций идет по двум основным направлениям. Первое и очевидное, — это приток и отток капитала. В прошлом году Россия получила приток капитала в размере более 82 млрд долларов. В условиях замедления мирового экономического роста обычно происходит отток капиталов с развивающегося рынка, с рынков стран, которые не обладают мировыми резервами валюты. По итогам трех кварталов в России приток капиталов сократился до 0,5 млрд долларов. По всем очевидным прогнозам, по итогам года мы получим чистый отток капитала. Понимаете, разницу между

притоком в 82 млрд долларов и чистым оттоком? Это разные условия проведения экономической политики.

Второе. Обычно серьезные замедления мирового экономического роста приводят к резким снижениям цен на сырьевые товары, которые составляют основу экспортного потенциала России. Ну, такие как нефть, нефтепродукты, газ, металл. Так было, скажем, во время последнего замедления темпов экономического роста в 2001 г. Прогнозировать цены на нефть — задача крайне сложная и опасная для профессиональной репутации. Но, в общем, можно было бы предположить, что подобная же тенденция обозначится при следующем снижении темпов мирового экономического роста, которое, собственно, и состоялось в 2007–2008 гг. Я не буду комментировать конкретную динамику цен на нефть сегодня, но то, что она радикально снизилась по отношению к уровню лета этого года, не является предметом для обсуждения.

То есть мы получили внешний шок, это радикальное изменение направления потока капитала и радикальное изменение цен на основные товары. Все это не является катастрофой. К этому кризису мы были готовы неизмеримо лучше, чем Советский Союз в 1985 г., когда произошло подобное падение цен на наши основные экспортные ресурсы. Или в 1998 г. Мы сумели сформировать крупные золотовалютные резервы, за которые нас критиковали не только популисты в России, но и многие квалифицированные специалисты международных финансовых институтов. Мы создали свой Стабилизационный фонд, т.е. извлекли уроки из опыта Советского Союза. Мы были готовы к тому, что подобного рода развитие событий может случиться. Но это лишь позволяет нам адаптироваться к изменившимся условиям без катастроф. Это не заменяет адекватной экономической политики, а лишь позволяет сделать переход к ней более плавным.

Что это означает с точки зрения проводимой политики, в том числе экономической политики? То, что в период, когда доходы бюджета бурно росли и можно было с интересом обсуждать вопросы о том, какие новые расходные программы стоит принимать, сколько надо строить авианосцев, где для них строить новую верфь, временно в прошлом. Может быть, с течением времени, исходя из соображения безопасности, можно будет вновь обсудить программу строительства авианосцев, но только не сейчас.

Сейчас для нас важнейшая задача сохранить финансовую стабильность в стране. Сохранить стабильность в первую очередь банковской системы. Потому что опыт показывает, что в условиях подобного рода кризисных явлений в мире, при всей взаимосвязанности фондового рынка, валютного рынка устойчивость банковской системы — это ключевая проблема, решение которой обеспечивает восстановление экономического роста. Кроме того курсовая политика должна быть гибкой. У Центрального Банка достаточно резервов для того, чтобы управлять курсом рубля. Но Центробанк на протяжении последних двух-трех лет постоянно находился под давлением притока краткосрочного капитала и очень сильного платежного баланса. Это создавало тяжелейшую проблему управления реальным курсом рубля. А реальное укрепление рубля, конечно, создавало риски конкурентоспособности тех секторов российской экономики, которые не связаны с нефтью и металлами. Сейчас у ЦБ больше свободы маневра, он может ею воспользоваться. Собственно, он дал уже сигнал, что будет ею пользоваться. Причем, еще раз подчеркиваю, у него абсолютно достаточно резервов для того, чтобы делать это спокойно, без всякой паники.

Третье — реальная процентная ставка. Мы жили на протяжении последних лет в условиях отрицательной реальной процентной ставки, т.е. когда у нас темпы инфляции превышали процентную ставку по вкладам населения в основных российских банках. Это аномальная ситуация. И она была связана, конечно, с аномально высокими ценами на нефть и аномально высокими темпами прироста капитала. Сейчас у нас есть возможность перейти к политике позитивной, реальной процентной ставке. К тому, чтобы население получало по своим вкладам деньги большие, чем те, которые оно теряет от инфляции. Это потенциально сильный вклад в антиинфляционную политику. Именно сейчас мы получили эту возможность. Грех ею не воспользоваться.

Чем мы за все это заплатим? Мы заплатим за это некоторым снижением темпов экономического роста. В условиях мирового экономического кризиса, когда все и ожидают, что мы снизим темпы экономического роста, на мой взгляд, это не катастрофа. Если мы сохраним финансовую стабильность, если мы не допу-

стим системного банковского кризиса, это просто будет значить, что к тому времени, когда мировой экономический рост восстановится, темпы экономического роста в России выйдут на достаточно высокий устойчивый уровень.

Второе — некоторым изменением ситуации на рынке труда. Наш институт проводит опросы деловой конъюнктуры с 1993 г. В последние годы число руководителей предприятий, которые указывают на то, что дефицит квалифицированного персонала является важнейшим препятствием роста выпуска, системно растет, постоянно. Конечно, замедление темпов экономического роста приведет к сокращению спроса на труд. Но так как экономика России сегодня очевидно перегрета, это будет значить лишь то, что мы приведем ситуацию на рынке труда в соответствие с теми долгосрочными возможностями предложения квалифицированной рабочей силы, которые есть в нашей стране. То есть мы сталкиваемся с очень серьезным вызовом, связанным с мировым экономическим и финансовым кризисом. Мы к этому кризису были готовы и создали необходимые резервы и, если сегодня не будем делать серьезных ошибок, сможем с этим кризисом справиться. Спасибо.

Современное состояние экономики России и стран СНГ и дальнейшие перспективы развития

*Выступление на 14-й ежегодной конференции Института Адама
Смита «Металлургический саммит СНГ»*

9–11 февраля 2009 г.

Из личного архива Е. Т. Гайдара.

Уважаемые дамы и господа!

Для меня высокая честь выступать на форуме, имя которого связано с Адамом Смитом, моим любимым писателем, на мой взгляд, совершенно блестящим, написавшим книгу, которая во многом определила судьбу экономики мира на протяжении следующих двух веков.

Я понимаю, что многие из вас хотят от меня получить ответ на два вопроса, особенно те, кто занимается практикой. Хотят узнать мое мнение по поводу того, насколько тяжелым будет кризис, насколько глубоким. Я должен вам честно сказать, что у меня нет ответа на эти вопросы. Больше того, я не знаю ни одного человека, который знал бы ответы на эти вопросы. Поэтому я могу только высказать свое мнение по контексту, в рамках которого можно обсуждать эти вопросы.

Первое, что здесь надо понять, это почему мы — когда я говорю «мы», я имею в виду экспертное сообщество стран СНГ, руководителей экономических блоков стран СНГ, предпринимателей — были столь не готовы к сильному влиянию колебаний мировой экономической конъюнктуры на наши экономики. Если перечитать сегодня подготовленные квалифицированными экспертами, работавшими на Министерство финансов, Министерство экономики, программные документы, которые были приняты в 2007 г.,

то вы там вообще не увидите упоминаний о возможности колебания мировой экономической конъюнктуры. Их там нет, как будто на протяжении двухсот лет, с начала современного экономического роста, основы которого были заложены формированием того набора институтов, который описывал Адам Смит, каждые 5–10 лет не было периодов существенного замедления экономического роста в основных мировых экономиках и мировых темпов экономического роста. Как будто это все для нас не имеет никакого значения.

В этой связи, конечно, важно понять почему. На самом деле, понять не так трудно. Все-таки у нас была очень тяжелая травма, связанная с крахом советской экономики. И все процессы постсоциалистической трансформации просто оказывались более сильными, чем влияние колебания мировой конъюнктуры на наши страны. Сама литература, посвященная колебаниям мирового экономического роста, разумеется, безбрежна. Ее, конечно, пытались применять в России и в других странах СНГ после формирования рыночной экономики. Но так как конструкционные процессы были гораздо сильнее, эти попытки обычно оказывались неудачными, вредными для профессиональной репутации. В течение этого времени, где-то как раз к середине 2000-х гг., они прочно вышли из моды. Это просто стало не нужно. Идея того, что на нас цикл не влияет, стала общераспространенной. Хотя на самом деле даже наш собственный, я имею в виду Россию и страны СНГ, опыт жизни в рыночной экономике не такой длинный, показывал, что на нас-то цикл очень сильно влияет.

В России, например, экономический рост начался в 1997 г., затем на фоне заведения мирового экономического роста и кризиса на развивающихся рынках он был приостановлен. Потом вновь восстановился. Потом на фоне следующей рецессии в Америке 2001 г., мягкой рецессии, темпы экономического роста уменьшились в два раза. За то короткое время, которое мы шли в рынок, мы должны были осознать, что на нас-то как раз замедление мирового экономического роста сказывается достаточно сильно. В России, кстати, замедление мирового экономического роста сказалось больше, чем на странах СНГ в целом по вполне понятным причинам — в силу того, что у нас высока доля нефти, нефтепродуктов, газа и металлов в общей структуре экспорта и в доходах бюджета.

Когда признаки замедления мировой экономики были уже видны, а это было ясно с осени 2007 г., были распространены в экспертном сообществе суждения, связанные с тем, что теперь все будет по-другому. Теперь не может произойти падение цен на нефть. Есть Индия, есть Китай, они же никуда не денутся. Есть масштабные проекты, которые начали реализовываться исходя из гипотез, что цены на нефть никогда не будут ниже 60 долларов за баррель, никто никогда не даст ценам упасть ниже этого уровня. Все это можно было читать, но этому нельзя было верить, потому что речь шла как будто бы о рынке, который существовал где-то до середины 1980-х гг. — о рынке «спот», рынке реальных контрактов, в первую очередь. И тогда, действительно, имеет значение из чего осуществляются инвестиционные проекты, на какую цену ориентируется производитель, потребитель и т.д. Но мы же живем в быстро меняющемся мире. Есть иллюзия, что экономический мир, в котором мы живем, примерно стабилен — как с Адама Смита сформировался, так и существует. На самом деле, мы живем в бурно меняющемся мире. И мир последних трех десятилетий радикально отличается от того, что было десятилетие тому назад. В том числе и по природе экономических кризисов.

Да, действительно, экономические кризисы, замедление экономического роста — это характерная черта того, что происходит в мировой экономике последние два века. Но только экономические кризисы разные. Одно дело — кризисный период золотого стандарта, например как Великая депрессия, связанная с тем, что сам современный экономический рост оказался несовместим с одной из его важнейших, фундаментальных характеристик — устойчивости курсов валют, основанных на золоте. Другое дело — последующие кризисы, скажем, послевоенные кризисы.

Послевоенные кризисы мы, как экономическое сообщество, довольно прилично научились понимать и регулировать. Их природа, если мы берем период между 1950 и 1990 г., была более или менее понятна: под влиянием коммунизма, различных социальных или военных потребностей происходит ослабление финансовой политики, за этим следует ослабление денежной политики, за этим следует ускорение темпов инфляции. Затем власти ведущих стран мира, имеющих резервные валюты, предпринимают меры, пусть неприятные и политически непопулярные, по улучшению

финансового баланса. В результате растут процентные ставки, падают темпы экономического роста, растет безработица, но при этом снижаются темпы инфляции, и в долгосрочной перспективе мы получаем достаточно стойкий экономический рост. То есть это были в некотором смысле «сделанные кризисы». Для того чтобы получить такой кризис, надо было принять соответствующие политические решения.

Но мир, еще раз подчеркиваю, меняется. Мы живем в мире, где нет золотовалютного стандарта, в мире плавающих курсов основных мировых валют. В мире с открытыми потоками капитала. И в этом мире столь предсказуемой картины нет. Когда случился кризис в Мексике 1994 г., очень квалифицированное руководство экономических властей США его абсолютно проспало, т.е. оно его не заметило. Потом специально была написана масса книг о том, почему это произошло. Но после этого оно таким же образом не заметило признаков кризиса в Юго-Восточной Азии 1998 г.

Природа рецессии 2001 г. была, очевидно, не связана ни с какими сознательными решениями денежных и финансовых властей Соединенных Штатов. Она была связана с крахом NASDAQ и потом закреплена террористическими актами. Нынешнего кризиса тоже, в общем, толком не предвидели. Когда он начался, естественно, можно было поднять работы, где обращалось внимание на второсортную ипотеку и так далее, но это потом, задним числом. То есть надо понять, что, во-первых, эти кризисы двух типов, во-вторых, что мы пока не научились их хорошо предвидеть. И именно поэтому нам достаточно непросто сейчас определить, в какой степени эффективными будут те меры, которые предпринимают ведущие мировые экономики для того, чтобы выйти из кризиса.

Россия и ее положение в условиях кризиса. Мы к нему очень прилично подготовились, какие-то уроки из краха Советского Союза, советской экономики, который последовал за крахом цен на нефть, мы все-таки извлекли. Именно поэтому мы создали и Стабилизационный фонд, который потом был преобразован в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния, накопили крупные золотовалютные резервы, что сегодня нам и позволяет регулировать кризис. Не ликвидировать его последствия, а регулировать. На нас он сказывается лишь по двум основным

пунктам. Первое — это падение цен на основные экспортные товары России. Все-таки 80% нашего экспорта — это нефть. Второе, что накладывается на первое, — это изменение потоков капитала. В условиях мирового кризиса вообще капитал имеет обыкновенные утечки с развивающихся рынков в наиболее надежные ценные бумаги, инвесторов интересует не только прибыль, сколько сохранность капитала. Именно поэтому парадоксальная, на первый взгляд, ситуация, при которой механизм кризиса запускается в США, крупнейшей мировой экономике, и в результате деньги утекают именно в США. Но это не первый раз будет и не второй, это просто надо понимать.

Наша специфика — это то, что у нас накладывается ухудшение состояния платежного баланса, связанное с тем, что падают цены на основные импортные товары, на то, что при этом инвесторы выводят деньги с рынков, которые зависят от сырьевых товаров. Я обсуждал тему о том, как у нас изменится баланс капитала в России в 2008 г., с одним из руководителей наших денежных властей весной прошлого года. С человеком более чем квалифицированным. У нас в 2007 г. приток капитала составлял 82 млрд долларов. Его догадка по состоянию на весну 2008 г. состояла в том, что приток капитала снизится на 50 млрд долларов, примерно до 30 млрд. Но, по итогам года, как вы знаете, чистый отток капитала составил 132 млрд долларов.

Когда мы разбирались с кризисом 1998 г. — не слишком удачно разбирались, — мы обсуждали ситуацию, когда у нас было 26 млрд долларов резервов — на начало кризиса, и мы еще надеялись получить 22 млрд долларов кредита МВФ. Если бы у нас тогда был масштаб изменения притока/оттока капиталов 200 млрд, то, конечно, ситуация была бы неизмеримо более драматичной, чем она была. Сейчас ничего этого пока не происходит, именно потому, что мы какие-то уроки извлекли и к чему-то подготовились.

Важнейшие приоритеты для нас не симметричны с теми, которые являются важнейшими для стран, имеющих ведущие мировые валюты. Для стран, имеющих ведущие мировые валюты, таких как доллар, евро, важнейшие приоритеты — это, конечно, сохранение устойчивости банковской системы, при этом стимулирование спроса, ограничение масштабов падения производства, снижение безработицы. Они могут себе это позволить, именно потому, что

за их резервными валютами (за евро как резервной валютой стоит длинная история стабильности немецкой марки) стоит длинная-длинная традиция. Им доверяют, и в условиях кризиса как раз туда и перетекают капиталы. И если они предпринимают меры, направленные на стимулирование производства, в том числе ослабляя денежную и финансовую политику, то это не ведет к бедствию ни от доллара, ни от евро, ни от иен. Мы такими привилегиями не обладаем, у нас не такая хорошая денежная история. В этой связи призывы, следовать нам тем же курсом — снижать процентную ставку, увеличивать бюджетные расходы, ослаблять денежную политику, — непродуктивны. Ни к чему, кроме как к падению валютных резервов и в этой связи утрате контроля над ситуацией, они не приведут. Нам-то приходится делать прямо противоположные вещи: повышать процентную ставку, делать ее реально положительной, сохранять гибкий курс национальной валюты, пересматривать свои бюджеты с тем, чтобы сохранить бюджетный баланс.

В целом, мне кажется, что наши власти это осознали. Медленнее, чем мне бы хотелось, но осознали. Это было не так просто, потому что все-таки в экономической истории бывают тучные и тощие годы. И тем властям, которым повезло управлять страной в условиях тучных годов, очень трудно переориентировать на то, что теперь нужно приспособливаться жить в условиях тощего времени. Они привыкли принимать популярные решения, они привыкли, что они всем нравятся. Они привыкли делить бюджетные деньги и думать, как лучше и эффективнее их потратить. А тут нужно заниматься совершенно другими вещами. Надо ограничить социальные расходы, надо думать, что там наобещали, что на самом деле выполнить невозможно и т. д. Для этого надо перестроиться, это другая культура. Мне кажется, что осознание того, что мы живем в другом мире, начинает как-то пробиваться.

Да, мы, конечно, наделали немало ошибок. Мы, наши власти, проспали кризис. Но, в общем, сейчас начинаем адаптироваться. Можно спорить о том, была ли правильной курсовая политика, т. е. то, что нам надо было приспособливать курс национальной валюты к радикально изменившимся условиям внешнеэкономической деятельности — с одной стороны, к ситуации на рынке капитала, с другой стороны, к ситуации на наших товарных

рынках — это было ясно. И это решение было принципиально принято — поздновато, но принято — в начале осени. Дальше, конечно, была внутренняя дискуссия по поводу того, как это делать. Делать это на основе быстрого падения курса рубля, после чего он выходит на уровень, который он воспринимает как равновесный, и дальше он может потихонечку идти вниз. Или делать это так, как это было сделано, т.е. постепенно, понедельно, и при этом тратя резервы на то, чтобы сделать обесценение рубля по отношению к корзине валют достаточно гладким. У меня была своя точка зрения по этому поводу. У моих коллег, которые отвечали за денежную политику, другая, которая могла не совпадать с моей, хотя у нас была внутренняя дискуссия по этому поводу. Но, в конце концов, если посмотреть на итоги, да, мы потеряли на резервах, однако резервов достаточно, чтобы дальше управлять курсом. Если посмотреть на курсы других стран, которые тоже зависят от сырьевых рынков, то мы вышли на сопоставимые масштабы обесценения национальных валют. Сейчас задача в основном решена. Все-таки мы сделали какое-то количество ошибок, но денежную политику всерьез не ослабили. Рубль стал ослабляться, когда ЦБ сам решил, что его надо ослабить. Сознательно решает Центральный банк. Когда и если ЦБ так не решает, то играть против него — занятие совершенно бессмысленное.

Во-первых, мы выйдем из кризиса, я не знаю, когда это случится, но мы выйдем. В мире не было такого, чтобы была рецессия, а потом она не сменялась подъемом. Это случится через год или через два. Кстати, рынок сырьевых товаров на выход из кризиса реагирует очень активно. При этом надо понять, что сырьевые рынки сегодня радикально отличаются от тех, которые были 30 лет тому назад. Именно в силу того, что возник рынок фьючерсов, рынок серьезно изменился (рис. 1).

По состоянию на 1985 год рынка нефтяных фьючерсов просто не было. Не было заключено ни одной успешно реализованной сделки по продаже фьючерсов. А потом он начал быстро формироваться, и по вполне понятным причинам, потому что ситуация на рынке изменилась. Он перестал регулироваться соглашением ведущих энергетических компаний Запада, стал в этой связи гораздо более волатильным.

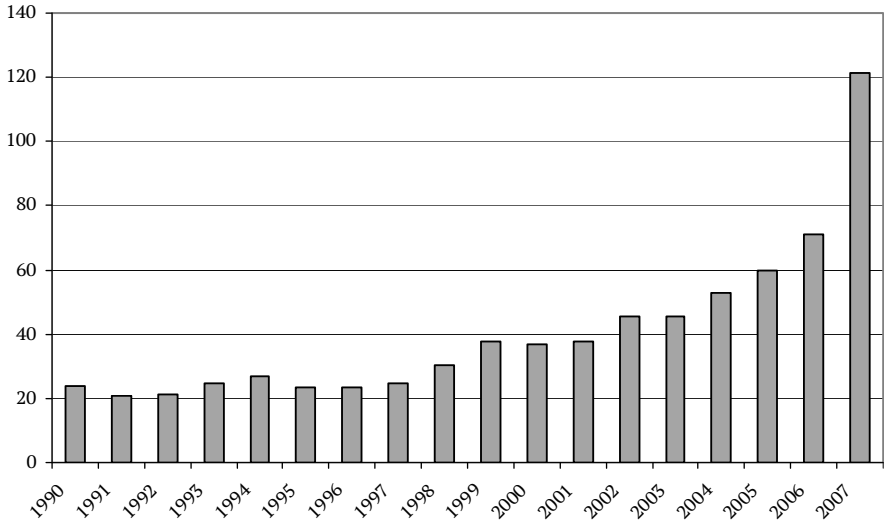


Рис. 1. Объемы торговли фьючерсами на нефть на Нью-Йоркской товарной бирже (млн контрактов)

Источник: данные New York Mercantile Exchange.

Долгосрочные вложения — достаточно емкие по объему инвестиций, и нефтяникам, когда у них и так есть риски, связанные с тем, насколько хорошо проведена геологоразведка, насколько точно определены запасы, еще не хватало иметь ситуацию, при которой они совершенно ничего не понимают в том, какие будут цены.

Поэтому, естественно, возник спрос на рынки инструментов, позволяющие минимизировать риски, связанные с нестабильностью нефтяных цен. Но если такие рынки вам нужны как производителю, то вы должны понять, что кто-то должен принимать все риски на себя, как принимают спекулянты. Спекулянты — на русском языке слово ругательное. Но я в данном случае использую буквальный перевод с английского, где никакого негативного морального оттенка нет. Это люди, которые принимают на себя риски. Но тогда надо понять, как устроено их сознание. Это люди, которые, как правило, заключают контракты на один день, максимум на неделю. Их, в общем, ситуация с месторождением совершенно не интересует. Их интересует, в каком настроении проснулись их коллеги по цеху, как вчера сыграла любимая команда, что

будет происходить первые 30 минут на бирже. Это ситуация, при которой рынок становится очень волатильным.

Всякий кризис — это достаточно тяжелое испытание, но это и механизм очищения. В нормальных условиях никто реформ проводить не хочет. Это относится и к государству, и к корпорациям. Реформы — это всегда изменение. Ну, кому хочется увольнять рабочих, сокращать расходы, снижать заработные платы, создавать социальные конфликты. Никому этого не хочется. И пока можно этого не делать — стараются не делать. То же самое в государстве. Если ты проводишь некие преобразования, то от них кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. Те, кто выигрывает, убеждены, что они выигрывают, потому что они работающие, дельные, потому что вопреки этому идиотскому правительству, которое затеяло какие-то реформы, они сумели создать свое эффективное дело, заработать себе на жизнь. А те, кто проигрывает, точно знает, что они проиграли не потому, что они много пьют или мало работают, а потому, что это идиотское правительство затеяло совершенно никому не нужные преобразования. Поэтому реформы — это занятие политически трудное. Это не наша специфика.

Кризис — это ситуация, которая подталкивает к тому, чтобы проводить реформы. Тот мир, в который мы войдем после кризиса, будет миром более жестким. Положим, корпорации должны суметь приспособиться к более жестким условиям — к ограниченности кредитов, к трудности доступа к капиталам, к условиям, когда надо снижать издержки, когда надо повышать качество продукции, работать с покупателями и т.д. Надо понять, что мы попадем в этот мир. То есть попадем в мир более жесткий, и это, естественно, предъявляет требования и к российским властям, и к российским корпорациям.

Применительно к власти. Понимаете, управлять Россией, когда цены на нефть 140 долларов за баррель — занятие прекрасное, замечательное. Тогда, конечно, ты можешь себе позволить забыть об институциональных реформах, забыть о том, что надо навести порядок с налогами и с бюджетными расходами, что гарантия частной собственности принципиально важна для долгосрочной устойчивости экономического роста, что весь опыт последних двух веков показывает, что частная собственность работает лучше государственной. Тогда можно позволить себе национализацию,

создание не очень эффективной государственной корпорации. Не думать о том, как воспринимается твоя собственная судебная система, насколько она позволяет гарантировать правосудие. Можно расслабиться. На все эти повестки дня, которые обсуждались, в которых нет ничего загадочного, можно было наплевать, все можно забросать нефтедолларами.

Для корпораций. От того, в какой степени они сумеют приспособиться к более жестким условиям конкуренции на внутреннем рынке и на мировых рынках, зависит их будущее. Жизнь в условиях предельно высоких цен на металлы их тоже расслабляет. В условиях снижающихся цен не до расслаблений. Необходимо попытаться приспособить себя к новым условиям. От того, в какой степени это удастся, зависит и будущее наших стран. И будущее тех компаний, в которых вы работаете. Спасибо.

Ключевой вопрос — это вопрос о том, будет глобальный экономический кризис длинным или коротким

*Выступление на семинаре Клуба региональной журналистики
«Из первых уст»*

29 июня 2009 г.

Опубликовано на сайте Клуба региональной журналистики.

Ведущая — Ирина Ясина.

Ведущая: У нас на связи Калининградская область и Махачкала, есть и звонки из Муром, Владимира и т.д., а в зале ребята из Клуба региональной журналистики.

Егор Гайдар: Дорогие друзья! Ключевой вопрос при обсуждении российской экономической политики в последние месяцы — это вопрос о том, будет глобальный экономический кризис длинным или коротким. Если вы посмотрите публицистику лета 2008 г., то найдете там немало публикаций, утверждавших, что никакого глобального кризиса нет.

Статья Андрея Илларионова, опубликованная в июле 2008 г., — наглядная иллюстрация этой точки зрения. Во-первых, никакой рецессии в США нет. Во-вторых, если и будет рецессия в США, то она не будет иметь серьезного влияния на динамику мировой экономики из-за возросшего влияния Индии и Китая. В-третьих, цены на наши основные экспортные товары не могут снизиться, потому что освоение новых месторождений нефти требует существенно более высоких цен на нефть, чем те, которые были характерны для 1990-х гг.

Год тому назад я с одним из руководителей Центрального банка России обсуждал перспективы потоков капитала. Мы обсужда-

ли вопрос о том, в каких масштабах будет происходить изменение потока капиталов на Россию. В 2007 г. в Россию приток капитала составил 82 млрд долларов. Его гипотеза год назад состояла в том, что приток капитала в Россию сократится с 82 примерно до 25 млрд долларов. Речь идет о мнении весьма квалифицированного человека, более чем причастного к денежной политике России. По итогам мы получили отток капитала в размере 132 млрд долларов.

К счастью, мы были к этому готовы. Последние 4 года мне все время задавали вопросы, связанные с тем, зачем мы создали Стабилизационный фонд и накопили столь масштабные золотовалютные резервы. Последний год снял эти вопросы. Да, можно спорить о том, правильной ли была тактика плавного снижения курса рубля, которую мы приняли в сентябре прошлого года. Понятно, когда вы начинаете плавную девальвацию, после этого у вас возникает соблазн играть против курса национальной валюты. И если говорить о частностях, то я предлагал моим друзьям, которые руководят российскими денежными и финансовыми властями, иной сценарий — овершотинга. То есть гораздо более глубокое снижение курса рубля при последующем переходе к укреплению курса. Это сэкономило бы нам 250 млрд долларов золотовалютных резервов.

Вместе с тем не могу не признать, что у моих коллег, которые отвечают за финансовую политику, были свои весомые контраргументы. Суть их была предельно проста. Тогда население сочтет, что их очередной раз обманули. В целом разница была не велика. Мы остановили падение резервов в январе. С января они у нас возрастают. Курс рубля укрепляется. Не могу сказать, что меня это радует, потому что это создает проблемы реальному сектору российской экономики. Но за все приходится платить.

То есть мы приняли решение, столкнувшись с глобальным экономическим кризисом. Видимо, самым тяжелым со времен Великой депрессии. Мы приняли решение, что у нас есть приоритеты: стабильность собственной финансовой системы, стабильность банковской системы, сохранение золотовалютных резервов.

Как всегда, особенно в условиях кризиса, за все приходится платить. И мы совершенно сознательно заплатили за это. Первое. Падением промышленного производства. Если вы увеличиваете реальную процентную ставку и снижаете инвестиционные расхо-

ды бюджета, не трудно понять, что вы получите снижение объемов промышленного производства. Второе — это рост безработицы. Безработица никогда не была ключевой проблемой для России с точки зрения всех социологических исследований, которые проводились с 1990 г. Дефицит продуктов, инфляция, бедность — да. Безработица толком никогда не фигурировала в качестве важнейшего фактора социальной озабоченности. Сейчас мы получили радикальное изменение ситуации на рынке труда.

Я не верю, честно говоря, в статистику Международной организации труда применительно к России. Для нашей страны все-таки важно то, в какой степени тебе нужно пособие по безработице. Если оно тебе не нужно, то что бы ни показывали данные обследований, это значит, что ты занят, скорее всего, в сером секторе экономики. Формально ты можешь назвать себя безработным, но за пособием по безработице не пойдешь. Поэтому я в большей степени доверяю данным по числу людей, подающих заявления на пособие. На самом деле, мы получили радикальное изменение этого показателя на протяжении последних нескольких месяцев. Безработица в России стала реальностью.

Мы получили радикальное изменение динамики промышленного производства и инвестиций. Все-таки 10 лет после того, как основные рыночные институты в России были сформированы, мы имели 7% роста ВВП в год и 10% роста реальных доходов населения. На этом фоне быть популярным очень легко. Для того чтобы быть непопулярным на фоне роста доходов населения на 10% в год в реальном исчислении, надо очень сильно постараться. Переход к режиму, когда реальные доходы населения не увеличиваются на 10% в год, а сокращаются, — это непростое испытание.

Собственно, мы создавали Стабилизационный фонд именно потому, что понимали, что цены на наши основные экспортные ресурсы не прогнозируемы. Это специфика рынка наших основных экспортных ресурсов. Разная эластичность спроса и предложения по цене в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Просту говоря, если вы привыкли ездить на работу на машине, то даже если цены на бензин вырастут в 3 раза, вы, скорее всего, не откажетесь от обычной для себя организации собственной жизни. Но в долгосрочной перспективе вы подумаете: а не стоит ли купить себе велосипед или перейти на трамвай, или купить ма-

шину с меньшей мощностью двигателя, более экономичную? То есть в краткосрочной перспективе цены на нефть никак не отражаются на спросе. В долгосрочной перспективе отражаются сильно. Именно поэтому прогнозировать рынок нефти безумно трудно.

Лучшая работа, которую я читал по прогнозированию цен на нефть, выпущена Международным валютным фондом. Она была посвящена тому, что никто не знает этого. Лучшая модель: «пьяная походка вокруг существующей цены на нефть». Что нам дает отвратительные результаты, но все другие модели дают результаты еще худшие.

Если вы при этом имеете экономику ядерной сверхдержавы, 80% экспорта которой, — это нефть, нефтепродукты, газ и металлы, тоже связанные с нефтью, то лучше подстраховаться. Лучше иметь какие-то резервы на случай, если по причинам, которые от вас не зависят, и которые вы не можете контролировать, — вдруг цены на нефть резко сократятся.

Советский Союз этого не делал, почему и столкнулся с тяжелейшим экономическим кризисом во второй половине 1980-х гг. Он оказался банкротом и распался. Мы извлекли некоторые уроки из опыта Советского Союза. Почему в 2003 г., прямо накануне резкого роста цен на нефть, и создали Стабилизационный фонд, который потом был трансформирован в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния.

Когда Россия столкнулась с кризисом 1998 г., связанным с событиями в Юго-Восточной Азии, наши золотовалютные резервы, тогда гораздо большие, чем у Советского Союза, 26 млрд долларов, были быстро истрачены. Это не были резервы в размере 580 млрд долларов, которые мы накопили в следующий период высоких цен на нефть. Тут мы могли потратить 210 млрд долларов на то, чтобы девальвация рубля была достаточно плавной.

Дальше наша реакция на изменение ситуации на мировых рынках была не симметричной по отношению к реакции стран, которые обладали ведущими мировыми резервными валютами. Это было понятно. Европа, Америка, в какой-то степени Китай считали себя ответственными за стабильность мировой экономики. В этой связи предприняли меры, направленные на экспансию бюджетных расходов, в первую очередь, в инвестиционной сфере. И на снижение процентных ставок. Потому что они пыта-

лись поддержать совокупный спрос. Председатель Федеральной резервной системы Соединенных Штатов, к счастью, был специалистом по Великой депрессии. В этой связи он более-менее понимал риски, связанные с Великой депрессией, и что с этим нам делать.

Мы приняли иное решение. У нас нет мировой резервной валюты. Рубль не является мировой резервной валютой. Да, он конвертирован по капитальным операциям, но как мировую резервную валюту его могут воспринять лет через двадцать. Поэтому мы приняли абсолютно асимметричное решение. Мы решили, что не будем снижать, а будем повышать процентные ставки для того, чтобы остановить отток валютных резервов из России. Мы провели плавную девальвацию рубля под контролем Центрального банка между сентябрем 2007 и январем 2008 г. Мы не увеличили, а сократили бюджетные расходы. В первую очередь в инвестиционные проекты. Мы приняли решение отказаться от опасных экспериментов в налоговой политике.

Ведущая: *Что Вы имеете в виду, Егор Тимурович?*

Егор Гайдар: Под опасными экспериментами я имею в виду идеи отмены налога на добавленную стоимость, которая активно обсуждалась нашим премьер-министром. От идеи радикального снижения ставки НДС. Потому что НДС — это налог наименее эластичный по ценам на нефть. То есть мы обменяли это на снижение ставки налога на прибыль, который существенно зависит от цен на нефть. И на некоторую либерализацию режима НДС, налога, который зависит от цен на нефть. Я не могу сказать, что и то и другое решение мне нравится, но я вынужден был сдаться.

С макроэкономической точки зрения мы подошли к этому кризису хорошо подготовленными, с приличными резервами. Реагировали на него чуть с запозданием. Потеряли примерно 6 месяцев, потеряли 200 млрд долларов резервов. Но с точки зрения макроэкономики, в целом, нормально.

Ведущая: *Егор Тимурович, Вам обязательно надо сказать про современный момент. Как Вы оцениваете текущую ситуацию?*

Егор Гайдар: С макроэкономикой мы справились. Сейчас у нас две ключевые проблемы. Это микроэкономика и политика.

Микроэкономика. Ладно, мы как-то справились с макроэкономикой. Хотя, цена огромная. Но к ней надо дальше адаптиро-

ваться. Это повышение производительности труда. Это сокращение занятости. Это рост уровня безработицы. Это тяжелые шаги. Начальство, которое готово было адаптироваться к изменившейся макроэкономической ситуации, пока не готово адаптироваться к ней в микроэкономике.

Ведущая: *Поэтому Путин и летает по стране, разбрасывая обещания?*

Егор Гайдар: Потому что будут перекрывать федеральные трассы, Транссиб. Надо закрывать предприятия. Надо сосредотачивать производство на наиболее эффективных, наиболее современных. Что будут делать люди, которые будут высвобождаться? Поедут ли они из Западной Сибири в Подмоскovie? Это совершенно не ясно.

Ведущая: *Ясно, что не поедут.*

Егор Гайдар: Проблема такая. Либо ты сокращаешь сейчас 200 человек, либо потом ты сокращаешь 400. Естественно, это требует активной государственной политики. Причем идея, что ее можно импортировать из опыта «Великой депрессии», абсолютно не реалистична, а именно она у нас превалирует. Если человеку, который всю жизнь работал на военном заводе, дать лопату и сказать, что дальше он будет копать землю, ему это не понравится. Техника другая, чем была в 1920–1930-е гг. Надо ее знать, уметь ею владеть. Кто тебя научит сразу? В этой связи идея общественных работ популярна в части нашего начальства, но только потому, что они не понимают, насколько изменился мир.

Что можно делать в этой ситуации, кроме того, что увеличивать в бюджете долю пособий на безработицу? У нас была традиционная проблема, что закладываем в бюджет пособия по безработице, а не приходит достаточного количества претендующих на эти пособия. Конечно, что предельно важно и нужно в этой ситуации — это развитие системы микрокредитования бизнеса. Условно говоря, чтобы человек с хорошей репутацией, которого только что высвободили из остановившегося оборонного завода, мог без залога получить кредит, позволяющий ему купить «ГАЗель», чтобы возить картошку из родной деревни на ближайший рынок. Ясно, что это особая система кредитования. Она не укладывается в нормальную банковскую систему. Но если 25 лет назад опыта создания таких систем вообще в мире не было, то сейчас он есть. Он есть и в России. Нам всего надо увеличить масштабы микрокре-

дитования в 8 раз. Да, кое-что надо изменить в законодательстве. Но все легко решаемо.

То есть ты даешь не рыбу, а удочку человеку, который способен этой удочкой управлять. Ты в залог отдаешь, условно говоря, кольцо любимой бабушки.

Ведущая: *Доверие?*

Егор Гайдар: Да, доверие. Доверие местного сообщества. По этому поводу накоплен богатый опыт в мире за последние двадцать лет.

Ведущая: *Про Нобелевскую премию скажите.*

Егор Гайдар: Да, за это давали Нобелевскую премию. Не в самой богатой стране¹. Я обсуждал эту тему с леди, которая отвечает за эту систему во Франции. Кстати, у нашего Института, видимо, будет совместный проект по этому поводу. Я был немножко удивлен, когда она мне говорила, что 25 лет назад во Франции вообще не было этой системы. Потому что это полностью противоречит логике организации банковского бизнеса. Залог, оценка риска. Сейчас это очень широко распространенная система в мире. И у нас она уже существует и укоренена. Это не то, что надо сделать с чистого листа.

Вопрос: *А где она существует?*

Егор Гайдар: Она существует в России. Этими активами занимаются в ВТБ24. Есть сеть кредитных кооперативов.

Когда Анатолий Борисович Чубайс уже расформировал свое РАО «ЕЭС России», но еще не пришел в нанотехнологии, я ему позвонил и сказал: «У меня есть идея о твоей новой работе». Мой друг спросил: «А она столь же привлекательна, как твоя прошлая идея — заняться приватизацией в России?». Я говорю: «Нет, она гораздо более привлекательная. Сейчас у нас кризис. Займись борьбой с бедностью в России».

Ведущая: *То есть системой микрокредитования.*

Егор Гайдар: Да. Он подумал. Потом попросил разрешения включить громкую связь на ближайшего сотрудника. Две минуты

¹ Имеется в виду инициатор микрокредитования американский экономист бангладешского происхождения Мухаммед Юнус. Он организовал в Бангладеш специальный банк «Граммин», выдающий миллионы микрокредитов. Юнус был удостоен Нобелевской премии по экономике 2002 года.—
Прим. ред.

думал. Потом сказал: «Идея гениальная, конечно. Но только в ней есть одна проблема. Зачем я нужен властям белый и пушистый? От бедности!». Это был веский аргумент.

Ведущая: *То есть не в качестве национального аллергена, а в качестве человека, который бы создал систему микрокредитования.*

Егор Гайдар: Короче говоря, ситуация тяжелая. Сейчас будет длинная дискуссия в России по поводу того, что кризис кончился. Я очень хорошо знаю, какие организации закажут статьи, что кризис кончился. И зачем они это сделают. Разговаривал на эту тему на протяжении последних двух месяцев примерно с шестью экономистами, мнению которых я доверяю. Мнение всех нас: мы не знаем. У всех вызывает сомнение ситуация в банковской системе Европы. У всех вызывают сомнение проблемы с корпоративными бумагами постоянных доходов и в какой степени может случиться вторая волна кризиса в первой половине 2010 года. То есть ситуация крайне неопределенная.

Ведущая: *Егор Тимурович, я бы хотела сконцентрировать Ваше внимание на политике.*

Егор Гайдар: Я об этом писал в «Ведомостях». Управлять Россией при цене на нефть в 145 долл., это приятнейшее занятие. Причем тебе даже не надо применять толком репрессии. Когда ты их применяешь, это непонятно зачем. Тебе не надо так жестко контролировать основные СМИ. Зачем тебе это надо, тебя и так будут любить. Кроме того, что люди, отвечающие за СМИ, присутствующие здесь, знают, что такое была военно-учетная специальность 077. Это спецпропаганда, направленная на разложение войск противника и обеспечение контроля на оккупированной территории.

Ведущая: *А зачем это надо на родине?*

Егор Гайдар: Те, кто у нас отвечает за пропаганду на основных каналах, учились именно по этой военно-учетной специальности. Для обеспечения контроля на оккупированной территории.

Ведущая: *А сейчас что делать?*

Егор Гайдар: А сейчас развилка. Первое. Естественный выход — это увеличивать масштабы контроля и репрессий. Это тупиковый путь. Как показывает весь мировой опыт, это кончается быстро и кроваво. Причем и для тех, кто это решение принимал.

Второй путь — постепенная, не радикальная, медленная либерализация режима по образцу примерно Испании после Франко.

Никто не гарантирует, что это легко. В Испании при Хуане Карлосе было нелегко. Там парламент чуть не расстреляли. Но это бывало отнюдь не только в Испании. Это единственный сценарий, который в изменившейся ситуации дает шансы на стабилизацию.

Ведущая: *Шансы того, что существующее руководство предпочтет этот сценарий медленной либерализации, Вами как оцениваются?*

Егор Гайдар: Я считаю, что они существуют с вероятностью существенно больше, чем 1%.

Ведущая: *Ну, оцените!*

Егор Гайдар: 50%.

Ведущая: *Вы оптимист! Как Вы оцениваете отказ от вступления в ВТО?*

Егор Гайдар: Здесь, что называется, оба хороши. И они и мы. Я считаю, что решение идиотское. То количество ошибок, которое они наделали в рамках переговоров с ВТО, огромное. Они — это та сторона. Я обсуждал эту проблематику с ключевыми операторами процесса на протяжении десятка часов. Я пытался объяснить моим высокопоставленным западным коллегам, что после того, как мы согласовали с Штатами, с Европой, с Китаем основные параметры нашего договора присоединения к ВТО, все время ставить вопросы со стороны Грузии, Латвии и так далее, это, мягко говоря, неправильно.

Я объяснял, что я сторонник членства России в ВТО. Считаю, что оно полезно. Обычно членство любой страны в ВТО дает прибавку роста ВВП на душу населения примерно на 0,5%. Нет ни одной страны, которая была бы членом ВТО, а потом бы вышла из нее.

Но вы не думайте, что мое мнение единственное в России. ВТО — это связанные руки власти. Это обязательства, которые власть берет на себя по поводу того, что она не будет делать. Вы думаете, что всем в России нравится эта идея? Это ошибка. Поэтому, если вы будете шантажировать Россию членством в ВТО, это меня можно шантажировать, а отнюдь не всю российскую власть.

Что дало в руки моим оппонентам, людям, с которыми я категорически не согласен, принять это абсолютно идиотское решение о том, что мы будем вступать в ВТО втроем? Это не имеет никаких прецедентов. Это никак юридически невозможно оформить. Попросту говоря, это отказ.

Ведущая: Я задам вопрос, полученный из Владивостока. От еженедельника «Конкурент». Можно ли говорить, что история с ленинградским Пикалево и приморским Светлогорьем, предприятием «Русский вольфрам» обозначили тенденцию на национализацию предприятий? На Ваш взгляд, насколько эта мера вынужденная в период кризиса? Можно ли было решить эти проблемы иначе? Особенно с «Русским вольфрамом». Что будет с национализированными предприятиями после того, как кризис ослабнет и последствия будут преодолены? Последует ли вторая приватизация?

Егор Гайдар: Историю русской приватизации можно описывать тысячами томов. Но если суммировать произошедшее, я бы сказал так. До того как российская нефтяная промышленность не была приватизирована, в российском правительстве главным словом при обсуждении ситуации в нефтяной промышленности было слово «катастрофа». Дальше обсуждались темы, связанные с тем, что мы будем делать, когда мы станем нетто-импортерами нефти, и куда нам переселять 200 тысяч человек из Нижневартовска.

После того как российская нефтяная промышленность была приватизирована, у нас главной проблемой стало, не слишком ли быстро растет добыча нефти в России, и как нам избежать ценовой войны с ОПЕК. Когда мы начали реприватизировать нефтяную отрасль, проблема ценовой войны с ОПЕК сама собой отпала. Потому что у нас перестала расти добыча нефти.

Ведущая: А что будет с Пикалевыми и Светлогорьями? Их правильно национализировали или это ошибка?

Егор Гайдар: Если мы, как налогоплательщики, хотим, чтобы наши налоги шли на неэффективно работающие предприятия, это наш выбор.

Ведущая: Потом вторая была приватизация. Я могу ответить, кому нужно это Пикалево.

Егор Гайдар: Они же живут распилкой финансовых потоков. Им до лампочки судьба предприятий.

Вопрос: В чем Вы видите государственное регулирование экономики в кризис? Вы уже упомянули о системе микрокредитования бизнеса. Что еще включается в это понятие? Вы сказали о медленной либерализации. Расскажите подробнее, пожалуйста.

Егор Гайдар: Мировой экономический рост последних двух веков был основан на том, что называется «связанные руки власти».

Когда все понимают, что власть ограничена в своих возможностях. Для этого нужно, чтобы была свободная пресса. Чтобы было реальное разделение властей. Чтобы была реально независимая судебная система. Чтобы были элементы федерализма, реально функционирующие. Чтобы было местное самоуправление. Вот тогда экономика устойчиво растет. Я не обсуждаю вопрос о 5–10 годах, связанных с экстремально высокими ценами на нефть. Я обсуждаю вопрос о том, как она растет последние двести лет. Пока и если у нас этого нет, то устойчивого экономического роста в России не будет.

Что надо предпринимать, кроме микрокредитования? Первое — не делать глупостей. Я разговаривал с руководителем одного из ведущих государственных банков. Он говорит: «Мне приносят документы о поддержке такого-то предприятия. Я думаю, что это такая чушь, что даже не стал писать протестную резолюцию. Это настолько очевидно, что это ерунда. Что я буду тратить свое время?». После этого решение было принято.

Вопрос: *Есть мнение, что контроль над финансовыми ресурсами в глобальном смысле является произвольным моментом, который поддерживает отмирающую часть экономики. Насколько справедливы такие рассуждения? Есть мнение, которое озвучил Чубайс в Давосе. Он сказал, что грядет новая экономика, вообще новые социально-экономические отношения. И чем более скоротечным будет кризис, тем быстрее мы будем жить в этих отношениях.*

Егор Гайдар: Первое. Экономика США все равно является крупнейшей в мире. За долларом стоит длинная история валютной стабильности. Поэтому в разговоры о том, что доллар можно заменить какой-то супернациональной валютой, я не очень верю.

Ведущая: *Сегодня было заявление главы Центробанка Китая. Он сказал, что Китай верит в доллар и так далее, и тому подобное. Чего другого можно было ожидать, если китайские золотовалютные резервы в долларах, и их около триллиона. Плюс пакет ценных бумаг американского казначейства тоже номинирован в долларах. Китай обрушения доллара будет желать в последнюю очередь.*

Егор Гайдар: Китайское руководство всерьез обсуждает, когда Китай введет конвертируемость юаня. Я хорошо знаю суть дела и могу сказать, что китайское руководство активно обсуждает тему, когда, на каких условиях, в какой форме они перейдут

к конвертируемости юаня по капитальным операциям. Это радикально изменит картину мира и сделает финансовый мир более сбалансированным.

Надо сказать, что китайские коллеги очень внимательно изучают российский опыт перехода к конвертируемости рубля по капитальным операциям. А мы перешли к этому режиму в 2007 году. Они стратегически приняли для себя решение, что юань должен быть валютой конвертируемой по капитальным операциям. Дальше они обсуждают вопрос техники: когда, в какой форме. Это все намного важнее, чем вся болтовня о введении наднациональной валюты. Для введения наднациональной валюты вам нужен единый Центральный банк и общее мировое правительство. Никак иначе это не получится.

Вопрос: *Вы с Анатолием Борисовичем хорошая команда. В нынешних условиях вам поступало или не поступало предложение, если не возглавить антикризисный комитет, то хотя бы стать главными или очень важными консультантами сегодняшнего правительства?*

Егор Гайдар: Мне поступало предложение, и я его принял вместе с Кофи Аннаном, стать членом мирового антикризисного комитета. А в России — нет.

Вопрос: *Ожидается ли в ближайшее время резкий обвал рубля?*

Егор Гайдар: Все будет зависеть от динамики цен на нефть. Центральный банк, Министерство финансов очень четкий дали сигнал участникам рынка, что они будут проводить гибкую политику. Они не берут обязательств по курсу. Будут проводить гибкую курсовую политику. Они никогда не говорили это словами, но и так понятно, что будут ориентироваться на цены на нефть. Цены на нефть упадут, тогда будет понятно, что будет происходить с курсом. Цены на нефть не будут падать, и тоже будет понятно.

Вопрос: *Вы дали понять нам, что финансовую политику нынешнего правительства, вы более-менее поддерживаете. А что касается нашумевшего интервью господина Юргенса¹ и его экономических тезисов, как Вы к ним относитесь?*

¹ Юргенс Игорь Юрьевич — российский экономист, президент Института современного развития (ИНСОР), профессор Высшей школы экономики. — Прим. ред.

Егор Гайдар: Я к Юргенсу отношусь, вообще-то, очень хорошо. Считаю его очень квалифицированным человеком. Но боюсь, что просто не видел его последнего интервью.

Журналист: Он раскритиковал деятельность правительства. Он сказал, что надо быстрее поворачиваться, иначе мы останемся на уровне развивающихся стран.

Егор Гайдар: Юргенс — очень квалифицированный человек. Я убежден, что все, что он сказал, было правильно. Просто я пропустил это интервью.

Ведущая: Могу добавить. Нынешние руководители Института ИНСОР, Игорь Юргенс и Евгений Гонтмахер¹, они, если угодно, «отвязались». Что дает нам некоторую надежду на то, что это сигнал о том, что они могут «отвязаться». У нас же модно раздавать сигналы. Один раздает сигналы, другой осуществляет посадки. У нас такое разделение властей.

Вопрос: Как член мирового антикризисного штаба, скажите, пожалуйста, какая из стран наиболее успешно справляется с кризисом? Насколько, в зависимости от страны, различны антикризисные меры борьбы? Может, у какой-то страны появилась антикризисная технология, которую можно было бы взять на вооружение другим странам?

Егор Гайдар: Все страны в разном положении. Их уравнивать нельзя. Если вы спросите про Латинскую Америку, я скажу, что Аргентина справляется с кризисом ужасно, а Чили хорошо.

Ведущая: А Великобритания?

Егор Гайдар: Очень опасно.

Ведущая: Мы с ними, наверное, очень похожи. Потому что экономика у них зависит от финансового сектора, а у нас от сырьевого. И переоцененная валюта у них очень опасная.

Егор Гайдар: Я очень с большой настороженностью отношусь к ситуации в английской экономике.

Ведущая: А Европа?

Егор Гайдар: Там огромная проблема — банковская система. Они маскируют проблемы в банковской системе. Раньше или поздно они все равно вылезут.

¹ Гонтмахер Евгений Шлемович — российский экономист. Заместитель директора по научной работе Института мировой экономики и международных отношений. Доктор экономических наук, профессор. Член Правления Института современного развития, член Комитета гражданских инициатив. — Прим. ред.

Ведущая: *Это невозвратные кредиты?*

Егор Гайдар: Конечно.

Ведущая: *По всей видимости, это так же, как у нас. Ведь у нас тоже маскируют.*

Егор Гайдар: Да. Боюсь, что у них большие объемы.

Вопрос: *А в СНГ?*

Егор Гайдар: Очень тяжелая ситуация в Белоруссии, которую мы заливаем своими деньгами. Пока она как-то стабилизируется. Очень тяжелое положение на Украине в силу полного политического бардака. Очень противоречивое положение в Грузии. Саакашвили сделал очень много приличного для борьбы с коррупцией... Не буду комментировать личные характеристики. Но, конечно, проигранная война не усилила его позиции.

Ведущая: *А борьба с кризисом в двух нефтяных государствах СНГ — Азербайджане и Казахстане?*

Егор Гайдар: И там и там действия властей были более-менее разумными. В Казахстане девальвацию, конечно, надо было проводить раньше. Но это проблема, а не трагедия.

Ведущая: *В Азербайджане совсем все хорошо?*

Егор Гайдар: Да чего там хорошего!

Вопрос: *Когда кризис только начинался, говорили, что часть Стабилизационного фонда нужно пустить на модернизацию экономики. Насколько верно это утверждение, по Вашему мнению?*

И главный вопрос: достигли мы дна или нет? Хотелось бы услышать Ваше мнение.

Егор Гайдар: Моя позиция была полностью солидарна с позицией Министерства финансов. Расходы бюджета надо наращивать темпами, которыми растет ВВП. В противном случае это приводит только к «перегреву» экономики и разгону инфляции. То есть растет у нас ВВП на 7%, давайте будем наращивать расходы бюджета на 7%. При росте ВВП в 2007 году мы нарастили в реальном исчислении расходы бюджета на 20%, мы получили «перегрев» темпов инфляции и ничего больше. Допустим, мощности по дорожному строительству за несколько месяцев не увеличиваются. Вы можете их постепенно наращивать, но не надо думать, что можно совершить чудо, и за 3 месяца нарастить мощность жилищного строительства на 20%. У вас цены вырастут на дорожное строительство. Что и произошло.

Вопрос: *В 1990-е гг. Вы утверждали, что Дальний Восток рационально было бы осваивать вахтовым методом. Учитывая массовый отток населения из региона, выходит, что Вы были правы. Жить здесь никто не хочет, а вот временно поработать, очевидно, не против. Сегодня мы видим, что правительство пытается разрабатывать очередную концепцию освоения Дальнего Востока, где ставится задача закрепить население и даже подстегнуть этот регион в программу по переселению сюда соотечественников. Как Вы относитесь к таким правительственным программам? Насколько реалистичными Вы их считаете?*

Егор Гайдар: Есть замечательная работа, выполненная американскими исследователями, по поводу сравнительной динамики средней температуры мест проживания в Канаде и России. Дело в том, что средняя температура проживания в Канаде и в России накануне Первой мировой войны была примерно одинаковой. То есть у нас там, где живут люди, примерно одинаковые температуры января, среднегодовые. А в период советской власти траектории радикально разошлись. В Канаде люди переселились туда, где комфортней, а в Советском Союзе их запихнули туда, где менее комфортно. В этой связи оказалось, что при сходных климатических условиях очень много наших сограждан живет в местах, где жить-то нельзя.

Поэтому совершенно не удивительно, а только рационально, как только административные барьеры были сняты, люди почему-то начали переселяться туда, где им комфортнее жить. И что теперь с этим делать?

Ведущая: *Все-таки вахтовый метод?*

Егор Гайдар: Там, где надо, вахтовый. Естественно. Но если люди не хотят там жить!

Ведущая: *Правильно. Ведь заставить нельзя.*

А когда будет дно?

Гайдар: Не знаю.

Смуты и институты

*Лекция в клубе — литературном кафе Bilingua
в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру»*

19 ноября 2009 г.

Опубликовано на сайте ПОЛИТ.РУ

Дорогие друзья, уважаемые коллеги, у меня только что вышла книга, которая называется «Власть и собственность»¹. Она состоит из двух частей: первая из них — «Смуты и институты», о которой я в основном и буду говорить, а вторая — это «Государство и эволюция». Если первая часть — это совсем свежая книга, которую я закончил месяца полтора тому назад, то вторая была написана в 1994 году. Почему я согласился с предложением издательства «Норма» их объединить? В обеих работах о нынешнем кризисе ничего конкретно не сказано, об этом я говорю в других своих публикациях. Но стратегически, на мой взгляд, и та и другая части работы тесно связаны с нынешним экономическим кризисом, его влиянием на российскую экономику, и в этой связи — с приоритетами российской экономической политики и общей политики в кризисный и посткризисный период.

Начну со своей старой работы «Государство и эволюция». Она о том, что разделение власти и собственности — это важнейшая предпосылка долгосрочного устойчивого экономического роста. Нынешний кризис мало кто прогнозировал. Кризисы вообще прогнозировать очень трудно: они меняются, поскольку происходят в меняющемся мире. МВФ — вполне авторитетная организация — корректировала свои прогнозы темпов экономического роста на 2009 г. несколько раз. Она скорректировала прогнозы глобального экономического роста примерно на 5% ВВП между концом

¹ Первая публикация книги «Власть и собственность» — СПб.: Норма, 2009.

2007 г. и октябрем 2009 г. 5% мирового ВВП — можете себе представить, что это такое для мировой экономики, потоков капитала, рынков сырьевых товаров, и в этой связи — для российского бюджета, российского платежного баланса. Даже такая очень авторитетная организация радикально ошиблась в прогнозах. Другие организации тоже сильно ошибались в прогнозах.

Еще летом 2008 г. вполне квалифицированный экономист — Андрей Илларионов, который долгие годы работал советником президента России по экономике, — подробно объяснял, почему никакой рецессии в США не будет, почему никакого влияния на глобальный экономический рост состояние нынешней рыночной экономики не окажет, почему оно никак не скажется на российской экономике. Это происходило в то время, когда американская экономика уже полгода была в состоянии рецессии (официально это было декларировано в ноябре 2008 года). Это произошло не потому, что он не старался правильно спрогнозировать развитие событий, а потому что это очень сложно сделать.

Для России кризис еще раз показал, что ее зависимость от энергоресурсов, от цен на сырье создает очень тяжелые проблемы. Поскольку они колеблются в широком диапазоне, ими очень трудно управлять и их практически невозможно прогнозировать. Знаете, если бы люди умели прогнозировать цены на нефть, то тот, кто научился это делать, заработал бы десятки миллиардов долларов на фьючерсных контрактах. И не надо думать, что никто этого сделать не пытался. Но пока — не получается, из-за того, как устроены рынки, какая эластичность спроса и предложения в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Это значит, что экономики, которые зависят от цен на сырье, — другие, чем обычные экономики, такие как экономика Еврозоны, Японии или Соединенных Штатов Америки, где изменение условий торговли на 15% воспринимается как катастрофа. А если у вас условия торговли на основные товары меняются не на 15%, а в три раза? Мы в какой-то степени были к этому готовы. Именно поэтому мы сразу задействовали Стабилизационный фонд и крупные золотовалютные резервы. Меня еще два года назад спрашивали, причем не российские популисты, а в Мировом банке: «Зачем вам такие крупные золотовалютные резервы?» Сейчас представить страшно, что случилось бы, если бы их не было.

Но все равно это ставит перед нами острую стратегическую задачу диверсификации российской экономики. Потому что иначе мы все время (все время — это раз в несколько лет) будем сталкиваться с очень тяжелыми проблемами в собственной экономике. Потому что когда у вас цены на сырье высокие, то вам постоянно говорят: «Чего же вы копите деньги?», «Отчего же вы их не потратите?», «Почему вы не возьмете на себя те или другие важные социальные обязательства?». Отказываясь при этом понимать, что если, не дай Бог, по независящим от вас причинам, эти цены снизятся, то, что же нам делать: распускать армию, закрывать университеты, школы, госпитали, снижать в два раза пенсии? Это создает очень тяжелые риски для экономической политики. В этой связи, конечно, значимость темы диверсификации российской экономики, о которой российские власти, российское экспертное сообщество много говорили последние годы, но мало что для этого делали, становится ключевой стратегической задачей, теперь уже во многом осознанной.

Проблема с решением задачи диверсификации сырьевой экономики состоит в том, что этого нельзя сделать простыми в политическом отношении способами: давайте дадим денег на такие-то и такие-то высокотехнологические производства. Дело в том, что в зависимых от сырья экономиках, как правило (есть исключения типа Норвегии), довольно высок уровень коррупции. У нас он плюс ко всему еще в последние годы имеет устойчивую тенденцию к повышению: как по данным внутренних опросов, так и опросов международных инвесторов. Значит, если вы даете деньги бюрократии на то, чтобы она диверсифицировала экономику, вы точно получите увеличение суммы откатов в этих областях. При этом вам абсолютно не гарантировано решение поставленных задач.

Динамичный экономический рост диверсифицированных экономик в мире начался где-то на рубеже XVIII–XIX вв. С подачи замечательного экономиста, лауреата Нобелевской премии Саймона Кузнеца этот процесс получил название «современного экономического роста». Ему предшествовали тысячелетия экономической стагнации. После неолитической революции мы вошли в длинный период, когда у нас душевой валовой внутренний продукт практически не рос, как не росли продолжительность жизни, уровень образования, уровень урбанизации, — общество было стабильным.

Это было в те времена, когда власть и собственность были слиты. Условно говоря, ты что-нибудь придумал новое, использовал это нововведение, а у тебя это пришли и отобрали — просто потому, что они сильнее. А если так, зачем что-то придумывать?

Картина начала меняться только тогда, когда постепенно сложилась ситуация, которую Дуглас Норт — другой лауреат Нобелевской премии — назвал «связанные руки власти». Когда стало ясно, что если обладатели собственности что-то сделают, то их собственность будет принадлежать им. Когда стало ясно, что именно они отвечают за рост благосостояния, за рост эффективности своих предприятий, за введение инноваций. А власть отвечает за внешнюю безопасность страны, за правопорядок, за осуществление правосудия, за социальную защиту. Именно с этого времени и происходит ускорение темпов роста душевого валового внутреннего продукта в десятки раз по сравнению со всем, что происходило на протяжении предшествующих тысячелетий. То есть произошло разделение собственности и власти.

В нефтяную промышленность вам вложат деньги и в Нигерию, где совсем нехорошо с правопорядком, с коррупцией, с правом собственности, с судебной системой. Вложат просто потому, что это — нефтяная промышленность. Если вы хотите, чтобы ваши инвесторы, международные инвесторы вкладывали деньги в высокотехнологические отрасли, тогда создайте минимально необходимые предпосылки для этого. Дальше все, что я скажу, будет тривиально, но при этом будет правдой, потому что от этого никак нельзя уйти, что показывает богатый мировой опыт.

Нужно добиться, чтобы у вас были реальные гарантии прав собственности, чтобы была реально независимая система судов, которая рассматривается обществом как справедливая. Чтобы у вас был не слишком коррумпированный государственный аппарат, чтобы у вас была прозрачность в процедуре принятия государственных решений. Чтобы была свобода слова, было реальное разделение властей. Еще раз подчеркиваю: я понимаю, насколько тривиальны эти вещи, о которых я говорю. Но если вы хотите диверсифицировать экономику реально, то добиться цели, не сделав этого, абсолютно невозможно. Об этом, собственно, моя старая книга — «Государство и эволюция».

Теперь перейдем к новой книге — «Смуты и институты», название которой и было вынесено в качестве заглавия моего се-

годняшнего выступления. Это тоже имеет некоторое отношение к кризису. Это не роман, это «книга-предупреждение». Управлять Россией в условиях, когда реальные доходы населения в течение десяти лет, предшествующих кризису, росли на 10% в год, — занятие очень приятное и комфортное. Когда реальная заработная плата растет на 10%, — тоже очень приятно. Валовой внутренний продукт растет на 7% — хорошее дело. Я даже не могу понять, зачем в такой ситуации манипулировать выборами, снимать какие-то партии с выборов, устраивать подтасовки. Потому что в такой экономической ситуации и так выигрыш выборов обеспечен: чтобы не выиграть выборы, надо как-то особенно постараться.

И вдруг ты неожиданно для себя переходишь в другой режим, когда реальные доходы населения не растут, а падают. ВВП не растет на 7% в год, а в этом году, видимо, упадет на 10–11%. Когда инвестиции не растут на 20% в год, а, видимо, в этом году упадут, примерно, на 20%. Промышленное производство — наверное, на 15%, вместо роста на 10%. И это — уже совсем другая экономика.

Пока наше общество реагировало на все происходящее поразительно спокойно. Я ведь представляю себе, что было бы в Америке при изменении тренда ВВП с плюс семи на минус десять процентов; представляю, что было бы в Германии в подобной ситуации. У нас общество, конечно, напряжено, но реагирует очень спокойно. Об этом свидетельствует такой довольно надежный показатель уровня социального протеста, как число людей, участвующих в забастовках. Оно практически не выросло за время кризиса, но это не значит, что так будет продолжаться всегда. Мы сейчас достаточно прилично отреагировали на кризис с точки зрения макроэкономики. Я имею в виду меры по изменению валютного курса, процентной ставки — все это было сделано довольно грамотно. Ну, чуть запоздало. Месяцев так на шесть-девять я бы сделал все это раньше, но в целом — грамотно.

Но дальше мы упираемся в проблему микроэкономики. Проблема микроэкономики — это не шутка. Это вопрос о том, что надо концентрировать производство на наиболее эффективных предприятиях, и, значит, надо закрывать неэффективные. Это надо делать, иначе потом придется закрывать все предприятия, потому что Стабилизационный фонд не вечен. Власти пока этого делать не хотят. Они говорят руководителям крупных корпораций, кото-

рые хотят реструктуризации, что делать этого не надо. Вы, друзья, сначала договоритесь с губернаторами о том, что они согласны на закрытие у себя неэффективных заводов. А какой же нормальный губернатор на это согласится? Мир, в котором мы будем дальше жить, станет после кризиса очень жестким, потому что кризис — это механизм очищения экономики. Выжившие после кризиса мировые корпорации, с которыми нам надо будет конкурировать, будут более эффективными корпорациями, чем те, которые были до кризиса. Если мы при этом не адаптируем свою экономику к этим изменившимся реалиям, мы будем неконкурентоспособны, и значит, не способны расти. Так что с социальной точки зрения серьезные проблемы у нас, похоже, еще впереди.

Еще раз подчеркну, с политической точки зрения управлять страной в условиях быстро растущей экономики и высоких сырьевых цен — очень приятная задача. Выполнять ее в условиях быстро падающего ВВП и низких бюджетных доходов — это совершенно другая задача. А у нас, как вы понимаете, бюджетный баланс изменился от +4–8% в год до минус 10% в этом году.

Политическая реакция. Здесь есть две реальные альтернативы, причем у каждой из них, на мой взгляд, в нашем руководстве есть свои сторонники. Первая альтернатива — ужесточение репрессий. Раньше они были совершенно избыточными. Можно, конечно, ответить на кризис и изменение политической ситуации более жестким прессингом по отношению к несогласным, более жестким преследованием диссидентов, более жестким подавлением любых акций недовольства. Но это очень опасный путь, это — тупик. Это очень опасный путь, потому что ты никогда не знаешь, когда ты перетянешь гайки. Ты никогда не знаешь, когда у тебя подавленный протест выльется на улицу. Причем не в тех масштабах, в которых он проявляется сегодня, а в тех, в которых он проявлялся в митингах 1990–1991 гг., когда ты не можешь его контролировать. Я это прекрасно помню.

Второй вариант — это мягкая, постепенная либерализация режима, то есть создание элементарных основ свободы слова на массовых каналах информации, восстановление системы разделения властей, установление системы сдержек и противовесов, восстановление реального федерализма, реальных выборов. Нельзя сказать, что это невозможно сделать. Хотя бы потому, что это дела-

лось, причем во многих странах. Испания после Франко — отнюдь не единственный такой пример, просто он самый очевидный. Но то же самое делалось и во многих других странах. На самом деле, вот эта моя книжка — она о том, почему не надо выбирать первый путь, а надо выбирать второй.

Проблемы с первым путем состоят в том, что вся система институтов может функционировать в устойчивом режиме, но иногда, непредсказуемо, она имеет обыкновение рушиться. Рушиться в течение двух-трех дней. Еще раз подчеркну, никогда не знаешь, когда ты сорвешь гайки. Смуты — это как революции, это ситуации, при которых режим вдруг рушится. За ним рушатся все его институты, а для создания новых институтов требуются годы, иногда и десятилетия. Тогда наступает длинный период деинституализации, со свойственными этому периоду очень тяжелыми, а иногда опасными и кровавыми последствиями.

26 февраля 1917 г. практически никто в Петербурге не предполагал, что царский режим может рухнуть. Измениться — может, стать более либеральным — да, но чтобы рухнуть... В 1789 г., накануне взятия Бастилии, никто в Париже тоже не предполагал, что режим может рухнуть. Это было полной неожиданностью и для элиты, и для участников событий. Я думаю, что кто-то из вас хорошо помнит реалии утра 19 августа 1991 г. Ваш покорный слуга совершенно не предполагал, что режим рухнет в течение следующих трех дней. Ничего в российской истории не давало оснований для подобного рода гипотез.

Это всегда происходит неожиданно и для элиты, и для общества. По-моему, Василий Розанов¹ писал: «Русь слиняла в два дня. Даже «Новое время» нельзя было закрыть так быстро». Это действительно так происходит: в какой-то момент у авторитарного, не очень популярного режима вдруг не оказывается ни одного надежного полка. После этого он рушится, причем рушится стремительно. Вот у ГКЧП не нашлось ни одного надежного полка. У царского режима в феврале 1917-го тоже не нашлось ни одного надежного полка. Полковник Кутепов, очень храбрый, преданный царю офицер, абсолютно готовый отдать приказ расстрелять тол-

¹ *Розанов Василий Васильевич* (1856–1919) — русский религиозный философ, литературный критик и публицист. — *Прим. ред.*

пу из пулеметов, не получил ни одной надежной бригады. Получил только сводный отряд, которому прислали пулеметы без глицерина: их невозможно было использовать для стрельбы. Именно так обычно и бывает. А когда режим начинает рушиться, все сразу перестает работать, потому что никому неохота брать на себя ответственность, — черт его знает, как все это повернется.

Хорошие американские и европейские специалисты написали бездну работ о том, что я и мои коллеги все сделали неправильно. Потому что надо было понимать, что для создания институтов, необходимых для эффективного функционирования рыночной капиталистической экономики, нужно длинное-длинное время. Все это очень интересно читать, зная, что институты старого режима рушились на протяжении часов — не дней или тем более лет.

Вот реалии 22–23 августа 1991 г.: руководство Минобороны, правительство, вице-президент арестованы, республики одна за другой провозглашают свою независимость. Совершенно ясно, что ни одного полка, который готов выполнить приказ Горбачева, в его распоряжении нет. Дальше выясняется, что у Ельцина — тоже. Это прекрасно показали чеченские события ноября 1991 г. То есть армии не существует, как ее не существовало после 28 февраля 1917 г. Просто не было.

Первый год Гражданской войны — это реально война между латышскими стрелками и чехословацким корпусом, в котором наши с вами сограждане принимали крайне ограниченное участие. Почему в этой ситуации оказываются дееспособными именно этнические войска — это отдельная тема. Я не хочу сейчас в нее вдаваться, но это именно так. Это просто свидетельство того, что армии — нет.

Есть одна известная история. Во время разговора между профессором Милюковым¹ и агентом германской разведки Гейзе в 1918 г. (сам Милюков этот разговор хорошо описал) Гейзе говорит ему: «Вы просите нашей помощи в свержении большевистского режима. Но при этом не хотите согласиться на условия Брест-Литовских соглашений, достигнутых между нами и большевиками. Ну, согласитесь, когда судьбу вашей страны решают две тысячи че-

¹ Милюков Павел Николаевич — русский политический деятель, историк и публицист, лидер Конституционно-демократической партии (кадетской партии). Министр иностранных дел Временного правительства в 1917 г. — *Прим. ред.*

хословаков, и вы просите от нас помощи, чем-то надо поступиться». На что Милюков ему говорит: «Не две тысячи — больше». Он получил ответ: «Какая разница?»

Надо понимать, что первый результат подобного развития событий — это то, что у вас нет армии. Особенно это характерно для ситуации с полиэтническими образованиями. Возьмем, например, 1991 год, крах ГКЧП. Кравчук¹ вызывает к себе трех командующих округами, расположенными на Украине, и говорит, что теперь они подчиняются ему. Министерство обороны Советского Союза считает, что они по-прежнему подчиняются ему. Допустим. А это попросту значит, что они не выполняют ничьих приказов, для чего всегда найдутся основания. Если они выполняют приказ Министерства обороны, то нарушат украинский закон. Если выполняют указ украинских властей, нарушат данную присягу. Армии не существует! И это было прекрасно понятно в период, последовавший за августовскими событиями. К тому же это полиэтническая армия. А кому, скажем, лояльны казахи, которые служат на Украине? Казахским властям? Украинским властям? Союзным властям? — Ничьи приказы они не выполняют. Это прекрасно документировано, и я цитирую некоторые документы по этому поводу.

Что происходит в других силовых структурах? Они просто перестают работать. Во-первых, они не знают, кто выиграет, а кто проиграет, то есть за что им потом придется отвечать. Отвечать за сотрудничество с новыми властями? Поэтому бывшее КГБ СССР перестает предоставлять какую бы то ни было информацию кому бы то ни было. Органы МВД формально проявляют лояльность, но реально милиция с улиц исчезает, — разбирайтесь сами. Бандюганы что-нибудь сделают для обеспечения порядка — в том виде, в каком они его представляют.

При этом у вас исчезает пограничная служба, потому что пограничная служба, скажем, на Украине, теперь подчинена украинским властям — это один из первых декретов украинских властей. А никакой границы между Россией и Украиной за день выстроить, разумеется, невозможно. То же самое относится к Прибалтике. Это наши основные, важнейшие порты, значит, теперь нет ни таможи, ни границ. Естественно, что республики давно «забыли»

¹ Кравчук Леонид Макарович — первый Президент Украины, депутат Верховной рады Украины I–IV созывов. Член ЦК КПСС в 1990–1991 гг. — *Прим. ред.*

присылать какие бы то ни было налоговые доходы в распоряжение советских властей. Там просто их не было. Собственно, как их не было в распоряжении французских властей периода французской революции 1789–1794 гг. Тогда французские революционные власти (современные экономические историки часто упрекают их за это) приняли действительно очень странное решение о ликвидации старых налогов до введения новых. Но разве могли они реально сделать что-нибудь другое, когда у них тоже не было ни армии, ни полиции, ни аппарата для того, чтобы взимать эти налоги?

Когда и если вы оказываетесь в этой ситуации, у вас все равно есть государственные функции. Допустим, армия у вас не боеспособна, — но нельзя совсем-то отказаться от ее финансирования, это очень опасно. Есть какие-то элементарные функции государства, которые оно должно выполнять. Содержать дороги, например. А если вы не можете собрать налоги, что вам остается? Вам остается печатать деньги. Либо устраивать систему неплатежей, как это было во времена английской революции, либо печатать деньги, как во времена, скажем, французской революции, русской революции 1917–1922 гг., российской революции 1991–1993 гг. Если вы не можете собрать налоги нормально и не можете в достаточной мере сократить государственные расходы, вы начинаете финансировать их за счет эмиссии, хотите вы этого или нет.

Это само по себе не страшно; в конце концов, при инфляции случались подобного рода ситуации, их иногда можно и пережить. Но беда гиперинфляции состоит в том, что у вас возникают тяжелые проблемы продовольственного снабжения крупных городов. Это прекрасно известно на примере французской революции. Что интересно, когда читаешь материал по экономике французской революции, экономике русской революции 1917–1922 гг., мои правительственные документы 1991–1993 гг., они поразительно похожи. Суть такая — вы не можете собрать налоги, вы печатаете деньги. У вас возникают очень высокие темпы инфляции. А крестьяне не хотят продавать вам дефицитное продовольствие, к тому же быстро дорожающее в условиях инфляции. То есть, пожалуйста, вы можете иметь свободные цены или вы можете иметь несвободные цены — все равно. Действительно, зачем нужна эта крашенная бумага?

Отсюда возникает очень тяжелая альтернатива. Приходится решать. — Или вы пытаетесь устроить то, что Владимир Ильич Ленин

называл «героический поход за хлебом в деревню с пулеметами». Или вы пытаетесь найти формы, позволяющие вам купить у крестьян продукты по приемлемым для них ценам. Во Франции периода Великой французской революции, в России периода революции 1917 года на долгое время был избран вариант вот этого «похода за хлебом в деревню с пулеметами». Во время французской революции пулеметов, естественно, не было, поэтому — с ружьями. Это гражданская война, вопросов нет. Но, во-первых, у вас очень мало военных ресурсов, потому что нет организованной армии, нет организованной полиции. Во-вторых, а кто же вам отдаст? Крестьяне в свое время были приучены платить повинности, но они были приучены платить повинности тем властям, которые существовали на протяжении многих и многих десятилетий и столетий. А вы кто? Условно говоря, вы вынуждены опираться на помощь санкюлотов или на продотряды, которые и в том и в другом случае деревня воспринимает как грабителей.

Одно дело, когда у вас есть упорядоченная система сбора налогов. Она может быть отвратительной, но она упорядочена, привычна. Другое дело, когда приходят одни — грабят, приходят другие — тоже грабят. И тут уж, естественно, надо либо бежать в лес, либо самому браться за ружье, либо как-то иначе управляться с этой ситуацией. Между тем снабжение городов, в условиях когда у вас нет организованной, устойчивой власти, крайне затруднено. Устойчивость власти зависит от того, кого поддержит улица. При чем речь идет не о поддержке миллионов людей, а о поддержке двух-пяти тысяч людей, но организованных. Этого вполне достаточно, чтобы свергнуть власть.

Скажем, когда шла речь о том, кому будет принадлежать власть в Питере в июле или октябре 1917 г., или в январе 1918-го, во время разгона Учредительного собрания, или в Москве, во время эсеровского восстания, — всегда вопрос заключался в том, кого поддержат две-три тысячи организованных людей. И это вопрос, ответ на который определял будущее очень большой страны.

Начиная работу в правительстве, мы очень хорошо понимали эту ситуацию. Собственно, для этого нас туда и пригласили. Если бы все было хорошо, разве опытные, шестидесятилетние, квалифицированные хозяйственники, которые всю жизнь шли к руководству ключевыми экономическими ведомствами, ушли бы

в сторону? Разве они сказали бы: «Теперь молодые ребята пусть попробуют разобраться»? — Нет, конечно. Они ушли потому, что не представляли себе, что делать в ситуации, когда у вас нет армии, милиции, таможи, пограничной охраны и функционирующей налоговой системы. И вдобавок к этому — продовольствия, чтобы прокормить крупные города, было не больше чем до февраля месяца.

Мы довольно прилично представляли себе ситуацию. У нас в России она осложнялась дополнительным важным фактом — развалом единой рублевой зоны. Мы с самого начала отклонили для себя вариант «героического похода с пулеметами». Мы категорически не хотели гражданской войны. Мы были убеждены, что это нанесет страшный вред. Но если ты не можешь взять зерно силой, придумай, как предложить селу те условия контракта, которые оно примет. Они могут быть не идеальными для тебя, болезненными для города, но они должны быть приемлемыми. А что это значит? — Это значит, что необходима либерализация цен. Как это было во Франции 1794 г., как это было в России 1921 г. Когда ты понимаешь, что твой «героический поход» задохнулся или невозможен, ничего другого тебе не остается. Лучшее всего сказал об этом один мой хороший знакомый, министр финансов Мексики, на одном семинаре, когда я ему обрисовал сложившуюся ситуацию и спросил, что бы он сделал на моем месте, он сказал: «Я бы застрелился. Все остальные выходы хуже».

Плюс к этому у нас было еще одно дополнительное обстоятельство, с которым в более простом виде столкнулась Австро-Венгерская империя после ее краха. Проблема состояла в том, что разные эмиссионные центры печатают общую валюту. Тебе нужно, чтобы за любые цены хлеб тебе продавали, но тогда ты должен, хоть в какой-то степени, контролировать денежное предложение. Пойди ты его проконтролируй, когда у тебя 15 центральных банков бывших союзных республик — ныне независимых государств — совершенно неподконтрольно тебе печатают общие деньги. Они печатают их не в наличной, а в безналичной форме, но тебе-то не легче от этого. Для того чтобы чисто технически разделить единую рублевую зону, тебе нужно, при хорошем варианте, девять месяцев. Ведь для этого надо перестроить всю систему банковских расчетов.

Поэтому мы думали о том, чтобы отложить полномасштабную либерализацию цен до 1 июля 1992 г. и объединить ее с введением национальной российской валюты, сильной стабилизационной программой — примерно по польскому сценарию. Но когда мы проанализировали ситуацию с запасами зерна, с тем, что происходит, и сколько нам нужно времени для того, чтобы разделить денежное пространство, мы поняли, что у нас нет этого резерва времени. Россия просто столько не протянет, и все кончится трагически.

А дальше, конечно, был страшно опасный эксперимент с либерализацией цен в условиях, когда ты твердо знаешь, что не контролируешь денежную массу. И мы начали работу в этом направлении. Примерно с конца января я стал получать материалы о том, сколько и кто нам сбросил денег, не имея, естественно, возможности задним числом это контролировать. Это был очень опасный эксперимент, но, в общем, он сработал: мы решили фундаментальную задачу, которую перед собой ставили, — не допустили голода. Один из самых счастливых дней в моей жизни был где-то в мае, когда я понял, что как бы ни было дальше тяжело, но голода в России, по образцу 1918 г., не будет.

А между тем у Ленина его «героический поход с пулеметами» закончился полным провалом, поскольку к лету 1918 г. поставки хлеба в крупные города снизились до нуля. Были дни, когда Москва и Питер не получали ни одного вагона хлеба. Я об этом знал и до того, как стал разбираться с деталями, с архивными материалами. И все-таки, для меня это было загадкой. Ленин — человек жесткий, жестокий, крови был готов пролить сколько угодно. Если перечитать ленинские работы этого периода, становится ясно, что для него хлебное снабжение крупных городов было просто «альфой» и «омегой» вопроса о том, как остаться у власти. Тем не менее он ничего не смог сделать.

Когда начинаешь разбираться, понимаешь, как это получалось. Скажем, читаешь очень откровенные мемуары продовольственного работника из Тулы, написанные в конце 1920-х гг. Их суть: взять хлеб в деревне было очень трудно и очень опасно. Мы послали отряд под началом товарища такого-то — так их поубивали. До этого мы приняли другое решение — мы выставляем пулеметы на станцию и отцепляем вагоны. А если кто не согласен, то мы рас-

стреляем. Имеются в виду вагоны с зерном, следующие в Москву. В такой ситуации совершенно неудивительно, что в Москву и Питер ничего не приходило.

У нас рыночные отношения заработали к середине 1992 г. Тема продовольственного снабжения к этому времени практически оказалась снятой с политической повестки дня. Если вы посмотрите архивы заседаний правительства, вы увидите, что нет этой темы. Есть масса других тем, но проблема снабжения крупных городов продовольствием просто исчезает.

Но за это, конечно, надо было заплатить немало. Временное правительство считало, что либерализация цен — это политическое самоубийство. Потому что такая мера — это удар по городской бедноте, которая потенциально являлась наиболее легко мобилизуемой группой. Именно она была важнейшим участником беспорядков, которые привели к революции.

Да и нам было понятно, что это очень опасная штука. Опросы ВЦИОМа показывают, что отношение российского общества к происшедшему в 1991 г. было очень противоречивым. С одной стороны, большая часть общества ждала катастрофы: голода, отсутствия водоснабжения. Она была достаточно благосклонно настроена по отношению к экономическим реформам, хотела приватизации, особенно приватизации квартир. Но категорически не хотела либерализации цен. Как я думаю, большинство присутствующих понимает: рыночная экономика без свободных цен работать не может. Поэтому было нужно принимать решения, необходимые, чтобы отвести катастрофу. При этом было понятно, что эти решения будут заведомо непопулярны.

В свое время я написал записку Борису Николаевичу Ельцину, который, напомним, был поразительно талантливым политиком. Понимаете, человек выигрывает выборы в столице авторитарного государства, где против него работает государственный аппарат, пресса. Этот человек в 1989 г. в Москве побеждает с результатом 90% голосов. А потом в крупном индустриальном городе Екатеринбурге — опять же с результатом 90% голосов. Это, конечно, политик от Бога. Сейчас это, может быть, забыто, а тогда было абсолютно очевидным. В том числе поэтому он не проиграл ситуацию в августе 1991 г. Он был очень популярен, и никто не хотел связываться с силами, которые стояли против него.

Итак, осенью 1991 г. я и мои коллеги написали ему записку, суть которой была предельно проста. Во-первых, что ситуация сложилась очень тяжелая, во-вторых, что он может попытаться сохранить свою популярность, ничего не делая. Но это — очень ненадолго. Богатый исторический опыт показывает: масса популярных вождей французской революции, которые ничего не могли поделать с экономикой, свои головы не сохранили. А второй вариант — он инвестирует весь свой политический капитал в проведение реформ, которые а) абсолютно необходимы, б) крайне непопулярны в народе.

Я потом перечитывал архивные материалы и увидел, что тогда он принял стратегическое решение — оказался готов инвестировать свой политический капитал в необходимое, но непопулярное решение. Наверное, он, не будучи профессиональным экономистом, не в полном объеме понимал, что это практически значит. Он был популярным политиком, и у него, наверняка, было представление о том, что я и мои коллеги преувеличиваем, что на своей популярности он все это вынесет. Когда после либерализации цен отношение к нему стало быстро и радикально меняться, он тяжело переживал. Знаете, популярный политик, так же, как красивая женщина, любит жить в атмосфере обожания. Поэтому для него это было очень тяжело. Его политические оппоненты, разумеется, прекрасно все это понимали. Они отлично представляли себе риски, на которые он пошел. И, естественно, думали, как использовать в своих целях то, что с политической точки зрения он подставился.

Я помню заседание Государственного совета, где было все руководство России (по-моему, 25 октября 1991 г.), когда Ельцин собрал руководство, включая Хасбулатова и Руцкого, и рассказал, что он собирается делать. Он спросил: «Есть ли кто-нибудь, кто с этим не согласен?» Ни одной руки не поднялось, было только грубое молчание. Нужно понимать, что при этом часть из них считала Ельцина политическим самоубийцей. Слава Богу, он сделал то, что надо было сделать.

Дальше возникает длинный период того, что тоже характерно для периодов смут, — его можно назвать «двоевластие». У нас ведь была очень своеобразная конфигурация власти. Конституция Российской Федерации была бумажкой, которая, пока существовала КПСС, не интересовала ровным счетом никого. По-моему, Бухарин говорил, что суть нашей Конституции в том, что партия все опре-

деляет. Потом, когда провалился путч и распустили КПСС, можно было перечитать конституцию и понять, что жить по ней невозможно. Потому что она не дает ответа на элементарнейшие вопросы: «кто что решает?», «чьи решения важны?», «кто за что отвечает?». Ну, скажем, власть советов. Формально местное отделение МВД подчиняется местному совету. А что, на указания областного управления МВД ему вообще наплевать? Возникла ситуация крайне опасная, особенно опасная в условиях государства, начиненного ядерным оружием.

Ельцина часто упрекают в том, что он сразу после августовских событий не распустил съезд, Верховный Совет и не назначил новые выборы. Причем его упрекают в этом люди добронамеренные, в том числе квалифицированные западные исследователи. Эту тему мы, естественно обсуждали многократно. Но, знаете, одно дело обсуждать эти вещи на лавочке, а другое — когда тебе надо принимать решения. Какие были конституционные основания распускать съезд? Никаких! А его поняли бы? Вот его только что поддержал Верховный Совет, съезд во время противостояния с ГКЧП, у него еще не распущен Советский Союз. И вдруг выходит Борис Николаевич и говорит: «А теперь, друзья мои, хотя я не имею на это никакого права, я вас отпускаю. У меня, правда, нет еще ни одного лояльного полка, который поддержал бы это решение, но я вас отпускаю». Верховный Совет и съезд сказали бы: «А не пошел бы ты куда-нибудь подальше». Это я точно знаю. Ну и что? — Мы получаем полный и окончательный бардак.

Именно поэтому Ельцин очень хотел новую конституцию. Для него в некотором смысле это было завершением периода смуты. Он хотел мирно к нему прийти и был готов на очень широкие компромиссы, но компромиссы ведь нужны с двух сторон. Собственно, один из наиболее вероятных и возможных компромиссов, который был практически согласован, больше того проголосован съездом и утвержден Ельциным, был достигнут в декабре 1992 г. Это произошло на так называемом конституционном совещании, которое вел нынешний председатель Конституционного суда Валерий Зорькин¹. Я не буду рассказывать о том, что предшествова-

¹ Зорькин Валерий Дмитриевич — юрист, председатель Конституционного суда РФ в 1991–1993 гг. и с 2003 г. по настоящее время. — *Прим. ред.*

ло этому совещанию. Я тогда представлял исполнительную власть, и во многом выработал формат соглашения.

Он был предельно простой. Вы хотите моей отставки? — Хорошо. Вы ее получите. Но при этом мы договариваемся о том, что будет подготовлен согласованный вариант новой конституции, который устранил из нее все нелепости старой. В этой работе будут принимать участие и Верховный Совет, и сторона президента. Либо нам удастся договориться о согласованном варианте — и тогда он будет вынесен на референдум, либо на референдум будут вынесены два варианта — президентский и Верховного Совета. Учитывая уровень поддержки президента и Верховного Совета, было ясно, какой вариант имеет стопроцентные шансы быть принятым. Причем, я вас уверяю (я знаком с деталями), что президентский вариант отнюдь не был бы тогда таким, каким был вынесен после октябрьских событий 1993 г.

Мы договорились, в Кремле проголосовали, а потом я, естественно, ушел в отставку. Позже депутаты, в лице Хасбулатова, сказали, что их черт попутал: они совершили ошибку, и ничего этого делать не надо, никакого референдума. После чего были заложены основы тех событий, которые произошли 3–4 октября 1993 года, которых Борис Николаевич очень хотел избежать.

Мы вышли из этого периода смуты. С тяжелыми экономическими, социальными, внешнеполитическими потерями, но база для того, чтобы дальше развиваться, была создана. А дальше была тяжелая дискуссия о том, что делать, когда период смуты завершен, когда Конституция принята и кризис двоевластия преодолен. Что делать? Именно сейчас начинать те реформы, которые мы не могли проводить в условиях двоевластия? (Многие из них были проведены потом, в том числе в начале 2000 г.) Или, наоборот, ничего не делать?

Моя позиция, я думаю, присутствующим понятна. Но была и другая позиция, суть которой состояла в том, что народ устал от реформ: «Сколько можно? Давайте, отдохнем, спокойно поработаем. Ну а потом, может быть, с течением времени вернемся к этому вопросу». Вторая позиция победила. Мы дорого за это заплатили. И это уже совсем другая история. Спасибо.

Вопрос: У нас цикл лекций в этом году открылся выступлением историка и политолога Андрея Зубова. Он, в частности, ставил во-

прос о том, нельзя ли было все-таки России тогда, в 1991 г., при распаде СССР, не объявлять себя продолжателем Советского Союза? Либо «переучредиться» заново, либо объявить себя продолжателем Российской империи. Насколько обдумывался этот вариант? Вроде бы у Бориса Николаевича в мемуарах есть слова об этом, но Вы, естественно, лучше знаете живой ход дискуссии.

Егор Гайдар: Вариант, в таком немножко абстрактном виде, обсуждался, но мы его практически сразу отклонили. Были очень важные практические проблемы, которые нам надо было решать. Первая и главная из них была судьба советского ядерного оружия. Это главное, что было у нас в голове во время Беловежских соглашений. С этой точки зрения, если бы мы пересмотрели отношение к происходившему в августе 1991 г., нам было бы гораздо труднее добиться решения той задачи, которого мы все-таки добились, хотя и тяжело — вытащить ядерное оружие из всех постсоветских государств, кроме России.

Вопрос: Ну и, видимо, Совет Безопасности?

Егор Гайдар: Естественно, Совет Безопасности, но это было производное.

Вопрос: Егор Тимурович, спасибо огромное. Очень короткий вопрос. Вы начали с Илларионова. Можно ссылку на текст, где он сказал, что рецессии не будет?

Егор Гайдар: Это его интервью, по-моему, 1 августа 2008 г. Л. Телень. В интернете Вы это найдете элементарно.

Вопрос: Хотелось бы услышать о проекции того опыта, о котором Вы говорили, на сегодняшний день.

Егор Гайдар: Проекция этого опыта на сегодняшний день, видимо, такая: не надо думать, что, завинчивая гайки в условиях ухудшившейся экономической ситуации, можно обеспечить политическую стабильность.

Вопрос: Егор Тимурович, как я понял, Ваш прогноз возможных смут состоит в следующем: из-за того, что кое-какие предприятия не обанкрочены, в дальнейшем можно ожидать социальных взрывов. Детонатором этого процесса могут стать несколько тысяч хорошо организованных лиц. В этой связи мне представляется, что вы не учли некоторые институты, которые действовали еще при царизме. Я слышал одно интересное воспоминание о Русско-японской войне. Однажды, когда на фронте сложилась тяжелая ситуация, ждали под-

крепления, а вместо этого приехало два вагона с иконами. Я, правда, не знаю результата (насколько это заменило патроны и снаряды), но такое действие было, и оно предполагало позитивный результат.

Не считаете ли Вы в связи с огромными усилиями, которые предпринимают первые лица государства по восстановлению религиозных институтов, что именно этот институт, а не налоговые органы, уговорит несколько тысяч людей, которые 4 ноября ходят маршами? Умиротворит тех людей, у которых не хватает хлеба и денег. И именно это укрепляет институты для будущего. Спасибо.

Егор Гайдар: Знаете, мне кажется, что выигрывать в Русско-японской войне так действительно невозможно.

Вопрос: Егор Тимурович, было, если я не ошибаюсь, три варианта приватизации, из которых выбрали польский вариант. Что явилось решающим доводом при выборе данного варианта? Ведь приватизация в Польше была по существу давно свершившимся фактом. Значительная часть собственности была приватизирована в советское время. В сельском хозяйстве, в строительстве был довольно большой удельный вес частной собственности и корпоративных предприятий. Можно ли было у нас этот опыт применять, если у нас традиция частного собственника была вытравлена, в отличие от Польши? Не было ли это опрочечиво?

Егор Гайдар: Во-первых, это просто неточно. Никогда у нас не было выбора в пользу польского варианта приватизации. Тем более что польская приватизация как раз во многом задохнулась. Кроме того, там действительно был частный сектор. Выбирать польский вариант было очень трудно, потому что не было никакого польского варианта. Реально обсуждалось, выбирать ли венгерский вариант приватизации, за что выступали я и Анатолий Борисович Чубайс, или выбирать, условно говоря, чехословацкий вариант. Нам с Анатолием Борисовичем чехословацкий вариант не нравился: у нас совершенно нет привычки народа к рынку, люди не понимают, что это за бумажки, и так далее.

К тому времени, как мы были назначены в правительство, чехословацкий вариант приватизации — «ваучерный» — был уже принят Верховным Советом и был весьма популярен. Политически продать идею легко: мы вам бесплатно даем бумагу, которую потом вы обмениваете на всенародную собственность. Мы долго обсуждали с Анатолием Борисовичем вопрос, что нам делать

в этой ситуации. У нас не было шансов провести через Верховный Совет закон о нормальной, прозрачной, денежной приватизации. Было ровно 0% шансов.

А что мы могли сделать? Мы могли заблокировать практическое воплощение в жизнь уже принятого закона о ваучерной приватизации. Мы дня три с ним просидели, размышляя на эту тему. Параллельно шел процесс «серой» приватизации красными директорами через аренду. Было ясно, что если мы еще долго будем сидеть, то все надо отдать красным директорам. Тем более что опросы общественного мнения показывали — рабочие и так считают, что директора и есть собственники их предприятий. Поэтому после длинных дискуссий мы все-таки решили — черт с ним! Будем приватизировать по этому закону. По крайней мере у нас появится торгуемая собственность, рынок прав собственности. И раньше или позже, если мы не наделаем фатальных ошибок, собственность во многом перейдет в руки тех, кто лучше всех ею распоряжается. Вот такое решение.

Вопрос: *Я могу пояснить, откуда возник вопрос о польском варианте. Из интервью с Альфредом Кохом¹. Он просто упоминал, что была опасность, которую видели по Польше, что потихонечку, без активной приватизации, все будет переходить к красным директорам. Вот, собственно, о чем шла речь.*

Егор Гайдар: Я понял, что имел в виду Алик. Не то, что был сознательно обозначенный вариант польской приватизации. Это вопрос о том, что на самом деле потом случилось в Польше.

Вопрос: Анатолий Борисович как-то рассказывал в одном из интервью, что якобы уже был разработан вариант, но внесли и рассматривались оба варианта — и с Вашей стороны, и со стороны Верховного Совета. То есть возникают разночтения. Все-таки вариант был принят или был принят только закон?

Егор Гайдар: Конечно, был принят закон.

Вопрос: *Егор Тимурович, я этот вопрос 17 лет носил в своем кармане и хотел его задать либо Вам, либо Чубайсу. Значит, Вам повезло больше. В варианте приватизации было два ограничивающих условия. Первое условие — приватизировалось 40% госу-*

¹ Кох Альфред Рейнгольдovich — российский государственный деятель. В 1990-х гг. был председателем Госкомимущества России (1996–1997) и заместителем председателя правительства Российской Федерации. — Прим. ред.

дарственной собственности, второе — ваучеры имеют хождение в течение полутора лет. Зачем нужны были два ограничивающих условия, когда с помощью одного достигалась цель, которую Вы преследовали? Достаточно было приватизировать 40% госсобственности в течение полутора лет, а ваучеры сделать ходячими 25, а может быть, и 50 лет. То есть, грубо говоря, вы же свое политическое будущее этим похоронили. Допустим, те 40% собственности были бы приватизированы за 75 млн ваучеров, а не за 150 млн. Осталось бы еще 75 миллионов. Ну, ввели бы правило, что вся оставшаяся госсобственность приватизируется наполовину за деньги, наполовину за ваучеры. Сегодня, может быть, ваучер действительно стоил бы «Волгу», через 10 лет он бы, может быть, стоил «Мерседес». И Ваше политическое будущее, и будущее Анатолия Борисовича было бы перспективным.

Егор Гайдар: Я в данном случае вынужден переадресовать Ваш вопрос Анатолию Борисовичу.

Вопрос: *Добрый вечер, Егор Тимурович. Позволительно ли будет задать вопрос исходя не только из услышанного сегодня, но и из прочитанного в Вашей книге?*

Егор Гайдар: Конечно.

Вопрос: *В книге Вы пишете, что смута — социальная болезнь. Отличие смуты от революции заключается в том, что смута не приводит к смене институтов, а революция к таковой смене приводит. Относительно гражданской войны там несколько фраз, которые не очень проясняют вашу позицию. А сегодня я услышал, что мы вышли, наконец, из периода смуты. Я как историк не разделяю того, что Вы написали о смуте рубежа XVI–XVII вв. Но все-таки, из чего мы вышли: из смуты или из революции?*

И либерализация цен. Мы предотвратили гражданскую войну — и, соответственно, ничего больше не будет? Или смута все-таки продолжается? А тот вариант приватизации, который был избран, может ли он стать источником революции?

Егор Гайдар: Для меня революция — это подтип смут. Смута — это всегда крах институтов прошлого режима. Революция — слово, очень разнообразно используемое в странах. Когда говорят о революции американцы, англичане, французы или мы, то имеют в виду разные вещи. Но в любом варианте ясно, что революция, так же, как и смута, — это когда рушатся институты предшеству-

ющего режима. В этой связи, при всем различии смут и революций, у них есть общие характерные черты, о чем я пытаюсь писать.

Мы вышли из периода смуты, как мы вышли из периода смуты в 1922 г. Когда мы приняли новую советскую конституцию, стабилизировали денежную систему, финансовую систему, то есть может быть, мне этот режим крайне не нравился, но он перестал быть режимом смуты. С этой точки зрения мы сейчас тоже вышли из периода смуты. Я хочу подчеркнуть, что мне не обязательно может нравиться нынешний режим. Но его проблемы — это не проблемы смуты.

Значит ли это, что мы не столкнемся с новой смутой? Нет, ни в коей степени не значит. В книжке я написал, что не хочу, чтобы мы столкнулись с периодом новой смуты.

Вопрос: *Егор Тимурович, еще одно. Вы характеризуете смуту как социальную болезнь. Поговорим о классической смуте. Русская историческая наука дает примерно такое определение смуты: «Смута — это поражение больного государственного организма, которое вызвано всем ходом предшествующей истории. Она порождает те противоречия, которые обычным, мирным, путем решить нельзя». Как Вам кажется, какое из этих определений перспективнее? Смута — это действительно болезнь? Вот, например, смута XVII век. Предыдущий организм здоров? Время Ивана Грозного — это время здорового организма?*

Егор Гайдар: Знаете, общепринятого определения смуты, как и общепринятого определения революции не существует. Поэтому мы употребляем эти слова достаточно условно. Для меня вопрос о том, был ли здоров организм при Иване IV, конечно, интересен, и ясно, что он был совершенно нездоров, но что является причиной,— это вопрос, подлежащий серьезному обсуждению. Чаще всего смуты связаны с экономическими невзгодами. Скажем, обложением крестьянства при Иване IV, неурожаями при Борисе Годунове. Смута французская, конечно, была связана с неурожаями 1788 г., как и с тем, что аристократия была поразительно косной и не готовой идти на компромисс. Причины бывают разнообразными. Но я постарался здесь вообще не входить в обсуждение этой тематики, которая бесконечна и отдельна. Я обсуждаю вопрос о том, что происходит с обществом, когда крах существующего режима становится реальностью. Почему смута стала реальностью, пусть об этом кто-нибудь другой напишет.

Вопрос: *В одном из интервью радиостанции «Эхо Москвы» Вы сказали, что, если бы вернулись в 1992 год, Вы бы исправили множество технических деталей. Например, Вы бы осуществили либерализацию цен на нефтепродукты не летом 1992 г., а в январе. Какие еще технические детали Вы можете назвать?*

Егор Гайдар: Конечно, то, как мы либерализовали внешне-экономическую деятельность. Мы в январе ввели очень сложную, запутанную систему регулирования внешнеэкономической деятельности. На это были свои основания, но потом мы вынуждены были менять систему: она была очень неудобной для практического применения.

Вопрос: *Егор Тимурович, спасибо Вам за лекцию, хотя, честно говоря, значительно интереснее было бы послушать Ваш прогноз о том, что нас ждет. Получилось так, что к 1991 г. все разрушилось: народ на грани голода, страна на грани войны. Ваша команда вся в белом и пытается что-то делать. Вы не воспринимаетесь как экономист, Вы воспринимаетесь как символ, политик, идеолог, гуру, который получил в 1991 г. реальную власть в стране, которая хотела демократии, либерализации, каких-то свобод. Но через полтора года большинство этих людей хотели уже Сталина, Берия и так далее. Поэтому прогноз Ваш был бы интересен, даже безотносительно к тому, насколько он будет проработан. Он идеологически интересен.*

Егор Гайдар: Насчет того, что население думало через полтора года. Я напомним, о чем оно думало через один год и четыре месяца, когда население спросили, одобряет ли оно экономическую политику, которую проводило правительство начиная со 2 января 1992 г.? Вопрос был абсолютно издевательским, потому что Верховный Совет был стопроцентно убежден, что население экономических мер не одобряет. 52% российского населения, которое к тому времени еще не забыло реалии позднего Советского Союза, сказала, что одобряет. Вам не нравится ответ российского народа по этому поводу?

Теперь небольшой комментарий по поводу прогноза. Кризис нынешний — очень тяжелый и необычный по своей природе. Просто потому, что он происходит в меняющемся мире: в мире, где отсутствуют золотовалютные стандарты, где нет фиксированных валютных курсов, где открытые потоки капитала. Эти кризисы еще очень плохо понимают и мало умеют прогнозировать. Ска-

жем, в 1990-х гг. очень квалифицированная экономическая команда в администрации Клинтона и в Международном валютном фонде проспала кризис 1994 г. и кризис 1998 г. Не потому, что они не хотели или были неквалифицированными специалистами, но просто потому, что было сложно. Мало точек для опоры.

Сейчас идет дискуссия по двум вопросам, и у нас, и в мире. Это будет короткий кризис или длинный? Я сам думал об этом, читал много литературы, обсуждал эту тематику с экономистами, которым я доверяю. Наше общее мнение такое: мы не знаем. А если мы не знаем, надо исходить из худших гипотез и проводить очень осторожную денежную и финансовую политику.

Вопрос: *Оцените, пожалуйста с точки зрения институтов что нужно реформировать. Вы сказали о реформе институтов базисных, институтов макроуровня. А вот об институтах микроуровня, о корпоративном секторе, что Вы можете сказать? Какое направление дальнейших реформ ему требуется? Как вы оцениваете его нынешние качества, в частности сегмент крупных конгломератов и сегмент госкорпораций? Оправдан ли он?*

Егор Гайдар: По поводу сегмента госкорпораций я согласен с мнением нашего президента, которое он высказал некоторое время тому назад. Для меня нет никаких подтверждений (из того, что я знаю), что этот сегмент эффективен. Можно по-разному относиться к тому, как была проведена приватизация, но до того, как она была проведена, у нас добыча нефти регулярно и резко падала. Это факт. То, что после ее проведения добыча нефти начала быстро расти — это тоже факт. Когда мы начали национализировать нефтяную промышленность, она расти перестала — это тоже факт. Это мой ответ на вопрос о госкорпорациях.

Что касается корпоративного сектора, там главные проблемы — улучшение качества корпоративного управления и то, чтобы корпорациям не мешали их реструктурировать, не политизировали микроэкономику. Если вы имеете крупную корпорацию, дайте ей быть эффективной. Вы имеете десять алюминиевых заводов, пять из них заведомо неэффективны. Вам нужно сосредоточить производство на пяти эффективных заводах. Так вот, если вам говорят, что по каким-то политическим мотивам этого делать нельзя, то раньше или позже вы закроете все десять.

Егор Тимурович Гайдар
Собрание сочинений в пятнадцати томах
Том 14

Главный редактор *В.В. Анашвили*
Выпускающий редактор *Е.В. Попова*
Редактор *О.В. Черкасова*
Художник *В.П. Коршунов*
Оригинал-макет *О.З. Элоев*
Компьютерная верстка *Н.А. Кильдишева*

Подписано в печать 24.10.16. Формат 70×100/16.
Гарнитура «ПТ Сериф Про». Усл. печ. л. 62,4.
Тираж 3000 экз. Изд. № 315. Заказ №
Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119 571, Москва, пр-т Вернадского, 82

Коммерческий центр
тел.: (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
delo@rane.ru
www.ranepa.ru

I S E N 978-5-7749-1183-7



9 785774 911837